Ll 69/138 II

169
138

УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Іоасафа Игнатьевича **ЖЕЛѢЗНОВА.**

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,
съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей,
подъ редакціей **Н. А. Бородина.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1910.

УРАЛЬЦЫ.

„Вы хотите, чтобы казакъ былъ и смиренъ какъ овечка и силенъ какъ левъ. Эти два качества не совмѣстимы. Стало быть, ваше хотѣнье останется хотѣньемъ...“

„На родинѣ, у домашняго очага, среди родительскихъ преданій и обычаевъ, въ сферѣ хозяйственныхъ занятій, казакъ не долженъ быть стѣсняемъ ни мундиромъ, ни вытяжкой рукъ по швамъ и т. п. вещами и учрежденіями, полезными и разумными въ казармахъ и въ лагерѣ, но вредными и не имѣющими смысла въ обществѣ...“

„Я, если разбирать меня съ общей точки зрѣнія,—гуманистъ, но коснись дѣло до интересовъ казаковъ, я—эгоистъ. Я и днемъ, и ночью, и на яву, и во снѣ желаю, чтобы казакъ имѣлъ не только необходимое, но и лишнее. Киргизъ же для меня—созданіе совершенно постороннее...“

(Отрывки изъ оставшихся послѣ смерти І. П. Желѣзнова рукописныхъ замѣтокъ).

Публ. и Румянцовский музей

Д/69
К/138.

УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА

УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Іосафа Игнатьевича

ЖЕЛѢЗНОВА.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,

съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей

подъ редакціей **Н. А. Бородина.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1910.

2007041230

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

стр.

I. Василій Струняшевъ 1

II. Маринкинъ городокъ 213

III. Отчего сайгаки покинули Уралъ? 289

IV. Мысли казака о казачествѣ 299

V. Критическая статья на „Исторію Пугачевскаго бунта“, соч. А. С. Пушкина 315

VI. Критическія и другія мелкія статьи:

Нѣсколько замѣчаній уральскаго казака по поводу статей П. И. Небольсина объ уральскихъ казакахъ . 347

Киргизоманія и дополнительная замѣтка къ этой статьѣ 417

Рецензія на соч. Данилевскаго „Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи“ (1860 г., т. III). . 429

Грамотность и народныя библіотеки на Уралѣ . . 433

По поводу упраздненія казачьяго полка въ Москвѣ. 442

I.

ВАСИЛІЙ СТРУНЯШЕВЪ.

I.

Какъ теперь смотрю на сѣдого и согбеннаго старика, тихо и молча расхаживающаго по набережной Гурьева-городка и безпрестанно смотрящаго за Уралъ, въ ту сторону, гдѣ течетъ р. Соколокъ *), берега которой, въ былое время, часто оглашались боевыми криками и обагрялись кровью казаковъ и лютыхъ враговъ ихъ киргизовъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ этотъ старикъ, прошло ужъ болѣе пятнадцати лѣтъ, но степенный и грозный видъ его рѣзко напечатлѣлся въ моей памяти, и я никогда не забуду храбраго и безстрашнаго Василья Ивановича Струняшева, истаго казака уральскаго. Въ послѣднее время, какъ я узналъ его, ему было уже за восемьдесятъ лѣтъ,—но старость, изможднвъ тѣло, согнувъ въ дугу станъ, нѣкогда стройный и высокій, пощадила, однако жъ, его память и не совсѣмъ уничтожила блескъ глазъ его, которые иногда свѣтились, какъ у юноши. Страненъ и причудливъ былъ характеръ Струняшева. Всѣ, знавшіе или видѣвшіе его, согласятся со мной: а кто изъ гурьевцевъ не зналъ старика Струняшева, который со всѣми былъ какъ свой, какъ родной? Иногда онъ былъ молчаливъ, угрюмъ, строгъ и дикъ, какъ медвѣдь, иногда же говорливъ, безпеченъ не по лѣтамъ и веселъ какъ дитя.

---

*) Соколокъ—рукавъ Урала съ лѣвой стороны. Онъ отдѣляется отъ него противу Кандауровскаго форпоста, въ тридцати верстахъ отъ взморья.

Бывало, опершись на посохъ, Струняшевъ по цѣлымъ часамъ, какъ истуканъ, стоялъ на одномъ мѣстѣ и не сводилъ глазъ съ киргизской степи—свидѣтельницы его геройскихъ подвиговъ, его романическихъ приключеній,—свидѣтельницы смерти родного его брата, который, въ борьбѣ съ киргизами, сложилъ свои кости непогребенными на чужбинѣ. Воспоминаніе о братѣ, погибшемъ за него же, какъ увидимъ ниже, сильно тревожило старика и не разъ заставляло его вытирать рукавомъ халата слезы, какъ бы невольно катившіяся по впалымъ его щекамъ и бѣлой, какъ лунь, бородѣ.—Вотъ въ эти-то минуты Струняшевъ былъ неприступенъ, звѣремъ смотрѣлъ въ землю, а ежели случалось изрѣдка взглянуть на людей, то не иначе, какъ изъ-подлобья,—никому не отвѣчалъ на вопросы, хотя бы заговорилъ съ нимъ самъ отецъ Кипріянъ, всѣми уважаемый гурьевскій священникъ;—даже, пришедъ домой, онъ не удостаивалъ ни однимъ словомъ молодую казачку, которая ухаживала за нимъ, какъ за роднымъ дѣдомъ, и которую онъ любилъ, какъ родную внучку. Эта казачка была вовсе чужая Струняшеву, но онъ любилъ ее больше родного дѣтища, больше всего на свѣтѣ. И не диво: она была внучка его невѣсты, его ненаглядной Дапи, на которой не суждено было ему жениться, но которую онъ не оставлялъ любить и за гробомъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Наконецъ время печали, время тоски и кручины минуется, взоръ Струняшева просвѣтляется, языкъ развязывается, и старикъ дѣлается молодцомъ, такимъ удалымъ, безпечнымъ и веселымъ казакомъ, какимъ онъ былъ смолоду, лѣтъ за пятьдесятъ назадъ. Въ эти счастливыя минуты можно увидѣть Струняшева въ кругу молодыхъ казаковъ, и на веселомъ пиру свадебномъ, и даже въ дѣвичьихъ хороводахъ,—словомъ, вездѣ, гдѣ гуляетъ и веселится безпечное казачество. Вездѣ, какъ говорится, Струняшевъ былъ на своемъ мѣстѣ. Молодымъ казакамъ онъ разсказывалъ про былое бранное время, про наѣзды хищныхъ киргизовъ, про жаркія дѣла, въ которыхъ храбрые уральцы громили вра-

говъ своихъ, научалъ молодежь, какъ ловчѣе бить непріятеля пикою, какъ удачнѣе и вѣрнѣе стрѣлять изъ винтовки, и пр., и пр. Въ бесѣдѣ съ людьми пожилыми онъ трактовалъ о хозяйствѣ, о рыболовствѣ, о семъ, о томъ, и, странное дѣло— самъ онъ подъ конецъ жизни не имѣлъ, какъ говорится, ни кола, ни двора, а рѣчи его о хозяйствѣ были такъ складны, такъ основательны, такъ справедливы, что никто не смѣлъ имъ не вѣрить.—Не отставалъ онъ и отъ пировъ и вечеровъ разгульныхъ, гдѣ всегда принимали его радушно, усаживали на первое почетное мѣсто. Тутъ онъ, хотя и не пилъ ни водки, ни вина, а былъ, такъ сказать, душою собранья; веселымъ шуткамъ и разнообразнымъ побасенкамъ, [illegible]умѣется, всегда насчетъ мужей-простофиль и женъ-хи[illegible] лисицъ, не было конца, и всѣ смѣялись до слезъ.

Посѣщая дѣвичьи хороводы, старикъ Струняшевъ и въ нихъ принималъ, хотя не прямое, но за всѣмъ тѣмъ не послѣднее участіе. Несмотря на преклонныя лѣта и сѣдые волосы Струняшева, присутствіе его въ хороводахъ никому не было въ тягость, а напротивъ, давало поводъ къ разнымъ шуткамъ и остротамъ насчетъ стараго холостяка.—Струняшевъ, какъ рыцарь, не былъ женатъ; въ томъ помѣшали ему, какъ самъ онъ говорилъ, судьба да поганые бусурманы.—Бывало, какая-нибудь в о с т р о г л а з а я, какъ называлъ Струняшевъ всѣхъ вообще дѣвушекъ, подбѣжитъ къ нему, схватитъ его за руку и, заливаясь дѣтскимъ смѣхомъ, скажетъ:

— Дѣдушка, хорошенькій! давай рябымъ (въ горѣлки) играть; будь моей парочкой.

— Спасибо, востроглазая, — отвѣчалъ Струняшевъ.— Радъ бы душой, да не могу, видитъ Богъ — не могу!

— Отчего не можешь, дѣдушка пригоженькій?

— Невѣста увидитъ, моя кралечка, и крѣпко пожуритъ меня за это.

— А гдѣ твоя невѣста?

— Тамъ, голубушка,—скажетъ съ непритворною грустью Струняшевъ и укажетъ посохомъ или на небо, или въ

поле за городъ, гдѣ возвышаются слюдовые холмы, осѣненные крестами и надгробными памятниками.

— Какъ же быть-то мнѣ, дѣдушка? — опять заговорить плутовка, съ видомъ притворнаго горя. — Вѣдь я тебя больно люблю.

— И хорошо дѣлаешь, моя куропаточка, моя сѣренькая жаворонночка, — отвѣчаетъ Струняшевъ. — Если ты полюбишь, то и тебя полюбятъ.

— Кто жъ меня полюбитъ?

— А вотъ, сказать примѣромъ, хоть онъ.

Съ послѣднимъ словомъ Струняшевъ укажетъ на одного изъ казачатъ, но укажетъ такъ мѣтко, что дѣвушка, дотолѣ съ нимъ шутившая, вспыхнетъ, какъ пламя, зарумянится, какъ заря утренняя, и убѣжитъ въ хороводъ, проговоря сквозь зубы: „ахъ, онъ старый хрѣнъ! какъ онъ все знаетъ?“

Но такое житье-бытье, по словамъ самого Струняшева, было не житье для него, а что-то въ родѣ того.—На вопросъ: какъ поживаешь? Струняшевъ, бывало, съ грустію отвѣчаетъ: „да никакъ, право слово, никакъ, вѣдь я давно ужъ не живу; все хорошее прожилъ, а теперь, видно, за грѣхи мои, просто-на-просто не живу, а коротаю свой горькій вѣкъ.—А вотъ,—присовокупляетъ старикъ,—если случится когда какая завороха, сирѣчь тревога, походъ на киргизовъ, — ну, тогда дѣло иное,—тогда я словно перерождаюсь, молодѣю, лѣтъ тридцать съ плечъ стряхиваю. Да что объ этомъ говорить?—заключаетъ старикъ. — Это случается рѣдко.—Нынѣ времена не такія, орда поганая присмирѣла,— „Джанкъ-Урусъ *) не свой братъ“.

Дѣйствительно, случись тревога по поводу какого-нибудь киргизскаго набѣга, Струняшевъ первый явится на сборное мѣсто, но, къ сожалѣнію, не на конѣ и не съ копьемъ, какъ въ прежнее время, а пѣшкомъ и съ клюкой въ рукѣ. Старость и дряхлость, убивъ силы, лишили его истиннаго, ни-

---

*) Джанкъ-урусъ по-киргизски значитъ: уральскій, т. е. яицкій казакъ. У киргизовъ уральцы до сихъ поръ называются этимъ именемъ.

чѣмъ незамѣнимаго удовольствія—сразиться съ киргизами и отмстить имъ за всѣ утраты, которыя онъ понесъ чрезъ ихъ хищничество,—отмстить за смерть брата, тѣнь котораго, кажется, всегда была предъ его глазами. Пади братъ его въ открытой битвѣ, онъ бы и „охъ" не сказалъ. Но братъ его погибъ измѣнническки отъ рукъ басурмановъ, и потому Струняшевъ во всю жизнь питалъ величайшую ненависть къ киргизамъ, и на каждомъ шагу старался вредить имъ.

Вотъ раздался по городу звукъ колокола, возвѣщающій сборъ казаковъ для ратнаго дѣла. Одинъ за однимъ съѣзжаются казаки на площадь передъ домомъ гурьевскаго атамана. Наконецъ собрались всѣ, но съ мѣста не трогаются. Подумаешь, что не готовъ еще атаманъ или не всѣ собрались казаки, но атаманъ давно уже стоитъ на крыльцѣ въ полномъ вооруженіи, и туркменскій аргамакъ его роетъ отъ нетерпѣнія копытомъ землю; казаки всѣ въ строю. Что же за причина такой медленности, когда каждый часъ, каждая минута дороги? Извѣстно что: Струняшевъ не смотрѣлъ еще отряда. Вотъ онъ ходитъ по рядамъ казаковъ, осматриваетъ ихъ вооруженіе, а главное коней. Въ это время, съ клюкой въ рукѣ вмѣсто жезла, Струняшевъ—истый фельдмаршалъ. Такъ ввѣрились въ Струняшева, что ни одна казачья партія не выѣдетъ изъ Гурьева, чтобы не осмотрѣлъ ее Струняшевъ.

— У тебя, Миша,—скажетъ онъ одному изъ казаковъ,—конь не годится: перемѣни его.

— Помилуй, дѣдушка!—возразитъ ему казакъ.—Какъ не годится? Ты развѣ не видишь, мой конь земли подъ собой не чуетъ, такъ и рвется впередъ, всѣ руки я надсадилъ, а все-таки усмирить его не могу.

— Это-то и скверно, голубчикъ, что конь твой земли подъ собой не чуетъ. Онъ больно жиренъ, давно нѣзженъ, оттого-то слишкомъ и горячится. Ужъ ты послушай меня, старина, перемѣни коня: онъ на пятой веретѣ подъ тобой задохнется,—я вижу это по глазамъ его. Завтра на немъ хоть въ Хиву жарь—выдюжитъ, а теперь не годится.

— Гриша! — говорилъ Струняшевъ другому казаку: — кто тебѣ коня-то сѣдлалъ и сумки-то приторачивалъ?

— Кто!—отвѣчаетъ отчасти обидчивымъ, отчасти покорнымъ тономъ Гриша,—извѣстно кто: самъ я, а не жена.

— Вотъ то-то и дурно,—говоритъ Струняшевъ, что не жена: она бы получше твоего, глядишь, сдѣлала. Что выпучилъ глаза-то на меня? Ты не на меня, а на себя взгляни хорошенько, такъ и узнаешь, что я говорю правду. Вонъ подпруга-то какъ далеко назадъ подалась; этакъ не годится. Лошадь, какъ почуетъ щекотку, какъ разъ собьетъ съ козла: тогда ни за денежку пропадешь. А сумки-то, сумки-то какъ привязаны, просто курамъ на смѣхъ... Эхъ, молодецъ, молодецъ! да этакъ бабы не привяжутъ. Смотри: одна сумка длиннѣй другой, она вѣдь перетянетъ сѣдло на бокъ, и спину у лошади испортитъ; тогда пойдешь, добрый молодецъ, пѣшкомъ въ чистомъ полѣ гулять, и сѣдло въ рукахъ носить.

— У тебя, Сысой, погонъ ружейный тонокъ,—примолвитъ Струняшевъ третьему.—Чего добраго: на скаку, да еще на грѣхъ въ дѣлѣ, пожалуй, онъ оборвется; тогда прощай винтовка, —не только басурмана поразить, а и себя защитить нечѣмъ будетъ. Подкрѣпи хоть веревкой погонъ-то.

А ты что, Тимоха, распустилъ стремена-то? Вишь они у тебя почесть до земли мотаются. Гдѣ ты высмотрѣлъ, грѣховодникъ, такую моду? Кажись, въ Питерѣ или въ Москвѣ не служилъ, слѣдовательно, кавалеріи не видалъ, а ѣздишь истымъ гусарикомъ, право слово, гусарикомъ.—Нѣтъ, нѣтъ, это не годится, это пойдетъ нашему брату казаку; негоже вытягивать ногу, а нужно больше сгибать, чтобы крѣпче сидѣть на сѣдлѣ.—Убавь и утлища, вотъ такъ; ну, хорошо.— Вотъ теперь хоть не красиво, да зато здорово. Теперь тебя изъ пушки ядромъ не свалишь съ лошади, а давеча стоило только ткнуть въ бокъ камышинкой, такъ полетѣлъ бы вверхъ тормашкой.

— Ну, слава Богу, кажись, все исправно,—заключаетъ Струняшевъ, когда отрядъ готовъ тронуться съ мѣста.—Ахъ,

постойте, постойте, атаманы молодцы! Вонъ, кто это между вами, тамъ въ заднемъ ряду?—Что это за богатырь такой? Что это за чудо-юдо? Э!!!! да это ты, Кузёмушка, ненаглядное мое сокровище, красное ты солнышко, сосновое ты яблочко! Молодецъ, молодецъ, нечаянно сказать, молодецъ! Удралъ же ты штуку, индо курамъ на смѣхъ. Угораздилъ же тебя лукавый напялить на себя семьдесятъ-семь съ половиною халатовъ. И мать родная не скоро узнаетъ тебя, соколика, въ этомъ уборѣ. А киргизы—что думаешь? Да киргизы, какъ увидятъ тебя, ухъ! такъ и повалятся со страху. Страшно взглянуть на тебя, Кузинька. Раздулся ты, какъ сороковая бочка, сидишь на сѣдлѣ копна-копной, гора-горой, словно Лукоперъ-Богатырь, что голова была съ пивной котелъ. Думаешь, это хорошо. Нѣтъ, дружокъ, скверно! Такъ одѣваться можно только тогда, когда, Богъ дастъ, поѣдешь къ тещѣ въ гости; а ежели ѣхать на поле ратное, на побоище смертное, такъ нужно ѣхать на-легкѣ. Ничего не видя, потъ градомъ съ тебя катитъ, а какъ придется до дѣла, такъ ты совсѣмъ задохнешься. Долой, пострѣлъ, съ коня! сбрось съ себя всѣ халаты, будетъ съ тебя и одного; ежели на первыхъ порахъ и прохватитъ морозцемъ, зато въ дѣлѣ согрѣешься.

— Вотъ такъ, хорошо,—прибавляетъ Струпяшевъ.—Ну, съ Богомъ, соколики, въ походъ. Да смотрите, зря, на вѣтеръ не стрѣляйте, особенно съ коней, а работайте больше пикой. Если случится быть вамъ въ осадѣ, чего избави Боже, тогда, не торопясь, по очереди, припадайте на-ра́жки и повѣрнѣе жарьте изъ винтовокъ по басурманамъ, чтобы ни одна пуля не пропадала даромъ. Но какъ сами пойдете на сломъ (въ атаку),—такъ тутъ пика родимушка, пика голубушка должна быть въ дѣлѣ. Слышите: пика, пика! она не чета пулѣ-дурѣ,—она, мое сердценько, не солжетъ!—Отъ нея у меня нетокма-что киргизъ, да и французъ не отвертывался.

Эхъ-ма! старость, старость! Откуда ты взялась, не прошенная, не званная гостья? Если бы не ты, полетѣлъ бы я туда же, за ними, моими ясными соколами... Эхъ-ма! старость, старость! приковала мои рѣзвы ноженьки къ сырой

землѣ, отняла сплушку въ рукахъ, сдѣлала добраго молодца бабой...

Такъ всегда говорилъ Струняшевъ, когда провожалъ гурьевскихъ казаковъ въ походъ.

Ѳиногей Котовъ, гурьевскій казакъ, человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, ученикъ Струняшева по ружейной охотѣ, пять лѣтъ тому назадъ, замѣтимъ кстати, сложившій голову свою въ Каспійскомъ морѣ на аханномъ рыболовствѣ, часто разсказывалъ мнѣ, когда мы съ нимъ бродили на охотѣ по гурьевскимъ камышамъ, про жизнь и приключенія Струняшева. Удержавъ въ памяти разнообразные разсказы Котова, я соединилъ ихъ въ одинъ и составилъ слѣдующую, основанную на истинныхъ событіяхъ быль.

II.

Въ 1770-хъ годахъ, въ началѣ зимы, около Рождества, замѣтно было въ Гурьевѣ-городкѣ сильное движеніе и шумная суета. Народъ, какъ на ярмаркѣ, толпами ходилъ изъ дома въ домъ и собирался въ круги на площади и на улицахъ. Ясно было, что въ Гурьевѣ, дотолѣ скромномъ и тихомъ городкѣ, происходило что-то необыкновенное.—Но что за причина такой суматохи, такой бѣготни и такихъ сходбищъ круговыхъ? Нельзя было сразу отгадать. Будь это въ наше время, можно бы навѣрное заключить, что или въ Гурьевѣ ярмарка, или гурьевцы собираются на аханное рыболовство; но тогда ярмарокъ въ Гурьевѣ не бывало, тогда гурьевцы не знали и аханнаго рыболовства, тогда родной Яикушка Горынычъ былъ биткомъ набитъ осетрами и бѣлугами, не какъ въ наше плохое время; слѣдовательно, не за чѣмъ было тогда ѣздить въ море, когда благодать Божья подъ руками.

Можетъ быть, собиралась и снаряжалась партія казаковъ въ поиски за хищными киргизами, всегданними своими врагами, которые, въ описываемую мной эпоху, дѣлали частые

набѣги на линію, угоняя скотъ и полоня людей? Но въ домѣ и около дома гурьевскаго атамана царствовала тишина, чего никакъ бы не могло быть, если бы собирались казаки въ походъ. Притомъ еще, волненіе въ Гурьевѣ продолжается вотъ уже около недѣли, а на то, чтобы собраться и соколами полетѣть въ погоню за басурманами, казакамъ довольно нѣсколькихъ минутъ; бывало, лишь только пріударятъ въ городѣ въ церковный колоколъ, а въ крѣпостяхъ и форпостахъ, гдѣ нѣтъ церквей, проскачетъ по улицѣ съ трещоткой казакъ—такъ въ нѣсколько мгновеній орлами слетятся удалые казаки на сборное мѣсто, къ дому начальника.

Можетъ быть, богатый казакъ женитъ сына или выдаетъ замужъ дочь и потому, въ избыткѣ радости, даетъ пиръ на весь міръ?—Но въ то время былъ постъ, а въ посты, извѣстно, свадебныхъ пировъ у православныхъ не бываетъ.

Можетъ быть, пришелъ указъ царскій, призывающій сыновъ Урала (въ то время Яика), въ армію, на полевую службу, послужить Матушкѣ-Царицѣ и святой Руси?—Не видно и этого, потому что женскій полъ спокоенъ, веселъ, беззаботенъ, тогда какъ при сборѣ казаковъ въ дальніе, продолжительные походы женщины плачутъ, рыдаютъ, у р е в о н е с у т ъ, какъ говорятъ казаки.

То не то, это не то, да что же наконецъ? А вотъ посмотримъ попристальнѣе, авось догадаемся, отчего такъ расходились, расшевелились гурьевцы. Пусть они только пріутихнутъ, разбредутся по домамъ, тогда, на просторѣ, лучше разрѣшимъ задачу.

Наконецъ настали сумерки, и городъ пріутихъ. Въ одномъ изъ узкихъ переулковъ, къ воротамъ небольшого сосноваго домика, съ выкрашенными зеленой краской ставнями, подошелъ хромой, бѣдно одѣтый, пожилыхъ лѣтъ киргизъ и постучался въ калитку. Вскорѣ калитка отворилась и на улицу вышелъ молодой, щегольски одѣтый казакъ. На немъ, поверхъ короткаго синяго бешмета, былъ накинутъ изъ черныхъ жеребячьихъ шкуръ ярлакъ, родъ длиннаго и широкаго тулупа шерстью вверхъ; на головѣ надѣта остроко-

нечная изъ малиноваго сукна шапка, опушенная по краямъ порѣшной, съ золотою наверху кистью. Высокіе каблуки красныхъ сафьянныхъ, съ загнутыми кверху носками, сапоговъ были подбиты мѣдными скобками, а на подошвахъ, подъ самыми каблуками, звенѣли, подобно шпорамъ, серебряныя кольца. Но щеголеватость костюма довершалась и больше всего выказывалась золотой съ блестками и бирюзой серьгой, болтавшейся, по обычаю того времени, въ правомъ ухѣ казака. По богатой, роскошной одеждѣ и по свѣжести румянаго лица, видно было, что казакъ не знакомъ ни съ нуждой и ни съ бѣдностью.

— Что тебѣ, Каракузька, надо?—спросилъ казакъ киргиза.

— Да что, хозяинъ, надо,—отвѣчалъ киргизъ:—самъ знаешь, что надо. Вчерашніе хивинцы заприступались ко мнѣ, обѣщаются подарить мнѣ халатъ полушелковый, лишь бы я уговорилъ тебя ѣхать въ Астрахань съ ихнимъ караваномъ. А ужъ тебѣ-то чего не дадутъ: все дадутъ, что ни запросишь, только согласись, да поѣзжай; право, поѣзжай, вѣдь для тебя это плевое дѣло.

— Я сказалъ хивинцамъ, что не поѣду, стало быть и толковать объ этомъ нечего,—проговорилъ съ нетерпѣніемъ казакъ и хотѣлъ-было уйти на дворъ. Но киргизъ, ухвативъ его за полу одежды, сказалъ:

— Постой, постой, хозяинъ! Не торопись, выслушай меня хорошенько, а тамъ дѣлай, что хочешь.

Казакъ неохотно остановился и присѣлъ на лавку, около воротъ, а киргизъ опустился противу него на землю. Чрезъ минуту киргизъ продолжалъ:

- Вотъ, видишь, хозяинъ, въ чемъ дѣло. Одинъ изъ хивинскихъ караванов, что пришелъ сюда съ недѣлю, хочетъ непремѣнно, во что бы то ни стало, отправиться въ Астрахань на саняхъ, льдомъ по морю.—Многіе хивинцы изъ этого каравана подрядили ужъ гурьевцевъ везти туда свои товары, да тѣ, кто взялся за это дѣло, неохотно что-то ѣдутъ; даже нѣкоторые поговариваютъ, что ежели, дескать, не по-

ѣдетъ съ нами онъ—это про тебя говорятъ—то и мы не поѣдемъ; онъ, говорятъ, лучше насъ и дорогу-то найдетъ, потому что, дескать, онъ лѣтомъ часто на судахъ по морю плаваетъ; онъ, говорятъ, сверхъ того и батырь, онъ одинъ противъ сотни постоитъ; съ нимъ, говорятъ, нестрашно встрѣтиться и съ киргизами.—Я отчасти съ этимъ соглашаюсь. Кто знаетъ, что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться. Хотя караванъ и по морю пойдетъ, льдомъ, но вѣдь до моря-то еще пятнадцать верстъ. Кромѣ того, и въ морѣ гдѣ-нибудь доведется береговъ прихватить, для всякой надобности. Долго ли до бѣды? Въ теперешнее время, какъ слышно изъ орды, наша братья, киргизы -будь они не ладны—не только чужимъ, но и другъ другу не спускаютъ, а все оттого, что между ханами большія идутъ распри. Да не о томъ рѣчь, - караванъ-то, о которомъ мы толкуемъ, съ шелковьемъ да съ жемчугомъ,—стало быть, хорошая приманка.—Я не боюсь, разсказывая тебѣ обо всемъ объ этомъ, потому что ты храбрый казакъ; что ты не только киргиза,—котораго, разумѣется, нигдѣ не встрѣтишь,—но даже и самого „шайтана" не испугаешься. —Вѣдь правду говорю, дружокъ?

Съ послѣднимъ словомъ киргизъ остановился, пристально посмотрѣлъ на казака, потомъ медленно досталъ изъ-за голенища сапога огромный рогъ, разъ другой кашлянулъ, разъ-другой плюнулъ, и наконецъ, прищуря одинъ глазъ, а другой исподлобья устремивъ на казака, усердно, даже до слезъ, сталъ набивать обѣ ноздри табакомъ.

— Ну, ну, говори еще, что тамъ у тебя есть, а если только то, и слушать, значитъ, мнѣ нечего; пора спать,— сказалъ казакъ.

— Нѣтъ, не все, продолжалъ съ едва подавляемымъ неудовольствіемъ киргизъ, немилосердно чихая отъ лишней понюшки табаку и щелкая пальцами себя по носу, изъ котораго поднялось цѣлое облако табачной пыли.—Сидя дома, ты ничего не знаешь, что дѣлается въ городкѣ. Теперь такая идетъ здѣсь кутерьма, что и самъ чортъ не разберетъ. Отъ роду я не видывалъ такой суматохи, такой безалаберщины:

толковии-то, толковии-то, а дѣла нѣтъ. Гурьевцы, знай, шатаются толпами изъ дома въ домъ, знай, толпятся на площади, да на улицахъ, а дѣла-то не рѣшаютъ, словно наши братья, киргизы, которые за пустяшнымъ дѣломъ валандаются по цѣлымъ недѣлямъ, тогда какъ можно порѣшить его въ одну минуту. Нѣкоторые изъ казаковъ, которые взялись-было ѣхать съ хивинцами въ Астрахань, на-чисто отказались: „не поѣдемъ, говорятъ, безъ него", то есть безъ тебя—да и только. Объ этомъ знаютъ и хивинцы. Я насказалъ имъ про тебя съ три короба. Они не на шутку побаиваются воровъ-киргизовъ, о которыхъ они много наслышались еще въ степи, когда шли сюда изъ Хивы, и которые чуть ли не нападали на караванъ. Теперь это, конечно, пустяки: киргизы остались за Ураломъ, но хивинцы, какъ я сказалъ, больно настращены, стало быть, въ теперешнее время ты для нихъ истинный кладъ. Безъ тебя, знаю, они не поѣдутъ, хотя бы довелось имъ жить здѣсь до весны, а жить-то имъ здѣсь, по-правдѣ, безъ всякой торговли больно убыточно. Теперь отъ тебя зависитъ взять съ нихъ такую плату, какую захочешь—все дадутъ. Они, я знаю, сверхъ платы приготовили въ подарокъ для тебя богатый парчевый халатъ, а для твоей-то... Понимаешь?—тутъ киргизъ лукаво подмигнулъ однимъ глазомъ,—для твоей-то дорогой невѣсты пригоршни отборнаго жемчуга на подвязь. Для нихъ ничего не стоитъ, а для тебя-то кое-что, думаю, да значитъ. Теперь, молодецъ, согласенъ, что ли, ѣхать?

— Ѣхать-то бы ничего, —проговорилъ сквозь зубы казакъ, видимо поддаваясь на соблазнительныя слова киргиза:—можно, да домъ-то не на кого оставить. Посуди самъ: тетка стара, невѣста молода, а братъ уѣхалъ въ Саратовъ, да что-то долго не возвращается,—знать, скотину не распродалъ. Подумаешь, да и раздумаешь по этой причинѣ.

— Да что тутъ раздумывать, батырь ты могучій, наѣзникъ лихой!—сказалъ киргизъ, хлопая по рукѣ своего собесѣдника и припрыгивая отъ нетерпѣнія на мѣстѣ.—Съ Богомъ, денежки возьми, да барыномъ заживи. Знаю, больно

тебѣ разстаться съ черноглазой-то, ну, да ужъ куда ни шли двѣ недѣли. У тебя вѣдь лошади отличныя, первый сортъ— такъ долго ли слетать въ Астрахань? Праздниками оттуда непремѣнно вернешься; къ тому времени пріѣдетъ и братъ твой,—не вѣкъ же онъ будетъ жить въ Саратовѣ. Послѣ праздниковъ, чай, и свадьба у васъ будетъ. на свадьбу я къ тебѣ приду,—чай, не выгонишь,—приду еще въ новомъ халатѣ, который подарятъ мнѣ, по милости твоей, хивинцы.

— Рѣшено, что ли, молодецъ удалой?—сказалъ киргизъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ладно, ладно, Каракузька, — промолвилъ казакъ. — Утро вечера мудренѣе,—приходи-ка завтра съ хивинцами, авось и порѣшимъ дѣло, а теперь прощай.

- Давно бы такъ, соколъ ясный,—сказалъ съ непритворною радостью киргизъ.—Вотъ и я съ новымъ халатомъ, вотъ и я...—киргизъ вдругъ остановился. Онъ какъ будто испугался своихъ словъ и смутился, но тотчасъ, оправившись, прибавилъ:—ай да Василій Струняшевъ! ай да молодецъ!

Послѣ этого собесѣдники разстались. Казакъ ушелъ въ ворота и заперъ ихъ за собой, а киргизъ, обрадованный согласіемъ его, побѣжалъ извѣстить о томъ и хивинцевъ, караванъ которыхъ расположенъ былъ за городомъ.

Теперь, наконецъ, мы знаемъ причину суеты гурьевскихъ жителей. Знаемъ и то, что молодой казакъ, котораго такъ убѣждалъ киргизъ ѣхать съ хивинскимъ караваномъ въ Астрахань, былъ не кто другой, какъ Василій Ивановичъ Струняшевъ, о которомъ я началъ мою исторію.

Доселѣ жизнь Струняшева текла единообразно, можно сказать, тихо и мирно, подъ кровомъ родного дома, въ кругу родныхъ и друзей. Правда, было съ нимъ прежде того одно приключеніе, — слѣдствіе юношескаго увлеченія, — но оно кончилось безъ всякихъ особыхъ послѣдствій и не имѣло ни на образъ жизни, ни на самый характеръ его никакого вліянія. Но съ этого времени начинается для Струняшева безпрерывный рядъ несчастій и бѣдствій, рядъ житейскихъ

треволненій и переворотовъ, рядъ трагическихъ событій, которыя перевернули вверхъ дномъ всю жизнь Струняшева, и изъ кроткаго, богобоязливаго и человѣколюбиваго казака сдѣлали его непримиримымъ и ожесточеннымъ мстителемъ, какъ увидимъ ниже.

Остановясь на этой точкѣ разсказа, я, съ позволенія читателей, обращусь назадъ, для того, чтобы прослѣдить всю жизнь Струняшева, отъ дѣтства до той самой минуты, какъ мы видѣли его разговаривающимъ съ киргизомъ насчетъ поѣздки въ Астрахань, а потомъ уже буду продолжать начатое.

III.

Василій Струняшевъ родился въ Гурьевѣ-городкѣ, но взросъ въ Красноярскомъ форпостѣ. Отецъ его былъ гурьевскій казакъ, славившійся между товарищами удальствомъ и наѣздничествомъ, честностью и добродушіемъ. Эти добрыя качества наслѣдовалъ и сынъ отъ него; но Вася мало помнилъ отца, потому что послѣ смерти его остался по пятому году. Вскорѣ умерла и мать его, оставивъ сиротъ на рукахъ сестры своей. У Васи былъ братъ Иванъ, моложе его тремя годами. Тетка перевезла сиротъ въ Красноярскій форпостъ, гдѣ былъ у нея домъ. На десятомъ году отъ роду отдали Васю, вопреки его желанія, къ одной старой дѣвѣ обучаться грамотѣ. Явленіе довольно рѣдкое, потому что мужской полъ на Уралѣ въ тѣ времена, а это было въ началѣ второй половины XVIII-го вѣка,—вообще славился совершенною безграмотностью; казаки, считая для себя неприличнымъ занятіе книжною премудростью, предоставляли его исключительно женскому полу или б а б ь ю, какъ выражались казаки. Но на долю Васи выпалъ такой жребій по разсчету тетки. Она, замѣтивъ въ характерѣ и поступкахъ племянника что-то степенное, что-то такое, что ставило его выше другихъ казачатъ, его сверстниковъ, вообразила, что изъ племянника ея выйдетъ современемъ или войсковой дьякъ (родъ секре-

таря), или дѣльный старшина, или, наконецъ, искусный канонникъ, то есть грамотѣй, который станетъ во главѣ раскольниковъ-старообрядцевъ (тетка была старообрядка). Но она крѣпко ошибалась въ своихъ разсчетахъ—грамота не давалась Васѣ, да и самъ-то онъ былъ не такого поля ягода, чтобы сидѣть день-деньской за азбукой. Онъ лучше бы согласился въ ступѣ воду толочь, изъ песку веревки вить, чѣмъ твердить, безъ толку, буки аз-ба, вѣди аз-ва, и тому подобное, а оксіи, да аваріи, да коморы, да краткіе, и прочая такая, по словамъ Васи, дребедень, казались ему мудренѣе всего на свѣтѣ. Цѣлый годъ мастерица,—такъ называютъ у насъ на Уралѣ женщинъ, обучающихъ дѣтей книжной премудрости, а мужчины этого сорта именуются мастерами,—билась съ Васей, а толку не добилась: ученикъ не подвигался ни на шагъ впередъ.—Цѣлый годъ зубрилъ Вася: отъ сна возставъ; но совсѣмъ не пробудился, а такъ весь вѣкъ остался человѣкомъ „темнымъ", то есть безграмотнымъ.

— Для какой оказіи, желалъ бы я знать, нужна мнѣ грамота, будь она неладна? Попомъ или дьячкомъ я не сдѣлаюсь! А читать ваши веселые капуны, да пѣть стихеры—мое почтеніе: не на то я родился! Если Богъ приведетъ мнѣ быть атаманомъ или эсауломъ, то и безъ грамоты обойдусь, какъ обходится теперешній нашъ эсаулъ: была бы печать, а печать сдѣлаетъ любой серебрякъ. Отецъ мой не зналъ грамоты, да жилъ не хуже другихъ: такъ проживу и я. Ретивый и рѣзвый конь, да булатное копье, да фузея или винтовка—вотъ такъ штуки! есть чему и для чего поучиться!

Такъ говорилъ Вася, когда тетка, со слезами на глазахъ, приступала къ нему съ совѣтами и просьбами—бросить лѣнь и приняться за ученье.

— Хоть камень на шею, да въ воду, а ужъ не стану учиться!—кричалъ Вася, когда, послѣ увѣщаній и просьбъ, сыпались на него удары двухвостки или крученаго смоляного, телѣжнаго тяжа.

Бились, бились, да наконецъ и отступились отъ Васи. Взяли, или, какъ говорятъ на Уралѣ, отняли его отъ мастерицы и отдали къ одному старому казаку въ косяшники.

Такъ называются пастухи конскіе, во время весенняго и осенняго рыболовства по Уралу, да и всѣ вообще люди, стерегущіе въ полѣ конскіе косяки, то есть табуны.

Обязанность Васи состояла въ томъ, чтобы вечеромъ, когда артель рыболововъ переѣдетъ съ одного мѣста на другое, то есть съ одного рубежа на другой, собрать лошадей въ кучку, отогнать ихъ на привольный кормъ, во всю ночь караулить, а утромъ пригнать къ обозу, сдать ихъ въ цѣлости и—больше ничего.

Вася и прежде, подобно всѣмъ казачатамъ, упражнялся въ верховой ѣздѣ; но тутъ, гдѣ онъ цѣлую ночь былъ царемъ коней, гдѣ онъ на любую садился лошадь—тутъ онъ совсѣмъ напрактиковался и сдѣлался отличнымъ и безстрашнымъ наѣздникомъ.

По окончаніи рыболовства онъ принесъ домой и вручилъ своей теткѣ или матушкѣ, какъ онъ называлъ ее, нѣсколько десятковъ рублей, и тѣмъ утѣшилъ разгнѣванную свою воспитательницу.

Такимъ образомъ, до пятнадцатилѣтняго возраста, Вася промышлялъ и себѣ и брату хлѣбъ. Но съ этого времени, оставивъ косяшничество, онъ сталъ уже наниматься въ весельщики, то есть въ гребцы къ рыболовамъ, сначала въ двойчатки, а потомъ въ одиницы *), и бралъ за то платы отъ семидесяти до ста рублей. Наконецъ, скопивъ небольшой капиталецъ, завелъ свою бударку (лодку), накупилъ и навязалъ сѣтей, и самъ сталъ уже нанимать для себя работниковъ. Тѣмъ временемъ подросъ и братъ его.

---

*) Двойчатки, значитъ двое гребцовъ въ одной бударкѣ, а одиницы—одинъ гребецъ. Въ двойчатки, разумѣется, употребляются слишкомъ молодые казачата, не совсѣмъ еще укрѣпившіеся въ силахъ, а въ одиницы садится ужъ взрослый и сильный молодецъ.

Тогда вдвоемъ принялись они успѣшнѣе за хозяйство, то есть за рыболовство, ибо въ тѣ времена, когда Струняшевъ былъ молодъ, ничѣмъ другимъ, кромѣ рыболовства и звѣроловства, казаки не занимались. Обзавелись братья Струняшевы своимъ, домомъ, и зажили припѣваючи. Двадцати лѣтъ Вася былъ записанъ въ служащіе казаки. Чрезъ три года послѣ него зачисленъ въ казаки и братъ его. Тогда занятія свои они раздѣлили: Вася большею частію служилъ въ линейной, то есть всегда готовой въ походъ командѣ, а братъ его, Иванъ, занимался хозяйствомъ.

Состоя въ линейной командѣ, Вася больше имѣлъ случаевъ драться съ киргизами, чѣмъ братъ его, и потому былъ гораздо воинственнѣе его.—Въ первый разъ, какъ Вася съѣхался съ басурманами, ему удалось одного изъ нихъ застрѣлить изъ винтовки, другого ссадить пикою, а третій, раненый, едва унесъ отъ него ноги. Это Васю поощрило, и онъ съ тѣхъ поръ полюбилъ жизнь бранную. Передавъ хозяйство брату, самъ онъ записался во всегдашніе линейные.— Онъ изъ первыхъ являлся по зову на сборное мѣсто. Кони у него были отличные, лихіе, не кони, а орлы, какъ отзывались о нихъ знатоки, а потому въ поискахъ за киргизами Василій Струняшевъ былъ впереди всѣхъ, первый встрѣчалъ или нагонялъ враговъ, первый ударялъ на нихъ, бывалъ жестоко раненъ, но никогда не отступалъ. Киргизы довольно хорошо испытали на себѣ его храбрость и ловкость: лишь только, бывало, появится въ полѣ всадникъ на саврасомъ или соловомъ конѣ,—Струняшевъ на лошадяхъ другой масти почти не ѣздилъ—киргизы, какъ саранча, разсѣются во всѣ стороны.—Въ открытомъ бою онъ всегда работалъ пикою. Винтовку же употреблялъ только тогда, когда какія-нибудь мѣстныя препятствія мѣшали ему приблизиться къ врагу. Стрѣлялъ Вася изъ винтовки на славу, такъ мѣтко, такъ вѣрно, какъ только стрѣляли нѣкоторые въ его время, и то немногіе опытные охотники, и какъ въ наше время, къ сожалѣнію, никто стрѣлять не можетъ. Словомъ, Струняшевъ считался однимъ изъ первыхъ воиновъ-стрѣлковъ въ свое

время. Знавали его хорошо и киргизы, и боялись какъ огня.

Между тѣмъ воспитательница ихъ овдовѣла, и братья Струняшевы приняли ее къ себѣ въ домъ, какъ родную мать, а добрая старушка, не имѣя дѣтей, привязалась къ нимъ, какъ къ роднымъ.

Вотъ наконецъ настала пора Васѣ обабиться, жениться. Часто намекала ему объ этомъ его тетка, но онъ не давалъ ей яснаго отвѣта—ни да, ни нѣтъ. Онъ какъ-то нерѣшительно и соглашался, и отказывался, а между тѣмъ, замѣтно было, на душѣ у него что-то происходило необыкновенное. Сталъ онъ вести жизнь уединенную, несогласную съ его живымъ и веселымъ характеромъ: товарищей своихъ чуждался, на вечеринкахъ, въ кругу дѣвушекъ, вовсе не показывался.

Это породило насчетъ его разные толки. Одни говорили, что Вася живетъ не добромъ, что часто по ночамъ куда-то отлучается. Другіе утверждали, что часто его видѣли рано утромъ возвращающагося изъ луговъ въ мокрой одеждѣ. Третьи за тайну выдавали, что нерѣдко случалось имъ подслушивать, какъ Вася, будучи одинъ-одинехонекъ, съ кѣмъ-то перешептывался. Это послѣднее извѣстіе сильно озадачило суевѣрныхъ жителей, и всѣ толки, всѣ сплетни привели наконецъ къ одному заключенію: Вася Струняшевъ—единогласно было сказано—знается съ шутовкой!

Да позволено мнѣ будетъ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы пояснить, что значитъ „шутовка“.

На языкѣ уральцевъ слово шутовка означаетъ то же, что у русскихъ вообще слово русалка. Поясненіе, можетъ быть, лишнее, но да ужъ сдѣлано, слѣдовательно, такъ и останется.—Между уральской шутовкой и общей русалкой есть небольшая разница, именно: послѣдняя, то есть русалка, какъ извѣстно изъ разсказовъ и описаній, тотчасъ губитъ неосторожную жертву, которая попадется ей въ руки, а уральская шутовка, напротивъ, бережетъ свою жертву многіе года и покушается на жизнь обольщеннаго ею молодца

тогда только, когда молодца этого станутъ отбивать отъ нея люди. По понятіямъ уральцевъ, заимствованнымъ, конечно, отъ великоруссовъ, шутовки есть проклятыя жены и дѣвы. Онѣ живутъ въ плоти, невидимо отъ людей, и будутъ жить до пришествія Христова. Постоянное житье ихъ подъ водой, въ обществѣ чертей. А какъ онѣ не совсѣмъ еще отрѣшились отъ земли, то часто ходятъ между людьми, похищаютъ одежду и пищу, гдѣ-либо безпечной хозяйкой положенную безъ молитвы, и выбираютъ для себя любовниковъ изъ мужчинъ. Обыкновенно шутовки нападаютъ на тѣхъ, которые горюютъ объ отсутствующихъ или умершихъ женахъ или любовницахъ. Помутивъ, при помощи, разумѣется, нечистой силы, разумъ добраго-молодца, шутовка является къ нему въ образѣ его возлюбленной, наговоритъ ему съ три короба всякой всячины, упоитъ его горячими ласками, усыпитъ сладкими пѣснями, и дѣло слаживается... Связи эти бываютъ иногда весьма продолжительны и разрываются всегда или смертію обвороженнаго мужчины, или отогнаніемъ отъ него обворожительницы-шутовки посредствомъ молитвъ или отчитываній, на что, мимоходомъ сказать, большіе мастера такъ-называемые канонники, уставщики или что-то въ родѣ этой сволочи, живущей на счетъ простолюдиновъ. Кромѣ шутовокъ, т. е. проклятыхъ женщинъ, есть между чертями и шуты, т. е. проклятые мужчины. Эти подземные молодцы, въ свою очередь, обольщаютъ между людьми молодыхъ женщинъ и выбираютъ преимущественно тѣхъ, у которыхъ, замѣтьте, мужья по нѣскольку лѣтъ сряду бываютъ въ дальней откомандировкѣ. Конечно, случается, что кромѣ женщинъ попадаютъ въ сѣти шутовъ и неопытныя дѣвушки...

Много ходитъ на Уралѣ разсказовъ, что отъ подобныхъ связей, т. е. отъ связи женщины съ проклятымъ мужчиной, рождались и дѣти; но они чрезъ нѣкоторое время или пропадали безъ вѣсти, или, въ присутствіи людей, разумѣется, близкихъ къ матери, уносились вихремъ и исчезали въ воздухѣ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно сваливаютъ вину на проклятыхъ, которые, дескать, не хотятъ, чтобы частичка ихъ

крови оставалась между крещеными. И, разумѣется, сильно лгутъ на нечистую силу, которая ни въ рожденіи и ни въ похищеніи дѣтей нисколько не участвовала. . . . .

. . . . . .

И теперь между уральцами многіе придерживаются этого суевѣрія, а въ описываемое мною время всѣ безъ изъятія были убѣждены и вѣрили въ существованіе шутовокъ и шутовъ.

Слушая, бывало, разсказы объ этихъ казусныхъ, какъ говорятъ казачки, происшествіяхъ, невольно убѣждаешься, что мужчины, подозрѣвавшіеся въ связяхъ съ шутовками, были просто-на-просто подвержены умственному разстройству вслѣдствіе естественныхъ болѣзней. Такихъ несчастныхъ, разумѣется, отчитывали, поили разными снадобьями, намазывали съ ногъ до головы свинымъ саломъ,—словомъ, подвергали всякимъ непріятнымъ, даже отвратительнымъ суевѣрнымъ операціямъ. Ежели натура больного преодолѣвала болѣзнь, и страждущій выздоравливалъ, то значило: шутовку отогнали. Ежели больной умиралъ—это значило: шутовка задушила его.

Но женщинъ, надо замѣтить, всегда удачно разлучали съ шутами или проклятыми, когда серьезно принимались за это дѣло, потому что женщины, исключая самыхъ рѣдкихъ случаевъ, не бывъ больны, просто, какъ водится, изъ видовъ притворялись.

Не очень давно, на моей памяти, въ сосѣдяхъ у меня, одна молодая казачка, желая отклонить отъ себя грозу, которая приближалась къ ней вмѣстѣ съ возвращеніемъ мужа со службы, вздумала прикрыть невольные грѣшки свои нечистой силой,—и ей удалось. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не удасться? Вѣдь сама матушка попадья нѣсколько разъ видѣла, какъ по полуночамъ леталъ къ бѣдной страдалицѣ, огненнымъ зміемъ, проклятый, и какъ онъ разсыпался искрами надъ трубой ея дома.

Случай этотъ, замѣтить нужно, происходилъ въ 1830-хъ годахъ, когда уже понятія уральцевъ немного поочистились.

Что же могло быть, спрашивается, за пятьдесятъ лѣтъ и дальше? Не берусь отвѣчать на это, да и не нужно: всякій легко можетъ вообразить тьму кромѣшную, въ которой блуждали мои земляки. Не мѣсто здѣсь приводить безчисленные примѣры такихъ страстей, такихъ ужастей, какъ говорятъ суевѣрныя и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрыя бабы. Когда-нибудь, въ другомъ мѣстѣ, придется кстати поговорить объ этомъ, а теперь скажу только, что, по понятіямъ простолюдиновъ, отецъ или мать можетъ проклясть и погубить свое дѣтище безъ всякаго намѣренія, отъ одной глупости и неосторожности. Стоитъ только отцу или матери сказать н е в ъ ч а с ь сыну или дочери два слова „будь проклятъ", и дитя тотчасъ исчезнетъ. Н е-ч а с о м ъ простолюдины считаютъ самые глухіе полдни, т. е. промежутокъ или, правильнѣе, переходъ отъ 12-го къ 1-му часу—переходъ, продолжающійся, впрочемъ, только одно мгновеніе или и еще меньше.

Вотъ такую-то небывалую напасть приписали суевѣрные жители Василью Струняшеву, который былъ здоровъ какъ нельзя лучше, и который, сверхъ того, вопреки своему времени, вовсе не боялся шутовокъ, хотя и вѣрилъ въ ихъ существованіе. Всѣ считали Васю пропавшимъ, отпѣтымъ, просто ободраннымъ, чорту готовымъ бараномъ, какъ говорятъ уральцы, ибо всѣ знали твердый и непреклонный характеръ Струняшева; всѣ были убѣждены, что онъ не допуститъ, чтобы его мазали вонючимъ свинымъ саломъ, поили настоемъ звѣробоя, чертополоха и другихъ спасительныхъ, по словамъ казачекъ, травъ, отгоняющихъ бѣсовскую силу, а о канонникахъ и уставщикахъ и помину не было: напередъ предвидѣли, что Вася за окно выброситъ всякаго такого грамотѣя, который бы взялся отчитывать его.

„Онъ, говорятъ единогласно, знается съ шутовкой!" Вѣсть эта, какъ кипяткомъ, обдала его тетку. Она, сердечная, такъ и обмерла, когда одна досужая и сердобольная кумушка съ участіемъ, можетъ быть, и притворнымъ, передала ей народные толки, и въ утѣшеніе старухи совѣтовала отвезти племянника въ сосѣдственный Харкинскій форпостъ

и сдать на руки канонника, чтобы онъ отчиталъ Васю и отогналъ отъ него нечистую силу, пока она совсѣмъ его не осѣтовала.

— Христосъ съ тобой, мамушка!—сказалъ Вася теткѣ, когда она въ сотый разъ стала его спрашивать и умолять, чтобы онъ повѣдалъ ей свою тайну, такую страшную оказію.—Вотъ посмотри: на мнѣ и крестъ, и поясъ цѣлехоньки, а вѣдь шутовка этого не потерпѣла бы, сама знаешь.

— Такъ, такъ, мой соколикъ!—говорила сквозь слезы немного утѣшенная тетка.—Вижу на тебѣ печать Христову, и радуюсь. Молю Пречистую Богородицу, чтобы Она, наша Заступница, избавила тебя отъ дьявольскаго навожденія. Но, дитятко мое любезное, люди-то говорятъ больно неладно, индо страшно слушать-то.

— Пусть ихъ говорятъ, — сказалъ съ негодованіемъ Вася: —на чужой ротокъ не накинешь платокъ. Говорятъ они о томъ, чего и сами не знаютъ, да я плюю на ихъ слова-то, и только.

— Все это такъ, мой голубчикъ,—промолвила старуха:—да ты повѣдай мнѣ, я тебя не выдамъ, скажи-ка мнѣ, мой родимый: куда ты по ночамъ-то бродишь? Вѣдь тебя здѣсь на вечеркахъ, я слышала, никогда не видно, а дома-то ночуешь ты рѣдкую ночь.

— Куда!...—отвѣчалъ съ сердцемъ Вася.—Разумѣется, туда, куда нужно, только слава Богу, не къ шутовкѣ, которую выдумали злыя сплетницы; къ шутовкѣ незачѣмъ ходить, она и сама легка, тотчасъ явится, гдѣ нужно,—стоитъ только позвать...

— Ахъ, съ нами сила крестная!—вскричала старуха, крестясь и отплевываясь на стороны.—Какія ты ужасти говоришь, Васинька, индо морозъ меня пробираетъ! Богъ съ тобой, мой кормилецъ. Будь по твоему, если ты не хочешь открыться мнѣ; только чего не надо, не говори.

— Погоди, любезная мамушка, немного, какихъ-нибудь денька два,—узнаешь; вотъ только съѣзжу въ Калмыковскую крѣпость и переговорю съ отцомъ Петромъ—онъ свя-

щенникъ добрый, сговорчивый. Какъ только улажу съ нимъ, такъ тамъ...—Вася, какъ будто боясь открыть прежде времени свою тайну, не договорилъ, вышелъ изъ избы и отправился, отъ нечего дѣлать, на улицу. День былъ праздничный. Весь форпостъ, что называется, былъ на улицахъ. На завалинахъ, во многихъ мѣстахъ, сидѣли казаки и бабы, и также отъ нечего дѣлать щелкали орѣхи, грызли сѣмена, ѣли сушеную рыбу и толковали о всякой всячинѣ или, какъ говорится, переливали изъ пустого въ порожнее. Вася подошелъ къ одной изъ группъ, но при появленіи его собесѣдники и собесѣдницы замолчали, значительно переглянулись другъ съ другомъ, а потомъ одинъ за однимъ разошлись по домамъ. Не обративъ на это никакого вниманія, Вася подошелъ къ казачьему кружку, который забавлялся орлянкой; но и этотъ кружокъ вскорѣ незамѣтно исчезъ; тогда Вася догадался, что вездѣ и у всѣхъ онъ, какъ бѣльмо на глазу, что его боятся, какъ чумы, что, вѣроятно, у всѣхъ только и рѣчей, что о немъ и объ его мнимой шутовкѣ; онъ презрительно улыбнулся, махнулъ съ досады рукой и тотчасъ ушелъ къ себѣ на задній дворъ. Черезъ пять минутъ онъ стрѣлой летѣлъ на саврасомъ конѣ въ Калмыковскую крѣпость, которая отстоитъ въ пятнадцати верстахъ отъ Красноярскаго форпоста.

Вечеромъ, возвратясь съ радостнымъ лицомъ изъ Калмыковской крѣпости, Вася забѣжалъ на минуту въ избу и скоро, отрывисто проговорилъ:—Ну, мамушка, прощай! жди меня съ гостьей... съ шутовкой!—прибавилъ Вася, быстро уходя изъ избы.

Старуха не успѣла опомниться отъ удивленія и страха, какъ Вася чрезъ заднія ворота выбрался въ поле, вскорѣ спустился подъ гору въ луга и скрылся, наконецъ, въ лѣсу.

Спустя послѣ того минутъ пять, вышелъ изъ дому Струнящева братъ его, Иванъ, которому Вася, при уходѣ со двора, что-то шепнулъ на ухо, и отправился на берегъ Урала. Тамъ Иванъ ссунулъ на воду легкую бударку, сѣлъ на нее, взмахнулъ весломъ, быстро понесся внизъ по теченію рѣки, и вскорѣ исчезъ за первымъ поворотомъ.

IV.

Наконецъ, пора раскрыть тайну Васи, которая надѣлала столько для него непріятностей.

За полгода передъ тѣмъ зимой случилось ему быть за Ураломъ, въ аулѣ мирныхъ киргизовъ, кочевавшихъ около такъ называемаго Краснаго-Яра противу Бородиной луки *). У киргизовъ въ то время, по случаю праздника байрама, происходило пиршество, или по-ихнему той, кызыкъ, что значитъ буквально веселье, потѣха.

Между разными увеселеніями первое мѣсто у киргизской молодежи занимаетъ скачка за дѣвушками, или, правильнѣе, сказать, гонка дѣвушекъ. Это происходитъ вотъ какъ: одна изъ дѣвицъ, верхомъ на лошади, выѣзжаетъ отъ толпы впередъ, подъ прикрытіемъ родственника или другого какого, по ея выбору, киргиза. Киргизъ этотъ, представляя собою родъ стража, тѣлохранителя, держитъ за поводъ лошадь красавицы и вмѣстѣ съ тѣмъ ограждаетъ даму отъ нетерпѣливыхъ рыцарей-киргизовъ, которые толпой напираютъ на нее, стараясь одинъ передъ другимъ сорвать пальму первенства. Послѣ угрозъ, послѣ нѣсколькихъ ударовъ нагайкой, тѣлохранителю удается, наконецъ, отдѣлаться отъ массы наѣздниковъ. Отъѣхавъ отъ нихъ саженей на двадцать, онъ взмахиваетъ нагайкой и вскрикиваетъ,—лошадь дѣвушки ударится со всѣхъ ногъ впередъ, и наѣздница, какъ птица, полетитъ въ степь. За ней, въ то жъ мгновеніе, пускается нѣсколько молодцовъ-киргизовъ. Разумѣется, одинъ изъ этихъ кавалеровъ, ежели лошадь его рѣзвѣе прочихъ, догоняетъ дѣвицу, а та, чтобы не до-

---

*) Луками казаки называютъ вообще луговыя мѣста, вдающіяся, такъ сказать, въ Уралъ или, правильнѣе, полуострова, образуемые кривизнами рѣки. Если полуостровъ продолговатъ, похожъ на треугольникъ —онъ называется острой лукой. Ежели рѣка огибаетъ полуостровъ дугообразной или ломаной линіей, то онъ называется круглой лукой или вообще лукой. Иногда луки называются, какъ и всякія урочища, отъ разныхъ именъ.

пустить его до себя, что есть силы-мочи хлещетъ по немъ нагайкой, во что попало, не разбирая ни лица, ни глазъ. Но это ей не помогаетъ, а только подстрекаетъ самолюбіе рыцаря, который, приходя часъ отъ часу въ запальчивость, не смотритъ уже ни на что, ястребомъ подлетитъ съ боку къ строгой и неприступной красавицѣ, одной рукой на всемъ скаку обниметъ ее, а другой слегка придержитъ за ямчикъ (за груди),—въ удачное время сорветъ и поцѣлуй. Послѣ такого подвига рыцарь признается побѣдителемъ, и красавица, дотолѣ строгая и неумолимая, ѣдетъ съ нимъ назадъ рядомъ, или, какъ говорится, плечо о плечо, дозволяя по временамъ потрепать себя за ямчикъ, что считается степными поклонниками за верхъ награды и удовольствія. Но нерѣдко бываетъ, что трусливый и нерѣшительный кавалеръ, не догнавъ дѣвушки или догнавъ, да получивъ отъ нея два-три мѣткихъ удара по лицу, возвращается со стыдомъ назадъ. Часто притомъ хитрятъ и дѣвушки. Такъ, напримѣръ, надѣясь на быстроту лошади, дѣвушка придержитъ ее, дастъ приблизиться къ себѣ кавалеру, разумѣется, тому, кто ей не нравится, но потомъ отпуститъ ему нѣсколько полновѣсныхъ ударовъ, круто поворотитъ коня и устремится назадъ, а несчастный кавалеръ, иногда съ лицомъ въ крови, покрытый насмѣшками, возвращается вспять.

Вотъ такого-то рода потѣха происходила между киргизами и на томъ праздникѣ, гдѣ присутствовалъ Василій Струняшевъ.—Изъ всѣхъ дѣвицъ, тутъ бывшихъ, одна, по имени Алтына, дочь богатаго киргизскаго старшины, отличалась и красотой, и богатствомъ одежды. Подъ ней былъ туркменскій аргамакъ, рѣзвый, какъ птица. По милости этого коня, ни одинъ смѣльчакъ не могъ коснуться дѣвственныхъ грудей Алтыны. Алтына торжествовала и гордо на всѣхъ смотрѣла. Заговорило ретивое Струняшева. „Неужели, думалъ онъ, савраска мой солжетъ? Неужели допуститъ онъ сухопарому трухмецу обогнать себя? Нѣтъ, этого быть не можетъ!“ сказалъ онъ вслухъ, и въ то жъ

мгновеніе, вылетѣвъ изъ толпы наѣздниковъ, гордо остановился.

— Чапъ, кыздаръ! (скачите, дѣвушки!)—вскричалъ онъ.

Дѣвушки усмѣхнулись и показали ему нагайки, а Алтына покраснѣла, какъ будто обиженная вызовомъ русскаго джигита (молодца).—Потомъ, чрезъ нѣсколько мгновеній, молча, безъ всякой церемоніи, ударила нагайкой аргамака и вихремъ пронеслась мимо Васи.

Саврасый конь Васи, почти задѣтый проскакавшимъ аргамакомъ, почуя скачку, рванулся впередъ, но, сдержанный могучей рукой всадника, присѣлъ на заднія ноги и заплясалъ. Отпустивъ отъ себя красавицу саженъ на сто, Вася устремился вслѣдъ за ней, и вскорѣ началъ достигать. Проскакавъ съ версту и убѣдясь, что аргамакъ туркменскій не уйдетъ, Вася придержалъ своего коня, чтобы дать время перевести ему духъ, а Алтына между тѣмъ гнала своего во всю мочь. Это кончилось тѣмъ, что черезъ нѣсколько минутъ Вася скакалъ рядомъ съ дѣвушкой,—но она, къ удивленію его, не поднимала на него нагайки.

„Что за дьявольщина, подумалъ Вася. Да она, кажись, и не смотритъ на меня. Развѣ заниматься со мной не хочетъ? Ну, это другое дѣло. Да зачѣмъ же она скакала—кто просилъ? А вотъ посмотрю, узнаю“.

— Алтына!—сказалъ онъ, и схватилъ за поводъ ея лошадь. Но дѣвушка молчала. Вася остановилъ коней, сошелъ на землю, подошелъ къ наѣздницѣ, взялъ ее за руки и спросилъ: здорова ли ты?

— Ахъ, Вася, умираю!—проговорила трепещущая дѣвушка и упала съ лошади на руки казака.—Я люблю тебя, джигитъ, крѣпко люблю, — присовокупила дѣвушка.— Съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла тебя... въ прошломъ году на скачкѣ... съ тѣхъ поръ такъ вотъ тутъ—указывая на сердце—что-то у меня и засѣло... Жить безъ тебя не могу, Василій...

Василій обезумѣлъ отъ неожиданности, хотѣлъ что-то

сказать, но не успѣлъ: въ эту минуту подскакало къ нимъ нѣсколько подругъ Алтыны. Алтына, чтобы скрыть свое смущеніе и не дать ничего замѣтить, вскочила на лошадь и помчалась назадъ, подруги ея послѣдовали за ней, а Вася остался на мѣстѣ. Чрезъ минуту онъ тащился шажкомъ къ аулу и дорогою разсуждалъ самъ съ собою:

„Вотъ счастье-то привалило недуманно, негаданно, право, счастье, ей-Богу, счастье! А что, вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не дурно бы... тово... Гмъ! Нѣтъ, не возьму такого грѣха на душу...—Вася задумался.—А что, вѣдь дѣвка недурна, продолжалъ онъ снова разсуждать.—Какое недурна!— возражалъ самъ себѣ казакъ, котораго часъ отъ часу видимо воспламеняла любовь, „просто красавица: бѣла, какъ снѣгъ, румяна, какъ маковъ цвѣтъ, глаза черные, какъ смоль, да и не такіе, какъ у другихъ киргизовъ, не узкіе и не косые, не осокой прорѣзаны, а просто какъ есть глаза большіе, на выкатѣ, такъ вотъ, кажись, и хотятъ съѣсть. Что если бы Богъ привелъ окрестить ее? Дѣло хорошее, святое, а тамъ ужъ заодно и подъ вѣнецъ; славная бы штука вышла, право-слово, славная! Хоша отецъ и басурманъ, да что за дѣло? Ужъ какъ дѣло сдѣлается—такъ не воротитъ. А дѣвка-то, дѣвка-то? Да просто прелесть!—продолжалъ разсуждать Струняшевъ, замѣтно болѣе и болѣе увлекаемый страстію къ Алтынѣ.—Какъ нарядится она въ красный штофный сарафанъ, съ золотыми пуговицами и прозументами, какъ уберетъ голову жемчужной, съ драгоцѣнными камнями, сорокой,—такъ просто бѣда,—просто всѣхъ нашихъ красавицъ перещеголяетъ, такъ просто королевной сдѣлается, право-слово, королевной! Ну, куда судьба ни вынесетъ, во что Богъ ни направитъ, во что... ужъ не отступлюсь! Или сѣна клокъ, или вилы въ бокъ!“

Тутъ онъ приблизился къ народу, вмѣшался въ толпы наѣздниковъ, и вскорѣ потомъ уѣхалъ домой.

Нѣтъ надобности, кажется, разсказывать, что послѣ описаннаго признанія Алтыны и разсужденія Василія, оба они не пропустили даромъ перваго удобнаго случая къ свиданію.

Какъ водится, насказали одинъ другому, по простотѣ сердечной, тьму нѣжностей и, какъ слѣдуетъ, поклялись любить другъ друга вѣчно.

Василій Струняшевъ положительно рѣшился жениться на Алтынѣ, и каждый разъ, при свиданіи, уговаривалъ ее бѣжать съ нимъ. Другого средства на бракъ ихъ не было, потому что открыться объ этомъ отцу Алтыны—значило бы себя и ее подвергать явной опасности: фанатикъ-магометанинъ не оставилъ бы безъ наказанія ни дочери, ни „кафира"; но Алтына, не смотря на любовь къ Васѣ, отказывалась отъ его предложенія: ее страшилъ и гнѣвъ отца, и переходъ изъ магометанства въ христіанство. Любовники находились въ самомъ непріятномъ, даже безвыходномъ положеніи. Вася, какъ ни ломалъ голову, но ничего лучшаго не выдумалъ. Увезти Алтыну отъ отца и гдѣ-нибудь скрыться на время съ ней—вотъ одно, на чемъ Вася рѣшительно остановился; но дѣвушка, какъ уже сказано, на бѣгство не соглашалась.

Въ такомъ положеніи прошла зима.

Съ наступленіемъ весны, киргизы откочевали отъ береговъ Урала въ степь; откочевалъ и отецъ Алтыны, и любовники разлучились. Плакала Алтына, горевалъ Струняшевъ. Съ этого времени, къ удивленію форпостныхъ жителей, изъ безпечнаго и веселаго парня онъ сдѣлался угрюмымъ и молчаливымъ, оставилъ товарищей и отказался отъ дѣвичьихъ вечеринокъ, до которыхъ прежде онъ былъ страстный охотникъ. Часто уходилъ онъ въ луга, переплывалъ Уралъ и проводилъ цѣлыя ночи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дотолѣ видѣлся съ Алтыной. Пока она была у него, что называется, на глазахъ—онъ мало дорожилъ ея ласками; но, когда онъ съ ней разстался, ему стало грустно безъ нея. Таково ужъ, видно, сердце человѣческое. Пословица справедливо говоритъ, что „имѣя—не дорожимъ, а потерявъ—тужимъ". Такъ, видимъ, случилось и съ Струняшевымъ. Къ тому же сердце его сильно щекоталось и самолюбіемъ. „Дуракъ я выхожу,—говорилъ онъ иногда самъ себѣ:—давался кладъ

въ руки, а я боялся приступиться къ нему. Надобно бы... не такъ повести дѣльцо-то, слѣдовало бы... Да что ужъ и толковать объ этомъ! Не воротишь. Задній умъ хорошъ, да чортъ ли въ немъ. Поспѣшу у моря и подожду погоды", прибавлялъ Струняшевъ, какъ будто себѣ въ утѣшеніе. Но между тѣмъ уединенная его жизнь, его ночныя отлучки, породили насчетъ его страшные и нелѣпые толки, и суевѣрные жители, какъ мы видѣли выше, единогласно сдѣлали приговоръ, что Васей овладѣла нечистая сила.

Больно было Васѣ слышать эти толки, но дѣлать нечего, онъ переносилъ ихъ съ удивительною стойкостью. Въ досадѣ на сплетницъ-бабъ, охотницъ выдумывать и распространять разныя небылицы, мастерицъ все выворачивать на-изнанку и изъ мухи дѣлать слона,—въ досадѣ и на казаковъ, вѣрившихъ бабамъ, Вася не хотѣлъ никого разувѣрять въ этомъ заблужденіи, и сталъ больше прежняго чуждаться людей и углубляться въ самого себя. Зналъ только эту тайну одинъ братъ его, Иванъ, но онъ, изъ послушанія и покорности Васѣ, молчалъ.

Насталъ іюль мѣсяцъ,—время покосовъ на Уралѣ. Мирные киргизы, большею частію б а й г у ш и (бѣдняки), приходятъ въ это время изъ степи къ Уралу, частію для того, чтобы наниматься къ казакамъ въ работники на покосы, частію для того, чтобы самимъ поживиться отъ казаковъ клочкомъ луговъ и запасти на зиму немного сѣна. Къ удивленію и радости Васи, прикочевалъ съ семействомъ и отецъ Алтыны. Въ первыя минуты свиданія съ возлюбленной, Вася не помнилъ отъ радости самого себя; но когда Алтына повѣдала ему, что отецъ просваталъ ее, и что она съ часу-на-часъ ожидаетъ или жениха, или пословъ отъ него, которые увезутъ ее далеко въ глубь степи, туда, откуда ни она о немъ, ни онъ о ней ничего не услышатъ, не узнаютъ, тогда онъ упалъ, какъ говорится, съ неба на землю. „Все пропало!—говорилъ самъ себѣ казакъ.—Всѣ думы мои разлетѣлись, разсѣялись, какъ дымъ".

— Алтына!—сказалъ онъ дѣвушкѣ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Любишь ты меня?

— Люблю,—отвѣчала она.

— Хочешь со мной бѣжать?

— Хотѣла бы, да боюсь.

— Кого?

— Отца.

— Только-то?

— Пока только. А что?

— А о вѣрѣ не думаешь, какъ говорила прежде?

— Пока не думаю. А зачѣмъ тебѣ это знать?

— Вотъ зачѣмъ: ежели только боишься отца, то это чистые пустяки.

— Какъ пустяки?

— Да такъ, просто пустяки! Когда ты со мной по нашему закону обвѣнчаешься, тогда отецъ ничего тебѣ не сдѣлаетъ.

— Да, ничего не сдѣлаетъ, только и тебя, и меня убьетъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, просто: пріѣдетъ на форпостъ, придетъ къ тебѣ въ домъ, да хватитъ тебя и меня по боку ножемъ или кинжаломъ.

— Какъ бы не такъ! На первыхъ порахъ я не пущу отца твоего къ себѣ въ домъ; дамъ время пройти его гнѣву.

— Онъ силой ворвется. Онъ вѣдь старшина, соберетъ толпу киргизовъ, да и нападетъ съ ней на форпостъ. Тебѣ, пожалуй, ничего не сдѣлаетъ,—знаю, ты молодецъ, но мнѣ-то придется жутко. Такъ ли, сякъ ли, а онъ изведетъ меня.

— Вздоръ! — сказалъ съ восторженностью казакъ.— Отецъ твой ничего намъ не сдѣлаетъ. Но если не такъ, то я увезу тебя отсюда; земля наша не клиномъ сошлась,—слава Богу, есть гдѣ пріютиться. Уѣдемъ съ тобой въ Гурьевъ. Тамъ, за каменными башнями, да за высокими и частыми рогатками отецъ твой не страшенъ. Не только твоему отцу, даже и цѣлой вашей ордѣ не удастся добраться до Гурьева. Городъ этотъ выстроенъ на острову, кругомъ его на сотни

верстъ глухія, непроходимыя камышевыя заросли; какъ сѣткой окруженъ онъ глубокими рѣчками, ериками и проранами,—какъ моремъ, омывается огромными озерами и ильменями. Тамъ и жители, напримѣръ, изъ городка въ слободку или изъ слободки въ городокъ, рядомъ бокъ-о-бокъ стоящіе, не иначе ѣздятъ другъ къ другу, какъ на лодкахъ. Да если бы и не это, такъ за Гурьевъ можно смѣло ручаться, что его не одолѣетъ никакая орда; вѣдь въ Гурьевѣ кромѣ всего, что я тебѣ сказалъ, есть „интилерія", то есть множество большихъ пушекъ, а казаки тамъ живутъ всѣ на подборъ, молодецъ къ молодцу, удалецъ къ удальцу, и на землѣ и на водѣ. А ужъ какое житье-то тамъ привольное, индо разсказать тебѣ не могу!—продолжалъ казакъ.—Камыши биткомъ набиты волками, лисицами, порѣшными (выдрами) и другими разными рѣдкими звѣрями. Рѣчки, озерки и ильмени, какъ сукномъ, покрыты разной птицей. По ночамъ, отъ гусинаго гаганья, да отъ утинаго кряканья, да отъ свиста и чиликанья разныхъ птицъ, нельзя разговаривать на улицѣ. А какъ по вечернимъ, да по утреннимъ зорямъ стройно и голосисто запоютъ и закликаютъ бѣлые красавцы-лебеди, такъ вотъ, кажется, душа и хочетъ вылетѣть вонъ, просто заслушаешься. Въ Яикѣ и проранахъ красная рыба (бѣлуги, осетры и проч.), почитай по верху ходитъ: любую выбирай и подсаживай на багоръ. Просто насчетъ звѣрей, птицъ и рыбъ Гурьевъ городъ самое обильное мѣсто—лучше его нѣтъ во всей нашей землѣ; не даромъ про него говорятъ: „Гурьевъ городокъ—Москвы уголокъ". Не очень далеко отъ него, на другой сторонѣ моря, есть еще большой городъ Астрахань, не нашъ, то есть не казачій, а русскій. Оттуда каждое лѣто гурьбой пріѣзжаютъ въ Гурьевъ купцы съ шелковыми да парчевыми товарами, съ яблоками, сливами, виноградомъ и съ разными ягодами и сластями, которыхъ ты никогда не видывала, но которыя лучше и слаще всякаго мяса, кумыса, которымъ вы лакомитесь. Богъ дастъ, самъ заведу судно или большую лодку и свожу тебя въ Астрахань людей посмотрѣть, себя показать. Теперь, говорятъ,

гурьевцы начинаютъ уже заводиться судами и плавать въ Астрахань. Первый изъ казаковъ на это ремесло пустился, какъ слышно, Ѳедоръ Андреичъ Поповъ. Онъ, говорятъ, человѣкъ зажиточный и милостивый. Къ нему обращусь, и онъ, надѣюсь, не откажетъ въ помощи. Сначала буду работать на него, а потомъ, увидя мое стараніе, онъ пособитъ мнѣ самому обзавестись хозяйствомъ. Я и безъ того давно намѣренъ переѣхать на житье въ Гурьевъ, вѣдь я родился тамъ, и меня туда вотъ такъ что-то и тянетъ. Зимой стану рыбачить, стрѣлять кабановъ, ловить капканами волковъ, лисицъ, порѣшенъ, а лѣтомъ торговать этимъ товаромъ, да всѣми силами тебя, моя красавица, любить-жаловать и успокаивать.

— Согласна ли, моя милая, бѣжать со мной?—спросилъ Вася дѣвушку послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

Дѣвушка ничего не отвѣчала, покачала головой и призадумалась.

— Отчего ты призадумалась, моя ненаглядная?—примолвилъ Вася, видимо огорченный отказомъ Алтыны и неудачей задуманнаго имъ плана.—Если не любишь, скажи прямо, сердиться я не стану: вѣрно ужъ такъ на роду мнѣ написано терпѣть и страдать отъ тебя.

— Ахъ, Вася! не надсаждай мое сердце: мнѣ и безъ того тошно!—отвѣчала дѣвушка со слезами на глазахъ.—Если бы я тебя не любила—я бы не знаться съ тобой. Вотъ ужъ цѣлыхъ полгода, ты не выходишь у меня изъ памяти; только и думаю о тебѣ...

— Да что толку-то въ томъ,—прервалъ казакъ:—думать думаешь, а на дѣло не подаешься.

— Ахъ, Вася,—продолжала дѣвушка,—мнѣ иногда приходитъ на умъ вотъ что еще: что, думаю, если бы ты...

Дѣвушка не договорила, умолкла и робко взглянула на казака. Онъ со вниманіемъ и нѣкоторымъ удивленіемъ по-

— Не смѣю, Вася, боюсь: ты разсердишься.

смотрѣлъ на нее, и потомъ, видя, что она по прежнему молчитъ, спросилъ:

— Ну, что: „если бы я“, договаривай.

— Нѣтъ, нѣтъ, говори!

— Да я думаю вотъ о чемъ,—проговорила дѣвушка нерѣшительно и запинаясь почти на каждомъ словѣ.—Я думаю: что если бы ты оставилъ русскихъ, перемѣнилъ свой законъ и принялъ нашу вѣру,—вѣдь вотъ тогда-то бы отецъ мой полюбилъ тебя, какъ сына, отдалъ меня за тебя замужъ, и мы откочевали бъ въ орду, да стали бы жить съ тобой счастливо во всякомъ привольѣ и удовольствіи.

Вася не ожидалъ такого смѣлаго и, по его мнѣнію, дерзкаго предположенія со стороны киргизки. Онъ поблѣднѣлъ отъ злобы и бѣшенства, хотѣлъ-было плюнуть въ лицо дѣвушки и уйти домой, чтобы никогда ее больше не видать; но, опомнясь и придя въ себя, пустился на хитрости.

- Хорошо ты, Алтынушка, говоришь, спору нѣтъ,—сказалъ мягкимъ голосомъ Вася: но, послушай-ка, я скажу лучше. Напримѣръ, я мужъ, а ты жена, скажи: кто за кѣмъ долженъ идти—мужъ ли за женой или жена за мужемъ?—а?

— Не знаю,—отвѣчала дѣвушка.

— А, не знаешь! Ну, такъ я тебѣ скажу: жена должна идти за мужемъ! Такъ ужъ испоконъ вѣку не нами заведено и устроено, такъ водится между всѣми людьми, и русскими и киргизами. Знаешь, гдѣ игла—тамъ и нитка; гдѣ голова—тамъ и ноги. Стало-быть не я, а ты должна идти за мной. Понимаешь, душенька?—продолжалъ Вася рѣшительнымъ и повелительнымъ тономъ.—Согласна, что ли, бѣжать со мной? да, или нѣтъ?

— Я и прежде сказала тебѣ, что бѣжала бы, но не умѣю, да еще и совѣсть какъ-то зазритъ.

— Ну, если доброй волей не соглашаешься—я насильно свезу тебя, и тогда совѣсть у тебя будетъ покойна. Слышишь!—присовокупилъ казакъ энергически.

Дѣвушка не отвѣчала, упала на грудь казака и, заливаясь слезами, тихо проговорила:

— Ахъ, Вася, какой ты сердитый, такъ съѣсть меня и хочешь; ну, успокойся, дѣлай самъ, какъ знаешь.

„Эхъ-ма, думалъ Василій Струняшевъ, возвращаясь изъ-за Урала домой. Хитра ты, Алтынушка, да глупа вмѣстѣ съ тѣмъ; вишь, какъ она подъѣхала, да не на того напала. Вижу, голубушка, тебѣ и хочется и колется. Да ужъ удружу, увезу я тебя силой, чтобы совѣсть у тебя не зазрѣла; скоро, скоро увезу. Окрещу тебя, некрещеная; за это начальство головы съ меня не сниметъ, чай еще похвалитъ".

Съ такими мыслями Струняшевъ возвратился домой.— Въ концѣ предыдущей главы мы видѣли его рѣшившимся на что-то и ушедшимъ въ лѣсъ. Теперь, даже не слѣдуя за нимъ, можно навѣрное сказать, что онъ пошелъ для похищенія Алтыны, а братъ его, Иванъ, поплылъ въ бударкѣ къ нему на помощь.

Удалось ли Васѣ увезти любовницу и какія изъ того произошли послѣдствія—увидимъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Взобравшись въ лѣсъ, Вася не шелъ, а бѣжалъ по знакомой уже ему тропинкѣ и вскорѣ очутился на берегу Урала, противу того мѣста, гдѣ была кочевка его возлюбленной. Въ то время наступили уже темныя сумерки. Васей овладѣла какая-то безотчетная грусть, и сердце его билось сильнѣе обыкновеннаго.—Усѣвшись на яру, Вася погрузился въ глубокую думу и оставался въ такомъ положеніи до пріѣзда брата.

Приближаясь къ Васѣ, безпечный и беззаботный Иванъ напѣвалъ вполголоса пѣсню, въ то время общеупотребительную на Уралѣ, которая, впрочемъ, и до сихъ поръ сохранилась у казаковъ, живущихъ по линіи.

Не бѣлая березка съ березкой свшалась,
Не кудрявая къ землѣ приклонялась;
Не сизой то голубь съ голубкой слеталися:
Молодой то парень съ дѣвушкой свыкалися.
Совыкалися-то они ровно три годочка —
Разставалися-то они только три часочка.

Совыканьице у нихъ было подъ бѣлой березкой,
Разставаньице у нихъ было подъ горькой осиной.
Совыканьице у нихъ было тайно,
Разставаньице у нихъ было явно.
— Я поѣду, душенька, во путь во дорожку,
На чужую, дальную на сторонку.
Если скучно тебѣ будетъ, пиши ко мнѣ письма.
— Я писать-то, мой миленькій, не умѣю,
А писарей просить, дѣвушка, не смѣю.

Услышавъ голосъ брата, Вася вышелъ изъ задумчивости и, желая разсѣять грусть свою, принялся подпѣвать Ивану, но лишь только дошелъ до стиховъ:

Совыкались-то они ровно три годочка,
Разставались-то они только три часочка,—

какъ въ ту жъ минуту остановился и замолкъ.

„Ужъ не пророчитъ ли эта пѣсня мнѣ несчастіе и неудачу? Ужъ не насчетъ ли меня она сложена?“—проговорилъ, послѣ минутнаго молчанія, Вася, видимо смущенный такою случайностію.

— Оставь, пожалуйста, Ванюша, такую заунывную пѣсню до другого раза,—сказалъ онъ брату, который въ то время приставалъ къ берегу,—а теперь примемся-ка за дѣло.

— Я ужъ допѣлъ,—отвѣчалъ братъ.—Да что она тебѣ, эта пѣсня-то, не нравится?—простодушно спросилъ онъ Васю.—Кажись, ты сію минуту и самъ мнѣ подтягивалъ.

— Подтягивать-то подтягивалъ, да пересталъ; стало быть, и спрашивать не для чего: не нравится эта пѣсня мнѣ—да и только!

— Слышу. Ну, пересталъ и я. Что еще о другомъ-то о чемъ скажешь?

— Я ужъ сказалъ, что надо за дѣло приниматься.

— Я готовъ,—отвѣчалъ Иванъ.

— А готовъ, такъ и хорошо,—продолжалъ Вася послѣ нѣкотораго молчанія.—Слушай, Ваня. Теперь ты не нуженъ мнѣ. Я останусь здѣсь одинъ, а ты сію минуту бѣги домой.

*

запряги пару соловыхъ въ тагарку (въ повозку) и выѣзжай за форпостъ; около креста, подъ горой, дожидайся меня; да смотри, осторожнѣе будь, чтобы мамушка ничего не замѣтила и не разболтала бы до поры до времени; а я, какъ только справлюсь съ дѣломъ, тотчасъ явлюсь къ тебѣ. Тогда живо покатимъ въ Калмыковскую крѣпость. Отецъ Петръ, я говорилъ съ нимъ сегодня, обѣщался все сдѣлать. „И кума съ кумой, говоритъ, приготовлю, и самого тебя, говоритъ мнѣ, послѣ крещенья Алтыны, съ ней обвѣнчаю". Дѣло идетъ пока на стать, хорошо; что-то будетъ дальше — неизвѣстно. Да что загадывать, да замерекивать впередъ,— заключилъ Вася:—семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, говоритъ пословица. За дѣло, любезный братъ!

— Ладно, ладно,—сказалъ Иванъ, выходя изъ бударки и передавая весло Васѣ.

Черезъ минуту Вася былъ на другомъ берегу Урала, а братъ его побѣжалъ домой.

Еще черезъ минуту, Вася, какъ воръ, какъ тать, лежалъ притаясь въ кустахъ неподалеку отъ киргизскаго аула.

Еще чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвращался назадъ къ бударкѣ, влача за руку встревоженную и плачущую Алтыну.

Чрезъ полчаса онъ уже мчался съ ней въ повозкѣ по дорогѣ къ Калмыковской крѣпости.

Чрезъ часъ онъ уже былъ на мѣстѣ, у воротъ священническаго дома.

Но тутъ Васю поразилъ ударъ, котораго онъ вовсе не предвидѣлъ: священника не было дома. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ онъ уѣхалъ, по требованію дистаночнаго атамана, въ Сахарную крѣпость, верстъ за восемьдесятъ слишкомъ, къ одному тяжко больному человѣку. Ошеломленный такою неожиданностію, Вася растерялся и не зналъ, что дѣлать. Куда дѣвать Алтыну? Оставить до поры до времени въ Калмыковѣ—не у кого, везти домой опасно: ночь уже приближалась къ разсвѣту, и кто-нибудь могъ его съ ней замѣтить и открыть отцу убѣжище дочери. От-

везти тихонько въ киргизскій аулъ до другого удобнаго случая—еще хуже: Вася предвидѣлъ уже тревогу, которая скоро должна подняться въ аулѣ, вслѣдствіе его проказы. Успѣй онъ окрестить дѣвушку и съ ней обвѣнчаться—за него бы вступился цѣлый форпостъ, но теперь? И говорить нечего: кому какая охота защищать несправедливое дѣло и принимать въ чужомъ пиру похмѣлье? Сердце у Васи разрывалось отъ досады, а голова кружилась, какъ у угорѣлаго. Нужно же было, наконецъ, на что-нибудь рѣшиться. Въ отчаяніи Вася поскакалъ назадъ и до разсвѣта однако жъ успѣлъ пріѣхать домой. Тамъ онъ немного поуспокоился и пришелъ въ себя. Запрятавъ Алтыну въ пустой ледникъ, онъ пошелъ къ есаулу (форпостному начальнику), объявилъ о всемъ случившемся, и просилъ его защиты и покровительства. Эсаулъ, человѣкъ добрый, любившій Васю за его честность и молодечество, не только не порицалъ, но еще одобрилъ его молодецкій подвигъ, на основаніи той непреложной истины, что „быль молодцу не укора", и что, сверхъ того, привести басурманку въ крещеную вѣру есть дѣло христіанское, душеспасительное. Обнадеженный покровительствомъ эсаула, Вася ободрился и рѣшился ждать возвращенія священника изъ поѣздки.

Между тѣмъ насталъ день, и въ аулѣ киргизскомъ замѣтили отсутствіи Алтыны. Весь аулъ поднялся на ноги и бросился отыскивать бѣглянку. Вскорѣ напали на слѣдъ. Въ кустахъ нашли платокъ Алтыны, а на пескѣ, близъ воды, примѣтили отпечатокъ сапоговъ ея, вмѣстѣ съ другимъ человѣческимъ слѣдомъ. Тутъ же былъ признакъ, свидѣтельствовавшій, что незадолго предъ тѣмъ вытаскивали изъ воды и спускали на воду бударку, а на противоположномъ берегу рѣки увидѣли и самую бударку, которая оказалась принадлежащей братьямъ Струняшевымъ. Тогда вспомнили, что одинъ изъ братьевъ, Василій, весьма часто посѣщая прежде безъ всякой причины аулъ, видался и переговаривался наединѣ съ Алтыною, вспомнили и сообразили съ настоящимъ обстоятельствомъ, сообразили и

прямо и положительно заключили, что Алтыну похитилъ Василій Струняшевъ.

Какъ бѣшеный звѣрь явился на форпостъ отецъ Алтыны и сталъ требовать дочь. Но эсаулъ велѣлъ прогнать его. Тогда обиженный и озлобленный киргизъ обратился въ Кулагинскую крѣпость къ дистаночному атаману, и не съ пустыми руками, какъ являлся къ эсаулу, а съ кипой хивинскихъ халатовъ и персидскихъ ковровъ. Слѣдствіемъ этого, какъ должно догадываться, было то, что дистаночный атаманъ, любя и уважая болѣе подарки, чѣмъ молодецкіе подвиги казаковъ, вскорѣ явился въ домъ Василія Струняшева съ толпою казаковъ и киргизовъ, и велѣлъ обшарить всѣ углы его жилища.—Алтыну, разумѣется, отыскали и полумертвую отъ испуга увезли за Уралъ, а героя нашего, Василія Струняшева, какъ нарушителя тишины и спокойствія между русскими и мирными киргизами, арестовали и засадили въ темную будку, за желѣзную рѣшетку, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлую недѣлю.

Худо бы Васѣ было, если бы не заступились за него эсаулъ- да калмыковскій священникъ, возвратившійся тѣмъ временемъ изъ поѣздки и сожалѣвшій, въ свою очередь, о томъ, что не удалось ему окрестить киргизку.—Чрезъ заступничество этихъ лицъ Вася получилъ прощеніе, свободу, и вмѣстѣ съ тѣмъ строгій наказъ—не показываться впредь за Ураломъ. Но это предостереженіе было напрасно: отецъ Алтыны, въ тотъ же самый день, какъ взялъ ее отъ Васи, откочевалъ въ степь, и вскорѣ слухъ о немъ пропалъ.

Тогда раскрылись глаза у красноярскихъ жителей насчетъ мнимой и небывалой шутовки, которую, по легкомыслію и суевѣрію, они навязывали прежде на шею Васи. Тогда всѣ убѣдились и признались, что они ошибочно и ложно обвиняли Васю въ связяхъ съ нечистой силой,—всѣ наперерывъ одинъ передъ другимъ старались пріобрѣсть дружбу и расположеніе его, всѣ спѣшили извиниться предъ нимъ и просили забыть прошлое. Но Васѣ, и безъ нихъ, самому хотѣлось забыть прошлое, да оно что-то не вдругъ за-

бывалось. Сильно мучила его досада, сильно глодало сердце его обиженное неудачей самолюбіе, тошно сдѣлалось Васѣ,— онъ радъ былъ провалиться сквозь землю, чтобы только избавиться отъ воспоминанія о прошломъ, которое часто являлось его воображенію и кидало въ огонь. Совсѣмъ, наконецъ, опротивѣла ему жизнь въ Красноярскомъ форпостѣ, гдѣ каждый предметъ напоминалъ ему Алтыну и неудачный его подвигъ. Онъ рѣшился покинуть это мѣсто и переѣхать, съ братомъ и теткой, на житье въ Гурьевъ-городокъ, на свою родину, куда и прежде того, давно и часто, порывалось его желаніе. Тамъ, на мѣстѣ покинутаго и развалившагося отцовскаго дома, братья Струняшевы выстроили новый, сосновый, съ комнаткой наверху, по образцу астраханскому. Вскорѣ богатая и обширная рыбная ловля, удачная и обильная звѣриная охота сдѣлалась для трудолюбивыхъ, смѣтливыхъ и предпріимчивыхъ братьевъ Струняшевыхъ источникомъ богатства, такъ что чрезъ годъ послѣ переселенія въ Гурьевъ, они считались одними изъ первыхъ по зажиточности казаковъ. Къ этому времени совсѣмъ успокоился и Вася. Красноярская его проказа—какъ онъ самъ называлъ похожденіе свое съ киргизской дѣвушкой—совершенно изгладилась изъ его памяти, чему еще больше содѣйствовало нижеслѣдующее обстоятельство.

Посѣщая часто сосѣдственную Сарайчиковскую крѣпость, гдѣ жилъ его товарищъ по охотѣ, Вася увидѣлъ тамъ и полюбилъ одну хорошенькую дѣвушку, круглую сироту, не имѣвшую ни отца, ни матери и жившую, въ родѣ пріемыша, въ чужомъ и бѣдномъ домѣ. Познакомившись на вечеринкахъ съ Дашей—такъ звали эту дѣвушку—и всматриваясь въ лицо ея, Вася сталъ припоминать, что онъ прежде, когда-то и гдѣ-то, видѣлъ это хорошенькое личико, но когда и гдѣ именно—не зналъ. Однажды онъ приступилъ-было къ Дашѣ съ разспросами: не была ли она когда вотъ тамъ-то, тамъ-то? Не помнитъ ли, не видала ли она самого его гдѣ? Но Даша отвѣчала, что она родилась и выросла въ Сарайчикѣ, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не была и что самого его дотолѣ нигдѣ не видала.

„Что бы это значило? думалъ Вася. Вѣдь лицо-то знакомо,—да не только лицо то—и одежда та самая. Не во снѣ ли ужъ она мнѣ когда снилась... Ахъ, вспомнилъ, вспомнилъ!“ почти вслухъ проговорилъ Вася. Потомъ, обратясь къ дѣвушкѣ, сказалъ:

— Даша! вѣдь я тебя видѣлъ!

— Когда и гдѣ?—спросила дѣвушка.

— Два года тому назадъ, во время Святокъ, въ Красноярскомъ форпостѣ.

— Вотъ-те разъ!—сказала улыбаясь дѣвушка.—Да я тамъ отродясь не была.

— Ты не была, такъ твой ликъ былъ или твоя душа была.

— Какъ такъ?

— Да просто такъ: я гадалъ, и въ гаданьѣ тебя видѣлъ.

— А какъ же ты гадалъ?

— А вотъ какъ я гадалъ. Наканунѣ Новаго года, то есть на самый Васильевъ вечеръ, знаешь, сдѣлалъ я колодезь и постановилъ себѣ подъ головы. Ложась спать, я и загадалъ: „сужена, ряжена, приди ко мнѣ, изъ колодца моего воды зачерпни“. Лишь только эти слова проговорилъ, какъ въ ту-жъ минуту и заснулъ, а лишь только заснулъ, какъ ты, ровно на-яву, мнѣ и привидѣлась; пришла ты, помню, съ ведрами на плечахъ. Какъ теперь смотрю, ты была вотъ въ этомъ самомъ канаватномъ сарафанѣ, и вотъ подъ этой самой индѣйской ширинкой. Я хотѣлъ-было съ тобой заговорить, да въ это самое время постучались въ окно шабровы дѣвки и меня разбудили. Онѣ спрашивали, какъ зовутъ ихъ суженыхъ, а я осердился на нихъ, что онѣ помѣшали мнѣ, да и наговорилъ имъ—будь онѣ неладны—такихъ именъ, какихъ, чай, и въ святцахъ нѣтъ. За то ужъ и мнѣ отъ нихъ досталось: разбранили онѣ меня, на чемъ свѣтъ стоитъ. Одна озорница пустила еще мнѣ такую пулю, что я хотѣлъ выбѣжать на улицу и хорошенько намять ей бока-то. — „Чтобы тебѣ, сказала она мнѣ: вѣкъ за это не видѣть своей суженой“. Такая эта дѣвка была „спа“—не

приведи Богъ! За то и теперь, кажись, сидитъ въ дѣвкахъ.— „Проваливайте!“ сказалъ я имъ съ сердцемъ и опять легъ-было на постель, да не спопашился, и стаканъ-то съ водой, что означалъ колодезь, пролилъ. Больше ты мнѣ ужъ не привидывалась.

— Да вотъ теперь, слава Богу, на-яву привидѣлась,— продолжалъ Вася, глядя пристально въ глаза Дашѣ.—Что ни говори, а ты, Дашенька, должно быть, моя суженая.

— Ахъ, Васенька, что ты говоришь, побойся Бога и постыдись людей,—сказала краснѣя и смущаясь дѣвушка.— Ну, статочное ли дѣло, чтобы я была твоей суженой? Ты богатъ, а я круглая сирота,—нѣтъ у меня ни отца, ни матери,—нѣтъ ни роду, ни племени. У меня только и есть одинъ этотъ сарафанъ, вотъ что на мнѣ, да и тотъ чуть-чуть держится: еще въ немъ ходила матушка моя, когда была въ дѣвушкахъ, да я...

— Ты не говори объ этомъ, Дашенька,—прервалъ Вася,—а только скажи по совѣсти, скажи истинную правду: любъ я тебѣ, или нѣтъ. Если любъ, то завтра же пришлю за тобой мамушку, и она перевезетъ тебя къ намъ въ домъ. Толковать тутъ нечего. Родителей и родныхъ у тебя нѣтъ, а тѣ, у которыхъ ты живешь, рады будутъ тебя съ рукъ сбыть,—они, знаю, люди бѣдные. Я дамъ имъ за тебя, ради ихъ бѣдности, и кладку, а тебя возьму съ тѣмъ, съ чѣмъ ты есть; мнѣ не имѣнье, а человѣкъ нуженъ; у насъ, слава Богу, на все хватитъ. Что же скажешь, Дашенька? жду отъ тебя отвѣта?

— Коли не шутишь ты, Васенька, коли не въ насмѣшку это говоришь,—отвѣчала простосердечная дѣвушка,—то я по чистой совѣсти скажу тебѣ: „ты любъ мнѣ“.

Такое прямое и простое объясненіе заключилось, какъ слѣдуетъ, искренними поцѣлуями.

Спустя послѣ того нѣсколько дней, Даша переѣхала къ Струпяшевымъ и помѣстилась съ ихъ теткой въ особой комнаткѣ. Старуха страстно полюбила будущую свою племянницу, а Вася не чаялъ въ ней души. Приступили къ изго-

товленію приданаго и всего необходимаго для молодыхъ. На это, разумѣется, много потребовалось денегъ, а потому, чтобы не обезсилить своего капитала, Вася не вдругъ спѣшилъ свадьбой, приготовляясь къ этому важному случаю неторопясь, исподволь,—да и не для чего было ему спѣшить: Даша жила въ его домѣ, и онъ не боялся, чтобы кто-нибудь отнялъ ее у него, какъ когда-то отняли Алтыну, о которой онъ, не мѣшаетъ повторить, совершенно забылъ.

Вотъ такія-то были домашнія обстоятельства Василья Струняшева, когда мы въ первый разъ увидѣли его разговаривающимъ съ киргизомъ насчетъ поѣздки въ Астрахань съ хивинскимъ караваномъ. Вотъ такія-то были причины, по которымъ онъ сначала не хотѣлъ принять предложенія отъ хивинцевъ ѣхать въ Астрахань.

VI.

Въ одинъ изъ пасмурныхъ декабрьскихъ дней, которыми такъ богатъ Гурьевъ-городокъ, около двухъ часовъ по-полудни, растворились Спасскія ворота *), и изъ нихъ потя-

*) Теперь Гурьевъ-городокъ безъ всякихъ укрѣпленій, но въ старину онъ былъ окруженъ сперва каменною съ башнями стѣною, а потомъ, когда стѣна пришла въ разрушеніе, высокимъ и частымъ палисадомъ. По четыремъ угламъ этого палисада (обломки котораго и я помню), возвышались каменные барбеты, или фланги (по крайней мѣрѣ, казаки ихъ такъ называли), вооруженные чугунными пушками и мортирами. Въ стѣнѣ, а потомъ въ палисадѣ было четверо воротъ; изъ нихъ одни, обращенныя къ берегу Урала, назывались Спасскими. Теперь отъ всего этого почти и признаковъ не осталось, исключая небольшой валообразной возвышенности, огибающей квадратомъ одинъ кварталъ города съ площадью, гдѣ былъ старый городокъ,—да десятка полтора ржавѣющихъ чугунныхъ пушекъ.—Настоящее свое названіе Гурьевъ-городокъ получилъ отъ основателя своего, рыбопромышленника русскаго купца Михаила Гурьева; но въ старину, вплоть до XVIII столѣтія, онъ именовался Яицкимъ городкомъ, или городкомъ на устьѣ р. Яика, а иногда и Каменнымъ городкомъ. Построеніе этого городка относится къ первой половинѣ XVII вѣка (между 1640 и 45 г.).—До 1733 года Гурьевъ-городокъ состоялъ въ вѣдѣніи Астра-

пулся длинной вереницей, возъ за возомъ, большой обозъ, нагруженный тюками и мѣшками съ хивинскимъ товаромъ.—Впереди всѣхъ, ведя за уздцы любимаго своего саврасаго коня, шелъ Василій Струняшевъ. Рядомъ съ нимъ шли, по одну сторону тетка, по другую Даша. Всѣ трое молчали. Старуха охала и про себя шептала молитвы; дѣвушка, держась за руку Васи, плакала и часто взглядывала на него.—Вася посматривалъ то на тетку, то на невѣсту, но больше на послѣднюю. Какъ ни старался Струняшевъ казаться спокойнымъ, но слезы такъ вотъ, кажись, и готовы были брызнуть изъ глазъ, что называется, въ три ручья. Не въ первый разъ доводилось Васѣ покидать домъ и разставаться съ близкими его сердцу, но никогда онъ не чувствовалъ такой смертельной тоски, такого тяжелаго горя, какъ въ эту минуту.—Бывало, сѣвши на коня, онъ перекрестится, возьметъ пику на перевѣсъ и съ радостнымъ біеніемъ сердца полетитъ, да еще куда?—туда, гдѣ на каждомъ шагу можно было наткнуться на киргизское копье. А теперь, отпра-

---

ханской губерніи, а въ этомъ году онъ перешелъ въ составъ Оренбургской, именно—въ вѣдомство уральскихъ казаковъ. Съ этого же времени и стали въ немъ селиться уральцы; а дотолѣ они имѣли тутъ временное пребываніе, посылаясь по наряду отъ войска въ помощь тамошнему гарнизону, состоявшему изъ регулярныхъ солдатъ.—Гурьевъ-городокъ имѣетъ важное значеніе въ быту уральцевъ. Вотъ именно почему. До поступленія его въ вѣдомство Оренбургской губерніи, при немъ, въ самыхъ устьяхъ Урала, были казенные рыбные промыслы, содержавшіеся на откупу у частныхъ астраханскихъ промышленниковъ. Промышленники дѣлали поперекъ всей рѣки изъ бревенъ перебои, или такъ-называемые учуги, и тѣмъ заграждали входъ рыбѣ изъ моря въ Уралъ. Изъ-за этого у казаковъ съ астраханцами возникали частые и великіе споры, весьма затруднявшіе начальство въ разбирательствѣ. Наконецъ, по просьбѣ казаковъ и по ходатайству оренбургскаго губернатора Неплюева, право содержанія учуговъ было передано отъ Правительствующаго Сената, на вѣчныя времена, уральцамъ, со взысканіемъ съ нихъ, каждогодно, въ пользу казны, той суммы, какую платили астраханцы (4602 р. 69 к. ас.). Это было между 1742—1752 г. Впослѣдствіи времени казаки перенесли учугъ къ г. Уральску. Но память о гурьевскихъ учугахъ доселѣ сохранилась въ названіи Гурьева-городка: „Учукъ-кала", въ названіи, которымъ величаютъ его киргизы. Учукъ-кала, значитъ буквально „Городъ Учуговъ".

вливъ съ толпой товарищей въ обыкновенный путь, гдѣ не предстояло никакой особой опасности, онъ, такъ-сказать, былъ подавленъ какимъ-то безотчетнымъ горемъ,—сердце его сжималось отъ тоски, какъ будто предчувствуя великую невзгоду.

Самая погода въ то время располагала къ унынію и наводила тоску на душу. Густой туманъ, поднимаясь съ моря, застилалъ Гурьевъ и его окрестности, а огромныя стаи воронъ и галокъ съ визгомъ и крикомъ вились и кружились въ воздухѣ.

За послѣдними санями, принадлежащими Струняшеву, поджавъ хвостъ и опустивъ морду, шелъ, лѣниво передвигая ноги, старинный и любимый слуга Васи, Буянка—большой желтый кобель. Съ виду собака, какъ и хозяинъ, казалась печальной и унылой. Прежде, бывало, куда бы Вася ни выѣзжалъ изъ дома, верхомъ ли, въ саняхъ ли, Буянка не давалъ переду хозяину: лая и прыгая отъ радости, онъ, бывало, носился впереди хозяина, а теперь казался совсѣмъ другимъ, печальнымъ, угрюмымъ, какъ-будто въ воду опущеннымъ.

Передовая лошадь Васи, сильная и крѣпкая, два раза спотыкалась и падала на колѣни, чего никогда за ней не водилось.

Но Вася ни на что не обращалъ вниманія. Онъ не замѣчалъ ни унынія собаки, ни спотклнвости лошади, не замѣчалъ даже и того, что извѣстный читателямъ старикъ-киргизъ, Кара-Кузька, идя около саней и перекладывая съ мѣста на мѣсто нѣкоторыя вещи, которыя лежали на возу, между прочимъ, нерѣдко прикасался къ завѣтному ружью, до котораго, какъ до драгоцѣнности, Вася никому, даже родному брату, не дозволялъ дотрогиваться.

Между тѣмъ весь обозъ спустился съ берега на ледъ Урала и остановился. Спутники Струняшева, прощаясь съ домашними, собрались въ кружокъ около порядочной величины боченка съ чихирем. Каждый изъ нихъ хотѣлъ заглушить виномъ горечь разлуки съ родными, хотя непродолжи-

тельной, но все-таки разлуки. Нѣсколько разъ товарищи приглашали Васю выпить съ ними стаканъ-другой вина на прощанье, но Вася каждый разъ отказывался: ему было вовсе не до питья.

— Хоть для компаніи выпей стаканчикъ, Василій Ивановичъ,—сказалъ, наконецъ, одинъ изъ казаковъ, подходя къ нему съ стаканомъ чихиря:—вѣдь изъ-за компаніи, говорятъ, жидъ удавился.

— Туда ему и дорога,—отвѣчалъ Вася,—а ужъ меня, братцы, увольте, сдѣлайте милость, увольте: не хочется мнѣ пить, да и только.

Больше товарищи не настаивали, и одни принялись доканчивать боченокъ. Вскорѣ боченокъ опростался, и на его мѣстѣ явился другой, но и тотъ имѣлъ одинаковую съ первымъ участь. Казаки повеселѣли и, по обыкновенію, или, какъ говорятъ казаки, по обычаю предковъ запѣли пѣсню, свою родную, такъ-сказать, доморощенную пѣсню:

Не ясные соколики слеталися,
Не хивинскіе визирюшки съѣзжалися:
Сходилися, съѣзжались добры молодцы,
Добры молодцы, уральскіе казаченьки.
Они думу крѣпку думали:
— Да кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребята, эсауломъ слыть?
— Ужъ мы выберемъ, ребята, атаманушку,
Атаманушку мы выберемъ „походнаго“,
Эсаулушку мы выберемъ „залетнаго“.
Атаманъ-то говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубитъ,
Эсауль-то говоритъ, братцы, какъ въ свирѣль свиститъ.
— Еще долго ль намъ, ребята, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребята, караулъ держать?
Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
А Куванъ-рѣку пройдемъ во глуху полночь,
А въ Хиву придемъ вкругъ бѣлой зари.
Мы хивинскому султану не покоримся,
Съ его младыми женами познакомимся:

А поклонимся, покоримся Царю-Бѣлому,
Царю-Бѣлому, ребята, Петру Первому *)!

— Довольно, братцы! — сказалъ Василій Струняшевъ своимъ спутникамъ, когда тѣ, кончивъ пѣсню, хотѣли-было приниматься за другую.—Пора, товарищи, ѣхать, день ужъ

*) Пѣсня эта, въ числѣ другихъ, была напечатана съ нѣкоторыми измѣненіями въ 8 № „От. Зап." 1848 г. У собирателя уральскихъ пѣсенъ г. Иванина, между прочимъ, есть въ этой пѣснѣ вотъ какіе стихи:

— Налёта мы возьмемъ походнаго,
— Нечая-казака возьмемъ бывалаго.

Слово „налётъ" мы должны принимать за имя нарицательное, приданное здѣсь въ эпитеты къ слову „Нечай"; къ нему же должно отнести и слово „походный". Во всякомъ случаѣ, эти два стиха относятся къ личности одного Нечая. Но уральцы, извѣстно мнѣ, имени Нечая въ этой пѣснѣ не упоминаютъ, да и не къ чему, какъ увидимъ ниже. Я спрашивалъ объ этомъ многихъ казаковъ-пѣсенниковъ, но отъ всѣхъ и каждаго получалъ въ отвѣтъ: „не знаемъ, не слыхали". Я догадываюсь, что г. Иванинъ, припомнивъ преданіе казаковъ, переданное намъ академикомъ Рычковымъ о походѣ казачьяго атамана Нечая въ Хиву, гдѣ этотъ удалецъ погибъ съ своимъ отрядомъ, вставилъ имя его въ пѣсню, желая, вѣроятно, опредѣлить тѣмъ время и событіе, съ которыхъ взялась пѣсня. Или, быть можетъ, кто-нибудь изъ уральцевъ, передавая г. Иванину содержаніе пѣсни, ввернулъ въ нее, для пущей важности, имя Нечая. Но какъ бы то ни было, я думаю совсѣмъ противное, т. е. содержаніе пѣсни отношу къ событію не этого похода, а другого—къ событію похода Шамаева.

Можно безошибочно сказать, что Нечай былъ не походный, какъ обрисовывается онъ въ пѣснѣ г. Иванина, а настоящій, т. е. войсковой атаманъ, управлявшій казаками самовластно. Это доказывается уже тѣмъ, что онъ, вблизи города, въ казачьихъ земляхъ, повѣсилъ дьяка (секретаря), осмѣлившагося сдѣлать ему замѣчаніе о трудности и неудобовыполнимости задуманнаго въ Хиву похода.—Предположеніе о самовластіи Нечая я дѣлаю изъ слѣдующаго вывода: если Нечай былъ походный атаманъ, то онъ не смѣлъ идти въ Хиву безъ согласія войскового атамана и безъ согласія всего войска, т. е. всего казачьяго народа. Если предположить, что онъ пустился въ походъ самовольно съ шайкой рыцарей-охотниковъ, то дьяку, предвидѣвшему неудобность и трудность похода, рѣшительно не было причины слѣдовать за искателемъ приключеній и рисковать своею жизнію.—Если допустить, что Нечай былъ посланъ въ этотъ походъ войсковымъ атаманомъ съ согласія войска, то

на исходѣ, а намъ еще нужно засвѣтло добраться до моря.— Ну, атаманы-молодцы, прощайтесь съ родными, да въ путь-дорожку, только на этотъ разъ не въ Хиву, какъ вы сейчасъ

несчастному дьяку тѣмъ больше не было причинъ дѣлать возраженія Нечаю насчетъ похода, когда Нечай былъ слѣпымъ исполнителемъ воли другого, старшаго.—Но если предположить даже, что выборъ Нечая въ атаманы, по содержанію пѣсни, происходилъ на Яикѣ, до похода казаковъ въ Хиву, то казаки не могли въ выраженіяхъ своихъ опредѣлять начало похода переходомъ чрезъ Сыръ-Дарью, т. е. ненатурально бы говорить имъ прямо:

Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера, —

потому что отъ Яика до Сыръ-Дарьи больше чѣмъ тысяча верстъ, потому что прежде, чѣмъ можно добраться до Сыръ-Дарьи, нужно было переходить чрезъ Сагизы, Эмбы, Темиры и множество другихъ въ то время болѣе или менѣе значительныхъ степныхъ рѣчекъ.

Итакъ, по мнѣнію моему, удалый Нечай вовсе не нуждался въ выборѣ себя въ атаманы, если скажу притомъ, что событіе, пѣсней выраженное, происходитъ не на Яикѣ и не на моряхъ, какъ выражается г. Иванинъ, а въ киргизской степи. Извѣстно, что Нечай умеръ атаманомъ и умеръ въ степи, т. е. онъ былъ убитъ въ сраженіи съ хивинцами. Только послѣ него могли казаки „думать крѣпку думу о томъ, кому у нихъ атаманомъ быть". Но въ томъ-то и бѣда, что думать-то некому было, потому что отъ отряда Нечаева осталось только два-три казака, какъ говоритъ Рычковъ, писавшій о томъ слишкомъ за сто лѣтъ назадъ.

Вышеприведенная пѣсня, съ достовѣрностію можно сказать, написана мною такъ, какъ она поется у насъ на Уралѣ теперь, и какъ, по отзыву старожиловъ, пѣвалась въ старину. Между тѣмъ, содержаніе ея ясно показываетъ, что сонѣшаніе у казаковъ происходитъ, какъ выше замѣчено, въ киргизской степи, именно на берегахъ Сыръ-Дарьи, гдѣ казакамъ-соколикамъ крѣпко наскучило „караулъ держать". Слѣдовательно, все-таки повторю, о Нечаѣ не могло быть тутъ и помину.

Но долженъ же быть какой-нибудь смыслъ пѣсни? Должна же она, наконецъ, выражать какое-нибудь важное въ исторіи казаковъ событіе? Непремѣнно такъ. Дѣлая на эту пѣсню замѣчанія, я имѣю въ виду пояснить ея значеніе, насколько достанетъ моего соображенія, предоставляя, впрочемъ, другимъ право дѣлать по этому случаю свои выводы и заключенія.

Извѣстно намъ, по преданію же, что другой казачій атаманъ, Шамай, ходилъ по слѣдамъ Нечая въ Хиву, но походъ его, какъ и походъ Нечая, имѣлъ неудачный и печальный конецъ: Шамай попался дорогою въ плѣнъ къ калмыкамъ (оттуда онъ вышелъ на Яикъ, спустя уже нѣсколько

пѣши,—прибавилъ съ принужденной улыбкой Вася,—а въ Астрахань: въ Хиву далеко, а въ Астрахань близко.

Послѣ этого всѣ спѣшили проститься съ родными и усаживались на воза, чтобы по первому знаку пуститься въ путь.

Выбранный казаками въ вожаки и имѣя ужъ тѣмъ нѣкоторую надъ ними власть, Вася хотя и понуждалъ ихъ къ скорому отъѣзду, но, можно сказать, дѣлалъ это вопреки собственному своему желанію, потому что ему больше, чѣмъ кому другому, не хотѣлось покидать домъ—ему больно было оторваться отъ милой и ненаглядной Даши. Онъ неохотно согласился на предложеніе хивинцевъ, и въ этомъ обвинялъ Кара-Кузьку, который, какъ съ ножемъ къ горлу, приставалъ къ нему съ словами:„поѣзжай, да поѣзжай" и, будто

лѣть), а отрядъ его, оставшись безъ предводителя и не имѣя вожаковъ, заблудился въ степи, претерпѣвая ужасный голодъ, принужденъ былъ впослѣдствіи отдаться въ плѣнъ къ хивинцамъ.—Вотъ въ то-то тяжкое время, когда у казаковъ не стало атамана Шамая, когда они, скитаясь около Сыръ-Дарьи, принуждены были на каждомъ шагу беречься или окарауливаться отъ враговъ, когда, не унадая духомъ, надѣялись, еще на удачу, - вотъ въ то-то время „казаченьки", можно предположить, и думали „крѣпку думу" о выборѣ другого атамана—походнаго, т. е. временнаго, который бы довелъ ихъ до Хивы.

Но, быть можетъ, спросятъ меня: какими, дескать, судьбами эта пѣсня дошла до Яика, когда отрядъ Шамаевъ, до единаго казака, оставшагося въ живыхъ, отдался въ плѣнъ хивинцамъ? На это я отвѣчу двояко: во-первыхъ, кто-нибудь изъ казаковъ могъ, впослѣдствіи, выйти изъ Хивы на Яикъ; во-вторыхъ, казаки, оставшіеся на Яикѣ, узнавъ о несчастной судьбѣ своихъ товарищей, очень легко могли сочинить насчетъ ихъ пѣсню. И то и другое правдоподобно.

Что же касается до двухъ послѣднихъ стиховъ:

— А покоримся, поклонимся Царю-Бѣлому,
— Царю-Бѣлому, ребята, Петру Первому,—

это, конечно, анахронизмъ, но я оставилъ эти стихи на томъ основаніи, что казаки всегда, произвольно, какъ имъ вздумается, заключаютъ эту пѣсню стихами, выражающими покорность и преданность ихъ кому-нибудь одному изъ нашихъ милостивыхъ и мудрыхъ Государей.

какой колдунъ, обвелъ его кореньями. Вслѣдствіе этого, онъ неохотно и ѣхалъ въ Астрахань, но дѣло ужъ сдѣлано—не воротишь: Вася далъ слово, а слову своему онъ никогда не измѣнялъ, хотя бы для того нужно было идти въ огонь и въ воду.

Скинувъ шапку и взглянувъ на церковный крестъ, едва виднѣвшійся въ туманѣ, Вася нѣсколько разъ перекрестился, и потомъ, обратясь къ теткѣ, поклонился ей въ ноги и сказалъ: „прости и благослови мамушка".—„Съ Богомъ, мой дорогой кормилецъ", проговорила сквозь слезы старуха и обняла племянника. Послѣ того Вася принялъ въ свои объятія Дашу. При этомъ случаѣ ни онъ, ни она не промолвили отъ горести ни одного словечка. Дѣвушка рыдала, не вытерпѣлъ и Вася—заплакалъ и онъ. Наконецъ, вырвавшись изъ объятій невѣсты, Вася вскочилъ на возъ, тронулъ возжами и безъ оглядки помчался внизъ по Уралу. Спутники его послѣдовали за нимъ.

Черезъ минуту поѣздъ скрылся въ туманѣ. Вскорѣ затихъ и звукъ, который слышался отъ конскихъ копытъ и отъ саней, катившихся по скользкому, безснѣжному льду. Тогда провожавшіе разошлись по домамъ. Остался на мѣстѣ только одинъ киргизъ Кара-Кузька. Онъ нѣкоторое время стоялъ неподвижно и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ той сторонѣ, куда ѣхали казаки. Повидимому, убѣдясь, что никто изъ нихъ не возвращается, онъ побѣжалъ, насколько дозволяла ему хромая нога, въ свою кибитку, которая была отъ того мѣста недалеко, и дорогою ворчалъ что-то про себя. Замѣтно было, что киргизъ занятъ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Близъ кибитки, въ камышѣ, дожидался его неизвѣстный киргизъ. Кара-Кузька шепнулъ ему что-то на ухо, и киргизъ тотчасъ скрылся въ густоту камыша, сѣлъ на лошадь и быстро, насколько позволяла мѣстность, заросшая камышемъ, поскакалъ по направленію къ морю.

По отъѣздѣ киргиза Кара-Кузька призадумался, но потомъ, спустя нѣкоторое время, самъ про себя сказалъ:

„Ага, пріятель! Попадешься, знать, въ наши руки! А

ужъ какъ попадешься, такъ не скоро вырвешься: вдоволь натерпишься муки, да и есть за что... Ты, проклятый Васька, много мнѣ насолилъ, такъ много, что и до сихъ поръ у меня во рту горько! Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ! Не жди отъ меня пощады,—продолжалъ киргизъ,—приходя болѣе и болѣе въ яростное состояніе.—Стыдно будетъ мнѣ отъ людей и грѣхъ отъ Бога, ежели я оставлю тебя и родъ твой безъ отмщенья за кровь дѣтей моихъ!...“

При послѣднихъ словахъ лицо киргиза подернулось смертною блѣдностью и исказилось судорогами.

„Смерть, смерть тебѣ, русскій! Смерть всему твоему роду и племени!“ сказалъ, наконецъ, онъ въ бѣшенствѣ и, скрежеща зубами, скрылся въ кибитку.

Здѣсь на первый разъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о Кара-Кузькѣ.

Почти въ одно время съ переселеніемъ въ Гурьевъ братьевъ Струняшевыхъ, явился въ этомъ городкѣ хромой, худой, покрытый рубищемъ и еле-дышащій, пожилыхъ лѣтъ киргизъ. Онъ объявилъ о себѣ, что онъ байгушъ, больной и безпріютный старикъ, не имѣющій ни роду, ни племени,—что, не находя пристанища въ ордѣ, онъ пришелъ къ русскимъ, чтобы служить имъ по всей силѣ-мочи. Во то время гурьевцы нуждались въ пастухѣ. Они приняли киргиза, напоили и накормили, обули и одѣли его и общими силами построили ему кое-какую кибитчешку или, правильнѣе, шалашикъ. Зато и киргизъ не оставался въ долгу. Онъ рачительно смотрѣлъ за обывательскимъ скотомъ; больше всего заботился угодить братьямъ Струняшевымъ и вкрасться въ ихъ довѣріе, въ чемъ и успѣлъ какъ не надо лучше. Каждое, бывало, утро онъ самъ являлся къ нимъ въ домъ и выгонялъ въ поле коровъ, а вечеромъ, когда стадо возвращалось съ паствы, самъ же пригонялъ ихъ на дворъ Струняшевыхъ. Охотно, бывало, помогалъ старухѣ, ихъ теткѣ, ухаживать за скотомъ

и за дворовой птицей. Самимъ казакамъ служилъ факторомъ при мѣновыхъ и торговыхъ сдѣлкахъ съ киргизами, и всегда при такихъ случаяхъ старался доставить Струняшевымъ больше выгодъ и барышей. Такое усердіе со стороны услужливаго киргизца не осталось безъ вниманія. Вася помогалъ ему, чѣмъ могъ, больше всѣхъ давалъ ему хлѣба, надѣлялъ его деньгами, дарилъ съ плечъ своихъ поношеной одеждой, словомъ, ласкалъ киргизца, какъ не надо больше. Вскорѣ киргизъ свыкся съ домомъ Струняшевыхъ и сдѣлался постояннымъ и, повидимому, усерднымъ и безъ границъ преданнымъ ихъ слугой. Это былъ Кара-Кузька. Казалось, онъ совершенно отдался Васѣ и полюбилъ его всей душой за его благодѣянія и милости,—казалось, онъ всю жизнь свою посвятилъ Васѣ и его семейству,—но какъ волка не корми, онъ все смотритъ въ лѣсъ: такъ было и съ Кара-Кузькой. Послѣднія слова, только-что предъ этимъ произнесенныя имъ, ясно показываютъ, какія чувства питалъ онъ къ своему благодѣтелю, готовя ему какую-то напасть, а изъ-за чего?—увидимъ ниже. Теперь же обратимся къ Василію Струняшеву и его спутникамъ.

VII.

Верстъ пять казаки ѣхали Ураломъ, а потомъ свернули вправо въ рукавъ Подстепку, изъ Подстепки выѣхали въ другой рукавъ Плотовой, а изъ него въ Ракушечій ильмень, или заливъ морской, въ то время широкій и глубокій, а теперь сузившійся и почти въ болото превратившійся.—Зимніе дни, извѣстно, коротки; казаки выѣхали изъ Гурьева довольно поздно, во время пути они безпрестанно дѣлали привалы и часто прикладывались къ фляжкамъ и боченкамъ съ чихиремъ, котораго взяли съ собой довольный-таки запасъ, да и ѣхали-то, по тяжести груза въ возахъ, большею частію тихо, шажкомъ,—поэтому достигли моря уже въ темныя сумерки.

Сначала, когда казаки были только-что на-веселѣ, они

распѣвали пѣсни, переговаривались и, какъ водится, шутили межъ собой, но подъ конецъ, опьянѣвъ отъ неумѣренно выпитаго вина, они замолкли, пріутихли, завернулись шубами, накрылись—кто войлокомъ, кто цыновкой и, лежа на возахъ, заснули богатырскимъ сномъ, предоставивъ заботу Василью Струняшеву одному за всѣхъ бодрствовать и отыскивать дорогу.

Василій Струняшевъ ѣхалъ впереди, и во всю дорогу мечталъ о Дашѣ. Онъ представлялъ себѣ минуту возвращенія въ домъ, минуту радостнаго свиданія съ невѣстой, наконецъ, минуту блаженства, когда Даша сдѣлается его женой. Воображеніе его часъ отъ часу разыгрывалось больше и больше, сердце его билось сильнѣе. Онъ не замѣчалъ, что вокругъ его дѣлалось, не замѣчалъ, что спутники его, часто хлебая чихирь, нахлебались, наконецъ, до того, что, какъ говорится, лыка не вязали.

Выѣхавъ въ Ракушечій ильмень, Струняшевъ остановилъ обозъ, чтобы нарубить на дорогу немного камыша для дровъ. Онъ-было толкнулся къ одному-другому изъ товарищей, но никого не добудился—всѣ спали сномъ непробуднымъ.—„Нализались, какъ стельки!“ сказалъ Струняшевъ съ негодованіемъ.—Немного погодя, онъ вскрикнулъ: „Эй! есть ли между вами хоть одна живая душа?“

Съ послѣдняго воза откликнулся ему молодой парень, который, подобно Струняшеву, былъ трезвый и потому не спалъ. Съ помощію этого казака, Струняшевъ набралъ нѣсколько пучковъ камыша и разложилъ его на незанятые сѣдоками воза.

Между тѣмъ наступила темная ночь. Собираясь снова ѣхать, Василій сказалъ парню:

— Смотри, Гриша, не спи, не зѣвай, чаще посматривай и на обозъ, и по сторонамъ; видишь, всѣ лежатъ въ повалку, словно убитые, Богъ съ ними,—словно не до нихъ дѣло. Осторожность не мѣшаетъ: береженаго и Богъ бережетъ.—Всяко можетъ случиться: неравно лошадь которая-нибудь

свернетъ въ сторону, неравно волки наскачутъ... Да, кстати, заряжено ли у тебя ружье?—спросилъ Струняшевъ.

— Заряжено-то заряжено, да только дробью,—отвѣчалъ парень.

— Ну, все равно,—сказалъ Струняшевъ, садясь на свои сани:—бить дробью въ ночное время еще ловчѣе, чѣмъ пулей. Только смотри, дружище, не зѣвай, я сказалъ. Поближе, про всякій случай, имѣй ружье-то: можетъ пригодиться.

Съ послѣднимъ словомъ Струняшевъ тронулся съ мѣста и направилъ путь дальше въ море.—„Дай-ка Богъ, по добру, по здорову, выѣхать въ открытое море, подальше отъ черней,—думалъ онъ, проѣзжая въ близкомъ разстояніи мимо одного острова, замыкавшаго Ракушечій ильмень со стороны моря.—Авось ретивое-то тамъ поуспокоится, поуймется, а теперь оно такъ вотъ и поетъ, словно чуетъ какую невзгоду. словно змѣя подколодная сосетъ его“.

Въ это самое время захрустѣлъ на островѣ камышъ. Буянка, бѣжавшій рядомъ съ возомъ, остановился, устремилъ глаза къ острову, потомъ ощетинился и заворчалъ.— „Не волкъ ли крадется, или не кабанъ ли ломится?“ подумалъ Струняшевъ, и поспѣшилъ достать изъ чехла винтовку.—Но въ эту самую минуту шумъ въ камышѣ усилился и что-то черное въ разныхъ мѣстахъ показалось изъ него. Струняшевъ поспѣшно взвелъ курокъ и обезумѣлъ отъ удивленія и страха: кремня въ куркѣ какъ не бывало! Этотъ непріятный случай тѣмъ больше озадачилъ Струняшева, что утромъ того дня, собираясь въ дорогу, онъ перемѣнилъ, по всегдашнему своему обыкновенію, старый кремень на новый, и ввернулъ послѣдній такъ крѣпко и ловко, что онъ самъ собой никакимъ образомъ не могъ бы выпасть. Ясно, что это было дѣломъ рукъ человѣческихъ. Но Васѣ некогда было разсуждать объ этомъ, потому что въ это самое мгновеніе, какъ страшная туча, съ пронзительнымъ крикомъ и гикомъ, нахлынула на казачій обозъ шайка вооруженныхъ киргизовъ.

— Пропали наши головушки!—возопилъ что было силымочи Струняшевъ и схватился-было за кинжалъ, висѣвшій

у него на поясѣ, но не успѣлъ и руками развести, какъ сильный и мѣткій ударъ чаканомъ по головѣ срѣзалъ его съ ногъ.—Вѣрный песъ, Буянка, бросился-было отстаивать своего хозяина и вцѣпился за шею одного разбойника, но, проколотый насквозь пикою и израненный чаканами, упалъ около безчувственнаго казака.

Немногіе изъ казаковъ, пробужденные нападеніемъ киргизовъ, но не совсѣмъ еще отрезвившіеся, какъ одурѣлые, вскочили съ возовъ и второпяхъ не находили своихъ ружей. Большая же часть изъ нихъ вовсе не пробуждалась, но, слыша сквозь сонъ тревогу и не понимая, въ чемъ дѣло, безсознательно кричала: „бей! жарь! катай напропалую!“

Дѣйствительно, говоря словами казаковъ, били, жарили, катали, только не казаки киргизовъ, какъ нужно было ожидать, а киргизы казаковъ, что случалось дотолѣ очень рѣдко, или почти никогда не случалось.—Киргизовъ было человѣкъ до восьмидесяти, а казаковъ, считая Струняшева, всего-навсего человѣкъ двѣнадцать. Но это бы ничего: казаки отстояли бы себя отъ басурмановъ, если бы были въ хорошемъ, т. е. въ трезвомъ состояніи.

Тѣхъ изъ казаковъ, которые были на ногахъ, киргизы скоро посшибли на полъ обухами чакановъ и перевязали арканами, а о тѣхъ, которые спали на возахъ, и говорить нечего: какъ сѣткой накрываютъ тетеревей, такъ накрыли и нахлобучили разбойники удалыхъ и безпечныхъ казаковъ собственной же ихъ одеждой и перевязали всѣхъ до единаго.

При нападеніи киргизовъ только одинъ со стороны казаковъ раздался ружейный выстрѣлъ: то былъ выстрѣлъ Гриши, того самаго молодого казака, которому, за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ, Струняшевъ давалъ совѣтъ быть осторожнымъ. Зарядъ дроби, почти въ упоръ, ловко пришелся въ лицо одному изъ басурмановъ, который, поваляясь съ лошади, больше ужъ не вставалъ. Но зато и смѣлый казаченокъ дорого поплатился за отвагу: озлобленные киргизы искололи его пиками и изрубили чаканами.

Въ пять минутъ киргизы обработали дѣло, овладѣли обо-

зомъ, заполонили русскихъ. Подвигъ со стороны киргизовъ неслыханный. Дотолѣ двое-трое казаковъ, съ винтовками въ рукахъ, всегда съ честію отбивались отъ многочисленныхъ разбойническихъ шаекъ, потому что киргизы въ высшей степени животолюбивы и трусливы, всегда нападаютъ на противника врасплохъ, но никогда никто изъ нихъ, исключая самыхъ рѣдкихъ случаевъ, не отваживался нападать открыто и подставлять лобъ подъ ружейное дуло, зная по опыту, что пуля яикскаго казака не пролетитъ мимо. На этотъ разъ помогъ имъ сонъ пьяныхъ казаковъ. Но какъ бы то ни было, казаки и весь грузъ хивинскаго каравана были въ рукахъ разбойниковъ.

Кромѣ русскихъ, въ караванѣ находилось нѣсколько человѣкъ хивинцевъ. Отъ нихъ киргизы узнали, что въ Гурьевѣ осталась часть каравана, которая не замедлитъ выѣхать въ Астрахань по слѣдамъ ихъ. Разлакомясь первой добычей, такъ легко доставшейся, киргизы захотѣли воспользоваться и другой. Раздѣлясь на двѣ партіи, разбойники расположили дѣйствія свои такимъ образомъ: одна партія, человѣкъ изъ шестидесяти, осталась по прежнему въ засадѣ на островѣ, чтобы подкараулить и захватить остальную часть каравана, а другая пошла взморьемъ мимо устьевъ Урала въ киргизскія степи, влача за собой плѣнниковъ и весь отбитый караванъ. Минуя единственный въ то время казачій пикетъ на Гогольской косѣ, что будетъ верстахъ въ двадцати-пяти влѣво отъ главнаго устья, эта партія вошла въ прораны и, слѣдуя ими, достигла рѣки Соколка и переправилась на лѣвый берегъ ея, гдѣ былъ главный лагерь разбойниковъ.

При этомъ случаѣ должно объяснить, какимъ образомъ киргизцы очутились въ засадѣ на островѣ, въ дачахъ уральскихъ казаковъ, и какъ они узнали, что тѣми мѣстами будетъ слѣдовать караванъ съ товарами.

Еще въ киргизской степи, когда хивинскій караванъ

шелъ къ Уралу, вышеупомянутая шайка разбойниковъ слѣдила его и кружилась около него, изыскивая случай, какъ бы поживиться добычей,—но напасть на караванъ открытой силой не осмѣливалась, боясь отпора со стороны хивинцевъ и сопровождавшихъ ихъ кара-калпаковъ, довольно хорошо вооруженныхъ.—Когда караванъ пришелъ на линію, киргизы остановились на берегу рѣки Соколка, и оттуда наблюдали за дальнѣйшимъ ходомъ его. Одинъ изъ разбойнической шайки киргизъ, личный притомъ врагъ Струняшева, прокрался въ окрестности Гурьева-городка и скоро сошелся тамъ съ извѣстнымъ читателю старикомъ Кара-Кузькой, который также, въ свою очередь, питалъ непримиримую вражду и ненависть къ этому казаку.

Кара-Кузька, такъ неотвязчиво хлопотавшій, чтобы Струняшевъ взялся ѣхать съ караваномъ въ Астрахань и успѣвшій въ этомъ намѣреніи, извѣстилъ о томъ разбойника, а тотъ свою шайку. Вскорѣ, по льду взморьемъ, гдѣ не было пикетовъ и ни разъѣздовъ казачьихъ, разбойничья шайка забралась въ глухіе камыши, къ самымъ устьямъ Урала, гдѣ никто не могъ ихъ замѣтить.—Узнавъ отъ Струняшева въ день выѣзда казаковъ, что обозъ пойдетъ прямымъ и ближайшимъ путемъ чрезъ Ракушечій ильмень, Кара-Кузька далъ знать о томъ, какъ мы ужъ видѣли, чрезъ лазутчика разбойникамъ. Причемъ, зная привычку беззаботныхъ рыцарей-казаковъ—дѣлать въ дорогѣ частые привалы, когда у нихъ есть въ запасѣ вино,—онъ вѣрно разсчиталъ, что, прежде чѣмъ удалые добры-молодцы доберутся до моря, они не будутъ годны ни на какое дѣло. Это, какъ извѣстно намъ, оправдалось на самомъ дѣлѣ. Передавъ это замѣчаніе разбойникамъ, съ цѣлью поддержать въ нихъ духъ бодрости, хитрый и мстительный старикъ, между прочимъ, позаботился обезоружить главнаго предводителя казаковъ — Струняшева, вывернувъ во время проводовъ незамѣтнымъ образомъ кремень изъ курка его винтовки.

Оставивъ русскихъ въ плѣну у киргизовъ, обратимся въ Гурьевъ-городокъ и посмотримъ, что случилось тамъ.

VIII.

Былъ часъ девятый вечера. Тетка Струняшева и невѣста его, Даша, убравшись вкругъ дома, засвѣтили лампадки и свѣчки предъ кивотомъ, украшавшимъ главный или такъ-называемый передній уголъ избы, наполненный образами въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ, и стали молиться Богу. Молились онѣ долго и усердно, молились, разумѣется, о благополучномъ пути милаго имъ Васи и о скоромъ возвращеніи его въ домъ. Не забыли, конечно, и Ивана, возвращеніе котораго въ домъ было для нихъ въ то время также очень дорого.

Тѣмъ временемъ, какъ онѣ молились, нѣсколько разъ тихо входилъ со двора въ сѣни старикъ Кара-Кузька, во весь день, съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ Вася, въ домѣ его не показывавшійся, и каждый разъ, отворивъ немного избную дверь и посмотрѣвъ на женщинъ, въ нерѣшительности возвращался назадъ. Что было на умѣ мстительнаго киргиза—положительно опредѣлить нельзя, но во всякомъ случаѣ онъ думалъ недоброе: въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на казачекъ, его трясло, какъ въ лихорадкѣ. Приходъ киргиза, пожалуй, могъ бы кончиться не совсѣмъ хорошо для семейныхъ Струняшева, если бы въ это время не пришла къ нимъ сосѣдка ихъ, дѣвушка Маша, подруга Даши.

Я говорю это на томъ основаніи, что мнѣ, да и каждому прилишейному жителю, хорошо извѣстна мстительность киргизовъ: для Кара-Кузьки ничего не стоило войти въ избу и хватить ножемъ старуху и дѣвушку. Если онъ этого не сдѣлалъ, то потому только, что, во-первыхъ, не зналъ еще, чѣмъ кончилось нападеніе киргизской шайки на Струняшева, и во-вторыхъ, онъ имѣлъ въ виду, какъ послѣ объяснится, угомонить сначала Василья, потомъ брата его Ивана, а наконецъ уже приняться за ихъ семейныхъ, если представится къ тому случай.

Съ приходомъ Маши, хозяйки перестали молиться. Послѣ первыхъ словъ привѣтствія, Маша сообщила имъ ра-

достную вѣсть, слышанную ею за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ отъ своихъ домашнихъ, что сарайчиковскіе казаки, ѣздившіе въ Саратовъ въ одно время съ братомъ Василья—Иваномъ, возвратились домой,—слѣдовательно, должно съ часу-на-часъ ожидать возвращенія и Ивана.

— Ахъ, ты, бѣлая-лебедушка, милая моя Машенька, чѣмъ мнѣ тебя дарить-жаловать?—сказала, обрадовавшись, старуха.—Кабы твоими-то устами да медъ пить, моя дорогая. Спасибо, спасибо тебѣ, мое сердцепько, утѣшила ты меня своими добрыми словами; такъ утѣшила, что шда сказать не могу. А ужъ какъ бы хорошо было, если бъ Иванушка скорѣе пріѣхалъ, — присовокупила старуха.—Ты знаешь, Машенька, что нынче мы проводили Васеньку въ Астрахань. Безъ него, нашего сокола, домъ нашъ, какъ видишь, сдѣлался пустыня-пустыней, да и на сердцѣ-то словно кошки скребутъ,—такая тоска-тоскучая, что и Господи упаси! Спасибо, спасибо тебѣ, Машенька, что ты пришла къ намъ въ такую пору,—ты ужъ, касатушка, ночуй у насъ; съ тобой и Дашенька не будетъ скучать,—заключила старуха.

— Я для этого и пришла,—отвѣчала дѣвушка.

Въ это время вошелъ въ избу Кара-Кузька и, скинувъ треухъ, помѣстился по обыкновенію у порога, проговоривъ обычное свое привѣтствіе: „здорово, матушка! здорово, Дашынка!“

— А! это ты, Кара-Кузька,—сказала старуха. — Что тебя, песъ блудящій, нынче во весь день не видать было съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Васенька? Бывало тебя палкой отъ дома нашего не отгонишь, а теперь и калачемъ не заманишь. Что это съ тобой случилось?—спросила она киргиза.

— Такъ, матушка,—отвѣчалъ киргизъ,—все сидѣлъ въ своей кибиткѣ: чинилъ старые твои черевики да думалъ о Васѣ-батырѣ, далеко ли онъ ѣдетъ, молодчикъ,—думаю, здоровъ ли онъ, мой кормилецъ!

— Спасибо тебѣ, Кара-Кузька, что не забываешь Васеньку,—сказала старуха.

— Ай, матышка, какъ можно забыть мнѣ Васю-батыря, онъ и день и ночь не выходитъ у меня вотъ отсюда.

Киргизъ показалъ пальцемъ себѣ на лобъ и на грудь.

— Не хочешь ли ты, горемычный, поѣсть?—спросила старуха киргиза.

— Нѣтъ, матышка, не хочу,—отвѣчалъ киргизъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ проводилъ своего благодѣтеля, Васю-батыря, мнѣ и ѣда на умъ нейдетъ.

Киргизъ говорилъ правду. Ему дѣйствительно не могла идти на умъ ѣда; онъ сильно былъ занятъ мыслью о западнѣ, поставленной для Василья Струняшева и его спутниковъ. Зная трусость и нерѣшительность сообщниковъ своихъ, киргизовъ, онъ не вполнѣ надѣялся на успѣхъ нападенія ихъ на казачій обозъ, а потому крѣпко боялся неблагопріятныхъ послѣдствій задуманнаго имъ плана.—Мы видѣли, что, уговаривая Струняшева ѣхать въ Астрахань, Кара-Кузька, между прочимъ, высказывалъ ему свои замѣчанія и опасенія насчетъ воровъ-киргизовъ. Кажется, вовсе бы не слѣдовало ему этого говорить, когда онъ старался заманить Васю въ сѣти, но хитрый киргизъ имѣлъ въ этомъ свой разсчетъ: въ случаѣ неудачнаго нападенія киргизовъ на казаковъ, онъ оставался внѣ всякаго подозрѣнія въ зломъ умыслѣ.

Болѣе часа Кара-Кузька пробылъ въ домѣ Струняшевыхъ. Во все это время его мучило безпокойство, и не давало ему посидѣть на одномъ мѣстѣ. На лицѣ его было ясно отпечатано чувство тревоги и сомнѣнія,—съ замираніемъ сердца онъ прислушивался къ каждому шороху, по временамъ на дворѣ и на улицѣ слышавшемуся,—со страхомъ и ужасомъ онъ ждалъ той минуты, какъ прискачетъ отъ устья Урала казакъ съ вѣстію о нападеніи киргизовъ,—той роковой минуты, какъ гурьевцы полетятъ на выручку къ своимъ товарищамъ,—какъ, наконецъ, они разгромятъ его сообщниковъ и тѣмъ совсѣмъ уничтожатъ планъ его предательства. Наконецъ, будучи не въ силахъ долѣе скрывать свое безпокойство, онъ ушелъ въ кибитку, не приняв

даже, сверхъ обыкновенія, кусокъ хлѣба, которымъ его всегда надѣляли Струпяшевы, когда онъ уходилъ отъ нихъ къ себѣ.

Послѣ ухода киргиза старуха и дѣвушки принялись за обычныя свои занятія; старуха сѣла за прялку, подруга Даши за шитво, а сама Даша стала низать изъ жемчуга роскошную подвязь, которую она готовила для себя къ дѣвичнику, но въ которой не суждено ей было красоваться,—по крайней мѣрѣ, для Васи. Прежде рѣзвая и веселая, Даша въ этотъ вечеръ была задумчива и неговорлива. Подруга, зная причину грусти Даши, старалась развеселить ее, разсказывая ей разныя забавныя происшествія, которыя, до переѣзда Даши изъ Сарайчика, случались у нихъ въ Гурьевѣ на вечеринкахъ и посидѣлкахъ. Въ разсказахъ Маши, веденныхъ большею частію тихонько отъ старухи, заключалось много смѣшного и забавнаго для дѣвушекъ, но не занимательнаго для читателей, а потому я объ этомъ умалчиваю. Вскорѣ дѣвушки развеселились, разсмѣялись, и наконецъ расхохотались до такой степени, что обратили на себя вниманіе старухи, сидѣвшей въ другой комнатѣ, за перегородкой.

— Полноте, дѣвки, смѣяться!—сказала она имъ;—будетъ вамъ, чему вы рады, что расхохотались, словно мартышки-хохотушки *),—полноте потѣшать лукаваго!

— Да что же, бабушка, дѣлать намъ,—сказала Маша:—плакать что-ли? Дашенька и такъ нынче день-деньской плакала: пора и посмѣяться.

— Посмѣяться-то можно, отчего и не посмѣяться, но хохотать-то непристойно,—возразила старуха.—Ваше дѣло дѣвичье, вамъ слѣдуетъ держать себя поскромнѣе—тише воды, ниже травы,—а вы, вишь, какъ расхохотались, индо стѣны трясутся. Ну, неравно кто пойдетъ мимо оконъ, да и услышитъ, такъ не очень-то хорошо объ васъ подумаютъ, осо-

*) Большая порода морскихъ чаекъ, крикъ которыхъ весьма похожъ на хохотъ человѣка. Чаекъ же казаки называютъ вообще мартышками.

бенно про тебя, Маша,—вѣдь тебѣ жениха еще надо,—воздержись, голубушка; долго ли до грѣха, какъ разъ сочтутъ тебя за какую-шибудь, прости Господи, охальницу, да и станутъ обѣгать, женишки-то. Любя тебя, Машенька, я все это говорю... Перестаньте, мои касатушки.

Дѣвушки замолкли, но черезъ минуту снова разразились смѣхомъ громче прежняго.

— Ахъ, вы, грѣховницы! не слушаютъ меня, да и на поди,—сказала старуха, всплеснувъ руками.—Какъ будто я не дѣло говорю. Охъ, молодость! ничто тебѣ неймется, все бы ты прыгала, да смѣялась,—проговорила старуха сама про себя. Потомъ, обратясь къ Дашѣ, сказала:

— А ты, Дашура, видно, не знаешь пословицу, что соловья баснями не кормятъ. Вмѣсто того, чтобы „сказинькамп" зашиматься, да зубы скалить, вмѣсто всего бы этого ты лучше сходила въ погребъ (въ подполье), достала бы оттуда солененькихъ яблочковъ да винограддцу, да попотчивала бы гостью-то.

— Сейчасъ, сію минуту, мамушка,—проговорила Даша:—вотъ только дошижу послѣднюю ниточку.

Вскорѣ послѣ этого собесѣдницы сѣли за лакомства, а потомъ снова принялись за свои занятія. Между тѣмъ, время ушло за полночь. Старуха и дѣвушки, поужинавъ, собирались ложиться спать, какъ вдругъ раздался стукъ въ ворота, а потомъ стонъ, похожій на визгъ собаки.

— Что бы это значило?—сказала старуха.—Дашенька, прислушайся-ко ты, у тебя уши-то молоденькія, свѣженькія. Мнѣ сдается, какъ будто собака скребетъ въ ворота и визжитъ.

Дѣвушка приложилась ухомъ къ надворному окну, ближе другихъ выходившему къ воротамъ, и стала прислушиваться. Чрезъ минуту Даша сказала:

— Такъ и есть, мамушка, правда твоя, визжитъ собака, да словно Буянка нашъ.

— Бу-ян-ка!—проговорила оторопѣвъ старуха.—Какими же судьбами очутился здѣсь? Вѣдь его, знаю, пожемъ

не отрѣжешь, дубиной не отобьешь отъ Васиньки. Скорѣй, Дашенька, давай фонарь, засвѣти свѣчку, выйдемъ къ воротамъ, посмотримъ, что за притча такая. Охъ, мать Пресвятая Богородица! сердце такъ и екнуло, будто несчастіе какое чуетъ,—говорила старуха, охая и вздыхая тѣмъ временемъ, пока дѣвушка приготовляла фонарь.

Черезъ минуту, отворивъ ворота, женщины были поражены ужасомъ: предъ ними явился полуживой, облитый кровью Буянка. Валяясь по землѣ и ползая у ногъ женщинъ, собака визжала и стонала, наконецъ, жалобно завыла. Увидѣвъ раны и кровь на Буянкѣ, старуха и дѣвушки ахнули и остолбенѣли отъ ужаса. При этомъ случаѣ Даша просто обезумѣла и выронила изъ рукъ фонарь. Прежде всѣхъ пришла въ себя Маша, какъ лицо постороннее, и тотчасъ побѣжала домой, разбудивъ тамъ отца и всѣхъ домашнихъ. Вскорѣ потомъ вѣсть объ этомъ разнеслась по всему Гурьеву и всполошила обывателей. Домъ Струняшевыхъ наполнился казаками, встревоженными такимъ страннымъ явленіемъ, которое, впрочемъ, ясно говорило, что съ казаками, уѣхавшими въ Астрахань, случилось какое-то несчастіе, но какое именно—того никто положительно опредѣлить не могъ. Догадывались только, что, можетъ статься, на обозъ казачій напали гдѣ-либо киргизы, что у казаковъ съ киргизами была драка, что въ общей свалкѣ изранили собаку, но чтобы киргизы одержали верхъ надъ казаками—тому никто почти не хотѣлъ вѣрить: такъ сильно у казаковъ сознаніе своего превосходства предъ ордынцами. Нѣкоторые изъ казаковъ даже предполагали, что собака могла отстать отъ хозяина спроста, сама собой, но, возвращаясь домой, напала гдѣ-либо въ камышахъ на кабана—и тотъ ее изранилъ.

Въ такихъ толкахъ и пересудахъ прошло немало времени. Наконецъ въ толпу казаковъ пришелъ изъ слободки старый казакъ М. Калмыковъ, испытавшій на своемъ вѣку много разныхъ приключеній. Осмотрѣвъ израненную собаку, онъ обратился къ окружавшимъ его казакамъ и сказалъ:

— Плохое дѣло, атаманы-молодцы! больно плохое! По ранамъ на собакѣ видно, что ее скололи копьемъ и измясничали топоромъ, а всего вѣрнѣе — чаканомъ. Не давай Царь пайку, ежели это неправда. Что ни толкуй, а это дѣло рукъ поганыхъ басурмановъ. Объ одномъ только я думаю, и не вѣрю—какъ наши добры-молодцы дали одолѣть себя нехристямъ, а это ужъ вѣрно, вѣрнѣе смерти: собака, знаю, ни за какія блага не отстанетъ отъ хозяина безъ важной причины. Навѣрно Василій Ивановичъ или въ полонъ взятъ киргизами, или убитъ, а съ нимъ, разумѣется, и всѣ товарищи его.—Впрочемъ, трудно бы, кажись, киргизамъ одолѣть нашихъ,—вѣдь ихъ, извѣстно, болѣе десяти человѣкъ, но на грѣхъ, говорится, мастера нѣтъ. Могло статься, что киргизы, пронюхавъ про хивинскій караванъ, собрались огромной партіей, засѣли гдѣ-нибудь въ камышахъ, да и нагрянули на нашихъ врасплохъ. Или всего вѣрнѣе, какъ я своимъ умомъ-разумомъ смекаю, сгубила нашихъ добрыхъ молодцовъ злодѣйка чарочка. Да, да, попуталъ ихъ лукавый! Знать на каждомъ шагу, грѣховодники, дѣлали привалы, да цѣловались съ боченками, а въ этомъ вѣдь добра немного. Такъ, такъ, вѣрно ужъ такъ случилось, хоть къ бабушкѣ не ходи!—заключилъ Калмыковъ.—Много толковать нечего тутъ,—прибавилъ онъ наконецъ:—надо „гнать“ сейчасъ, сію минуту гнать!

Подъ словомъ „гнать“ разумѣлось—собрать команду казаковъ и пуститься въ погоню за киргизами.

— Гнать, такъ гнать!—сказали въ одинъ голосъ казаки.

Послѣ того всѣ бросились по домамъ и стали готовиться къ походу, а старикъ Калмыковъ пошелъ къ атаману объявить ему о случившемся и просить его распоряженія о командированіи казачьей партіи для поисковъ за киргизами. Атаманъ тотчасъ на это согласился, но онъ былъ боленъ, не могъ самъ предводить казаками, а помощникъ его эсаулъ, или такъ-называемый походный атаманъ, находился въ то время въ отлучкѣ, гдѣ-то на линіи,—а потому начальство

надъ командой было поручено старику Калмыкову, который самъ на это вызвался.

Вскорѣ запылали на городской площади костры камыша и освѣтили суровыя и грозныя лица казаковъ. Не дожидаясь обыкновеннаго условнаго сигнала, по однимъ ужъ только словамъ Калмыкова, казаки немедленно собрались въ походъ, полные отваги и чувства справедливой мести. Каждый изъ казаковъ принималъ живое участіе въ судьбѣ Струняшева и его спутниковъ,—да иначе и не могло быть: потому что въ числѣ ихъ были—у кого сынъ, у кого братъ, у кого сватъ. Оттого каждый казакъ и горѣлъ нетерпѣніемъ—какъ можно скорѣе встрѣтиться съ киргизами, чтобы отплатить имъ сторицею за ихъ хищничество.

— Скорѣй веди насъ, Михайло Иванычъ!

— Мочи нѣтъ, товарищъ, такъ долго ждать!

— Всѣ руки мы обчесали отъ нетерпѣнія!

Вотъ такими-то и подобными имъ словами встрѣтили нетерпѣливые казаки Калмыкова, когда явился онъ къ нимъ отъ атамана, къ которому ходилъ онъ въ другой разъ для полученія окончательнаго наставленія, какъ дѣйствовать противъ воровъ-киргизовъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, атаманы-молодцы!—сказалъ Калмыковъ, садясь на лошадь; потомъ, перекрестясь, онъ скомандовалъ: „впередъ, друзья“!

Отрядъ тронулся и тихо сталъ выходить изъ города, напутствуемый благословеніями народа, который въ то время весь былъ на площади. Спустившись на ледъ, отрядъ пошелъ на рысяхъ по слѣду, проложенному обозомъ.

Быть можетъ, кому-нибудь изъ читателей, при чтеніи этихъ строкъ, угодно будетъ задать вопросъ: какимъ-де образомъ явилась въ Гурьевъ собака Струняшева, когда мы видѣли ее павшею подъ ударами киргизовъ?—Очень простымъ, естественнымъ, отвѣчаю я. —Исколотая, израненная, но не до смерти добитая,—на что, конечно, никто изъ киргизовъ не обратилъ вниманія,—собака нѣкоторое время лежала

на льду, гдѣ было побоище, а потомъ, благодаря живучес и своей породы, отдохнула, встала и, не видя тутъ хозяина, прибѣжала домой. Вотъ въ этомъ и исторія вся.

Густой туманъ, застилая слѣды обоза, и безъ того довольно неясные по причинѣ гладкости льда, замедлилъ ходъ отряда. Только на разсвѣтѣ отрядъ достигнулъ Ракушечьяго ильменя. Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ была драка у казаковъ съ киргизами, гурьевцы увидѣли трупъ убитаго своего земляка и слѣды крови, а съ острова, гдѣ располагались разбойники, нанесло на нихъ запахъ дыма. Этого было довольно казакамъ, чтобы понять сущность дѣла. Благословясь и перекрестясь, они подобрали поводья, взяли пики на перевѣсъ, молча, но быстро подступили къ самому острову и, съ крикомъ „ура!", бросились на станъ киргизовъ.

Нѣкоторые изъ киргизовъ только-что въ это время просыпались и разводили огни, а большая часть ихъ преспокойно спала, не чуя грозы, такъ неожиданно надъ ними разразившейся.

И безъ того трусливые и животолюбивые, какъ выше замѣчено, киргизы, застигнутые нечаяннымъ и быстрымъ нападеніемъ гурьевцевъ, не то чтобы оробѣли, а просто-напросто обезумѣли. Никто изъ нихъ не думалъ о сопротивленіи, а каждый искалъ спасенія—и нигдѣ не находилъ его.—Казаки, озлобленные поступкомъ киргизовъ, дрались отчаянно, не давали пощады ни одному разбойнику, и почти всѣхъ ихъ положили на мѣстѣ.—Немногіе изъ воровъ успѣли-было запрятаться въ трущобы камышей, но казаки и тамъ ихъ находили и кололи.—Другіе, вскочивъ на лошадей, искали спасенія въ бѣгствѣ, но казаки нагоняли ихъ и побивали. Этому много способствовало еще то, что лошади у киргизовъ были не подкованы, а потому, скользя по льду, не могли скакать быстро. Только какихъ-нибудь два-три киргиза успѣли пѣшкомъ перебѣжать съ острова на твердую землю и тамъ скрыться въ камышахъ.

При этомъ случаѣ, полагаю, не лишнимъ будетъ разсказать одинъ случай, показывающій крѣпость желѣзнаго тѣлосложенія киргизовъ и неимовѣрную живучесть ихъ дикой натуры. Во время преслѣдованія киргизовъ, подъ однимъ изъ казаковъ захромала лошадь. Щадя своего коня, казакъ вздумалъ воспользоваться, на это время, киргизскимъ. Неподалеку отъ себя онъ увидѣлъ осѣдланную лошадь, а у ногъ ея лежащаго киргиза, неподвижнаго и повидимому убитаго. Казакъ, подъѣхавъ въ киргизу, захотѣлъ однакожъ удостовѣриться —убитъ ли онъ или только притворился убитымъ. Въ подобныхъ хитрыхъ продѣлкахъ казаки не разъ замѣчали киргизовъ.—Не слѣзая съ лошади, казакъ кольнулъ пикой киргиза въ бокъ—киргизъ не пошевелился; казакъ ткнулъ киргиза въ другой бокъ— киргизъ опять не пошевелился,—наконецъ казакъ ударилъ киргиза въ спину, противу груди, и ударилъ такъ сильно, что пика, какъ казалось казаку, пройдя сквозь киргиза, уперлась въ ледъ— но киргизъ все-таки не тронулся. Тогда казакъ счелъ его убитымъ, сошелъ съ лошади, привязалъ ее за ременный кушакъ киргиза, сѣлъ на его лошадь и поѣхалъ ратовать противъ разбойниковъ. Чрезъ полчаса, когда казаки покончили съ киргизами дѣло, казакъ этотъ возвратился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ свою лошадь, но ни ея, ни вора-киргиза тамъ не было. Только кровавый слѣдъ отъ того мѣста къ берегу означалъ, что киргизъ ушелъ, привязанную за его кушакъ казачью лошадь увелъ и вмѣстѣ съ нею скрылся въ камышахъ. Казаки бросились-было искать этого киргиза, но вскорѣ оставили поиски, въ томъ убѣжденіи, что воръ, выбравшись на твердую землю, сѣлъ на казачью лошадь и ускакалъ далеко.—Между тѣмъ, чрезъ полгода, во время сѣнокоса нашли гурьевцы въ камышахъ остовъ человѣка и остовъ лошади съ сѣдломъ. По сѣдлу, разумѣется, узнали, что человѣкъ этотъ былъ не кто другой, какъ самый воръ-киргизъ, уведшій казачью лошадь. Хотя киргизъ, скрывшись съ мѣста сраженія, и умеръ въ камышахъ, но за всѣмъ тѣмъ нельзя не подивиться—откуда взялось у него столько

силы, чтобы послѣ такихъ ранъ, изъ которыхъ послѣдняя, нанесенная казакомъ, была смертельна, уйти на значительное разстояніе, а главное—откуда имѣть ему столько крѣпости и терпѣнья, чтобы не пошевелиться и не тронуться въ то время, какъ казакъ кололъ его пикой? Да, такое терпѣніе, такую крѣпость можно только встрѣтить въ натурѣ киргизовъ. Впрочемъ, въ разъясненіе этого удивительнаго, но истиннаго происшествія можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: киргизъ, вѣроятно, былъ прежде раненъ и лежалъ въ безпамятствѣ, и потому не чувствовалъ боли, когда казакъ кололъ его лежачаго пикой; но послѣ онъ, конечно, пришелъ въ чувство и запрятался въ камыши.

Разбивъ и разгромивъ киргизовъ, казаки вспомнили о Струняшевѣ и его товарищахъ. Немедленно собрали пожитки и всѣхъ лошадей киргизовъ, и все это подъ прикрытіемъ десяти человѣкъ отправили въ Гурьевъ. Съ остальными казаками приказный Калмыковъ поскакалъ по слѣдамъ каравана, увлеченнаго въ плѣнъ разбойниками, въ надеждѣ догнать киргизовъ и выручить своихъ. Но было уже поздно. Около полуденъ отрядъ прискакалъ къ рѣкѣ Соколку, но киргизы давно ужъ находились за Соколкомъ, въ своей степи, куда казаки не смѣли сдѣлать шагу. Не смѣли казаки ѣхать за Соколокъ не потому, чтобы боялись киргизовъ, а потому, что въ описываемое мною время существовало на Уралѣ постановленіе, воспрещавшее казакамъ преслѣдовать киргизовъ за Ураломъ. Скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ.

IX.

Когда и кѣмъ было сдѣлано такое невыгодное и стѣснительное для казаковъ постановленіе—намъ положительно неизвѣстно. Но что оно дѣйствительно было и существовало съ давнихъ временъ вплоть до 1823 года—намъ говорятъ объ этомъ, кромѣ изустныхъ преданій современниковъ, письмен-

ные акты, сохранившіеся въ войсковомъ архивѣ. Вслѣдствіе какихъ причинъ состоялось такое постановленіе, намъ также положительно неизвѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, должно безошибочно предположить, что мѣстное (оренбургское) начальство, дѣлая такое постановленіе, имѣло въ виду: или отнять у казаковъ поводъ и всякую возможность къ ссорамъ и дракамъ съ киргизами и съ прочими народами, обитающими за Ураломъ, или, наконецъ, охранить и самихъ казаковъ отъ потерь и пораженій, которымъ они легко могли подвергаться, увлекаясь малочисленными партіями въ погоню за киргизами и попадая на засаду огромныхъ воровскихъ партій—чему много было примѣровъ и въ позднѣйшее время. И то, и другое предположеніе правдоподобно; и то, и другое порознь, и оба, наконецъ, вмѣстѣ могли служить достаточной причиной, вслѣдствіе которой воспрещено было казакамъ пускаться за Уралъ вооруженными партіями.

Впрочемъ, я даю больше вѣры первому предположенію, чѣмъ послѣднему, и не безъ основанія. Не вдаваясь въ длинныя по этому случаю разсужденія, я выскажу мнѣніе мое въ короткихъ словахъ.

Предки наши—нечего грѣха таить—хотя и предались въ подданство Царя Михаила Ѳеодоровича, но долго послѣ того жили безтолково, безпорядочно. Они какъ хотѣли, какъ знали, такъ и поступали съ окружавшими ихъ дикими народами. Не разъ летучіе отряды ихъ появлялись за Ураломъ между ордынцами, не разъ громили они киргизовъ и хивинцевъ—первыхъ за то, что они полонили русскихъ и продавали въ Хиву, а послѣднихъ за то, что, покупая отъ киргизовъ плѣнниковъ, обращались съ ними варварски.

Изъ разсказовъ академика Рычкова, помѣщенныхъ имъ въ „Истор. Оренб. Края“, мы видимъ, что между 1730 и 1734 г. яицкіе (уральскіе) казаки, напавъ на каракалпаковъ, кочевавшихъ около Аральскаго моря, нѣкоторыхъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ. Императрица Анна, въ грамотѣ къ каракалпакамъ, отъ 10 іюня 1734 года, подтверждая согласіе свое на принятіе этого народа въ подданство Россіи, при-

несенное имъ еще въ 1731 году, между прочимъ, говоритъ: „И что отъ нашихъ подданныхъ яицкихъ казаковъ, за невѣдѣніемъ вашего вступленія въ наше подданство, взяты въ плѣнъ нѣкоторые каракалпаки—тѣхъ (повелѣли) отыскавъ вамъ возвратить, и впредь имъ, яицкимъ казакамъ, то чинить запретить". Этихъ немногихъ словъ, кажется, достаточно для того, чтобы понять причину, на основаніи которой запретили казакамъ погоню за киргизами.

Далѣе мы видимъ дѣла и распоряженія Неплюева, основателя Оренбурга. Неплюевъ (1742—1748 г.), устраивая линію по Уралу, обратилъ вниманіе и на яицкихъ казаковъ, какъ на корень русскаго народонаселенія въ томъ краѣ. Согласуясь съ видами правительства и руководствуясь указами изъ Военной Коллегіи, которой, со времени Петра Великаго, были подчинены яицкіе казаки, Неплюевъ, между разными измѣненіями и постановленіями, какъ извѣстно намъ, указалъ казакамъ, гдѣ строить крѣпости и форпосты и какъ оберегать линію отъ киргизскихъ набѣговъ.

Вотъ въ это-то время, должно полагать, и послѣдовало воспрещеніе казакамъ пускаться за Уралъ въ погоню за киргизами. Но послѣдовало это воспрещеніе,—не мѣшаетъ послѣ всего вышесказаннаго повторить,—не изъ другихъ какихъ видовъ, какъ только изъ тѣхъ, чтобы отнять у казаковъ поводъ къ наѣздамъ на киргизскіе улусы. Мѣра эта, во многомъ стѣснительная для казаковъ, о чемъ будетъ объяснено ниже, имѣла, однакожъ, своего рода пользу. Казаки, безпрестанно тревожимые набѣгами киргизовъ, естественно питали къ нимъ большую ненависть, а потому, преслѣдуя за Ураломъ воровъ, казаки могли бить-колотить всякаго встрѣчнаго-поперечнаго ордынца, не разбирая, виноватъ ли, правъ ли онъ, и тѣмъ раздражать мирныхъ киргизовъ, которыхъ между тѣмъ правительство наше старалось обласкивать, привлекать къ совершенной покорности.

При такихъ отношеніяхъ казаковъ къ киргизцамъ, нужно же было, наконецъ, принять какія-нибудь мѣры, чтобы обезопасить казаковъ отъ киргизскихъ набѣговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

охранить отъ обидъ и мирныхъ киргизовъ. Такъ и было сдѣлано, т. е. воспретили казакамъ преслѣдовать воровъ за Ураломъ въ Киргизской степи, предоставивъ, между тѣмъ, имъ право бить воровъ-киргизовъ, которые станутъ показываться на правомъ берегу Урала.

Что постановленіе это существовало на Уралѣ съ давнихъ временъ, и именно со временъ губернатора Неплюева, это также не подлежитъ сомнѣнію. Въ подтвержденіе этого я приведу одинъ случай, разсказанный Рычковымъ, въ прибавленіяхъ его къ „Ист. Оренбург. Края".

Въ концѣ января 1647 г., одна киргизская воровская партія прокралась изъ-за Урала ниже Гурьева-городка льдомъ по взморью и пошла къ берегамъ Волги съ цѣлью ограбить калмыцкіе улусы. Но калмыки, извѣщенные о томъ казаками, перешли съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ надѣялись встрѣтить ихъ киргизы, на другія, и тѣмъ спаслись отъ разоренія. Безъ всякой добычи киргизы возвращались назадъ, и въ половинѣ февраля, при урочищѣ „Зеленой Колокъ", гдѣ нынѣ Зеленовскій форпостъ, стали переходить чрезъ Уралъ. Но тутъ встрѣтили ихъ казаки и завязалась драка. Съ вечера до полуночи сражались казаки съ киргизами, побили изъ нихъ человѣкъ до пятидесяти, отбили болѣе ста лошадей и взяли въ плѣнъ одного старшину. Остальные киргизы успѣли перебраться за Уралъ и уйти въ свои улусы. Казаки, говоритъ Рычковъ, не преслѣдовали ихъ.

Казаки, замѣчаю я, оставшись побѣдителями, не преслѣдовали кровныхъ враговъ своихъ, которые не давали имъ ни днемъ, ни ночью покоя! Да это дѣло неслыханное, дѣло невѣроятное! Да это такое обстоятельство, надъ которымъ поневолѣ призадумаешься! Я бы не повѣрилъ и Рычкову, если бы не былъ убѣжденъ, что въ то время существовало такъ часто упоминаемое постановленіе, которое воспрещало казакамъ погоню за киргизами въ ихъ степи, и о которомъ я много разъ слыхалъ отъ стариковъ. Не будь этого постановленія, казаки ни за какія блага не оставили бы киргизовъ въ покоѣ: они преслѣдовали бы ихъ за Ураломъ.

Выше замѣчено, что такое постановленіе было невыгодно и стѣснительно для казаковъ. Это правда. Пользуясь этимъ постановленіемъ, киргизы вольничали и разбойничали безнаказанно.—Зная, что казаки не смѣютъ переходить чрезъ Уралъ, въ ихъ степи, они преспокойно собирались тамъ вблизи казачьихъ станицъ, большими партіями и, выбравъ удобное время и мѣсто, переплывали Уралъ, нападали невзначай на малыя и безоружныя толпы проѣзжихъ или прохожихъ, полонили ихъ, уводили въ степь и потомъ продавали въ Хиву, гдѣ русскіе терпѣли всякаго рода тиранства и мученья.

Бывало, не пройдетъ ни одно лѣто на линіи благополучно. Только и слышно, бывало, разсказываютъ старожилы, что тамъ-то и тамъ-то напали киргизы или на проѣзжающихъ, или на бакчи и огороды, и увели въ полонъ того-то и того-то. О набѣгахъ на конскіе табуны и говорить нечего: не проходило ночи, чтобы гдѣ-нибудь киргизы не отбили и не угнали за Уралъ казачьихъ лошадей.

Больше всего терпѣли отъ киргизовъ женщины и дѣти. Эти несчастныя, бывало, лучше и не показывайся за форпостной или крѣпостной оградой: тамъ за каждымъ кустомъ, въ каждомъ оврагѣ, подстерегалъ ихъ хищный киргизъ съ арканомъ, и полонилъ. Казакъ съ винтовкой и пикой, разумѣется, былъ страшенъ для киргиза. Но за всѣмъ тѣмъ казакамъ не весьма-то легко было жить на Уралѣ и управляться съ киргизами. Выѣзжая на покосы или на рыбную ловлю, казаки, даже въ виду своихъ жилищъ, должны были имѣть такую же точно предосторожность, какая обыкновенно соблюдается во время войны на передовой цѣпи арміи, стоящей въ виду непріятеля. Такъ, напримѣръ, кося сѣно, казакъ имѣлъ на себѣ, черезъ плечо, заряженную винтовку, а на лѣвой рукѣ, на погонѣ, влачилъ за собой пику. Или двое казаковъ войдутъ, бывало, съ сѣтью или съ бреднемъ въ воду, а другіе двое должны, въ это время, стоять на берегу и держать на-готовѣ ружья. Или женщины и дѣти пойдутъ, бывало, въ огороды или на бакчи, а за ними, смотришь,

слѣдуютъ вооруженные мужья и братья. Словомъ, и день и ночь казаки были на-стражѣ.

Но вся невыгода, все несчастье для казаковъ заключалось не въ набѣгахъ киргизскихъ, а въ томъ, что казакамъ не дозволялось переходить чрезъ Уралъ, чтобы бить тамъ разбойническія партіи. Хорошо, если удавалось казакамъ подстеречь киргизовъ на правой, т. е. на внутренней сторонѣ Урала: тутъ казаки душили ихъ какъ мухъ. Но чаще всего случалось, что киргизы, зоркіе какъ хищныя птицы и чуткіе какъ тюлени, узнавъ за собой погоню или только тревогу на форпостахъ, тотчасъ перебирались вплавь, гдѣ ни попало, за Уралъ, и, выйдя на лѣвый берегъ его, оставались внѣ всякой опасности. Тогда и люди и скотъ, захваченные ими на линіи, оставались въ ихъ рукахъ.

Нерѣдко киргизы пускались на хитрости и ложными маневрами обманывали бдительность казаковъ. Такъ, напримѣръ, одна партія киргизовъ приблизится къ Уралу, нарочно остановится на какой-нибудь возвышенности и дастъ замѣтить себя казакамъ. Казаки, увидѣвъ киргизовъ, сосредоточиваютъ все свое вниманіе и всѣ свои силы противъ того пункта, гдѣ ожидаютъ перелаза чрезъ Уралъ разбойниковъ. Между тѣмъ, другая воровская партія, выше или ниже этого мѣста въ нѣсколькихъ верстахъ, безпрепятственно перейдетъ Уралъ, захватитъ скотъ, зополонитъ людей и уйдетъ въ степь. Поднимется, бывало, тревога, послышатся со всѣхъ сторонъ восклицанія: „держи, лови! ахъ! охъ! что такое?“ но уже поздно, ничего не сдѣлаешь: киргизы убрались во-свояси.

Сколько разъ случалось, что дерзкіе наѣздники изъ киргизовъ подъѣдутъ, бывало, къ Уралу и, ставъ внѣ ружейнаго выстрѣла, переговариваются съ казаками и насмѣхаются надъ ихъ стѣсненнымъ положеніемъ. Кусаютъ, бывало, казаки съ досады губы, да и только.

Такой образъ военныхъ дѣйствій противъ киргизовъ продолжался у казаковъ до 1823 года. Въ этомъ году, или годомъ-двумя раньше, линейные красноярскіе казаки, подъ

командой приказнаго Козьмы Ефремова, увлеклись однажды въ погоню за киргизами въ ихъ степи. Поступокъ со стороны казаковъ—самовольный. Но причины, къ нему побудившія, превзошли всякое терпѣніе казаковъ. Это случилось вотъ какъ.—Въ темную и бурную ночь воровская киргизская партія, въ окрестностяхъ Котельновскаго форпоста, верстахъ въ тридцати выше Красноярскаго, перебралась незамѣтнымъ образомъ чрезъ Уралъ на внутреннюю сторону. Отъ Котельновскаго форпоста она пошла внизъ и на разсвѣтѣ дошла до Красноярскаго. Въ это время весь конскій табунъ красноярскихъ жителей пасся верстахъ въ восьми отъ форпоста на рѣкѣ Багырдаѣ, подъ присмотромъ двоихъ или троихъ казаковъ. Киргизы, разумѣется, не преминули воспользоваться этимъ случаемъ: они захватили табунъ. Трое косяшниковъ не могли и думать о сопротивленіи киргизамъ, которыхъ было человѣкъ до шестидесяти. Они тотчасъ поскакали на форпостъ извѣстить команду. За небытностью офицера, командой и всѣмъ форпостомъ завѣдывалъ приказный Ефремовъ. Онъ немедленно собралъ команду и пустился съ ней за ворами, но и воры не дремали. Тѣмъ временемъ, пока косяшники скакали на форпостъ, киргизы успѣли подогнать казачьихъ лошадей къ Уралу, и стали плавить ихъ на ту сторону. Въ то время, какъ казачья команда явилась на мѣсто переправы, киргизы были ужъ за Ураломъ, со всѣми казачьими лошадьми. Въ отчаяніе пришли казаки отъ такого событія, да и нельзя было не придти въ отчаяніе: все состояніе ихъ, т. е. весь ихъ конскій табунъ, лошадей болѣе трехсотъ, былъ въ рукахъ разбойниковъ.

Такая страшная потеря была слишкомъ чувствительна для казаковъ. Они не могли перенести ее равнодушно. Подъ вліяніемъ чувства ненависти и мести къ киргизамъ, казаки забыли постановленіе, воспрещавшее преслѣдованіе киргизовъ за Ураломъ, забыли страхъ наказанія, которому подвергались за ослушаніе, забыли все, кромѣ мести, и пустились за Уралъ. Рѣшимость казаковъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Киргизы, вовсе не предполагая за собой погони, не

спѣшили уходомъ. Казаки скоро ихъ нагнали и ударили въ пики; болѣе половины разбойниковъ легло на мѣстѣ, другіе обратились въ бѣгство. Казаки гнали ихъ до урочища Кара-Куля, что будетъ отъ Урала верстахъ въ шестидесяти. Тамъ воры разбѣжались по камышамъ и скрылись. Отбивъ своихъ лошадей и захвативъ часть киргизскихъ, казаки возвратились на Уралъ.

Но происшествіе это не осталось втуне,—оно возродило судъ и дѣло. Приказный Козьма Ефремовъ, на вопросъ дистаночнаго атамана, какъ онъ смѣлъ рѣшиться на такой поступокъ, отвѣчалъ въ простотѣ сердечной: „виноватъ, отецъ командиръ, вѣдь они, мошенники (киргизы), въ раззоръ насъ разоряютъ! Пиши, отецъ командиръ, „липортъ“ объ этомъ войсковой канцеляріи, да обо мнѣ одномъ пиши, а о командѣ не пиши: она не виновата, виноватъ я одинъ. Пусть меня одного судитъ Богъ и военная Коллегія, заключилъ Ефремовъ, а команда не виновата“.

Наконецъ вся эта исторія кончилась въ пользу Ефремова и всѣхъ казаковъ. Войсковое начальство, вникнувъ въ положеніе народа, и долговременнымъ опытомъ убѣдясь, что къ пресѣченію дерзости киргизовъ нѣтъ другихъ средствъ, какъ только дозволить казакамъ преслѣдовать воровъ-киргизовъ и за Ураломъ—вошло объ этомъ съ представленіемъ къ оренбургскому губернатору Эссену. Признавъ представленіе войсковой канцеляріи справедливымъ, Эссенъ далъ на то свое разрѣшеніе. Это послѣдовало въ октябрѣ 1823 г. При этомъ случаѣ постановлено, однакожъ, правиломъ, что казачья команда, въ какомъ бы она составѣ ни была, если только начальникомъ ея будетъ не офицеръ, а урядникъ или приказный (т. е. нижній чинъ), не смѣетъ преслѣдовать киргизовъ въ степи на разстояніи дальше десяти верстъ отъ Урала. Офицеру же съ командой дозволяется пускаться въ погоню за ворами на цѣлыя сутки ѣзды. Правило это до сихъ поръ служитъ руководствомъ на линіи, между линейной командой,—хотя, въ самомъ дѣлѣ, въ немъ нѣтъ надобности, потому что съ тѣхъ поръ, какъ дозволили казакамъ преслѣ-

повать киргизовъ за Уралъ, киргизы годъ отъ году стали тише, набѣги ихъ рѣже и рѣже, наконецъ, чрезъ десять лѣтъ совсѣмъ прекратились. Теперь на линіи, какъ уральской, такъ и оренбургской, благодаря благоразумнымъ мѣрамъ мѣстнаго высшаго начальства, царствуетъ совершенная тишина, исключая, разумѣется, частныхъ случаевъ воровства и конокрадства.

Хотя на Каспійскомъ морѣ туркменцы и киргизы адайскаго рода, продолжали разбойничать до 1836 года, но въ этомъ году подполковникъ Мансуровъ съ отрядомъ уральцевъ ходилъ по льду, чрезъ море на полуостровъ Мангишлакъ и, наказавъ тамъ дерзкихъ ордынцевъ, отбилъ у нихъ охоту къ грабежамъ.

Вотъ такое-то постановленіе существовало на Уралѣ въ старину, т.е., въ то время, когда Василій Струняшевъ попался съ товарищами въ плѣнъ къ киргизамъ. Вотъ вслѣдствіе этого-то постановленія приказный гурьевской команды Михайло Калмыковъ и долженъ былъ остановиться у рѣчки Соколка и возвратиться въ Гурьевъ-городокъ, оставя на произволъ судьбы Струняшева и его товарищей въ рукахъ воровъ-киргизовъ.

X.

Главный станъ воровъ-киргизовъ былъ за р. Соколкомъ. Туда, въ самую полночь, разбойники привели караванъ и привезли русскихъ плѣнниковъ. Бывшіе въ лагерѣ товарищи разбойниковъ, видя такую огромную и богатую добычу, а главное, болѣе десятка обезоруженныхъ и связанныхъ джаикъ-урусовъ (уральскихъ казаковъ), пришли въ крайнее удивленіе и съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ, думая, что все это дьявольское навожденіе, что все это снится имъ во снѣ. Киргизы очень хорошо сознавали слабость свою про-

тивъ казаковъ, такъ не мудрено, что подвигъ товарищей казался имъ великимъ, необыкновеннымъ, выходящимъ вонъ изъ круга ихъ дѣйствій.

Наконецъ, послѣ первыхъ минутъ изумленія, киргизы предались пенстовому восторгу и бросились обнимать и цѣловать своихъ товарищей, одержавшихъ такую чудную и достохвальную побѣду надъ кафирами. Похваламъ и поздравленіямъ не было конца. Не дожидаясь утра, разбойники тотчасъ же принялись справлять праздникъ. Для такой великой радости не пожалѣли зарѣзать нѣсколько десятковъ барановъ, добытыхъ ими въ сосѣдственныхъ киргизскихъ аулахъ.

Многіе изъ аульныхъ киргизовъ, располагаясь кочевками близъ линіи и пользуясь казачьими угодьями, хотя и считались, ради выгодъ своихъ, мирными, давая отъ себя въ Гурьевъ-городокъ и въ другіе казачьи форпосты и крѣпости аманатовъ въ залогъ мира, но за всѣмъ тѣмъ, по естественному расположенію къ своимъ одноплеменникамъ, были очень рады ихъ успѣху. При первой вѣсти объ этомъ происшествіи,—а вѣсти между киргизами, надо замѣтить, перелетаютъ въ степи отъ одного аула до другого съ изумительною скоростью, точь-въ-точь, какъ по телеграфу,—при первой вѣсти объ этомъ счастливомъ подвигѣ разбойниковъ, лагерь ихъ наполнился толпами праздныхъ зѣвакъ изъ ближнихъ киргизскихъ ауловъ и превратился въ шумный и многолюдный базаръ, какой можно видѣть на любомъ мѣновомъ дворѣ по оренбургской и уральской линіямъ, гдѣ, не мѣшаетъ замѣтить, много бываетъ шуму и крику, но мало толку.

Несчастные казаки, связанные по рукамъ и ногамъ, раздѣтые почти до-нага, съ побоями и насмѣшками были привлечены въ толпу киргизовъ, собравшихся вокругъ большого огня, близъ котораго, на разостланныхъ кошмахъ, сидѣли старшіе изъ киргизовъ, располагавшіе дѣйствіями всего сборища. Старики, осматривая съ любопытствомъ плѣнниковъ, разспрашивали отъ нечего-дѣлать каждаго изъ нихъ

о имени и прозваніи, о занятіяхъ и состояніи, выпытывали отъ нихъ о положеніи дѣлъ на линіи, спрашивали, по обычаю азіатцевъ, о новостяхъ въ ихъ странѣ, и т. п. Потомъ, въ видѣ наставленія и утѣшенія, говорили имъ, чтобъ они, покорясь судьбѣ, забыли родину и родныхъ, чтобъ забыли думать о свободѣ, а служили бы вѣрой и правдой тѣмъ, кому достанутся при дѣлежѣ, за что обѣщали снисходительное обращеніе, а въ противномъ случаѣ грозили побоями и мученіями.

Горько было казакамъ слушать подобныя слова изъ устъ людей, ими презираемыхъ, но дѣлать нечего, слѣдовало покориться необходимости и возложить все упованіе свое на Бога. Утопающій, говорятъ, хватается и за соломенку: такъ было и съ казаками. Видя безнадежность и безвыходность своего положенія, казаки смирились, и хотя не совсѣмъ надѣялись на снисхожденіе киргизовъ, однако жъ обратились къ нимъ съ просьбою, думая, что авось воры склонятся на ихъ мольбы и просьбы и прельстятся ихъ обѣщаніями. Казаки предложили киргизамъ выкупъ за свою свободу, сулили имъ и много денегъ и табуны разнаго скота, только бы киргизы не уводили ихъ въ степь и не продавали бы въ Хиву; просили киргизовъ, чтобъ они отпустили одного изъ казаковъ въ Гурьевъ-городокъ для сбора выкупа; но на все это воры отвѣчали хохотомъ, самыми язвительными насмѣшками и грубою бранью.

— Послѣ объ этомъ потолкуемъ, а теперь, пока цѣлы, ложитесь-ка спать, поганые кафиры,—сказалъ одинъ изъ киргизовъ.—У насъ, слава Богу, безъ вашего выкупа много добра хивинскаго, а когда проживемъ его, тогда на васъ самихъ вымѣняемъ еще больше.

Одинъ только Василій Струняшевъ, затаивъ въ душѣ своей ненависть и злобу къ киргизамъ и слегка охая и вздыхая, молчалъ, не говорилъ съ киргизами и не отвѣчалъ на ихъ разспросы. Голова у него была пробита чаканомъ. Рана хотя и причиняла боль, но онъ страдалъ, охалъ и вздыхалъ не отъ боли, а отъ досады, что попался къ кир-

гизамъ. Онъ лучше бы согласился быть убитымъ, чѣмъ видѣть себя униженнымъ и осмѣяннымъ въ тиранскихъ рукахъ тѣхъ людей, которыхъ дотолѣ самъ колотилъ какъ собакъ, но которые, сдѣлавшись теперь его властелинами, готовили ему участь не лучше собачьей.

Въ самомъ дѣлѣ, отношенія между казаками и киргизами въ тѣ времена были самыя непріязненныя. Какъ дикари, какъ мухамедане, киргизы въ то только и жили, какъ бы сдѣлать побольше вреда казакамъ и всѣмъ вообще русскимъ. Попасть, бывало, русскому въ плѣнъ къ киргизу, значило то же самое, что лишиться вольнаго свѣта, что живому лечь въ могилу, что распроститься съ жизнью, даже хуже, чѣмъ распроститься съ жизнью: тогда, по крайней мѣрѣ, одинъ конецъ—умеръ, да и все тутъ! А то и живъ человѣкъ, да жизнь-то его нисколько не похожа на жизнь человѣка: попавъ въ полонъ, онъ день и ночь голодуетъ, и день и ночь зябнетъ и дрожитъ на вѣтру, на дождѣ и на морозѣ, и день и ночь терпитъ брань, побои и увѣчья, и все это терпитъ ни за что, ни про что, какъ лишь только за то, что онъ русскій.

Съ другими русскими плѣнниками, то есть, не съ казаками, киргизы обходились, иногда, еще довольно сносно, но съ казаками изъ рукъ вонъ варварски: они тиранили и мучили ихъ до невозможности, а все изъ-за того, что при набѣгахъ своихъ на линію часто встрѣчали неудачи и терпѣли пораженія отъ казаковъ, которые никогда не клали на свою руку охулки, исключая, разумѣется, внезапныхъ и притомъ рѣдкихъ случаевъ, подобныхъ, напримѣръ, вышеприведенному, когда и сонъ-то и хмѣль-то обуяли добрыхъ молодцовъ и живьемъ предали ихъ въ руки разбойниковъ.

Если удавалось казаку выбѣжать изъ плѣна или выкупиться чрезъ посредство одного какого-нибудь доброжелательнаго ордынца, отчасти понимавшаго благость русской власти—славу Богу: онъ оживалъ! Но, если, бывало, поймаютъ его или даже замѣтятъ только покушеніе къ побѣгу—горе ему, пропалъ тогда онъ на-вѣки: окуютъ его немило-

сердные киргизы цѣпями, или, за неимѣніемъ цѣпей, подрѣжутъ ему кожу на пяткахъ, набьютъ въ раны мелкоизрубленныхъ конскихъ волосъ, да и заставятъ ползать на колѣняхъ, а не то продадутъ въ Хиву, откуда во-вѣки вѣковъ не вырвешься на Русь святую.

Хивинцы еще хуже киргизовъ обращались съ русскими, которыхъ судьба предавала въ ихъ руки. При малѣйшемъ покушеніи плѣнника къ побѣгу, хивинцы отрѣзывали несчастному и носъ, и уши. И это наказаніе считалось легчайшимъ въ сравненіе съ другимъ, болѣе варварскимъ и ужаснымъ, о которомъ нельзя вспомнить безъ омерзенія и содроганія—это казнь на колу.

Много русскихъ, въ прежнее былое время, погибло въ киргизской ордѣ, и особенно въ Хивѣ, отъ рукъ басурмановъ. Но, благодаря Бога, время то миновало. Нынче киргизы не только не берутъ русскихъ въ полонъ, но даже не держатъ у себя бѣглецовъ изъ Россіи, и выдаютъ ихъ въ руки русскаго начальства. Причиной такихъ дружелюбныхъ и похвальныхъ поступковъ со стороны киргизовъ должно считать, кромѣ покорности ихъ Россіи, то еще, что Хива, послѣ похода или такъ называемой зимней экспедиціи, предпринятой русскими въ 1839—40 г., подъ предводительствомъ графа Перовскаго, не осмѣливается уже принимать и держать у себя рабовъ изъ русскихъ плѣнниковъ.

Я сказалъ, что Струняшевъ, затаивъ въ душѣ ненависть къ киргизамъ, молчалъ и ни слова не отвѣчалъ на ихъ вопросы, сколько они того ни добывались. Такое упорное молчаніе Струняшева показалось обиднымъ для разбойниковъ. Растащивъ прочихъ казаковъ въ разныя стороны, киргизы привлекли Струняшева ближе къ огню и за него одного принялись, какъ говорится, вплотную. Пинкамъ и оплеухамъ, которые градомъ со всѣхъ сторонъ сыпались на несчастнаго казака, не было конца; но Струняшевъ, рѣшась лучше умереть, чѣмъ покориться киргизамъ, стиснувъ зубы, долгое время молчалъ, крѣпился и отдувался; наконецъ,

выведенный изъ терпѣнія, началъ честить разбойниковъ одними ругательствами и проклятіями. Тогда киргизы еще больше озлобились и принялись хлестать его нагайками и чѣмъ ни попало, и по чемъ ни попало. Скоро бы дѣло дошло и до ножей, если бы въ эту минуту не пришелъ въ толпу киргизовъ одинъ изъ ихъ наѣздниковъ, по имени Даукара, и не сказалъ:

— Остановитесь, товарищи, и не добивайте этого кафира: онъ мнѣ больно дорогъ.

— Что жъ онъ сдѣлалъ для тебя добраго и полезнаго?— спросили нѣкоторые киргизы того, который заступился за казака.

— Да онъ, собака, сдѣлалъ мнѣ ни много, ни мало, какъ только убилъ моего брата и лишилъ меня и всѣхъ моихъ родныхъ спокойствія, — отвѣчалъ Дуакара, злобно взглянувъ на Струняшева.

— А! вотъ оно въ чемъ дѣло-то!—проговорили съ нѣкоторымъ изумленіемъ киргизы, отступаясь отъ Струняшева, который едва не задохся подъ ихъ ударами.—Въ такомъ случаѣ этотъ кафиръ принадлежитъ тебѣ, дѣлай съ нимъ, что хочешь—наше дѣло сторона. Да смотри, Даукара, путемъ его, невѣрнаго, проучи,—присовокупили киргизы:— онъ, упрямая собака, сколько мы съ нимъ ни бились, ни одного слова на вопросы наши не отвѣчалъ, а лишь только ругалъ и проклиналъ насъ.

— Хорошо, хорошо, друзья мои, я сумѣю заставить его говорить со мной,—отвѣчалъ Даукара, а потомъ, обратясь къ Струняшеву, сказалъ:—знаешь ли ты меня, Васька?

Струняшевъ, услышавъ свое имя, взглянулъ на киргиза, но ничего не сказалъ.

— А! ты меня не узналъ, такъ я напомню тебѣ, кто я такой,—продолжалъ киргизъ.—Помнишь ты урочище Кызылкакъ? Помнишь, года два съ чѣмъ-то назадъ, ты убилъ тамъ брата моего, а? Или ты все это забылъ? Ну, такъ я разскажу тебѣ яснѣе и подробнѣе. Былъ вечеръ лѣтній, такой тихій, пріятный. Мы съ братомъ возвращались въ

свой аулъ изъ гостей и проѣзжали степью мимо копаней (колодцы), вырытыхъ въ лощинѣ, которая называется Кызылкакъ, знаешь, верстахъ въ четырнадцати отъ Красноярскаго форпоста. Вѣдь ты, пріятель, я знаю, жилъ въ томъ форпостѣ прежде. Подъѣзжая къ копанямъ, мы увидѣли двухъ стреноженныхъ осѣдланныхъ казачьихъ лошадей, а въ сторонѣ, неподалеку отъ нихъ, двоихъ казаковъ, сидѣвшихъ на абѣ (киргизская могила). Это былъ ты, да братъ твой Ванька, какъ я узналъ послѣ. Мы съ братомъ поворотили къ вамъ, безъ всякаго злаго намѣренія, а чтобы спросить только васъ, зачѣмъ вы заѣхали въ наши степи: но вы, не сказавъ намъ и не выслушавъ отъ насъ ни одного слова, уставили на насъ свои проклятыя винтовки. Мы вовсе не хотѣли съ вами связываться и драться, и преспокойно обратились-было назадъ, чтобы продолжать путь нашъ, но въ это время ты,—чтобы околѣть тебѣ, какъ собакѣ,—выстрѣлилъ изъ ружья и наповалъ убилъ моего брата... Вспомнилъ, что ли, теперь? Но ты молчишь, упрямецъ. Впрочемъ, я заставлю тебя говорить, заставлю не нагайкой и не ножемъ—до этого дѣло дойдетъ послѣ, заставлю кой-чѣмъ другимъ, дай только срокъ досказать о себѣ.

Киргизъ, разсказывая Василью Струняшеву про встрѣчу свою съ нимъ на Кызылкакѣ и про смерть своего брата, скрылъ, однако жъ, настоящую истину этого происшествія, которое случилось гораздо иначе, нежели какъ говорилъ киргизъ, желая, конечно, выказать Струняшева болѣе виновнымъ, а себя, по привычкѣ лгать и хвастать, оправдать. Это вотъ какъ было.

Однажды, въ праздничный день, во время сѣнокоса, когда красноярскіе жители были въ лугахъ за Ураломъ, нѣсколько человѣкъ казаковъ, въ томъ числѣ и братья Струняшевы, украдкой отъ есаула поѣхали въ степь на охоту за сайгаками. Время же тогда, на тотъ разъ, стояло спокойное, о ворахъ-киргизахъ не было никакого слуха и казаки совсѣмъ не думали встрѣтиться съ врагами. Братья Струняшевы, разъѣзжая по степи, отдѣлились отъ товарищей,

чего, впрочемъ, требовали и самыя условія охоты, доѣхали до копаней на Кызылкакѣ, о которомъ говорилъ киргизъ, и тамъ остановились. Стреноживъ лошадей и пустивъ ихъ на паству, казаки пошли отыскивать сайгаковъ. Чрезъ полчаса, не встрѣтивъ нигдѣ звѣря, они возвращались къ лошадямъ, но, не доходя до нихъ саженей за двѣсти, остановились, чтобы отдохнуть, и для того присѣли на киргизскую абу. Не прошло послѣ того и минуты, какъ въ близкомъ отъ нихъ разстояніи изъ-за одной возвышенности показались двое верховыхъ киргизовъ, которые, съ пиками въ рукахъ, стремительно бросились на казаковъ. Къ несчастью, замки у казачьихъ ружей были на тотъ разъ обмотаны и завязаны тряпками, что дѣлается охотниками для того, чтобы не проникала сырость въ порохъ на полкахъ, и вообще не ржавѣли бы замки.

Кромѣ винтовокъ, никакого другого оружія у казаковъ не было, а разматывать и развязывать тряпки, когда непріятель висѣлъ на носу, и подумать нельзя. Что жъ оставалось охотникамъ дѣлать? Къ счастью, внезапно пришла благая мысль Струняшевымъ. Не допуская до себя хищниковъ, они приложились къ винтовкамъ и прицѣлились, дѣлая видъ, что хотятъ стрѣлять. У страха, говорятъ, глаза велики. Такъ случилось и съ киргизами. Увидавъ предъ собой ружейныя дула и нисколько не подозрѣвая, что они не опасны, киргизы струсили, повернулись отъ казаковъ въ сторону и бросились къ ихъ лошадямъ, съ намѣреніемъ, конечно, овладѣть ими. Подскакавъ къ казачьимъ лошадямъ, киргизы гикнули на нихъ; лошади, испуганныя шумомъ и крикомъ, шарахнулись. Одна изъ лошадей, съ перваго же прыжка, разорвала треногу и побѣжала въ степь; ее тотчасъ подхватилъ подъ уздцы ловкій на такія дѣла разбойникъ. Другая же казачья лошадь запуталась въ треногѣ и упала. Второй разбойникъ остановился надъ ней и, вынувъ изъ ноженъ саблю, сталъ рѣзать треногу, чтобы освободить и угнать лошадь.

Между тѣмъ и братья Струняшевы не дремали: они

пустились бѣжать вслѣдъ за киргизами, отстаивать своихъ лошадей. Старшій братъ, Василій, успѣлъ на бѣгу размотать съ ружейнаго замка тряпки и, взведя курокъ, вскричалъ младшему, Ивану, бывшему впереди его: „наклонись!“ и съ этимъ словомъ пустилъ черезъ голову брата пулю, которая попала въ спину разбойника противъ сердца и повалила его на землю, къ ногамъ спутанной лошади. Первый изъ киргизовъ, успѣвшій-было захватить казачью лошадь, лишь только услыхалъ ружейный выстрѣлъ и увидѣлъ товарища своего на землѣ, какъ въ ту же минуту, потерявъ бодрость, бросилъ захваченную лошадь и безъ оглядки ускакалъ въ степь *).

Этотъ храбрецъ былъ самъ Даукара, который издѣвается теперь надъ Струняшевымъ и который предъ тѣмъ, какъ мы видѣли, шпіонилъ въ Гурьевѣ и вмѣстѣ съ старикомъ Кара-Кузькой устраивалъ засаду на казаковъ.

— Мнѣ больно было видѣть слезы отца, скорбь матери и отчаяніе снохи, вдовы брата,—продолжалъ Даукара.— Вотъ я и поклялся отцу и роднымъ, что пока не отомщу смерть брата, пока не отолью кровь за кровь, пока не сживу тебя съ бѣла-свѣта, до тѣхъ поръ я не войду въ родную кибитку, не коснусь жены моей и не приласкаю дѣтей. Вотъ ужъ больше двухъ лѣтъ клятва эта лежитъ на душѣ моей; вотъ ужъ больше двухъ лѣтъ я скитаюсь и странствую по степи, между чужими людьми, а все по милости твоей, проклятый кафиръ! Ты былъ догадливъ, что скрылся изъ

---

*) Точно такой же случай повторился въ 1843 г. на этомъ же урочищѣ, Кызылкакѣ, съ двумя братьями-охотниками, красноярскими же казаками, Иваномъ и Павломъ Вертячкиными. Разница только въ томъ, что изъ братьевъ Струняшевыхъ старшій выстрѣлилъ изъ винтовки по разбойнику, а изъ братьевъ Вертячкиныхъ отличился младшій, Павелъ Осиповичъ, который до сихъ поръ не безъ удовольствія вспоминаетъ объ этомъ происшествіи, несмотря на то, что о немъ, то есть о происшествіи, производилось на законномъ основаніи слѣдствіе, которое волей-неволей заставило храбраго охотника давать слѣдователю... что?—извѣстно, что даютъ слѣдователямъ... отвѣты!..

*

Красноярскаго форпоста и запрятался въ Гурьевъ. Я совсѣмъ-было отчаялся въ успѣхѣ моего намѣренія, но сама судьба предала тебя мнѣ въ руки: видно, ужъ рокъ твой насталъ.

Струняшевъ, припомнивъ случай, о которомъ разсказывалъ Даукара, хотя и видѣлъ, что онъ лгалъ, но изъ презрѣнія не хотѣлъ возражать ему ни однимъ словомъ.

— А знаешь ли, спрошу тебя, кто помогалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ?—продолжалъ киргизъ, глядя насмѣшливо на Струняшева:—помогалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ твой вѣрный и усердный слуга, твой преданный и нелицемѣрный другъ и мой достопочтенный товарищъ Кара-Кузька!

— Что? — проговорилъ съ удивленіемъ Струняшевъ, быстро приподнявъ голову и устремивъ сверкавшіе глаза на киргиза.

— А! заговорилъ, наконецъ, упрямецъ: знать, этакъ за ретивое задѣло,—сказалъ киргизъ.—То-то же, смотри, не забудь, что я сказалъ, помни. Быть можетъ, тебѣ не удастся ужъ болѣе видѣть друга твоего Кара-Кузьку, такъ не забудь поблагодарить его хоть заочно—онъ этого стоитъ; вѣдь всѣхъ больше по этому дѣлу хлопоталъ онъ: вѣдь онъ навелъ насъ на тебя; вѣдь онъ уговорилъ, умаслилъ тебя ѣхать въ Астрахань; вѣдь онъ удружалъ тебѣ, онъ вывернулъ кремень изъ курка твоей винтовки. Что уставилъ на меня глаза-то?—присовокупилъ киргизъ, захохотавъ во все горло.—Развѣ это тебѣ не нравится? А я было думалъ, что ты будешь радъ услыхать что-либо о старомъ пріятелѣ.

— Будьте вы оба съ нимъ прокляты!—сказалъ Струняшевъ, задыхаясь отъ гнѣва и отворачиваясь въ сторону.

Въ это время киргизъ, отозванный своими къ ужину, ушелъ и Струняшевъ остался одинъ. Слова киргиза взволновали и раздосадовали Васю до такой степени, что долгое время онъ не могъ прійти въ себя. Измѣна и предательство Кара-Кузьки; неизвѣстность причинъ, которыя побудили этого киргиза посягнуть на жизнь его; наконецъ сомнѣніе, правду ли говорилъ объ этомъ разбойникъ—мутили разумъ казака;

голова его пошла кругомъ Чрезъ нѣкоторое время, немного успокоясь, Струняшевъ заговорилъ самъ про себя:

„Неужели все это правда, что говорилъ сейчасъ мошенникъ? Неужели Кара-Кузька измѣнилъ мнѣ? Неужели онъ отплатилъ мнѣ этимъ за хлѣбъ-соль мою?“

Струняшевъ призадумался, покачалъ головой и потомъ продолжалъ:

„Нѣтъ, быть этого не можетъ! Хоша Кара-Кузька и бусурманъ, но у него не могла, по моему сужденію, подняться совѣсть противъ меня: вѣдь я его кормилъ и поилъ, обувалъ и одѣвалъ; безъ меня давнымъ бы давно онъ околѣлъ, какъ собака. Не въ похвальбу сказать, кромѣ добра, никакого худа я ему не сдѣлалъ; не за что бы, кажись, продавать ему меня. Да хоша бы по какой ни на есть причинѣ онъ и мыслилъ на меня худо, то не для чего было заводить ему такую исторію: онъ, еслибъ только захотѣлъ, во всякое время могъ извести меня; изъ моей же бы, пожалуй, винтовки убилъ меня: вѣдь случалось, что я бывалъ съ нимъ въ полѣ одинъ-на-одинъ, съ глазу-на-глазъ... Да и говорить объ этомъ нечего: тысячу разъ Кара-Кузька могъ напакостить мнѣ и моимъ семейнымъ... Кромѣ всего этого, онъ намекалъ мнѣ на воровъ-киргизовъ, когда совѣтовалъ и уговаривалъ меня ѣхать въ Астрахань. Зачѣмъ бы, кажись, говорить объ этомъ и разстраивать дѣло? Вѣдь я могъ бы поопастись и совсѣмъ не ѣхать въ Астрахань...

„А кремень-то... кремень-то изъ курка куда дѣвался?“ —продолжалъ Струняшевъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. „Куда дѣвался кремень-то, а?“—спрашивалъ самъ себя Вася. „Не выпалъ же онъ самъ... вѣстимо, не могъ выпасть... Развѣ ужъ я, въ суетахъ да въ сборахъ, старый кремень выверпуть-то выверпулъ, а новый-то ввернуть позабылъ?... И это могло случиться: на грѣхъ мастера нѣтъ... да съ чего же взялъ разбойникъ-то объ этомъ говорить? не съ бухту же барахту, не святъ же онъ духъ... не съ чего бы, кажись, пришлести ему тутъ и кремень, и Кара-Кузьку,

еслибъ въ самомъ дѣлѣ не замѣшался тутъ этотъ проклятый старичишка!...“

Послѣднія слова Вася произнесъ громко, но голосъ его дрожалъ и отзывался какою-то болѣзненностью, вынужденною досадой, сомнѣніемъ и нетерпѣніемъ узнать скорѣе истину.

— Что ты такъ расходился и о чемъ такъ шибко и громко разсуждаешь?—спросилъ Струняшева подошедшій къ нему послѣ ужина киргизскій наѣздникъ, врагъ его, Даукара.

— А вотъ о чемъ,—отвѣчалъ Вася:—ты, кажется, врешь; ты, кажется, потѣшаешься и насмѣхаешься надо мной, видя меня связаннаго у ногъ твоихъ.—Тутъ Вася пересказалъ ему все то, что ужъ мы слышали.

— Э, какой же ты недогадливый, пріятель!—возразилъ киргизъ.—Кара-Кузька сказалъ мнѣ, что ты парень больно ловкій и смышленый, анъ вотъ выходитъ, что не совсѣмъ-то ловокъ и догадливъ. Ты думаешь, что если ужъ далъ кусокъ хлѣба Кара-Кузькѣ, такъ онъ твой—какъ бы не такъ! Нѣсколько ужъ лѣтъ Кара-Кузька точитъ на тебя ножъ: вѣдь ты ему костью сталъ поперекъ горла. Хотя онъ не больше года живетъ въ Гурьевѣ, но тебя-то давно знаетъ: ты съ нимъ и прежде встрѣчался, да не замѣтилъ, не было надобности, но онъ крѣпко примѣтилъ тебя, соколика, долго за тобой ухаживалъ и вотъ добрался-таки наконецъ. Какъ добрался, ты знаешь, нечего тебѣ разсказывать объ этомъ, а скажу только о томъ, изъ-за чего Кара-Кузька золъ на тебя. Слушай-ка:

„Года три назадъ, сказывалъ онъ мнѣ, была стычка у казаковъ съ киргизами на внутренней сторонѣ, за р. Багырдаемъ, противъ Харкинскаго форпоста, и стычка-то была изъ-за пустяковъ. Киргизы, отъ нечего дѣлать, захватили-было десятка два казачьихъ лошадей, да и не красноярскихъ, а харкинскихъ. Когда казаки встревожились и появились въ степи, киргизы изъ-за такой бездѣлицы не хотѣли и связываться съ ними, побросали казачьихъ лошадей и

поодиночкѣ разскакались врозь, кто вверхъ, кто внизъ, а кто въ барханы *), по направленію къ берегамъ Волги. Харкинскіе казаки при этомъ случаѣ очень хорошо и умно поступили: забравъ своихъ лошадей, они не погнались за киргизами, вѣроятно, струсили, и возвратились въ домы. Послѣ того киргизы собрались въ „барханахъ“ и остановились верстахъ въ тридцати отъ вашей линіи, при урочищѣ Два-Дерева. Они намѣревались ѣхать къ Волгѣ, чтобы поживиться тамъ насчетъ русскихъ мужиковъ или калмыковъ. Но на другой день, какъ съ неба упали, явились тутъ безпокойные казаки и напали на киргизовъ. Казаки эти, какъ послѣ оказалось, были не харкинскіе, а красноярскіе, которые вчужѣ вмѣшались въ это дѣло.

„Я ужъ сказалъ, что харкинскіе казаки съ перваго раза не преслѣдовали киргизовъ и возвратились на свой форпостъ. Какимъ же манеромъ очутились тутъ красноярскіе казаки? Ты, Васька, взбулгачилъ, ты подбилъ и подговорилъ ихъ на это дѣло; если бы не ты, казаки оставили бы нашихъ въ покоѣ, а наши не тронули бы вашихъ. Но тебѣ, неугомонному, не терпѣлось, тебѣ хотѣлось поджигитовать, хотѣлось удаль свою показать. Правда, тебѣ удалось тогда поразгуляться на нашъ счетъ,, но зато и достанется поплатиться, дорого, голубчикъ, достанется, такъ что впередъ не захочешь соваться не въ свое дѣло. Исключая другихъ правовѣрныхъ, которыхъ сгубила твоя поганая рука, ты закололъ въ той дракѣ двоихъ сыновей Кара-Кузьки, молодыхъ и лихихъ наѣздниковъ, да сверхъ того ранилъ и самого Кара-Кузьку, который былъ въ числѣ предводителей киргизской партіи. Пуля твоя засѣла и до сихъ поръ сидитъ въ ногѣ этого почтеннаго человѣка: оттого онъ и хромаетъ. Тебѣ, я думаю, и во снѣ не грезилось, отчего Кара-Кузька прихрамываетъ—вотъ отчего!

---

*) Барханы—песчаные холмы, которыми усѣяна степь между низовьями Волги и Урала. Слова, съ разрядкой напечатанныя: вверхъ и внизъ, означаютъ, по выраженію казаковъ: на сѣверъ и на югъ.

„Послѣ такой важной услуги, знаешь, долгъ платежемъ красенъ—Кара-Кузька долженъ же услужить и тебѣ и отблагодарить тебя тѣмъ же, чѣмъ употчивалъ и ты его на старости лѣтъ. По-нашему обычаю, знаешь, за смерть убитаго родственника можно взять съ виноватаго нѣсколько сотенъ барановъ или лошадей; а такъ какъ у васъ, русскихъ, такого хорошаго обычая не водится, то Кара-Кузькѣ ничего другого дѣлать не оставалось, какъ только успокоить свою совѣсть и тѣнь убитыхъ дѣтей кровью твоею и кровью твоихъ родныхъ. Но ему, бѣдняжкѣ, какъ и мнѣ, долго не удавалось исполнить свое благое намѣреніе. Старый, больной и искалѣченный—замѣть, по милости твоей—онъ не смѣлъ вступить съ тобой въ открытый бой, а изподтишка не доводилось. Между тѣмъ, ты бросилъ Красноярскъ и переѣхалъ на житье въ Гурьевъ-городокъ. Въ Гурьевѣ ты совсѣмъ сдѣлался недоступнымъ для Кара-Кузьки. Что оставалось ему дѣлать? Вотъ онъ и пустился на хитрости, притворился байгушемъ и явился къ вамъ съ услугами, чтобы выждать удобный случай и угомонить тебя. Хорошо ли Кара-Кузька обработалъ свое дѣльцо—ты знаешь теперь короче моего.

„Поживъ малое время въ Гурьевѣ, Кара-Кузька увидѣлъ, что убить тебя не очень трудно, но убить одного только тебя ему показалось какъ-то мало: онъ, какъ человѣкъ разсчетливый, захотѣлъ угомонить обоихъ васъ съ братомъ. Убить же обоихъ васъ сразу было трудновато, а по одиночкѣ неудобно: вѣдь, убивъ какимъ ни на есть образомъ одного, Кара-Кузька долженъ былъ ужъ изъ Гурьева скрыться, чтобы самому не попасться въ ваши руки; а скрыться изъ Гурьева, не докончивъ какъ слѣдуетъ дѣла, ему крѣпко не хотѣлось: ему жалко было разстаться съ добычей. Вотъ онъ живетъ да поживаетъ близъ тебя, ждетъ да выжидаетъ удобной минуты расквитаться съ тобой хорошенько, на-чистоганъ. Слава Богу, начало ужъ сдѣлано, до конца добраться нетрудно; терпѣнья у Кара-Кузьки на это хватитъ—можешь быть въ этомъ увѣренъ. Сбуривъ тебя съ рукъ такимъ благовиднымъ манеромъ—вѣдь ты сначала и самъ

не подозрѣвалъ Кара-Кузьку, а постороннимъ людямъ и подавно въ умъ не придетъ—да, сбуривъ тебя съ рукъ, Кара-Кузька какъ разъ уходитъ и брата твоего, Ваньку, когда онъ воротится изъ поѣздки, послѣ доберется до тетки твоей и до невѣсты, а потомъ раскланяется съ Гурьевымъ, да и поминай какъ звали. Вотъ тебѣ и вся недолга!"—заключилъ киргизъ.

XI.

Во время разсказа Даукара не разъ вынималъ изъ ноженъ большой хивинскій ножъ, похожій на кинжалъ, натачивалъ или, иначе сказать, направлялъ лезвее его на голенищѣ сапога, и, пробуя на ногѣ остроту ножа, водилъ имъ въ воздухѣ, показывая разными энергическими тѣлодвиженіями видъ, что готовится этимъ ножомъ кого-то или что-то рѣзать. Смотря на такіе зловѣщіе пріемы и ухватки киргиза, Струняшевъ подумалъ, что злодѣй готовится мясничать его, и испугался не на шутку: вѣдь говорится, смерть праведника страшитъ; однако жъ, не показалъ виду, что боится киргиза или замѣчаетъ злобное его намѣреніе. Киргизъ же, въ самомъ дѣлѣ, выкидывалъ эти штуки съ цѣлью напугать только казака и заставить его смириться предъ собой: ему крѣпко не нравилось упрямство и геройская стойкость Струняшева; убить же его въ это время онъ не хотѣлъ, а намѣренъ былъ живого привести въ свой аулъ, что и сдѣлалъ, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Склонивъ голову на грудь, Вася внимательно и безмолвно слушалъ ѣдкія рѣчи киргиза; но когда тотъ, заключивъ разсказъ, намекнулъ ему объ опасности, угрожающей роднымъ и близкимъ его сердцу, Струняшевъ не вытерпѣлъ, вздрогнулъ и, проговоря: „о Господи! помоги мнѣ", сильно рванулся, такъ что аркапы, которыми были связаны его руки и ноги, затрещали, но, къ несчастью или къ счастью казака, не разорвались.

Я сказалъ, что арканы не разорвались къ несчастью или къ счастью казака, потому что, разорвись только эти арканы, Струняшевъ, въ пылу негодованія и злобы, непремѣнно бы бросился на киргиза и, безоружный, навѣрное палъ бы подъ ножомъ разбойника.

Даукара, замѣтивъ движеніе Струняшева, тотчасъ подскочилъ къ нему, шулъ его въ грудь ногою и, грозя ножомъ, сказалъ:

— Не шевелись, Васька! не то сейчасъ изъ тебя духъ вонъ!

— Подлецы! мошенники вы этакіе! — вскричалъ внѣ себя Струняшевъ, нисколько не обращая вниманія на пинки и угрозы киргиза.—Собаки вы этакія, звѣри вы лютые, трусы вы поганые, ваше дѣло только бить и душить беззащитныхъ, безоружныхъ да связанныхъ, а не то, чтобы драться честно, открыто... О, разбойникъ, счастье твое, что руки у меня связаны, а то бы я далъ тебѣ знать, я бы раздѣлался съ тобой по-свойски, я бы изъ тебя вышибъ прежде духъ твой поганый! О, проклятый Кара-Кузька! О, змѣй ты ядовитый!— такъ-то поступилъ ты со мной, песъ смердящій... — продолжалъ кричать Струняшевъ, скрипя зубами и метаясь по землѣ, какъ подстрѣленный звѣрь.

Затѣмъ долго еще сыпались градомъ изъ устъ обиженнаго казака ругательства и проклятія Даукарѣ, Кара-Кузькѣ и всѣмъ разбойникамъ. Изливъ въ жестокихъ и рѣзкихъ словахъ весь гнѣвъ свой на киргизовъ, Струняшевъ обратилъ рѣчь свою къ роднымъ и заговорилъ-было: „о, братъ мой любезный! о, мамушка! о, милая и ненаглядная моя Дашенька!“... но на послѣднемъ словѣ остановился, умолкъ, болѣзненно застоналъ и въ изнеможеніи повалился на полъ.

Несчастіе, постигшее самого Струняшева и грозившее обрушиться надъ головами его родныхъ и милыхъ сердцу, нисколько непричастныхъ дѣлу, было слишкомъ велико и ужасно, чтобъ можно было перенести его равнодушно и не впасть въ отчаяніе.

Даукара смотрѣлъ на Струняшева съ невольнымъ изумленіемъ и почти со страхомъ.

„Ну, вотъ такъ русскій!“—сказалъ, наконецъ, самъ про себя киргизъ, озадаченый неустрашимостью и геройскою стойкостью казака. „Я не только не видалъ, а даже и не слыхалъ, чтобы между невѣрными были такіе безстрашные люди. Я показываю ему ножъ, грожу зарѣзать, а онъ, прошу покорно, и въ усъ не дуетъ, какъ будто не до него дѣло, знай лается, да и только!“

Распростершись на землѣ, Струняшевъ по временамъ вздрагивалъ и издавалъ глухіе стоны, но потомъ мало-помалу сталъ притихать и успокаиваться, наконецъ, совсѣмъ затихъ и лежалъ неподвижно, какъ убитый.

Киргизъ не сводилъ глазъ съ казака, но не принималъ, однако жъ, ничего противъ него враждебнаго. Дотолѣ злобный и насмѣшливый, Даукара въ эти минуты казался нѣсколько смягчившимся и смотрѣлъ на Струняшева болѣе ужъ съ любопытствомъ, чѣмъ съ ненавистью и непріязнью.

Спустя нѣкоторое время, Вася съ усиліемъ приподнялся и, упершись локтемъ о землю, сѣлъ. Лицо его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посбитое и окровавленное, было блѣдно, но спокойно; въ глазахъ его просвѣчивалось совершенное равнодушіе и покорность судьбѣ. Онъ обсудилъ и понялъ ясно, что несчастіе, его постигшее, неисправимо; что положеніе его безвыходно и безнадежно; что впереди ожидаетъ его не одна несносная, унизительная неволя, но и неизбѣжная, ужасная смерть. Какъ добрый христіанинъ, какъ человѣкъ, вполнѣ вѣрующій въ предопредѣленіе судьбы, Струняшевъ пришелъ къ тому заключенію, что все, что ни дѣлается съ человѣкомъ на бѣломъ свѣтѣ, дѣлается по волѣ Божіей; что, слѣдовательно, роптать и жаловаться на судьбу, унывать и отчаяваться въ бѣдѣ-напасти грѣшно и безполезно, Остановясь на такой утѣшительной мысли, Струняшевъ принудилъ себя смириться и рѣшился послѣдніе часы своей жизни провести по возможности спокойно и больше ужъ не грѣшить, то есть, не браниться съ киргизами, ко-

торыхъ онъ считалъ теперь только орудіями наказанія, свыше ему ниспосланнаго.

Сначала мысль о родныхъ тревожила его больше, чѣмъ о самомъ себѣ. Воспоминаніе о братѣ, теткѣ, особенно о невѣстѣ, которымъ угрожала великая напасть отъ козней мстительнаго Кара-Кузьки, наполняло сердце его неизъяснимою горестью и приводило самого его въ трепетъ и отчаяніе; но подъ конецъ, какъ я уже сказалъ, возложивъ все упованіе на Бога и поручивъ мысленно родныхъ своихъ заступничеству Пречистой Дѣвы, Струняшевъ одумался и успокоился. Вскорѣ между нимъ и киргизомъ начался разговоръ въ другомъ, болѣе уже покойномъ тонѣ.

—Даукара!—сказалъ Струняшевъ.

— Что? — отвѣчалъ киргизъ.

— А вотъ что: скажи по совѣсти, коли въ тебѣ есть совѣсть:—что ты намѣренъ со мной дѣлать?

— Это ужъ не твое, а мое дѣло.

— Такъ!—возразилъ казакъ:—знаю, это твое дѣло, но и мое тутъ есть дѣло.

— Какое?

— А вотъ какое. Скажу тебѣ безъ обиняковъ, скажу прямо и откровенно, только ты не перебивай меня,—продолжалъ Струняшевъ:—я спрашиваю тебя, что ты намѣренъ со мною дѣлать, вотъ для чего. Ежели ты хочешь меня убить, то убей, я не боюсь—было-бъ тебѣ извѣстно; но, пожалуй, хоть и не трудись убивать меня, я и безъ того не долго накрѣплюсь, если ты станешь держать меня связаннымъ, да надѣлять пинками и толчками; вѣдь, знаешь, голова у меня пробита до мозга, а товарищи твои терзали меня давича, на чемъ свѣтъ стоитъ, били и мучили такъ безжалостно, такъ немилосердно, что я самъ не понимаю, какъ удержался духъ во мнѣ. Ежели ты думаешь сдѣлать меня рабомъ своимъ и заставить служить на тебя, то крѣпко ошибаешься: скорѣе умру, чѣмъ соглашусь пасти твоихъ барановъ, рыть копани, собирать дрова да таскать для тебя воду. Что думаю, то и говорю, а что говорю, то и дѣлаю—

было бы тебѣ извѣстно. Но ежели ты намѣренъ продать меня въ Хиву, чего я, конечно, избавиться не могу, то хоть не ради меня, а ради пользы своей не терзай меня и не мучь: вѣдь за больного и изувѣченнаго человѣка, самъ знаешь, никто не дастъ ни одного барана, а я, какъ есть, больной и изувѣченъ. Ежели не хочешь лишиться прибыли, то позаботься немного о моемъ здоровьѣ, хотя не для меня, какъ я сказалъ, а для себя. Развяжи мнѣ руки и дай возможность обмыть и обвязать раны, авось тогда я останусь цѣлъ, а ты навѣрное будешь въ хорошихъ барышахъ. Быть можетъ, — присовокупилъ Струняшевъ: — ты боишься дать волю моимъ рукамъ—напрасно. Я ужъ обдумалъ и рѣшился покориться моей участи: знать ужъ такъ на роду мнѣ написано. Даю тебѣ честное слово, что ни за что теперь не подыму на тебя рукъ моихъ. Вѣрь мнѣ: давича—не хочу лгать — и растерзалъ бы тебя, если бы былъ свободенъ, но теперь я совсѣмъ иной человѣкъ. Я сказалъ все и жду отъ тебя отвѣта!—заключилъ Струняшевъ.

Киргизъ, выслушавъ казака, язвительно улыбнулся и потомъ сказалъ:

— Ты, вижу, больно храбрый, Васька, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простой, должно быть. Наговорилъ ты мнѣ съ три короба угрозъ, совѣтовъ и всякой чертовщины, чего я и въ толкъ не возьму, да и думаешь, что я повѣрю тебѣ, разжалоблюсь или испугаюсь, да и тотчасъ дамъ тебѣ волю— какъ бы не такъ! Вишь что выдумалъ: распусти ему руки, да позаботься о ранахъ, а то, вишь, умретъ, работать не будетъ, въ Хиву съ рукъ не сойдетъ... хе, хе, хе!—продолжалъ насмѣшливо Даукара.—Да дурака что ли ты нашелъ? Для того, что ли, распустить тебѣ руки, чтобы ты послѣ распуталъ ноги да и тягу далъ? Нѣтъ, пріятель, отдумай это, съ такими рѣчами ко мнѣ не подъѣзжай: слушать и понимать не хочу. Если бы ты не убилъ моего брата, если бы не лежала на тебѣ кровь нашего семейства, ну, тогда можно бы, пожалуй, позаботиться, какъ ты говоришь, о твоемъ здоровьѣ для того хоть единственно, чтобы выгоднѣе

сбыть тебя въ Хиву. А такъ какъ ты, собака, въ долгу у насъ, то и расплачивайся; страдай и мучься въ волю—мѣшать не стану: чѣмъ больше будешь страдать и терзаться, тѣмъ легче и отраднѣе моему сердцу. Ты спрашиваешь, что я намѣренъ съ тобой дѣлать? Изволь, на это скажу вотъ что: убивать тебя въ настоящее время не хочу, продавать въ Хиву пока не считаю нужнымъ, въ услугахъ твоихъ рѣшительно не нуждаюсь, а просто-на-просто отвезу тебя въ нашъ аулъ и сдамъ съ рукъ-на-руки отцу: пускай онъ самъ, какъ знаетъ, такъ съ тобой и раздѣлывается, мое пока дѣло сторона. Во всякомъ случаѣ, если ужъ на то пошло, можешь надѣяться, что мы не заставимъ тебя долго жить на этомъ свѣтѣ, и постараемся, ужъ такъ и быть, изъ уваженія къ твоему молодечеству, приготовить тебѣ такую славную и великолѣпную казнь, какую не выдумать и хивинцамъ. Да я съ тобою ужъ черезчуръ разговорился,—прибавилъ Даукара,—и не замѣтилъ, что скоро разсвѣтаетъ. Послѣ трудовъ праведныхъ слѣдуетъ отдохнуть, а завтра отправиться въ путь-дорогу. Эй, вы! кто тутъ есть?—закричалъ онъ на киргизовъ, исправлявшихъ въ лагерѣ должность служителей:—возьмите этого русскаго и оттащите отсюда прочь,—сказалъ Даукара явившимся на зовъ его служителямъ;—положите его гдѣ-нибудь между тюковъ, да хорошенько присматривайте за нимъ, чтобы онъ не распутался да не улизнулъ — отъ него это можетъ статься.

Даукара ушелъ въ близстоявшую джуламейку (родъ маленькихъ и легкихъ кибитокъ, возимыхъ киргизами во время походовъ). Служители или такъ называемые по-киргизски к о ш ч и, (то есть, по-нашему, становщики, кашевары), съ лихвой исполнили приказаніе Даукары. Они опутали Струняшева еще крѣпче арканами, бросили его на голую и мерзлую землю и завалили тюками и мѣшками, изъ-подъ которыхъ не только связанному, но и свободному человѣку не было возможности выбраться. Другіе казаки, товарищи Струняшева, давно уже задыхались подъ гнетомъ

киргизской осторожности. Не мѣшаетъ замѣтить, что никто изъ киргизовъ не только не позаботился накормить казаковъ, но даже бросить имъ обглоданныхъ костей. Вскорѣ въ лагерѣ потухли огни и киргизы предались сну, исключая двоихъ-троихъ, которые ходили по лагерю и около лагеря и сторожили русскихъ плѣнниковъ.

На другой день утромъ киргизы встали раньше обыкновеннаго и принялись дѣлить добычу. Они разложили ее на паи, не забывъ, конечно, и тѣхъ, которые остались, въ ожиданіи большихъ благъ, въ засадѣ на островѣ, но которые не нуждались уже ни въ чемъ, потому что, какъ извѣстно намъ, гурьевцы перебили ихъ въ это время почти всѣхъ, исключая двоихъ-троихъ, успѣвшихъ спрятаться въ камышахъ.

Вечеромъ, какъ сумасшедшій, прибѣжалъ въ киргизскій лагерь одинъ изъ числа спасшихся отъ избіенія разбойниковъ и объявилъ о случившемся. Какъ громомъ вѣсть эта поразила киргизовъ и они не знали сначала что дѣлать. Наконецъ, по недолгомъ совѣщаніи, заблагоразсудили раздѣлить паи убитыхъ товарищей по себѣ, и потомъ по-добру по-здорову убраться отъ линіи подальше въ глубь степи.

Вскорѣ лагерь ихъ поднялся съ мѣста и пошелъ къ р. Эмбѣ. Тамъ киргизы сдѣлали окончательный дѣлежъ добычи и плѣнниковъ, и малыми партіями разъѣхались по своимъ ауламъ. Киргизы этой шайки были разныхъ родовъ, по большею частью Адайскаго. Даукара принадлежалъ къ послѣднему роду. Взявъ на свою долю Струняшева, онъ поѣхалъ съ нѣкоторыми однородцами на полуостровъ Мангишлакъ, гдѣ обыкновенно зимуютъ адайцы.

Не нужно, кажется, говорить, что киргизы, получивъ извѣстіе о несчастіи своихъ товарищей, выместили злобу свою на бѣдныхъ казакахъ-плѣнникахъ. Они били и терзали этихъ несчастныхъ не на животъ, а на смерть. Если при этомъ случаѣ они никого изъ нихъ не убили, то собственно потому, что киргизы смотрѣли на казаковъ, какъ на живой товаръ, пригодный къ сбыту въ Хиву.

Такимъ образомъ, разрозненные и полуживые, казаки развезены были во всѣ концы степи. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи успѣли выбѣжать изъ орды, другіе были выкуплены чрезъ посредство киргизовъ, преданныхъ Россіи и заискивавшихъ наградъ отъ русскаго начальства, но многіе, проданные въ Хиву, пропали безъ вѣсти, и это въ описываемое мною время не считалось за рѣдкость.

Итакъ, Василій Струняшевъ попался въ плѣнъ и увезенъ въ орду. О дальнѣйшихъ приключеніяхъ его мы скажемъ послѣ, а теперь не мѣшаетъ разсказать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, случившихся на Уралѣ.

XII.

И прежде, и послѣ этого происшествія случались съ гурьевцами подобныя несчастія, но не въ такой степени печальныя и ужасныя, какъ это. Бывало, одинъ или двое неосторожныхъ русскихъ попадутся въ полонъ къ киргизамъ, но не больше; поплачутъ, погорюютъ въ одномъ-другомъ домѣ, да и только. Но теперь, шутка ли, двѣнадцать человѣкъ, двѣнадцать молодцовъ за одинъ разъ погибло! А сколько осталось плачущихъ и сѣтующихъ отцовъ и матерей, вдовъ и сиротъ-дѣтей—объ этомъ и говорить нечего. Не было въ Гурьевѣ почти ни одного дома, до котораго бы несчастный случай этотъ не касался близко и больно. Словомъ, всѣ гурьевцы погружены были въ глубокую печаль и уныніе, оплакивали погибшихъ родныхъ и друзей, тужили и горевали о ихъ несчастной участи и не знали, чѣмъ помочь, пособить такому лютому горю.

Семейные Струняшева были въ совершенномъ отчаяніи. Сначала они плакали день и ночь, но потомъ и плакать перестали: задушило ихъ лютое горе. Старушка-тетка почти ослѣпла отъ слезъ, а дѣвушка-невѣста едва ума не лишилась. На ту пору и братъ Струняшева, Иванъ, почему-то замѣшкался въ пути и не возвращался въ домъ. Отсутствіе

Ивана тѣмъ болѣе казалось тягостнымъ для старушки и дѣвушки, что имъ не съ кѣмъ было раздѣлить свое задушевное горе, некому было ихъ утѣшить и сколько-нибудь поддержать: всякому изъ гурьевцевъ въ то время приходилось до самого себя.

Атаманъ гурьевскій, желая хоть кого-нибудь изъ заполоненныхъ казаковъ выручить изъ орды, принялъ-было на первыхъ порахъ свои мѣры. Онъ приказалъ оковать цѣпями и запереть въ тѣсныя арестантскія каморки нѣсколькихъ человѣкъ киргизовъ, находившихся въ Гурьевѣ въ заложникахъ отъ ближнихъ мирныхъ ауловъ; но это ни къ чему хорошему не повело, а только запутало дѣло и возродило еще большее неудовольствіе и непріязнь мирныхъ киргизовъ, которые и безъ того не очень-то жаловали и любили русскихъ.

Опираясь на свою невинность, явились въ Гурьевъ старшины и почетные киргизы съ претензіями и жалобами на такой несправедливый поступокъ съ ихъ аманатами. Они съ клятвой и божбой увѣряли и доказывали, что воровская шайка, заполонившая казаковъ, состояла изъ киргизовъ другихъ дальныхъ родовъ; что самимъ имъ, прилинейнымъ киргизамъ, часто доводится терпѣть отъ наѣздниковъ тѣхъ родовъ разные обиды и грабежи; что не чувствуя за собой ни малѣйшей вины въ этомъ преступленіи, они безъ боязни пришли къ русскому начальству и отдаются въ его волю.

„Хоть и насъ всѣхъ закуй“,—говорили старшины,—„но мы какъ есть не виноваты въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, изъ нашихъ кто немного и погрѣшилъ тутъ, да вѣдь на лбу у него не написано, да и сыскать его нелегко; орда большая, степь широка, укрыться есть гдѣ“.

Говоря это, старшины, между прочимъ, намекали на тѣхъ аульныхъ киргизовъ, которые знали и не предупредили казаковъ о скопищѣ воровъ близь р. Соколка, но только намекали, а прямо ни на кого не указывали, хотя и было на кого указать: это не въ духѣ киргизовъ. Скорѣе киргизъ умретъ, чѣмъ сдѣлаетъ явно доносъ на своего брата. Тутъ,

изволите видѣть, двѣ причины: выдать своего, во-первыхъ, грѣхъ по закону, а во-вторыхъ, значитъ нажить себѣ тьму враговъ и покоръ отъ цѣлой орды.

Не говоря о злодѣѣ Кара-Кузькѣ—о немъ рѣчь впереди можно было взяться за многихъ аульныхъ киргизовъ, которые знали и не извѣстили въ свое время казаковъ о воровской шайкѣ; но эти киргизы, чувствуя, что совѣсть ихъ не совсѣмъ чиста, само-собою разумѣется, не показывались на линіи, а напротивъ, поспѣшили удалиться отъ нея, откочевать къ р.-Эмбѣ.

Такимъ образомъ гурьевцы ничего не выиграли и остались не при чемъ.

Между тѣмъ, спустя дней пять послѣ этого происшествія, вышли на линію изъ киргизскихъ степей двое хивинцевъ, тѣ самые, которые были захвачены разбойниками вмѣстѣ съ казаками и которыхъ, обобравъ, разумѣется, до нитки, воры отпустили, какъ людей для себя ненужныхъ и безполезныхъ. Съ приходомъ хивинцевъ объяснилось многое. Такъ какъ разговоръ Василія Струнянова съ плѣнившимъ его киргизомъ, Даукарой, не могъ быть тайной въ киргизскомъ лагерѣ, гдѣ находились и хивинцы, то натурально, что съ появленіемъ хивинцевъ въ Гурьевѣ, предательство Кара-Кузьки сдѣлалось гласнымъ.

„Ахъ, онъ анаѳема!“ вскричали удивленные гурьевцы, и толпой бросились за городъ, гдѣ стояла кибитка злодѣя Кара-Кузьки, но его въ ней ужъ не было; кинулись искать туда-сюда, но Кара-Кузьки и слѣдъ простылъ.

Куда дѣвался, спрашивается, Кара-Кузька? Отгадать не трудно. Лишь только хивинцы, о которыхъ сказано выше, ступили на правый берегъ Урала, онъ убѣжалъ за Уралъ, въ душѣ проклиная сообщника своего, Даукару, за преждевременную и неумѣстную болтливость. Тѣмъ временемъ, пока у атамана шли безполезные споры да переговоры съ киргизскими старшинами, догадливый и смѣтливый Кара-Кузька успѣлъ обрыскать ближайшіе къ Гурьеву аулы и пронюхать о томъ, что сообщникъ его, Даукара, въ

горячности своей, прежде времени разболталъ тайну ихъ заговора. Кара-Кузька смекнулъ, что дѣло неладно, но надѣялся, однако жъ, на скрытность своихъ одноплеменниковъ. Онъ былъ увѣренъ, что аульные киргизы ни въ какомъ случаѣ не выдадутъ его и не обнаружатъ его умысла, но въ хивинцахъ сомнѣвался, и не безъ основанія: ограбленные по его милости разбойниками, хивинцы, натурально, не могли щадить его—онъ это зналъ, и потому съ приходомъ хивинцевъ въ Гурьевъ заблагоразсудилъ по-добру, поздорову, убраться во-свояси—только его и видѣли.

Послѣ этого, конечно, нечего было взять ни съ старшинъ, ни съ заложниковъ. Оставивъ ихъ въ покоѣ и предавъ, какъ водится, дѣло это волѣ Божіей, гурьевскій атаманъ, въ заключеніе всѣхъ хлопотъ, послалъ въ Уральскъ нарочнаго казака съ донесеніемъ войсковой канцеляріи. Донесеніе атамана - замѣтимъ кстати—было не письменное, а словесное. Причина этого, изволите видѣть, не мудрая, а простая: атаманъ не умѣлъ писать, какъ большая часть казачьихъ старшинъ того времени, а такого грамотѣя, который сумѣлъ бы „сочинить лапортъ матушкѣ канцеляріи" о такомъ мудреномъ и сложномъ предметѣ, въ Гурьевѣ налицо не оказалось. Подобнаго рода дѣла важивались въ старину на Уралѣ сплошь и рядомъ.

Случай о которомъ я пишу, былъ слишкомъ давно, такъ не диво, что казаки дѣла свои дѣлали, какъ блины пекли: выходилъ удачный блинъ—съѣдали, неудачный, подгорѣлый—бросали, и не тужили. Виной всему жалкое невѣжество, а виной невѣжества совершенная безграмотность.

Не только въ прошломъ вѣкѣ или еще дальше, но и въ началѣ нынѣшняго казаки ничѣмъ другимъ больше не отличались, какъ отсутствіемъ всякой грамотности, въ которой не добро, а худо имъ казалось. Дѣды и прадѣды наши были смышлены, умны, даже хитры на разныя житейскія и хозяйственныя выдумки, но грамотой къ сожалѣнію пренебрегали, просто въ грошъ ее не ставили. Напримѣръ, подкараулить въ глухихъ заросляхъ дикаго кабана, сослѣдить

и поймать лисицу, выдру и другого краснаго и чуткаго звѣря, подмѣтить, гдѣ, въ какихъ водахъ, т. е., въ текучихъ или стоячихъ, въ прѣсныхъ или соленыхъ, собирается въ разное время года рыба, изучить ея характеръ и привычки, изобрѣсти для нея вѣрныя и неотразимыя ловушки, погарцовать на дикой лошади, которая отъ-роду узды не видывала, попасть пулей изъ винтовки въ ножевое лезвее, сходить, по-добру, по-здорову, въ степной походъ, хоть на край свѣта, безъ проводниковъ и безъ запасовъ продовольствія для себя и для лошади, рискнуть и перескочить поперекъ моря по тонкому и рыхлому льду или погулять иногда безъ компаса по волнамъ морскимъ въ утлой лодченкѣ и т. п.— все это дѣло казака, на все это онъ великій мастеръ, нѣтъ съ нимъ ни спорщика, ни поборщика; всякаго въ такомъ дѣлѣ казакъ за поясъ заткнетъ, всякаго уничтожитъ, только пить дастъ, хоть и не связывайся.

Но написать или „настрочить“ какой-нибудь простой, незатѣйливый „лишортъ“ кому-нибудь, ну хоть, примѣромъ сказать, невзыскательной старушкѣ матушкѣ войсковой канцеляріи—о, это дѣло не казака. Да, сочинить „лишортъ“, говорю, дѣло мудреное для казака, дѣло невозможное, непостижимое, тутъ, изволите видѣть, умъ за разумъ зайдетъ, тутъ, изволите прислушать, и пользы-то на грошь нѣтъ, а одна только путаница да проволочка времени. „Къ чему, говорили казаки, всѣ эти крючки да ковычки? Ровно ни къ чему, развѣ только къ одному вреду. То ли дѣло донести или „отлишортовать“ на словахъ: что можетъ быть этого лучше? что знаешь, то и скажешь. а на бумагѣ всего не перескажешь. Если и не впопадъ, иногда, выпустишь словечко—не бѣда: можно поправиться... Но бумага—о, бумага не свой братъ, неравенъ часъ, влѣпишь, пожалуй, такое словечко, что и самъ послѣ не радъ будешь; а поправить, мое почтеніе —отдумай. Справедливо сказано: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ.

Послѣдняго, какъ остраго ножа, боялись казаки и потому чуждались всякой письменности.

Были въ старину между казаками и такіе глубокомысленные люди, которые на весь міръ говаривали: что за литорты, да за указы? что за бумаги, да за грамоты? въ огонь ихъ! къ чорту ихъ! по нихъ насъ Москва узнаетъ. Живите, братцы, — присовокупляли эти люди,—пока Москва не узнала!"

Къ сожалѣнію, такихъ людей въ старину на Уралѣ было не мало. По понятію современниковъ, они пользовались славой людей опытныхъ и прозорливыхъ, но въ дѣйствительности... да что объ этомъ толковать. Правда, въ иныхъ случаяхъ они дѣйствительно были прозорливы, опытны, но въ иныхъ—куда какъ близоруки! Подымался, ворочался же языкъ говорить: „пока Москва не узнала". Былъ ли тутъ какой смыслъ? Вѣроятно, былъ, по понятіямъ стариковъ; но потомки ихъ видятъ въ этихъ словахъ грубость и закоренѣлость понятій стариковъ. Что можетъ быть хуже, какъ разглашать подобныя мысли? А онѣ дѣйствительно разглашались и приносили горькіе плоды. Что можетъ быть нелѣпѣе и вреднѣе словъ: „живите, пока Москва не узнала?" Говорить и внушать это окружающимъ, значило одно и то же, что вбивать въ голову совѣты зарываться въ землю и добровольно укрываться отъ свѣтлыхъ и благотворныхъ лучей солнца. Но такъ думаютъ теперь потомки, курящіе табакъ и брѣющіе бороды, а предки думали совсѣмъ противное. Да проститъ Богъ невѣдѣніе и заблужденіе ихъ!

Признаюсь, не охотникъ я читать въ чужихъ произведеніяхъ тѣ мѣста, гдѣ авторъ, уклоняясь отъ прямого разсказа, вдается въ разсужденія о предметахъ постороннихъ или о предметахъ отвлеченныхъ. Между тѣмъ, самъ я, грѣшный человѣкъ, не могъ воздержаться отъ того, чтобы при сей, какъ мнѣ кажется, вѣрной оказіи, не сказать нѣсколько словъ о нашей старинѣ въ отношеніи грамотности или, правильнѣе, безграмотности нашихъ стариковъ. Предметъ этотъ, можетъ быть, и покажется нѣкоторымъ не такъ интереснымъ и не такъ любопытнымъ и, по-

жалуй, найдутся такіе, которые осудятъ меня за то, что безпрестанными отступленіями я часто прерываю разсказъ мой, и безъ того, кажется, не совсѣмъ-то ровный и послѣдовательный, и за то, что слогъ мой простъ, неизощренный простыми провинціальными словами. Пусть будетъ, что будетъ. Скажу только то, что, во-первыхъ, пишу не сказку, а истинную быль, во-вторыхъ, дѣло въ дѣлѣ, а не въ словахъ.

Выше замѣчено, какое имѣли казаки превратное понятіе насчетъ пользы грамотности. Не бѣда, если бы только масса народа такъ думала и говорила: ее можно было бы вразумить и направить на путь истины. Но то бѣда, что представители народа, войсковые атаманы, старшины, совѣтники, асессоры, люди, руководившіе толпой народной, нисколько не отличались понятіями отъ толпы; напротивъ, они подавали собой первый и заразительный примѣръ отвращенія къ грамотѣ и небреженія къ сохраненію письменныхъ памятниковъ, заходившихъ когда-либо на Уралъ по поводу какихъ-нибудь событій, важныхъ для исторіи казаковъ и для поясненія старинаго ихъ быта. Эти правители народа — не тѣмъ будь помянуты — были сплошь и рядомъ люди безграмотные. Рѣдкіе изъ нихъ умѣли подписать, и то уставомъ, свое имя; другіе и этого не умѣли, а отдѣлывались, въ случаѣ нужды, приложеніемъ печатей или, за неимѣніемъ этого снаряда, черченіемъ крестовъ и разныхъ знаковъ на манеръ киргизскихъ т а м г о в ъ. Производство письменныхъ дѣлъ по войсковому управленію находилось въ старшу въ рукахъ пьяныхъ и бездарныхъ крючкотворцевъ, пришлецовъ, людей не казачьяго сословія, а выгнанныхъ или отставленныхъ отъ службы за пьянство и неспособность подъячихъ, отъ которыхъ, по пословицѣ, какъ отъ козловъ—да извинятъ меня за это сравненіе, а также и за выраженіе — не было ни шерсти, ни молока, а только одна смрадная копоть. Дѣлали они все такъ, чтобы только сходило съ рукъ да съ ногъ, а остальное хоть собаки ѣшь—не ихъ дѣло.

Вникая въ безпорядокъ и въ безтолковщину дѣлъ на Уралѣ, не знаешь и обвинять кого: старшинъ ли казацкихъ

или тѣхъ грамотѣевъ, которые, подъ ихъ рукой и въ ихъ голову, ворочали дѣлами... И тѣ и другіе виноваты, и тѣ и другіе правы. Старшины казацкіе виноваты тѣмъ, что обязаны были позаботиться о будущности своихъ потомковъ, но не позаботились; правы тѣмъ, что, по невѣдѣнію, не знали на что обратить заботу: слѣдовательно, и осуждать бы ихъ строго нельзя, да ужъ къ слову пришлось. Подъячіе виноваты тѣмъ, что за хлѣбъ-соль казаковъ обязаны были... да ужъ говорить ли о нихъ? Они люди посторонніе, чужіе въ отношеніи къ казакамъ, а ужъ какого ждать добра отъ человѣка, который только и норовитъ какъ бы потуже набить карманъ, да потомъ улизнуть во-свояси. Истина эта должна быть всякому извѣстна, слѣдовательно, и распространяться о ней не для чего.

Пишу не жалобу на стариковъ, и мнѣ не хотѣлось бы даже тревожить ихъ память, но при всемъ томъ, изъ любви къ правдѣ, я долженъ сказать о нихъ правду, хотя для того ужъ, чтобы молодое поколѣніе знало и помнило, чѣмъ отличались наши дѣды. По милости безпечности и безтолковости стариковъ, мы много не знаемъ, что должны бы знать, многое утратили, чего бы никакъ не должны утрачивать. Напримѣръ, мы не знаемъ положительно, когда и откуда зашли на Яикъ наши предки; не знаемъ съ точностью всѣхъ службъ и походовъ, понесенныхъ казаками въ пользу царей и отечества; а служили казаки, безъ похвальбы сказать, отъ начала своего подданства до нашего времени много, служили всегда и теперь служатъ и до скончанія вѣка будутъ служить отъ души, безъ фальши и лжи; не знаемъ подробно даже о тѣхъ походахъ, которые весьма памятны народу и которые были недавно на глазахъ очевидцевъ; а отчего не знаемъ? Оттого, что ни одного лоскутка бумаги не осталось; не знаемъ, когда какія существовали, въ хронологическомъ порядкѣ, въ разное время мѣстныя постановленія и учрежденія въ войскѣ; не знаемъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и мѣстныхъ обстоятельствъ составлялось или отмѣнялось какое изъ этихъ постановленій; не знаемъ съ подробностью, когда, какія и вслѣдствіе чего происходили важныя, ни-

тересныя, иногда кровавыя событія между казаками, а такихъ событій было очень много на Уралѣ; словомъ, все любопытное, интересное, важное для насъ, казаковъ, происходившее на Яикѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ — а что было въ старину, о томъ и поминать не слѣдуетъ—тонетъ въ хаосѣ преданій, болѣе или менѣе темныхъ и запутанныхъ, тогда какъ, при порядочной гражданственности, на многое, до исторіи казаковъ и ихъ частной жизни относящееся, могли бы остаться письменные памятники, если бы только предки наши не чуждались письменности и не считали ее безполезной и вредной.

Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича казаки, не признававшіе дотолѣ надъ собой ничьей прямой власти, предались Россіи и тѣмъ оказали ей немалую услугу, составивъ изъ себя прочную и надежную границу, которая, укрѣпясь впослѣдствіи Оренбургомъ и другими городами и крѣпостями, оградила Россію отъ набѣговъ азіатскихъ народовъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, принявъ въ подданство казаковъ, дозволилъ имъ заселять вольными людьми занимаемыя ими нынѣ мѣста, и даровалъ имъ грамотою рѣку Яикъ (Уралъ) отъ вершинъ до устьевъ, со всѣми впадающими въ нее и выпадающими изъ нея рѣчками и проточками, со всѣми принадлежащими ей угодьями и землями. Эту-то грамоту, преданіе о которой сохранилось въ устахъ народа, казаки и не уберегли. Живя всегда настоящимъ, предки наши рѣшительно не думали о будущемъ. Имъ казалось, что у Яика вѣчно будетъ дно золотымъ *), какъ они и воспѣвали

*) Да не подумаютъ читатели не-уральцы, что въ рѣкѣ Яикѣ (Уралѣ) водилось когда-либо золото или золотой песокъ, отъ котораго взялось бы названіе: Яикъ—золотое дно. Нѣтъ, такое названіе Яику дано во время оно отъ чрезвычайнаго обилія въ немъ красной рыбы, какъ-то: осетровъ, бѣлугъ и проч. Теперь онъ далеко уже не золотое дно; даже не знаю, можно ли назвать его Яикъ мѣдное дно: послѣ онъ такъ оскудѣлъ, что если бы воскресли наши дѣды и прадѣды, они не узнали бы родного своего Яикушку-Горыныча.

его въ своихъ пѣсняхъ, что источники ихъ благосостоянія никогда не изсякнутъ, что образъ жизни ихъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, пойдетъ одной неизмѣнной чередой и что ни одинъ клочекъ земли, пріобрѣтенный цѣною крови казаковъ, не отторгнется отъ ихъ владѣній. Такъ думали и, разумѣется, заблуждались старики, безпечные отъ природы и несвѣдущіе въ дѣлахъ письменныхъ и тяжебныхъ отъ образа разгульной и рыцарской жизни. Къ безпечности казаковъ присоединялась еще непростительная небрежность: „на нашъ вѣкъ достанетъ", говаривали старики, „а тамъ что Богъ дастъ". Оно такъ и вышло. На вѣкъ стариковъ дѣйствительно достало всего, потому что въ ихъ вѣкъ всего было вдоволь, но на вѣкъ внуковъ осталось мало...

Не стану много распространяться, а скажу просто, что безпечностью и небрежностью старики ввели внуковъ своихъ въ большія хлопоты и тѣмъ заставляютъ невольно иногда тревожить память свою не совсѣмъ-то пріятными воспоминаніями.

Съ теченіемъ времени, извѣстно, все и всюду измѣняется. Такъ случилось и на Уралѣ. Изъ прежде дикихъ и враждебныхъ киргизскихъ ордъ сдѣлались нынѣ новые подданные Россіи и предъявили претензію на части земель и угодій, искони принадлежащихъ казакамъ.

До 1800 года степь между Волгой и Ураломъ была пуста, и по ней разгуливали одни дикія козы или такъ-называемые сайгаки, а въ камышахъ и заросляхъ водились кабаны. Но въ 1800 или 1801 году часть киргизской орды, подъ управленіемъ хана Букея—отчего эта часть и получила названіе Букеевской орды,—перешла изъ-за Урала и заняла часть степи между низовьями Волги и Урала, не завѣшивая однако-жъ границъ земли уральскихъ казаковъ. Казаки нисколько не обратили вниманія на новыхъ своихъ сосѣдей, считая ихъ непостоянными, тѣмъ менѣе осѣдлыми жильцами, а перелетными птицами, которыя не нынѣ—завтра вспорхнутъ и улетятъ на другія мѣста. Мнѣніе казаковъ въ этомъ случаѣ было справедливо, потому что кирги-

зы, боясь осѣдлой жизни, много разъ пытались снова уйти за Уралъ, но были удерживаемы силой оружія *). Имѣя съ этой стороны непостоянныхъ кочевыхъ сосѣдей, казаки не позаботились обвести свои земли съ запада границами или нарѣзками, правительствомъ утвержденными. О лѣвой, то есть азіатской, сторонѣ Урала казаки еще меньше думали, потому что тамъ кочевали киргизы, вѣчно враждовавшіе съ казаками и со всѣми вообще русскими. Въ глазахъ казаковъ зауральскіе киргизы были не что иное, какъ враги государ-

*) О покушеніяхъ Букеевскихъ киргизовъ перейти за Уралъ намъ говорятъ лучше всякихъ письменныхъ актовъ дѣйствія султана Каибъ Галія Имамова (по-просту Кайбалы) и старшины Исетая Тайманова (по-просту Исатайки). Первый изъ этихъ рыцарей бунтовалъ въ 1828, а послѣдній въ 1838 году. Странный и смѣшной народъ эти киргизы: какъ огня боятся они осѣдлой жизни. Правда, есть маленькія неудобства къ такой жизни. Напримѣръ, въ степяхъ, гдѣ кочуютъ киргизы, нѣтъ хорошихъ и постоянныхъ рѣкъ, озеръ, нѣтъ горъ, нѣтъ ни лѣсу, ни кустарника. Трава растетъ не всегда и не вездѣ. Въ иное время, положимъ, здѣсь трава, а тамъ нѣтъ; въ иное время тамъ трава, здѣсь нѣтъ. Гдѣ можно жить лѣтомъ, тамъ нельзя жить зимой и наоборотъ. Словомъ, киргизъ по преимуществу пастухъ, долженъ безпрестанно переходить со стадами своими съ мѣста на мѣсто. Остановить киргиза на одномъ мѣстѣ почти то же, что остановить маятникъ у часовъ. При такихъ мѣстныхъ условіяхъ, конечно, осѣдлая жизнь не весьма сподручна, особенно такому человѣку, каковъ киргизъ, который и по природѣ своей не легко можетъ разстаться съ подвижнымъ, почти воздушнымъ шатромъ, и промѣнять его на душную и курную избу или землянку, потому что жить киргизу въ избѣ или землянкѣ почти также тяжело и душно, какъ бѣлому медвѣдю жить въ тропическихъ странахъ. Но всѣ эти неудобства могли бы устраниться, пропасть и исчезнуть... Но киргизы, какъ уже сказано, такой странный и смѣшной народъ, что всего этого въ толкъ не могутъ взять. Что киргизамъ ни толкуй, знай покачиваютъ только бритой головой да почвакиваютъ, словно поросята. Пусть бы ужъ на мѣстныя, такъ-сказать, физическія неудобства ссылались —нѣтъ, толкуютъ себѣ чортъ знаетъ что. Они вообразили, что при осѣдлой жизни ихъ скорѣе обратятъ въ податное состояніе и заставятъ нести государственную службу, а къ службѣ государственной киргизы не имѣютъ ни любви, ни охоты, ни склонности, ни способности. Слова: крыстьянъ и сандатъ (крестьянинъ и солдатъ) дѣйствуютъ на слухъ глупаго киргиза самымъ ужаснымъ и убійственнымъ образомъ. Страшнѣе этихъ словъ для киргиза ничего нѣтъ на свѣтѣ. Что съ такимъ народомъ прикажете дѣлать? Азія, такъ и есть Азія...

ства. И дѣйствительно, киргизы прежде были враги, совершенно же смирились они ужъ послѣ, недавно, лѣтъ тридцать назадъ или еще меньше.

Казаки продолжали жить себѣ беззаботно, по старому обычаю, не заглядывая впередъ. Между тѣмъ, киргизы Букеевской орды не дремали. Видя, что имъ нѣтъ выхода за Уралъ, они вздумали расширить свои земли насчетъ казачьихъ земель, и съ этою цѣлью, указанною, конечно, султанами, болѣе или менѣе людьми смышлеными, стали мало-по-малу подвигаться къ Уралу. Такимъ образомъ, заняли часть луговъ, при Камышъ-Самарскихъ озерахъ лежащихъ, и назвали ихъ своими, тогда какъ они составляли собственность казаковъ.

Уральцы еще не опомнились хорошенько отъ такой неожиданности, какъ зауральскіе киргизы, по примѣру Букеевскихъ, вздумали присвоивать себѣ лѣвый берегъ Урала, единственный по обилію травъ, потому что правый, какъ нагорный, въ сравненіи съ лѣвымъ, луговымъ, никуда не годенъ. Тогда только уральцы хватились, какъ говорится, за умъ и вспомнили о жалованной грамотѣ, но, увы!—грамота эта сгибла-пропала.

Необходимость въ актахъ оказалась въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, то есть въ то время, какъ киргизы стали оспаривать у казаковъ земли; но больше чѣмъ за сто лѣтъ предъ тѣмъ, именно въ 1720 году, станичный яицкій атаманъ *), Ѳедоръ Рукавишниковъ, въ доне-

*) Здѣсь подъ именемъ станичнаго яицкаго атамана слѣдуетъ разумѣть не атамана яицкой станицы, то есть яицкаго городка или иного населеннаго мѣстечка, а тѣмъ меньше атамана всего яицкаго войска, но атамана особой команды, въ старину называвшейся станицей, которая посылалась въ видѣ депутаціи съ Яика отъ всего войска, то есть отъ всего народа казачьяго въ столицы, напримѣръ, въ Москву. Начальникъ такой станицы, то есть по теперешнему команды, и назывался атаманомъ. А такъ какъ подобныя станицы, то есть команды, посылались и отъ другихъ казачьихъ общинъ, напримѣръ, съ Дона, Терека, и проч., то станица съ Яика и называлась яицкою, а начальникъ ея—станичнымъ яицкимъ атаманомъ. Такимъ-то атаманомъ былъ и Ѳедоръ Рукавишниковъ, здѣсь упоминаемый.

сеніи своемъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, говоря о грамотѣ, данной царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, между прочимъ, писалъ: „Токмо де та грамота въ давныхъ годѣхъ въ пожарное время сгорѣла, а изъ котораго приказу дана была, того нынѣ на Яикѣ никто не помнитъ". Вотъ еще когда знали объ утратѣ грамоты, но за всѣмъ тѣмъ старики не позаботились обезпечить себя отъ будущихъ притязаній сосѣдей.

Жалованная грамота, говорятъ старики, сгорѣла. Отъ пожаровъ ли, отъ смутъ ли и неустройствъ, которыя въ старое время часто волновали войско, или отъ чего другого— положительно неизвѣстно, но, къ сожалѣнію, вѣрно то, что погибли многіе письменные памятники нашей старины. Намъ остались только одни преданія, большею частью темныя и сбивчивыя, но и эти преданія, съ теченіемъ времени, пропадутъ и потонутъ въ хаосѣ былого, если мы не позаботимся сохранить ихъ...

За давностью лѣтъ прощается если не все, то, по крайней мѣрѣ, многое; слѣдовательно, утрату этихъ письменныхъ актовъ можно простить старикамъ. Но нельзя, кажется, простить потерю пожалованнаго Императоромъ Павломъ Петровичемъ знамени, потому что это было не очень давно, съ небольшимъ лѣтъ пятьдесятъ назадъ.

Со временъ царствованія Императора Павла Петровича, именно съ 1798 года, уральскіе казаки, по примѣру донскихъ, стали служить въ гвардіи *). Теперь служатъ, чередуясь между собой, два эскадрона, а прежде служила одна сотня, подъ названіемъ: лейбъ-гвардіи уральская казачья сотня.

---

*) Въ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 23 апрѣля 1798 года, на имя войскового атамана уральскаго войска, генералъ-майора Донскова, между прочимъ, сказано: „Имѣя при себѣ команду казаковъ войска донского, писалъ Государь, желаю также имѣть сотню казаковъ войска уральскаго, и тѣмъ самымъ доказать войску, вамъ ввѣренному, сколько я считаю на усердность ихъ службы и преданность ихъ ко мнѣ". Слова эти должны быть памятны и дороги для каждаго уральца.

Въ царствованіе Императора Павла Петровича „лейбъ-сотней уральскихъ казаковъ“ командовалъ нѣкто старшина (въ чинѣ майора) Севрюгинъ или Севрюговъ, какъ называлъ его Императоръ. Государь особенно любилъ уральскихъ казаковъ, предъ тѣмъ извѣстныхъ подъ именемъ яицкихъ, ласкалъ, даже баловалъ ихъ: казаки были тѣлохранителями Государя. Я многихъ знавалъ стариковъ, сослуживцевъ Севрюгина, то есть служившихъ съ нимъ въ гвардіи, и всѣ они съ удовольствіемъ, даже со слезами умиленія вспоминали о времени, которое провели въ гвардіи.

Однажды, въ январѣ 1799 года, въ манежѣ или во дворцѣ былъ парадъ.

Предъ этимъ Государь раздавалъ войскамъ знамена. Лейбъ-уральская сотня, какъ ужъ сотня, натурально была, по военному выраженію, обойдена, то есть знамени не получила. Старшинѣ Севрюгину и его подчиненнымъ бородачамъ показалось это за великое горе. Они рѣшились помочь своему горю, и не происками, не окольными дорогами, а прямымъ путемъ. Ждали только случая, и случай представился.

И такъ, былъ, какъ я сказалъ, парадъ. Между гвардейцами находился взводъ, или что-то въ родѣ того, положимъ, хоть не стройная, но зато могучая и стойкая толпа нашихъ бородачей въ малиновыхъ кафтанахъ, въ такихъ же высокихъ, остроконечныхъ шапкахъ, опушенныхъ у кого бобромъ, у кого куницей, у кого порѣшной. Обходя войска, Государь подошелъ и къ уральскимъ казакамъ, впереди которыхъ стоялъ, уныло повѣсивъ голову, начальникъ съ бородой чуть не до пояса.

— Севрюговъ!—сказалъ Государь, поздоровавшись съ казаками:—что ты пріунылъ?

Севрюгова, сказываютъ старики, которые служили съ нимъ въ гвардіи, Государь очень любилъ и нерѣдко удостоивалъ милостиваго разговора.

— Какъ мнѣ не пріуныть, надежа-царь,—отвѣчалъ Севрюговъ, низко кланяясь:—вѣдь вотъ они,—указывая на

казаковъ,—дѣтки-то ваши, покою мнѣ не даютъ своимъ горемъ, всѣ уши мнѣ прожужжали... „Всѣхъ-де батюшка-царь, говорятъ, наградилъ, а насъ-де, грѣшныхъ, забылъ“.

— Какъ? что?—быстро спросилъ Государь.—Развѣ я забылъ васъ? Вѣдь я пожаловалъ васъ въ мою гвардію.

— Такъ, надежа-государь, мы это знаемъ и чувствуемъ,—сказалъ съ низкимъ поклономъ Севрюговъ,—и нижайше благодаримъ; зато ужъ и послужимъ вашей царской милости до послѣдней капли крови, пока духъ въ насъ держится. Но,—продолжалъ старшина:—горе наше другое...

— Ужъ не опять ли обижаютъ васъ на кухнѣ ухой?—прервалъ Государь, улыбаясь.

Предъ тѣмъ, надо замѣтить, казаки имѣли смѣлость или глупость—все равно—жаловаться Государю—на что бы вы думали? Смѣшно вымолвить, а слѣдуетъ сказать: они жаловались, что въ постные дни на кухнѣ даютъ имъ рыбы и всего вдоволь, но щербы (то есть ухи), до которой казаки страстные охотники—мало. Такая наивная жалоба, разумѣется, заставила всѣхъ и каждаго, въ томъ числѣ и самого Императора, долго смѣяться. Государь, какъ видимъ, вспомнилъ объ этой оригинальной выходкѣ казаковъ и не могъ воздержаться отъ шутки.

— Ахъ, надежа-царь, совсѣмъ не то,—произнесъ Севрюговъ,—а вотъ что: у всѣхъ, надежа-царь, харунки (знамена) есть, а у насъ харунки нѣтъ. Вотъ, если бы милость была, ваше царское величество...

Императоръ понялъ, чего хотѣлъ бородачъ, движеніемъ руки остановилъ рѣчь его, милостиво улыбнулся, подошелъ къ стоявшему рядомъ съ казаками взводу Преображенцевъ, взялъ изъ рукъ знаменосца знамя и, передавая его Севрюгову, примолвилъ, приноравливаясь при этомъ случаѣ, изъ особеннаго, конечно, снисхожденія къ простотѣ казаковъ, подъ ладъ безыскусственной рѣчи ихъ начальника:

— Вотъ вамъ и харунка! Служите хорошенько.

— Рады стараться, ваше царское величество! — вскрича-

ли въ одинъ голосъ просіявшіе отъ радости казаки, принимая и цѣлуя пожалованное знамя.

Получивъ изъ собственныхъ рукъ Императора знамя, казаки приняли его съ восторгомъ, радовались и любовались имъ, берегли его пуще глаза своего, берегли, какъ неоцѣненное сокровище, какъ величайшую рѣдкость и драгоцѣнность, берегли, какъ даръ неба, какъ святыню, но—достойно сожалѣнія—не уберегли!..

Что сталось съ этимъ знаменемъ, то есть какимъ образомъ пропало оно—намъ положительно неизвѣстно; чувствуемъ только, что безпечность, а болѣе глубокое невѣжество стариковъ были причиной этой утраты. Севрюговъ, отслуживъ срокъ свой въ Петербургѣ (по смерти Императора Павла Петровича), передалъ это знамя другому офицеру, который пришелъ къ нему съ сотней на смѣну. Этотъ передалъ третьему, третій четвертому. Такимъ образомъ знамя нѣсколько смѣнъ переходило изъ рукъ въ руки, отъ сотни къ сотнѣ, и наконецъ пропало.

Разсказываютъ, что одинъ изъ начальниковъ лейбъ-казачьей сотни поссорился, за чаркой конечно водки, съ собратомъ своимъ, пришедшимъ съ Урала къ нему на смѣну. Чтобы сдѣлать непріятность или, какъ говорится, насолить противнику своему, новой сотни начальнику, начальникъ старой сотни,—видно, умная былъ голова,—взялъ, какъ говорится, да и сдалъ знамя въ арсеналъ—только его и видѣли! Вѣроятно, знамя это и теперь находится въ арсеналѣ, въ числѣ знаменъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, но отличить его отъ другихъ, конечно, невозможно.

Вотъ какіе люди были наши дѣды и прадѣды! Послѣ всего вышесказаннаго, кажется, понятно, что молодое поколѣніе казаковъ не слишкомъ-то много имѣетъ причинъ благодарить стариковъ. Прежде въ разговорахъ казаковъ, когда у нихъ происходили, бывало, какіе-нибудь споры или совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ или домашнихъ, можно было часто слышать: „старикамъ надо спросить;

вотъ старики что скажутъ", и т. п., но нынѣ это услышишь рѣдко.

Да, немного было на Уралѣ истинно умныхъ и истинно дѣльныхъ стариковъ, отъ которыхъ можно было бы научиться добру. Но справедливость требуетъ сказать, что такіе старики, хоть изрѣдка, были-таки; только та бѣда, что эти рѣдкіе люди затирались въ общей малосмысленной народной массѣ.

Въ настоящее время одинъ истинно благоразумный старецъ обращаетъ на себя вниманіе и взоры цѣлаго войска: онъ внушаетъ юношеству прямыя правила и святыя обязанности гражданина и воина; онъ печется объ истинномъ благѣ казаковъ и вразумляетъ неразумныхъ; этотъ одинъ, стоющій тысячи своихъ современниковъ, имѣющій полное право на признательность и благодарность потомства, и являющій собою живой примѣръ воинскихъ и гражданскихъ добродѣтелей—заслуженный и всѣми уважаемый генералъ Ѳ. Г. Бизяновъ. Да здравствуетъ онъ многіе годы *).

Многое бы можно было разсказать о нашей старинѣ, но всего за разъ не перескажешь.

Обратимся къ тому обстоятельству, на которомъ остановились...

XIII.

Гурьевскій атаманъ, какъ сказано выше, послалъ „нарочнаго" казака въ Уральскъ съ словеснымъ донесеніемъ войсковой канцеляріи о происшествіи, причинившемъ столько горя гурьевскимъ жителямъ. Атаманъ дѣло свое сдѣлалъ, то есть очистилъ себя, какъ очищаютъ себя подобные ему атаманы. Сдѣлала и канцелярія свое дѣло, то есть очистила себя, какъ очищаютъ себя подобныя ей канцеляріи: она послала по всей уральской линіи „прочетное", то есть одно

*) † 14 марта 1858 года. Ред.

для всѣхъ дистаночныхъ и форпостныхъ начальниковъ предписаніе о томъ, чтобы во всѣхъ мѣстахъ имѣли „неукоснительную“ осторожность и „всемѣрную“ бдительность отъ воровъ-киргизовъ. Атамана же гурьевскаго почтила особымъ „ордеромъ“, который мнѣ довелось впослѣдствіи читать въ гурьевскомъ архивѣ. Ордеръ этотъ заключалъ въ себѣ приказаніе о высылкѣ для объѣздовъ по окрестностямъ Гурьева городка, особенно къ р. Соколку, сильной команды, подъ начальствомъ походнаго атамана, и оканчивался весьма любопытными и затѣйливыми словами, сочиненными, безъ сомнѣнія, однимъ изъ войсковыхъ дипломатовъ, то есть подъячихъ, о которыхъ было уже говорено. Слова эти, какъ образчикъ канцелярскаго краснорѣчія, я привожу здѣсь. Вотъ они: „а всего лучшее, гласитъ ордеръ въ назиданіе атаману, не облѣниться и самимъ съѣздить потрудиться“... Атаманъ, разумѣется, „не облѣнился, съѣздить къ р. Соколку потрудился“, но пользы изъ этого ни на грошъ не вышло, потому что разбойническая шайка давнымъ-давно разъѣхалась по степи, по своимъ ауламъ.

Между тѣмъ пріѣхалъ изъ Саратова братъ Струняшева, Иванъ. Первою заботою его было утѣшить по возможности тетку и братнину невѣсту. Онъ торжественно поклялся, во что бы ни стало, выручить изъ неволи своего брата, если только онъ живъ.

— Пока глаза мои глядятъ на свѣтъ Божій,—сказалъ Иванъ:—я не перестану думать и стараться о томъ, какъ бы выручить любезнаго брата изъ Орды проклятой.

Иванъ горячо принялся за дѣло. Почти весь скотъ, который оставался дома, весь запасъ дорогихъ звѣриныхъ шкуръ, скопленный ими съ братомъ въ теченіе немалаго времени, весь товаръ, привезенный изъ Саратова и предназначенный большею частью на приданое Даши, онъ обратилъ въ деньги и сталъ сорить ими предъ мирными киргизами, надѣясь, чрезъ посредство ихъ, узнать, живъ ли Василій и гдѣ онъ находится.

Киргизы рады были поживиться на счетъ русскаго и, ст

своей стороны, не жалѣли расточать передъ нимъ обѣщаній и обнадеживаній—и больше ничего. Денегъ Иванъ растратилъ много, но мало узналъ утѣшительнаго. Прошла вся зима, а онъ не добился вѣрнаго и положительнаго извѣстія о братѣ.

Наконецъ, весной, одинъ изъ странствующихъ киргизовъ, скитавшійся по Хивѣ и Бухарѣ и бывшій на Мангишлакѣ у адайцевъ, явился къ Ивану и объявилъ за вѣрное, что Вася живъ. Иванъ, разумѣется, обрадовался этой вѣсти и предложилъ киргизу большую награду, если онъ вывезетъ брата изъ его плѣна. Киргизъ согласился, получилъ часть обѣщанной награды впередъ, уѣхалъ и пропалъ.

Послѣ оказалось, что киргизъ этотъ, отецъ старшины Шамая-Ходжи, извѣстнаго у гурьевцевъ подъ именемъ Шамайки, не доѣхавъ до предназначеннаго мѣста, былъ убитъ въ ссорѣ съ киргизами враждебнаго рода. Со смертью этого киргиза исчезла, повидимому, послѣдняя надежда Ивана. Но Иванъ все-таки не отчаявался. Собравъ послѣднія деньги и кой-какія вещи, въ томъ числѣ и жемчугъ Даши, онъ рѣшился ѣхать въ Уральскъ просить участія въ своемъ дѣлѣ у войскового казачьяго старшины М. Бородина. Иванъ надѣялся, что М. Бородинъ, лично знавшій ихъ съ братомъ и не разъ оказывавшій имъ свое покровительство, снесется съ киргизскимъ ханомъ Нураліемъ, а тотъ, быть можетъ, чрезъ посредство лазутчиковъ, для которыхъ Иванъ взялъ и подарки, успѣетъ освободить изъ плѣна Васю.

Простившись съ родными, Иванъ поѣхалъ въ Уральскъ, въ то время Яицкій городокъ,—это было въ концѣ лѣта 1773 г.,—но съ полпути воротился въ Гурьевъ съ страшнымъ извѣстіемъ, которому сначала никто изъ гурьевцевъ не хотѣлъ вѣрить, но которое, къ несчастью, оказалось вѣрнымъ. Въ то время возгорался страшный Пугачевскій мятежъ, потрясшій и поколебавшій впослѣдствіи яицкое войско, весь оренбургскій край и прилегающія къ нему губерніи.

Ужаснѣе и несчастнѣе Пугачевскаго времени никогда не было для казаковъ; даже въ эпоху первоначальнаго по-

явленія ихъ на Уралѣ, когда они всюду были окружены дикими, враждебными азіатскими ордами, казаки не испытали такихъ страшныхъ бѣдствій и такихъ потрясеній,, какія постигли ихъ въ злосчастную эпоху пугачевщины. Съ появленіемъ на Уралѣ самозванца Пугачева, такъ хитро и коварно обольстившаго и обманувшаго простую и безхитростную или, вѣрнѣе сказать, невѣжественную и безсмысленную толпу народа, вздрогнуло, поколебалось и возмутилось казачье войско, и все на Уралѣ пошло вверхъ дномъ.

Не говоря о своеволіи и безначаліи, о дракахъ и убійствахъ, не говоря о всѣхъ тѣхъ бѣдствіяхъ, какія были слѣдствіемъ мятежа, скажу только о томъ, что строгій порядокъ, съ которымъ казаки содержали по Уралу кордоны и разъѣзды, въ предотвращеніе киргизскихъ наѣздовъ и грабежей, нарушился—р е д а н к и и т р е т и *) были брошены и разъ-

*) Р е д а н к и и т р е т и, доселѣ на нижне-уральской линіи существующія, не иное что, какъ маленькіе редутцы или укрѣпленные караульные домики. Небольшой квадратный дворъ, огороженный плетневымъ заборомъ и обведенный валомъ и рвомъ, положимъ скорѣе на канавку, чѣмъ на ровъ, посреди плетневая, вымазанная глиной изба, надъ ней вышка, на вышкѣ часовой, въ сторонѣ навѣсъ или сарай для коней—это р е д а н к и и т р е т и. Реданки и трети или, по другому выраженію, т р е т н ы е п и к е т ы (а пожалуй и б и к е т ы: казаки слово „пикетъ" выговариваютъ „бикетъ") протянуты цѣпью по правому берегу рѣки Урала отъ Бударинскаго форпоста внизъ до самаго Гурьева-городка. Вверхъ же отъ Бударинскаго форпоста до Илецкихъ дачъ подобные пикеты устроены на Зауральской сторонѣ, впереди такъ-сказать линіи, отчего и названіе имъ дано: п е р е д о в ы е п о с т ы. Каждая реданка на нижне-уральской линіи построена на половинѣ разстоянія отъ форпоста до форпоста, или отъ крѣпости до крѣпости, а трети—между реданкой и форпостомъ; слѣдовательно, по обѣимъ сторонамъ каждой реданки находится, въ равномъ по возможности разстояніи, по трети или по третному пикету. На реданкахъ и третяхъ постоянно живутъ отъ линейныхъ командъ казаки отъ 5-ти до 8-ми человѣкъ или менѣе и болѣе, смотря по обстоятельствамъ и времени. Казаки эти разъѣзжаютъ отъ поста до поста и наблюдаютъ за ворами-киргизами. Противъ воротъ каждой реданки и каждаго пикета, саженяхъ въ пятидесяти или во ста, смотря по мѣстности, воткнуты въ землю высокія жерди, обмотанныя съ низу до верху сѣномъ, камышемъ, сухимъ тальникомъ, мочалами, словомъ, всякимъ легко и удобовоспламеняющимся веществомъ—это м а я к и. Такіе маяки есть и при форпостахъ и крѣпостяхъ. Назначеніе ихъ вотъ какое: какъ скоро казаки кото-

ѣзды между ними прекратились, линія открылась и распахнулась; наѣздамъ и грабежамъ киргизскимъ представился широкій и раздольный просторъ. Не встрѣчая нигдѣ препятствій, киргизы свободно переходили чрезъ Уралъ; какъ хищные волки, партіями шатались вокругъ казачьихъ жилищъ, на просторѣ высматривали добычу, отгоняли скотъ, полонили безчисленное множество людей,—словомъ, безна-

---

раго-нибудь пикета замѣтятъ во время ночи, что чрезъ Уралъ перейдетъ или будетъ покушаться перейти киргизская партія, для грабежа, разумѣется, то тотчасъ поджигаютъ свой маякъ; сосѣдняго пикета казаки дѣлаютъ то же, а тамъ третьи и т. д. Такимъ образомъ въ нѣсколько минутъ засвѣтится рядъ маячныхъ огней, и линейные казаки приготовляются къ встрѣчѣ и отраженію незванныхъ гостей.

Выше сказано, какъ просто и немудрено устроены и укрѣплены реданки и трети. Съ перваго взгляда на нихъ онѣ кажутся ни больше, ни меньше, какъ простыми хуторами. Только по вышкѣ, на которой и день и ночь стоитъ или сидитъ часовой (ходить ему нельзя, потому что площадка вышки всего два шага въ квадратѣ), да по пикамъ, которыя торчатъ въ сошкахъ и выглядываютъ изъ-за забора, на подобіе гребня, съ выломленными зубьями, можно догадаться, что это отнюдь не хуторъ или подобное ему строеніе, а грозная крѣпость, а до какой степени грозная—можно судить по тому, что въ ней не только нѣтъ пушекъ, но даже нѣтъ ни одного маленькаго пулканета (фалконета) въ родѣ тѣхъ, напримѣръ, изъ какихъ въ высокоторжественные дни палятъ съ яру Старицы около Михайловскаго собора, что въ городѣ Уральскѣ, нашъ потомственный доморощенный интриплистъ М. М. Чуресвъ. Киргизы такой народъ, что противъ нихъ и этихъ немудрыхъ укрѣпленій достаточно. Правда, пѣшаго человѣка рвы и заборы, которыми окружены пикеты, ни въ какомъ случаѣ не могутъ удержать; но зато конный сквозь или черезъ нихъ не прорвется. Чтобы выбить казаковъ изъ реданокъ, нужно спѣшиться и лѣзть чрезъ заборы; но киргизы никогда, сколько запомнятъ старожилы, на такой подвигъ не рѣшались. Причина тутъ очень простая: киргизъ дерется не по святому долгу воина, защитника отечества (у киргиза, замѣтимъ кстати, нѣтъ и отечества), а изъ видовъ собственной корысти. Послѣ этого какая охота киргизу первому лѣзть на рожонъ и подставлять лобъ свой подъ неотразимую и убійственную пулю, когда онъ сознаетъ, что плодами побѣды, если бы и далась побѣда, воспользуются другіе, а не самъ онъ. Киргизъ въ этомъ случаѣ философски разсуждаетъ и потому всегда избѣгаетъ открытаго боя. Было въ старину много примѣровъ, что огромныя партіи степныхъ храбрецовъ, иногда человѣкъ до ста, нападали на казачьи реданки и трети, но никогда ихъ не брали, несмотря на то, что защитниковъ было только самъ-четвертъ или самъ-пятъ. Успѣвали

казачно дѣлали все то, что въ другое время дѣлать было трудно и опасно. Мало этого, они заходили и къ берегамъ Волги, и вездѣ оставляли по себѣ память, достойную хищниковъ.

При такомъ смутномъ положеніи дѣлъ на линіи, брату Василія Струнящева, Ивану, нельзя было, конечно, надѣяться ни на содѣйствіе киргизовъ, которые безъ его подарковъ легко поживились насчетъ всѣхъ русскихъ вообще, и ни на помощь и заступничество казачьяго старшины, М. Бородина, который былъ въ то время занятъ борьбой съ Пугачевымъ и его послѣдователями.

Противъ судьбы, говорится, не пойдешь; противъ судьбы ничего „не подѣлаешь". Говорится также, что живой и думаетъ о живомъ, то есть, живя, человѣкъ и думаетъ о томъ, какъ бы жить лучше. Всѣмъ и каждому извѣстно и вѣдомо, что какимъ бы горемъ ни былъ удрученъ человѣкъ, какое бы несчастье ни постигло его, какъ бы ни тужилъ, ни горевалъ человѣкъ, какъ бы онъ ни убивался, ни надсажался, но, что говорить, натура, рано ли, поздно ли, вступитъ въ свои права, возьметъ верхъ надъ чувствами и духомъ человѣка, то есть, невольно заставитъ человѣка, бѣдняжку, оглянуться вокругъ себя, а тутъ какъ разъ слетятся къ нему со всѣхъ сторонъ повидимому мелочныя и ничтожныя, но въ самомъ дѣлѣ необходимыя и неизбѣжныя житейскія нужды и потребности. Для того, чтобы отдѣлаться отъ этихъ нуждъ, чтобъ удовлетворить требованіямъ ихъ, безъ чего и существовать нельзя, „хоть караулъ кричи, хоть,—по выраженію

иногда киргизы только въ томъ, что при самомъ началѣ нападенія отрѣзывали отъ пикетовъ и разламывали маяки, и тѣмъ отнимали у казаковъ возможность извѣстить своевременно другіе посты объ опасности, но только это одно, больше ничего. Изъ этого слѣдуетъ, что реданки и трети на уральской линіи не послѣднее дѣло. Авт.

Въ настоящее время ни реданокъ, ни третей, ни пикетовъ на линіи не имѣется: они уничтожены въ концѣ 60-хъ годовъ и отъ нихъ остались только названія мѣстностей, напр. Кандауровская реданка и т. п. Ред.

казаковъ,—матушку рѣпку пой"—нужно занятіе, нужна забота, нужна работа физическая и нравственная. При трудахъ же, при занятіяхъ, само собой разумѣется, человѣкъ развлекается, а при развлеченіи и горе, сначала человѣка душившее, подъ конецъ можетъ ослабнуть, и если не вовсе исчезнуть, то, по крайней мѣрѣ, немного утихнуть и заглохнуть. Короче сказать, послѣ всякаго потрясенія, физическаго и моральнаго, жизнь человѣка большею частью входитъ въ обыкновенную колею, и продолжаетъ себѣ идти по ней до конца.

Такъ или почти такъ было съ семейными Струняшева. Тужили, плакали, горевали они о Васѣ долго, но подъ конецъ пришли къ тому заключенію, что слезами горю не поможешь, что слишкомъ тужить и убиваться не только безполезно, но даже и грѣшно, потому что общій врагъ рода человѣческаго, дьяволъ, этому радуется, что нужно и должно покориться судьбѣ и позаботиться, наконецъ, о самихъ себѣ.

„Кончено!" сказалъ однажды Иванъ, послѣ долгаго раздумья, махнулъ рукой и оглянулся вокругъ себя, оглянулся и испугался: хозяйство его, почти цѣлый годъ бывшее въ запустѣніи, пришло въ упадокъ и разстроилось. Между тѣмъ, не говоря о томъ, что самъ онъ былъ служащій казакъ, обязанный нести войсковыя повинности, на рукахъ его были двѣ слабыя женщины, требовавшія его заботъ и попеченій.

Иванъ съ особеннымъ стараніемъ принялся за хозяйство, и оно стало поправляться, улучшаться. Тетка и Даша, не слыша о Васѣ ни одной вѣсти, сочли наконецъ его умершимъ, отслужили по немъ панихиду и стали молиться какъ за покойника. Примѣръ въ то время не рѣдкій и не новый, ибо тогда цѣлыя сотни русскихъ пропадали въ ордѣ басурманской.

Жизнь Струняшевыхъ потекла обычной чередой, мирной, и можно было бы сказать спокойной и безмятежной, если бы по временамъ не тревожила и не волновала ее мысль о заживо-погибшемъ Васѣ.

Старушка-тетка—какъ и всѣ на свѣтѣ старушки-матуш-

ки, бабушки, тетушки—съ матерпнскою заботливостью посматривала на Ивана и на Дашу. По разсужденію тетки, Иванъ и Даша могли составить равную и приличную парочку—чего еще надо лучше? Сперва она намекала только на это, а потомъ ужъ стала говорить прямо. Ивану казалось сначала какъ-то неловко, дико жениться на невѣстѣ своего брата: онъ зналъ взаимную любовь Васи и Даши. Для дѣвушки же еще болѣе было неловко и дико выходить замужъ за человѣка, котораго она привыкла считать не за жениха, а за брата: настоящій женихъ ея, хотя отвѣтный, не выходилъ однакожъ у нея изъ сердца. Но время и обстоятельства брали мало-по-малу верхъ надъ чувствами казака и дѣвушки. Оба молодые; оба, каждый въ своемъ родѣ, красавцы; оба, наконецъ, умные и разсудительные, Иванъ и Даша, невольно сближаясь другъ съ другомъ, стали понемногу уступать желанію и просьбѣ тетки. Тетка заранѣе ужъ радовалась счастью молодыхъ людей. Оставалось только дождаться, какъ минутъ Филиповки, чтобы отпраздновать свадьбу. Но судьба, несчастная для дома Струняшевыхъ, судила иначе: вмѣсто свадебнаго пира готовились поминки.

Чтобы не возвращаться больше къ семейнымъ Струняшева, я доскажу здѣсь ихъ исторію.

XIV.

Однажды, это было въ глубокую осень, передъ самыми заморозками, Иванъ сидѣлъ у воротъ своего дома на скамейкѣ—на той самой, на которой безъ малаго за годъ предъ тѣмъ сидѣлъ и разговаривалъ братъ его, Василій, съ Кара-Кузькой; сидѣлъ Иванъ и думалъ крѣпку думу о непостоянствѣ и превратности жизни человѣческой. Къ нему, какъ нѣкогда и къ Васѣ, подошелъ человѣкъ, только на тотъ разъ не киргизъ, а сосѣдъ-казакъ, съ весломъ въ рукѣ. Поздоровавшись и обмѣнявшись привѣтствіями, казаки оба помѣстились на скамьѣ. Одежда на сосѣдѣ была вся почти мокрая.

свидѣтельствовавшая, что сосѣдъ гдѣ-то неосторожно окунулся въ воду. Но Иванъ не обратилъ на это никакого вниманія, зная, что сосѣдъ его, какъ чайка, и день и ночь мотался на водѣ въ бударкѣ, съ ружьемъ или сѣтью.

— Нѣтъ ли чего новенькаго?—спросилъ Иванъ сосѣда.

— Какъ не быть, есть!—отвѣчалъ сосѣдъ съ видомъ нѣкоторой таинственности, желая, конечно, придать словамъ своимъ болѣе интереса.

— Что такое?

— Да такъ кое-что,—сказалъ сосѣдъ, приложивъ пальцы къ губамъ и самодовольно, съ какой-то ужимкой, чмокнувъ.— Есть одна вѣсточка, очень пріятная вѣсточка: если скажу— обрадуешься.

— Ужъ не наши ли одолѣли?—прервалъ Иванъ съ видимою радостью.—Дай-ка Богъ!

Подъ словомъ „наши" Иванъ разумѣлъ старшину М. М. Бородина и его приверженцевъ, дравшихся въ то время противъ Пугачева и его скопищъ. Гурьевцы, надо замѣтить, не принимали участія въ мятежѣ, то есть, говоря другими словами, не были на сторонѣ самозванца, и если нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Иванъ, не находились въ партіи Бородина, то потому только, что нельзя же было бросить городъ безъ защиты.

— Не то, дружище, совсѣмъ не то,—сказалъ сосѣдъ.— Это дѣло для меня темно, я ничего о немъ не слыхалъ.

— Да что же въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Иванъ съ нетерпѣніемъ.

— А вотъ что,—продолжалъ сосѣдъ.—Слышь...

Но вмѣсто того, чтобы продолжать начатое, сосѣдъ остановился, прокашлялся и сдѣлалъ Ивану вопросъ:

— А знаешь ли ты, Ваня, гдѣ я нынче былъ?

— Кто тебя знаетъ, гдѣ ты мотаешься, — отвѣчалъ Иванъ.—А впрочемъ, полагать надо, по привычкѣ, охотничать или рыбачить ѣздилъ,—прибавилъ разсѣянно Иванъ, смотря на мокрую одежду сосѣда и отчаяваясь, повидимому, въ надеждѣ добиться отъ него какого-либо толку.

Сосѣдъ этотъ въ цѣломъ околоткѣ слылъ у казаковъ за тараторку, то есть за человѣка, безпрестанно и неумолкаемо-болтающаго всякій вздоръ. Кромѣ того, за нимъ водился еще одинъ грѣшокъ, если это только можно отнести къ роду грѣховъ, именно: каждый разъ, какъ нужно было разсказать о чемъ-нибудь дѣльномъ, серьезномъ или достойномъ вниманія и любопытства, онъ никогда не приступалъ къ дѣлу безъ длинныхъ и совершенно иногда лишнихъ присловій или, по-просту сказать, всегда разсказъ свой начиналъ „съ сивки-бурки, съ вѣщей коурки". Людямъ пожилымъ и степеннымъ, людямъ положительнымъ и осмотрительнымъ, которые придерживались правила: „ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами", такимъ людямъ Ларька (имя сосѣда) тараторка не совсѣмъ-то нравился, но зато молодежь, къ кругу которой принадлежалъ и онъ, особенно дѣвушки (Ларя, замѣтить въ скобкахъ, былъ красивый парень), были безъ ума отъ Ларюшки-канареюшки—имя или кличка, въ полномъ смыслѣ имъ заслуженная.

На вечеринкахъ и посидѣлкахъ не было такого краснобая, такого пѣсенника и прибаутника, такого, по выраженію дѣвушекъ и молодичекъ, умрителя, такого, по словамъ нѣсколько уже пожилыхъ казачекъ, грѣховодника, каковъ былъ, исполать ему, Ларя-канарейка.

Въ послѣднее время, какъ мы видимъ его разговаривающимъ съ Иваномъ, онъ немного еще присмирѣлъ, пріутихъ, и не потому, чтобы голоса у него не стало, или языкъ бы его усталъ и притупѣлъ, или бы изобрѣтательность его истощилась—нѣтъ, голосъ у Лари былъ тотъ же, языкъ мололъ, или могъ бы молоть такъ же, а изобрѣтательность, какъ послѣдствіе доказало, работала и изощрялась въ то время еще больше, чѣмъ когда-либо. Всѣ это видѣли, дивились... но причины не знали, не вѣдали. Знала, вѣдала только грудь да подоплека самого Лари. Запала въ сердце его зазнобушка, полюбилъ онъ, видите, красную дѣвушку. Не прочь была и красная дѣвица, да только та бѣда: она была, на грѣхъ, дочь гурьевскаго попа. Бѣднякъ и голышъ, не имѣв-

шій почти ничего, кромѣ одной славы отъявленнаго пустомели и болтуна, Ларя свататься не смѣлъ: онъ предвидѣлъ неминуемый отказъ, который нанесъ бы казачьей чести его большой покоръ. Вотъ такого-то рода „хилина“ и принибла-было добраго молодца, но не надолго. Впослѣдствіи онъ достигъ своей цѣли, женился-таки на своей возлюбленной—и какъ еще!—у к р а д к о й, то есть укралъ у попа дочку, и попъ же обвѣнчалъ его съ ней, нисколько не подозрѣвая обмана.

Подобнаго рода женитьбы были въ старину на Яикѣ сплошь и рядомъ; но лѣтъ тридцать назадъ прекратились, и не потому прекратились, чтобы не было до нихъ охотниковъ и охотницъ, напротивъ, „безшабашныхъ“ и рѣшительныхъ головъ и мечтательныхъ романическихъ головокъ, съ длинной во всю спину косой, начитавшихся книжной премудрости, и теперь бы отыскалось довольно, но поздно, не то ужъ время: теперь безъ формальнаго свидѣтельства ни одинъ священникъ не обвѣнчаетъ, хоть что ни толкуй, что ни представляй, никакъ не урезонишь.

Хитрая и молодецкая продѣлка Лари-канарейки стоитъ того, чтобы разсказать о ней здѣсь хотя въ короткихъ словахъ.

Это вотъ какъ случилось. Тоскуя о Грунѣ—имя возлюбленной поповны—Ларя—отнынѣ я стану называть его именемъ; была у него, конечно, и фамилія, но до нея нѣтъ особой надобности—рѣшился даже посвататься за нее, но получилъ отказъ. Онъ и прежде зналъ, что отецъ невѣсты откажетъ ему, но сватался единственно для того, чтобы, какъ онъ говорилъ послѣ, очистить совѣсть свою.

„Постой же, отецъ святой, сдѣлаю я тебѣ и смѣхъ, и горе“, думалъ Ларя.

Разъ, поздно ночью, приходитъ онъ къ дому священника, стучится подъ окномъ и, подъ предлогомъ очень важнаго дѣла, выпрашиваетъ аудіенцію.

— Что тебѣ надо?—спрашиваетъ священникъ Ларю до-

вольно сурово и неблагосклонно, предполагая, что онъ пришелъ безпокоить его насчетъ сватовства.

— Батюшка, съ просьбой къ тебѣ,—отвѣчалъ смиренно и раболѣпно Ларя, кланяясь въ землю.—Не погуби, отецъ, сдѣлай счастливымъ... вѣкъ не забуду твоей милости...

— Ужъ не опять ли, шалыганъ ты этакой, пришелъ Груню мою сватать?—прервалъ съ неудовольствіемъ священникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—батюшка!—поспѣшилъ сказать Ларя.— У меня давнымъ-давно и мысль объ этомъ изъ головы вышла: знаю, куда ужъ мнѣ не въ свои сани садиться; надо по себѣ дерево рубить.

— Такъ, такъ, чадо, —сказалъ священникъ, успокоиваясь и смягчая голосъ.—Какая же у тебя просьба? говори: если можно—помогу, а нѣтъ не погнѣвайся.

— Ахъ, батюшка, можешь, можешь!..—заговорилъ Ларя жалобнымъ голосомъ, снова кланяясь въ землю.—Вотъ изволь-ка выслушать: сваталъ я на-дняхъ Груню Шаранову, да ужъ видно такая голова моя безталанная: дѣвку за меня не отдаютъ—„припаси, говорятъ, кладку". А гдѣ я ее возьму, кладку-то? Не воровать же для того стать. Вотъ я и согрѣшилъ, батюшка, пустился на хитрости, подговорилъ дѣвку идти за меня замужъ украдкой; она согласна, вытащилъ я ее изъ окна и она теперь ждетъ меня у церкви, на паперти. Тамъ ждутъ и сваха и кое-кто изъ моихъ товарищей. Батюшка, если сію минуту не обвѣнчаешь насъ—мы пропали: отецъ и братья невѣсты не дадутъ ни ей, ни мнѣ послѣ покою. Кто знаетъ, что можетъ изъ этого выйти? Всяко можетъ случиться... и смертоубійство можетъ произойти, и всякой иной грѣхъ приключиться... Спаси, отецъ святой! Ужъ какъ прикроешь насъ вѣнцомъ, такъ все дѣло порѣшится...

Священнику не разъ уже доводилось и прежде обвѣнчивать втихомолку влюбленныхъ. Почему жъ не оказать подобную услугу и Ларѣ? Къ тому же, обвѣнчивая Ларю, священникъ избавлялся навсегда отъ притязаній его на руку своей дочери. Онъ охотно склонился на просьбу казака. Немедля

ни минуты, священникъ и женихъ пошли въ церковь, на пути зашли къ дьячку и взяли его съ собой. На церковной паперти встрѣтили ихъ два-три парня и женщина, пріятель и пріятельница Лари. Тутъ же была и невѣста, окутанная отъ головы до ногъ непроницаемымъ покрываломъ. Затѣмъ вошли въ церковь и тотчасъ обрядъ вѣнчанія начался. Во время вѣнчанья невѣста стояла, какъ была, подъ покрываломъ, и это ни священнику, ни дьячку нисколько не казалось подозрительнымъ, потому что на Уралѣ въ старину всѣхъ вообще невѣстъ вѣнчали подъ покрываломъ. Наконецъ, обрядъ кончился; новобрачная, цѣлуясь по заведенному обычаю съ новобрачнымъ, откинула покрывало, и потомъ, обратясь къ священнику, хотѣла что-то сказать, но священникъ вскрикнулъ и завопилъ: „окаянная!“ Эта окаянная была любимая и единственная дочка, Грунюшка, которую онъ прочилъ за одного поповича, но которую такъ хитро и такъ ловко подцѣпилъ удалый Ларя.

Какъ все это случилось? Да очень просто. Видя безнадежность выйти замужъ за Ларю обыкновеннымъ порядкомъ, но будучи не въ силахъ переносить тоску и кручину, любящая Груня согласилась обвѣнчаться съ возлюбленнымъ украдкой. А такъ какъ, кромѣ ея отца, другого священника въ городѣ не было, то Ларя и придумалъ противъ будущаго тестя такой хитрый маневръ, который, къ счастью влюбленныхъ, и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Въ то время, какъ Ларя упрашивалъ священника въ его домѣ, Груня стояла въ другой комнатѣ за дверью и слушала ихъ разговоръ; а когда отецъ пошелъ съ Ларей въ церковь, она, простившись съ отцомъ и испросивъ у него благословенія, подъ видомъ, что хочетъ ложиться спать, вышла изъ дому вслѣдъ за ними и другой улицей, разумѣется, бѣгомъ, не жалѣя ни нѣжныхъ ножекъ, ни красненькихъ черевичекъ, опередила ихъ и встрѣтила у церкви. Дальнѣйшему ходу дѣла помогло покрывало.

Иванъ хорошо зналъ Ларю. Спорить съ нимъ и настаивать, чтобъ онъ скорѣй сказалъ о дѣлѣ, было бы безполезно.

Вооружась терпѣніемъ—кстати, читатель, не мѣшаетъ и вамъ запастись маленькимъ терпѣніемъ, но только маленькимъ,—Иванъ рѣшился выслушать отъ начала до конца повѣствованіе многоглаголиваго Лари. Ларя, не безъ ужимокъ и прокашливаній, однако жъ, началъ такъ:

— Слышь, Ваня, былъ я на охотѣ, одинъ-одинехонекъ, да еще гдѣ, отгадай?... За Соколкомъ. Ты, чай, дивишься, какъ-де я живъ остался, шеи не сломалъ, какъ-де поганые киргизишки меня не угомонили. Гм!... это что еще? Это только свѣтики, а настоящіе свѣты-то впереди. Не важна штука плавать на бударкѣ по ерикамъ да лиманамъ, гдѣ не пройти пѣшему, не проѣхать конному; тутъ послѣдняя баба не дастъ себя въ обиду, нетокмо что нашъ брата-казакъ; но я былъ въ киргизскихъ аулахъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—замѣтилъ Иванъ.

— Право-слово, вотъ какъ Богъ святъ, вотъ, чтобъ съ мѣста не сойти, если вру,—сказалъ сосѣдъ, потомъ продолжалъ:—вотъ какимъ маперомъ я угодилъ къ киргизишкамъ. Чѣмъ свѣтъ, поѣхалъ нынче поохотничать. Сначала мотался на Быковкѣ, изъ Быковки выѣхалъ въ Тухлый, а тамъ въ Егорушкинъ. Такимъ маперомъ, изъ ерика въ ерикъ, добрался до Соколка. Долго я на Соколкѣ ластился около лебедей, хотѣлось, знаешь, отъ нечего дѣлать, живого кликунчика *) привезти домой; приноравливался, какъ бы крыло подбить, да не удалось: какъ ни хвачу изъ турки—все на-повалъ, да на-повалъ; кажись, и заряды клалъ небольшіе, а лебеди все-таки свертывались, да свертывались. Время было домой ѣхать. Вотъ я и поплылъ назадъ. Плыву, знаешь, Соколкомъ внизъ по водѣ, гребу не-гребу, а все такъ, знаешь, на низъ-то и гонитъ. Плыву и думаю: „какъ, мылъ, „кургузые нитирилисты“ изъ маркели (изъ мортиры) стрѣляютъ. Что, если бъ, думаю, одну такую „маркелку“, что стоятъ у насъ на „фланкахъ“, завезши куда-нибудь въ разливы,

*) Порода лебедей, поющихъ, или какъ будто мелодически кричащихъ, отчего и называютъ ихъ кликунами.

ну хоть, примѣромъ сказать, на Бѣлый Ильмень, гдѣ, знаешь, всякой птицы видимо-невидимо, да и шаркнуть изъ нея по всему раздолью, какъ по скатерти: то-то бы, чай, повалилъ птицы-то!...

Иванъ, слушая такое наивное и отчасти нелѣпое сужденіе сосѣда, не могъ воздержаться отъ улыбки и самъ про себя думалъ: „экую чушь несетъ!“ А Ларя, замѣтивъ насмѣшливую улыбку Ивана и принимая ее, по инстинкту, на свой счетъ, также, въ свою очередь, подумалъ про себя: „толкуй-себѣ про ольху: береза-то, братъ, крѣпче,—не о „маркелкѣ“ я думалъ, а о ней, моей зазнобушкѣ...“ Тутъ Ларя испустилъ вздохъ, но такъ тихо, что Иванъ не замѣтилъ.

— Пулканетъ (фалконетъ), думаю, вещь хорошая,—продолжалъ Ларя:—да все не то, что „маркелка“— у „маркелки“, знаешь, жерело-то шире, чѣмъ у „пулканета“, стало быть, лишній фунтъ-другой дроби въ нее можно засыпать...

— Особенно тебѣ,—прервалъ Иванъ, будучи, наконецъ, не въ силахъ долѣе слушать болтовню Лари:—особенно тебѣ, когда ты и въ ружье-то кладешь дробинки счетомъ, по десяти, да по пятнадцати штучекъ, не больше не правда ли?

— Оно такъ,—возразилъ Ларя, нисколько не стѣсняясь и не конфузясь замѣчаніемъ Ивана.—Вѣстимо, гдѣ намъ гоняться за иными прочими, гдѣ взять столько дроби для жерела „маркелки“, и казны Матыгина *) не хватитъ, если зачастую палить изъ „маркелокъ“. Но вѣдь это такъ пришло мнѣ въ голову, дива тутъ никакого нѣтъ. Мало ли что въ иную пору залазитъ въ башку, индо въ стѣну не влѣпишь. Вотъ такимъ-то побытомъ плыву и думаю, да ужъ на порядкахъ видно раздумался: направо слѣдовало свернуть мнѣ въ ерикъ, а я и не замѣтилъ, какъ ерикъ-то проплылъ, по-

*) Матыгинъ—сарайчиковскій житель, первый богачъ того времени между казаками.

жалуй, и до моря бы доплылъ. Но вдругъ съ бухарской стороны (съ лѣвой, азіатской) кто-то закричалъ мнѣ: Урусъ! Я очнулся, взглянулъ и увидалъ: стоитъ на берегу киргизецъ и машетъ мнѣ рукой. Сначала я, признаться, ровно будто струхнулъ, хотѣлъ плюнуть на нехристя, да и ѣхать своей дорогой, но потомъ одумался. Дай, молъ, подъѣду къ нему, узнаю, кто онъ такой и чего ему надо; шута ли, Господи прости, онъ мнѣ сдѣлаетъ съ берега, когда я на лодкѣ; взялъ да и подъѣхалъ немного поближе къ берегу, но, шалишь—ружье-то, на всякій случай, взвелъ и положилъ на колѣни; даромъ, что въ немъ только пятнадцать дробинъ, но и двѣ-три изъ нихъ дадутся знать. Подъѣхалъ я, говорю, къ киргизу близко, смотрю на него и вижу: рожа будто знакома. И онъ пристально на меня смотритъ, да вдругъ какъ заоретъ по-русски: „Ларка! живъ ли твоя отца?“ Тутъ-то я и узналъ, что это старинный „купакъ“ (пріятель) покойнаго моего отца. Помню, когда я былъ маленькимъ, онъ часто хаживалъ къ намъ въ домъ и дарилъ мнѣ зеленькія и красненькія альчи *). Да вотъ ужъ лѣтъ десять какъ онъ запропастился въ ордѣ и не бывалъ на линіи. Я слыхалъ отъ отца, что купакъ этотъ—киргизъ честный, правдивый, не хуже русскаго. Онъ прислуживался въ Оренбургѣ нашимъ командирамъ и не разъ вывозилъ изъ орды русскихъ плѣнниковъ...

При этихъ словахъ Иванъ вздрогнулъ, быстро повернулся на мѣстѣ, какъ-будто кто укололъ его, и серьезно взглянулъ на разсказчика: въ эту минуту блеснула въ умѣ его мысль о Васѣ. Внезапное движеніе Ивана не скрылось отъ внимательнаго глаза Лари. Онъ самодовольно улыбнулся и собирался-было тянуть, по обыкновенію, безконечную пѣсню, но Иванъ не вытерпѣлъ, вскочилъ съ мѣста, схватилъ обѣими руками за плечи Ларю и дрожащимъ, но сильнымъ голосомъ сказалъ:

---

*) Родъ бабокъ, которыми играютъ на Уралѣ казачата и киргизята.

— Бога ради, не тяни ты меня за душу! Не мучь, пожалуйста, скажи скорѣе, не слыхалъ ли ты чего о братѣ?

—Какъ не слыхалъ, слыхалъ!...—проговорилъ нараспѣвъ Ларя, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ.

— Что, живъ?—прошепталъ едва слышно Иванъ.

Въ эту минуту онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; лицо его было блѣдно, какъ полотно, а глаза готовы были выскочить.

— Слава Богу, живъ!—поспѣшилъ сказать Ларя, испугавшись разстроеннаго вида Ивана и забывъ на этотъ разъ привычку свою многоглагольствовать.

Чтобы не наскучить читателю, я передамъ разсказъ Лари въ короткихъ словахъ.

Узнавъ въ киргизѣ стариннаго купака, Ларя причалилъ къ берегу и, не думая объ опасности, вышелъ изъ бударки. Купакъ пригласилъ его въ аулъ. Ларя пошелъ. Тамъ окружила ихъ толпа любопытныхъ и полудикихъ киргизовъ. Ларя, какъ самъ сознавался, сначала струсилъ-было, увидавъ себя въ кругу полулюдей, полузвѣрей, которыхъ хищничество хорошо было ему извѣстно; но, ободренный веселымъ видомъ купака и вспомнивъ, что находится, какъ гость подъ его защитой, смѣло вошелъ за нимъ въ кибитку. Мало-по-малу кибитка наполнилась киргизами. Началась бесѣда. Говорили о томъ, о семъ. Наконецъ, Ларя завелъ рѣчь о томъ, что киргизы черезчуръ обижаютъ ихъ казаковъ. Киргизы не противорѣчили, но замѣтили, однако жъ, что сами они, эти киргизы, не такого свойства, что и къ линіи прикочевали съ благимъ, а отнюдь не съ злымъ намѣреніемъ; что съ русскими хотятъ жить въ мирѣ и согласіи и т. п. Наконецъ одинъ изъ киргизовъ сказалъ:

— Коль скоро станетъ ледъ, я тотчасъ пойду въ вашъ городъ и самъ себя отдамъ въ аманаты, если нужно; не то, вотъ брата моего.

Тутъ онъ указалъ на молодого киргиза, а молодой киргизъ, выступивъ на средину, сказалъ:

— Мало того, что охотно пойду въ аманаты—будущей весной я непремѣнно вывезу изъ полону русскаго и докажу тѣмъ мою преданность русскимъ. Недавно я былъ на Мангишлакѣ. Тамъ, у адайцевъ, въ аулѣ Даукары, я видѣлъ одного плѣнника; я говорилъ съ нимъ—славный такой парень—хотѣлъ-было совсѣмъ увезти его, да не могъ: не было, вишь, со мной надежной заводной лошади. Онъ вашъ, гурьевскій, зовутъ его Басиль Струняшевъ *). У него, сказывалъ онъ, остался дома братъ, кажется, Иванъ, да невѣстадѣвка да еще кто-то, но я забылъ. Мнѣ хотѣлось бы переговорить съ его братомъ, такъ, кое о чемъ, да вотъ за водой не доберусь до города. Немного и побаиваюсь, признаться: кто знаетъ, какъ примутъ русскіе? Пожалуй, въ колодку засадятъ да въ острогъ запрутъ; вишь, на насъ смотрятъ, какъ на звѣрей, а мы не всѣ звѣри. Вотъ, хотя, примѣрно, мы съ братомъ только съ тѣмъ и къ линіи подошли, чтобъ, какъ нибудь выслуживаться передъ русскими. Скажи-ка, пріятель, Ивану, не пріѣдетъ ли онъ сюда повидаться со мной А впрочемъ,—прибавилъ равнодушно киргизъ:—время еще терпитъ, я и самъ къ нему буду, какъ только настанетъ зима.

Ларя слушалъ киргиза, разинувъ ротъ. Отъ удивленія онъ и не замѣтилъ, что киргизъ, кончивъ рѣчь, обратился къ нѣкоторымъ изъ своихъ и лукаво и злобно улыбнулся. Видя хорошій пріемъ и выслушавъ сладкія слова киргиза, Ларя изъявилъ желаніе скорѣе возвратиться въ Гурьевъ, чтобъ обрадовать такою нежданною вѣстью Струняшевыхъ. Киргизы не удерживали его, проводили его до бударки, подарили ему, въ знакъ „купачества", большую текеметь (родъ ковра, сшитаго изъ разноцвѣтныхъ и узорами расположенныхъ кусковъ кошмы) и простились. Ларя уѣхалъ.

---

*) Надо замѣтить, что всѣ разговоры казаки съ киргизами ведутъ по-киргизски. Киргизъ, говоря о Струняшевѣ по-своему, то есть по-киргизски, имя и фамилію этого казака, разумѣется, выразилъ русскимъ звукомъ и потому вышло: Басиль Струняшъ.

Спѣша обрадовать Ивана, Ларя не жалѣлъ богатырскихъ силъ своихъ и такъ сильно работалъ весломъ, что бударка его не плыла, а прыгала по водѣ. Но на поворотѣ изъ одной рѣчки въ другую, гдѣ воды этихъ рѣчекъ, пересѣкаясь, производили порядочную „суводь“, онъ не соблюлъ должной сноровки и бударка его опрокинулась. Это, впрочемъ, не имѣло худыхъ послѣдствій. Вынырнувъ изъ воды, Ларя зацѣпился за бударку, подтащилъ ее къ берегу и распрокинулъ. Вещи, которыя плавали, онъ перенялъ, а за тѣми, которыя потонули, слазилъ на дно и все привелъ въ порядокъ. О себѣ онъ не заботился, несмотря на то, что промокъ до костей въ такую холодную пору: онъ уже привыкъ къ подобнымъ непріятностямъ; онъ привыкъ купаться и лѣтомъ и зимой, и по охотѣ, и по нуждѣ: на то онъ и казакъ.

Жалѣлъ, и крѣпко жалѣлъ, онъ только о двухъ вещахъ: о порохѣ, который обмочился и превратился въ кисель, и который цѣнилъ онъ наравнѣ съ золотомъ, да о шапкѣ, которая раскисла въ водѣ, и которую сшить стоило ему большого труда и терпѣнія, потому что сшита была изъ однѣхъ сизыхъ головокъ кряковныхъ селезней, или такъ называемыхъ сизяковъ. Соболѣзнуя и горюя объ этихъ вещахъ, онъ не преминулъ упомянуть о нихъ въ заключеніе своего разсказа, но ужъ никто его не слушалъ. Иванъ, не дождавшись конца его рѣчи, поспѣшилъ скрыться въ домъ, чтобы порадовать родныхъ своихъ такой пріятной новостью.

Ларя, нисколько не обидясь невниманіемъ Ивана, всталъ со скамейки и пошелъ вслѣдъ за нимъ къ нему же въ домъ. Переступая чрезъ подворотню, онъ только сказалъ:

„Эка притча! Кажись, не долго былъ въ водѣ, какой нибудь часъ, а немного продрогъ: чую, будто „каемка“ (лихорадка) ходитъ по мнѣ. Ну, да немного, лебедушка, около меня возьметъ: у Ивана, онъ парень запасливый, чай, отыщется стаканчикъ-другой „кизлярочки“; какъ хватимъ ея, такъ всѣ „каемки“ уберутся къ отцу своему, царю Ироду.

Нужно ли говорить и возможно ли разсказать, какъ были рады старушка и дѣвушка, услышавъ, что дорогой сердцу

ихъ Вася живъ? Это безъ словъ каждому должно быть понятно.

На другой же день, еще до свѣта, Иванъ уѣхалъ въ дружелюбный, повидимому, киргизскій аулъ, чтобы лично переговорить съ киргизомъ, который вызывался услужить ему и несчастному его брату. И Ларя поѣхалъ съ нимъ. Нѣкоторые изъ гурьевцевъ, люди уже опытные и осмотрительные, отговаривали Ивана отъ поѣздки за Уралъ, представляя въ резонъ вѣроломство и хищничество киргизовъ, но Иванъ не послушался добрыхъ совѣтовъ: предъ нимъ живой примѣръ былъ Ларя, который возвратился отъ киргизовъ не только живъ, здоровъ, но еще съ подаркомъ.

И тетка не совсѣмъ охотно отпускала Ивана въ дорогу. Передъ тѣмъ, какъ выйти ему изъ избы, она даже сказала:

— А что, Иванушко, не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, пообождать немного? Пускай киргизъ-то самъ къ намъ пріѣдетъ. Опасно на киргизишковъ полагаться: нехристи вѣдь они, проклятые; кто знаетъ, что у нихъ на умѣ-то? Вонъ выкормили, выхолили Іуду Кара-Кузьку, да онъ же, собака, намъ и насолилъ. Не остаться ли лучше дома до поры, до времени? Долго ли до грѣха!

— Нѣтъ, мамушка, сердце не терпитъ, — сказалъ Иванъ: — на плечахъ словно пудовыя гири висятъ, такъ и хочется поскорѣе сбросить ихъ. Ѣхать надо, не для чего откладывать. Чему быть, того не миновать. А впрочемъ, вотъ она что скажетъ?—прибавилъ Иванъ, обращаясь къ Дашѣ.

— Ѣхать, что ли, или не надо? —повторилъ Иванъ, глядя на Дашу.

Дѣвушка стояла, потупивъ голову, у перегородки и перебирала дрожащими руками концы длиннаго шелковаго пояса. Она сначала замялась-было, но потомъ, вызванная вопросомъ Ивана, робко взглянула на него и чуть слышно, нерѣшительно проговорила:

— Какъ хочешь... пожалуй, не ѣзди...

Но это она сказала только такъ, изъ подражанія теткѣ.

Глаза же ея, на которыхъ блеснула едва замѣтная слеза напротивъ, прямо и выразительно говорили: „поѣзжай“.

Иванъ уѣхалъ.

Вечеромъ, въ день отъѣзда Ивана и Ларп, собралась на берегу Урала порядочная толпа народа. Кто изъ гурьевцевъ вышелъ отъ нечего-дѣлать, изъ одного любопытства узнать, чѣмъ кончится свиданіе Ивана съ киргизомъ, вызвавшимся помочь плѣннику, а кто, напротивъ, принималъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ, ибо, какъ извѣстно намъ, вмѣстѣ съ Васей попали въ полонъ и многіе другіе казаки: стало быть, родственники этихъ несчастныхъ не могли не льстить себя надеждой узнать что-нибудь и объ участи своихъ. Такъ ли, сякъ ли, а собралось за городскими воротами народу много; только и разговора было, что насчетъ этого обстоятельства.

Между тѣмъ стало смеркаться и лѣвый берегъ Урала постепенно тонулъ въ туманѣ или, правильнѣе, въ пару, который, какъ дымъ поднимался отъ воды, близкой къ замерзанію, и разтилался густымъ слоемъ по окрестности, но Иванъ и Ларя не возвращались. Думали, что они, заночевавъ гдѣ-нибудь на островкахъ, вернутся домой поутру. Вслѣдствіе этихъ догадокъ многіе изъ гурьевцевъ начали расходиться по домамъ; осталось на берегу только малое число казаковъ.

Поодаль отъ мужчинъ, прижавшись между двухъ бревенъ, изъ которыхъ были сдѣланы рогатки или, правильнѣе, частоколъ, окружавшій Гурьевъ-городокъ, стояли двѣ дѣвушки, одѣтыя—одна въ красную штофную, а другая въ зеленую гарнитуровую шубки: то были Даша и подруга ея, Маша. Послѣдняя была тутъ въ качествѣ простой компаньонки, и потому глазѣла большею частью на казачатъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ перекидывалась или обмѣнивалась словцомъ-другимъ. Даша же, напротивъ, ничего вокругъ себя не замѣчала, стояла почти неподвижно и не сводила глазъ своихъ съ лѣваго берега Урала, откуда долженъ былъ возвратиться Иванъ.

Наконецъ, изъ верхняго устья „Быковки“, бывшаго про-

тивъ самого городка—я говорю „бывшаго“, потому что отъ протока этого, въ старину судоходнаго, нынѣ и признаковъ не осталось—появилась бударка и быстро приближалась къ берегу, на которомъ стоялъ народъ; но, къ удивленію зрителей, въ ней находился только одинъ человѣкъ, который не сидѣлъ, а стоялъ посрединѣ лодки и, какъ сумасшедшій, махалъ весломъ на обѣ стороны—это былъ Ларя. „Куда жъ дѣвался Иванъ?“ заговорили гурьевцы, смотря другъ на друга въ недоумѣніи.

Минуту терпѣнія, и я разскажу о томъ, что сталось съ Иваномъ. Для этого вернемся назадъ.

Около полдня, Иванъ и Ларя пріѣхали въ киргизскій аулъ, гдѣ, повидимому, ихъ ужъ ждали и приготовлялись къ встрѣчѣ. Лишь только вышли они изъ бударки на берегъ, къ нимъ въ ту же минуту подошелъ извѣстный Ларинъ кунакъ и повелъ ихъ по полянѣ между кибитками. Поровнявшись со своей, онъ сказалъ Ивану:

— Эта вотъ моя кибитка; послѣ мы зайдемъ ко мнѣ, а теперь пойдемъ вонъ въ ту, что стоитъ въ сторонѣ: тамъ дожидаются тебя люди.

У дверей кибитки, къ которой привелъ казаковъ кунакъ, встрѣтилъ ихъ киргизъ, повидимому, хозяинъ, довольно высокаго роста и плотнаго сложенія, тотъ самый, который наканунѣ говорилъ Ларѣ, что дастъ брата своего въ аманаты. По обыкновенію азіатцевъ, киргизъ взялъ обѣ руки Ивана въ свои, хлопнулъ ладонями одна объ другую, потомъ раза два развелъ ихъ наискось въ стороны, причемъ грудь киргиза коснулась груди казака—это значило: они поздоровались. Такая же церемонія повторилась и съ Ларей. Такую же церемонію должны были выполнить казаки и съ другими киргизами, которые то одинъ по одному выползали изъ этой же кибитки, то сходились къ ней изъ другихъ кибитокъ. Наконецъ, скучная эта церемонія кончилась. Киргизъ-хозяинъ

пригласилъ гостей-казаковъ въ кибитку, казаки вошли; туда же полѣзли за ними и всѣ киргизы; вскорѣ кибитка биткомъ набилась киргизами. Не было, однако жъ, между ними одного кунака: онъ остался внѣ кибитки. Пошли спросы, да разспросы то о томъ, то о другомъ. Наконецъ Иванъ напомнилъ о цѣли своего пріѣзда.

— Сейчасъ,—сказалъ киргизъ-хозяинъ и громко кашлянулъ:—вотъ только придетъ мой меньшой братъ съ товарищами: отъ нихъ узнаешь все...

Киргизъ снова кашлянулъ. Въ эту минуту дверь кибитки приподнялась, и изъ-за нея высунулось нѣсколько страшныхъ киргизскихъ рожъ съ звѣрскимъ выраженіемъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго; рожи эти сдѣлали какіе-то знаки хозяину, кивнувъ на казаковъ. Иванъ сидѣвшій задомъ къ двери, ничего не видѣлъ. Замѣтилъ это только Ларя и собирался-было передать замѣчаніе Ивану, но въ ту минуту извнѣ кибитки послышался голосъ кунака: „Ларка! иди сюда, лодку твою водой отнесетъ“.

— Кой лядъ!—сказалъ Ларя въ недоумѣніи, нехотя приподымаясь съ мѣста и пробираясь между киргизами къ двери:—кажись, я крѣпко причалилъ ее къ камышу.

Вышедъ изъ кибитки и пройдя нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ, что бударка дѣйствительно, отойдя немного отъ берега, колыхалась въ камышѣ и готова была, попавъ на „стрежень“, уплыть внизъ по водѣ. Ларя быстро бросился къ бударкѣ, но въ ту минуту раздался позади его пронзительный крикъ и поднялся страшный шумъ. Ларя остановился, обернулся къ кибиткѣ и увидѣлъ, что кибитка тряслась, дрожала, ходенемъ ходила, стѣнки ея трещали: все это давало знать, что въ кибиткѣ происходила драка, отчаянная свалка. Между киргизскими голосами Ларя ясно разслышалъ голосъ Ивана, который въ отчаяніи кричалъ: „Ларіонъ!.. товарищъ!... душатъ, рѣжутъ!“...

Нѣсколько мгновеній Ларя простоялъ, какъ окаменѣлый, на одномъ мѣстѣ, и потомъ бросился къ кибиткѣ, но кунакъ загородилъ ему дорогу, сказавъ гнѣвно:

— Куда тебя чортъ несетъ? Развѣ ты не понимаешь, что съ Иваномъ наши молодцы расплачиваются за старые долги. Бѣги, пока цѣлъ, садись въ лодку да и улепетывай домой! Помни, что за добро ко мнѣ твоего отца ты остаешься живъ. Мнѣ немалаго труда стоило уговорить нашихъ, чтобы они пощадили тебя... Некогда мнѣ съ тобой разговаривать; удирай, говорю, скорѣй, да и баста!—заключилъ киргизъ.

Съ этимъ словомъ онъ безцеремонно толкнулъ Ларю по направленію къ бударкѣ, а самъ поспѣшилъ къ кибиткѣ, гдѣ шла катавасія.

Ларя, ни живъ, ни мертвъ, машинально повиновался кунаку и сталъ пятиться къ лодкѣ, не спуская, однако жъ, глазъ съ роковой кибитки. Въ это время шумъ въ кибиткѣ сталъ мало-по-малу затихать и, наконецъ, затихъ. Изъ кибитки высыпала цѣлая толпа киргизовъ; нѣкоторые изъ нихъ, замѣтилъ Ларя, были ранены, едва держались на ногахъ и, унимая текущую изъ ранъ кровь, стонали и испускали проклятія. Изъ этого Ларя весьма основательно, однако жъ, заключилъ, что Иванъ не даромъ дался разбойникамъ, а постоялъ-таки за себя. Если онъ отъ тѣсноты въ кибиткѣ и отъ нечаяннаго, какъ думать надо, нападенія киргизовъ, и не сдѣлалъ выстрѣла изъ винтовки, но зато исправно, на первыхъ порахъ, поработалъ кинжаломъ, который былъ у него за поясомъ.

Вскорѣ затѣмъ двое киргизовъ вытащили изъ кибитки за ноги растрепаннаго и обезображеннаго Ивана, который былъ ужъ мертвый. Третій киргизъ теребилъ за волосы несчастнаго казака и безпрестанно билъ по лицу его чѣмъ-то, не-то камнемъ, не-то костью...

При видѣ такого безчеловѣчія и варварства, Ларя пробудился, какъ будто отъ сна и вскипѣлъ гнѣвомъ негодованія и мести. Гнѣвъ и злоба его усилились еще больше, когда въ киргизѣ, который теребилъ за волосы Ивана, онъ узналъ—кого, вы думаете? — злодѣя и предателя Кара-Кузьку!...

Подробности смерти брата Струняшева, Ивана, оста-

лись для гурьевцевъ тайной, кромѣ лишь того, что видѣлъ Ларя. По всей вѣроятности, полагать должно, злодѣй Кара-Кузька, не успѣвшій, какъ мы видѣли, совершенно по своему характеру и закону отмстить семейству Струняшевыхъ во время пребыванія въ ихъ домѣ, придумалъ эту западню для Ивана, и при помощи своихъ друзей и родственниковъ, такихъ же, какъ самъ, дикарей, заманилъ его въ аулъ. Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, ходили насчетъ этого темные слухи и между мирными киргизами. Поговаривали также о томъ, что смерть Ивана дорого обошлась киргизамъ: не говоря о многихъ раненыхъ, человѣка четыре отправились отъ руки казака на тотъ свѣтъ.

Но такъ ли, сякъ ли, а главнымъ виновникомъ гибели Ивана былъ Кара-Кузька—за что, какъ сейчасъ увидимъ, онъ и самъ поплатился своей кожей. Въ томъ, что Кара-Кузька упорно и хитро стремился къ цѣли отмстить Струняшевымъ—нѣтъ ничего удивительнаго: это сродно киргизской натурѣ *). Но великодушный, можно сказать, ры-

---

*) Въ примѣръ мстительности киргизовъ можно привести слѣдующее происшествіе. Зимой въ 1843 г. два казаченка, два родные брата Найденовы, жители Калмыковской крѣпости, рыбачили на Уралѣ удочками. Меньшой братъ, 14-лѣтній мальчикъ, нагнувшись сидѣлъ надъ прорубью и смотрѣлъ на удочки. Старшій братъ, 16-лѣтній казаченокъ, саженяхъ въ 50-ти ниже, сидѣлъ въ такомъ же положеніи, задомъ къ брату, надъ своею прорубью. Подходитъ къ младшему брату киргизъ—это было въ сумерки—молодой, лѣтъ 20-ти парень, здоровается съ казаченкомъ, наклоняется къ проруби и спрашиваетъ: „клюетъ ли?“ „Плохо“, отвѣчаетъ мальчикъ. „А у меня такъ хорошо клюетъ“, сказалъ киргизъ, и съ этимъ словомъ перехватилъ казаченку ножомъ горло: несчастный упалъ на прорубь и умеръ. Старшій братъ-казаченокъ не только не слышалъ этого, но и не видѣлъ, потому что прорубь, на которой сидѣлъ несчастный мальчикъ, съ той стороны, гдѣ находился старшій братъ, была занавѣшена рогожей, что дѣлается рыбаками въ защиту отъ вѣтра. Зарѣзавъ одного казаченка, злодѣй подходитъ къ другому, дѣлаетъ тотъ же вопросъ, слышитъ тотъ же отвѣтъ, и тѣмъ же окровавленнымъ ножомъ перерѣзываетъ горло и другому брату; и этотъ падаетъ и умираетъ. Свершивъ два убійства, киргизъ идетъ по льду дальше и встрѣчаетъ ѣдущаго ему навстрѣчу въ саняхъ казака, который возвращался съ уженья же. Киргизъ сталъ среди дороги и припасъ ножъ съ намѣреніемъ вспрыгнуть въ сани къ казаку, чтобы и этого зарѣзать; но казакъ,

царскій поступокъ Ларина купака, безъ сомнѣнія, достоинъ удивленія. Доискиваться и объяснять причины, которыя подвигнули купака на это великодушіе, по-моему, безполезно, да и не для чего. Тутъ могло быть одно: облагодѣтельствованный нѣкогда отцомъ Лари, киргизъ вспомнилъ о томъ и захотѣлъ отплатить добромъ. Это не трудно было ему сдѣлать. Кара-Кузькѣ и его родственникамъ нужна была только кровь Струняшева, слѣдовательно, Ларя былъ для нихъ человѣкъ посторонній. Они и кромѣ Лари могли сколько хотѣли потѣшаться надъ русскими въ то злосча-

---

какъ будто по инстинкту, поровнявшись съ злодѣемъ, ударилъ лошадь кнутомъ, лошадь быстро рванулась, сани раскатились и ударили по ногамъ киргиза. Киргизъ пошатнулся, не устоялъ и упалъ на ледъ, но, падая, взмахнулъ ножемъ и ударилъ казака по шеѣ, ниже уха. Раненый и совершенно безоружный, казакъ не остановился, чтобы схватить киргиза, въ рукахъ котораго былъ большой хивинскій ножъ, но поскакалъ въ крѣпость, которая была отъ того мѣста въ полуторѣ верстѣ, и поднялъ тревогу. Киргизъ, послѣ неудачнаго покушенія на жизнь казака, бросился съ рѣки на зауральскую сторону, въ киргизскіе аулы, но аульные киргизы, видя разстроенный видъ и окровавленное платье незнакомца, не приняли злодѣя; тогда онъ бросился въ лѣсъ. Но вскорѣ выѣхавшая изъ крѣпости команда отыскала его, связала и доставила въ крѣпость. При поимкѣ киргизъ оказалъ отчаянное сопротивленіе: размахивая ножомъ, онъ не допускалъ къ себѣ никого. Принуждены были накинуть ему на шею съ разныхъ сторонъ арканы: этимъ средствомъ казаки и взяли его.

По словамъ самого злодѣя, который разсказалъ казакамъ и подробности убійства, оказалось, что онъ пришелъ на Уралъ съ береговъ Сыръ-Дарьи собственно затѣмъ только, чтобы зарѣзать хоть одного изъ русскихъ, или и больше, сколько попадется ихъ ему подъ руку. „Лѣтъ около 20-ти назадъ, когда я былъ груднымъ ребенкомъ—говорилъ киргизъ, сидя въ цѣпяхъ—русскіе приходили на Аральское море и побили много нашихъ, въ томъ числѣ закололи и моего отца". Дѣйствительно, въ 1825 году отрядъ уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Берга, ходилъ въ киргизскую степь усмирять и наказывать бунтовавшія и враждебныя киргизскія орды. „Мать моя—продолжалъ злодѣй—оставшись вдовой и проливая слезы, во всю жизнь, и день и ночь, толковала мнѣ, чтобы я непремѣнно отмстилъ смерть моего отца; а когда я выросъ, положила на меня клятву, во что бы то ни стало, отлить кровь за кровь русскимъ. И я, какъ видите, дѣло свое сдѣлалъ. Жаль только, что не могу порадовать мою мать. А впрочемъ—заключилъ киргизъ—она объ этомъ вскорѣ услышитъ, порадуется и останется мной довольна". Вотъ какъ дика еще и мстительна киргизская натура!

стное для русскихъ время, каково было время пугачевщины, когда киргизы на всѣхъ пунктахъ ослабленной линіи полонили русскихъ, какъ овецъ. Кромѣ того, въ поясненіе великодушной выходки Ларина кунака, можно сказать еще то, что на милость образца нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, какая бы причина ни побудила киргиза оказать добро Ларѣ, но оно дѣйствительно было оказано.

Слѣдуетъ сказать еще о томъ, что на другой день послѣ этого происшествія партія гурьевскихъ казаковъ, не спросясь даже атамана, пустилась въ бударкахъ, по указанію Лари, на то мѣсто, гдѣ погибъ Иванъ, съ цѣлью, конечно, разсчитаться съ басурманами, но ихъ тамъ ужъ никого не было: аулъ откочевалъ въ степь, а гурьевцы не нашли даже и тѣла Ивана. Вѣроятно, киргизы или бросили его въ рѣку и рѣка унесла его въ море, или увезли съ собой и, растерзавъ на части, развѣяли по степи; послѣднее предположеніе вѣрнѣе.

Узнавъ Кара-Кузьку, и прежде причинившаго много зла гурьевцамъ, и теперь издѣвающагося надъ трупомъ Ивана, Ларя пришелъ въ остервенѣніе. Сообразивъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ бударки и отъ толпы киргизовъ, Ларя убѣдился, что и выстрѣлъ будетъ вѣренъ, и отступленіе надежно. Не теряя ни мгновенія, Ларя поднялъ винтовку и приложился: раздался выстрѣлъ—и Кара-Кузьки какъ не было: простреленный въ лобъ мѣткой пулей, онъ повалился на трупъ Ивана. Въ первое мгновеніе киргизы, какъ дождь, разсыпались отъ выстрѣла въ стороны, потомъ, придя въ себя, съ гикомъ и крикомъ ринулись на Ларю, но Ларя былъ ужъ въ бударкѣ—разъ-другой взмахнулъ весломъ и скрылся въ ерикъ, выходившій изъ Соколка съ противоположнаго берега .

— Гдѣ Иванъ?—спросили гурьевцы Ларю, когда онъ приблизился къ берегу.

— Погибъ Иванъ, погибъ, какъ Бекычъ! — сказалъ Ларя, выпрыгнувъ изъ бударки и бросивъ съ досадой весло на землю.

— Какъ? что такое?—заговорили удивленные гурьевцы.

— Да такъ, просто-на-просто, угомонили его, сердечнаго, басурманы, почитай, при моихъ глазахъ задушили его, проклятые нехристи!—отвѣчалъ Ларя плачевнымъ голосомъ, утирая кулакомъ выступившія на глазахъ слезы.

Тутъ онъ началъ разсказывать по порядку все, какъ было и что мы ужъ знаемъ. Не успѣлъ онъ кончить разсказа, какъ позади казаковъ, стѣснившихся около Лари, раздался пронзительный и жалобный крикъ. Всѣ обернулись туда и увидѣли бѣдную Дашу, которая билась и терзалась на землѣ, удерживаемая Машей.

Бѣдную, несчастную дѣвушку, лишающуюся вотъ ужъ другого жениха, и лишающуюся такимъ образомъ, почти въ безпамятствѣ отнесли домой. Она впала въ сильную горячку; но несчастія ея этимъ еще не кончились.

Старушка, тетка Струняшевыхъ, не вынесла этого удара, заболѣла и чрезъ три дня отдала, какъ говорится, Богу душу; ее отвезли на „Слюдны"—мѣсто, гдѣ у гурьевцевъ кладбище.—Дашу взяли сосѣди. Чрезъ нѣкоторое время дѣвушка выздоровѣла и, по общему приговору гурьевскихъ горожанъ, наслѣдовала остатокъ имущества братьевъ Струняшевыхъ. Но Даша нисколько не была этому рада, напротивъ, она даже тяготилась и этимъ наслѣдіемъ, и своею горькою жизнью. Пять лѣтъ спустя послѣ смерти Ивана и его тетки, Даша, по убѣжденію людей, у которыхъ жила, вышла замужъ за одного казака-вдовца и вышла не съ тою цѣлью, чтобъ наслаждаться жизнью, но чтобы только имѣть свой уголъ. Снѣдаемая тоской по миломъ Васѣ, бѣдная, полубольная и слабая Даша только годъ прожила замужемъ, родила дочь и умерла.

Домъ Струняшевыхъ рушился, но не извелся: еще былъ живъ главный герой моего разсказа, Василій Ивановичъ Струняшевъ.

Гдѣ-то онъ обрѣтается? Что съ нимъ, съ удалымъ добрымъ молодцомъ, дѣется?

А вотъ сейчасъ увидимъ. Теперь рѣчь о немъ одномъ пойдетъ.

XV.

Черезъ десять дней разбойникъ Дуакара пріѣхалъ на Мангишлакъ, въ свой аулъ. Эти десять дней, проведенные въ пути, показались Василію Струняшеву за десять лѣтъ. Жестокій и безчеловѣчный киргизъ почти во всю дорогу гналъ русскаго пѣшкомъ, не столько потому, что лошади, навьюченныя добычей хивинскаго каравана, были отягчены, сколько по злобѣ и ненависти къ плѣннику.

Однажды, совершенно выбившись изъ силъ, Вася упалъ и не могъ двинуться съ мѣста: въ глазахъ у него позеленѣло, въ горлѣ пересохло и сдѣлалась такая горечь, какъ будто проглатилъ онъ цѣлую ложку соминой желчи. Даукара и тутъ не сжалился. Онъ перетянулъ Васю арканомъ, привязалъ аркапъ къ хвосту лошади и такимъ образомъ тащилъ несчастнаго плѣнника, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, по мерзлой и кочковатой землѣ, до самаго ночлега. На другой день Даукара хотѣлъ-было повторить съ Васей ту же продѣлку, но былъ наконецъ удержанъ отъ того своими же товарищами, ибо чрезъ это замедлялась ихъ ѣзда. Они сказали Даукарѣ, чтобы онъ или, убивъ, бросилъ русскаго, или ужъ везъ бы его на лошади, и не мѣшалъ бы ѣздѣ; въ противномъ случаѣ, грозили оставить Даукара одного няньчиться съ русскимъ.

Даукарѣ досадно было уступить требованіямъ товарищей, но онъ по необходимости долженъ былъ уступить и уступилъ. Онъ боялся остаться въ степи одинъ, и боялся не за свою кожу: до нея, конечно, никто бы не коснулся, а боялся за добычу: ее легко могли отбить у него первые встрѣчные киргизы враждебнаго рода, а роду адайскому, самому горовскому и злѣйшему изъ киргизскихъ родовъ, всѣ роды

болѣе или менѣе враждебны, потому что адайцы сами всѣхъ затрагиваютъ и обижаютъ.

Съ этого времени положеніе Васи улучшилось: онъ, по крайней мѣрѣ, немного иногда ѣхалъ на лошади и отдыхалъ.

Близь Прорвы *), въ одномъ изъ киргизскихъ ауловъ, гдѣ Даукара и его товарищи имѣли ночлегъ, случился плѣнный кызылбашъ... Этотъ бѣднякъ, плѣненный нѣкогда туркменами съ границъ Персіи, своего отечества, и подобно Васѣ, испытавъ не мало бѣдъ и горя, сжалился надъ русскимъ. Ночью, когда въ аулѣ всѣ спали, кызылбашъ нагрѣлъ воды и помогъ Васѣ обмыть и перевязать раны, потомъ набралъ и насовалъ ему за пазуху кой-какихъ объѣдковъ, круту и вареннаго мяса. Вася отдохнулъ и ожилъ, а дотолѣ онъ сильно страдалъ отъ ранъ и умиралъ съ голода: Даукара рѣшительно почти не давалъ ему ѣсть, хотя и часто потчивалъ его пинками, толчками и оплеухами. Безъ помощи сострадательнаго кызылбаша Вася не доѣхалъ бы, пожалуй, до аула своего тирана, а умеръ бы въ дорогѣ.

Съ чувствомъ гордости, съ сознаніемъ своего достоинства, удальства и молодечества, явился хвастливый Даукара къ отцу и отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ, между прочимъ, не забылъ со всею подробностью объяснить отцу, что плѣнникъ изъ рукъ вонъ гордъ и упрямъ, что не только не боится смерти но, напротивъ, то и дѣло самъ на нее напрашивается.

— Когда такъ,—сказалъ подумавъ старикъ-отецъ,—то мы оставимъ его пока жить, пускай пасетъ барановъ, да что-нибудь работаетъ. Весной, когда пойдемъ на лѣтнія кочевки, завернемъ къ могилѣ сына, отправимъ тамъ поминки, и ужъ на поминкахъ разсудимъ, что дѣлать съ этимъ русскимъ; а теперь не мѣшаетъ созвать родныхъ и друзей. От-

---

*) Такъ называется одно урочище на сѣверо-восточномъ берегу Каспійскаго моря, получившее это названіе отъ островов Большой и Малой Прорвы.

празднуемъ-ка, любезный сынъ, твое благополучное и счастливое возвращеніе въ аулъ, а главное, почтимъ-ка хорошенькой пирушкой твой удачный и славный подвигъ противъ невѣрныхъ.

— Да вотъ что еще, Даукара,—прибавилъ отецъ:—не слишкомъ-то, смотри, налегай на русскаго, не больно круто жми его, а то, пожалуй, прежде времени околѣетъ, тогда пропадутъ твои труды и не удастся намъ, знаешь, потѣшиться надъ нимъ во-время и какъ бы хотѣлось. Кромѣ того, этотъ кафиръ, какъ догадываюсь изъ словъ твоихъ, замѣчательный, должно быть, кафиръ: онъ можетъ, пожалуй, пригодиться намъ и для иного какого дѣла. Если бы, по какимъ-нибудь причинамъ, вздумалось намъ спровадить его въ Хиву, то, понимаешь, выручка будетъ славная!

Даукара не противорѣчилъ отцу; онъ былъ уже доволенъ тѣмъ, что, выполнивъ свой обѣтъ, стяжалъ себѣ между однородцами славу храбреца, доказательствомъ чего служилъ казакъ и его грозная винтовка. Эту винтовку хвастунишка Даукара не выпускалъ изъ рукъ, хотя и не могъ, по невѣжеству, примѣнить ее къ дѣлу.

На другой день аулъ отца Даукары наполнился гостями и звaными, и незваными. Пиршество, по понятію киргизовъ, было самое пышное, богатое и обильное, вполнѣ соотвѣтствовавшее счастливому событію. Главную статью на киргизскихъ праздникахъ, извѣстно, составляетъ обжорство. Такъ было и на этомъ. Кромѣ нѣсколькихъ барановъ, зарѣзали трехгодовалаго жеребенка, а это дѣлается только въ важныхъ случаяхъ. Отецъ Даукары былъ богачъ между своими однородцами, поэтому и расщедрился.

Пиршество началось рано утромъ, а кончилось поздно вечеромъ. Молодежь киргизская, разумѣется, скакала, боролась, гонялась за дѣвушками, пѣла или, правильнѣе, импровизировала пѣсни; въ импровизаціяхъ этихъ, разумѣется, между прочимъ, прославлялась храбрость киргизовъ и осмѣивалась слабость русскихъ. Старики и вообще люди пожилые засѣдали вокругъ котловъ и чашъ съ вареннымъ мясомъ, гла-

зѣли на игры молодыхъ людей и любовались. Но все это, по мнѣнію моему, дѣло постороннее; не о томъ я хочу сказать, а вотъ о чемъ:

Всего интереснѣе и любопытнѣе на этомъ пиршествѣ былъ Василій Ивашычъ Струняшевъ. Какъ трофей побѣды, онъ былъ выведенъ на позорище всего киргизскаго общества. На этотъ разъ надѣли на него краснопестрый халатъ, а на голову высокую, остроконечную тюбетейку (родъ шапки) съ совинымъ перомъ: въ руки ему дали сайдакъ (лукъ) безъ тетивы и пустой колчанъ. Около него поставили какую-то паршивую, осѣдланную дряннымъ сѣдломъ клячу; вмѣсто ружья перекинули ему чрезъ плечо на арканѣ палку, у ногъ положили тонкій джидовый шестикъ (изображеніе копья). Въ довершеніе же всего наряда, накинули ему на шею петлю изъ аркана, а другой конецъ аркана привязали къ вбитому въ землю колышку.

Выдумали эту штуку Даукара и его друзья-сподвижники. Обрядивъ такимъ образомъ Васю въ костюмъ степного рыцаря и вооруживъ его, на посмѣшище, деревяннымъ оружіемъ, они выставили его на показъ аулу, и выставили, какъ чучелу, какъ олицетвореніе грознаго и страшнаго героя, котораго только могучая и искусная рука храбраго Даукары могла побѣдить и усмирить.

Сначала Вася недоумѣвалъ, что хотятъ дѣлать съ нимъ киргизы, и озирался вокругъ себя съ боязнью и недовѣрчивостью. Ему казалось, что Даукара хочетъ исполнить угрозу, высказанную имъ въ лагерѣ на рѣкѣ Соколкѣ, то есть, Вася думалъ, что разбойникъ собирается убить его, и потому припасся на всякій случай постоять за себя и дорого продать жизнь свою, если бы дошло до этого дѣло: отъ кызылбаша, который помогъ ему въ дорогѣ, онъ запасся ножомъ, и этотъ ножъ былъ спрятанъ у него за голенищемъ сапога. Но когда дѣло объяснилось, когда Вася понялъ честолюбивую и ребяческую затѣю киргизовъ, онъ невольно улыбнулся и далъ себѣ слово потакать киргизамъ и приноравливаться къ ихъ глупой комедіи.

Васю посадили на видное мѣсто между кибитками. Каждый изъ киргизовъ подходилъ къ Васѣ, униженно склонялся передъ нимъ, притворно отдавалъ ему честь, насмѣшливо привѣтствовалъ его именемъ удальца, молодца, богатыря, именемъ льва, барса, и т. п.; вызывалъ на бой и единоборство, или, какъ будто побѣжденный, просилъ милости и пощады,— просто, каждое слово киргизовъ заключало въ себѣ злую, хотя и глупую насмѣшку. Но Вася, отлично владѣя киргизскимъ языкомъ, не потерялся, удачно отшучивался, и повременамъ на остроты киргизовъ отпускалъ свои, да такія, отъ которыхъ и самые, повидимому, ловкіе и назойливые ордынцы приходили въ недоумѣніе, терялись и становились, что называется, въ-тупикъ. Смѣлость, непринужденность, острота, бойкость, говорливость—все это послужило въ пользу Васи: нѣкоторые изъ киргизовъ, оставивъ шутки и насмѣшки, явно выказали къ нему, если не расположеніе, то, по крайней мѣрѣ, состраданіе или что-то похожее на это чувство. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ отрѣзаннымъ до половины носомъ (чѣмъ нѣкогда услужили ему хивинцы), намекнулъ даже Даукарѣ, что такого плѣнника, какъ рѣдкость, не мѣшало бы и поберечь. Но Даукара намекъ этотъ пропустилъ мимо ушей и не обратилъ на него никакого вниманія; напротивъ, онъ напустилъ на Струняшева, какъ стаю собачепокъ, толпу киргизятъ, которые давно съ особеннымъ вниманіемъ посматривали на казака и порывались выказать ему свои ласки. Получивъ позволеніе, эта мелюзга, какъ стая осъ, налетѣла и стала надоѣдать Васѣ пуще взрослыхъ. Послѣдніе, по крайней мѣрѣ, ограничивались однѣми пошлыми насмѣшками и остротами, но дикіе и назойливые киргизята не довольствовались тѣмъ, что могли сколько хотѣли честить русскаго самою грубою бранью (у киргизовъ, надо замѣтить, тотъ мальчишка, который бойче и чище выговариваетъ брань, считается лучшимъ)—нѣтъ, они непремѣнно, въ заключеніе всей пошлости, или плевали,

или бросали въ лицо Васи горсть сору *). Это, наконецъ, взбѣсило Васю. Онъ долго терпѣлъ и крѣпился, долго сносилъ обиды и поруганія, долго съ терпѣніемъ и смиреніемъ защищался отъ нападковъ киргизятъ, но не вытерпѣлъ. Обратясь къ киргизамъ, которые посмѣивались, глядя на потѣху ребятишекъ, Вася серьезно и гнѣвно сказалъ:

— Отгоните щенятъ вашихъ, чтобы они не лѣзли мнѣ въ глаза, или возьмите отъ меня и шестъ, и палку, или же, наконецъ, уведите меня самого отсюда: не то, я сдѣлаю вамъ смѣхъ и горе; узнаете и долго будете помнить, какъ легко смѣяться и издѣваться надъ яицкимъ казакомъ, у котораго руки еще цѣлы. Слышите!—прибавилъ Струняшевъ, дрожа отъ гнѣва.

Съ послѣднимъ словомъ онъ схватилъ въ руки шестъ и такъ сильно и энергически взмахнулъ имъ въ воздухѣ и завертѣлъ вокругъ своей головы, что шестъ переломился надвое. Мальчишки отступились и разбѣжались.

---

*) Изъ киргизятъ всѣхъ больше отличался дерзостью и всѣхъ больше надоѣдалъ Струняшеву меньшой братъ Даукары, Сююнкара. Впослѣдствіи, именно въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Сююнкара прославился своими разбоями и наѣздами и по линіи и между ордынцами. Сююнкара былъ въ своемъ родѣ степной корсаръ. Отъ него доставалось всѣмъ—и русскимъ, и киргизамъ. Въ особенности онъ преслѣдовалъ тѣхъ ордынцевъ, которые смирялись предъ русскою властью и служили нашему правительству. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, извѣстно мнѣ, Сююнкара былъ живъ и, быть можетъ, доселѣ еще живетъ—не знаю. Постоянная его кочевка на полуостровѣ Мангишлакѣ, въ сосѣдствѣ и въ сообществѣ дикихъ туркменцевъ. Старость и дряхлость положили конецъ его разбоямъ, но не погасили въ немъ чувства ненависти къ русскимъ и чувства мести къ покорившимся Россіи киргизамъ. Такъ, напримѣръ, дѣти его, наслѣдовавшія всѣ доблести разбойника-отца, по наущенію конечно его, зарѣзали вѣрнаго и прекраснаго собой молодого киргизскаго старшину Чурюмбая, который служилъ нашему начальству и который чуть ли не былъ одного съ Сююнкарой, Адайскаго рода. Это случилось или до 1845 года близъ Ново-Александровскаго укрѣпленія, или вскорѣ послѣ 1845 года, по уничтоженіи того укрѣпленія, близъ Ново-Петровскаго—хорошенько теперь не припомню. Могу сказать только одно, что происшествіе это, къ сожалѣнію, истинное. Я знавалъ несчастнаго Чурюмбая, погибшаго отъ рукъ грубыхъ и дикихъ фанатиковъ.

— Каковъ русскій!—сказали нѣкоторые киргизы, удивясь смѣлой выходкѣ Струняшева.

— Нечего сказать, хорошъ!—возразили другіе.

— А каковъ долженъ быть тотъ, кто плѣнилъ, связалъ и привелъ его сюда?—замѣтили третьи.

— Ну, про это и толковать нечего!—заговорили почти всѣ въ одинъ голосъ, посматривая съ одобряющимъ видомъ на Даукару.—Даукара не человѣкъ, а левъ,—продолжали толковать киргизы:—ему слѣдовало бы не здѣсь, между нами жить, а слѣдовало бы управлять ханствомъ. Ай-да Даукара, ай-да молодецъ! ай-да батырь нашъ удалой!..

Подобнымъ похваламъ не было конца. Даукара упивался ими до ослѣпленія, принимая ихъ за чистую монету, между тѣмъ это была ни больше, ни меньше, какъ лесть. Киргизы-гости, находясь въ веселомъ и пріятномъ расположеніи духа отъ пріятнѣйшаго и вкуснѣйшаго жеребячьяго мяса, не жалѣли и не скупились расточать предъ хозяиномъ льстивыя похвалы. Даукара ликовалъ и торжествовалъ.

Смѣлая и угрожающая выходка Струняшева противъ киргизятъ въ другое время дорого бы, пожалуй, обошлась казаку, но на этотъ разъ она даже послужила ему въ пользу: она вызвала льстивыя рѣчи гостей, а это, какъ догадываться должно, крѣпко нравилось Даукарѣ. Въ избыткѣ радости, Даукара освободилъ Васю отъ аркана и вообще отъ обязанности представлять собой чучелу, и велѣлъ отвести его въ джуламейку и накормить до-сыта: первая и послѣдняя милость, какую Вася видѣлъ отъ Даукары.

„Начало хорошо,—подумалъ Вася:—что-то будетъ дальше—неизвѣстно“.

Вечеромъ, по окончаніи забавъ, привели Струняшева въ кибитку отца Даукары. Тамъ было человѣкъ до пятнадцати стариковъ. Между ними отличался одинъ съ сѣдой жидкой бородой и съ красными подвижными глазами. Этотъ старикъ случайно передъ тѣмъ заѣхалъ въ аулъ издалека. Онъ слылъ въ ордѣ за искуснаго колдуна, за отгадчика будущаго. Отецъ Даукары, пользуясь присутствіемъ знахаря (по-киргизски

баксы), захотѣлъ испытать: будетъ ли его дому найда, то-есть счастье, прибыль, польза отъ плѣнника. Съ этою цѣлью и привели Васю въ собраніе аксакаловъ (стариковъ).

Колдунъ посадилъ Струняшева близь огня, а самъ, вооружась ножомъ, сталъ около него ходить, кривляться и бормотать какія-то странныя, ни для кого, разумѣется, непонятныя слова. По временамъ онъ схватывалъ прядь волосъ на головѣ Струняшева ,отрѣзалъ ножомъ и бросалъ въ огонь. Волосы вспыхивали и трещали: къ этому-то треску волосъ колдунъ внимательно прислушивался. Повторивъ нѣсколько разъ эту не совсѣмъ-то для казака пріятную операцію, отъ которой у него—не мѣшаетъ замѣтить—почти половина волосъ не безъ боли исчезла съ головы, колдунъ обратился къ старшку-хозяину и, безъ запинки, съ увѣренностью сказалъ:

— Не могу тебѣ сказать ясно и положительно, какая именно „найда“ будетъ твоему семейству, не могу тебѣ этого сказать теперь потому, что одинъ изъ старшихъ шайтановъ (чертей), моихъ прислужниковъ, гдѣ-то запропастился и ко мнѣ не явился; но по всему, что видѣлъ, что слышалъ здѣсь,—колдунъ указалъ на огонь,—заключаю, что тебѣ и твоему семейству будетъ большая-пребольшая „найда“ отъ этого русскаго: его вы продадите, когда вздумаете, за высокую и дорогую цѣну. Истину говорю тебѣ!—заключилъ колдунъ.

Говоря это, киргизскій колдунъ, по обыкновенію всѣхъ колдуновъ на свѣтѣ, сильнымъ образомъ лгалъ: натурально, онъ не могъ знать будущаго. При другихъ условіяхъ онъ сказалъ бы, пожалуй, что „найды“ отъ русскаго не будетъ. Но колдунъ былъ старая лиса: онъ зналъ, что Даукара привезъ много хивинскихъ халатовъ, стало быть, онъ могъ надѣяться, что одинъ-два халата перепадутъ за добрую вѣсть и на его плечи. Такъ и случилось. Найда для хозяевъ была еще впереди, далеко, а найда для колдуна чрезъ полчаса очутилась на его плечахъ, слѣдовательно, колдунъ очень хорошо и умно поступилъ, посуливъ суевѣрнымъ хозяевамъ золотыя горы изъ-за Васи.

Но самая лучшая пайда—да извинятъ меня за это киргизское „пайда“; ставятъ же иногда французское „комъ-пльфо“, почему же не дать мѣсто въ русской рѣчи и киргизскому слову? Вѣдь и оно иностранное и притомъ многозначительное, выражающее не одно, а многія похожія одно на другое качества... Кажется, я говорю резонно; а впрочемъ, кому какъ угодно: съ моей стороны я какъ началъ, такъ и кончу пайдой, а другое слово не поставлю,—да, самая лучшая пайда отъ льстиваго предсказанія колдуна выпала на долю бѣднаго Васи. Вполнѣ повѣривъ благопріятному предсказанію колдуна, суевѣрный и вмѣстѣ съ тѣмъ корыстолюбивый хозяинъ окончательно перемѣнилъ намѣреніе свое насчетъ участи казака. Прежде, когда онъ съ сыномъ стремился завладѣть особой Струняшева, первою мыслью его было убить русскаго; но теперь, прельстясь видами большихъ выгодъ, старикъ рѣшилъ сбыть плѣнника куда-нибудь, какъ представится случай, а смерть убитаго сына можно вымстить и надъ другимъ какимъ-либо плѣннымъ христіаниномъ: ихъ же въ ордѣ не занимать стать. Но, какъ бы то ни было, на радость ли, на горе ли, а Василій Иванычъ остался живъ.

XVI.

Спустя нѣсколько дней Васѣ объявили, что ему даруется жизнь, но съ тѣмъ, однако жъ, условіемъ, чтобы онъ, во-первыхъ, не покушался къ побѣгу, а во-вторыхъ, безпрекословно занимался бы работой, какую ему дадутъ. Струняшевъ покорился, но, съ своей стороны, осмѣлился замѣтить, что онъ безпрекословно, даже усердно станетъ работать, если только работа будетъ соотвѣтствовать званію мужчины, и если притомъ не станутъ насмѣхаться надъ нимъ и надѣлять его пинками и толчками.

— А ежели не такъ,—заключилъ Вася:—то хоть рѣжьте, хоть на огнѣ жгите, а я вамъ не слуга!..

— Ты прежде и совсѣмъ, то есть на чистоганъ отъ вся-

кой работы отказывался,—замѣтилъ съ ядовитой усмѣшкой Даукара:—а теперь вотъ слышу другое: ты сталъ только разбирать работу, чтобы была только по твоему званію, а на Соколкѣ, помнишь, говорилъ иначе. Ты, видно, храбръ только на словахъ, а не на дѣлѣ.

Задѣтый, какъ говорится, за живое колкостью Даукары, Вася покраснѣлъ отъ стыда и досады и забылся.

— Если тебѣ хочется, чтобы я исполнилъ обѣщаніе, или ты сомнѣвался во мнѣ, такъ на же тебѣ, поганый трусишка въ полѣ и храбрый молодецъ дома!

Съ этимъ словомъ Струняшевъ, какъ бѣшеный, ударилъ о землю лопаткой, которую взялъ-было передъ тѣмъ въ руки, чтобы разчистить навозъ въ курѣ (родъ дворика, куда киргизы загоняютъ на ночь скотъ), и лопатка разлетѣлась въ дребезги.

Оскорбленный и словами и дѣйствіемъ плѣнника, Даукара бросился на него съ намѣреніемъ, конечно, отмять ему, какъ говорится, бока, но Вася уставилъ противъ него отломокъ лопатнаго черена.

— Напорешься, храбрый человѣкъ,—сказалъ Вася съ какой-то горькой улыбкой.

Даукара невольно остановился, поблѣднѣлъ отъ злости и сталъ шарить рукой по поясу: видно было, что онъ отыскивалъ ножъ.

Струняшевъ, замѣтивъ движеніе Даукары и понявъ его злобное намѣреніе, нагнулся и запустилъ руку въ голенище сапога: у него тамъ спрятанъ былъ свой ножъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена; во всякомъ случаѣ предполагать надо, что и киргизъ, и казакъ, сцѣпившись, не разстались бы другъ съ другомъ даромъ: навѣрное, они распороли бы другъ-другу животы. Но, къ счастью, поспѣшилъ къ нимъ во-время старикъ-хозяинъ и рознялъ ссорившихся.

— Ты все дѣло испортишь,—сказалъ онъ сыну съ нѣкоторою строгостью.—Оставь, я тебѣ говорю, въ покоѣ этого

русскаго; предоставь мнѣ одному заботу распоряжаться имъ: я знаю, какъ обходиться съ нимъ.

Потомъ, обратясь къ Струняшеву, старикъ продолжалъ:

— А ты, неугомонный, все бы дрался да ссорился! Чего тебѣ, невѣрному, хочется? Этого, что ли?—старикъ показалъ на айбалту (родъ топорика или тотъ же чаканъ):—пожалуй, за этимъ дѣло не станетъ.

— Мнѣ ничего не хочется,—сказалъ съ твердостью Струняшевъ:—только не обижайте меня—вотъ и все! Нечего стращать меня айбалтой вашей: я видалъ ее и испыталъ ужъ на себѣ, что это за вещь такая; отъ нея до сихъ поръ болитъ у меня голова: сынъ твой и лежачему не спускалъ, стало-быть, не для чего и стращать: не испугаюсь и не закричу, какъ вы часто кричите: о й-б у-я й *). Если ужъ на то пошло,—продолжалъ Вася:—такъ знайте, что я не дамъ себя въ обиду, не протяну вамъ шею, не подставлю какъ верблюдъ спину; я не потерплю, чтобы надо мной ругались и издѣвались—не на того, храбрые люди, напали... Если Богъ, за грѣхи мои, покаралъ меня, если ужъ Онъ попустилъ васъ на меня, такъ одинъ конецъ, одна чаша, и себѣ, и вамъ!.. Что, въ самомъ дѣлѣ, за порядки такіе?.. На что это похоже?..—говорилъ Вася, приходя часъ-отъ-часу въ энтузіазмъ.—Ты, старый человѣкъ, слывешь еще за умнаго и разсудительнаго „аксакала", а ума-то въ тебѣ, вижу, столько же, сколько и въ пострѣленкѣ твоемъ, Сююнкарѣ, который и день и ночь то щипаетъ, то толкаетъ, то бранитъ меня, на чемъ свѣтъ стоитъ. Что вы хотите этимъ сдѣлать?—ровно ничего! Терплю, терплю, да ужъ и лопну: тогда не сдобровать вамъ, честные люди... Вы еще, видно, не знаете хорошенько, что такое значитъ честь казака: задѣть, дружокъ, честь казака—все едино, что схватить за лезвее кинжала: какъ разъ обрѣжешься и напорешься!..

Слово за словомъ, Вася расходился, потряхивалъ головой

---

*) Киргизское слово, равносильное нашимъ: „ахъ!" „ухъ!" и прочимъ, означающимъ испугъ.

и размахивалъ руками; голосъ его часъ-отъ-часу возвышался; Вася выходилъ изъ себя.

Старикъ-киргизъ не перебивалъ рѣчи казака. Опершись на айбалту, онъ стоялъ молча и слушалъ Струняшева съ какимъ-то удивленіемъ.

Струняшевъ говорилъ:

— Ты, да и всѣ твои, прости Господи, чертенята, обвиняютъ меня, что я когда-то убилъ твоего сына. Я ли убилъ твоего сына или сынъ твой самъ налетѣлъ на мою пулю— это еще неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, я никогда и никого не подкарауливалъ, ни въ кого не кидалъ камня исподтишка; а если случались въ иную пору какія-либо дѣла, то дѣла честныя, открытыя. Когда я былъ вольнымъ казакомъ, когда я ѣздилъ на лошади, съ винтовкой за плечами да съ пикой въ рукахъ, тогда я билъ только супротивника, билъ вооруженнаго, билъ того, кто самъ добирался до моей головы. Но чтобы издѣваться такъ надъ безоружнымъ, какъ издѣваются твои дѣти надо мной -нѣтъ, этого со мной никогда отродясь не бывало... Не знаю, что будетъ впередъ, развѣ ужъ вы меня вынудите къ этому—не ручаюсь... Я говорю все это къ тому, чтобы доказать тебѣ, если ты человѣкъ умный, что въ смерти твоего сына я нисколько не виноватъ, а виноватъ онъ самъ: кто просилъ его лѣзть на рожонъ? Я его не затрогивалъ, да и не тронулъ бы, если бы самъ онъ не наскочилъ на меня. Не подставить же было мнѣ грудь противъ его пики, не протянуть же было мнѣ шею подъ его саблю—самъ разсуди, умная голова! Тутъ и толковать нечего: это давнишняя истина.

— Но пусть будетъ по вашему, считайте, что я повиненъ въ смерти твоего удалаго сына, но что-жъ изъ этого? Чего вамъ, скажите, хочется?—крови моей? Ну, что-жъ, берите ножи, да и за дѣло!—на мнѣ нѣтъ панцыря. Только осторожнѣй будьте, смотрите, чтобы не пришлось послѣ раскаяваться, смотрите, чтобы съ моей кровью не смѣшалась и ваша драгоцѣнная: пожалѣйте себя, други.

— Хотите, чтобы я работалъ на васъ? Такъ и быть, по-

жалуй, стану работать, но не потому стану работать, чтобы услуживать вамъ—зачѣмъ лгать?—или чтобы избавиться вашихъ нападковъ, противъ этого вотъ что есть,—Струняшевъ сильно сжалъ кулакъ и, стиснувъ зубы, потрясъ кулакомъ въ воздухѣ,—нѣтъ, стану работать потому только, что безъ дѣла скучно. Притомъ еще, я и прежде говорилъ вамъ объ этомъ, работать буду только то, что не посрамило бы моей казачьей чести: родился и жилъ казакомъ, такъ и умру казакомъ. Опредѣлите, напримѣръ, меня къ лошадямъ, и я буду за ними ухаживать такъ, какъ не ухаживаютъ нигдѣ работники, а особенно плѣнники, я люблю это занятіе. Но чтобы я няньчился да возился съ вашими телятами, козлятами, да мотался по полю и собиралъ скотскій пометъ—мое почтеніе, ужъ это отдумайте! Я не холопъ, я не чувашенинъ, не мордвинъ, а я природный казакъ!

— Не то, отвезите меня въ Хиву и продайте—и дѣлу будетъ конецъ. Но если не хотите сдѣлать ни того, ни сего—ваше дѣло, толковать больше не стану, проваливайте къ чорту со всѣми сродничками-переродничками!..—заключилъ съ какою-то злостью Струняшевъ, махнулъ рукой и швырнулъ на полъ отломокъ лопаточнаго черена, который, ударившись о мерзлую землю, отскочилъ, взвился кверху и чуть-чуть не задѣлъ по лицу старика-хозяина.

Послѣ того Вася быстро повернулся и пошелъ какъ ни въ чемъ ни бывало къ своей джуламейкѣ, гдѣ онъ помѣщался съ другими двумя работниками.

Удивленный и смѣлостью, и дерзостью Струняшева, старикъ-киргизъ сказалъ самъ про себя, смотря вслѣдъ уходившему казаку:

„Какой же дьяволъ этотъ русскій! Не даромъ, вижу, Даукара разсказывалъ мнѣ про него такія вещи. Ну, добро же, храбрый кафиръ, если у насъ не смиришься, то въ Хивѣ выбросишь блажь изъ головы. Какъ прибьютъ среди базара ухомъ къ столбу или какъ вздернутъ повыше, на колъ—запоешь другимъ, пріятель, голосомъ“.

Послѣ этой сцены Васю нѣкоторое время не трогали и

оставили въ покоѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ не выходилъ изъ грязной, дымной и холодной джуламейки, во все время валялся на непостланномъ полу, валялся да думалъ-гадалъ о своей плачевной участи, но ничего утѣшительнаго не выдумалъ:—мысли его бродили Богъ знаетъ гдѣ. Наконецъ бѣдный Вася соскучился, стосковался, проголодался,—хозяева, изъ дьявольскаго разсчета, давали ему въ пищу преимущественно полуобглоданныхъ костей, столько, сколько нужно для того, чтобы не умереть съ голоду,—проголодался и выплелся на свѣтъ Божій. Въ это время выпалъ уже снѣгъ. При видѣ суровой и пустынной степи, покрытой какъ саваномъ снѣжными сугробами, сердце у Васи невольно замерло и стосковалось: Вася видѣлъ себя почти что среди безбрежнаго моря, откуда рѣшительно не было выхода. Тутъ же пришли ему на умъ его родные, милые... Вася не выдержалъ и заплакалъ. Но, вспомнивъ божественныя слова Спасителя: „терпѣвый до конца спасенъ будетъ", удержался, проглотилъ горькія слезы, махнулъ рукой и отдался на произволъ судьбы. Вслѣдъ затѣмъ пришла ему на память пословица: „плеть обуха не перебьетъ".

„Что правда, то правда,—сказалъ самъ про себя Вася.—Прежде времени не для чего задирать и озлоблять киргизишковъ. Хотя они люди и плюгавые, но все-таки мои хозяева; они вольны въ животѣ моемъ и въ смерти... Эхъ, до чего я дожилъ!—продолжалъ Вася, ударивъ себя рукою по лбу и испустивъ тяжелый, болѣзненный стонъ, смѣшанный съ досадой.—Какъ ни шатай, какъ ни валяй, а доводится терпѣть... Нечего дѣлать, потерплю, насколько силъ моихъ хватитъ, а тамъ посмотрю, что Богъ дастъ; можетъ-статься, успѣю когда-нибудь и какъ-нибудь удрать отсюда на родимую сторону".

Съ этого времени поведеніе Васи измѣнилось: изъ гордаго и неуступчиваго онъ принудилъ себя сдѣлаться кроткимъ и по возможности послушнымъ. Вслѣдствіе этого и обращеніе съ нимъ киргизовъ-хозяевъ во многомъ перемѣнилось; вмѣсто обглоданныхъ костей, стали давать ему молока,

мяса, и т. п.; вмѣсто толчковъ и бранныхъ словъ, съ нимъ ужъ говорили какъ съ человѣкомъ. Все шло пока хорошо. Вскорѣ Струняшеву ввѣрили надзоръ за конскими табунами и пастухами. Но къ концу зимы обязанности этой онъ избавился: некого было пасти. Зима сверхъ обыкновеннаго стояла лютая, суровая, снѣга были глубокіе, кони, верблюды, особенно мелкій скотъ у адайцевъ повымерли. Хозяева Струняшева, подобно многимъ своимъ однородцамъ, обѣднѣли, можно сказать, обнищали. За неимѣніемъ скота, необходимаго въ перекочевкѣ, многіе адайцы, въ томъ числѣ и хозяева нашего казака, не пошли на лѣтнія мѣста, а остались на зимнихъ, т. е. на Мангишлакѣ, и забились еще глубже въ Мангишлакскія горы.

Тѣмъ временемъ умеръ старикъ-хозяинъ, и Даукара остался полнымъ властелиномъ аула. Все это, конечно, неважно и неинтересно для насъ, но важно и интересно было для Васи: старикъ, отецъ Даукары, если и не благоволилъ особенно къ плѣннику, то, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на него не съ такою непріязнью, какую питалъ къ нему Даукара. Чтобы не сгубить себя понапрасну, Струняшевъ сдѣлался еще осторожнѣе, избѣгалъ по возможности встрѣчъ съ Даукарой, не противорѣчилъ ему ни въ чемъ, не входилъ съ нимъ ни въ какіе споры и безпрекословно повиновался его приказаніямъ.

Тужили киргизы о своемъ горѣ, тужилъ и Вася, но не о томъ, о чемъ горевали киргизы: они лишились главы семейства и обѣднѣли, а Вася потерялъ надежду на бѣгство. На лѣто обыкновенно адайцы уходятъ съ Мангишлака къ вершинамъ рѣкъ Эмбы и Илека; оттуда лѣтней порой Вася надѣялся какъ-нибудь бѣжать; но съ Мангишлака нельзя было и подумать объ этомъ; голыя, пустынныя, безводныя степи, населенныя одними скорпіонами, тарантулами да ящерицами, дѣлали побѣгъ совершенно невозможнымъ.

Не говоря о бѣдныхъ киргизахъ, которые всегда питаются кое-чѣмъ и кое-какъ и которые постоянно бываютъ, подобно волкамъ, вполсыта, даже у богачей киргизовъ во время лѣта

капитальную и единственную пищу составляетъ молоко. При недостаткѣ скота, само собой разумѣется, бываетъ недостатокъ въ молокѣ. Такъ случилось и въ аулѣ хозяевъ Струняшева. Отъ огромныхъ и многочисленныхъ стадъ у нихъ осталось, послѣ зимняго опустошенія, съ пятокъ лошадей, да десятка три овецъ и козъ, небольше—что тутъ возьмешь? При такой бѣдности сами хозяева не наѣдались до-сыта, а ужъ о работникахъ, особенно о русскомъ плѣнникѣ, и толковать нечего: съ голоду они шатались, какъ тѣни. Но предпріимчивый и догадливый Вася,—нужда чему не научитъ?—нашелъ средство, какъ увидимъ ниже, помочь своему горю. Къ удивленію Даукары и всего аула, Вася самъ вызвался пасти овецъ и козъ и, разумѣется, получилъ полное согласіе, причемъ Даукара высказалъ ему что-то въ родѣ одобренія и благоволенія.

Наконецъ, — чѣмъ судьба не шутитъ!—Василій Ивановичъ, безстрашный и гордый казакъ, сдѣлался баранымъ пастухомъ!

Цѣлые дни проводилъ Вася въ горахъ, ходя за маленькимъ стадомъ и ища для него лощинки съ травкой. Вечеромъ возвращался онъ съ стадомъ въ аулъ, и возвращался всегда съ лицомъ довольнымъ и веселымъ, съ желудкомъ полнымъ и сытымъ—странное дѣло! Овцы и козы на видъ были сыты и жирны; но—тоже странное дѣло,—у нѣкоторыхъ изъ нихъ непремѣнно сосцы были пусты. Сегодня, напримѣръ, не было молока у трехъ-четырехъ овецъ, завтра эти овцы были съ молокомъ, но зато три-четыре козы приходили безъ молока. Киргизки, доившія овецъ и козъ, сначала явленіе это считали за случайность; но такъ какъ оно повторялось постоянно изо-дня въ день, то женщины сказали о томъ Даукарѣ. Судили, рядили и наконецъ рѣшили, что русскій выдаиваетъ молоко для своего желудка. Даукара не хотѣлъ допрашивать Васю, напередъ зная, что онъ не сознается. Даукара рѣшился подкараулить преступника и поймать на мѣстѣ преступленія.

Догадки киргизовъ въ этомъ случаѣ были справедливы. Вася дѣйствительно пользовался овечьимъ и козьимъ молокомъ, съ этою цѣлью онъ и въ пастухи напросился; но онъ не доилъ овецъ: для этого нужно было и умѣнье, и терпѣнье, для этого требовалось и время и посуда, а онъ просто-напросто, какъ барашекъ или козленокъ, высасывалъ молоко изъ овечьихъ и козьихъ сосцовъ. Для этого не нужно было никакихъ приготовленій и церемоній. Какъ только, бывало, вздумаетъ Вася утолить голодъ, то возьметъ въ охапку овцу, повалитъ ее на-земь, слегка придавитъ, да и припадетъ къ вымю. Чрезъ минуту-другую овца встанетъ и пойдетъ гулять, какъ ни въ чемъ не бывало, а Вася между тѣмъ сытъ.

Но недолго Струпяшевъ пользовался такою благодатью. Однажды, когда, припавъ къ вымю козы, онъ утолялъ и голодъ и жажду, засталъ его Даукара. Не было надобности ни въ спросахъ, ни въ отвѣтахъ. Не говоря ни слова, Даукара кинулся на бѣднаго казака, отвалялъ его уширой (дубиной) и отказалъ ему отъ стада.

Плохо, весьма плохо пришлось Васѣ; онъ умиралъ почти съ голоду. Послѣ этой сцены Васю нарочно морили и не давали ѣсть; Вася изнывалъ и таялъ. Наконецъ приближался конецъ его страданіямъ, но прежде, нежели Вася достигъ этого вожделѣннаго конца, онъ долженъ былъ еще пройти чрезъ рядъ мученій и испытаній, какъ увидимъ ниже.

Терпя нужду и недостатокъ, Даукара вспомнилъ о льстивомъ предсказаніи колдуна, вспомнилъ и рѣшилъ: или промѣнять плѣнника на скотъ кому-нибудь изъ богатыхъ киргизовъ, или продать его въ Хиву за деньги, и на нихъ снова обзавестись скотомъ. Съ этою цѣлью онъ собрался въ путь. Сѣлъ на лошадь, Васю посадилъ на другую и поѣхалъ въ степь по направленію къ Хивѣ. При этомъ случаѣ Вася даже обрадовался.

„По крайней мѣрѣ,—думалъ онъ, собираясь въ дорогу:— у другихъ хозяевъ я буду сытъ и не умру съ голоду, а тамъ что Богъ дастъ“.

XVII.

Лѣто стояло самое знойное, душное. Солнце жгло, пекло, жарило, варило въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. И безъ того голая, пустынная и безтравная степь киргизская была въ это время спалена, раскалена и выжжена; одѣтая маревомъ и мглой, она представляла собой картину самую жалкую, унылую и печальную—картину, которую не только вполнѣ описать, но о которой, кажется, нельзя даже и приблизительное дать понятіе человѣку, никогда не видавшему степи: нужно самому взглянуть, чтобы на сколько-нибудь узнать, что такое степь киргизская. Ни одного живого существа не видать было ни на землѣ, ни въ воздухѣ, ни одного такого существа, которое напоминало бы о присутствіи жизни: даже ящерицы и тарантулы не показывались наружу:—и эти гады, несмотря на то, что гады, запрятались въ песокъ и норы. Кругомъ царствовала могильная пустота и, можно сказать, мертвенность, наводящая на душу тоску и уныніе.

Люди, видавшіе степи во время лѣтнихъ жаровъ и зимнихъ бураповъ (мятелей), поймутъ, что такое степи, и что такое значитъ побывать въ этихъ степяхъ. Людямъ же, которые не видали степей, я совѣтую—не безпокойтесь, господа, я совѣтую вамъ не худо, избави Богъ отъ такого грѣха, я совѣтую (нуждаетесь ли вы или нѣтъ въ совѣтахъ—все равно)—бѣжать степей. Кто бы вы ни были, простой ли путешественникъ, ученый ли естествоиспытатель, не трудитесь заглядывать въ киргизскую степь: тамъ вы не найдете ничего, достойнаго вашего любопытства, ничего такого, что можно было бы испытывать или изслѣдовать. Все, что есть въ степяхъ киргизскихъ, пересмотрѣно, переизслѣдовано, переиспытано. Природа степей киргизскихъ совершенно бѣдна и ничтожна, но зато ужъ и постоянна, и неизмѣнна. Зимой тамъ снѣга и лютые бураны—послѣдніе нисколько не лучше, кажется, удушливыхъ смертоносныхъ вѣтровъ, — лѣтомъ безводица, зной и духота, а во всѣ времена года—песокъ и

соль, соль и песокъ—вотъ и все, да вдобавокъ полынь-трава. Соль, однако жъ, преобладаетъ надъ всѣми дарами природы: въ землѣ соль, на землѣ соль, въ травѣ соль, въ водѣ соль, вездѣ соль, и въ воздухѣ чуть ли нѣтъ соли *). Короче сказать, степь киргизская самая жалкая, самая бѣдная страна на земномъ шарѣ, исключая, разумѣется, степей африканскихъ: тѣ, говорятъ, еще „гутѣе" азіатскихъ, то есть киргизскихъ. Въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, къ европейскому и азіатскому материку, окружающему киргизскую степь, послѣдняя, т. е. киргизская степь,не что иное, какъ лишай земной, какъ больное мѣсто, пораженное заразой. И этотъ лишай,

---

*) Говорить такъ, то есть предполагать о присутствіи соли въ воздухѣ, я имѣю нѣкоторое основаніе, хотя и не непогрѣшимое, но все-таки основаніе. Въ 1846 и 1847 гг. я служилъ въ уральскомъ укрѣпленіи, основанномъ въ киргизской степи, на р. Иргизѣ, близъ озера Аксакалъ-Барбы. Это будетъ, ежели не ошибаюсь, верстахъ въ шестистахъ отъ Оренбурга на юго-востокъ. Въ мое время проѣзжалъ чрезъ то укрѣпленіе одинъ ученый нѣмецъ, естествоиспытатель. Разъ я пришелъ къ нему въ кибитку и засталъ его за разными препаратами: онъ разлагалъ воду. Въ стклянкѣ съ водой, стоявшей передъ нимъ на столѣ, я увидѣлъ крупинки чего-то бѣловатаго. Это возбудило мое любопытство, и я осмѣлился спросить ученаго, что это значитъ?—я былъ тогда, говоря словами одного писателя, „молоденькимъ урядникомъ" и приходилъ къ ученому зачѣмъ-то отъ своего начальника. Ученый былъ столько добръ и снисходителенъ, что потрудился объяснить мнѣ. „Это—сказалъ онъ—соль". Я не сказалъ ничего, а сдѣлалъ только наклоненіе головы въ знакъ согласія и благодарности за объясненіе. „Ты удивляешься?" спросилъ меня нѣмецъ. „Нисколько, отвѣчалъ я: воду здѣшнюю я пью, и чувствую, что она дѣйствительно отзывается солью".—„Да, да, въ водѣ много соли", сказалъ ученый. „Да это еще ничего, прибавилъ онъ: а вотъ вчера я разлагалъ воздухъ—и въ немъ, милый мой, много соли". Правду ли говорилъ ученый нѣмецъ, что въ воздухѣ нашелъ онъ соль, и можетъ ли соль быть въ воздухѣ—не знаю. Впрочемъ, я вѣрю ученому; потому вѣрю, что наблюденія свои онъ дѣлалъ въ такихъ мѣстахъ, каковы мѣста, окружающія болотное озеро Аксакалъ-Барбы, гдѣ присутствіе соли—замѣчалъ и я—отзывается не только на вкусъ, но даже и на дыханіе. Обиліе соли въ степяхъ киргизскихъ дало поводъ одному изъ главныхъ начальниковъ, провожавшихъ въ походъ казаковъ, выразиться, между прочимъ, такъ: „Ребята! соли вамъ полагается по шести золотниковъ въ сутки; но я, въ уваженіе вашей службы, дозволилъ давать вамъ соли сколько хотите, безотчетно!..." Вотъ такъ одолженіе!

замѣтьте, не маленькій лишай: онъ начинается отъ границъ Персіи, идетъ на сѣверъ мимо Каспійскаго моря, обнявъ собою все Аральское море и часть текущихъ въ него рѣкъ Аму и Сыра, и оканчивается почти у предѣловъ Сибири! На этомъ земномъ лишаѣ—по сказанію ученыхъ, степи киргизскія не что иное, какъ дно изсякнувшаго во времена доисторическія моря—отъ сотворенія міра не было и теперь нѣтъ, исключая опытовъ, и, вѣроятно, до второго пришествія не будетъ осѣдлой жизни. Не вѣрьте разсказамъ, что въ степяхъ киргизскихъ можно строить города и селенія, заводить фабрики и плантаціи и т. п.; не вѣрьте, чтобы въ степяхъ киргизскихъ были благодатные и отрадные оазисы, доставляющіе путнику и тѣнь, и прохладу; не вѣрьте ничему этому: все это пустыя фразы, все это мечта, все это плоды фантазіи и увлеченія, все это хорошо на бумагѣ, въ кабинетѣ, но плохо на дѣлѣ въ степи. Кромѣ песковъ да соли, кромѣ горькой полыни да карагученя (родъ безлиственной, жидкой и чуть-чуть поднимающейся отъ земли травы), кромѣ лужъ съ грязной, большею частью соленой, наполненной разными гадами водой,—и то еще не всегда: въ лѣтніе жары и это высыхаетъ,—въ степяхъ киргизскихъ почти что ничего нѣтъ. Словомъ, киргизскія степи и тѣни не представляютъ собой тѣхъ средствъ и удобствъ, которыя необходимы и потребны для совершенно осѣдлаго населенія; на степяхъ киргизскихъ могутъ кое-какъ жить только одни киргизы, безпрестанно переходящіе съ мѣста на мѣсто. Киргизы весьма неприхотливы, какъ животныя, и мало чѣмъ отличаются отъ животныхъ, которыми владѣютъ.

Недавно одинъ близорукій господинъ—не русскій, надо замѣтить—осматривая устья одной изъ степныхъ рѣкъ, гдѣ предполагалось устроить что-то въ родѣ города, сказалъ, по возвращеніи изъ путешествія, что это просто эдемъ: что если бы батюшка царь пожаловалъ ему это мѣсто, онъ считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ. —Нельзя не подивиться, какъ иногда желанія человѣческія бываютъ умѣренны! —Господинъ этотъ, правда, говорилъ по убѣжде-

нію. Онъ, извольте знать, смотрѣлъ на свой новооткрытый „эдемъ“ издалека, съ возвышенности, и смотрѣлъ, вдобавокъ, сквозь лорнетъ—въ буквальномъ смыслѣ сквозь лорнетъ.— Долина, по которой текла рѣка, была покрыта сплошной массой камыша, и этотъ-то камышъ господину съ лорнетомъ показался издали зеленымъ бархатнымъ лугомъ. Но когда, годъ спустя, пришли въ этотъ „эдемъ“ для настоящаго дѣла, тогда всѣ, въ томъ числѣ и господинъ съ лорнетомъ, убѣдились, что „эдема“ на томъ мѣстѣ не существуетъ и... о, Аллахъ! никогда не существовало. Довелось этому господину съ годъ пробыть въ этомъ „эдемѣ“; говорятъ, крѣпко соскучился. Тогда только, говорятъ, господинъ съ лорнетомъ—онъ же и счастливѣйшій въ мірѣ человѣкъ, потому что ему было предоставлено право разстилаться по его „эдему“, сколько душѣ угодно,—понялъ, что не должно смотрѣть издалека, а тѣмъ паче сквозь лорнетъ на вещи, о которыхъ нужно высказать серьезное мнѣніе. Охъ, эти лорнеты да очки!—много портятъ они наше зрѣніе и часто вводятъ насъ въ заблужденіе.

Но, виноватъ, я, кажется, немного увлекся. Началъ я съ того, что лѣто стояло знойное и душное, солнце жгло, пекло и варило, степь киргизская выгорѣла и, безъ того мертвая, еще болѣе омертвѣла. Съ этого и буду продолжать мой разсказъ.

И вотъ, въ такую-то пору, по такой-то дикой степи, въ самые глухіе полудни ѣхалъ извѣстный намъ киргизъ Даукара и влачилъ за собой несчастнаго Василья Струняшева, влачилъ киргизъ русскаго, какъ осла или какъ звѣря на рынокъ въ Хиву для продажи. Подъ Даукарой лошадь была хорошая, изъ породы туркменскихъ аргамаковъ, а подъ Васей простая и еле-еле двигавшаяся кляча. Разумѣется, киргизъ посадилъ русскаго на негодную и дрянную клячу изъ видовъ осторожности, чтобъ плѣнникъ на хорошей лошади „не далъ отъ него тягу“. Опасенія киргиза, въ этомъ случаѣ, были, правду сказать, не напрасны: у Васи, съ тѣхъ поръ, какъ только выѣхали они изъ аула, зародилась и бро-

дила въ головѣ мысль овладѣть аргамакомъ своего тирана и ускакать, но не осуществлялась: киргизъ въ высшей степени былъ остороженъ, до варварства остороженъ, и этой-то варварскою осторожностью заставилъ Васю, противъ желанія и противъ, можно сказать, совѣсти, рѣшиться на отчаянный и ужасный поступокъ. На каждомъ привалѣ и ночлегѣ Даукара скручивалъ Васѣ руки назадъ арканомъ, вовсе не заботясь о томъ, каково было русскому отъ этой дьявольской осторожности. Случалось, иногда, останавливаться и ночевать близь какого-нибудь озерца или болота, обросшаго камышомъ. Комаровъ и другихъ несносныхъ гадинъ была тутъ тьма-тьмущая. На Струняшевѣ же, кромѣ яргачныхъ (кожаныхъ) и притомъ изорванныхъ шароваръ, да овчиннаго на головѣ малахая, рѣшительно ничего не было, ни одной нитки, ни одного лоскутка не было. Какую же онъ долженъ былъ терпѣть муку отъ нападенія насѣкомыхъ, имѣя притомъ руки связанными? Какъ онъ перенесъ эту муку и какъ не умеръ—одному только Богу извѣстно. И во время ѣзды Даукара не оставлялъ Васю въ покоѣ. Кляча, на которой ѣхалъ Струняшевъ, натурально, не могла поспѣвать за аргамакомъ киргиза. Даукара, подгоняя нагайкой клячу, не забывалъ и Васю: по лошади, какъ говорится, разъ, по сѣдоку два. Тѣло казака отъ солнца загорѣло, истрескалось, отъ комаровъ и мошекъ опухло, отъ нагайки посинѣло и побагровѣло. Конецъ приходитъ Васѣ; Вася остервенился. Онъ выжидалъ только удобной минуты, чтобъ отмстить своему злодѣю и избавиться отъ его тиранскаго и дьявольскаго обращенія. Минута эта наступила.

Однажды, въ самые полдни, Даукара остановился на отдыхъ въ лощинѣ, гдѣ были копани. Онъ съѣлъ нѣсколько крутипъ (родъ сухого сыра), напился изъ дорожнаго турсука (родъ кожанаго мѣшка) айряну (кислое, разбавленное водой молоко), спуталъ лошадей и пустилъ ихъ на траву, а самъ, утомясь ѣздой, легъ отдохнуть, скрутивъ по обыкновенію руки Васи арканомъ. Самъ онъ, какъ сказано, наѣлся и напился, а о бѣдномъ плѣнникѣ, также по

обыкновенію, не позаботился, предоставивъ ему или питаться воздухомъ, или сосать кожу шароваръ, къ чему Вася не разъ уже прибѣгалъ и прежде. Не снимая съ себя сабли, висѣвшей чрезъ плечо, осторожный Даукара подложилъ ее себѣ подъ бокъ; но осторожность, которую соблюдалъ онъ противъ плѣнника, на этотъ разъ измѣнила ему. Съ другого бока, на поясѣ, висѣлъ у Даукары небольшой ножъ; его-то киргизъ и забылъ припрятать. Черешокъ ножа, выглядывая изъ ноженъ, привлекъ къ себѣ вниманіе Васи. Вася не спускалъ глазъ съ этого, благодѣтельнаго для него и роковаго для киргиза, ножа: отъ этого ножа Вася ожидалъ себѣ или спасенія или ужъ смерти — все равно, лишь бы только избавиться страданій, превышавшихъ мѣру человѣческаго терпѣнія.

Затаивъ дыханіе, Вася не шевелился и наблюдалъ за Даукарой. Спустя нѣсколько минутъ, Даукара уснулъ и захрапѣлъ — чего только и ждалъ Струняшевъ. Онъ потянулся и попатужился: арканъ, которымъ связаны были выше локтей руки, немного порастянулся и ослабъ, кистямъ рукъ сдѣлалось посвободнѣе. Вася подползъ къ спящему киргизу, припалъ къ его кушаку, тихо и осторожно схватилъ зубами черешокъ ножа и потянулъ къ себѣ; ножъ держался въ ножнахъ наслабко и вскорѣ очутился въ зубахъ казака. Вася, не помня себя, быстро отшатнулся отъ киргиза — и чуть-было все дѣло этимъ не испортилъ, — опустилъ ножъ на землю и прикрылъ его собой. Но движеніе Васи не ускользнуло отъ чуткаго уха киргиза: онъ поднялъ голову и взглянулъ на казака. Вася ни живъ, ни мертвъ, растянулся на землѣ и притворился спящимъ. Ничего, вѣроятно, не подозрѣвая, Даукара ощупалъ только рукою саблю, прижалъ ее плотнѣе подъ мышкой, снова опустилъ голову на сѣдло, служившее ему изголовьемъ, и заснулъ.

Настала для Струняшева минута ужасная, минута великая, минута, которая должна была рѣшить: быть или не быть. Ножъ добытъ, оставалось только перерѣзать арканъ, связывавшій руки. Взявъ ножъ, Вася изогнулъ одну руку, какъ было возможно, не жалѣя при этой, можно сказать,

операціи ни костей, ни суставовъ, пропустилъ лезвее ножа между спиной и арканомъ и — одно напряженіе одно усиленное и ловкое движеніе — аркана какъ не бывало. Освободивъ отъ путъ руки, Вася вскочилъ на ноги и, не теряя ни мгновенія, бросился къ Даукару. Не успѣлъ, кажется, разбойникъ очнуться и открыть глазъ, какъ Вася перехватилъ ножомъ ему горло.

„Вотъ тебѣ, мошенникъ, за дѣла твои! Знай теперь нашихъ, мерзавецъ!“ вскричалъ Вася, внѣ себя отъ ярости, упершись колѣномъ въ грудь киргиза и нанося ему ножомъ удары по лицу и по чемъ ни попало.

Вскорѣ разбойникъ испустилъ духъ.

Отдѣлавшись отъ Даукары, Струняшевъ вздохнулъ свободнѣе.

„Наконецъ-то, слава Богу, теперь я на волѣ“, сказалъ самъ про себя Вася. Но, окинувъ вокругъ себя взглядомъ, Вася испугался: передъ нимъ со всѣхъ сторонъ открылась, какъ пропасть, или какъ море, широкая и безпредѣльная степь, грозившая ему неминуемой голодной смертью. „Что дѣлать и какъ быть? Куда ѣхать и какъ ѣхать?“ вотъ вопросы, которые представились его воображенію, роились въ его головѣ и путали мысли. Струняшевъ не былъ въ то время знакомъ со степью, не имѣлъ такой опытности и наблюдательности, какими одарены всѣ вообще киргизы. Киргизу каждый кустикъ, каждый бугорокъ, каждый каменекъ, выглядывающій гдѣ-либо изъ-подъ земли, каждое пятнышко на землѣ знакомы, какъ свои пять пальцевъ на рукѣ. По такимъ совершенно незамѣтнымъ и ничтожнымъ для европейца примѣтамъ киргизъ безпрепятственно пройдетъ или проѣдетъ степь изъ конца въ конецъ и напередъ вамъ разскажетъ, гдѣ есть колодцы, гдѣ есть трава и т. д. Впослѣдствіи, скитаясь по степи, Струняшевъ изучилъ ее не хуже киргиза, но въ эту минуту все-таки онъ былъ новичекъ. Мучимый во всю дорогу нападками Даукары, Вася не имѣлъ возможности даже примѣтить и тотъ путь, по которому ужъ проѣхалъ.

*

„Что дѣлать и какъ быть?“ спрашивалъ самъ себя Струняшевъ.

Отъ досады навернулись слезы на глазахъ казака. Въ эту минуту онъ даже сталъ раскаяваться, что убилъ Даукару.

„Ужъ лучше бы потерпѣлъ,—сказалъ Вася, всплеснувъ руками:—дотащился бы, глядишь, какъ-нибудь до Хивы. Тамъ, чай, не такое бъ было житье, какъ у этого разбойника. О, злодѣй, ты всему причиной!“ заключилъ Струняшевъ, толкая въ бѣшенствѣ ногою трупъ киргиза. Но, устыдясь самого себя, устыдясь своей безсильной и напрасной злобы, онъ отошелъ прочь и сѣлъ въ раздумьѣ на-земь.

Нѣкоторое время Вася провелъ въ бездѣйствіи, обдумывая свое положеніе и наконецъ рѣшился ѣхать, какъ говорится, на-удалую. Онъ осѣдлалъ аргамака, одѣлся въ платье Даукары, вооружился его саблей, привязалъ къ сѣдлу турсукъ съ айряномъ и сумку съ крутомъ, предварительно отвѣдавъ, однако жъ, того и другого, и пустился въ путь, машинально направляясь къ сѣверу.

Сначала Вася ѣхалъ рысью, чтобъ скорѣе удалиться отъ мѣста, гдѣ случилась съ нимъ непріятность: тѣнь Даукары, хотя тирана и мучителя, но все-таки человѣка, убитаго во время сна, являлась воображенію Васи, пугала и безпокоила его. Въ то время сердце молодого Струняшева не было такъ черство и такъ озлоблено, какимъ оно было у старика Струняшева. На это, конечно, были причины; но рѣчь объ этомъ впереди.

Вася ѣхалъ рысью, но аргамакъ, и безъ того уже изнуренный дальней и продолжительной ѣздой чрезъ мѣста пустынныя и безтравныя, началъ уставать. Вася принужденъ былъ ѣхать шагомъ. Все шло, однако жъ, благополучно: Вася никого не встрѣчалъ. День прошелъ, насталъ вечеръ; казакъ разсчитывалъ на отдыхъ. Но чистое наказанье: поднявшись изъ одной низменности на возвышенность, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ толпой вооруженныхъ киргизовъ, а невдалекѣ отъ нихъ увидѣлъ аулъ.

„Ну, братъ, попалъ изъ огня да въ полымя“, подумалъ Струняшевъ, не зная, что дѣлать.

Наконецъ онъ поворотилъ аргамака въ сторону и пустился-было скакать, но аргамакъ отъ усталости споткнулся и упалъ, упалъ и Вася. Въ минуту киргизы окружили казака и, принявъ его съ перваго раза за киргиза же, спросили:

— Какого рода?

Въ головѣ Васи мелькнула мысль назваться киргизомъ, но онъ не зналъ, къ какому роду принадлежали окружавшіе его киргизы. Онъ боялся впасть въ ошибку. Назови онъ, напримѣръ, себя киргизомъ рода таинскаго, а киргизы, спрашивавшіе его, принадлежи къ роду адайскому, тогда конецъ концовъ, тогда не сдобровать бы ему: безъ околичностей адайцы еслибъ не убили его, то избили бы до полусмерти и бросили въ степи на жертву голода, а это неутѣшительно. Притомъ еще Вася не совсѣмъ надѣялся на свой выговоръ: какъ онъ ни отлично говорилъ по-киргизски, но выговоръ могъ обличить его происхожденіе. Тутъ же вспомнилъ онъ что волосы на головѣ его не бриты. Все это заставило Васю бросить мысль мистифицировать киргизовъ, которые за одинъ только обманъ легко могли убить его. Онъ рѣшился сказать правду, но не всю, а только отчасти.

— Я не киргизъ, а русскій, — отвѣчалъ съ твердостью Струняшевъ, сжимая рукоять сабли.—Я ѣду своей дорогой, и не мѣшаю вамъ; вы поѣзжайте своей, и не мѣшайте мнѣ.

Услыхавъ такой смѣлый отвѣтъ, киргизы на минуту притихли, но потомъ пришли въ движеніе и засуетились. Они закричали Струняшеву, чтобъ онъ безъ дальнихъ словъ сдавался, но онъ отказался. Жизнью Вася не дорожилъ, смерти не боялся, но дорожилъ свободой, боялся неволи. Онъ рѣшился защищаться до послѣдней возможности, и обнажилъ саблю. Но киргизы не струсили. Еще бы имъ струсить! Ихъ было человѣкъ до двадцати противъ одного.

Вооруженные длинными пиками, чаканами и баканами

(въ родѣ дубинъ), киргизы смѣло стали напирать на казака и тѣснить его со всѣхъ сторонъ. Вася сколько ни махалъ саблей, какъ ни извивался и ни увертывался, но превосходство оставалось на сторонѣ киргизовъ, владѣвшихъ пиками. Наконецъ Вася ясно увидѣлъ, что сопротивленіе съ его стороны безполезно и даже безразсудно, что ему нѣтъ спасенія, что противники издали могутъ сшибить его копьями и оглушить баканами, тогда какъ онъ на волосъ не могъ имъ повредить. Что жъ оставалось дѣлать казаку? Не даромъ же пропадать ему: вѣдь онъ не муха, жалко потерять самого себя, что называется, ни за денежку. Сначала онъ хотя и погорячился и похрабрился, но потомъ разсудилъ вступить съ киргизами въ переговоры.

— Чего вы отъ меня хотите? — спросилъ онъ киргизовъ.

— Пока ничего, — отвѣчали тѣ: — брось только саблю да сдайся.

— А послѣ что?

— Ничего, будешь только нашъ.

— Да ты не бойся, — сказалъ одинъ изъ киргизовъ, повидимому, предводитель шайки: — мы тебя не тронемъ. Еслибъ мы хотѣли убить тебя, то давно бы подняли на пики.

Доводъ былъ ясный, нельзя было сомнѣваться въ истинѣ словъ киргиза. Съ минуту Струняшевъ колебался, но потомъ со слезами на глазахъ швырнулъ саблю отъ себя въ сторону, — первый въ жизни случай, что Струняшевъ сдался,— и скрестивъ на груди руки, сталъ какъ вкопанный. Киргизы послѣзли съ лошадей и обступили казака. Первымъ долгомъ они спросили его, кто онъ такой и какимъ образомъ очутился въ ихъ странахъ. Вася сплелъ сказку. Онъ скрылъ свое происхожденіе, назвавшись астраханскимъ рыбопромышленникомъ. Онъ сказалъ киргизамъ, что онъ рыбачилъ съ товарищами въ Каспійскомъ морѣ, что года два назадъ, туркменцы взяли ихъ въ плѣнъ, что все это время жилъ у туркменцевъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ хозяинъ повелъ

его въ Хиву продавать, но что съ дороги, завладѣвъ хозяйскимъ аргамакомъ, онъ бѣжалъ и ѣхалъ теперь къ русскимъ границамъ.

Киргизы повѣрили или только притворились, что вѣрятъ словамъ Струняшева, а впрочемъ, какое имъ дѣло до прежней жизни русскаго? Теперь онъ въ ихъ рукахъ, теперь онъ ихъ плѣнникъ, ихъ рабъ, ихъ собственность — чего еще имъ надо?

Киргизы, къ которымъ попалъ Вася, собирались на „баранту", то есть на наѣзды, на грабежъ. Много толковать имъ съ Васей было некогда, на минуту воротились они въ аулъ, откуда только что передъ тѣмъ выѣхали, сдали тамъ русскаго и снова пустились въ путь.

Вася остался въ аулѣ среди людей новыхъ и незнакомыхъ. Его, разумѣется, обобрали до нитки, вмѣсто шелковаго халата, снятаго имъ съ убитаго Даукары, ему дали рубище и горемычный Вася снова поступилъ въ разрядъ рабовъ.

„Такая ужъ, видно, доля моя несчастная! — подумалъ Струняшевъ, тяжело вздохнувъ: — ты отъ бѣды, а бѣда за тобой. Поди вотъ, что хошь тутъ дѣлай, хоть тресни, а судьба такъ и гнетъ меня..."

Киргизы, поѣхавшіе на баранту, вскорѣ возвратились назадъ безъ успѣха: имъ не удалось поживиться на-счетъ непріязненнаго имъ киргизскаго рода, до котораго они добирались. Чтобъ вознаградить себя сколько-нибудь за труды и хлопоты, понесенные въ безполезной и неудачной ѣздѣ, они обратили вниманіе на Струняшева, такъ легко имъ доставшагося. Но тутъ встрѣтилось немалое затрудненіе: какимъ образомъ прикажете раздѣлить одного невольника между двадцатью хозяевами? Невольникъ не баранъ, по кускамъ не разрѣжешь. Въ числѣ наѣздниковъ не было ни одного до такой степени зажиточнаго, который бы могъ, по оцѣнкѣ, выдѣлить за Васю каждому изъ своихъ товарищей часть добычи, причитающуюся на долю каждаго. Киргизы крѣпко затруднялись въ этомъ дѣлѣ, судили, ряди-

ли, жарко спорили, даже ссорились: каждый, изволите видѣть, считалъ себя имѣющимъ больше противъ другихъ права на обладаніе Струняшевымъ. Вася все это видѣлъ и подъ-часъ приходила ему въ голову ужасная мысль.

„Ну, что, если они, поганые нехристи, поссорятся и подерутся межъ собой да и вздумаютъ, избави Богъ, раздѣлить меня по-своему, какъ раздѣлили нѣкогда тополинскаго мальчика: дѣло выйдетъ дрянь... А вѣдь, чего добраго, отъ нихъ, мошенниковъ, все можетъ статься“, думалъ Вася, посматривая съ недовѣрчивостью на киргизовъ.

Вася имѣлъ основательную причину не довѣрять киргизамъ и опасаться ихъ дикой лютости. Года за два передъ тѣмъ киргизы взяли въ полонъ съ бакчей, близъ тополинской крѣпости, семилѣтняго казачьяго мальчика. Киргизовъ было трое. Каждый изъ нихъ хотѣлъ одинъ владѣть плѣнникомъ, и никто не думалъ уступить это право другому. Киргизы заспорили и дѣло приближалось къ дракѣ. Тогда одинъ, посмышленѣе или, вѣрнѣе, позлостнѣе другихъ, не говоря ни слова, выхватилъ изъ ноженъ саблю и разсѣкъ несчастному казаченку голову. Этимъ споръ злодѣевъ и кончился.

Но, къ счастью Васи, дѣло обошлось безъ дурныхъ послѣдствій; напротивъ, случилось то, чего онъ вовсе не ожидалъ. Въ то время, какъ у киргизовъ шелъ о немъ споръ, заѣхалъ въ аулъ путешественникъ, почетный киргизъ изъ рода ходжей *), человѣкъ старый и богатый, пользо-

*) Ходжи ведутъ свою родословную отъ Алія, зятя Мухаммеда. Насколько тутъ правды—не знаю, и разсуждать объ этомъ не могу. Знаю только, что у киргизовъ титулъ ходжи, между прочимъ, присвоивается и тому ордынцу, который сходитъ къ гробу пророка; мало того, даже потомки этого ордынца титулуютъ себя ходжами. Такъ, напримѣръ, я знавалъ нѣсколько семействъ киргизовъ, принадлежащихъ къ Букеевской ордѣ и кочующихъ лѣтней порой близъ Красноярскаго форпоста, на нижне-уральской линіи, которые и сами себя величаютъ ходжами, и отъ другихъ ордынцевъ чествуются этимъ званіемъ или титуломъ, но почему? потому, что предокъ ихъ, когда-то давно, свершилъ путешествіе въ Мекку и Медину. Вообще, знать грамотѣ—вотъ патентъ на титулъ ходжи. Тамъ же, то есть въ окрестностяхъ Красноярскаго форпоста, на за-ураль-

вавшійся въ ордѣ извѣстностью и славой разсудительнаго аксакала. Вотъ къ нему-то киргизы и обратились за рѣшеніемъ своего спора.

— А покажите-ка мнѣ русскаго, о которомъ спорите,— сказалъ ходжа.

Васю вывели на показъ, какъ выводятъ продажныхъ лошадей.

Старикъ-ходжа окинулъ Струняшева проницательнымъ взоромъ и подумалъ: „человѣкъ на видъ славный, молодецъ... не мѣшаетъ купить... авось прокъ будетъ...“

— А во сколько вы цѣнили его прежде? — спросилъ ходжа.

Отнынѣ старика я буду называть этимъ именемъ, то есть, именемъ ходжи.

— Во сто барановъ, — отвѣчали киргизы.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ ходжа: — этого русскаго я беру за себя: сто барановъ считайте за мной. Какъ только пріѣду въ свою кочевку — а она недалеко отсюда, всего дня два ѣзды — барановъ вамъ пришлю, да ужъ, такъ и быть, въ придачу жеребенка: съѣшьте его за мое здоровье.

Киргизы были этому рады, какъ нельзя больше.

ской сторонѣ есть киргизъ, именемъ Саспанъ, или, по-просту, Саспанка, ремесломъ дарханъ (кузнецъ, пожалуй, слесарь, что угодно), званіемъ простой киргизъ, кажется, Исыкова рода, но и его земляки частенько величаютъ: кувя, то есть ходжа, потому только, что онъ знаетъ грамотѣ, и, по мнѣнію киргизовъ, крѣпокъ и силенъ въ правилахъ вѣры; но изъ чего видно, что Саспанка крѣпокъ и силенъ въ правилахъ вѣры? А вотъ изъ чего. Онъ въ молодости своей жилъ между казаками, окрестился, былъ нѣкоторое время христіаниномъ, а потомъ, соскучась о кочевой жизни, ушелъ за Уралъ, къ киргизамъ, снова принялъ мухаммеданство; наконецъ, странствуя по Хивѣ и Бухарѣ и научась кое-какъ читать по-татарски, чрезъ нѣсколько лѣтъ явился между приличнейшими киргизами и сталъ проповѣдывать, что онъ произошелъ всѣ премудрости, что изучилъ всѣ вѣры, какія есть на бѣломъ свѣтѣ, но что лучше вѣры Мухаммедовой не нашелъ. Для киргизовъ довольно и этого, чтобъ почитать такого мудреца за ходжу. Сынъ Саспанки, знающій грамотѣ и занимающійся обученіемъ ей киргизятъ, чествуется пока по молодости муллой. Нѣтъ ничего мудренаго, что современемъ потомство Саспанки присвоитъ себѣ титулъ ходжей. Вотъ вамъ и родословная отъ Мухаммедова зятя.

— А ты, — сказалъ ходжа, обратясь къ Струняшеву:— отнынѣ мой слуга. Нѣтъ тебѣ, кромѣ меня, господина. Будетъ, впрочемъ, и госпожа, но ея здѣсь нѣтъ, а вотъ скоро мы пріѣдемъ къ ней. Ты служи только хорошенько, служи усердно и честно, а я ужъ тебя не оставлю, слышишь, русскій? Если законъ свой перемѣнишь, то высватаю тебѣ невѣсту изъ хорошаго рода и женю; если не хочешь перемѣнить свою вѣру, то, пожалуй, найду для тебя добрую плѣнницу, изъ русскихъ же. Но, уговоръ лучше денегъ, смотри ты у меня, не шали, не то худо будетъ. Если хорошо поведешь себя — не забуду, награжу; дурно — не погнѣвайся: бить велю. А если, сверхъ чаянія, вздумаешь бѣжать, то заранѣе скажи: „пропалъ“ — я этакихъ вещей не люблю. Не спрячешься отъ меня нигдѣ: въ воду скроешься — изъ воды вытащу, въ землю зароешься — изъ земли выкопаю и уничтожу. Слышишь? — заключилъ ходжа.

— Слышу,—отвѣчалъ Струняшевъ: — но...—присовокупилъ онъ, успѣвъ тѣмъ временемъ сообразить, что киргизъ, его новый властелинъ, не даромъ слыветъ въ ордѣ за человѣка умнаго и разсудительнаго, что, стало быть, подумалъ Вася, съ нимъ можно говорить прямо и откровенно: — но, — произнесъ Вася: — ты напрасно меня стращаешь: я себя до того не допущу, чтобы ты сердился на меня. За милости, которыя ты мнѣ сулишь — спасибо, но только ихъ мнѣ не нужно: невѣста у меня ужъ есть, осталась она дома на Яикѣ...

— Какъ на Яикѣ? — прервалъ ходжа. — Отъ нихъ — онъ указалъ на аульныхъ киргизовъ — я слышалъ, что ты русскій мужикъ, изъ Астрахани, а вѣдь Яикъ совсѣмъ иная статья: на Яикѣ, знаю, казаки живутъ.

Вася спохватился, что проговорился, и тотчасъ же поспѣшилъ поправиться.

— Я точно назывался астраханцемъ, но для чего — и самъ не знаю...

Вася говорилъ неправду: онъ съ намѣреніемъ скрылъ-

было свое казачье происхожденіе и назвался астраханцемъ, чтобы не встрѣтить въ киргизахъ какого-нибудь пріятеля, подобнаго злодѣю Кара-Кузькѣ. Осторожность въ положеніи казака нелишняя.

— Тебѣ же, — продолжалъ Вася: — скажу всю правду истинную; вижу, ты человѣкъ умный и разсудительный, зачѣмъ отъ тебя скрываться! Я не мужикъ, а яицкій казакъ. Взяли меня въ полонъ какіе-то киргизы съ сѣнокоса и перепродали къ туркменцамъ.

Тутъ Вася пересказалъ ходжѣ то же самое, что онъ сказалъ прежде того и киргизамъ. Пребываніе же свое въ аулѣ Даукары и имя этого киргиза Струняшевъ скрылъ по очень простой причинѣ: онъ боялся, чтобы поступокъ его съ Даукарой не сдѣлался впослѣдствіи гласнымъ; тогда бы ничто не спасло его отъ смерти, потому что и самъ ходжа принадлежалъ къ роду адайскому.

— Теперь, — продолжалъ Струняшевъ, — судьба отдала меня въ твою власть, и я даже радъ этому: ты, какъ разумный и добрый человѣкъ, ничего не видя, обѣщаешь мнѣ милость. Зато и буду служить тебѣ честно и усердно, буду радѣть твоему добру, какъ собственному, а о побѣгѣ и думать не смѣю — зачѣмъ? Отъ добра добра не ищутъ. Но за службу мою — а ты, знаю, останешься ей доволенъ— за службу мою ты, добрый человѣкъ, обѣщалъ бы мнѣ чрезъ сколько-нибудь годовъ отпустить меня на Русь: вотъ это было бы хорошо... и для тебя, и для меня; это бы и тебѣ пригодилось на томъ свѣтѣ; вѣдь я бы весь вѣкъ сталъ молить за тебя Богу. Что за нужда, что вѣры наши разны: за то Богъ одинъ. Да и послужилъ же бы я тебѣ, добрый человѣкъ, какъ отцу родному...

Наученный опытомъ, Вася сталъ, наконецъ, и льстить и хитрить.

„Что за бѣда, что за важность — думалъ онъ—немного и прихвастнуть: вѣкъ правдой не проживешь, особенно съ этимъ народомъ“.

Онъ намекалъ на киргизовъ.

— Ладно, ладно, — проговорилъ съ самодовольной улыбкой ходжа, которому видимо нравилась рѣчь казака, безпрестанно, почти на каждомъ словѣ, честившаго его и умнымъ, и разсудительнымъ, и добрымъ человѣкомъ: — посмотрю, какъ станешь служить: по службѣ и награда.

Вася насилу дышалъ отъ радости. „Слава Богу,—думалъ онъ: — счастье, кажется, начинаетъ оборачиваться ко мнѣ лицомъ“.

Чрезъ нѣсколько часовъ путешественникъ-ходжа уѣхалъ изъ аула съ толпой прислужниковъ. Въ числѣ послѣднихъ, разумѣется, былъ и Вася.

Киргизъ, купившій Струняшева, владѣлъ несмѣтными табунами коней и другого разнаго скота. Это не только дѣлало его независимымъ ни отъ кого, напротивъ, возвышало его передъ другими ордынцами. При такомъ богатствѣ онъ жилъ по-хански, чтобъ не сказать по-царски. Еслибъ въ немъ было побольше честолюбія да поменьше лѣни, онъ легко бы могъ сдѣлаться ханомъ какой-либо части орды. Но блаженный ходжа предпочиталъ всему на свѣтѣ лѣнь да покой; поэтому и оставался простымъ киргизомъ.

Баловень судьбы, хозяинъ Васи дозволялъ себѣ иногда нѣкоторыя отступленія отъ обычаевъ и правилъ своей братьи, киргизовъ. У него было семь женъ. Это, разумѣется, неудивительно, а очень обыкновенно: богатому мусульманину нельзя же жить съ одной — таковъ обычай, таковъ законъ. Но удивительно то, какъ по крайней мѣрѣ кажется мнѣ, что каждая изъ женъ жила особымъ домомъ, или, правильнѣе, ауломъ. Аулы почти всегда располагались не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ, отдѣльно одинъ отъ другого, иногда на довольно значительномъ разстояніи. По ауламъ скотъ былъ раздѣленъ. Каждая изъ женъ въ своемъ аулѣ была полной хозяйкой, госпожей; она самовластно распоряжалась и чадами, и домочадцами, и всѣмъ добромъ своего мужа. Самъ же хозяинъ, мужъ, по странности ли своего характера, или отъ чего другого—неизвѣстно и объяснить трудно — самъ же, говорю, ходжа ни во что почти не вмѣ-

нивался, нигдѣ не имѣлъ постояннаго пребыванія, а безпрестанно переѣзжалъ изъ аула въ аулъ, отъ одной жены къ другой; у одной прогоститъ, бывало, недѣлю, у другой двѣ, или больше, смотря по тому, какъ былъ расположенъ къ женѣ. Въ послѣднее, однако жъ, время, какъ сойтись ему съ Васей, онъ чаще всѣхъ посѣщалъ и дольше, чѣмъ у другихъ заживался въ аулѣ одной жены по очень простой и естественной причинѣ: эта счастливица была седьмая, стало быть, самая молодая жена, на которой онъ женился не такъ давно, года за два передъ тѣмъ.

Въ отсутствіе мужа прочія жены, натурально, скучали, и по необходимости должны были искать развлеченія въ бесѣдѣ знакомыхъ или прислужницъ, а подъ-часъ и прислужниковъ. Ходжа зналъ это, но, вопреки понятіямъ азіатцевъ, не ревновалъ: значитъ, всѣ были довольны, и мужъ, и жены.

Объѣхавъ всѣхъ старшихъ женъ, съ первой до шестой включительно, счастливецъ-ходжа возвращался къ младшей и случайно, какъ мы видѣли, столкнулся съ Струняшевымъ, имѣвшимъ счастіе понравиться ему, и купилъ его. Покупая безъ особой нужды русскаго, ходжа имѣлъ сначала въ виду одно: избавить киргизскихъ наѣздниковъ, своихъ однородцевъ, отъ хлопотъ при дѣлежѣ плѣнника и отъ ссоръ, которыя легко могли произойти между ними; плѣнника же хотѣлъ включить пока въ число простыхъ рабовъ и прислужниковъ впредь до особаго, какъ говорится, усмотрѣнія. Но когда, купивъ Струняшева, разговорился съ нимъ и увидѣлъ, что онъ уменъ, откровененъ, смѣлъ и сметливъ, ходжа весьма основательно разсудилъ, что этотъ русскій можетъ замѣнить по хозяйству у него отличнаго распорядителя и надсмотрщика за невольниками и работниками. Въ глазахъ киргиза русскій въ этомъ отношеніи имѣлъ передъ другими то преимущество, что, какъ уже русскій, слѣдовательно, не имѣющій въ ордѣ никакихъ связей, разумѣется, ни дружественныхъ, ни родственныхъ, не могъ обворовать его и притаивать лошадокъ, барашковъ

и т. п., въ чемъ ходжа не разъ уже замѣчалъ и обличалъ прикащиковъ и работниковъ изъ природныхъ ордынцевъ. Нужно было только поощрить русскаго, т. е. польстить и помануть его обѣщаніемъ отпустить современемъ на родину, и тогда въ усердіи русскаго не могло быть никакого сомнѣнія. Ходжа такъ и поступилъ.

Онъ и прежде много держалъ у себя плѣнниковъ изъ кызылбашей, и тѣхъ изъ нихъ, кто дѣйствительно служилъ ему вѣрно и усердно, не разъ впослѣдствіи надѣлялъ и отпускалъ во-свояси.

Таковъ былъ хозяинъ Струняшева, почти нисколько не походившій на своихъ одноплеменниковъ, и такъ рѣзко отличавшійся отъ нихъ состраданіемъ къ несчастнымъ невольникамъ. Ходжа въ этомъ отношеніи былъ выродокъ изъ своего племени. Счастье, конечно, казака. Но это счастье было вполовину того счастья, которое ожидало его въ аулѣ, куда велъ его хозяинъ. Въ другое время и при другихъ, конечно, обстоятельствахъ на счастье, о которомъ я намекаю, Струняшевъ не посмотрѣлъ бы, но въ тогдашнемъ его положеніи оно казалось ему чуть-чуть не небеснымъ даромъ. Объ этомъ, впрочемъ, скажемъ послѣ.

По пріѣздѣ въ свой аулъ, ходжа сказалъ Струняшеву:

— Вотъ здѣсь ты долженъ жить и смотрѣть за хозяйствомъ. Всѣ невольники и работники въ твоей власти: распоряжайся ими, какъ знаешь, какъ умѣешь и какъ найдешь лучшимъ и удобнымъ, только бы все шло хорошо, толкомъ и порядкомъ, а на это тебя, знаю, достанетъ. Такой чести и такого довѣрія я никогда никому не давалъ сразу, какъ даю тебѣ — помни это и не забывай. Самъ же ты долженъ слушаться только меня, а когда меня здѣсь не будетъ—жены моей, а своей хозяйки: послѣ меня она старшая надъ тобой, она госпожа твоя. У меня такой ужъ порядокъ.

Затѣмъ ходжа не преминулъ высказать Васѣ въ длинныхъ и поучительныхъ словахъ наставленіе, какъ вести себя. Разумѣется, рѣчь киргиза клонилась къ тому, чтобы

Струняшевъ служилъ ему вѣрой-правдой и не покушался бы къ побѣгу. Но побѣгъ, если бы даже и не предупреждалъ ходжа, на самомъ дѣлѣ былъ совершенно невозможенъ, такъ какъ кочевки киргизовъ, куда судьба закинула русскаго, находились слишкомъ далеко отъ р. Яика, именно въ степяхъ, прилегающихъ къ нижнимъ предѣламъ Аральскаго моря, почти что близъ самой Хивы. За исправность хозяинъ сулилъ Струняшеву и милость, и награду; въ противномъ случаѣ, грозилъ наказаніемъ и даже смертью. Тонъ и смыслъ рѣчей ходжи по этому поводу мы уже слышали изъ вышеприведеннаго перваго разговора его съ Струняшевымъ. Отвѣты казака были точно такіе же, какъ и первые. Все это водворило между хозяиномъ и невольникомъ полное согласіе, они разстались довольные другъ другомъ. Наговорившись, такъ сказать, до-сыта и изливъ все свое краснорѣчіе въ поученіи и наставленіяхъ плѣннику, старикъ-ходжа, отпуская его, ласково примолвилъ:

— Теперь ступай въ кибитку, которую я тебѣ назначилъ, отдохни отъ дороги и отъ изнуренія, потомъ осмотри табуны, познакомься и съ людьми, и съ мѣстностью, да съ Богомъ и за дѣло.

XVIII.

Мѣсяца черезъ два послѣ описанныхъ сценъ и приключеній нельзя было узнать Васю: онъ такъ перемѣнился, и перемѣнился къ лучшему. Опухоль, синяки, царапины, покрывавшіе его измученное тѣло, сошли, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Блѣдное, изнуренное, исхудалое лицо его пополнѣло, расцвѣло и покрылось прежнимъ природнымъ румянцемъ. Струняшеву было тогда около двадцати пяти лѣтъ. Въ глазахъ его появился прежній огонь бодрости, отваги и мужества, но не веселой, какъ прежде, безпечности, а ужъ болѣе серьезной, подъ-часъ угрюмой заботливости. Какъ ни хорошо было житье въ киргизскомъ

аулѣ, но по временамъ, и довольно-таки часто, мысли Васи стремились на родной Яикъ, въ кругъ дорогихъ и милыхъ семейныхъ, и это заставляло его призадумываться.

Вмѣсто прежняго рубища и лохмотьевъ, Струняшевъ ходилъ въ полушелковомъ хивинскомъ халатѣ, въ бѣлой миткалевой рубахѣ, въ мягкихъ, широкихъ козловыхъ шароварахъ; на головѣ носилъ бѣлый остроконечный колпакъ, а на ногахъ новые изъ болгары (юфты) сапоги. Волосы на головѣ Струняшевъ обрилъ, отчасти изъ подражанія киргизамъ, отчасти изъ необходимости, чтобы соблюсти чистоту и опрятность и по возможности предохранить себя отъ нѣкотораго рода насѣкомыхъ, которыя, такъ сказать, ѣдомъ поѣдаютъ все нечистоплотное киргизское племя. Въ хорошей и сытной пищѣ Струняшевъ не только не нуждался, но даже имѣлъ излишекъ. Кибитка его уставлена была турсуками съ кумысомъ и молокомъ, а стѣнки и верхъ кибитки увѣшаны были разнаго рода и въ разныхъ видахъ приготовленнымъ мясомъ. Изобиліе пищи распространялось и на другихъ, окружающихъ его бѣдныхъ работниковъ и особенно плѣнниковъ: всѣ они были сыты и всѣ благодарили и благословляли Струняшева.

Въ числѣ невольниковъ были два-три кызылбаша, да одинъ русскій. Послѣдній въ самомъ малолѣтствѣ, быть можетъ, лѣтъ семи или восьми, взятъ въ полонъ киргизами гдѣ-то съ оренбургской линіи, и уже лѣтъ сорокъ проживалъ въ степи, скитаясь по ордѣ и переходя съ мѣста на мѣсто, изъ рукъ въ руки, отъ одного хозяина къ другому, наконецъ, былъ купленъ ходжей и у него поселился навсегда. Этотъ русскій—имя ему Ѳедоръ — совершенно почти забылъ и языкъ, и вѣру, забылъ даже отца и мать, забылъ селеніе, гдѣ родился; обо всемъ этомъ осталось у него какое-то смутное воспоминаніе. Удержалъ онъ въ памяти только одно свое христіанское имя, и потому удержалъ, что киргизы звали его именемъ—они обыкновенно величали его: Чодыръ. Живя съ самаго дѣтства въ ордѣ и усвоивъ всѣ привычки и обычаи киргизовъ, Ѳедоръ противъ

воли обасурманился и впослѣдствіи женился на киргизкѣ: несчастный сдѣлался совершеннымъ киргизомъ и доживалъ свой вѣкъ въ ордѣ.

Вотъ на этого-то невольника Струняшевъ обратилъ вниманіе, напомнилъ ему вѣру отцовъ и научилъ нѣкоторымъ молитвамъ. Въ Ѳедорѣ пробудилось что-то похожее на совѣсть, на чувство сознанія своего происхожденія, на любовь къ родной вѣрѣ и къ родному языку. Струняшевъ пристально занялся перевоспитываніемъ, если позволятъ мнѣ такъ выразиться, Ѳедора. Вскорѣ Ѳедоръ сталъ довольно легко объясняться съ Струняшевымъ по-русски, только съ произношеніемъ не могъ справиться; такъ, напримѣръ, святое имя: Христосъ, онъ не иначе выговаривалъ, какъ Крыстосъ, и т. п. Струняшевъ нашелъ въ Ѳедорѣ товарища и собесѣдника, съ которымъ могъ подѣлиться горемъ и, въ случаѣ нужды, посовѣтоваться на-счетъ чего-либо, до хозяйства и до обычаевъ киргизовъ касающагося; сначала всего этого Струняшевъ не зналъ въ совершенствѣ, а Ѳедоръ былъ, какъ уже сказано, чистымъ киргизомъ. Къ сожалѣнію, онъ такъ киргизомъ и остался. Но это, впрочемъ, дѣло постороннее. Натурально, между Струняшевымъ и Ѳедоромъ завязалась дружба и воцарилось полное согласіе и братское единодушіе.

Хотя Струняшевъ и далъ слово хозяину не бѣгать, и хотя слово свое, по обыкновенію, рѣшился держать свято до поры до времени, но за всѣмъ тѣмъ, естественно, у него рождалась иногда мысль, воспользовавшись довѣріемъ ходжи, выбрать изъ косяка лучшаго коня-другого, да и бѣжать во-свояси.

Однажды, бесѣдуя съ Ѳедоромъ, Струняшевъ слегка намекнулъ ему о возможности побѣга, желая знать его мысли и надѣясь вызвать и самого его на этотъ подвигъ. Ѳедоръ хорошо понялъ намекъ Струняшева, призадумался, покачалъ уныло головой и сказалъ:

— Тебѣ, Василій Иванычъ, можно, но мнѣ никакъ нельзя... Посмотри-ка, сколько у меня ребятишекъ. Хоть

они и басурманы, но все-таки мои дѣти, я крѣпко люблю ихъ и никогда не могу покинуть; нѣтъ силъ оторваться отъ нихъ—вѣдь дѣти они! Что станешь дѣлать? Ужъ вѣрно судьбой такъ мнѣ назначено. Пусть будетъ, что будетъ, а я останусь здѣсь и здѣсь кончу мою горемычную жизнь. Поздно мнѣ возвращаться на Русь святую: отъ нея и отъ всего русскаго я, какъ самъ видишь, отсталъ; снова нужно привыкать, а куда я теперь гожусь на старости лѣтъ? Да будетъ святая воля Господа Бога!

Ѳедоръ тяжело вздохнулъ и прослезился, потомъ продолжалъ:

— Но тебѣ, Василій Иванычъ, совѣтую бѣжать, отъ души, отъ всего моего сердца совѣтую; стану помогать тебѣ въ этомъ дѣлѣ по силѣ-возможности; только теперича ничего не подѣлаешь: хоть тресни, никакъ нельзя бѣжать,—замѣтилъ Ѳедоръ.—Разсуди, гдѣ мы теперь находимся: мы вѣдь почитай-что около самой Хивы. Какимъ маперомъ перебершься черезъ степь, по мѣстамъ безводнымъ и, еще хуже, для тебя незнакомымъ? На это нужны, братецъ ты мой, крылья. Какъ ни шатай, ни валяй, а опять не минуешь поганыхъ киргизскихъ рукъ. Лучше ужъ, по моему, оставаться на мѣстѣ, ознакомиться, сколько возможно, со степью, да и выждать удобной поры: тогда дѣло-то выйдетъ надежнѣе; а пускаться такъ, на вѣтеръ, зря, не годится; самъ посуди; зачѣмъ безъ нужды лѣзть въ петлю? Теперь,—говорилъ Ѳедоръ послѣ минутнаго молчанія,—мы вотъ кочуемъ здѣсь—Ѳедоръ ударилъ кулакомъ объ землю,—а послѣ, глядишь, будемъ кочевать вонъ тамъ—Ѳедоръ показалъ рукой на сѣверо-западъ.—Въ тѣхъ мѣстахъ я бывалъ; тамъ есть озера и рѣчки съ прѣсной водой; рѣчки тѣ, говорятъ, подходятъ близко къ Яику; изъ нихъ есть и такія, я слыхалъ, которыя и текутъ даже въ вашъ Яикъ: вотъ оттуда-то, изъ тѣхъ-то краевъ, легко можно выдраться въ Россію. Время еще не опоздано,—прибавилъ Ѳедоръ, замѣтивъ печальное выраженіе въ лицѣ Струняшева:—время впереди много. Поживи-ка съ нами пока, Василій Иванычъ, ты вѣдь у насъ

словно красное солнышко: тобой мы сыты и сохранны, тобой мы и дышимъ, и живемъ. Вотъ кызылбаши, на что ужъ басурманы, а и тѣ говорятъ: „дай Богъ здоровья русскому: при немъ житье-то наше лучше стало". Тебя же— въ добрый часъ сказать, въ худой умолчать—и хозяинъ любитъ, да и хозяйка тоже... Мудренаго ничего нѣтъ, что ходжа и по доброй волѣ отпуститъ тебя отъ себя; онъ это дѣлывалъ и прежде не одинъ разъ съ плѣнниками. Да, да, Василій Иванычъ,—заключилъ Ѳедоръ, пожимая руку Струняшева:—поживи-ка еще съ нами. Впереди время еще много, а у Бога милостей еще больше.

— Да вѣдь я такъ только говорю насчетъ этого,—сказалъ Струняшевъ:—бѣжать же на самомъ дѣлѣ теперь я вовсе не думаю: самъ вижу, что нелегко, почитай невозможно выдраться отсюда на Русь родную.

Струняшевъ говорилъ правду. Онъ, дѣйствительно, въ то время,—разговоръ его съ Ѳедоромъ происходилъ въ первые мѣсяцы пребыванія въ аулѣ,—не думалъ серьезно о побѣгѣ. Онъ ясно видѣлъ невозможность побѣга; притомъ еще онъ питалъ надежду, хотя и слабую, но все-таки надежду, что рано ли, поздно ли ходжа исполнитъ свое обѣщаніе, то есть добровольно отпуститъ его изъ неволи. Кромѣ, однако жъ, всего этого, была еще одна статья, которая удерживала Струняшева въ ордѣ. О ней послѣ.

„Если хозяинъ не сдержитъ своего слова,—думалъ иногда Струняшевъ,—то и я не обязанъ держать свое. Поживу годъ, другой, осмотрюсь и познакомлюсь со степью, да ужъ, если на то пойдетъ, махну, куда Богъ ни вынесетъ: не вѣкъ же, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ здѣсь вѣковать. А теперь пока поживу. Оно же, кстати, тово... привольно, хорошо, чудесно, тепло..."

Такъ обыкновенно заключалъ Струняшевъ свою думу, и всегда притомъ являлась на устахъ его самодовольная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и грустная улыбка.

Струняшевъ, мы видимъ, живетъ привольно, хорошо— спору нѣтъ; но все-таки онъ рабъ, все-таки онъ подчиненъ произволу другого. Такая жизнь, какъ бы ни была при-

вольна, не могла нравиться русскому, особенно казаку, оторванному отъ родины, разлученному съ родной семьей и еще, вдобавокъ, съ невѣстой; не могла, по крайней мѣрѣ, нравиться до такой степени, чтобъ самъ плѣнникъ отзывался о ней съ отличной стороны; а между тѣмъ, мы видимъ, онъ говорилъ такъ. Какая же причина этого? Полушелковые халаты, миткалевыя рубахи, да болгаринные сапоги, которые онъ носилъ на себѣ, мясо, кумысъ да молоко, которыми онъ питался, во всякомъ случаѣ, не могли привязать его къ образу и ко всей грязной обстановкѣ киргизской жизни; натурально онъ не могъ киргизскую одежду и пищу считать за верхъ роскоши и удовольствія: на Яикѣ, благодареніе Богу, онъ носилъ одежду шелковую, бархатную, сапоги сафьянные, а ѣлъ и пилъ кушанья и питья изысканнѣе, чѣмъ въ киргизскомъ аулѣ; по всему этому, слѣдовательно, онъ не могъ бы отзываться о своемъ житьѣ-бытьѣ такъ, какъ отзывался, то есть не кстати бы, кажись, говорить о немъ: „чудесно... тепло“ и т. д. Между тѣмъ, онъ это говорилъ, и говорилъ самъ про себя: стало быть, въ словахъ его была правда, то есть, говоря иначе, житье Струняшева въ киргизскомъ аулѣ, на самомъ дѣлѣ, было достойно того, чтобъ можно было сказать о немъ: чудесно... тепло... Вѣроятно, такъ. Но какая причина тутъ кроется? вотъ вопросъ. Очень простая и очень естественная. Ни одежда, ни пища, ни независимость въ нѣкоторой степени житья, ни надежды на выходъ впослѣдствіи на родину,—ни все это вмѣстѣ нисколько не привязывало Струняшева къ киргизскому аулу, но привязывали, приковывали удалаго казака черные глазки да жаркія ласки молодой хозяйки... Вотъ оно въ чемъ дѣло-то.

— Какъ? что такое? откуда вдругъ взялись глазки да ласки молодой хозяйки, когда о ней самой доселѣ не было сказано ни одного словечка? Откуда все это явилось такъ скоро, такъ нечаянно и такъ неожиданно? Зачѣмъ все это явилось не съ проста, не съ разу, а явилось такъ, какъ по-

добныя вещи являются только въ сказкахъ, да въ чувствительныхъ романахъ?

Вотъ такіе-то и подобные имъ вопросы я мысленно въ эту минуту слышу отъ читателей—если только, говоря словами одного знаменитаго нашего писателя-поэта, Господь пошлетъ мнѣ читателей—и вижу даже на лицахъ нѣкоторыхъ удивленіе и недоумѣніе. Гм!... Откуда все это взялось, спрашиваете? Да оттуда же, откуда обыкновенно являются подобныя вещи. Но, можетъ быть, я заговорилъ объ этомъ не во время или то же, можетъ быть, заговорилъ нескладно—въ этомъ моя вина, не взыщите: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Дѣло только въ томъ, что не должно удивляться, если Струняшевъ такъ скоро и такъ неожиданно изъ тиранскихъ рукъ дикихъ киргизовъ попалъ прямо въ объятія степной красавицы-киргизки. Впрочемъ, я и самъ, какъ въ первый разъ передавали мнѣ любовное приключеніе Струняшева, немного удивился; но когда пояснили дѣло, тотчасъ смекнулъ, что оно очень просто и натурально. Струняшеву не нужно было ни ухаживать, ни заискивать расположенія хозяйки, ничего подобнаго не нужно было, достаточно было только одной встрѣчи: такъ-таки одной встрѣчи—она и рѣшила судьбу казака. Маленькое терпѣніе, читатели, и я сію минуту разскажу.

Спустя недѣли-двѣ послѣ того, какъ Струняшевъ поселился въ аулѣ ходжи, послѣдній осматривалъ конскіе табуны при колодцахъ, гдѣ поили коней. Съ хозяиномъ была и хозяйка. Хозяинъ, любуясь своимъ богатствомъ, разъѣзжалъ отъ косяка къ косяку, отъ колодца къ колодцу. Струняшевъ всюду слѣдовалъ за нимъ, выслушивалъ и запоминалъ его замѣчанія и наставленія, наблюдалъ, что хозяину нравилось и что нѣтъ. Занятый своимъ дѣломъ, Струняшевъ мало смотрѣлъ по сторонамъ. Онъ только разъ, и то вскользь, взглянулъ на хозяйку, окруженную толпой прислужницъ: не до нея ему было. Съ своей стороны, и хозяйка не обратила

особаго вниманія на новаго невольника: они ей были не въ диковину.

Но вотъ молодая хозяйка, обратясь къ прислужницамъ, спросила воды. На этотъ разъ случился тутъ близко Струняшевъ: какъ не услужить своей госпожѣ? Струняшевъ живо схватилъ сабу (родъ лейки, состоящей изъ кожанаго мѣшка, привязаннаго къ палкѣ), зачерпнулъ изъ колодца воды, налилъ въ чашку, поданную одной изъ прислужницъ, и поднесъ хозяйкѣ. Та равнодушно взяла чашку и поднесла къ губамъ; но въ эту самую минуту глаза ея встрѣтились съ глазами казака. Струняшевъ, опершись на черенъ сабы, пристально, почти не мигая, смотрѣлъ на киргизку, киргизка также пристально посмотрѣла на казака. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Наконецъ руки хозяйки затряслись, вода въ чашкѣ заколыхалась и полилась ей на платье. Тихимъ, едва слышнымъ и дрожащимъ голосомъ киргизка сказала:

— Вася!..

— Алтына!..—отозвался казакъ, судорожно сжимая въ рукахъ черенъ сабы и налегая на него изъ всѣхъ силъ, какъ бы желая тѣмъ подавить звукъ, вылетѣвшій изъ устъ его, чтобы звука его не слыхали другіе.

Вотъ когда, вотъ гдѣ и вотъ при какихъ обстоятельствахъ встрѣтились давнишніе любовники. Думалъ ли когда Струняшевъ, что онъ снова сойдется съ Алтыной? Конечно, не мечталъ и не воображалъ. Въ три года онъ, вѣроятно, забылъ о существованіи этой дѣвушки; она даже и во снѣ ему не снилась. А теперь? Извѣстно что: вѣдь сердце у казака не камень; оно проснулось и расшевелилось. Струняшевъ не устоялъ противъ искушеній и судьба его рѣшена и подписана: онъ отдался Алтынѣ...

Впрочемъ, въ тогдашнемъ крайне-стѣснительномъ его положеніи, поступокъ его, кажется, былъ не только извинителенъ, но даже необходимъ: любящая женщина могла сдѣлать все къ его освобожденію. На это, между прочимъ, разсчитывалъ и самъ Струняшевъ, хотя, какъ увидимъ дальше, и ошибся.

Въ первые дни, послѣдовавшіе за вышеприведенной у колодца сценой, Струняшевъ, упоенный ласками Алтыны, ни о чемъ не думалъ; онъ жилъ только настоящимъ, а въ будущее не заглядывалъ. Струняшевъ видѣлся съ Алтыной рѣдко и то по ночамъ, украдкой, гдѣ-нибудь за ауломъ: старикъ-ходжа жилъ дома. Такія урывчатыя и тревожныя свиданія, напоминавшія жизнь въ красноярскомъ форпостѣ, нравились, однако-жъ, Струняшеву, поджигали его еще больше и поддерживали въ немъ энергію.

Но вотъ старикъ-ходжа, по обыкновенію, оставилъ аулъ и поѣхалъ навѣстить другихъ женъ. Струняшевъ и Алтына остались одни, на свободѣ. Что можетъ быть лучше?..

Прошелъ цѣлый годъ привольной, но все-таки невольнической для Струняшева жизни. Любовь казака къ киргизкѣ стала мало-по-малу остывать—таковъ порядокъ вещей.

Тѣмъ временемъ прихотливому и сластолюбивому старику-ходжѣ вздумалось жениться на восьмой женѣ; мало, должно быть, стало ему семи женъ. Онъ сосваталъ или, правильнѣе, купилъ въ сосѣдственномъ аулѣ молоденькую дѣвушку. Узнавъ объ этомъ, Алтына притворилась обиженной и ревнивой женой; но въ душѣ сильно радовалась прихоти старика: это избавляло ее отъ присутствія мужа, давало полную свободу наслаждаться любовью казака—какъ не радоваться? Ходжа щурился, самодовольно улыбался, слегка поплевывалъ и гладилъ свою сѣдую бороду, когда жена приступала къ нему съ притворными укорами. Наконецъ ходжа женился, основалъ восьмой аулъ и почти безвыходно въ немъ поселился, чего отъ души желала Алтына.

Между тѣмъ, время шло да шло. По мѣрѣ того, какъ любовь казака болѣе и болѣе охлаждалась, любовь къ нему киргизки болѣе и болѣе усиливалась; часъ-отъ-часу Алтына привязывалась къ Струняшеву, и, наконецъ, ласки ея, по натуральному ходу вещей, надоѣли ему до-нельзя и сдѣлались приторными. Пора увлеченій для Струняшева прошла; въ немъ пробудились чувства болѣе возвышенныя, болѣе достойныя его образа мыслей. Онъ вспомнилъ, наконецъ, о ро-

дипѣ, вспомнилъ о братѣ и теткѣ, вспомнилъ о невѣстѣ своей, о милой и прекрасной Дашѣ—и сердце его стосковалось и жизнь въ ордѣ опротивѣла. Онъ рѣшился, во что бы ни стало, сбросить съ себя оковы постылой и грѣшной любви и бѣжать на родину. Но какъ это сдѣлать? Ревнивая киргизка не спускала глазъ съ казака и слѣдила за всѣми его поступками. Она ни за что на свѣтѣ не хотѣла разстаться съ казакомъ; она, какъ русалка, держала его въ своихъ цѣпяхъ и поклялась не отпускать его отъ себя. Не знай она, что у Струняшева на родинѣ есть невѣста,—она объ этомъ слышала отъ мужа, да и самъ Струняшевъ сначала не скрылъ отъ нея этого,—она бы сама съ нимъ убѣжала на Яикъ. Но она хорошо понимала, что Струняшевъ въ ней мало нуждается, и потому, даже отчасти на зло любовнику, рѣшилась удержать его при себѣ, и чѣмъ дольше, тѣмъ лучше.

— Уморю и тебя и себя,—сказала однажды ревнивая и озлобленная киргизка,—а ужъ ни за что не разстанусь съ тобой! Въ крайности, откроюсь мужу, разскажу ему все и пускай тогда одна петля задушитъ насъ съ тобой...

Дѣло было плохо. Струняшевъ видѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ молодой и неопытной дѣвушкой, а ужъ съ взрослой и полной энергіи и рѣшительности женщиной. По необходимости Струняшевъ сдѣлался осторожнымъ и, тоскуя о родинѣ, въ тайнѣ обдумывалъ планъ къ своей свободѣ.

Между тѣмъ, еще разъ повторю, время шло, да шло своей чередой, и—шутка ли сказать!—десять лѣтъ скитальческой и невольнической жизни канули для Струняшева въ вѣчность.

Старикъ-ходжа не сдержалъ своего обѣщанія: онъ умеръ, и Струняшевъ остался въ полномъ и безусловномъ распоряженіи своей полудикой любовницы, не знавшей мѣры ни въ любви, ни въ мести. Пропадалъ, изнывалъ и погибалъ несчастный казакъ въ ордѣ проклятой, басурманской.

XIX.

Однажды, лѣтней порой, предъ закатомъ солнца, прислонясь спиной къ кибиточной стѣнкѣ, сидѣлъ Василій Иванычъ Струняшевъ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ заходило солнце, а оно заходило именно въ той сторонѣ, гдѣ текъ его родной Яикъ. Въ головѣ Струняшева роились однѣ и тѣ же мысли: какъ бы вырваться изъ орды поганой на Русь святую.

— О чемъ ты призадумался, другъ любезный?—сказалъ подошедшій къ нему пріятель его Ѳедоръ.

— О чемъ? знаешь, о чемъ!—проговорилъ печальнымъ голосомъ Струняшевъ:—дума у меня одна: какъ бы только удрать отсюда. Опостылѣлъ мнѣ бѣлый свѣтъ, не смотрѣлъ бы ни на что.

— А какъ же думаешь ты насчетъ этой оказіи?—спросилъ Ѳедоръ, садясь на полъ около Струняшева и кладя руку на плечо его.

— Думаю, дружище, выбрать изъ косяка пару отличнѣйшихъ лошадей, на одну сѣсть, другую въ поводъ взять да и катнуть съ Богомъ. По моимъ домекамъ, мы теперь противъ средины нашей (уральской) линіи, а линія отъ насъ, знаешь, на западъ; но я туда не поѣду, а буду держать на сѣверъ или сѣверо-западъ: первый путь долженъ быть безводенъ, а послѣдній, то есть на сѣверъ или сѣверо-западъ, удобенъ. Нѣсколько сотъ верстъ проѣду прямо вверхъ, тутъ же кое-какія и рѣчки есть, онѣ важны хоть не водой, а по крайней мѣрѣ тѣмъ, что около нихъ я найду хоть малую-толику для лошадей корму. Послѣ сверну налѣво, а тамъ и Яикъ недалеко: авось Господь Богъ поможетъ выдраться. Если жъ не удастся, то, разумѣется, умру гдѣ-нибудь—все равно, тужить не о чемъ; лучше ужъ умереть, чѣмъ здѣсь томиться: сердце мое не терпитъ, такъ и тянетъ на родимую сторону. Вотъ объ этомъ-то я и думаю и денно, и нощно,—заключилъ Струняшевъ.

Ѳедоръ выслушалъ, подумалъ, покачалъ головой и сказалъ:

— Путь, о которомъ ты, Василій Иванычъ, разсказываешь, точно не дуренъ: по немъ кое-какъ, съ нуждой пополамъ, выѣхать можно; но на чемъ выѣхать—вотъ задача, и задача не маловажная. Такихъ надежныхъ и рѣзвыхъ лошадей, которыя могли бы вынести безводицу и безкормицу—а это непремѣнно встрѣтится: чѣмъ другимъ, а этимъ добромъ степь-матушка богата—въ нашихъ табунахъ не отыщется. Правда, есть хорошія лошади, но ихъ вѣдь много, а это-то и неладно. Ты, примѣромъ сказать, уѣдешь на двухъ, а за тобой пошлютъ погоню на двадцати такихъ лошадяхъ, а изъ этихъ двадцати, глядишь, двѣ-три лошади окажутся рѣзвѣе твоихъ: что тогда станешь дѣлать? куда дѣнешься? Что ни толкуй, не уйдешь, не ускачешь. Для того, чтобъ по-добру, по-здорову ускакать, нужно самыхъ отличныхъ лошадей, первый сортъ лошадей, такихъ лошадей, равныхъ которымъ не нашлось бы въ нашемъ аулѣ, а гдѣ ихъ взять, спрошу тебя? Еще вотъ что имѣй въ виду,—продолжалъ Ѳедоръ:—бѣжать изъ аула нужно, конечно, ночью; а какъ ты возьмешь ночью лошадей изъ табуна, а? Ты, видно, мало замѣчаешь, что вокругъ тебя творится, а я вотъ со стороны-то много кое-чего вижу и смекаю. Какъ это тебѣ покажется, а? Въ послѣднее время прекрасная наша хозяюшка...—Ѳедоръ улыбнулся; онъ, да и весь аулъ, зналъ о связи Струняшева съ хозяйкой,—изъ рукъ вонъ сдѣлалась подозрительной, ни на что не похоже, видо вчуже досада беретъ. Она съ тебя, соколика, глазъ не спускаетъ, строго за тобой наблюдаетъ. Напримѣръ, ночью въ своей кибиткѣ лишь только кашляпешь ты или поворотишься съ боку на бокъ — она ужъ слышитъ и слѣдитъ за каждымъ твоимъ шагомъ. У нея всѣ, почитай, люди здѣсь подкуплены да задарены, всѣ за тобой присматриваютъ и день, и ночь, и косяшники на ея сторонѣ, она вѣдь госпожа. Вотъ, видишь, какая скверная штука!

— Да, чортъ возьми, скверная штука! — сказалъ съ досадой Струняшевъ.

— Скверная-то, скверная, — замѣтилъ Ѳедоръ: — сло-

ва нѣтъ; но можно выкинуть другую штуку, почище этой, можно выкинуть штуку преотличнѣйшую, такую штуку, которая другимъ въ носъ бросится.

— Какую? — прервалъ Струняшевъ.

— А вотъ какую, — продолжалъ Ѳедоръ. — Помнишь, въ прошломъ году, объ эту пору, пріѣзжала къ твоей Алтынѣ въ гости одна родственница на сивомъ съ яблоками аргамакѣ?

— Помню.

— Если помнишь, то не забылъ, чай, что провожатый этой гостьи былъ на другомъ рыжемъ аргамакѣ; онъ еще, этотъ рыжій-то, корноухій. Помнишь?

— Ну, этого что-то не помню, — сказалъ Струняшевъ. — А что? — спросилъ онъ Ѳедора.

— А вотъ что, — отвѣчалъ Ѳедоръ. — Эти аргамаки, я недавно узналъ отъ одного знакомаго, а онъ, знакомый-то мой, изъ аула тѣхъ гостей, чьи аргамаки — эти аргамаки, особенно корноухій, такіе рѣдкостные аргамаки, что ихъ и аргамаками назвать нельзя: это не аргамаки, а птицы; это такіе аргамаки, которымъ нѣтъ равныхъ въ цѣлой ордѣ, даже въ самой Трухменіи, гдѣ они родятся, подобные имъ врядъ ли отыщутся.

— Что ты толкуешь? — прервалъ Струняшевъ. — Да, они, я теперь припоминаю, и на видъ-то немудрящіе, такъ себѣ.

— Въ томъ-то и дѣло, пріятель, что на видъ-то они неказисты, зато ужъ берутъ добротой своей, рѣзвостью, переносливостью: это какъ есть булатъ. На нихъ, не поя, не кормя, можно легко проскакать верстъ полтораста, а пожалуй, и всѣ двѣсти — за это я могу поручиться, не знаю чѣмъ. Вотъ, ежели Богъ приведетъ тебѣ завладѣть этими аргамаками, то смѣло говори: „я дома“. Ты помнишь, думаю, что хозяева этихъ аргамаковъ, когда гостили у насъ здѣсь, не пускали ихъ на ночь въ табунъ, а держали у кибитки, да еще не просто, а сковывали ихъ нога за ногу желѣзами — вотъ какъ они ихъ берегутъ: стало быть, кони

дорогіе, стоющіе. Да ужъ объ этомъ и толковать нечего,— продолжалъ Ѳедоръ: — лишь бы какимъ ни на есть манеромъ заробить этихъ аргамаковъ, а тамъ и дѣло въ шляпѣ. А добыть ихъ, Богъ милостивъ, можно; будемъ общими силами стараться и улаживать дѣльцо. Я слыхалъ отъ жены моей, что хозяйка наша ждетъ тѣхъ гостей опять къ себѣ. Ты, конечно, этими пустяками, бабьими сплетнями, не занимаешься, стало быть, ничего и не знаешь; а я такъ вотъ, грѣшный человѣкъ, отъ нечего дѣлать, болтаюсь между аульнымъ людомъ, слушаю всякую дрянь, собираю всякій мусоръ — ненужное между ушей да скрозь пальцы пропускаю, а хорошее, понимаешь, отбираю да и за пазуху кладу: не худо, право не худо. Теперь тебѣ, Василій Иванычъ, — заключилъ Ѳедоръ, — не мѣшаетъ быть, на всякій случай, поласковѣе съ бабой-то, съ Алтыной-то; пусть себѣ, дурища, думаетъ, что ты покоренъ ей: это дѣлу не помѣха.

Струняшевъ слушалъ Ѳедора съ величайшимъ вниманіемъ, и когда этотъ кончилъ, отъ всей души поблагодарилъ его за прекрасный совѣтъ, который равенъ былъ вполовину оконченному дѣлу.

— Спасибо, спасибо, дружище, — сказалъ онъ Ѳедору, пожимая его руку: — спасибо за совѣтъ и за помощь, крѣпко спасибо; вѣкъ я не забуду твое доброе дѣло.

Послѣ того Струняшевъ ожилъ, вздохнулъ свободнѣе и веселѣе взглянулъ на свѣтъ Божій. Алтына, видя перемѣну въ обращеніи съ ней Струняшева, втайнѣ радовалась, думая, что прелести ея переборолъ и пересилили сердце казака, радовалась, говорю, Алтына, нисколько не воображая, конечно, что веселость казака была предвѣстницей собственной ея печали и досады.

Наконецъ насталъ давно желанный день. Пріѣхали къ Алтынѣ тѣ самые гости, о которыхъ говорилъ Ѳедоръ, и на тѣхъ самыхъ аргамакахъ, которыхъ онъ расхваливалъ. Струняшевъ жадно впился глазами въ аргамаковъ и, какъ знатокъ по этой части, тотчасъ рѣшилъ, что Ѳедоръ былъ правъ, выхваливая коней: они были дѣйствительно сложе-

ны такъ, что быстрота и неутомимость проглядывали въ каждой ихъ жилкѣ, въ каждомъ движеніи; словомъ, кони были такіе, о которыхъ обыкновенно отзываются казаки такъ: „урвать да удрать“.

„Баста! — подумалъ Струняшевъ: — Вы, — эти слова относились къ аргамакамъ — соколики, будете мои“.

Чтобы угодить хозяйкѣ и усыпить бдительность ея, Струняшевъ принялъ гостью съ сѣдла и привязалъ аргамака къ коновязи. Рядомъ съ нимъ поставилъ и другого. Потомъ распорядился набрать для коней травы, выдержалъ ихъ, какъ водится послѣ ѣзды, напоилъ, замѣтьте, не водой, а кумысомъ, и далъ имъ корму; словомъ, казакъ ухаживалъ за дорогими конями точно такъ, какъ ухаживаетъ чадолюбивая мать за дѣтьми. Услужливостью и заботливостью Струняшева были довольны и гости, и хозяйка, а Струняшевъ былъ доволенъ всѣми ими, что предоставили ему свободу нянчиться съ лошадьми, которыхъ онъ, поя, кормя и холя, готовилъ для дальняго своего путешествія.

По обыкновенію, аргамаковъ на ночь заковали, но заковывалъ ихъ самъ Струняшевъ. Разумѣется, никѣмъ не подозрѣваемый, онъ заковалъ ихъ только для вида. Надѣвъ на ноги лошадей цѣпь, онъ перепуталъ ее какъ можно больше, примкнулъ замокъ не такъ, какъ бы слѣдовало, то есть, продѣлъ дужку его не въ ту петлю; словомъ, молодецъ-Струняшевъ устроилъ все такъ, какъ ему хотѣлось: аргамаки находились въ его рукахъ, когда онъ ни пожелаетъ.

Съ вечера до полуночи гости съ хозяйкой пировали, разумѣется, по-своему: они ѣли мясо, пили кумысъ — и больше ничего, но зато много толковали о разныхъ разностяхъ. Струняшевъ часто ввертывался въ кибитку, гдѣ были гости, прислуживалъ имъ—что дѣлать, нужда заставляла; прислушивался къ ихъ разговорамъ. Изъ рѣчей ихъ онъ узналъ кое-что нужное и полезное для себя. Такъ, напримѣръ, онъ узналъ, между прочимъ, около какихъ мѣстъ и какого рода кочевали въ то время киргизы. Послѣдняя

статья была важна для казака, задумавшаго бѣжать: онъ теперь могъ, по возможности, избѣгнуть въ пути столкновенія и встрѣчи съ киргизами.

Тѣмъ временемъ, какъ Струняшевъ хлопоталъ около гостей, а главное, около ихъ аргамаковъ, чтобъ послѣдніе были сыты, помощникъ и другъ его Ѳедоръ, припасъ для него небольшой мѣшечекъ круту и небольшой турсучёкъ съ кислымъ молокомъ.

Кислое молоко, содержимое въ турсукахъ и разводимое водой, какая попадется на пути, служитъ странствующимъ или рыщущимъ за добычей киргизамъ и сытной пищей и удовлетворительнымъ питьемъ. Съ небольшимъ запасомъ такой провизіи киргизъ можетъ проѣхать всю степь изъ конца въ конецъ, соблюдая, разумѣется, самую строжайшую умѣренность и бережливость при употребленіи этого запаса.

Вотъ, наконецъ, аулъ успокоился, затихъ и уснулъ. Съ замираніемъ сердца, едва переводя духъ, Струняшевъ снялъ съ аргамацкихъ ногъ желѣзы, накинулъ на аргамаковъ легонькія сѣдла и въ поводу вывелъ ихъ за аулъ въ поле. Туда же вышелъ къ нему Ѳедоръ и принесъ крутъ и молоко. Съ минуту они простояли на одномъ мѣстѣ, положили нѣсколько земныхъ поклоновъ по направленію къ востоку, потомъ обнялись и поцѣловались. При этомъ случаѣ Ѳедоръ заплакалъ; на него глядя, заплакалъ и Струняшевъ.

— Съ Богомъ! — прошепталъ, наконецъ, Ѳедоръ, утирая полой халата слезы. — Время терять не для чего, теперь каждый мигъ дорогъ.

Струняшевъ перекрестился и сѣлъ на одного аргамака, другого взялъ въ поводъ.

— Помни, Василій Иванычъ, — сказалъ Ѳедоръ, — ѣхать надо ночью больше, а днемъ гдѣ-нибудь лежать. Да смотри, дружище, не теряй приколъ-звѣзду *), какъ

*) Приколъ-звѣздой казаки,—а можетъ быть и другіе русскіе—я

я тебѣ разсказывалъ: ужъ она тебя выведетъ ли, нѣтъ ли на Русь.

— Хорошо, хорошо, любезный другъ, — проговорилъ Струняшевъ, наклоцясь съ лошади.

Пріятели снова поцѣловались и разстались, сказавъ другъ другу послѣднее „прости“.

этого не знаю, потому и сказать утвердительно не могу,—называютъ Сѣверную Полярную звѣзду. Киргизы же величаютъ ее: темиръ-казыкъ, что значитъ буквально: желѣзный колъ. Названія, данныя Полярной звѣздѣ и казаками и киргизами, тожественны, однозначущи: и русскій приколъ, и киргизскій темиръ-казыкъ—одно и то же. Приколъ, считаю нелишнимъ замѣтить, вещь въ нашихъ, по крайней мѣрѣ, краяхъ обыкновенная, употребляемая и казаками и киргизами при разъѣздахъ по степи: это небольшой, четверти въ полторы, желѣзный круглый колышекъ, съ одного конца заостренный; на тупомъ концѣ его кольцо. Когда нужно пустить въ походѣ лошадь на паству, наѣздникъ вдавливаетъ приколъ въ землю по самое кольцо, привязываетъ длинный поводъ, повалецъ, чумбуръ, или простую веревку, арканъ, что случится, и лошадь разгуливаетъ вокругъ прикола. Но кто отъ кого, то есть, казаки ли отъ киргизовъ, или киргизы отъ казаковъ усвоили названіе Полярной звѣзды, не могу положительно сказать: по думаю, что казаки заимствовали названіе приколъ-звѣзда у киргизовъ. У казаковъ, извѣстно мнѣ, звѣзда эта называется иногда: Пордова звѣзда, между тѣмъ, у киргизовъ, о значеніи этой звѣзды ходитъ цѣлая сказка. Такъ, напримѣръ, полярную звѣзду, какъ неподвижную, они называютъ: темиръ-казыкъ, то есть, желѣзный колъ, приколъ. Вращающіяся вокругъ Полярной звѣзды группы другихъ звѣздъ, названныя астрономами Большой и Малой Медвѣдицей, киргизы считаютъ въ ближайшей, тѣсной, можно сказать, нераздѣльной связи съ своимъ Темиръ-казыкомъ. По понятію ихъ, и полярная звѣзда, и обѣ Медвѣдицы имѣютъ одно и то же значеніе, именно: Полярная звѣзда означаетъ приколъ, три маленькія звѣздочки четвертой величины, изъ группы Малой Медвѣдицы, идущія въ сторону отъ Полярной звѣзды и образующія собой родъ дуги, киргизы принимаютъ за арканъ, привязанный къ приколу. Слѣдующія за ними остальныя двѣ свѣтленькія звѣздочки, одну 2-й, а другую 3-й величины—за двоихъ иноходцевъ (икэ дзюрга), а всѣ семь большихъ и малыхъ звѣздъ, составляющихъ группу Большой Медвѣдицы—за семь караульщиковъ (дзиты караульчи), приставленныхъ будто бы беречь тѣхъ иноходцевъ. Иноходцы, говорятъ киргизы, принадлежатъ двоимъ первенствующимъ архангеламъ, и вотъ за ними-то ухаживаетъ дьяволъ и давно, въ образѣ волка, порывается съѣсть ихъ; но караульщики не допускаютъ его до того. Когда исчисленныя выше звѣзды пропадутъ, то есть когда, по словамъ

Струняшевъ поѣхалъ тихо, шагомъ, чтобъ не встревожить топотомъ аулъ. Ѳедоръ тотчасъ удалился въ кибитку, съ тою, конечно, цѣлью, чтобъ, въ случаѣ тревоги, не дать себя заподозрить въ заговорѣ съ казакомъ. Цѣлыхъ полверсты Струняшевъ ѣхалъ шагомъ, безпрестанно прислушиваясь назадъ, наконецъ, ничего не видя, ничего не слыша, нагнулся къ лукѣ и пустилъ аргамаковъ во весь опоръ; аргамаки взвились, да какъ! отъ быстроты ихъ бѣга захватило духъ у Струняшева: ему казалось, что того и гляди, голова его закружится и онъ полетитъ на-земь. Вотъ тутъ-то онъ окончательно убѣдился, что аргамаки превосходные, что они могутъ поспорить и съ вѣтромъ, и съ вихремъ, что на нихъ можно ускакать не только отъ коннаго человѣка, но даже и отъ пули. Возрадовалось сердце казака!

Проскакавъ, этакъ, верстъ съ десять, Струняшевъ сдержалъ аргамаковъ, далъ имъ немного вздохнуть, пересѣлъ съ одного аргамака на другого и снова пустился въ путь, направляя его прямо на свою путеводительницу — Полярную звѣзду.

На разсвѣтѣ Струняшевъ былъ далеко отъ аула, по крайней мѣрѣ, верстахъ въ шестидесяти. Онъ остановился на отдыхъ у подошвы одной возвышенности, гдѣ была не то рѣчка, не то озерцо, а что-то въ родѣ этого, но съ водой, къ счастью, прѣсноватой. Спутавъ аргамаковъ, онъ пустилъ ихъ на траву, предварительно давъ имъ время выстояться, а самъ, осторожно, ползкомъ, взобрался на возвышенность, съ которой была видна окрестность на довольно далекое раз-

---

киргизовъ, дьяволъ поѣстъ иноходцевъ, принадлежащихъ архангеламъ, а караульщики разбѣгутся, тогда и будетъ преставленіе свѣта. По другому же повѣрью, звѣзды Больш. Медвѣдицы, названныя выше семью караульщиками, играютъ другую роль, діаметрально противоположную роли караульщичей, именно, роль разбойниковъ, и называются дзиты каракчи (семь разбойниковъ). Они-то и ластятся около двухъ иноходцевъ, чтобы украсть, уничтожить ихъ. Всю ночь иноходцы находятся въ большой опасности отъ разбойниковъ, но къ утру опасность минуется. Затѣмъ исторія та же, т. е. когда разбойники похитятъ иноходцевъ, тогда и міру конецъ.

стояніе. Сильно томилъ сонъ Струняшева, но онъ не смѣлъ сомкнуть глазъ. Онъ безпрестанно озирался вокругъ себя и прислушивался къ землѣ: не слыхать-ли конскаго топота.

Что сталось въ киргизскомъ аулѣ, откуда Струняшевъ бѣжалъ — неизвѣстно. Струняшевъ, разумѣется, не зналъ, не вѣдалъ: была ли послана за нимъ погоня, онъ не видалъ, не слыхалъ. И слава Богу! Что сталось съ Алтыной, горевала ли она, когда покинулъ ее казакъ — осталось тайной. Объ этомъ и самъ Струняшевъ ничего не зналъ, а только предполагалъ, догадывался, что бѣгство его не обошлось даромъ степной красавицѣ: ужъ вѣрно она не одинъ вырвала клочекъ своихъ черныхъ волосъ и не одну провела кровавую царапину по лицу своему — это въ натурѣ киргизокъ.

На мѣстѣ, выбранномъ для отдыха, Струняшевъ пробылъ недолго, всего какихъ-нибудь часа два. Напоивъ аргамаковъ, онъ снова поѣхалъ дальше и ѣхалъ то шагомъ, то рунью, то рысцой. Во весь же опоръ не пускался: онъ берегъ лошадей. Днемъ, конечно, ѣзда была не такъ безопасна, какъ ночью: днемъ онъ могъ столкнуться гдѣ-нибудь съ киргизами, у которыхъ могли случиться такіе же отличные аргамаки, какіе и у него, стало быть, ускакать отъ нихъ не такъ было легко; но, несмотря на это, Струняшевъ все-таки рѣшился на первый разъ ѣхать и днемъ. На мѣстѣ оставаться ему казалось еще опаснѣе; его могла застать тутъ погоня.

Такимъ образомъ, удаляясь отъ аула все дальше и дальше, Струняшевъ очутился на такомъ отъ него разстояніи, что былъ ужъ внѣ всякой опасности съ этой стороны, то есть, онъ не боялся погони. Безпокоила его только встрѣча съ киргизами. Но чего боялся, то и случилось.

На третьи или четвертыя сутки ѣзды, — Струняшевъ, надо замѣтить, удаляясь отъ аула на безопасное разстояніе, ѣхалъ всегда по ночамъ, а дни лежалъ, гдѣ приходилось; случалось, онъ спутывалъ аркапомъ аргамаковъ и сваливалъ

ихъ на землю, изъ предосторожности, чтобы не замѣтили ихъ странствующіе по степи киргизы, — въ самыя сумерки, когда Струняшевъ только-что поднялся съ мѣста, изъ лощины, гдѣ отдыхалъ день, и хотѣлъ ѣхать своимъ путемъ дорогой, какъ наткнулись на него киргизскіе всадники, человѣкъ до пятнадцати. Лошади подъ ними были хотя и не аргамаки, но лошади все-таки отличныя, легкія, подъерованныя; это доказывало, что киргизы ѣхали на промыселъ, на баранту; а на баранту киргизы ѣздятъ всегда на лошадяхъ самыхъ лучшихъ, рѣзвыхъ. Струняшевъ смекнулъ, что дѣло неладно, но не потерялъ, однако жъ, присутствія духа. Съ быстротой молніи промелькнулъ въ головѣ его планъ маневра. Перекинувшись съ сиваго аргамака, на которомъ сидѣлъ, на рыжаго, корноухаго, котораго считалъ надежнѣе, онъ прямо устремился на киргизовъ. Киргизы преградили-было ему дорогу, но Струняшевъ напередъ уже разсчиталъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Онъ подъ самымъ почти ихъ носомъ круто повернулъ аргамака влѣво, далъ, какъ говорится, бокъ киргизамъ, вылетѣлъ немного въ сторону, потомъ, еще круче прежняго, поворотилъ направо, а тамъ опять налѣво, и такимъ образомъ, быстро дѣлая то дуга, то сюда зигзагами и отмахиваясь во всѣ стороны увѣсистой нагайкой, Струняшевъ, наконецъ, промызнулъ, такъ сказать, между киргизами, и „давай откалывать“ отъ нихъ своимъ трактомъ. Киргизы, очутившись позади, пустились за нимъ въ погоню, но лошадямъ ихъ не подъ силу было спорить съ его аргамаками. Скокъ за скокомъ, Струняшевъ уходилъ все дальше и дальше, и, наконецъ, скрылся изъ виду. Киргизы оставили погоню.

Струняшевъ не успѣлъ еще прійти въ себя отъ тревоги, какъ передъ нимъ предсталъ огромный и многолюдный аулъ. Миновать аула никакъ было нельзя: такая выпала мѣстность. Съ одной стороны аулъ примыкалъ къ небольшой тинистой рѣчкѣ, а по другую сторону его тянулись какія-то заросли — ихъ казакъ принялъ за болото. Сначала онъ какъ-будто оробѣлъ, но потомъ оправился. Пересѣвъ

съ рыжаго, нѣсколько уже утомленнаго аргамака, на сиваго, силы котораго были еще посвѣжѣе, Струняшевъ смѣло, но тихо поѣхалъ прямо на аулъ.

Аульные киргизы, завидя вершника, приняли его, полагать надо, за обыкновеннаго путешественника, ищущаго пріюта, и потому не обратили на него особаго вниманія, какъ разсчитывалъ и Струняшевъ. Ошибку свою киргизы замѣтили ужъ тогда, когда Струняшевъ, въѣхавъ въ середину аула, пустилъ аргамаковъ своихъ вскачь и понесся изъ аула въ чистое поле. Кое-кто изъ киргизовъ бросился-было на лошадей и погнался за казакомъ, но быстрота коней въ другой разъ спасла Струняшева.

Киргизы давнымъ-давно оставили погоню и отступились отъ Струняшева, но онъ, пользуясь темнотой и неутомимостью аргамаковъ, скакалъ-себѣ да скакалъ все дальше да дальше, направляя путь свой не прямо на сѣверъ, а на сѣверо-западъ, такъ что Полярная звѣзда, его единственная и неизмѣнная путеводительница, приходилась ему не прямо, какъ прежде, въ лицо, а ужъ наискось, въ разрѣзъ глаза. Скакалъ, скакалъ Струняшевъ, да вдругъ и наскакалъ... на киргизовъ, вы думаете? Нѣтъ, онъ прискакалъ къ глубокой и довольно широкой рѣчкѣ.

„Мать, Пресвятая Богородица! ужъ не Эмба ли?“ подумалъ, обрадовавшись, Струняшевъ.

Но нѣтъ, это была не Эмба, а какая-то другая, невѣдомая ему рѣчка. Берегъ, на которомъ остановился Струняшевъ, былъ ровенъ и голъ, а на противоположномъ виднѣлся тальникъ, и за нимъ небольшія горки.

— А! — сказалъ Струняшевъ, всматриваясь пристально, насколько позволяла ночная темнота, въ противоположный берегъ:—знаю: это должна быть рѣчка Темиръ, о которой я слыхалъ отъ Ѳедора, а горки должны быть Маджарскія (Мугоджарскія), тѣ самыя, откуда текутъ и Эмба, и Илекъ; значитъ, нужно перебраться на ту сторону, потомъ взять отсюда немного вправо, и я тотчасъ буду въ Илецкой Защитѣ.

Сказано — сдѣлано. Чрезъ минуту Струняшевъ былъ на другомъ берегу рѣчки: онъ переплылъ туда вмѣстѣ съ аргамаками; но... Но простятъ ли мнѣ читатели однообразныя и, можетъ быть, скучныя подробности, съ которыми я разсказываю о длинномъ и также, въ свою очередь, скучномъ пути казака? Надѣюсь.

Струняшевъ благополучно переплылъ рѣчку, но, достойно сожалѣнія, одинъ изъ аргамаковъ, и притомъ самый лучшій, заболѣлъ и издохъ: съ нимъ приключился такъ называемый селезень. Другой аргамакъ одряхъ. Взвылъ бѣдный Струняшевъ отъ такого несчастія: онъ остался почти что пѣшъ.

Дотолѣ Струняшевъ скакалъ безъ оглядки и безъ перемежки нѣсколько десятковъ верстъ. Разгоряченные и взмыленные аргамаки не были достаточно выдержаны—не до того было казаку передъ тѣмъ, какъ пуститься имъ въ воду: холодная вода застудила ихъ кровь и они заболѣли. Но все это ничего, вода не сдѣлала бы вреда конямъ, если бы Струняшевъ тотчасъ по выходѣ на берегъ, пустился снова вскачь, но онъ отъ радости забылся, побѣжалъ на „сыртъ" (возвышенность), чтобы осмотрѣться, и бросилъ голодныхъ аргамаковъ на мѣстѣ, тѣ жадно кинулись на траву: она-то окончательно ихъ сразила.

Но какъ бы то ни было, неосторожный на этотъ разъ казакъ одного аргамака лишился вовсе, а другой былъ боленъ. Не теряя, однако жъ, даромъ ни одной минуты, смѣтливый и опытный Струняшевъ поспѣшилъ исправить дѣло. Онъ взялъ ножъ, растворилъ аргамаку въ обѣихъ ногахъ и въ шеѣ жилы и выпустилъ много крови. Это помогло какъ не надо лучше. Не давая снова застояться коню, Струняшевъ повелъ его въ поводу, потомъ, пройдя нѣсколько сотъ саженъ, сѣлъ на него и поѣхалъ; аргамакъ размялся и пошелъ ходче, сначала шагомъ, потомъ групью, тамъ рысью, а наконецъ и вскачь.

Этого только Струняшевъ желалъ и домогался. На зарѣ другого дня Струняшевъ доѣхалъ до розсыпей, изъ которыхъ

образуется рѣка Илекъ, въ половинѣ дня онъ ѣхалъ уже берегомъ этой рѣки, не боясь встрѣчи съ киргизами, которыхъ, по близости русской границы, онъ считалъ въ этихъ мѣстахъ уже мирными, а вечеромъ, крестясь и творя молитвы, въѣзжалъ въ Илецкую Защиту. Тамъ онъ встрѣтилъ русскія лица, русскую рѣчь и, разумѣется, радушный пріемъ.

Чѣмъ ближе Струняшевъ подвигался къ русскимъ селеніямъ, тѣмъ сильнѣе онъ гналъ аргамака и, наконецъ, совсѣмъ загналъ: чрезъ нѣсколько часовъ по прибытіи въ Илецкую Защиту, бѣдное животное издохло.

Очутившись въ кругу русскихъ, услышавъ родную рѣчь и колокольный звонъ, увидѣвъ св. крестъ на Божьемъ храмѣ, Струняшевъ не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ: сначала казалось ему все это сновидѣніемъ, мечтой. Но когда увѣрился, что это не сонъ, не мечта, онъ... что, думаете, онъ?... обрадовался?... да, обрадовался, дѣйствительно обрадовался, но только надо знать, какъ обрадовался—онъ такъ обрадовался, что чуть-чуть съ ума не сошелъ. Благо, что отъ радости, я слыхалъ, съ ума не сходятъ, а то бы не безъ грѣха.

Чрезъ недѣлю Струняшевъ былъ въ Яицкомъ городкѣ, переименованномъ уже въ то время въ городъ Уральскъ, и... вотъ тутъ-то несчастный совсѣмъ-было помѣшался въ умѣ, благо, что натура его выдержала.

Мы знаемъ, какая ужасная вѣсть ожидала его на Яикѣ: ни брата, ни тетки, ни невѣсты не существовало: всѣ они, его родные и милые, сошли въ могилу: братъ отъ рукъ злодѣевъ-киргизовъ, тетка и Даша отъ печали, а кто былъ причиной ихъ печали? Все тѣ же злодѣи-киргизы.

XX.

Съ того времени, какъ Василій Иванычъ выбѣжалъ изъ полона, характеръ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и вся жизнь его

измѣнились до-нельзя: онъ сдѣлался угрюмъ, нелюдимъ, мраченъ, злобенъ. Онъ возненавидѣлъ все киргизское племя, и возненавидѣлъ до такой степени, что не могъ равнодушно смотрѣть ни на одного ордынца, кто бы онъ ни былъ и въ какихъ бы отношеніяхъ къ русскимъ ни находился—все равно: въ глазахъ озлобленнаго Струняшева каждый киргизъ былъ извергъ, злодѣй, врагъ Россіи, врагъ его собственной особы, врагъ земляковъ его, казаковъ; каждаго киргиза, который попадался ему подъ руку, онъ безъ зазрѣнія совѣсти билъ-колотилъ, сколько душѣ хотѣлось; а если представлялась возможность, то и на тотъ свѣтъ отправлялъ: рука въ этомъ случаѣ не дрожала и голосъ совѣсти молчалъ; или нѣтъ, онъ не молчалъ, а вопіялъ къ нему: „что смотришь, Василій Иванычъ? катай его, каналью, на Русь не станетъ лиха думать". Слѣдуя такимъ внушеніямъ совѣсти, Струняшевъ сдѣлался грозой, бичомъ киргизовъ, и злобою своей къ нимъ удивлялъ всѣхъ—и русскихъ, и ордынцевъ. За это, конечно, нельзя хвалить Струняшева, но нельзя также безусловно и порицать его: ненависть, злоба, которыя онъ питалъ къ киргизамъ, месть, ожесточеніе, съ которыми онъ ихъ преслѣдовалъ—все это оправдывается отчасти тѣмъ, что сами киргизы много сдѣлали ему зла и отравили, такъ сказать, жизнь его, а онъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ столько христіанскаго смиренія, чтобы быть въ состояніи простить врагамъ своимъ.

Струняшеву, когда онъ вышелся изъ орды на Русь, было около тридцати-пяти лѣтъ. Онъ могъ бы жениться и обзавестись снова домомъ, но онъ не женился и домомъ не обзаводился — разительный примѣръ отступленія отъ общепринятыхъ условій и укоренившихся обычаевъ и понятій уральскихъ казаковъ, особенно того вѣка, въ которомъ жилъ Струняшевъ. Не только въ старину—я разумѣю не ту старину, когда казаки только-что зарождались—то было слишкомъ давно; тогда они, извѣстно, вели жизнь большею частью холостую и бездомную, но ту старину, когда казаки окончательно поселились и укрѣпились на Яикѣ—да, не только въ старину, но и теперь, по понятію ураль-

цевъ, особенно уралокъ, тотъ казакъ, который не женился до 25-ти, а особенно до 30-ти лѣтъ, отпѣтый казакъ, сданный отъ Бога на руки дьяволу казакъ, такому казаку не было и нѣтъ прозвища, кромѣ какъ забулдыга, шараматокъ, околотень, старое базло и т. п. Но Василій Иванычъ былъ исключенъ изъ общаго правила; онъ не упалъ въ мнѣніи своихъ земляковъ, оставшись холостымъ и не заведя дома: всѣ видѣли, всѣ знали, всѣ, по крайней мѣрѣ, понимали, что не дурь, не блажь, не вѣтрогонство, а сильное страданіе души причиной его отчужденія отъ людей, отъ общества, отъ общественныхъ условій, отъ семейныхъ обязанностей. Современемъ, подъ старость, онъ помирился съ жизнью, не чуждался и общества, придерживаясь пословицы: „въ міру жить—мірское творить“, или, другими словами: „съ волками жить—по-волчьи выть“. Но за всѣмъ тѣмъ на него часто находили часы, въ которые онъ не былъ похожъ самъ на себя.

Съ прибытіемъ въ Гурьевъ-городокъ, его почти никто не видалъ въ городѣ: дни проводилъ онъ въ камышахъ по плесамъ и заливамъ съ ружьемъ или сѣтьми, а ночи на кладбищѣ, гдѣ была похоронена его Даша. Время отъ времени онъ появлялся только въ семействѣ того казака, за которымъ была Даша замужемъ и у котораго жила и росла ея дочка—чистая копія матери. Вотъ на этой-то малюткѣ Струняшевъ сосредоточилъ всю свою любовь, все вниманіе и всю заботу. Каждый рубль, каждую копѣйку, добытую имъ на охотѣ или на рыболовствѣ, онъ отдавалъ въ семью, гдѣ жила дочь Даши. Этимъ онъ снискалъ себѣ любовь и всеобщее уваженіе гурьевцевъ.

Впослѣдствіи, когда эта малютка вышла замужъ, народила дѣтей, въ томъ числѣ произвела дочь, тоже чистую копію бабушки, и потомъ въ свою очередь умерла, любовь и забота старика Струняшева, пережившаго почти два поколѣнія, перенеслась на внучку Даши.

Струняшевъ, не имѣя собственнаго дома, слѣдовательно, и постояннаго хозяйства, не имѣлъ также и постояннаго пре-

бываніе нигдѣ: онъ, можно сказать, странствовалъ по землямъ своего [illegible]ка, только подъ старость жилъ безвыходно въ Гурьевѣ-городкѣ.

Когда былъ въ силѣ, Струняшевъ ходилъ часто и на внѣшнюю царскую службу: онъ бывалъ и въ арміяхъ противъ европейцевъ, и въ степныхъ походахъ противъ киргизовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1799 году былъ въ Швейцаріи, въ полку Д. М. Бородина (въ корпусѣ Римскаго-Корсакова), видѣлъ великаго Суворова, находился долгое время постояннымъ вѣстовымъ при немъ, давалъ иногда подъ него собственную свою лошадь—и гордился этимъ. Въ разговорѣ, бывало, съ казаками, Струняшевъ, между прочимъ, осмѣливался высказывать свое мнѣніе о Суворовѣ, котораго онъ не иначе называлъ, какъ Александръ Васильичъ—каково? Но Василій Иванычъ себѣ на-умѣ; простымъ умомъ-разумомъ онъ понималъ или, пожалуй, предощущалъ великость суворовскаго генія. Онъ обыкновенно говаривалъ: „Ярой, ярой былъ батюшка Александръ Васильичъ... а ума у него была—у!—цѣлая палата. Такихъ яросвъ ужъ нѣтъ“...

Состоя лейбъ-гвардіи въ уральской казачьей сотнѣ, Струняшевъ въ 1805 году плавалъ на корабляхъ, и съ конемъ. Садился онъ на корабль въ Кронштадтѣ, а вышелъ на берегъ въ Помераніи; но онъ не зналъ Помераніи, а говорилъ просто: „высадились мы на берегъ въ пруцкой землѣ“.

Въ 1809 году, въ отрядѣ Кульнева, Василій Иванычъ сходилъ по льду, чрезъ Ботническій заливъ, въ Швецію, что свидѣтельствовала, въ числѣ прочей „кавалеріи“, украшавшей грудь его, и медаль, съ надписью: „За переходъ на шведскій берегъ“. Отрядъ Кульнева состоялъ изъ лейбъ-гвардейской казачьей сотни, трехъ эскадроновъ гусаръ и четырехъ сотенъ донскихъ казаковъ. Шведскіе егеря встрѣтили русскихъ на льду, за версту отъ берега, но не устояли и бѣжали на берегъ. Тамъ, въ лѣсу, за камнями да за деревьями, они засѣли. Снѣгъ былъ глубокій. Чтобы выбить непріятеля изъ такихъ неприступныхъ мѣстъ, нужна была пѣхота, но пѣхоты у Кульнева не было. Какъ тутъ быть? Но храбрый

и предпріимчивый Кульневъ нашелъ пѣхоту: на то были уральскіе казаки, бородачи. Уральцы, вооруженные, между прочимъ, длинными винтовками да турками, слѣдовали сзади отряда, и въ первоначальной съ шведами на льду стычкѣ не участвовали, слѣдовательно, силы ихъ были посвѣжѣе. Кульневъ приказалъ уральцамъ спѣшиться и послалъ ихъ въ лѣсъ, съ приказаніемъ выбить непріятеля. Бородатые уральцы сбросили съ себя верхнюю одежду и шапки, перевязали головы платками, перекрестились, благословились и, какъ дождь, однако-жъ безъ шума и безъ крика, разсыпались по лѣсу и, въ свою очередь, засѣли, кто за камнемъ, кто за деревомъ. Шведы слышали только выстрѣлы, да видѣли, какъ падали ихъ товарищи, но не знали, въ кого и стрѣлять. Отличные стрѣлки *), уральцы не давали промаху: каждый выстрѣлъ ихъ винтовки стоилъ головы шведа.

---

*) Называя уральцевъ отличными стрѣлками, я вовсе не думаю похвалиться, да и нельзя, признаться. Надо сказать, что здѣсь рѣчь идетъ о старикахъ уральцахъ. Старики наши дѣйствительно были отличные стрѣлки; но мы, ихъ потомки—увы! никуда не годимся противъ нихъ въ этомъ отношеніи: мы ли съ нынѣшними ружьями, занозимыми къ намъ большею частью барышниками-торгашами и вытѣснившими старыя винтовки и турки, или ужъ самыя форменныя ружья—не знаю, какъ сказать, весьма плохо сошлись, у насъ съ ними страшная разладица. Короче сказать, изъ форменныхъ ружей казаки не умѣютъ и не могутъ стрѣлять, пороху жалѣютъ даромъ тратить; и оттого, достойно сожалѣнія, ни одинъ теперь казакъ не стрѣляетъ такъ мѣтко, какъ стрѣлялъ отецъ его, а тѣмъ паче дѣдъ. Только нѣкоторые казаки, живущіе по линіи, какъ-то: карпенскіе, каленовскіе, антоновскіе, мергеневскіе и др., занимающіеся изрѣдка охотой за сайгаками и владѣющіе немногими винтовками, могутъ сказать, что они еще стрѣлки, но все-таки не такіе, каковы были ихъ отцы и дѣды. Видите ли, милостивые государи, я не хвастаюсь, а отдаю только должную справедливость умѣнью стариковъ стрѣлять. Въ послѣднее время хотя и дозволено казакамъ брать въ походы, вмѣсто форменныхъ ружей, винтовки (а винтовки то же, что и штуцера), но винтовокъ на Уралѣ почти что нѣтъ: признанныя во время оно негодными, онѣ извелись. Жаль добра, а пособить трудно, почти невозможно. Впрочемъ, въ одномъ изъ слѣдующихъ разсказовъ я постараюсь подробнѣе поговорить объ этомъ предметѣ.

Дрогнули шведы и очистили лѣсъ. Отрядъ нашъ вступилъ на берегъ Швеціи *). Какой былъ результатъ этой побѣды— всякому, думаю, извѣстно.

— Наша взяла! наша взяла!—кричалъ Струняшевъ, стоя на камнѣ и махая одной рукой своимъ товарищамъ, бывшимъ позади него, другою унимая кровь, текущую изъ раны.

Непріятельская пуля порядочно-таки попотчивала его, пройдя подъ лѣвой мышкой и вырвавъ добрый кусокъ тѣла, но Василій Иванычъ мало обращалъ на это вниманія. Несмотря на то, что ему было уже подъ шестьдесятъ, онъ скоро вылѣчился: здоровье его было желѣзное.

И въ отечественную войну Струняшевъ не сидѣлъ дома, а дрался, какъ говорятъ казаки, до кости, до мозгу за матушку Русь святую. Не одному, тонконогому, по словамъ его, французу пощупалъ онъ бока своей пикой и не одного „нехристя“ (Струняшевъ, какъ ужъ слѣдуетъ, всякаго нерусскаго называлъ нехристемъ) отправилъ на тотъ свѣтъ, приговаривая: „худа трава—изъ поля вонъ“.

Надо замѣтить, однако жъ, что Струняшевъ на войнѣ съ европейцами ни на волосъ не отступалъ отъ принятыхъ условій или, другими словами, отъ чести воина: онъ пальцемъ не трогалъ того европейца, который сдавался ему и кричалъ: „пардонъ“. Но къ стонамъ и воплямъ киргизовъ, когда случалось ему быть въ степныхъ походахъ и перевѣдываться съ басурманами, онъ былъ и нѣмъ, и глухъ... Даже ребятишекъ киргизятъ, попадавшихся ему подъ-руки, онъ безжалостно подпималъ на пику, говоря притомъ съ злобной улыбкой:

— Ужъ если щуку бить — зубовъ не надо оставлять: выростутъ, проклятые, и укусятъ.

---

*) Описаніе Финляндской войны, Михайловскаго-Данилевскаго. „Полное собраніе сочиненій“ этого автора, т. II-й.

XXI.

На Уралѣ, у казаковъ уральскихъ, есть поговорка: Барбашова страшна, или страшна она, Барбашова-та.

Прежде всего надо сказать, что Барбашова — небольшая рѣчка, текущая въ киргизской степи и впадающая въ Уралъ съ лѣвой стороны, ниже г. Уральска, верстахъ въ восьми или десяти.

Смыслъ этой поговорки, начало которой теряется во временахъ отдаленныхъ, вотъ какой:

Представьте себѣ казака, который струсилъ чего-нибудь, уступилъ чему-нибудь, словомъ, спасовалъ противъ чего-нибудь. Другіе это узнаютъ и тотчасъ же начинаютъ подсмѣиваться, подтрунивать надъ нимъ и, въ заключеніе всѣхъ насмѣшекъ и остротъ, непремѣнно скажутъ ему:

— Что, Кузьма, струсилъ? Знать, Барбашова-та страшна!

Или казакъ, струсившій чего-либо, станетъ самъ разсказывать о томъ другимъ. Тутъ кто-нибудь изъ слушающихъ не вытерпитъ и скажетъ ему:

— Эхъ, ты, фефела, фефела! какая же ты дрянь!... Господи, прости... Да ты бы вотъ какъ сдѣлалъ!...

— Ай, ай! голова-то, вижу, ты больно мазана, — возражаетъ тотъ, къ кому относился упрекъ. — Поди-ка ты сдѣлай самъ, а я посмотрю на тебя, какъ ты отличишься. Нѣтъ, пріятель дорогой, вѣдь страшна она, Барбашова-та...

Или еще вотъ примѣръ: сидятъ отставные казацкіе старшины, съ Аннами и Станиславами на груди, съ сигарками и папиросами во рту, за преферансомъ.

— Семь въ червахъ,—говоритъ одинъ.

— Постой, постой, кумъ! — прерываетъ его сидящій около него отставной есаулъ, съ пряжкой за безпорочную службу, не участвующій, конечно, въ игрѣ: — у тебя, смотри, какая игра-то: играй восемь!

— Вижу, вижу, куманекъ любезный, — возражаетъ игрокъ: — да вѣдь опасно; ходъ не мой: какъ разъ обремизятъ.

— Не обремизятъ, играй!

— Боюсь, куманекъ. Семь червы! — повторяетъ игрокъ.

— Боюсь!... Эхъ, ты, играчишка, играчишка, прямой ты играчишка!... Играть бы тебѣ только съ бабами въ корольки, а не въ преферансъ съ людьми. Трусъ — и больше ничего!

— Толкуй-себѣ, храбрый человѣкъ, что хочешь, а вѣдь слыхалъ, я думаю, и ты, что страшна она, Барбашова-то!...

Мы знаемъ смыслъ и значеніе поговорки. Теперь остается сказать, съ чего она взялась; думаю, это не будетъ лишнимъ. Объ этомъ, однако жъ, толкуютъ разно: одни одно, другіе другое, а третьи третье. Приведемъ всѣ эти разнорѣчивыя мнѣнія и объяснимъ, которое изъ нихъ правдоподобно, слѣдовательно и истинно.

Одни говорятъ, что Барабашова — мы знаемъ, что это рѣчка — страшной названа предками нашими потому, что весной, во время половодья, она бѣжитъ быстро, сердито, или, по выраженію казаковъ, играетъ больно сильно. Дѣйствительно, рѣчка эта, сжатая крутыми берегами и притомъ имѣющая короткое теченіе — какихъ-нибудь верстъ восемьдесятъ или того меньше — весной течетъ быстро, но не быстрѣе, однако жъ, самого Урала, который несравненно шире, быстрѣе и, безъ сомнѣнія, страшнѣе Барбашовой. Во время весенняго водоразлитія Уралъ раскидывается по всей своей долинѣ, отъ кряжа до кряжа, на нѣсколько верстъ; въ это время онъ шумитъ, мутитъ, крутитъ и ростъ; въ это время Барбашова предъ нимъ нуль. Лѣтомъ же, когда Уралъ утихаетъ и входитъ въ берега, Барбашову и въ пару не знать бываетъ: она почти вся пересыхаетъ, только кое-гдѣ вода въ ней держится омутами. Казаки, имѣя передъ глазами красующійся или, пожалуй, бѣснующійся, но величественный и грозный, въ

сравненій съ маленькой Барбашовой, Уралъ, который частенько опрокидываетъ вверхъ дномъ казачьи бударки, ни въ какомъ случаѣ не могли назвать Барбашову страшной, когда и самъ батюшка Яикъ Горынычъ (Уралъ) не удостоился отъ нихъ этого имени; тѣмъ болѣе не могли назвать эту рѣчонку страшной, что и многія другія побочныя рѣчки Урала, ея сосѣдки, во время половодья текутъ не тише ея, то есть играютъ, въ свою очередь, не смирнѣе Барбашовой; стало быть, и поговорка: Барбашова страшна, взялась не съ этого, стало быть, дѣло это рѣшеное.

Барбашова страшной названа, говорятъ другіе, оттого, что въ старые годы, около Барбашовой, какъ въ мѣстѣ, удаленномъ отъ Уральска, чаще всего брали казаковъ въ полонъ киргизы. Бывало, говорятъ, какъ только заѣдетъ кто на Барбашову зачѣмъ-либо, хоть, напримѣръ, для сѣнокошенія, то непремѣнно попадется въ полонъ къ киргизамъ. Спору нѣтъ, брали киргизы около Барбашовой въ плѣнъ русскихъ. Но, гдѣ же въ старые годы не полонили басурманы русскихъ? Вездѣ и всюду, гдѣ только плошали казаки: и около Барбашовой, и ближе ея, и дальше за ней внизъ по теченію Урала, и подъ самымъ г. Уральскомъ, и близь каждаго селенія — словомъ, вездѣ и всюду, какъ ужъ сказано, гдѣ только прозѣваютъ, бывало, русскіе; слѣдовательно, страшна Барбашова взялась не съ того, что около этой рѣчки полонили киргизы русскихъ. И это дѣло рѣшеное.

Но есть третье преданіе, и оно-то, по всей видимости, самое правдоподобное, слѣдовательно, и истинное. Въ старые и, должно полагать, самые давніе годы, говоритъ преданіе, на берегахъ р. Барбашовой было сраженіе у казаковъ съ киргизами, кончившееся — стыдно сказать, а грѣхъ утаить — совершеннымъ пораженіемъ казаковъ. Вотъ она причина-то вотъ она, исторія-то, съ которой взялась поговорка: Барбашова страшна.

О дракѣ казаковъ съ киргизами на Барбашовой преданіе гласитъ слѣдующее:

Однажды, человѣкъ до пятидесяти казаковъ выѣхало за Уралъ противъ нехристей. Въ лугахъ, подъ самымъ городомъ, встрѣтила казаковъ небольшая партія киргизовъ. Казаки, разумѣется, дали по басурманамъ залпъ, киргизы не устояли и побѣжали. Казаки, не зарядивъ ружей — некогда было, да и не сочли нужнымъ: зачѣмъ, дескать, терять порохъ, довольно и пикъ однѣхъ — пустились за киргизами и гнали ихъ до самой Барбашовой; но тамъ — чего казаки никакъ не ожидали и не предполагали — встрѣтила и окружила ихъ со всѣхъ сторонъ „тьма-тьмущая, сила сильная, рать великая, рать киргизская, что твоя рать Мамаева", какъ сказываютъ старики, и ударила на казаковъ. Дрогнули въ свою очередь и казаки, смутились и стали пятиться назадъ — что станешь дѣлать? Сила солому ломитъ. Отступая, казаки отдѣлывались пиками, стараясь притомъ заряжать винтовки, но второпяхъ какъ-то плохо успѣвали: то порохъ просыплютъ, то пулю выронятъ, а киргизы, между тѣмъ, жали да жали ихъ.

Но все бы, глядишь, ничего, казаки удержали бы натискъ киргизовъ, не дали бы себя въ обиду, по крайней мѣрѣ, они отступили бы безъ большого урона, еслибъ не случилось съ ними одно, повидимому, не такъ важное, но, въ сущности, весьма серьезное обстоятельство, рѣшившее участь храбрыхъ, но все-таки безпечныхъ казаковъ: предводитель ихъ, походный атаманъ, при самомъ натискѣ киргизовъ, упалъ какъ-то съ лошади, чего съ нимъ дотолѣ никогда почти не случалось, и остался пѣшъ. Вмѣсто того, чтобъ скорѣе втереться въ толпу своихъ, атаманъ бросился ловить лошадь (нашелъ время)!. Нѣкоторые изъ казаковъ, сдуру ли, спроста ли — все равно, кинулись помогать ему (тоже нашли время!), а лошадь, дотолѣ смирная и послушная голосу хозяина, не давалась и носилась между сражающимися. Казаки, сами не замѣчая, разстроились. Киргизы случаемъ этимъ, разумѣется, воспользовались, тотчасъ же бро-

сились на пѣшаго атамана и убили его; потомъ, поощренные удачей, смѣлѣе ударили на казаковъ. Оставшись такъ неожиданно и въ такую критическую минуту безъ предводителя, казаки смѣшались, не знали что дѣлать, не знали, кого слушаться; каждый сдѣлался атаманомъ и каждый, наконецъ, подумалъ о спасеніи: казаки обратились въ бѣгство. Киргизы пришяли ихъ въ пики да въ чаканы. Жутко было казаченькамъ. Немногіе изъ казаковъ спаслись отъ смерти и прискакали въ Уральскъ. Вслѣдъ за ними прибѣжала въ городъ и атаманская порожняя лошадь.

Что лошадь по инстинкту прибѣжала безъ сѣдока домой, конечно, явленіе не важное, а очень обыкновенное; о немъ бы и говорить не стоило. Но, я говорю, а для чего? А для того, чтобъ показать, какъ предки наши иногда дурили, чудили, словно малыя дѣти. Изъ ложнаго самолюбія, они не хотѣли сознаться ни передъ людьми, ни сами передъ собой въ безпечности и оплошности, часто вводившими ихъ, какъ и въ то время, въ пресакъ. Причину своего пораженія на Барбашовой они приписали отнюдь не себѣ, не своему безтолковому образу дѣйствій, но безсловесному животному, атаманской лошади — просто смѣхъ!

— Не урони, дескать, она атаманушку, — говорили казаки: — а главное, не убѣги отъ него — атаманъ-то былъ бы живъ; а еслибъ онъ былъ живъ, то мы не поддались бы басурманамъ.

На основаніи такой здравой и мудрой логики, казаки обвинили атаманскую лошадь (что ужъ не самого атамана? — оно было бы вѣрнѣе) въ измѣнѣ, въ предательствѣ и общимъ приговоромъ рѣшили казнить ее!... Смѣшно, а лошадь все-таки казнили. Врыли, говоритъ преданіе, среди базарной площади столбъ, привязали къ нему лошадь и уморили ее тутъ голодомъ.

Вотъ, она, повторю, исторія-то, съ которой взялась поговорка Барбашова страшна.

Поговорка эта во времена Струняшева была, конечно, еще въ большемъ ходу, чѣмъ теперь, но безстрашный Василій Ивановичъ плохо уважалъ ее, плевалъ онъ на нее, какъ на несвоевременность, какъ на пустой звукъ, какъ на игру словъ.

— Видали мы вещи и пострашнѣе вашей Барбашовой, да плевали на нихъ. Что ваша Барбашова? Дрянь — и больше ничего!...

Такъ обыкновенно говаривалъ Струняшевъ, и говаривалъ съ какимъ-то презрѣніемъ товарищамъ своимъ „лизертнымъ“ (резервнымъ) казакамъ, составлявшимъ охранную стражу г. Уральска и близкихъ къ нему селеній. Струняшевъ, переѣзжая, какъ уже сказано, съ мѣста на мѣсто, не разъ бывалъ въ составѣ этой резервной команды, переименованной впослѣдствіи въ Городовой полкъ, который нынче, сверхъ городской службы, содержитъ и передовые посты за р. Ураломъ.

Отзываясь такъ неблагосклонно о Барбашовой, Василій Ивановичъ не хвастался: слова свои онъ подтверждалъ дѣломъ. Бывало, въ свободное отъ службы время, сядетъ онъ одинъ-одинехонекъ въ бударку, возьметъ два ружья — одну винтовку, другую турку или громогласную фузею — что случится; первая обыкновенно заряжалась пулей для киргизовъ, послѣдняя, то есть, турка или фузея, дробью для птицъ, — и поѣдетъ рѣчками да проточками къ устью Барбашовой, а тамъ поднимется вверхъ по ней, и непремѣнно ночью. Плыветъ безстрашный и мстительный казакъ по рѣчкѣ, прислушивается, озирается и всматривается, нѣтъ ли гдѣ на берегу кочевки или становища басурмановъ. Вотъ блеснулъ въ сторонкѣ огонекъ, залаяла собака; Василій Ивановичъ пристаетъ уже къ берегу, но пристаетъ такъ осторожно, такъ тихо, что не только киргизы, но даже и дикая утка, дремавшая въ прибрежной осокѣ, не слышитъ, не чуетъ. Оставивъ въ кустахъ бударку, Струняшевъ, съ туркой черезъ плечо и съ винтовкой въ рукѣ, выползаетъ на берегъ и видитъ: около огня сидятъ киргизы

и ведутъ между себя рѣчь: они сговариваются перелѣзть гдѣ-нибудь чрезъ Уралъ и напасть на русскихъ или на ихъ конскіе табуны. Струняшевъ еще больше разгорается местью къ басурманамъ.

„Добро, добро, мошенники! — думаетъ казакъ:—дамъ я вамъ перелѣзть черезъ Уралъ и напасть на православныхъ, какъ же! Собирайтесь; а вотъ отвѣдайте-ка прежде моего гостинца, чѣмъ пахнетъ...“

Тутъ онъ припадаетъ на ружки, выжидаетъ такой моментъ, чтобъ пронизать пулей не одного, а двоихъ басурмановъ; наконецъ, моментъ этотъ настаетъ: вотъ освѣтилась широкая и голая грудь киргиза, изъ-за плеча его виднѣется голова другого; „важно, — думаетъ казакъ, — сплылись голубчики какъ селезни“. Казакъ не дышетъ, цѣлитъ вѣрно, глазъ ему не измѣняетъ, спускаетъ курокъ, раздается выстрѣлъ, и вслѣдъ за нимъ крикъ и визгъ киргизовъ. Струняшевъ поднимаетъ голову и видитъ если не двоихъ, то непремѣнно одного басурмана, корчащагося въ предсмертныхъ судорогахъ.

— Теперь милости просимъ и въ нашу сторону!... — кричитъ громко, смѣясь, Струняшевъ и удаляется въ бударку.

Если Струняшеву не доводилось встрѣтить киргизовъ близъ Барбашовой, онъ выходилъ на берегъ и дѣлалъ, такъ сказать, приманку киргизамъ. Наберетъ, бывало, сухой травы, хворосту и разведетъ костеръ, а самъ заляжетъ близъ него въ травѣ или въ кустарникѣ. Смотритъ, какой-нибудь странствующій, блуждающій ордынецъ наѣдетъ или набредетъ на огонекъ, въ чаяніи встрѣтить, конечно, своихъ, но дальше ужъ никуда не поѣдетъ, не пойдетъ: Струняшевъ безъ билета отправитъ его тотчасъ же туда, откуда нѣтъ возврата; просто, онъ убьетъ его, какъ звѣря.

Не на одной Барбашовой подвизался Василій Ивановичъ: онъ посѣщалъ и другія мѣста, гдѣ кочевали или блуждали киргизы, и вездѣ, разумѣется, не выпускалъ на вѣтеръ за-

ряда: каждая пуля его стоила если не двухъ, то непремѣнно ужъ одной басурманской головы.

Но чаще всего и удачнѣе всего онъ, такъ сказать, охотился за киргизами въ окрестностяхъ Гурьева-городка, по р. Соколку, гдѣ былъ предательски убитъ братъ его. Вотъ за него-то онъ крѣпко мстилъ киргизамъ. Онъ нагналъ страхъ и ужасъ на ордынцевъ, и почти совсѣмъ отбилъ ихъ отъ Соколка. Бывало, чуть гдѣ ночной порой по киргизской степи раздастся ружейный выстрѣлъ — киргизы съ негодованіемъ и ужасомъ вскрикивали:

— Струняшъ... кафиръ!...

А „Струняшъ" кафиръ, преспокойно въ то время садился въ свою бударку и, отсовываясь отъ берега, говорилъ:

— По дѣломъ вамъ нехристи поганые!...

Вотъ каковъ былъ или, правильнѣе, вотъ какимъ сдѣлался Василій Ивановичъ, вслѣдствіе хищничества киргизовъ. Но время и обстоятельства взяли свое: старость и дряхлость положили предѣлъ его молодечеству. Къ тому же рыцарство его противъ киргизовъ сдѣлалось несовременнымъ: казачье начальство стало наконецъ удерживать его отъ такихъ дѣйствій, а гурьевскій священникъ усовѣщевать и стращать грѣхомъ.

Василій Ивановичъ покорился необходимости, махнулъ рукой и удалился изъ Гурьева-городка; въ окрестностяхъ его, въ глухихъ камышахъ, построилъ келью и въ ней кончилъ жизнь чистымъ отшельникомъ.

Однажды, блуждая по гурьевскимъ камышамъ, на западъ отъ Гурьева-городка, около Ракушечьяго-Ильменя, я вышелъ на ровный и голый берегъ одного ерика и сѣлъ отдохнуть. Прямо противъ меня на срединѣ ерика, лежалъ

небольшой гладкій островокъ, на немъ виднѣлись слѣды какого-то жилища.

— Что это за рытье?— спросилъ я спутника моего Ѳиногея Котова, указывая ему на островокъ.

— Какъ, что за рытье? Да развѣ не знаете, что тутъ жилъ „ярой“ (герой) нашъ Василій Иванычъ.

— А!... такъ этотъ ерикъ...

Ѳиногей не далъ мнѣ кончить и поспѣшилъ подсказать:

— Да, сударь, этотъ ерикъ и названъ Струняшевымъ, въ память Василія Ивановича *).

Москва.
1854, 1855, 1857.

---

*) Теперь извѣстенъ „Струняшкинъ проранъ“. Ред.

II.

МАРИНКИНЪ ГОРОДОКЪ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Если кому-нибудь изъ васъ, читатели, доведется проѣзжать по низовой уральской линіи, отъ Уральска къ Гурьеву, то, не доѣзжая версты полторы до Кулагиной крѣпости, спросите ямщика, если только подводчикъ будетъ русскій, казакъ или казаченокъ:

— А гдѣ тутъ у васъ Мариикинъ Городокъ?

— А вотъ сейчасъ взъѣдемъ на него! — скажетъ подводчикъ и съ этимъ словомъ пріударитъ лошадей.

Кибитка ваша, катившаяся дотолѣ по низменности, вдругъ поднимется въ гору и остановится.

— Здѣсь! — скажетъ подводчикъ.

Вы осмотритесь вокругъ и увидите, что стоите на концѣ плоской и продолговатой возвышенности, валькомъ пересѣкающей поперекъ дорогу. Впереди васъ, шаговъ за сто, то же, что и позади, т. е. тутъ дорога спускается снова подъ гору и идетъ къ главному въѣзду Кулагиной крѣпости, попросту сказать въ улицу.

Вправо тотчасъ, едва замѣтнымъ спускомъ, разстилается на полверсты низменность, или такъ называемый подъ, упирающійся въ степной кряжъ *). Къ кряжу подъ

---

*) Слова кряжъ и подъ, главное подъ, требуютъ поясненій.— Подъ—это низменность, тотчасъ отъ кряжа начинающаяся, но не луговая, Кряжъ—это материкъ земли, никогда и никакой полой водой незаливаемый.

замѣтно понижается и углубляется, что и дастъ поводъ предполагать, что тутъ въ далекую отъ насъ старину была вода или въ видѣ длиннаго озера, или старицы — старое русло рѣки, — и т. под.

Влѣво, саженъ на полтораста, идетъ продолженіе той самой возвышенности, на которой вы стоите, а потомъ возвышенность эта кончается довольно высокимъ обрывомъ. За обрывомъ тянется уже на версту луговая низменность до самаго Урала. Передъ обрывомъ, на концѣ возвышенности, замѣтны, хотя и не въ очень ясныхъ и отчетливыхъ очертаніяхъ, но все-таки замѣтны слѣды рвовъ, валовъ, ямъ — однимъ словомъ, слѣды жилья.

Это-то самое и есть Маринкинъ Городокъ.

Вы спросите подводчика: „Отчего это названо Маринкинымъ Городкомъ?“ И подводчикъ отвѣтитъ вамъ: „Тутъ въ стары годы жила Маринка“. — Безъ сомнѣнія вы полюбопытствуете узнать о Маринкѣ, и потому сдѣлаете вопросъ: „Кто такая была Маринка?“ — Но вамъ дадутъ отвѣтъ неопредѣленный, неточный, въ родѣ слѣдующаго: „А Богъ ее знаетъ — должно быть, разбойница какая!“ — и больше вы ничего не узнаете.

И не диво, что на первыхъ порахъ, при первой встрѣчѣ съ кѣмъ-либо изъ казаковъ, особенно изъ казачатъ, вы ничего особеннаго не узнаете о Маринкѣ-разбойницѣ. Нужно гожить сколько-нибудь между казаками, и тогда, быть можетъ, случай наведетъ васъ на такихъ словоохотливыхъ старика или старушку, которые что-да-нибудь и сообщатъ вамъ объ интересной разбойницѣ. А такъ, мимоѣздомъ, не надѣйтесь что-нибудь узнать. Даже и знаменитый Пал-

---

а гораздо возвышеннѣе луговой.—Подъ въ свою очередь ниже кряжа, какъ луга ниже пода. Луговая низь, или просто луга, всегда въ среднюю или въ обыкновенную полую воду заливается. Но подъ въ среднее или въ обыкновенное половодье остается сухъ. Онъ уступаетъ только большой полой водѣ, что бываетъ очень-очень рѣдко: въ 10 или 20 лѣтъ разъ. Послѣ большой воды на немъ и сѣнокошеніе бываетъ; во всякое жъ другое время онъ даетъ только траву, годную для подножнаго корма. Авт.

ласъ, посѣщавшій Яикъ въ 1769 году, — девяносто вѣдь лѣтъ тому назадъ, — только вотъ что передалъ намъ о Маринкинѣ Городкѣ:

„Находящаяся при Кулагинѣ древность изъ средней россійской исторіи особливо достойна примѣчанія, а именно, тамъ есть знатный шанецъ, который извѣстенъ яицкимъ казакамъ подъ именемъ Маринкина Городка; но они не знаютъ больше никакого о томъ извѣстія, какъ только сіе, что Маринка была такая женщина, которая въ прежнія времена ходила на разбой изъ онаго городка. За вѣроятное почесть можно, что сіе мѣсто укрѣплено и прошеновано по Маринѣ Сендомирской, супругѣ ложнаго Дмитрія". — Тутъ у Палласа сдѣлана слѣдующая выноска: „Сія догадка находится въ исторіи яицкихъ казаковъ и внесена въ собраніе Россійской исторіи". — „Маринкинъ Городокъ — продолженіе текста у Палласа — находится по сію сторону Кулагиной крѣпости, полторы версты отъ оной, на высокомъ степномъ мѣстѣ при буеракѣ, въ которомъ рѣка Яикъ, какъ сказываютъ, прежде имѣла свое теченіе; но нынѣ она отдалилась на полверсты отъ онаго мѣста. Шанецъ имѣетъ видъ прямого угла съ кривыми сторонами, которыя кончаются при упомянутомъ буеракѣ. Разстояніе между концами шанца считается 335 шаговъ, а отъ угла прямо къ буераку немного больше половины. Къ оному видны три проѣзда, а именно самый большой въ западную сторону къ калмыцкой степи и два малые отъ сторонъ шанца къ юго-западу и сѣверо-востоку. Внутри шанца находятся земляныя кучи, происшедшія отъ подземныхъ жилищъ, которыя по объявленію казаковъ прежде тамъ были". (См. „Пут. Пал.", т. 1, стр. 604—605).

Что Маринкинъ Городокъ получилъ названіе отъ Марины, жены Лжедмитрія, имѣвшей на Яикѣ пріютъ въ послѣдніе дни своей несчастной исторической дѣятельности,— это не подлежитъ сомнѣнію. Но что уральскіе, прежде яицкіе, казаки мало знаютъ несчастную Марину — это объясняется тѣмъ, что пребываніе Марины на Яикѣ и вся со-

провождавшая это событіе суматоха мало коснулись быта яицкихъ казаковъ, о чемъ будетъ разсказано ниже.

Въ жизни моей мнѣ, однако жъ, случалось что-да-нибудь слышать о Маринѣ отъ нашихъ старшиковъ, и это что-да-нибудь я передамъ вамъ, любезные читатели, вслѣдъ за симъ въ особой главѣ, подъ рубрикой: „преданія"; а теперь, на основаніи данныхъ, представляю слѣдующій историческій очеркъ.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *).

Жена Лжедмитрія, Марина, и покровитель ея, атаманъ Запорожскихъ казаковъ Иванъ Заруцкій (вѣроятно родомъ полякъ), вытѣсненные изъ внутреннихъ областей Россіи, удалились въ концѣ 1613 года на юго-востокъ, въ низовья Волги, овладѣли Астраханью и сдѣлали ее своею резиденціею, а воеводу тамошняго, князя Ивана Хворостинина, и окружающихъ его, убили (1). Прикрываясь тѣнью убитаго Лжедмитрія и опираясь на титло царевича, приданное сыну Марины, Ивану, они нѣкоторое время разыгрывали роль властителей Руси, именуя себя: Заруцкій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, а Марина, во всѣхъ случаяхъ, царицей Мариной Юрьевной. Сыну же ея не было другого имени, какъ царевичъ Иванъ Дмитріевичъ (2) Частію по убѣжденію, частію по-неволѣ (3), а большею частію по причинѣ всеобщаго водоворота, мутившаго въ то время Русь, подъ знамена Марины и Заруцкаго стекались люди всякихъ состояній, какъ-то: стрѣльцы, рат-

*) Источниками служили мнѣ „Акты Историческіе", т. 3, изд. Археогр. Комм. 1841 г. Чтобы не прерывать и не пестрить текстъ частыми, мелкими и однообразными выносками, состоящими только изъ цифръ, я принялъ за правило указывать въ самомъ текстѣ №№ тѣхъ актовъ, на которые буду ссылаться или изъ которыхъ буду извлекать выписки.

ные и жилецкіе люди, волжскіе казаки, ногайцы, кочевавшіе между рѣками Дономъ, Волгою и Яикомъ, — словомъ, всѣ тѣ, для которыхъ, по пословицѣ, что ни попъ, то батька, или: у кого въ рукахъ палка, тотъ и дядька.

Главною же и надежною опорою у Марины съ Заруцкимъ были волжскіе казаки, имѣвшіе по Волгѣ свои городки и селенія. На казаковъ, какъ на людей болѣе другихъ вольныхъ и болѣе другихъ воинственныхъ, смотрѣло и остальное народонаселеніе Понизоваго края. Куда казаки тянутъ, туда и народъ (4). Но за всѣмъ тѣмъ счастіе Маринѣ и ея покровителю служило не долго.

По мѣрѣ того, какъ съ восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича водворялся внутри государства нѣкотораго рода порядокъ, — по мѣрѣ того, какъ области, города и отдѣльныя сословія, не знавшіе во время междуцарствія кому повиноваться или повиновавшіеся первой удалой головѣ, въ родѣ, напримѣръ, Болотникова, Тушинскаго и т. п., стали мало-по-малу склоняться подъ властію московскаго царя, — Марина и Заруцкій все больше и больше теряли своихъ приверженцевъ. Донъ не помогалъ. Терекъ съ казаками и съ служилыми людьми отсталъ. Въ случаѣ неустойки въ Астрахани, Марина и Заруцкій, замѣтно, много надѣялись на Терекъ, какъ на край, близкій къ Астрахани по удобству водяного сообщенія; но вышло такъ, что и „Терекъ къ злодѣямъ не потянулъ". — Самая Астрахань, гдѣ у Марины и Заруцкаго „было свито тепло-гнѣздо", поколебалась: большая часть служилыхъ и жилецкихъ астраханскихъ людей, а также и ногайцы отложились, присягнули царю и стали уже во враждебное отношеніе къ Маринѣ и Заруцкому. Послѣдніе остались только съ горстью волжскихъ казаковъ, человѣкъ до восьмисотъ, и заперлись въ каменномъ городкѣ (въ кремлѣ); но и тамъ, осажденные перешедшими на сторону правительства ратными людьми, держались не долго (№ 30). Видя, наконецъ, со всѣхъ сторонъ нерасположеніе и отпаденіе и претерпѣвъ не разъ неудачу въ бояхъ, Марина и Заруцкій въ ночь съ 12 на 13 мая 1614 года остави-

ли Астрахань и въ легкихъ стругахъ поплыли-было вверхъ по Волгѣ, но, встрѣченные стрѣльцами и терскими казаками, вернулись вспять и уплыли въ Каспійское море (№ 15 — 276). Ихъ сопровождали атаманы и казаки волжскіе въ числѣ шестисотъ человѣкъ и небольшое число астраханскихъ стрѣльцовъ (№ 15). — Главными или, по крайней мѣрѣ, болѣе другихъ извѣстными атаманами у казаковъ были: Микитка Усъ (старый человѣкъ, засѣдавшій въ думѣ у Заруцкаго), Треня Усъ (человѣкъ, должно полагать, хитрый и вліятельный, какъ увидимъ ниже), Ворзига (голова, не уступавшая Тренѣ-Усу), Истома Желѣзное Копыто, Максимъ Дутая Нога, Бирюкъ, Илейко Боровъ, Неупокойко Карга, Юшка Караганецъ (бывшій въ думѣ же у Заруцкаго) и другіе. Изъ стрѣльцовъ упоминается нѣкто Богдашка Васильевъ Кошира. Этотъ былъ кормчимъ на стругѣ у Марины. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно заключить изъ слѣдующихъ словъ современнаго тому событію акта: „...бѣжалъ-де изъ Астрахани стрѣлецъ съ Маринкою, Богдашко Васильевъ Кошира и стоитъ-де у Маринки на кормѣ, а жена-де его Ульянка въ Астрахани на прости, да и иные-де стрѣльцы изъ Астрахани бѣжали съ Маринкою, а имянъ-де имъ онъ Посничко (доносчикъ) не упомнитъ“ (№ 23).

Въ компаніи или въ свитѣ у Марины и Заруцкаго былъ одинъ чернецъ, по имени „Миколай“ (№ 33). Этотъ, по всей вѣроятности, волей или неволей, все равно, состоялъ при нихъ въ качествѣ статсъ-секретаря, однимъ словомъ въ качествѣ лица, нужнаго при дипломатическихъ сношеніяхъ съ народомъ; иначе не зачѣмъ бы было брать съ собой человѣка, удалившагося отъ свѣта.

Оставляя по необходимости Астрахань, Марина и Заруцкій замѣтно не думали только спасать себя. Они захватили съ собой изъ Астрахани аманатовъ или заложниковъ татарскихъ. Черезъ аманатовъ они, конечно, могли дѣйствовать— и пытались дѣйствовать, какъ увидимъ ниже—на ногайцевъ, а ногайцы въ тѣ поры были довольно сильны и богаты.

Противъ Марины и Заруцкаго посланы были изъ Москвы

воеводы, бояринъ князь Одоевскій и окольничій Головинъ. Покуда Марина и Заруцкій держались въ Астрахани, воеводы подвигались къ Астрахани черепашьимъ шагомъ и только отписывались, разсылая отъ себя наказы, отписки, грамоты на Донъ, на Терекъ, на Яикъ, къ татарскимъ мурзамъ и князьямъ, въ Астрахань и въ другіе понизовые города,—подтверждая всѣмъ и каждому, чтобы, „призвавъ Бога и московскихъ чудотворцевъ на помощь, промышляли надъ воромъ Ивашкой Заруцкимъ Черкашенишомъ и надъ ворухой Маринкой люторкой и надъ сыномъ ея Ивашкой выб...“, и чтобы не выпускали ихъ изъ Астрахани до своего прихода, но сами подвигались къ Астрахани весьма медленно, хотя и часто писали о себѣ, что идутъ тотчасъ на Заруцкаго и Марину съ ратными людьми и съ „вогнянымъ боемъ“ (№ 269—270). Но когда получили положительныя извѣстія, что Марина и Заруцкій бѣжали въ море, воеводы дѣйствительно явились въ Астрахань тотчасъ.

Внимательное чтеніе актовъ, относящихся къ 1614 году, ясно, какъ въ зеркалѣ, показываетъ, до какой степени всюду царствовалъ безпорядокъ,—куда ни взглянешь, вездѣ представляется всеобщая неурядица понизоваго края, шаткость убѣжденій ратныхъ людей, непониманіе прямыхъ своихъ обязанностей, доносы другъ на друга, жалобы, сплетни хуже бабьихъ,—словомъ, все, что даетъ обильную пищу смутамъ.

Вотъ образчики тогдашней картины:

Отъ самарскаго воеводы пріѣхалъ въ станицы волжскихъ казаковъ нѣкто изъ казацкихъ атамановъ, Описимовъ, съ увѣщевательными царскими грамотами. Въ ту же пору явился къ казакамъ посланецъ отъ Заруцкаго, нѣкто изъ казацкихъ же атамановъ, Мишка Радцевъ, съ „воровскими отписками“, чтобы волжскіе казаки и атаманы ѣхали въ Астрахань „къ нему къ вору креста цѣловать, и жалованья-де бы у вора имали“ (№ 257) и чтобы съ „нимъ воромъ съ Заруцкимъ шли подъ Самарской (городъ) и подъ Казань“,

„а я-де васъ (слова Заруцкаго) пожалую тѣмъ, чего-де у васъ и на разумѣ нѣтъ“ (№ 248).

Одна изъ казацкихъ станицъ, человѣкъ до 250, подъ начальствомъ атамана Ворзиги, осталась къ царскимъ грамотамъ глуха, потому что атаманъ ея Ворзига—какъ сказано въ современномъ актѣ—„тянетъ въ гору Заруцкому“ (№ 248).—Большая же часть казаковъ, во главѣ которыхъ стояли атаманы: хитрый Треня Усъ, Неупокойко Карга, Бирюкъ и другіе, государевы грамоты прочитали и... „обрадовались, что государь на Владимирское и на Московское и Всероссійское государство сѣлъ и учали Бога молить... а вора Ивашка Заруцкаго и воруху Маринку съ ея сыномъ лаяли и проклинали “ (№ 257). Но тутъ же иные казаки, молодые люди, говорили: „Намъ бы-де гдѣ зипунами добутся, что-де намъ и подъ Самарской нейти?“ (№ 257).

Изъ Самары главные воеводы послали впередъ себя въ Астрахань противъ Заруцкаго шестерыхъ стрѣлецкихъ головъ съ отрядами стрѣльцовъ, въ легкихъ стругахъ, и наказали имъ, чтобы они ѣхали къ Астрахани „на спѣхъ и днемъ, и ночью“. Стрѣльцы дѣйствительно поѣхали скоро. Въ три съ половиною дня они проплыли пространство отъ Самары до Саратова; но тутъ наткнулись на „камень преткновенія“ въ образѣ кладовъ. Остановясь на саратовскомъ городищѣ, головы стрѣлецкіе прислали воеводамъ донесеніе—чуть ли не съ приложеніемъ колоколовъ, какъ увидимъ ниже,—что погода не дозволяетъ имъ продолжать пути. Но воеводы такому донесенію не повѣрили и послали головамъ выговоръ. Между прочимъ, воеводы писали стрѣлецкимъ головамъ вотъ что:

„... а пишите къ намъ отнимаетесь погодою, и вамъ было въ легкихъ стругахъ подъ погодою мочно ѣхати на спѣхъ, погода васъ не издержала; и вы то дѣлаете не гораздо, государевымъ дѣломъ не радѣете, что ѣдете мешкотно, заѣзжали есте на саратовское городище и копали ямы и искали поклажеевъ, а отъ городища заѣзжали къ Саратову близко десять верстъ и прислали... колокола, а мы васъ по-

слали подъ Астрахань на спѣхъ, а не ямъ копать и не поклажеевъ искать и не для колоколовъ“ (№ 273).

Заруцкій не даромъ говорилъ окружающимъ его въ Астрахани ратнымъ людямъ и всему своему скопищу: „Знаю-де я московскіе наряды: покаместа-де и люди съ Москвы пойдутъ, а я-де и до тѣхъ мѣстъ Самару возьму, да и надъ Казанью промыслъ учиню“ (№ 248).

Въ Самарѣ, въ тѣ поры, воеводой былъ князь Дмитрій Пожарскій—не освободитель Москвы, замѣтьте: тотъ былъ по отечеству Михайловичъ, а этотъ, Самарскій, Петровичъ.— Выше Самары верстахъ въ 60-ти, на устьѣ рѣки Усы, по распоряженію главныхъ воеводъ, князя Одоевскаго и Головина, построенъ былъ острожекъ (крѣпость). Въ немъ засѣлъ строитель его, стрѣлецкій голова Гордѣй Пальчиковъ съ приказомъ (отрядомъ) стрѣльцовъ. По наказу воеводъ, Пальчиковъ долженъ былъ наблюдать, чтобы сверху внизъ по Волгѣ никоимъ образомъ не могли проплыть,—дѣло происходило въ апрѣлѣ,—къ Заруцкому воровскіе люди,— чтобы, въ случаѣ нападенія на Самару непріятеля, идти на помощь къ князю Пожарскому, чтобы ловцовъ, которые будутъ пріѣзжать сверху съ билетами воеводъ, допускать рыбачить на Волгѣ, но ниже устья Усы все-таки не пропускать, и чтобы тѣхъ, „кто (подлинныя слова наказа) пріѣдетъ безъ грамотъ и безъ подписныхъ челобитныхъ... и тѣхъ людей имати“... Велѣно задерживать и возвращать къ воеводамъ въ Казань (№ 252). Это, такъ сказать, главныя статьи наказа. О статьяхъ второстепенной важности говорить не къ чему.

Непріятельскаго нападенія на Самару нѣтъ, а есть слухи, что Заруцкій снесся съ турецкимъ султаномъ, что султанъ послалъ къ Заруцкому армію, что передовой отрядъ турокъ, въ числѣ 20,000 человѣкъ, пришелъ уже къ Азову, что этотъ отрядъ скоро придетъ къ Астрахани, и что Заруцкій идетъ съ ногайцами и всякими воровскими людьми на Самару (№ 254). На основаніи ли этихъ слуховъ, или вслѣдствіе своихъ стратегическихъ соображеній—положи-

тельно сказать нельзя, акты темны,—князь Пожарскій приказываетъ Пальчикову оставить острожекъ и идти въ Самару; но Пальчиковъ, буквально исполняя наказъ старшихъ воеводъ, не слушаетъ князя Пожарскаго, разсуждая при томъ, можетъ-статься, еще и такъ: „лучше-де быть въ острожкѣ первымъ, чѣмъ въ Самарѣ вторымъ“ (№ 253 и 256). Князь Пожарскій обращается съ жалобой къ главнымъ воеводамъ и, между прочимъ, вотъ что пишетъ: „...и самарскому, господа, городу отъ нихъ—т. е. отъ Пальчикова и его стрѣльцовъ—обереганья отъ воровскихъ людей не будетъ, лишь смута, и въ самарскомъ, господа, въ людехъ сумнѣніе великое, что ему (Пальчикову) велѣли быти выше самарскаго: и вамъ бы, господа, велѣти ему быти въ самарскомъ, чтобы самарскіе всякіе люди въ сумнѣньи не были, и самарскому бы городу отъ воровскихъ людей помощь была“. Далѣе князь Пожарскій говоритъ, что Пальчиковъ проѣзжавшему черезъ его острогъ государеву охальщику, рыбному ловцу, нѣкоему Сурьянову, сказывалъ—замѣчайте, читатель, начинаются уже сплетни,—и „наказъ-де ему казалъ, что вы ему дали, а не велѣно-де ему, по вашему наказу, ниже своей заставы на Самару верховскихъ торговыхъ, и всякихъ людей со всякими товары и съ хлѣбными запасы пропускать: и вы, господа, самарскому городу поруху чините великую, что верховскихъ всякихъ торговыхъ людей со всякими товары и съ хлѣбными запасы на Самару пропускати не велѣли, и самарскихъ всякихъ людей хотите голодомъ поморить; а въ самарскомъ, господа, всякіе люди бѣдны и голодны, и хлѣбныхъ запасовъ продажнаго нѣтъ ни у кого“ (№ 253).

Изъ этого видно, что князь Пожарскій, между прочимъ, выражаетъ неудовольствіе свое на Пальчикова за то, что онъ, руководствуясь наказомъ воеводъ, не пропускаетъ мимо своего острожка къ Самарѣ хлѣбныхъ торговцевъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Пожарскій сѣтуетъ и на самихъ воеводъ, что дали Пальчикову такой стѣснительный наказъ. Главныя статьи наказа, даннаго Пальчикову, мы знаемъ. Судя по

одной изъ нихъ, обязывавшей Пальчикова задерживать всѣхъ безбилетныхъ, можно предположить, что онъ дѣйствительно могъ „чинить поруху Самарѣ“, не пропуская безъ билетовъ и хлѣбныхъ торговцевъ, такъ какъ въ наказѣ не было сдѣлано изъятія насчетъ послѣднихъ. Но все это, съ одной стороны, именно, со стороны воеводъ—дѣло неточнаго приказанія, а съ другой, именно со стороны стрѣлецкаго головы—дѣло буквальнаго исполненія: все это дѣло ошибки, случайности, недоразумѣнія; стало быть, извинительно. Но главное дѣло все-таки не въ этомъ, а вотъ въ чемъ.

Тѣмъ временемъ, пока князь Пожарскій споритъ съ Пальчиковымъ и переписывается съ главными воеводами, изъ Самары въ острогъ къ Пальчикову ѣздятъ знакомые въ гости, „гулять“. А гдѣ гуляютъ, тамъ, извѣстно, не безъ рѣчей и, какъ большею частью бываетъ, не безъ сплетней, которыя принимаютъ характеръ серьезный и доходятъ даже до царя, какъ увидимъ ниже. Вотъ что князь Пожарскій, между прочимъ, писалъ главнымъ воеводамъ: „Да апрѣля въ 30 день сказывали мнѣ казанскіе сотники стрѣлецкіе... Дмитрій Берсеневъ, да Яковъ Протопоповъ: ѣздили они гулять изъ самарскаго вверхъ Волгою рѣкою, въ стругахъ, на усть Усы рѣки въ острожокъ къ стрѣлецкому головѣ Гордѣю Пальчикову... и Гордѣй-де Пальчиковъ говорилъ, ѣхалъ-де изъ самарскаго въ Казань казанской сынъ боярской, Офонасей Шемякинъ сынъ Аристовъ, и ему-де сказывалъ тотъ Офонасей, писалъ-де на него я изъ самарскаго къ государю къ Москвѣ, что сталъ онъ Гордѣй на Усѣ на устьѣ, а торговыхъ-де людей съ верху въ самарской со всякими запасы и съ товары не пропускаетъ; да онъ же-де Офонасей сказывалъ, будто я въ самарскомъ ратнымъ людямъ говорилъ: „пойду-де я на Усу и острожекъ-де велю срыть, а голову-де стрѣлецкаго Гордѣя и стрѣльцы къ себѣ въ самарской возму“; да сказывалъ, господа, мнѣ сынъ боярской Салманъ Володимеровъ, а ему-де сказывалъ... князь Андрей Болховской: пришли-де подъ самарской турскіе люди, а воровскіе-де казаки сбираются на саратовскомъ по

нелищѣ, а я-де будто говорилъ въ самарскомъ: „какъ-де воровскіе люди самарской возмутъ, и я-де имѣю воровать и отъ меня-де многіе городы подрожатъ“. И я, господа, такова слова, что Офонасей Гордѣю и князь Ондрѣю сказывалъ, не говаривалъ, и на Гордѣя къ государю писалъ потому, что сказывалъ мнѣ... охальщикъ Янка Сорьяновъ, что Гордѣй-де торговыхъ людей въ Самарской со всякими запасы и съ товары не пропущаетъ, и я писалъ по его Янкиѣ сказкѣ, а здѣся, господа, въ Самарскомъ тотъ Офонасей брата моего и меня лаялъ, и за то на меня тотъ Офонасей смуту сказываетъ. И вамъ бы, господа, пожаловать, того Офонасья отъ себя не отпускать и съ собою для сыску привести въ Самарской, а я о томъ о сыску писалъ къ государю къ Москвѣ; а прежде того на меня смуту-жъ сказывалъ казанецъ сынъ боярской Дмитрей Хвостовъ, и тобѣ, князь Иванъ Никитичъ, моя измѣна извѣстна“.

Каковы сплетни—а? Не правда ли, что хуже бабьихъ?— А вѣдь всѣ князья, да боярскія дѣти, да стрѣлецкіе сотники!...

„Да здѣсе... господа,—продолжаетъ Пожарскій старую пѣсню,—въ Самарскомъ служилые люди и всякіе ружники и оброчники бѣдны и голодны, а воровъ ожидаемъ вскорѣ: и вамъ бы, господа, служилыхъ людей, съ хлѣбными запасы, изъ Казани въ Самарской отпустить, не задержавъ ни часу, вскорѣ, чтобъ Самарскому городу поруха не учинилась, а служилые-бъ люди и всякіе ружники и оброчники не померли голодною смертію и въ розынь не разбрелись; а которая, господа, надъ Самарскимъ поруха учинится, и то, господа, не отъ меня; отъ васъ“ (№ 260).

Никакъ нельзя сомнѣваться въ вѣрности Пожарскаго, самарскаго воеводы. Нельзя допустить и мысли, чтобы Пожарскій говорилъ о себѣ: „и я-де умѣю воровать“—простое чувство честолюбія не дозволило бы этого сказать. Можно допустить одно: какъ князь—а мѣстничество въ тѣ поры еще не было низложено—Пожарскій оскорбился отказомъ стрѣлецкаго головы Пальчикова, могъ въ запальчивости выска-

зать, что коли Пальчиковъ не слушаетъ, онъ сростъ острогъ, а самого Пальчикова, какъ упрямца, насильно съ стрѣльцами переведетъ въ Самару, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. И вотъ начало личныхъ неудовольствій,—отсюда начало сплетней, жалобъ, доносовъ, и т. п. Но каково было положеніе главныхъ воеводъ—слышать отовсюду такія и подобныя имъ извѣстія, въ родѣ, напримѣръ, еще слѣдующаго:

„...Слухъ, господа, дошелъ—писали главнымъ воеводамъ нѣкоторые изъ городскихъ воеводъ, кажется, города Свіяжска, Василій Щербатой и Иванъ Сафоновъ,—что говорите вы про насъ, будто мы ваши отписки, которыя вы къ намъ о государевыхъ дѣлахъ присылаете, деремъ и государевымъ дѣломъ не промышляемъ: и мы, господа, вашихъ отписокъ не деремъ, а вклеены ваши отписки всѣ въ столпу, и государевымъ дѣломъ радѣемъ, сколько наша мочь сяжетъ; а то вамъ про то сказывалъ нѣкто бездѣлникъ на смуту воровствомъ. Да писали вы... къ намъ, что били челомъ государю... свіяжскіе дѣти боярскіе, которые посланы на государеву службу... что будто мы ихъ на государеву службу выбрали худыхъ съ меншихъ статей, а лутчихъ дѣтей боярскихъ прожиточныхъ съ большихъ статей оставили въ Свіяжскомъ... И вамъ бы, господа, впередъ такимъ ворамъ, кто вамъ на насъ станетъ на смуту сказывати, не вѣрить...“ (№ 251, пункт. V).

Просимъ покорно вникнуть въ положеніе тогдашнихъ дѣлъ и стать на мѣсто главныхъ воеводъ. Вотъ съ какою цѣлію я и осмѣлился утомлять читателей длинными выписками изъ современныхъ актовъ.

Къ нимъ отовсюду доносятъ: Атаманъ Ворзига, съ своей казацкой станицей, прямо „тянетъ къ вору Заруцкому“: Треня Усъ съ братію, хотя Заруцкаго и Марину „лаетъ“, а все-таки къ нимъ же пробирается, прикрываясь личиною: „покамѣста-де змѣя въ норѣ,—намекъ на Заруцкаго, засѣвшаго въ Астрахани,—по ту-де пору надъ нею и промыслъ чинить... чтобъ-де его (Заруцкаго) изъ Астрахани не упустить“ (№ 257). Молодые казаки согласны идти туда, гдѣ-бъ

только зипунами разжиться. Стрѣлецкіе головы, вмѣсто того, чтобы воевать противу Заруцкаго, увлекаются кладами и колоколами. Воеводы городовъ—одни похваляются, что „сами умѣютъ воровать", другіе рвутъ отписки главныхъ воеводъ и выставляютъ на царскую службу людей „худыхъ", а людямъ „прожиточнымъ" потворствуютъ, оставляя ихъ дома на печкѣ. Заруцкій сносится съ Турціей и Персіей; турки идутъ къ Астрахани сухимъ путемъ, а персіяне плывутъ на бусахъ (№ 257). Ногайцы „шертуютъ" (присягаютъ) вору, даютъ ему заложниковъ и выставляютъ подъ его знамена всадниковъ. Служилые люди по городамъ, ружники и оброчники, бѣдны и голодны,—того только и смотри, что или голодною смертію перемрутъ, или разбредутся куда глаза глядятъ. Тамъ струги гнилы, тамъ припасы обмочены (261), и проч. и проч., все въ этомъ же родѣ!

Вникнувъ во все это, дойдешь до убѣжденія, что главнымъ воеводамъ ничего иного не оставалось дѣлать, какъ только отписываться да призывать на помощь Бога и Св. Чудотворцевъ.

Но такъ ли, сякъ ли, а „вѣдомой воръ и желатель крови крестьянскія Черкашенинъ Ивашко Заруцкій утекъ съ Маринкою и съ сыномъ ея Ивашкой и съ немногими людьми въ море".

Воеводы князь Одоевскій и Головинъ, съ подобающею пышностію, при колокольномъ звонѣ, съ чудотворной иконой Казанской Божіей Матери, вступили 1 ч. іюня въ Астрахань, встрѣченные, по ихъ распоряженію, заранѣе сдѣланному, сборомъ священниковъ и „всѣмъ народомъ, съ сущими младенцы" (№ 280).

Здѣсь кстати не мѣшаетъ указать на одно любопытное явленіе, такъ рельефно обрисовывающее характеръ стараго времени воеводъ и ихъ взглядъ на вещи. Получивъ извѣстіе о бѣгствѣ изъ Астрахани Марины и Заруцкаго, воеводы шлютъ, 27 мая, стрѣлецкимъ головамъ, дѣйствовавшимъ въ окрестностяхъ Астрахани противъ Заруцкаго, наказъ въ главныхъ основаніяхъ слѣдующаго содержанія: „и будетъ

онъ воръ Ивашко Заруцкой и съ Маринкою изъ Астрахани бѣжали, а Василій—Хохловъ, стрѣлецкій голова, одинъ изъ первыхъ, дѣйствовавшихъ противъ Заруцкаго— будетъ про то ко государю еще не писалъ и станицы не послалъ, и вы бъ Василью говорили, чтобъ онъ до нашего приходу къ государю станицы не посылалъ, а мы будемъ въ Астрахань тотчасъ; и будетъ Василій ко государю станицу и послалъ, и онъ бы за ними послалъ тотчасъ, а велѣлъ ихъ воротить въ Астрахань, для того, что намъ ко государю писать объ многихъ государевыхъ дѣлѣхъ..." (№ 278). То же самое и въ тѣхъ же словахъ, писано было и самому Василью Хохлову.

Ставъ твердой ногой въ Астрахани и снова приведя весь русскій народъ къ крестному цѣлованію, а татаръ къ „шерти", воеводы обратили дѣйствія свои противъ Марины и Заруцкаго, но не знали положительно, въ какія мѣста они укрылись. Полагали, что они уплыли къ Тереку, но 7 іюня получено извѣстіе отъ терскаго воеводы, что „Заруцкій и Маринка и казаки въ Теркѣ не объявились". Оставался въ виду Яикъ. Немедля ни мало, въ тотъ же день, т. е. 7 іюня, воеводы дали наказъ стрѣлецкимъ головамъ, Пальчикову и Опучину, „плыть въ стругахъ моремъ къ устьямъ Яика... и ѣдучи разсматривати ихъ (Заруцкаго и Марины) становъ и с а к м ы (слѣды), куды они пошли, и идти за ними, да гдѣ ихъ сойдутъ... надъ ними промышлять, сколько милосердый Богъ помочи подастъ, а о всякихъ вѣстехъ писати"... (№ 19).

Въ одно время съ Пальчиковымъ, для совмѣстнаго съ нимъ дѣйствія, посланы изъ Астрахани къ Яику и сухимъ путемъ отряды конныхъ стрѣльцовъ и татаръ, подъ начальствомъ татарскаго мурзы Кутука Енарасланова (5).

Но въ Астрахани, кажется, все еще не знали положительно, гдѣ находятся Заруцкій и Марина. Наконецъ объяснилось и это. Спустя недѣлю послѣ посылки Пальчикова, именно 15 іюня, пойманы на Волгѣ два ногайца, вышедшіе

съ Яика отъ казаковъ, окружающихъ Марину и Заруцкаго. Въ допросахъ ногайцы показали вотъ что:

„... Послали ихъ съ Яика, съ Соляной горы, а по-татарски словетъ Индеръ, казаки, которые съ Ивашкомъ Заруцкимъ и съ Маринкою, къ Иштерку князю да къ Каракелмаметю мурзѣ для лошадей тому двадцатой день, чтобы они прислали къ нимъ за аманаты десять тысячъ лошадей; а стоять-де казакамъ на Яикѣ, на Медвежьѣ острову, поставя острожекъ, а отъ Соляныя горы, откуды ихъ послали, до того Медвѣжья острова ходу вверхъ Яикомъ въ другой день, а послать-де казакамъ съ Медвѣжьяго острова на Самару осемь человѣкъ казаковъ провѣдывати, что на Самарѣ вѣстей, а переволочиться-де имъ съ Яика на Самарскихъ вершинахъ, а переволоки будетъ день... а всѣхъ-де казаковъ человѣкъ съ шестьсотъ, и въ тѣхъ многіе ранены; а всѣмъ-де владѣютъ казаки атаманъ Треня Усъ съ товарищи, а Ивашкѣ Заруцкому и Маринкѣ ни въ чемъ воли нѣтъ, и аманаты всѣ Иштерековы и Коракелмаметевы и Янарасланъ мурза, и Маринки выб..., у казаковъ, у Трени Уса съ товарищи; а сколько имъ на Яикъ стоять, и куда съ Яика идти и что ихъ дума, того подлинно невѣдаютъ“... (№ 26).

Вслѣдствіе этихъ извѣстій, въ помощь къ Пальчикову еще былъ посланъ на Яикъ моремъ стрѣлецкій голова Баимъ Голчинъ съ отрядомъ стрѣльцовъ, а сухимъ путемъ татарскіе мурзы Канай и Курмышъ съ татарами (сказано: съ товарищи,—надо полагать, что съ небольшимъ числомъ).

Отправляя въ походъ Пальчикова, воеводы, на первыхъ порахъ, дали ему приказаніе въ общихъ выраженіяхъ: „промышлять надъ ворами сколько милосердый Богъ помочи подастъ“. Но, отправляя вслѣдъ за Пальчиковымъ другого голову, Голчина, воеводы дали послѣднему уже болѣе опредѣленныя наставленія. Въ наказной памяти, данной Голчину, поставлялось ему въ непремѣнную, какъ говорится въ дѣловыхъ бумагахъ, обязанность слѣдующее:

Сошедшись съ Пальчиковымъ, дѣйствовать общими силами противу Заруцкаго и казаковъ, и во что бы то ни

стало не допускать Заруцкаго съ казаками перекинуться съ Яика на Самару или на Волгу.

Принудить казаковъ, войной или миромъ, къ выдачѣ Заруцкаго и Марины съ сыномъ.

Привести казаковъ къ присягѣ, если они пожелаютъ сдаться, но самимъ, въ обезпеченіе свободы и жизни, казакамъ не присягать.

Аманатовъ татарскихъ выручить отъ Заруцкаго иль отъ казаковъ, но не выдавать мурзамъ, Канаю и Курмышу,—которые, вѣроятно, за ними только и поѣхали на Яикъ,—а привести самимъ въ Астрахань (№ 24).

Сошелся ли Голчинъ съ Пальчиковымъ—неизвѣстно. Вѣроятно, что нѣтъ. Потому что Голчинъ отправился изъ Астрахани 15 іюня, а 24 того мѣсяца Пальчиковъ столкнулся уже на Яикѣ съ тѣми, кого искалъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, т. е. съ 15 по 24, въ теченіе девяти дней, Голчинъ не могъ дойти до Медвѣжьяго острова, гдѣ укрѣпились казаки; островъ этотъ слишкомъ далекъ отъ устья Яика, какъ увидимъ ниже. Впрочемъ, мы будемъ еще имѣть случай сказать объ этомъ нѣсколько словъ, а теперь послѣдуемъ за Пальчиковымъ.

11 іюня Пальчиковъ приплылъ къ устьямъ Яика, и тамъ на урочищѣ, называемомъ Городище (6), напалъ на слѣды стана Марины и Заруцкаго. Отъ Городища Пальчиковъ поплылъ вверхъ Яикомъ; но здѣсь за удобное считаю привести подлинныя слова изъ донесенія Пальчикова: „...и мы - писалъ Пальчиковъ воеводамъ, отъ 14 іюня,—бывъ на станѣхъ (на Городищѣ), пошли по Яику вверхъ тотчасъ, іюня по 13 день доѣхали до Баксакого верховья и наѣхали до Баксакого верховья воровскихъ семь становъ, гдѣ они стояли и паслися рыбою и звѣремъ, и на всѣхъ станѣхъ огни смѣчали, и на всѣхъ у нихъ станѣхъ по тридцать два котла... а вверхъ Яикъ рѣка, по вожевской сказкѣ (т. е. по словамъ вожака, проводника) узка и лѣса по тѣмъ урочищамъ крѣпки, и въ стругѣхъ безвѣстно на Маринку съ сыномъ и на вора на Ивашка Заруцкаго и на воровскихъ

казаковъ придти и языки промыслить немочно... а съ Баксаку... прося у Бога милости, пошли за Маринкою вверхъ по Яику и по тѣмъ урочищамъ, гдѣ пачаемся Маринки съ сыномъ и вора Ивашка Заруцкаго наспѣхъ, тогожъ числа іюня въ 14 день..." (№ 23).

Изъ этого донесенія можно заключить, что отъ Баксая (рукавъ Яика) Пальчиковъ пошелъ вверхъ по берегу Яика сухимъ путемъ; иначе не для чего бы говорить: „а вверхъ Яикъ рѣка узка, и лѣса... крѣпки, и въ стругѣхъ безвѣстно на Маринку... придти и языки промыслить немочно"... По крайней мѣрѣ, съ главными силами своего отряда онъ пошелъ сухимъ путемъ, а стругамъ велѣлъ плыть за собой: ибо безъ струговъ нельзя ему было обойтись.

Шелъ ли Пальчиковъ сухимъ путемъ или плылъ въ стругахъ—все равно; дѣло въ томъ, что 24 іюня онъ столкнулся съ волжскими казаками, укрѣпившимися на Медвѣжьемъ островѣ, и часъ Заруцкаго и Марины пробилъ! Но и здѣсь приведу подлинныя слова второго донесенія Пальчикова: „...и мы, государи -пишетъ Пальчиковъ воеводамъ, отъ 5 іюля—проѣхали на Яикъ іюня въ 11 день (повтореніе прежняго, да это не важно) и наѣхали на городищѣ воровскіе станы, изъ становъ поѣхали вверхъ по Яику на спѣхъ, днемъ и ночью, и ѣхали... Яикомъ двѣ недѣли (вотъ это не мѣшаетъ замѣтить), и вора Ивашка Заруцкаго и Маринку съ сыномъ и казаковъ доѣхали на Яикъ, въ Медвѣжьѣ городкѣ, іюня въ 24 день, и съ ними бились, и Божіею милостію, а Государя Царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича вся Руси счастіемъ, въ городкѣ ихъ осадили; и казаки..., видя себѣ тѣсноту, государю царю.. добили челомъ и цѣловали государя крестъ іюня въ 25 день, а злокозныхъ враговъ вора Ивашка Заруцкаго и Маринку и сына ея Ивашка вручилъ Богъ въ руцѣ ваши... и ведемъ ихъ къ вамъ въ Астрахань связанныхъ съ собою вмѣстѣ, и пріѣхали съ ними на Волгу... іюня въ 5 день..." (№ 32).

Выдавъ Заруцкаго и Марину съ сыномъ, казаки послали отъ себя съ Пальчиковымъ въ Астрахань, въ видѣ депутаціи,

изъ числа своихъ атамановъ, Истому Желѣзное Копыто съ двѣнадцатью казаками, чтобы „очи воеводскіе видѣти и милостивое слово отъ нихъ слышати“ (№ 32). Но аманаты татарскіе остались въ рукахъ казаковъ. Пальчиковъ, хотя и писалъ воеводамъ: „а Янараслана мурзу и Иштерековыхъ дѣтей и мурзъ ведутъ казаки къ вамъ въ Астороxань за ними вскорѣ“ (№ 32), но казаки, вѣроятно, подумали только везти въ Астрахань аманатовъ татарскихъ, а не повезли. Изъ этого видно, что Голчинъ, имѣвшій положительную инструкцію отъ воеводъ касательно татарскихъ заложниковъ, чтобы привезти ихъ въ Астрахань, не сошелся съ Пальчиковымъ. Въ противномъ случаѣ, знай распоряженіе воеводъ касательно аманатовъ, Пальчиковъ не оставилъ бы ихъ въ рукахъ казаковъ, или не довѣрилъ бы имъ везти ихъ, а забралъ бы съ собой вмѣстѣ съ Заруцкимъ и Мариною. И такъ, честь окончательной побѣды надъ Мариной и Заруцкимъ принадлежитъ одному Пальчикову. Правда, былъ въ компаніи у него другой стрѣлецкій голова, Онучинъ, но тотъ остается въ тѣни.

Вмѣстѣ съ Заруцкимъ и Мариной Пальчиковъ забралъ съ Медвѣжья острова и статсъ-секретаря ихняго, вышеупомянутаго черпеца Николая (№ 33).

Выданные волжскими казаками Заруцкій и Марина съ сыномъ привезены въ Астрахань 6 числа іюля, а изъ Астрахани, спустя недѣлю, именно 13 числа, отправлены, подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя, въ Казань. „...а въ Астрахани мы Маринки съ выб... и Иванка Заруцкаго держати не смѣли для смуты и шатости“—такъ писали воеводы астраханскіе къ воеводамъ казанскимъ (№ 35).

Замѣчательна при этомъ случаѣ предосторожность воеводъ. Начальникамъ конвоя, стрѣлецкимъ головамъ Голчину и Соховцеву, между прочимъ, они поставили въ непремѣнную обязанность: въ случаѣ нападенія на нихъ воровскихъ людей въ превосходныхъ силахъ, противу которыхъ нельзя будетъ устоять, убить Заруцкаго и Марину съ сыномъ, чтобы не достались они живые въ руки мятежниковъ (№ 36). Но

этого не случилось. Заруцкій и Марина съ сыномъ доставлены были въ Казань „въ цѣлости и сохранности“, а изъ Казани отправлены въ Москву, гдѣ и кончили жизнь свою: Заруцкій посаженъ на колъ, Марина умерла въ темницѣ, а сынъ ея повѣшенъ. (См. „Рус. Ист.“, т. I, стр. 285).

Что-жъ сталось съ волжскими казаками и ихъ знаменитыми атаманами: Треней и Никитой Усами, Ворзигой и другими, оставшимися на Яикѣ, на Медвѣжьемъ островѣ?— Исторія ихъ тоже недолга.

Хотя казаки и выдали Марину съ Заруцкимъ въ руки правительства, хотя и „цѣловали крестъ царю“, хотя и послали отъ себя въ Астрахань атамана Истому Желѣзное Копыто съ казацкою станицею, чтобы „очи боярскія видѣти и милостивое слово отъ воеводъ слышати“, но сами, оставшись на Яикѣ, не думали скрывать истинныхъ своихъ намѣреній, несогласныхъ съ земскимъ устроеніемъ, а главное, аманатовъ татарскихъ не вывезли въ Астрахань, хотя и обѣщались вывезть, а удержали при себѣ, въ надеждѣ, конечно, на богатый выкупъ. Мы уже видѣли изъ показаній двухъ ногайцевъ, что Треня Усъ требовалъ отъ князя Ишитерека за аманатовъ десять тысячъ лошадей!

Отъ одного изъ казаковъ, прибывшихъ въ Астрахань въ свитѣ атамана Истомы Желѣзное Копыто, воеводы узнали, что волжскіе казаки хотятъ перебраться съ Яика черезъ вершины рѣки Иргиза на Волгу, съ намѣреніемъ разгромить рыбныхъ ловцовъ, овладѣть ихъ стругами и погулять по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ (№ 34).

Чтобы выручить отъ казаковъ татарскихъ заложниковъ и чтобы отнять у казаковъ всякую возможность къ дальнѣйшимъ непріятельскимъ дѣйствіямъ, — воеводы снова послали изъ Астрахани на Яикъ, къ Медвѣжьему острову, отрядъ ратныхъ людей подъ начальствомъ Ивана Черткова и стрѣлецкаго головы Ивана Острепева. Въ концѣ іюля или въ началѣ августа, — положительно сказать нельзя, —

Чертковъ и Остреневъ достигли предназначенной цѣли и наказъ воеводъ выполнили съ успѣхомъ, т. е., „казаковъ“ — такъ сказано въ отпискѣ астраханскихъ воеводъ къ самарскимъ воеводамъ отъ 30 августа — „многихъ побили и живыхъ поимали, и городокъ изъ взяли, и знамена, которыя у казаковъ были, Ивашка Заруцкаго поимали, и Янараслана Урусова съ дѣтьми и Иштерека князя аманатовъ взяли, а утекли съ бою казаки на лѣсъ и по болотамъ не многіе“ (№ 42).

Послѣ пораженія, остатки волжскихъ казаковъ, разбившись на малыя партіи, отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ, подъ начальствомъ Трени Уса, Ворзиги, Бирюка, Олферки Губы, Илейки Борова немедленно, тѣмъ же лѣтомъ, ушли съ Яика на Волгу, „для воровства“, говорится въ актахъ. Только одна партія, человѣкъ до шестидесяти, подъ начальствомъ старика Никиты Уса, не пошла тогда на Волгу, а пошла вверхъ по Яику, къ рѣкѣ Чагану, впадающей въ Яикъ, чтобъ тамъ, т. е. на Чаганѣ, перезимовать, по той причинѣ, какъ сказано въ современномъ актѣ, „что-де и Микиткѣ (Усу) за старостію нынѣ на Волгу перейти немочно“ (№ 42). — Вотъ такъ „лыцарь!“ невольно воскликнешь. До какой поры рыцарствовалъ! Нынче такихъ рыцарей, каковъ Никита Усъ, днемъ съ огнемъ поискать, и то врядъ ли найдешь.

Этимъ и кончаются извѣстія объ атаманахъ и казакахъ „Волжскаго лыцарства“, сопутствовавшихъ Маринѣ и Заруцкому изъ Астрахани на Яикъ.

Принимали ли какое участіе въ этомъ событіи яицкіе казаки? — это еще вопросъ, отвѣчать на который, по недостатку ясныхъ извѣстій, можно только словомъ: „едва ли!“

Прежде всего надобно сказать, что община яицкихъ казаковъ въ тѣ поры была малочисленна, жила она въ одномъ городкѣ далеко отъ взморья, близь впаденія въ Яикъ рѣки Илека, на островѣ Кошъ-Яикъ, до котораго отъ устья

Яика считается теперь по почтовой дорогѣ около 650 верстъ, а изгибами рѣки Яика вполтора больше. Все низовье Яика, отъ острова Кошъ-Яикъ до взморья, было не заселено. Даже и окрестности рѣки Чагана, гдѣ теперь главный городъ уральскихъ казаковъ — а это будетъ еще ниже Кошъ-Яика на полтораста верстъ — тоже не были заселены.

Марина же и Заруцкій пробыли на Яикѣ не болѣе полутора мѣсяца — удалились они изъ предѣловъ Астрахани 13 или даже 14 мая, а 26 іюня были уже арестованы.— Въ этотъ короткій промежутокъ времени едва ли могла и вѣсть дойти до яицкихъ казаковъ, что на ихъ родной Яикъ Горыновичъ пришли гости дорогіе. По крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ актовъ, относящихся къ тому времени, ясно видно, что одни волжскіе казаки пристали въ Астрахани къ Маринѣ и Заруцкому, что волжскіе казаки сопутствовали Маринѣ и Заруцкому на Яикъ, что волжскіе казаки укрѣпились на Медвѣжьемъ островѣ, что волжскіе казаки выдали Марину и Заруцкаго, что волжскихъ казаковъ послѣ того самихъ погромили на Медвѣжьемъ островѣ царскія войска, и что волжскіе казаки, послѣ разгрома, ушли малыми партіями опять на Волгу. Словомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, за исключеніемъ небольшого числа астраханскихъ стрѣльцовъ, приставшихъ къ свитѣ Марины, главную роль въ этой драмѣ, пожалуй и комедіи, играли одни волжскіе казаки.

Яицкихъ же казаковъ, за исключеніемъ одного случая, о которомъ будетъ сказано ниже, вовсе на сценѣ не видать. Объ нихъ только гдѣ-гдѣ слегка упоминается въ современныхъ актахъ, но и то въ весьма неясныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, такъ что нельзя изъ того вывесть вѣрнаго заключенія о степени участія ихъ въ ходѣ этого событія.

Призывая Терекъ на царскую службу, главные воеводы, князь Одоевскій и Головинъ, заключили призывную грамоту, писанную 17 мая, слѣдующими словами: „...а на Донъ

мы и на Яикъ къ атаманамъ и казакамъ писали-жъ, чтобъ они шли подъ Астрохань тотчасъ" (№ 269).

Вслѣдъ затѣмъ въ другой, увѣщевательной, грамотѣ къ жителямъ Астрахани, отъ 17 мая, воеводы писали, что идутъ съ главными силами подъ Астрахань. „...а съ нами (слова воеводъ) царскаго величества дворяне и дѣти боярскіе и стрѣльцы... многіе люди, а атаманы и казаки съ Дону, и съ Волги, и съ Яику, и съ Терки" (№ 270).

Въ вышеприведенныхъ словахъ воеводъ замѣчается какая-то неясность, даже нѣкотораго рода противорѣчіе. Призывая Терекъ къ дѣйствію противу Марины и Заруцкаго, воеводы говорятъ, что, между прочимъ, призываютъ къ тому же и яицкихъ казаковъ. Но въ то же самое время, извѣщая жителей Астрахани о своемъ походѣ подъ Астрахань, говорятъ, что въ составѣ ихъ рати есть и яицкіе казаки. Еслибъ въ воеводской рати были уже яицкіе казаки, какъ сказано въ увѣщевательной грамотѣ къ астраханцамъ, то не для чего бы, кажется, говорить въ призывной грамотѣ на Терекъ, что призываются и яицкіе казаки. Ясно, что воеводы, исчисляя свою рать и упоминая объ яицкихъ казакахъ, хотѣли показать астраханцамъ, что идутъ не съ кой-какими силами. Подобнаго рода хитрости въ дѣлахъ войны весьма понятны. Изъ этого я вывожу заключеніе, что яицкихъ казаковъ не было въ составѣ воеводской рати: за дальностію разстоянія и пустынностію мѣстъ до нихъ едва ли и доходили призывныя грамоты воеводъ.

Въ одномъ только актѣ упоминается имя яицкихъ казаковъ въ соприкосновеніи къ Медвѣжьему острову, гдѣ жили Марина и Заруцкій. Въ отпискѣ къ казанскимъ воеводамъ о разгромѣ волжскихъ казаковъ на Медвѣжьемъ островѣ, астраханскіе воеводы, между прочимъ, высказали слѣдующее:

„...И августа въ 25 день привели къ намъ, въ Астрахань, съ учуга съ Бузана (протокъ Волги), Яицкихъ казаковъ Демку Иванова съ товарищи, осмь человѣкъ, а въ распросѣ и съ пытки намъ тѣ казаки сказали: какъ-де

приходили Иванъ Чертковъ да Иванъ Остреневъ съ ратными людьми на Яикъ, и ихъ-де Демки съ товарищи въ тѣ поры съ казаки въ городкѣ не было, были на Богатомъ (вѣроятно Богатый култукъ, заливъ морской, лежащій между устьями Волги и Яика, въ дачахъ уральскихъ казаковъ), а какъ-де послѣ разгрому пріѣхали они на Медвѣжей островъ, и на Медвѣжьѣ-де бродятъ разгромные казаки Илейка Боровъ и др.“ (№ 42).

Дальнѣйшее показаніе Демида Иванова заключается въ томъ, что волжскіе казаки, послѣ разгрома, ушли малыми партіями на Волгу и что одна партія, съ старикомъ Усомъ, ушла зимовать на Чаганъ: но это мы уже знаемъ.

И такъ, мы видимъ, Демидъ Ивановъ и его товарищи, восемь человѣкъ, названы яицкими казаками. Но, дѣйствительно ли они были яицкіе казаки, т. е. казаки, принадлежащіе къ общинѣ яицкихъ казаковъ, имѣвшей въ тѣ поры мѣсто жительства близъ впаденія въ Яикъ рѣки Илека, что будетъ отъ Астрахани болѣе тысячи верстъ? — Сомнительно!

Дальность разстоянія я не привожу, однако жъ, здѣсь какъ доказательство того, чтобы такая малая партія, какъ партія Демида Иванова съ восемью товарищами, не могла зайти къ Астрахани: пути къ разгулу не могли быть ей заказаны. Но вотъ на что обращаю вниманія читателей: зачѣмъ воеводы подвергали Демида и его товарищей пыткѣ?— Скажутъ: времена были такія. — Правда, но вѣдь воеводы очень хорошо знали, что Маршу и Заруцкаго сопровождали на Яикъ одни волжскіе казаки съ небольшимъ числомъ астраханскихъ стрѣльцовъ; а объ яицкихъ казакахъ ни въ одномъ изъ актовъ и намека нѣтъ, чтобы они или „прямили Заруцкому“, или бы „тянули къ нему“, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. — И чтожъ воеводы допытались отъ Демида и его товарищей? Только то, что когда Чертковъ и Остреневъ приходили войной на Медвѣжій островъ, въ то время ихъ не было въ городкѣ съ казаками, а были въ Богатомъ — надо полагать, что они рыбачили въ Богатомъ

культукѣ. — Вотъ и все. Стоило же для этого подвергать казаковъ пыткѣ, особенно, если они назвались яицкими!

Изъ всего этого я вывожу то заключеніе, что Демидъ Ивановъ и его товарищи были не яицкіе казаки, а волжскіе, находившіеся на Яикѣ въ отрядѣ Треня Уса или другихъ атамановъ, и названы въ отпискѣ воеводъ яицкими, полагаю, или по ошибкѣ писца — дѣло обыкновенное, или съ умысла самихъ казаковъ — тоже дѣло обыкновенное. Зная, напримѣръ, какая участь ожидаетъ тѣхъ, кто состоялъ въ свитѣ Марины и Заруцкаго, Демидъ и его товарищи заблагоразсудили, вѣроятно, назваться чужими именами: „авось, дескать, отдѣлаемся — на лбу, дескать, клейма нѣтъ". Но, говоря это, я не беру на себя, однако жъ, смѣлости выдавать предположенія и заключенія свои за факты непреложные. Да и кто ихъ на вѣру приметъ?

Ко всему вышесказанному могу прибавить только то, что мнѣ нѣтъ ни причины, ни нужды выгораживать яицкихъ казаковъ; мнѣ нужна только историческая истина — разъясненіе вышепоставленнаго вопроса: принимали ли яицкіе казаки, всѣмъ обществомъ своимъ, какое участіе въ событіи, очерку котораго посвящена эта глава? — и больше ничего! — Безъ всякихъ споровъ, я готовъ признать Демида Иванова и его товарищей за яицкихъ казаковъ. Весьма правдоподобно, что, разгуливая, „подобно орламъ поднебеснымъ", какъ выражается знакомый мнѣ старикъ-казакъ, Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ, о казакахъ прежняго времени, — разгуливая и по Яику, и по Каспійскому морю, и по Волгѣ, Демидъ и его товарищи могли наткнуться на Медвѣжьемъ островѣ на волжскихъ казаковъ, могли и пристать къ ихъ партіи — для чего не требовалось ни билетовъ, ни свидѣтельствъ, ни аттестатовъ, а довольно было одной только охоты, — могли опять отшатнуться отъ нихъ, уйти на Бузанъ и т. под., — но за всѣмъ тѣмъ, изъ близкихъ отношеній Демида Иванова и его товарищей съ волжскими, ничего яснаго и положительнаго мы все-таки не узнаемъ, что дѣлало въ то время яицкое казачье войско.

Я внимательно читалъ акты, относящіеся къ 1614 году, на основаніи которыхъ я пишу этотъ очеркъ, — но больше того, что разсказано выше, ничего объ яицкихъ казакахъ не встрѣчалъ. И потому, безъ боязни погрѣшить противу исторической истины, могу сказать, что въ тѣ поры общество яицкихъ казаковъ жило себѣ на своемъ островѣ Конъ-Янкѣ, близъ впаденія въ Янкъ р. Илека, занимаясь либо рыболовствомъ, либо войной съ кочевниками, и вовсе не слыхало, а если и слышало, то смутно, что въ низовьяхъ Яика имѣли пріютъ Марина съ Заруцкимъ. Короче сказать, вся кутерьма того времени мало коснулась быта яицкихъ казаковъ. Оттого-то самое большинство уральскихъ, прежде яицкихъ, казаковъ имѣетъ смутное и темное понятіе о Маринѣ.

Въ какомъ видѣ и образѣ уральскіе казаки представляютъ себѣ Марину, оставившую на Яикѣ память названіемъ: Маринкинъ Городокъ, объ этомъ рѣчь впереди, а теперь нужно разъяснить и рѣшить слѣдующій вопросъ.

Уральскіе казаки и Палласу показывали и теперь показываютъ на урочищѣ — Маринкинъ Городокъ близь Кулагиной крѣпости. Что на этомъ урочищѣ было когда-то какое-то жилье въ родѣ городка или укрѣпленнаго лагеря — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: слѣды валовъ и рвовъ еще и донынѣ видны. Что возвышенность, называемая нынѣ Маринкинъ Городокъ, и низменность, его окружающая, особенно съ восточной стороны, т. е., со стороны Урала — были когда-то въ глубокую старину, напримѣръ лѣтъ около двухсотъ тому назадъ или больше— первая островомъ, а послѣдняя ложемъ Яика, — и въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: Яикъ и теперь часто мѣняетъ свое теченіе, обрываетъ на огромное пространство берега, образуетъ новые острова, а старые уничтожаетъ или соединяетъ съ твердой землей. Но тотъ ли этотъ островъ, который въ актахъ, какъ мы видѣли, называется Медвѣжьимъ, и съ котораго были взяты Марина и Заруцкій? — Положительно можно сказать, что это не Медвѣжій островъ,

словомъ, не тотъ островъ, гдѣ сидѣли въ острожкѣ волжскіе казаки, откуда они выдали Маринку съ Заруцкимъ и гдѣ ихъ самихъ впослѣдствіи погромили. Вотъ доказательства:

Выше мы видѣли, что стрѣлецкій голова Пальчиковъ, преслѣдуя Маринку и Заруцкаго, поплылъ съ Городища, т. е., отъ взморья, вверхъ по Яику, 11 іюня, а 13, т. е., на третій день, или, иначе сказать, черезъ двое сутокъ съ чѣмъ-нибудь, пріѣхалъ уже на верховье Баксая. Баксай, извѣстно намъ, рукавъ Яика, отдѣляющійся отъ него справа въ семидесяти-пяти верстахъ отъ взморья. Слѣдовательно въ двое съ небольшимъ сутокъ Пальчиковъ проплылъ пространство въ семьдесятъ пять верстъ. Причемъ, надо думать, и плылъ-то не сломя голову, ибо изъ донесеній его воеводамъ видно, что онъ на пути своемъ, отъ взморья до Баксая, со всею тщательностію разсматривалъ казачьи станы, гдѣ тѣ паслися рыбою и звѣремъ, „смѣчалъ" (считалъ) ихъ огни и котлы, и т. п.

Отъ Баксая Пальчиковъ отправился вверхъ по Яику 14 іюня, и шелъ, какъ въ донесеніяхъ своихъ говоритъ, на-спѣхъ, и днемъ, и ночью. Но къ Медвѣжьему острову, гдѣ укрѣпились волжскіе казаки и гдѣ Пальчиковъ имѣлъ съ ними сраженіе, пришелъ только 24 іюня, т. е. въ одиннадцатый день. Слѣдовательно, провелъ въ пути десять сутокъ. Далѣе.

Если въ первыя двое сутокъ своего похода, отъ взморья до Баксая, Пальчиковъ прошелъ пространство въ семьдесятъ-пять верстъ, то, спрашивается, какое же пространство онъ долженъ былъ пройти въ десять сутокъ? — „Чѣмъ больше, тѣмъ больше...." такъ говоритъ тройное прямое правило. Да, въ эти десять сутокъ, естественно, Пальчиковъ долженъ былъ пройти пространство около трехсотъ верстъ, полагая переходъ на каждыя сутки по малой мѣрѣ въ тридцать верстъ.

Между тѣмъ, урочище Маринкинъ Городокъ, на которое и теперь казаки показываютъ, на которое и Палла-

су показывали, находится отъ Баксая вверхъ по Яику, какъ вы думаете, далеко ли?... Очень-очень недалеко: всего только въ осьмидесяти трехъ съ половиною верстахъ! Что противъ этого сказать? Противъ этого ничего нельзя сказать; а по поводу этому можно сказать, что истина тутъ сама собой кидается въ глаза. Держись, напримѣръ, волжскіе казаки на урочищѣ, по теперешнему Маршикинъ Городокъ, что близъ Кулагиной крѣпости, Пальчиковъ на третій день, а много-много бы на четвертый съ ними столкнулся, а онъ, мы видѣли, только въ одиннадцатый день дошелъ до нихъ. Изъ этого ясно и убѣдительно, что урочище, извѣстное нынѣ у казаковъ подъ именемъ Маринкинъ Городокъ, совсѣмъ не то, которое называлось, въ Маринину пору, Медвѣжьимъ островомъ.

Быть можетъ, разсужденіе мое и сдѣланный изъ него выводъ покажутся кому не совсѣмъ-то убѣдительными. Быть можетъ, кто-нибудь изъ читателей подумаетъ, что и съ Пальчиковымъ на Яикѣ могла повстрѣчаться такая же или подобная ей исторія, какая, напримѣръ, на Волгѣ повстрѣчалась съ шестерыми стрѣлецкими головами — искателями кладовъ и любителями колоколовъ. Если такъ, то укажу на слѣдующій фактъ, который, мнѣ кажется, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Медвѣжій островъ, послѣдній пріютъ Марины, былъ гораздо дальше, т. е., выше того урочища, которое слыветъ нынѣ на Яикѣ подъ именемъ Маринкина Городка. Вотъ этотъ фактъ:

Двое ногайцевъ, вышедшіе съ Яика на Волгу и сообщившіе воеводамъ свѣдѣнія о мѣстѣ пребыванія Марины, Заруцкаго и волжскихъ казаковъ (см. показаніе ногайцевъ, приведенное выше), прямо и положительно говорили, что, во-первыхъ, поѣхали они, или, иначе сказать, послали ихъ казаки на Волгу „съ Соляной горы, а по-татарски словетъ Индеръ“ — замѣчайте: это индерскія горы или возвышенности, среди которыхъ находится извѣстное соленое озеро, именуемое также Индерскимъ, — во-вторыхъ, „а отъ Соляныя горы (слова татаръ), откуда ихъ посла-

ли, до того Медвѣжья острова (прежде было сказано, что на томъ островѣ казаки укрѣпляются) ходу вверхъ Яикомъ въ другой день".

Ясно, какъ день, что Медвѣжій островъ выше индерскихъ горъ. А индерскія горы? — Онѣ, въ свою очередь, выше Маришкина Городка, по крайней мѣрѣ на 15 — 20 верстъ. Стало быть, и разсуждать нечего. Поищемте лучше въ другомъ мѣстѣ Медвѣжій островъ.

Выше по Яику, гораздо выше Маришкина Городка — а на сколько? — будетъ сказано ниже, — есть, между Кожехаровскимъ и Лбищенскимъ форпостами, урочище, извѣстное подъ именемъ Медвѣжья старица. Старица, на языкѣ уральскихъ казаковъ — старое русло Урала и вообще всякой рѣки. Медвѣжья старица образовалась на памяти стариковъ, жителей Кожехаровскаго форпоста. Уралъ въ этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь старица, описывалъ большую и крутую дугу и образовалъ полуостровъ или такъ называемую луку. Въ одно изъ большихъ половодій, старикъ-казакъ, по фамиліи Кабавъ, вздумалъ прорыть — и прорылъ — на перешейкѣ полуострова небольшую канаву, и Уралъ, устремясь въ эту канаву, проложилъ себѣ новое ложе; изъ стараго образовалась старица. Но названа она Медвѣжьей, безъ всякаго сомнѣнія, по урочищу, которое и до образованія ея изстари носило на себѣ это названіе,— изстари, говорю, когда на Уралѣ важивались медвѣди. Иначе старицу называли бы Кабавой, по фамиліи казака, виновника ея образованія, или почему-либо другому, по современному, но отнюдь не по медвѣдю, о которомъ въ новѣйшее время на Уралѣ и „слухомъ не слыхать". Достовѣрно неизвѣстно мнѣ, что̀ до образованія старицы называлось Медвѣжьимъ — яръ ли, песокъ ли, лѣсъ ли, возвышенность ли какая, или вся лука, а ужъ что да нибудь изъ поименованныхъ предметовъ называлось такъ. Въ настоящій моментъ я нахожусь слишкомъ далеко отъ Урала, и потому, къ немалому сожалѣнію, не могу разузнать обстоятельнѣе объ этомъ предметѣ. Но не подлежитъ сомнѣнію то, что

между Кожехаровымъ и Лбищами есть урочище Медвѣжья старица. Другихъ же урочищъ по Яику, отъ Медвѣжьей старицы до самого взморья, которыя бы носили названіе медвѣжьихъ — нѣтъ; по крайней мѣрѣ я не слыхалъ, хотя по Низовой линіи и часто ѣзжалъ.

Отъ Медвѣжьей старицы внизъ по Уралу до Баксая, или отъ Баксая вверхъ по Уралу до Медвѣжьей старицы, все равно, насчитывается по почтовой дорогѣ до трехсотъ верстъ, слѣдовательно, то самое число, которое выпадаетъ на долю одиннадцатидневнаго похода Пальчикова! Вотъ гдѣ должно искать Медвѣжій островъ

Но легко можетъ статься, что кто-нибудь изъ читателей, съ умомъ пытливымъ и изыскательнымъ, замѣтитъ и обратитъ вниманіе на вышеприведенныя слова ногайцевъ: „а отъ Соляныя горы... ходу вверхъ Яикомъ въ другой день“, и, принимая слово ходъ буквально пѣшаго человѣка, естественно, будетъ искать Медвѣжій островъ не очень далеко отъ Индерскихъ горъ, за два, примѣрно, перехода, что и составитъ около 60 — 70 верстъ. Замѣчаніе тонкое, но, тѣмъ не менѣе, законное, требующее со стороны пишущаго оговорокъ, поясненій и разъясненій. Вслѣдствіе этого, я и спѣшу оговориться, пояснить и разъяснить это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что и самому мнѣ не хочется выступать передъ публикой съ печатнымъ словомъ недоговореннымъ.

Прежде всего я долженъ сказать, что слово: ходъ, въ рѣчи татаръ, слѣдуетъ принимать за слово: ѣзда. Почему такъ? — А вотъ почему: жители степей, киргизы, татары, калмыки, словомъ, всѣ вообще кочевники, не имѣя понятія ни о нашихъ верстахъ, ни о нѣмецкихъ и другихъ миляхъ, и ни тому подобныхъ единицахъ мѣры, опредѣляютъ разстояніе отъ предмета до предмета преимущественно, чтобы не сказать исключительно, днями, полднями, четверть-днями конной ѣзды. Опредѣлять же разстояніе временемъ пѣшеходнаго путешествія, сколько мнѣ извѣстно, у кочевниковъ рѣшительно не въ обычаѣ, по самой простой и

естественной причинѣ: въ пѣшемъ состояніи кочевники не путешествуютъ, за весьма рѣдкими исключеніями. Только развѣ совершенный бѣднякъ, не имѣющій лошади, по необходимости иногда, пускается въ путь „по образу пѣшаго хожденія“, — но это все-таки исключенія, а исключенія, извѣстно, къ общимъ положеніямъ въ жизни не примѣняются. Словомъ, что у европейцевъ опредѣляется верстами и т. п. знаками мѣры, то у кочевниковъ конной ѣздой.

Правда, есть у кочевниковъ и другая мѣра, кромѣ конной ѣзды, именно, время караваннаго хода. Но эта мѣра употребляется только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ собственно или о караванахъ, или о караванной дорогѣ. Слѣдовательно, татары, передавшіе воеводамъ свѣдѣніе о волжскихъ казакахъ, не могли опредѣлять разстояніе отъ Индеръ до Медвѣжьяго острова ходомъ каравановъ — не къ чему.

А каковъ масштабъ конной ѣзды? — Сейчасъ узнаемъ. Ѣдучи на лошади, гдѣ шагомъ, гдѣ грушью (трускомъ), кочевникъ можетъ безъ нужды проѣхать въ день или въ сутки верстъ восемьдесятъ — девяносто, или и сто, а подчасъ, если нужда заставитъ, и гораздо больше. — Вотъ каковъ масштабъ конной ѣзды.

Если жъ теперь предположить, что татары, передавшіе извѣстія о Медвѣжьемъ островѣ, поѣхали отъ центра Индерскихъ горъ, а отъ центра Индеръ, лежащаго между Горской крѣпостью и Гребенщиковымъ форпостомъ, до теперешней Медвѣжьей старицы насчитывается двѣсти верстъ, то выраженіе: „ходу... въ другой день“ становится понятнымъ.

И такъ, безъ всякой натяжки, не боясь впасть въ грубую ошибку, я скажу, что Медвѣжій островъ, гдѣ имѣли послѣдній пріютъ Марина и Заруцкій, должно искать близъ теперешней Медвѣжьей старицы, то есть, между Кожехаровымъ и Лбищами.

Но почему урочище, лежащее близъ Кулагиной крѣ-

ности и извѣстное подъ именемъ Марникина Городка, почему это урочище, спрашивается, такъ называется?

„Все вопросы да вопросы!“ подумаетъ иной читатель. Что дѣлать, любезный читатель, такая у пишущаго эти строки манера, чтобы не сказать — натура. Самъ онъ и задаетъ вопросы, самъ и отвѣтъ на нихъ держитъ. Стало быть, вамъ особенныхъ хлопотъ нѣтъ: только, читайте, да внимайте.

На этотъ вопросъ — утѣшьтесь: вопросъ послѣдній, — отвѣтъ будетъ простъ и коротокъ, безъ всякихъ длинныхъ и скучныхъ разсужденій.

Марина и Заруцкій или ватага волжскихъ казаковъ, въ рукахъ которыхъ были Марина и Заруцкій, все равно, поднимаясь отъ взморья вверхъ рѣкой Яикомъ, останавливались въ мѣстахъ удобныхъ, выходили на берега или на острова, обводили свои лагери рвами и валами, а потомъ оставляли ихъ и шли дальше, вслѣдствіе своихъ плановъ: ибо мы знаемъ, что они пробирались къ вершинамъ рѣки Самары. Все это такъ естественно, такъ обыкновенно, что не требуетъ большихъ разсужденій. Такимъ образомъ, и урочище, лежащее близъ Кулагиной крѣпости и извѣстное подъ именемъ Маринкина Городка, было во время ея движенія вверхъ укрѣплено, а потомъ и оставлено. Вотъ и причина, почему за этимъ урочищемъ осталось названіе: Марникинъ Городокъ. Кажется, ясно и резонно?

Впрочемъ, сомнѣвающемуся какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ моихъ положеніяхъ и выводахъ, изложенныхъ въ этомъ очеркѣ, по мѣрѣ силъ моихъ и способностей, предоставляется полное право судить и рядить по своему и дѣлать свои изысканія и изслѣдованія, сколько душѣ угодно. Съ моей стороны, я считаю дѣло это конченнымъ, и потому приступаю теперь къ той части разсказа, которая касается народныхъ преданій, вяжущихся съ Марникинымъ Городкомъ.

III.

ПРЕДАНІЯ.

— Ты хочешь знать, касатикъ, кто такова была Маринка, что въ стары годы на Яикѣ жила? — спросилъ меня пріятель мой, казакъ-старикъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ, когда я, договоривъ съ нимъ о Маринкиномъ Городкѣ, выразилъ желаніе покороче узнать и о самой Маринѣ, оставившей на Яикѣ такую память по себѣ.

— Да, — сказалъ я: — любопытно бы послушать.

— Изволь, касатикъ, — сказалъ старикъ. — Коли любопытно, разскажу, что знаю, что, въ мою ребячью пору, отъ стариковъ слыхалъ. Слушай.

Старикъ прокашлялся и, въ видѣ предисловія, началъ такъ:

— Перво-на-перво скажу, что про ту самую Маринку, что въ стары годы на Яикѣ пребывала, говорили и говорятъ разное: иные величаютъ ее бѣглой царицей, сирѣчь женой Гришки Разстриги, что въ стары годы, за нечестіе наше, въ первопрестольномъ градѣ въ Москвѣ на царствѣ сидѣлъ; иные зовутъ ее разбойницей, сирѣчь атаманшей разбойниковъ, что въ стары годы по Яику гуляли и орду громили; иные же считаютъ ее чародѣйкой, гулящей дѣвкой, Змія Тугарина полюбовницей. — Сего самаго Змія Тугарина могучій и сильный богатырь Добрыня Никитичъ, въ преславномъ градѣ Кіевѣ, изъ туга лука каленой стрѣлой застрѣлилъ, а самое Маринку на Яикъ загналъ. Вотъ, видишь ли, сколько побасокъ про Маринку ходитъ! Такъ, перво-на-перво, про котору же разсказывать?—спросилъ меня старикъ.

— Перво-на-перво, начинай про полюбовницу Змія Тугарина! — сказалъ я.

— Ладно,—сказалъ старикъ. — Про полюбовницу, такъ про полюбовницу, и то дѣло. Только, чуръ, не пребивай! Уговоръ лучше денегъ. А есть когда перебьешь, не погнѣвайся: разговоръ прекрачу, — добавилъ старикъ.

— Пожалуйста, безъ отговорокъ, Иванъ Никитичъ, знай, валяй! — сказалъ я.

— Ладно, ладно, касатикъ! Слушай!

Маринка-чародѣйка.

„Въ тѣ поры, — началъ разсказъ Иванъ Никитичъ, — когда Расейскимъ государствомъ заправлялъ благовѣрный и равнопостольный князь Володимеръ, по прозванью Солнце-Кіевское, — въ тѣ поры жилъ-былъ въ градѣ Кіевѣ славный и могучій богатырь Добрыня Никитичъ. И былъ онъ, молодецъ, гуллывъ и удалъ на всѣ руки, какъ подобаетъ славному и могучему богатырю расейскому. А и въ тѣ же самыя поры жила-была во градѣ Кіевѣ Маринка, гулящая дѣвка и чародѣйка. И было у нея, говорятъ, прихвостниковъ, спрѣчь полюбовниковъ, столько, что на-тощакъ и не выговоришь. А главнымъ и самымъ первымъ былъ Змій Тугаринъ.

„Одинъ только Добрыня Никитичъ не поддавался ей: не правилась, вишь, она ему по той самой причинѣ, что ужъ черезъ-чуръ больно во всѣ лопатки, значитъ, хлыстала, да съ нечистой силой зналась, да разныхъ чародѣевъ къ себѣ принимала. Вотъ хоть бы, къ примѣру, Змій Тугаринъ — кто онъ? — Знамо, чародѣй; образъ змія, значитъ, на себя принималъ: оттого-то самаго и Зміемъ Тугаринымъ звался.— А и Добрыня Никитичъ, хоша тоже былъ гуллывъ и удалъ, хоша и за нимъ важивались грѣшки самохотные, нельзя безъ того: человѣкъ бо, — однако дѣвку Маринку, аки явную блудницу, обѣгалъ, даже смотрѣть-то на нее, непотребную, не хотѣлъ. Злость-досада великая брала Маринку, что Добрыня на нее не смотритъ, спрѣчь не прихвостничаетъ за ней, пробовала не одинъ разъ чародѣйскую силу на него напускать, однако, и сила чародѣйская Добрыню не брала. Онъ, видишь ли, и самъ-то былъ парень непромахъ, тоже кой-что зналъ, спрѣчь держалъ при себѣ кой-

какія отписки изъ духовныхъ книгъ, примѣрно, „Богородицынъ сонъ“, иль-бо другое что этакое, противъ чего нечистая сила не дѣйствуетъ. Ладно.

„Пошелъ однажды Добрыня Никитичъ гулять по Кіеву, по большой Маринкиной улицѣ... Вишь, проклятая! — замѣтилъ старикъ, улыбаясь: — вишь, въ славу какую произошла: и улицу-то, гдѣ жила, прозвали Маринкиной. Пошелъ Добрыня Никитичъ гулять, да и сдѣлалъ Маринкѣ такую, сударь мой, рюху, это... Однако, погоди, касатикъ,— сказалъ старикъ, немного помолчавъ. — Дай вспомнить хорошенько; про это самое дѣло разскажу тебѣ пѣсенку; ты же любопытенъ на счетъ старинныхъ пѣсенъ.

— Очень радъ, очень радъ! — сказалъ я.

— Коли радъ, такъ слушай! — сказалъ Иванъ Никитичъ и съ этимъ словомъ началъ нараспѣвъ читать слѣдующую пѣсню:

Вотъ еще три года Добрынюшка стольничалъ,
Еще три года Никитичъ приворотничалъ.
Стольничалъ, ложничалъ девять лѣтъ—
На десятымъ году погулять захотѣлъ,
Какъ по славному, по городу по Кіеву,
По проѣзжей большой улицѣ Маринкиной.
Увидалъ онъ у Маринки въ высокомъ теремѣ,
Въ высокомъ теремѣ, на косящатомъ окнѣ:
Два жужличка, два голубчика,
Два сизенькихъ, сизокрыленькихъ,
Цѣлуются, милуются,
Заглядѣлся Добрыня на жужличковъ,
На жужличковъ, двухъ голубчиковъ,
На двухъ сизенькихъ, сизокрыленькихъ:
Его лѣвая нога поскользнулася,
Его правая рука колыхнулася.
И за досаду Добрынѣ показалося,
За великую грубу становилося.
Вынималъ онъ изъ палучча тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
Онъ натягивалъ титовочку шелковую,
И накладывалъ стрѣлочку кленовую,
И стрѣлялъ во голубчика сизенькова;

Вспѣла титовочка шелковая,
Завыпдзяла стрѣлочка кленовая,
Не убилъ-то Добрыня голубчика сизенькова,
А убилъ у Маринки друга миленькова—
Друга милаго, Змія Тугарина!
На ту пору Маринки тутъ не было,
Туто не было, не случилося:
Бѣлилась она, румянилась въ особой горенкѣ,
И чесала Маринка буйную голову,
И заплетала Маринка косу русую.
Убрамшись, выходила Маринка на красёнъ крылецъ,
Увидала она дружка свово обранена,
Обранена Змія Тугарина.
И возговоритъ Маринка таковы словеса:
— „Чья эта шуточка зашучена?
Эта шуточка зашучена не маленькая,
Не маленькая шуточка Добрынюшки,
Добрынюшки, сына Никитинича,
Что ни худчаго моево полюбовничка...“
Да возговоритъ Добрыня таковы словеса:
— „Ты, Маринка. . . . . .
Не тебѣ же, Маринка, насмѣхатися,
Мною молодцемъ похвалятися.
Я возьму тебя, Маринка, возьму обморочу:
И сорокою бѣлобокою,
Кобылицею водовозною!..“

Кончивъ пѣсню, старикъ продолжалъ:

„Какъ пугнулъ добрымъ порядкомъ Добрыня Никитичъ Маринку, такъ та и не знала, бестія, что дѣлать. И сорокою-то бѣлобокою, и кобылицею-то водовозною онъ обѣщался ее обморочить, а застои-то у нея, замѣчай-ка, нѣтъ: Тугаринъ Змій бездыханъ лежитъ; а только имъ, непотребная, и сильна была, только имъ, песья дочь, и держалась.—„Хоть сорокою-то, дескать, и не обморочитъ, хоть и кобылицею-то, дескать, не обморочитъ“, думаетъ сама про себя Маринка, однако, и то, шельма, чувствуетъ, что быть великой бѣдѣ отъ Добрыни Никитича. — „Когда нибудь да докапаетъ онъ меня“, думаетъ Маринка. — А покориться Добрынѣ, да остепениться и жить, какъ Богъ и добрые люди велятъ, по-

тихохоньку, посмирнехоньку, не хочетъ, бестія: набаловалась ужъ больно. Значитъ: повадится кувшинъ по воду — сломитъ ему тамъ голову. — Думала она, видно, да гадала, какъ бы насолить Добрынѣ и какъ бы себя-то уберечь отъ него, да и вздумала улизнуть изъ града Кіева куда-нибудь подальше, — взяла да и улизнула, окаянная, на Яикъ. — Вишь куда черти-то занесли! — прибавилъ разскащикъ. — Ладно.

„Добрыня Никитичъ не точію что не погнался за Маринкой, а даже и не полюбопытствовалъ спросить, куда она бѣжала. - „Чортъ съ ней, съ непотребной! Рогожка ей за хвостъ! Горячій камень ей во-слѣдъ“! говорилъ Добрыня Никитичъ, когда донесли ему его слуги вѣрные, что Маринка, дескать, бѣжала. — Ладно.

„Ушла, сударь мой, Маринка на Яикъ и сманила съ собой изъ Кіева и изъ иныхъ разныхъ городовъ нѣсколько дѣвокъ и молодыхъ женокъ, знамо, этакихъ же, какъ сама, гулящихъ... Къ дѣвкамъ да къ женкамъ пристали и добры-молодцы, кто съ борку, кто съ сосенки. Такимъ манеромъ, сударь мой, собралась около Маринки порядочная орава всякаго сброда. Пришла Маринка съ своей оравой на Яикъ, выбрала такое крѣпкое и удобное мѣсто, выстроила городокъ и въ немъ поселилась, словно ханша иль-бо царица какая. И теперь еще, чай и самъ ты видалъ, — прибавилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ, — и теперь еще около нашей Кулагиной крѣпости знать то мѣсто, гдѣ, ложь ли, правда ли, говорятъ, городъ-то былъ у Маринки“.

Я утвердительно кивнулъ головой въ знакъ согласія. Старикъ продолжалъ:

„Ниже этого мѣста, спрѣчь ниже Маринкина Городка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь наша Сарачиковская крѣпость, жила въ тѣ поры орда татарская. Звалась она и Золотой Ордой, звалась Сарачинами. И городъ тутъ у Орды былъ, Сарачикъ звался; оттого-то самаго и крѣпость называется Сарачиковской. — Чай, и у васъ по книжкамъ это значится, а? — спросилъ меня старикъ.

Я снова кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:

„Въ тѣ поры Золотая Орда оченно сильна была, сильнѣе нашей Расеи; а казаковъ-то на Яикѣ, замѣчай-ка, въ тѣ поры еще не было: оттого-то самаго и терпѣла Расея отъ Орды. Вотъ она какая притча-то! — Кажнный, бывало, годъ, а иногда два-три раза въ годъ, цари и князья наши посылали татарскимъ ханамъ дань и златомъ, и сребромъ, и драгоцѣнными камнями, а въ иную пору и сами, голубчики, ѣздили въ Орду на поклонъ къ безбожникамъ агарянамъ. — Что станешь дѣлать? Сила солому ломитъ“...

Тутъ я прервалъ старика и выразилъ притворное сомнѣніе къ его разсказу, съ намѣреніемъ узнать, изъ какихъ источниковъ онъ черпаетъ подобныя свѣдѣнія.

— Жаль, касатикъ, нѣтъ у меня теперь въ домѣ „Четь-Минеи“, — возразилъ старикъ на мое замѣчаніе: — а то бы я показалъ тебѣ на житіе св. угодниковъ, благовѣрныхъ князей и московскихъ чудотворцевъ; ты-бъ и самъ увидалъ, что я говорю правду. Да вотъ, не зачѣмъ далеко ходить, и безъ „Четь-Минеи“ обойдемся, благо „Святцы“ подъ рукой! — сказалъ старикъ.

Съ этимъ словомъ Иванъ Никитичъ всталъ и досталъ съ образной полки книгу въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками. Потомъ, перекрестясь съ благоговѣніемъ, онъ раскрылъ „Святцы“, перевернулъ, не торопясь, нѣсколько листовъ и съ видомъ мудреца указалъ мнѣ на одно мѣсто, напечатанное киноварью.

— Читай! — сказалъ старикъ.

Я пробѣжалъ глазами строки, указанныя старикомъ: въ нихъ говорилось о князѣ Михаилѣ Черниговскомъ и бояринѣ его Ѳеодорѣ, замученныхъ въ Ордѣ.

— Вѣрно! — сказалъ я, довольный своимъ открытіемъ.

— Вѣрно, такъ и молчи! — глубокомысленно замѣтилъ старикъ.—Сказано: не перебивать. Ну, и не перебивай!

Я далъ слово старику, что больше уже не стану ему возражать. И старикъ началъ продолжать свой разсказъ:

„Живетъ Маришка на Яикѣ, а и тамъ, бестія, кормовъ

своихъ не роняетъ. Прелестями своими прельстила всѣхъ басурманскихъ батырей: и хановъ, и князей, и мурзъ, и улановъ, — никто отъ прелестей ея не увернулся. Агаряне, сударь мой, не точію чтобы худо какое ей учинить, примѣрно въ полонъ бы взять, иль-бо жизни лишить, иль-бо другое что-нибудь этакое, — нѣтъ, сударь мой, а и сами попали ей въ лапы, а и сами плясали по ея дудкѣ. Какова бестія-то, а? И не диво, что Маринка батырей прельстила: собой-то ужъ больно была красива, собака! И щеголиха была отъ всего свѣта. Ходила, говорятъ, завсегда, и въ будни и въ праздники, въ шелку, да въ парчѣ, да въ бурмитскомъ жемчугѣ, а на сарафанахъ, говорятъ, носила пуговицы изъ чистаго литого золота съ драгоцѣнными каменьями, и каждная, говорятъ, пуговица была вѣсомъ въ полтора фунта. Какова бестія-то, а? Взяла Маринка въ Ордѣ силу большую, и стала Орду мутить и подущать на Расею. Вишь, шельма какая! Чтобъ и въ аду-то ей мѣста не было! — Слушай, какая исторія-то вышла.

„Однажды съѣхались къ Маринкѣ въ городокъ изъ Сарачика и изъ улусовъ разные басурманскіе витязи, Маринкины женихи-полюбовники, что ни самая знать, все ханы да князья, мурзы да улановья, ханскія да княженецкія дѣти, что ни самая то-нсь ягода Золотой Орды. Собрались гости у Маринки въ горницѣ. Маринка подчуетъ ихъ и мясомъ жеребячьимъ, и кумысомъ кобылячьимъ, и финиками, и изюмомъ, и кишмишемъ, и винными ягодами. А гости отъ всего отказываются: не за тѣмъ, вишь, пріѣхали. Одинъ изъ нихъ, словущій Америкъ-ханъ, сталъ, сударь мой, держать къ Маринкѣ таковую рѣчь:

„Славная и преславная ты въ женахъ! Собрались мы у тебя не затѣмъ, чтобы угощаться: впереди время много, успѣемъ и погулять. А собрались мы за тѣмъ, чтобы настоящій законъ отъ тебя взять. Держу рѣчь къ тебѣ не отъ себя одного, отъ всего честнаго нашего собранья, отъ всѣхъ хановъ и князей, отъ всѣхъ мурзовъ и улановьевъ, отъ всѣхъ ханскихъ и княженецкихъ дѣтей. Выслушай, Маринушка, и

дай отвѣтъ намъ, отвѣтъ дай безъ лисьихъ увертокъ и безъ женскихъ хитростей. Рѣчь моя такова!—говоритъ Америкъ-ханъ.—Ни въ законѣ нашемъ не узаконено, ни въ обычаѣ нашемъ не заобычено, чтобы женщина властвовала надъ мужчиной. Однако единая изъ женщинъ—это ты, прелестная Маринушка, прельстила насъ своими прелестями, обворожила насъ всѣхъ до единаго и всѣхъ держишь насъ на привязи, словно верблюдовъ на бурундукѣ *). Такая жисть намъ не въ терпежъ стала. Не любимъ мы нюхать да облизываться: мы „ашать" (ѣсть) любимъ!.. Выбери изъ насъ единаго, кто тебѣ по праву, да и живи съ нимъ съ однимъ, какъ живутъ жены со мужьями. А есть-когда сама не выберешь, вели намъ жеребій кинуть: мы и на то согласны. А есть-когда не сдѣлаешь ни того, ни сего, быть великой бѣдѣ, Маринушка!.. Перегрыземся мы, перерѣжемся всѣ до единаго! Какой изъ того толкъ будетъ? Никакой не будетъ толкъ! Какъ пойдетъ дѣло на ножи булатные, да на кинжалища острыя, такъ и тебѣ не сдобровать, наша прелестница! Я сказалъ, Маринушка,—говоритъ Америкъ-ханъ,—теперь твой чередъ, Маринушка. Говори безъ лисьихъ увертокъ и безъ женскихъ хитростей.

„Выслушамши Америка-хана, Маринка ехидница говоритъ:—Славный и могучій Америкъ-ханъ, рѣчь твоя хороша, да больно пестра: ни къ чему не подладишь. Послушай, Америкъ-ханъ! Послушайте и вы всѣ, мурзы и улановья! Послушайте, что я скажу. Рѣчь моя такова,—говоритъ злокозная Маринка:—Орда ваша и славна, и сильна, сами вы всѣ молодцы и удальцы, а на разумѣ у васъ, не въ обиду вамъ будь сказано, дурачество одно! Вяжетесь вы за мною, какъ будто и не знай за чѣмъ, а того не помыслите, что Расея надъ вами насмѣхается. Вотъ о чемъ должны вы денно и нощно думать, а не обо мнѣ, слабой женщинѣ, спорить. Слушайте! Пришлютъ вамъ изъ Кіева, и то разъ въ годъ,

---

*) Бурундукъ, правильнѣе, мурундукъ—киргизское слово, означающее поводъ, продѣтый сквозь носовой хрящъ верблюда. Авт.

какихъ-нибудь грошевыхъ подарковъ: вы и рады, вы и слюни распустите, разгильдяи! Эхъ вы, разгильдяи! Я родилась и выросла въ Кіевѣ, стало быть, хорошо знаю, что это за городъ такой. Тамъ, мурзы и улановья, столько и злата, и серебра, и драгоцѣнныхъ камней, столько кызылбашскихъ ковровъ, да цареградскихъ парчей, да венецейскихъ бархатовъ, что на тощакъ и невыговоришь. Одними самоцвѣтными камнями да бурмитскимъ жемчугомъ можно рѣку Яикъ запрудить. А изъ злата да изъ серебра можно десять Сарачиковъ вашихъ построить. А парчами да бархатомъ можно дорогу устлать отъ восхода до запада. А красавицъ въ Кіевѣ такихъ, какъ примѣрно я, столько, что неточію на васъ, а на телепгутовъ *) вашихъ станетъ! Вотъ кабы вы, замѣсть того, чтобы изъ-за меня грызться да рѣзаться, собрались большимъ скопомъ да дружно ударили на Кіевъ, да овладѣли имъ,—вы бъ озолотились и по всей вселенной прославились! Что, какова моя рѣчь?—говоритъ напослѣдокъ Маринка, и смотритъ во всѣ глаза на мурзовъ и улановьевъ.

— Вишь, ехидная, что затѣяла! — замѣтилъ разсказчикъ.—А мурзы и улановья молчатъ, только бритыми башками покачиваютъ, да сквозь зубовъ поплевываютъ.

— Что жъ молчите?—спрашиваетъ Маринка.

— Говорить-то нечего, такъ и молчимъ!—отвѣчаютъ мурзы и улановья.

— Али рѣчь моя не хороша?—спрашиваетъ Маринка.

— Коли не хороша?—говоритъ Америкъ-ханъ.—Хороша, очень хороша, да только пестра, пестрѣе моей, Маринушка: совсѣмъ ни къ чему не подладишь. И допреждь насъ, наши отцы и дѣды объ этомъ думали, да такъ при думѣ и остались. Чай, самой тебѣ извѣстно, Маринушка, что градъ Кіевъ больно крѣпокъ, особенно въ теперешнюю пору—вотъ

---

*) Особый классъ людей, родъ почетныхъ, если можно такъ выразиться, служителей, состоящихъ при лицахъ ордынской аристократіи въ качествѣ нашихъ ординарцевъ, вѣстовыхъ и т. п. Авт.

бѣда наша. Крѣпокъ градъ Кіевъ, Маринушка, не стѣнами зубчатыми и не башнями наугольными, а крѣпокъ градъ Кіевъ могучими и сильными богатырями расейскими. Считай, Маринушка, — говоритъ Америкъ-ханъ: — Илья Муромецъ, это разъ. Хоть и старъ сталъ Муромецъ, однако, копіемъ владѣть еще умѣетъ. Василій Касберычъ, это два. Хоть и молодъ, а удалъ. Алешка Поповичъ, это три. Хоть и кутейникъ по вашему, однако на руку тяжелъ. Добрыня Никитичъ, это четыре. Объ этомъ и толковать нечего: знаемъ, одинъ тьму побьетъ. Дюкъ Степанычъ... Да что тебѣ выкликать ихъ, чай сама знаешь всѣхъ на перечетъ; знаешь и удаль ихъ молодецкую. Теперь суди сама, Маринушка,—говоритъ Америкъ-ханъ:—какова черта тутъ сдѣлаешь? Ни черта не подѣлаешь! Не будь этихъ богатырей—статья иная-бъ: можно-бъ ударить на Кіевъ. А теперь, что ни толкуй, нельзя; мы вѣдь не о двухъ головахъ. Моя рѣчь такова!—говоритъ Америкъ-ханъ.—Не знай, вотъ они что скажутъ.

И Америкъ-ханъ указалъ на все собранье басурманское. И все собранье басурманское поддакиваетъ Америку-хану.

Тутъ ехидница Маринка говоритъ:

— А моя рѣчь вотъ какова! Спору нѣтъ, градъ Кіевъ крѣпокъ богатырями. Оболтусы! Да вы перво-на-перво богатырей-то выведите: тогда и Кіевъ будетъ вашъ!

Америкъ-ханъ улыбается и говоритъ:

— Легко сказать, выведите! Да какъ вывесть? Вѣдь кіевскіе богатыри не вши или бо не блохи...

— Я васъ научу,—говоритъ Маринка.

— Научи,—говоритъ Америкъ-ханъ.—Мы ради этому.

— Слушайте! — говоритъ злокозная Маринка. — Къ вамъ, — говоритъ, — нынѣшній годъ, Володимеръ, Солнце Кіевское, присылаетъ дань. Пріѣзжаютъ къ вамъ съ данью, знаю, люди простые, немудрящіе, примѣрно попы, иль-бо монахи, иль-бо купчины какіе. Вотъ вы теперь же возьмите да и отпишите къ Кіевскому Солнцу: „такъ-де и такъ, Володимеръ князь, Солнце-де ты Кіевское! Не дорогъ-де пода-

рокъ—дорога-де любовь. Пріятно-де намъ получать отъ тебя подарки, какіе бы они тамъ ни были, дорогіе иль дешевые, все единственно: но нелестно-де намъ принимать твои подарки изъ рукъ людей простыхъ, немудрящихъ. Коли хочешь жить съ нами въ любви и согласьи, то посылай-де ты, Солнце Кіевское, къ намъ подарки съ людьми именитыми, со славными и могучими богатырями расейскими, чтобы не безчестно было и намъ отдаривать твоихъ посланцевъ". Помяните мое слово, мурзы и улановья,—говоритъ злокозная Маринка,—Кіевское Солнце сдѣлаетъ по вашему: не будетъ онъ изъ-за пустяковъ ссориться. Это вѣрно; наплюйте мнѣ въ глаза, есть-когда солгу. Тогда будутъ ѣздить къ вамъ съ данью изъ Кіева сильные и могучіе богатыри расейскіе. А вы этихъ самыхъ богатырей,—говоритъ ехидница Маринка,—по одиночкѣ въ своихъ улусахъ и душите, и душите, какъ будетъ сподручно. Чего-жъ лучше? А коли нельзя будетъ взять котораго богатыря открытой силой, можно и такъ поступить: подсыпьте на „тою" (на празднествѣ) въ питье ему иль-бо въ пищу зелья смертоноснаго; я вамъ, говоритъ, составлю такого; отъ одной капли, говоритъ, любой богатырь протянетъ ноги. Чего-жъ еще надо? Такимъ манеромъ вы и переведете всѣхъ богатырей кіевскихъ, а коли переведете богатырей,—тогда, толковать ли, и Кіевъ будетъ вашъ. Тогда,—говоритъ злокозная Маринка,—можно повести рѣчь и насчетъ мужа.—Какова моя рѣчь?—спрашиваетъ Маринка мурзовъ и улановьевъ.

— Тутъ, сударь мой,—продолжалъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ,—всѣ бусурманы заегозили и залалакали. Содомъ подняли, сударь мой! Больно, вишь, обрадовались злокозному и ехидному совѣту Маринкину.

Лишь только собранье басурманское немного поуспокоилось, Америкъ-ханъ и говоритъ:

— Вотъ эта рѣчь такъ рѣчь!—и хороша, и гладка; какъ разъ подладимъ къ самому то-ись дѣлу! Дивлюсь только я, — говоритъ Америкъ-ханъ своимъ соумышленникамъ, — дивлюсь, братцы мои: какимъ побытомъ такая разумная

мысль намъ самимъ доселева не приходила въ голову, а? А вѣдь мы, кажись, мужчины! Значитъ, неправду говорятъ про женщинъ: „волосъ дологъ—умъ коротокъ“; прелестная Маринушка всѣхъ насъ умнѣе, даромъ что женщина. Хорошо, Маринушка,—говоритъ все онъ же, Америкъ-ханъ:—по глаголу твоему исполнимъ, то-нсь богатырей расейскихъ переведемъ всѣхъ до одного и градомъ Кіевомъ овладѣемъ; но ты скажи намъ заранъ, то-нсь заповѣдь что ли какую на насъ положи: кто тогда изъ насъ будетъ мужемъ твоимъ.

Маринка ехидница отвѣчаетъ на это такъ:

— Тотъ изъ васъ мнѣ будетъ мужъ, кто живаго али мертваго предастъ въ мои руки злаго ворога моего, Добрыню Никитича!

— Я, я, я постараюсь! Я представлю Добрыню!—закричали въ одинъ голосъ басурманы.

— Такъ, сударь мой, на томъ и положили,—сказалъ старикъ-разсказчикъ.—Вишь, что выдумала, проклятая,—прибавилъ онъ немного погодя;—вишь какую подвела статью, злокозная! Ей, видно, сударь мой, не Кіевъ нуженъ былъ, и не богатыри расейскіе нужны были, а ей, окаянной, нуженъ былъ одинъ только Добрыня Никитичъ. Значитъ, злобу-то какую имѣла, бестія: чистый аспидъ, василискъ..

— Такъ, такъ, Иванъ Никитичъ! Что правда, то правда,—замѣтилъ я, боясь, чтобы старикъ не пустился въ разсужд - ніе по поводу злобы аспида и василиска.—Однако жъ, что дальше?

— Постой, не торопи! Разскажу все по порядку, что и какъ было,—сказалъ старикъ. Потомъ немного погодя, сталъ продолжать:

„Какъ злокозная Маринка говорила, такъ, сударь мой, и учинилось. Стали съ той поры ѣздить въ Орду изъ Кіева все люди именитые да славные, могучіе богатыри расейскіе. И какъ только который изъ нихъ, голубчикъ, въ Ордѣ покажется, такъ безбожные агаряне, гдѣ въявь, гдѣ тайкомъ, и оттяпаютъ ему буйную головушку, да и на тынъ, да и на тынъ!.. Вишь, надругатели какіе, варвары! Случилась такая

оказія не разъ, не два, а многонько-таки. Пропало богатырей и людей именитыхъ не одинъ, не два, а довольно-таки. Поѣдетъ, бывало, посолъ въ Орду—и не вернется домой; поѣдетъ—и пропадетъ, словно въ воду канетъ. Пошло по граду Кіеву и по всей землѣ расейской сумнѣніе великое. У всѣхъ, отъ мала до велика, только и рѣчей было, что про эти каверзы. „Что за притча такая?"—думаетъ народъ православный.—„Куда дѣваются послы княженецкіе, всѣ люди именитые и всѣ могучіе и сильные богатыри расейскіе?" Такое-то у всѣхъ сумнѣніе. А то и въ голову никому не придетъ, что вся эта притча была отъ злыхъ татаровей и отъ злокозной совѣтницы ихъ, Марфики. Напослѣдъ, какъ-то нечаянно, стороной, отъ проѣзжихъ какихъ-то купчинъ, довѣдались обо всемъ досконально; довѣдались, что все это дѣло рукъ поганыхъ басурмановъ, что заводчицей всему этому Марфика злокозная.

„Дошла таковая вѣсть и до Добрыни Никитича; и воскипѣлъ онъ гнѣвомъ-яростію великою, что твой звѣрь обраненный. Прибѣгаетъ онъ ко князю Володимеру и проситъ его позволенія ѣхать въ Орду невѣрную, проучить злыхъ татаровей за ихъ дѣла безбожныя.—А Володимеръ князь въ тѣ самыя поры снарядилъ уже туда Василья Касберыча, племянника Добрыни Никитича, богатыря сильнаго и могучаго, но лѣтами юнаго, малоопытнаго; а въ помощь ему, на всякъ случай, придалъ сорокъ человѣкъ отборныхъ отроковъ, то-есь по нашему воиновъ изъ своей княженецкой дружины, то-есь по нашему гвардіи. Добрыню-жъ Никитича Володимеръ князь не хотѣлъ-было пущать отъ себя, по той самой причинѣ, что боялся, сирѣчь, осторожность наблюдалъ, какъ бы-де злые агаряне не нагрянули на Кіевъ градъ. Кѣмъ будешь защищать? Почитай всѣ сильные и могучіе богатыри въ тѣ поры въ разбродѣ были: одни въ Ордѣ пропали, а другіе такъ себѣ разъѣхались гулять по чистымъ полямъ да зеленымъ лугамъ. Таковъ въ старину обычай былъ. А Добрыня Никитичъ приступилъ ко князю Володимеру и говоритъ ему таковыя словеса:

— Коли я прибуду на Яикъ и подсѣку тамъ подъ самый, что называется, корень злыхъ татаровей, тогда, говоритъ, нечего опасаться за Кіевъ градъ: некому, значитъ, будетъ нападать на него. А коли ничего не смогу тамъ сдѣлать, то, значитъ, и здѣсь не смогу: стало, все единственно. А чтобы не былъ ты, Солнце Кіевское, въ сумнѣньи на счетъ этого дѣла, то, говоритъ, пускай и Василій Касберычъ ѣдетъ со мной: двое, говоритъ, не какъ одинъ.—Пускай и дружина ѣдетъ съ нами: это, говоритъ, еще лучше. А безъ меня, говоритъ, воля твоя, пресвѣтлый князь, племяннику моему ѣхать не слѣдъ: юнъ-бо есть, неопытенъ, какъ разъ дастся въ обманъ. А меня, говоритъ Добрыня Никитичъ, злые татаровья не проведутъ: самъ, говоритъ, девятую траву жую.

„Володимеръ князь согласился. Ладно. — Поѣхали дядюшка съ племянникомъ, спрѣчь Добрыня Никитичъ съ Васильемъ Касберычемъ, въ путь—во-дороженьку, въ невѣрную земелюшку, спрѣчь къ Сарачинамъ, въ столичный городъ ихъ Сарачикъ.—Поѣхали добры-молодцы не торной большой дорогой, а поѣхали цѣликомъ, мѣстами глухими, неѣзжими...

— Это зачѣмъ?—спросилъ я.

— А затѣмъ,—сказалъ старикъ,—чтобы прежде время не взбулгачить татаришекъ, чтобы тѣ, собаки, не разбѣжались по степямъ, коли почуютъ, что идутъ-де къ нимъ изъ Кіева послы съ дружиной, а Добрынѣ Никитичу хотѣлось съ разу пошабашить ихъ, чтобы и духу ихняго не пахло. Понимаешь?

Я кивнулъ головой.

„Долго ли, коротко ли ѣхали богатыри наши съ дружиною,—продолжалъ разсказчикъ,—напослѣдъ пріѣхали въ Сарачикъ и явились къ набольшему въ Сарачикѣ, спрѣчь къ самому Америку-хану, явились только самъ-другъ, спрѣчь Добрыня Никитичъ и Василій Касберычъ, а отроковъ своихъ оставили въ глухомъ мѣстѣ, въ засадѣ, неподалеку отъ Сарачика, и набольшему надъ ними, по нашему, примѣрно, сотенному, строго-настрого наказали, чтобы не спалъ, не

дремалъ, а безпрестанно прислушивался, а какъ-де заслышитъ звончатый голосъ золотыхъ роговъ, что висѣли на поясахъ у Добрыни Никитича и Василья Касберыча, то сей же мигъ скакалъ бы съ дружиной въ Сарачикъ. Ладно.

„Америкъ-ханъ встрѣтилъ пословъ съ честію, повелъ ихъ въ свои палаты и сталъ угощать яствами и питьями. И виду, мошенникъ, никакого злоумышленнаго не подаетъ, а въ душѣ-то, у собаки, толковать ли! одно—какъ бы только докопать ихъ. Въ одинъ котелъ съ пловомъ—чуешь! въ одинъ турсукъ съ кумызомъ *)—чуешь! и яду смертоноснаго влили, что Маринка злокозная приготовила. Вишь, проклятые, что затѣяли! Но Добрыня Никитичъ и Василій Касберычъ заранѣ уговорились воздержаться отъ яствъ и питій басурманскихъ. Америкъ-ханъ спрашиваетъ ихъ: „отчего-де они не хотятъ вкусить отъ яствъ его и испить отъ питій его, али-де брезгуютъ?“ А они отвѣчаютъ: яствами-де и питьями его не брезгуютъ: предлагаемое да ѣдимъ; и не вкушаютъ-де, и не испиваютъ по той причинѣ, что у нихъ-де, въ ту пору, ураза, сирѣчь постъ.

„Ладно. Америкъ-ханъ только морщится: не удалось, значитъ, собакѣ, свершить дѣло безбожное. Немного погодя, онъ говоритъ:

— Нечего дѣлать, коли у васъ ураза; уразу и мы почитаемъ. Однако, говоритъ, на нашъ той,—сирѣчь по нашему пирушка,—прибавилъ разсказчикъ,—однако на нашъ той посмотрѣть можно, чай?

— Можно!—говоритъ Добрыня Никитичъ.

„Ладно. Вышли изъ палатъ ханскихъ и пошли за городъ въ поле, а за городомъ, сударь мой, столько собралось орды поганой, что твоей саранчи, яблоку негдѣ упасть.

„Ладно. Америкъ-ханъ радуется, и Добрыня Никитичъ

---

*) Пловъ, или пилавъ—азіатское кушанье изъ риса въ родѣ нашей каши или кутьи. Турсукъ—кожаный мѣшокъ, или иначе мѣхъ, въ которомъ держатъ кумызъ и т. п. жидкости. Кумызъ, или кумысъ—вещество, всѣмъ и каждому, кажется, нынѣ извѣстное: это напитокъ изъ кобыльяго молока.

радуется. Америкъ-ханъ думаетъ: „Добро, голубчикъ, теперь отъ насъ не вырвешься: вонъ сколько насъ!“ И Добрыня Никитичъ думаетъ: „Добро, голубчики. Вонъ сколько васъ. Собрались вы въ одно мѣсто, значитъ безъ хлопотъ: пошабашу всѣхъ съ одноразки, и дѣлу конецъ!“

„Ладно. Начались разныя басурманскія забавы, игрищи: боролись, тянулись на палкахъ, арканахъ, деньги ртомъ изъ котла съ баламыкомъ *) доставали, и все такое по басурманскому обычаю. Нечего тебѣ разсказывать о басурманскихъ забавахъ, чай, самъ видалъ ихъ.

„Ладно. Добрыня Никитичъ и Василій Касберычъ сидятъ съ Америкъ-ханомъ подъ шелковымъ шатромъ и глядятъ на татарскія потѣхи. Америкъ-ханъ отдувается и безпересчь толкуетъ:„охъ, жарко! охъ, душно!“—Скинулъ съ себя, почесть, всю одежду, остался только въ одной бѣлой распашной рубахѣ; совѣтуетъ, собачій сынъ, и Добрынѣ Никитичу съ Васильемъ Касберычемъ сдѣлать то же; но тѣ отнѣкиваются, головками покачиваютъ.

— Хоть панцыри-то да латы-то сбросьте,—говоритъ Америкъ-ханъ.—Вишь жара какая, чай, и вамъ душно, особенно съ дороги.

„Вишь, проклятый, что выдумалъ! Хотѣлъ, значитъ, какъ-нибудь невзначай копіемъ иль-бо чѣмъ другимъ уязвить добрыхъ молодцевъ. Но Добрыня Никитичъ себѣ на-умѣ,

— Не можно!—говоритъ онъ Америку-хану.—Латы на насъ заклепаны: въ нихъ ходимъ, въ нихъ и спимъ.

„Америкъ-ханъ только морщится: значитъ, и эта штука не удалась. А кинуться на Добрыню Никитича въявь боится: знаетъ, что не совладаетъ. И выпустить-то изъ рукъ живого—жаль собакѣ: хочется, знаешь, Марникѣ злокозной поделужиться, чтобы женой ее своей содѣлать.

„Ладно. Начали агаряне изъ луковъ стрѣльбой потѣшаться. Тутъ Америкъ-ханъ и говоритъ Добрынѣ Никитичу:

— Давай за компанію и мы пострѣляемъ!

---

*) Баламыкъ—смѣшанная и взболтанная мука съ водой.

— Давай!—говоритъ Добрыня Никитичъ.

„Ладно. Поставили другую цѣль, далеко-таки отъ шатра и принесли ханскій лукъ и колчанъ каленыхъ стрѣлъ.

— Начинай!—говоритъ Америкъ-ханъ Добрынѣ Никитичу.

— Нѣтъ, ты начинай!—говоритъ Добрыня Никитичъ Америку-хану.—Ты хозяинъ, а я гость: значитъ, за тобой первымъ и чередъ.

„Ладно. Америкъ-ханъ выстрѣлилъ и недострѣлилъ: на половинѣ стрѣла воткнулась въ землю. Добрыня Никитичъ засмѣялся, а Америкъ-ханъ оттого въ конфузію произошелъ и затряся, сударь мой, словно окаянный передъ крестомъ.— Тутъ Добрыня Никитичъ тихохонько и говоритъ Василью Касберычу, чтобы Америкъ-ханъ не слыхалъ:

— Смотри, сейчасъ начну! А ты, слушай, ни съ мѣста! Руки не моги поднять и меча своего не моги обнажать, и въ рогъ покуда не труби! Ты знаешь мой обычай: какъ расхожусь, такъ въ азартѣ-то ничего не вижу: чего добраго, иль-бо тебя, иль-бо изъ отроковъ кого невзначай урѣжу. А коли утомлюсь, самъ подамъ знакъ.

— У насъ не такъ стрѣляютъ, а вотъ какъ!—говоритъ Добрыня Никитичъ Америку-хану и вырвалъ у него изъ рукъ лукъ.—Смотри въ оба, поганый басурманъ!—сказалъ Добрыня Никитичъ и потянулъ за титовочку не шибко, не тихо, а такъ, слегка, да до-сыта: лукъ-то ханскій хрупъ! да и надвое.

„Тутъ, сударь мой, Америкъ-ханъ совсѣмъ взбѣсился и пришелъ въ ярость великую. Кричитъ:

— Какъ ты смѣлъ лукъ мой ханскій изломать! Что это такое? Насмѣшка! Надругательство! Мурзы и улановья!— кричитъ Америкъ-ханъ.—Арестуйте сего наглаго кафыра! Въ Кіевъ представимъ его, на судъ къ самому Солнцу Кіевскому!...

„Вишь, собака, какую статью подвелъ,—присовокупилъ разсказчикъ:—хотѣлъ и тутъ надуть Добрыню Никитича. Думалъ, видно, что тотъ дастъ арестовать себя, да въ темницу

засадить. Какъ бы не такъ! Дурака, что ли, нашелъ. Не знаетъ, песій сынъ, что у Добрыни Никитича совсѣмъ не то на разумѣ.

„Мурзы и улановья еще съ мѣстъ не пошевелились,— продолжалъ старикъ,—какъ Добрыня Никитичъ, не говоря худова слова, чабыснетъ рогомъ изломаннаго лука по плѣшивой башкѣ Америка-хана, и разлетѣлась башка ханская на мелкіе кусочки, словно арбузъ спѣлый! Такъ-то вотъ! Что тутъ подѣялось, сударь мой, о томъ и разсказать-то нашему брату въ чередъ, неточію чтобы самимъ сдѣлать этакое дѣло. Куда!—чудеса, сударь мой, да и только!

„Какъ только Добрыня Никитичъ укокошилъ Америка-хана, такъ вся орда и хлынула на него, спрѣчь, на Добрыню Никитича; а онъ, соколъ ясный, не выная изъ ножонъ и меча своего кладенца, давай орду кстить обломками Америкова лука, и давай кстить, и давай, и давай! Только стонъ пошелъ по всей Золотой ордѣ! Чай, и самый адъ застоналъ!

„Обилъ Добрыня Никитичъ одинъ рогъ лука, обилъ и другой, а до меча-кладенца все-таки не дотрогивается. Схватилъ замѣстъ его, смѣшно индо, схватилъ, сударь мой, одного дюжаго татарина за ноги, да и пошелъ имъ глушить басурмановъ и пошелъ, и пошелъ глушить, словно тюленей на шалыгѣ *)! Почитай всѣхъ, сударь мой, укокошилъ. Самая малость уцѣлѣла, да и тѣ, сударь мой, видя бѣду неминучую, за добра-ума откачнулись, побросались въ Яикъ и уплыли на ту сторону, а которые и въ Яикѣ утонули. Значитъ: туда, поганцамъ, и дорога.

„А Добрыня Никитичъ въ азартъ произошелъ великій: ничего не видитъ, не слышитъ, знай, махаетъ на всѣ стороны татариномъ, словно палицей. У того, у собаки, и голова-то давно отлетѣла, и туловище-то все измочалилось, а Добрыня Никитичъ знай махаетъ, знай махаетъ!—Василій Касберычъ кричитъ ему, что бить-то ужъ некого, а онъ и не

*) Шалыга — островъ, только что поднявшійся надъ уровнемъ воды.

чуетъ; знай махаетъ, знай махаетъ, только приговариваетъ: „Вотъ я васъ, собаки, вотъ я васъ, собаки!“ Василья Касберыча индо смѣхъ взялъ. Напослѣдокъ подкрался онъ сзади къ Добрынѣ Никитичу, ухватилъ его за плечи и закричалъ: „Стой!“ Добрыня Никитичъ вздрогнулъ и очнулся.

— Что ты дѣлаешь?!—говоритъ онъ Василью Касберычу.—Рази не видишь, я въ азартъ произошелъ. Ну, коли-бъ я тебя урѣзалъ, замѣстъ басурмана: что бы тогда было? Какой ты неосторожный, право! Не безъ чего сказано тебѣ заранѣ, чтобы стоялъ смирно. Ну, да ладно,—говоритъ онъ Василью Касберычу:—пошабашилъ! Теперь, говоритъ, труби въ рогъ, скликай отроковъ и оставайся съ ними тутъ. Дуваньте, говоритъ, казну и весь буторъ басурманскій; а я, говоритъ, съѣзжу на часикъ въ одно мѣсто, неподалечку; къ вечеру, говоритъ, вернусь.

„Сказалъ это Добрыня Никитичъ, сѣлъ на своево добра коня буланаго и полетѣлъ къ Маринкину городку. Значитъ, резолюцію сдѣлать еретичкѣ. Прописалъ же онъ ей, сударь мой, резолюцію славную! Перво-на-перво надавалъ ей, яко потаскушкѣ, оплеухъ горячихъ—безъ этого нельзя; потомъ, сударь мой, оттаскалъ ее добрымъ порядкомъ за космы—и безъ этого нельзя; а напослѣдъ, какъ законъ повелѣваетъ, привязалъ ее за хвостъ дикой лошади, да и пустилъ въ чисто поле. Тутъ Маринкѣ ехидницѣ и смерть приключилась. Значитъ, сколько ни мудрила, сколько ни хитрила, а Добрыниныхъ рукъ не миновала.

„Порѣшимши злокозную Маринку, Добрыня Никитичъ вернулся въ Сарачикъ и только что подъѣхалъ къ Сарачику, какъ завидѣлъ на бухарской сторонѣ огромнѣйшій столбъ пыли, отъ земли до облакъ. Это, сударь мой, скакалъ изъ степи къ Янку басурманскій батырь Абдулъ-Аксакъ, родной братъ Америка-хана, а за нимъ, сударь мой, валила рать-сила несмѣтная. Этотъ самый Абдулъ-Аксакъ, по старости лѣтъ своихъ, жилъ на спокоѣ въ степи за Янкомъ, гдѣ-то у Эмбы или у Сагиза, въ особомъ городкѣ и, заслышамши въ Сарачикѣ тревогу, скакалъ теперича, значитъ, съ своей

ордой на подмогу къ брату, Америку-хану, скакалъ, сударь мой, да опоздалъ: по этому самому и грибъ съѣлъ! Добрыня Никитичъ дождался, какъ онъ подскакалъ къ самому берегу, да и пустилъ ему кленовую стрѣлочку прямо въ глазъ: тотъ и съ копытъ долой, собака! Значитъ: не суйся въ воду, не спросясь броду!

„Воины Абдулъ-Аксаковы замѣшались и остановились, по той самой причинѣ, что набольшаго, вожатаго, значитъ, ихъ не стало. А тутъ какъ разъ выбѣжалъ изъ Сарачика Василій Касберычъ, а за нимъ высыпали и всѣ отроки, одинъ другого удалѣе, одинъ другого молодцоватѣе. Воины Абдулъ-Аксаковы какъ только узрѣли на сей сторонѣ Яика расейскихъ богатырей съ дружиной, такъ въ страхъ и ужасъ пришли несказанный, и тотъ же мигъ, за добра-ума, отвалили прочь, и безъ оглядки пустились бѣжать, куда глаза глядятъ. Вишь, прости Господи, дрянь какая! Иные бѣжали на Аму-Дарью, иные на Сыръ-Дарью, иные на Марышлакъ, кто куда попалъ или куда кого конь занесъ. Тамъ и поднесь живутъ. Это, сударь мой,—прибавилъ разсказчикъ,—теперешніе недруги наши: хивинцы, коканцы, трухменцы и вся орда басурманская, что за Яикомъ живетъ.

„Раздѣлавшись, значитъ, на-чистогалъ съ агарянами и порѣшивши злокозную Маринку, славные и могучіе богатыри, Добрыня Никитичъ и Василій Касберычъ, съ великою честію и славою вернулись въ Кіевъ къ Володимеру, Солнцу Кіевскому, а отрокамъ своимъ дали на волю: „хошь-де въ Расею поѣзжайте, хошь-де, тутъ оставайтесь, спрѣчь на Яикѣ“. Иные отроки, и то самая малость, вернулись въ Кіевъ, а иные, что ни самая ягодка, остались на Яикѣ: мѣстато, вишь, больно привольныя были. Къ нимъ, то-исъ къ этимъ отрокамъ, что на Яикѣ остались, пристали, говорятъ, и тѣ молодцы, что съ Маринкой жили, да и дѣвокъ съ женками, что при Маринкѣ же находились, съ собой привели; нельзя, знамо дѣло, и безъ женскаго пола. Такимъ, сударь мой, манеромъ, съ той поры и завелись на Яикѣ расейскіе люди. Отъ нихъ, говорятъ, и взялись наши праотцы, спрѣчь слав-

ные и достохвальные казаки яицкіе. Вотъ тебѣ и вся недолга!“ заключилъ старикъ.

— Что хорошо, то хорошо,—сказалъ я.—Не даромъ говорится: умныя рѣчи и слушать любо.

— Экой ты, экой ты какой!—воскликнулъ Иванъ Никитичъ.

— Однако, Иванъ Никитичъ,—прибавилъ я,—не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, побаска твоя хороша, да на правду мало похожа.

— Экой ты, экой ты какой!—забормоталъ Иванъ Никитичъ.—За то она и побаска. Однако, позволь узнать, отчего на правду не похожа?—серьезно спросилъ меня старикъ.

— А вотъ отчего,—сказалъ я:—когда жили въ Кіевѣ Владиміръ, Солнце Кіевское, да славные, могучіе богатыри Добрыня Никитичъ, Василій Касберычъ и иные прочіе, въ ту пору источію самихъ агарянъ, а и духу-то ихняго не было слышно...

Я хотѣлъ прибавить: на Яикѣ, но Иванъ Никитичъ мгновенно залился дѣтски-простодушнымъ смѣхомъ и не далъ мнѣ договорить.

— Вотъ-те разъ, вотъ-те разъ!—говорилъ старикъ сквозь смѣхъ.—Экъ ты, не во-гнѣвъ и тебѣ будь сказано, экъ ты, сударь мой, какую колышку согнулъ—смѣху подобно! Хошабъ иную какую статью подвелъ, а то, слышь, агарянъ не было! Смѣху подобно, смѣху подобно!—Старикъ опять засмѣялся.—Да ты, касатикъ, рази никогда не заглядывалъ въ Божественное Писаніе?—продолжалъ онъ, переставъ смѣяться и принявъ на себя серьезный видъ.—Рази ты не знаешь, отъ кого взялись агаряне? Агарь была раба Авраама, у Агари былъ сынъ Измаилъ, сирѣчь Измаилка татаринъ, все единственно. Вотъ отъ нихъ-то и взялись агаряне, измаильтяне и всѣ прочіе басурманы, не познавшіе истиннаго Бога. Что теперича скажешь, а?—обратился ко мнѣ старикъ.

Имѣя впереди еще двухъ Маринокъ: Маринку разбойницу и Маринку царицу, я не хотѣлъ продолжать спора съ старикомъ разсказчикомъ, да и не къ чему было спорить.

— Исполать тебѣ, Иванъ Никитичъ!—сказалъ я.—Слушать тебя—все единственно, что сыту пить. Такъ польстилъ я старику его же любимымъ выраженіемъ.

— Экой ты, экой ты какой!—заговорилъ Иванъ Никитичъ и, смѣясь и жеманясь, погрозилъ мнѣ пальцемъ, что доказывало, что старикъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.—Еще вотъ что, касатикъ, запомни,—сказалъ онъ немного погодя,—и по книгамъ хивинскимъ значится то же самое, что сейчасъ я тебѣ разскажу. Я, сударь мой, родился въ Сарачикѣ. Была у меня бабушка древняя, предревняя, много, много, покойница, жила на вольномъ свѣтѣ, царство ей небесное; и охотница же была разсказывать всякія исторіи. Когда я былъ маленькимъ, ей было больше ста лѣтъ. Она мнѣ разсказывала, что въ ея молодую пору часто пріѣзжали къ нимъ въ Сарачикъ изъ Хивы съ караванами хивинцы, люди старые, по ихнему аксакалы, а по нашему старики сѣдобродые. Вотъ отъ нихъ-то бабушка моя и слыхала, что то мѣсто, гдѣ Сарачикъ, испоконъ вѣка было-де хивинское, что въ стары годы пришли-де на Яикъ люди Бѣлаго Царя, согнали-де ихъ, то-есь хивинцевъ, съ Яика и загнали на Аму-Дарью; у нихъ и по книгамъ, дескать, такъ значится. И какъ-де начнутъ, бывало, хивинцы объ этомъ разговоръ вести, сказывала мнѣ бабушка, такъ-де и зальются, и зальются горючими слезами, даромъ что басурманы, право-слово такъ. А все оттого, что по ихнимъ же книгамъ значится: придетъ-де время, рано ли, поздно ли, а придетъ, что Расея и на Аму-Дарьѣ не дастъ-де имъ спокою, то-есь хивинцамъ, что и тамъ-де не уйти имъ отъ руки Бѣлаго Царя. А кому-де это пріятно, толкуютъ, бывало, промежъ себя дурачье хивинцы. Значитъ, и сумнѣваться не въ чемъ.

— Да, ладно, ладно! — прибавилъ старикъ. — Нечего съ тобой объ этомъ много толковать. Понимаю, понимаю! И самъ ты человѣкъ свѣдущій, да только меня, старика, пытаешь. Добро, добро! Стараго воробья на мякинѣ не

скоро обманешь. Лучше потолкуемъ-ка о другомъ о чемъ Теперь про которую Маринку прикажешь рѣчь вести?

— Валяй про разбойницу! — сказалъ я на-угадъ.

— Ладно. Про разбойницу, такъ про разбойницу, сирѣчь, про славную и про премудрую Марину Кайдаловну: и то дѣло, — сказалъ старикъ. — Слушай!

Марина Кайдаловна.

— Первая моя рѣчь объ этой самой Маринѣ такова, — говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ: — у иныхъ прочихъ слыветъ она за разбойницу: она за Расею стояла и орду колотила; стало быть, и не разбойница.

„Кто она такова была, то-ись какого рода-племени: родилась ли она здѣсь, сирѣчь, на Яикѣ, отъ какихъ ни на есть людей, или забѣжала сюда изъ Расеи, иль-бо изъ иныхъ какихъ земель — объ этомъ, сударь мой, доподлинно сказать не умѣю: вѣрнаго не знаю, а лгать не хочу. Разговаривали, бывало, промежъ себя старики, догадывались, и то такъ, по домекамъ однимъ, что эта самая Марина была „помѣсь", сирѣчь, по матери-то христіанка, а по отцѣ-то басурманка, по тому самому, что прозывалась она, сударь мой, Марина Кайдаловна. Имя, видишь, христіанское, а отчество басурманское. Кайдалъ, Кайдала, самъ видишь, какое имечко: въ нашихъ „Святцахъ" не найдешь, что и толковать.

„Въ старину, сударь мой, такія оказіи не въ диковину были. Попадетъ, бывало, въ полонъ къ татарамъ какая ни на есть изъ расейскихъ дѣвушка, иль-бо молодая-молодушка, да живучи за татариномъ и народитъ... что станетъ дѣлать? Знамо, дѣло подневольное... да и народитъ цѣлый полкъ дѣтушекъ, этакой, знаешь, помѣси: половина татарскаго, половина расейскаго. Коли-нибудь я и пѣсню тебѣ про этакой случай разскажу, — прибавилъ старикъ.

— Зачѣмъ коли-нибудь! — сказалъ я. — Теперь, Иванъ Никитичъ, валяй!

— Пожалуй, теперь, такъ теперь, и то дѣло. Слушай!

И старикъ унылымъ, плачевнымъ голосомъ нараспѣвъ сталъ читать:

Отецъ съ сыномъ на сѣнокосъ пошли,
А мила доченька имъ ѣсть понесла.
„Ужъ ты, доченька, поди повершн намъ зеленъ стогъ".
Стояла-то она на зеленомъ стогу,
Вершила-то она зеленъ стогъ.
„Что это, батенька, въ полѣ затуманилось,
Затуманилося въ полѣ, запылилося?
Все людей везутъ скованныхъ и связанныхъ,
Связанныхъ все арканами волосяными".
Ужъ ты, доченька, слазь-ка съ зелена стога,
Пойдемте спрячемтесь во зеленъ камышъ.
„Ужъ я, батенька, пересмотрю, перегляжу—
Что это за людей везутъ?"
А отецъ съ сыномъ въ камышъ ушли.
Ужъ подбѣгалъ же младъ татарченинъ,
Говорилъ же онъ красной дѣвушкѣ:
— „Ужъ ты, дѣвушка, слазь-ка съ зелена стога!"
Бросалась дѣвушка на всѣ четыре сторонушки,
Опущала она свои ясны очи на сыру землю,
Опущала она свои рученьки на бѣлую грудь.
Ужъ давалъ же ей младъ татарченинъ кроваву рану,
Ужъ сымалъ же онъ ее съ зелена стога,
Сажалъ онъ ее на своево добра коня,
На добра коня, на иноходнаго.
Повезъ-то ее во свою земелюшку, въ азіатскую.
Вводилъ же ее въ свои высокія хоромушки.
„Ужъ ты будь же мнѣ, дѣвушка, хозяюшкой;
А я тебѣ, дѣвушка, буду хозяиномъ".
Отдавалъ же онъ ей съ себя шелковъ поясъ;
Отдавалъ же ей свои золоты ключи,
И препоручалъ дѣвушкѣ свои золоты погребцы.
„Ужъ ты, дѣвушка, моя хозяюшка,
Ходи-ка ты въ мои любимы погребцы".
Не задолго, не закоротко, угождала къ нимъ въ полонъ
Ея роднмая милая матушка,
Сажала она ее ногами дитя качать,

Руками же велѣла куделю прясть,
Глазами же велѣла гусей пасти.
Дитя качая, говоритъ родима матушка:
„Ужъ ты по русскому младъ боярскій сынъ,
А по татарскому младъ татарченинъ.
Ужъ твой-то батюшка—мой зятюшка;
А твоя-то мать—мнѣ дочь родна;
А самъ ты мнѣ—внученочекъ!“
Говоритъ тутъ доченька таковы слова:
„Ужъ ты, маменька моя родная!
Кабы знала я, кабы вѣдала,—
Не заставила бъ тебя дитя качать,
Не заставила бъ тебя куделю прясть,
Не заставила бъ тебя гусей пасти!“
Тутъ сажала она ее за дубовый столъ,
Становила передъ ней яства сахарныя,
Яства сахарныя и пойла медвяныя,
И стала матушка уговаривать доченьку:
„Пойдемъ-ка, доченька, убѣжимъ домой“.
Говоритъ ей доченька таково слово:
„Нѣтъ, матушка, обзавелась я малыми дѣточками“.
И говоритъ мать доченькѣ таково слово:
„Ужъ не стану я, доченька, жить у васъ.
Отпустите меня въ свой домъ!“
Ужъ сажалъ ее зятюшка на каряго коня,
На каряго коня, на иноходнаго;
Надѣлялъ ее золотой казной;
Отправлялъ ее во свою землю.
Проводили ее они съ своего двора.

— Слышишь, что въ пѣснѣ поется, — сказалъ старикъ, кончивъ пѣсню. — Вотъ може-статься, — продолжалъ онъ — и Марина Кайдаловна родилась отъ татарина да отъ расейской дѣвушки-полоняночки. Стало быть, и толковать объ этомъ иного нечего.

Старикъ на минуту остановился, потомъ продолжалъ:

„Объ этой самой Маринѣ Кайдаловнѣ носится таковой слухъ: была-де она сама по себѣ богатырка и повелѣвала-де небольшимъ воинствомъ, а какимъ воинствомъ — опять-таки доподлинно сказать не умѣю; съ своимъ простымъ умомъ-разумомъ мекаю, что воины подъ началомъ у нея были не

агарянскіе, а расейскіе, по той самой причинѣ, что она въ Астрахань отписывалась, да супротивъ Чувакъ-воина воевала. Этотъ самый Чувакъ-воинъ повелѣвалъ большой ордой; нарочно, говорятъ, пришелъ съ отборными своими воинами съ Аму-Дарьи на Яикъ, чтобы Марину Кайдаловну отъ Яика отжать. Вишь, что выдумалъ, проклятый!

„Бились-рубились они, сирѣчь Марина Кайдаловна и Чувакъ-воинъ, не одинъ разъ, а все понапрасну: ни та, ни другая сторона не одолѣвала. Хоша Марина Кайдаловна сама по себѣ и богатырка была, хоша и воины у нея были на подборъ, одинъ другого моложеватѣе, одинъ другого удалѣе, однако, Чувакъ-воинъ числомъ бралъ, проклятый. —Случалось частенько, расчешетъ, бывало, Марина Кайдаловна Чувакъ-воина въ пухъ и въ прахъ. Думаетъ: „вотъ-де и шабашъ!“ Анъ не тутъ-то было. Смотритъ, къ нему, къ собакѣ, опять привалитъ изъ степи свѣжей орды видимо-невидимо. А въ ину пору и Чувакъ-воинъ своей силой попятитъ Марину Кайдаловну. Что станешь дѣлать? Сила солому ломитъ.

„Смаялась Марина Кайдаловна, воюючи съ Чувакъ-воиномъ. Дошло напослѣдъ до того, хошь и Яикъ бросай. А жаль, и очень досадно. Какъ можно такимъ сокровищемъ поступиться басурману! Смѣяться станетъ, проклятый. — Вотъ она и рѣшила построить себѣ на Яикѣ городъ, сирѣчь крѣпость, чтобы сподручнѣе обороняться отъ Чувакъ-воина, а тамъ, что Богъ дастъ. Но какъ построишь городъ? Чувакъ-воинъ глядитъ въ оба, чтобъ его одрало! — мѣшать станетъ. — Однако, Марина Кайдаловна ухитрилась — на то, значитъ, и женщина — и отвела глаза у басурмана и у всей сущей съ нимъ орды. — Слушай, какую штуку-то она сыграла съ Чувакъ-воиномъ, именно что штуку, вчередъ и мужчинѣ такую выдумать.

„Спервоначала, говорятъ, сдѣлала Марина Кайдаловна съ Чувакъ-воиномъ замиреніе на полгода, чтобъ, знаешь, ни ей супротивъ него, ни ему супротивъ нея, не воевать. Ну, и дань ему, собакѣ, какую-то дала; знамо дѣло, скрѣпя

сердце, чтобы только отвязался, чтобы только, какъ ни на есть, успокоить его съ ордой. Ладно.

„Замирившись съ Чувакъ-воиномъ, Марина Кайдаловна выбрала такое удобное мѣсто, ложь ли, правда ли, говорятъ, близь теперешней нашей Кулагиной крѣпости, и стала строить городъ. Однако, не прямо начала съ города, а начала, сударь мой, съ бакчи. — Вишь, хитрая какая, — молодецъ! — Перво-на-перво, говорятъ, расчистила мѣсто, вспахала, подѣлала гряды, лунки и засѣяла капустой, арбузами и разнымъ обощемъ, какъ быть бакчѣ, иль-бо огороду. Ладно.

„Чувакъ-воинъ смотритъ на затѣи Марины Кайдаловны и подсмѣивается.

— Въ игенчи *), видно, пошла наша воительница,— говоритъ онъ своимъ приближеннымъ и хохочетъ.

„И тѣ смѣются: рады, собаки, что Марина Кайдаловна не воюетъ. Не воюетъ! — прибавилъ старикъ. — Погодите, покажетъ она, какъ не воюетъ!

„Засѣявши бакчу, — продолжалъ старикъ, — Марина Кайдаловна зачала, помаленечку да полегонечку обводить ее рвомъ, да валомъ, да тыномъ и стала обставлять пушками. Она, изволишь ли знать, заранѣ выписала изъ Астрахани пушки, порохъ и ядры и всякій нужный для постройки города струментъ; нарочно, говорятъ, посылала туда въ суднѣ своихъ воиновъ. Значитъ, Марина Кайдаловна была съ расейской стороны, — прибавилъ разсказчикъ: — а то бы разѣ дали ей въ Астрахани пушки и всякій струментъ? — Ни въ жисть бы не дали, есть когда-бъ она была разбойница. Ладно.

„Глядя на этакое дѣло, Чувакъ-воинъ прислалъ къ Маринѣ Кайдаловнѣ своихъ мурзовъ и улановьевъ спросить: „Что она дѣлаетъ?“ — А Марина Кайдаловна отвѣчаетъ: „Загораживаю-де, бакчу“. — Тѣ спрашиваютъ: „Зачѣмъ?“—

---

*) Земледѣльцы. Авт.

А она говоритъ: „Чушки-де *) поганыя совсѣмъ одолѣваютъ; не углядишь за ними, проклятыми, особенно въ пошную пору, цѣлыми, говоритъ, табунами врываются и весь посѣвъ портятъ“.

„Басурманы развѣсили уши; вѣрятъ, дураки, что она имъ плететъ. — Вѣрьте, вѣрьте, оболтусы! Дайте срокъ, покажетъ она вамъ чушекъ.

— Когда поспѣютъ арбузы, угостишь ли насъ? — спрашиваютъ басурманы Марину Кайдаловну, а сами смѣются.

— Съ великимъ удовольствіемъ! — говоритъ Марина Кайдаловна.

„Ладно. Мурзы и улановья отъѣхали къ Чувакъ-вонну и донесли ему, что Марина Кайдаловна говорила. И тотъ, съ дуру-то вѣритъ; и тотъ, оболтусъ, смѣется. — Смѣйся, смѣйся!

„А у Марины Кайдаловны, потихохоньку, да полегохоньку, дѣло идетъ своимъ чередомъ. — Вывела она и валъ высокій, саженъ въ пять, и подѣлала въ немъ, на всѣ на четыре стороны, частыя круглыя окошки, спрѣчь бойницы, — вырыла и ровъ глубокій, въ полтора человѣка, и напустила въ него воды изъ Яика. Ладно.

„ Басурманы опять пристаютъ къ ней.

— Зачѣмъ такія окошки? — спрашиваютъ они Маринну Кайдаловну и показываютъ на бойницы.

— Затѣмъ, — говоритъ Марина Кайдаловна, — чтобы бакчу продувало, спрѣчь, чтобъ воздухъ слободно по бакчѣ ходилъ: безъ воздуха-де обощь не родится.

„Бусурманы слушаютъ и вѣрятъ.

— А зачѣмъ вода во рву? — спрашиваютъ они.

— Какъ, зачѣмъ? — говоритъ Марина Кайдаловна. — Бакчу поливать: безъ поливу-де обощь не родится.

„Басурманы слушаютъ и вѣрятъ.

— А это что за бревны? — спрашиваютъ они — и по-

---

*) Свиньи вообще. Здѣсь же рѣчь идетъ о кабанахъ, или дикихъ свиньяхъ. Авт.

казываютъ, сударь мой, на пушки, что навалены были среди бакчи.

— Это не бревны, — говоритъ Марина Кайдаловна, — а водяныя трубы, насосы по нашему, чтобы сподручнѣе бакчу поливать: скоро ли натаскаешь воду ведрами; у меня же работницъ нѣтъ.

„Басурманы слушаютъ и вѣрятъ.

— А это что за шары?— спрашиваютъ они—и показываютъ на чугунныя ядры.

— Это не шары, — говоритъ Марина Кайдаловна, — а подгрузки, по нашему: — привязываются-де они къ сѣтямъ да къ неводамъ на нижнія подворы; круглые-то-де удобнѣе: за дно не цѣпляются.

„Бусурманы слушаютъ и вѣрятъ.

— А тутъ что? — спрашиваютъ они и показываютъ на боченки съ порохомъ.

— Тутъ—говоритъ Марина Кайдаловна, — макъ; хочу-де, говоритъ, макъ разводить; цвѣты-де маковые оченно люблю, да и самый-де макъ въ пищу идетъ; оченно пользительный: сну придаетъ.

„Басурманы слушаютъ и улыбаются; однако, всему вѣрятъ.

„Такимъ манеромъ, — продолжалъ старикъ, — хитрая и мудрая Марина Кайдаловна подъ самыми глазами у Чувакъ-воина построила городъ и обставила его пушками по всѣмъ, значитъ, бойницамъ, да и послала сказать Чувакъ-воину, чтобы шелъ къ ней на бакчу: обощь-де поспѣлъ первый сортъ, что въ ротъ, то спасибо. Угоститъ-де она его со всей ордой дынями скороспѣлыми да арбузами разсыпчатыми. Тотъ, сударь мой, съ дуру-то и привалилъ къ ней, чуть-чуть не со всей ордой своей, подъ самый городъ и сталъ лагеремъ близехонько отъ вала, шапкой докинешь. А Маринѣ Кайдаловнѣ, толковать ли, того только и хотѣлось. Улучила она, сударь мой, такую минуту, какъ басурманы скучились около Чувакъ-воина, словно стая к а р о г ъ (воронъ) около махапины, да и грянула въ нихъ изъ двад-

пати иль-бо изъ тридцати водяныхъ насосовъ, спрѣчь изъ чугунныхъ пушекъ, сѣтными да неводными подгрузками, спрѣчь ядрами чинеными да калеными — басурмановъ словно и на свѣтѣ не было! На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Чувакъ-воинъ съ своей оравой, только, сударь мой, мокренько стало! Значитъ: мимо стола дорога столбова. — Остальная орда, что у Чувакъ-воина подъ началомъ была, отъ одного только пушечнаго грома обезумѣла, братецъ мой, и отхлынула въ степь. Туда, значитъ, и дорога!

„Такимъ манеромъ, сударь мой, — продолжалъ старикъ, — Марина Кайдаловна и осталась полной хозяйкой на низу Яика. Тамъ, значитъ, и дни свои скончала. А воины ея пристали, говорятъ, къ нашимъ казакамъ. Вотъ тебѣ и вся недолга! — заключилъ старикъ. Но немного помолчавъ, прибавилъ:

„Иные же изъ нашего брата, — какого вѣдь, подумаешь, нѣтъ несообразнаго народа на вольномъ свѣтѣ, — иные же, сударь мой, толкуютъ, что наши казаки взялись отъ этой самой Марины Кайдаловны и отъ ея воиновъ. Однако, я своимъ умомъ-разумомъ мекаю: неправду баютъ, не вѣрую я, сударь мой, этому дѣлу, чтобы казаки наши взялись отъ Марины Кайдаловны.

— Почему? — спросилъ я.

— А вотъ, почему, — сказалъ старикъ: — Марина Кайдаловна, я тебѣ давя сказалъ, ссылалась съ Астраханью, оттуда выписывала пушки, порохъ и всякій струментъ. Значитъ, въ ея пору городъ Астрахань былъ въ обладаніи Расеи. А допреждь того онъ былъ татарскимъ городомъ.

— Что-жъ изъ этого? — замѣтилъ я.

— Какъ что? Астрахань да Казань кто взялъ, знаешь ли?

— Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, — отвѣчалъ я.

— Такъ-то, такъ, что и бать! — заговорилъ старикъ.— Знаю, что Иванъ Васильевичъ Грозный. Однако, не самъ же онъ, батюшка, не своей священной персоной на стѣны-то ходилъ, а воины его ходили. А кто это воины, желалъ бы я знать, касатикъ? Первымъ-на-первымъ былъ ярой нашъ

Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ! Онъ-то самый, этотъ воитель, Ермакъ Тимоѳеевичъ, съ донскими, да съ гребенскими, да со яицкими казаками и взялъ Казань да Астрахань и покорилъ ихъ подъ высокую руку Царя Бѣлаго; а послѣ ужъ и Сибирь покорилъ. Вотъ она какая штука-то! На это, сударь мой, и пѣсни есть. Вотъ, коли будешь въ Сахарной крѣпости,—присовокупилъ разсказчикъ,—отыщи старика Кузьму Хабатова, пріятель мой. Онъ больно складно поетъ пѣсню про Ермака; онъ до самой то-ись до тонкости тебя доведетъ. Стало быть, казаки яицкіе, спрѣчь праотцы наши, извѣстны были допреждь Марины Кайдаловны, — заключилъ старикъ.

— Да гдѣ-жъ они были въ ту пору, когда Марина Кайдаловна съ Чувакъ-воиномъ воевала? — спросилъ я.

Этотъ вопросъ нѣсколько озадачилъ старика. Онъ замялся, но ненадолго. Черезъ минуту онъ оправился, засмѣялся, погрозилъ мнѣ пальцемъ и, послѣ обычнаго своего: „экой ты какой“, сказалъ:

— Гдѣ были? — Да тамъ и были, гдѣ были! Что тутъ доискиваться. Знамо дѣло: иль-бо вверху на островѣ Кошъ-Яикѣ жили, иль-бо куда ни на есть въ походъ всѣмъ войскомъ ходили. Вотъ тебѣ и вся недолга! — заключилъ старикъ и посмотрѣлъ на меня съ такою увѣренностью во взглядѣ и во всемъ выраженіи лица, какъ будто изрекъ истину самую непреложную.

— Еще что скажешь? — спросилъ онъ меня, немного погодя.

Я отрицательно покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Ничего. Ты до самой то-ись до тонкости довелъ, Иванъ Никитичъ: такъ, толковать ли, что я могу сказать? Вотъ слушать—это мое дѣло, — продолжалъ я. — Ну-ка, Иванъ Никитичъ, валяй теперь про послѣднюю Марину.

— То-ись, про бѣглую царицу! — добавилъ старикъ.

— Да, да, про нее самое.

— Изволь, съ великимъ удовольствіемъ!—сказалъ ста-

рикъ, видимо довольный тѣмъ, что я не пускаюсь съ нимъ въ споры по поводу происхожденія яицкихъ казаковъ.— Слушай!

Марина—бѣглая царица.

— Кто такова была эта Маринка, чай, самъ знаешь, — говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ. — Чай, и по вашимъ печатованнымъ книжкамъ объ ней значится.

Я утвердительно кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:

— Стало быть, и толковать объ этомъ нечего. Однако,— спросилъ онъ меня,—однако спрошу тебя, касатикъ, какъ тамъ, по вашимъ-то книжкамъ значится насчетъ Маринкина мужа, сирѣчь, насчетъ злолукаваго и злокознаго Гришки Разстрижки: кто онъ такой? А пуще: какимъ побытомъ въ Москвѣ на царство сѣлъ? Вѣдь дѣло-то, сударь мой, что ни бай, не шуточное, а?

Вопросъ старика заставилъ меня изъ слушателя перейти въ роль разсказчика. Задача предстояла мнѣ не легкая: надо было поддержать авторитетъ человѣка „свѣдущаго", какъ частенько величалъ меня, иногда съ оттѣнкомъ ироніи, Иванъ Никитичъ, старикъ, въ своемъ родѣ, умный и лукавый, не слишкомъ-то вѣрующій въ историческія познанія нашего брата, чиновнаго люда.

Въ простыхъ и короткихъ словахъ, насколько можно, я разсказалъ старику о Лжедмитріи и о событіи, сопровождавшемъ его воцареніе и паденіе. Само собой разумѣется, что въ разсказѣ моемъ Лжедмитрій являлся простымъ смертнымъ, „проходимцемъ", какъ величалъ я его передъ моимъ сѣдымъ слушателемъ.

— Нѣтъ, касатикъ! Разстрижка былъ не простой человѣкъ, не проходимецъ, — возразилъ старикъ, когда я кончилъ разсказъ о самозванцѣ. — Статочное ли дѣло, — продолжалъ онъ, — чтобы простой проходимецъ, какой бы онъ тамъ ни былъ, хоть бы съ неба звѣзды хваталъ,—статоч-

ное ли дѣло, говорю, чтобы простой проходимецъ на царство сѣлъ! Гдѣ это видано, а?

— Да вѣдь сидѣлъ же! — сказалъ я не безъ грусти, что „лекція“ моя — увы! не убѣдила сѣдого слушателя.

— Сидѣть-то, сидѣлъ, что и бать, всѣ знаютъ; да сѣлъ-то какъ — не всякій, видно, знаетъ! — сказалъ старикъ съ жаромъ. — Вотъ, этого-то я и хотѣлъ отъ тебя допытаться; а ты, вижу, ничего насчетъ этой притчи не знаешь. Оно, есть-когда говорить правду, гдѣ-жъ и знать-то вашему брату. Знамо, въ вашихъ печатованныхъ книжкахъ ничего этакого не будетъ, да и въ нашихъ-то не во всѣхъ найдешь, — прибавилъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ. — Въ печатованныхъ книгахъ многаго не сыщешь, не безпокойся: все общипано, все урѣзано, все укорочено, все устожено... Вотъ, хоть бы, къ примѣру, между нами будь сказано, „Псалтырь“ — что онъ, полный, что ли? — Ни! — старикъ потрясъ головой. — Десятой доли, сударь мой, въ немъ нѣтъ того, что царь Давидъ, по вдохновенію Божьему, написалъ. Оно, пожалуй, есть-когда говорить правду, съ одной стороны такъ и слѣдуетъ, — добавилъ старикъ: — вѣдь по инымъ псалмамъ летать можно человѣку...

— Какъ летать?— спросилъ я.

— Какъ летаетъ птица по воздуси, — отвѣчалъ старикъ, — такъ и человѣкъ можетъ летать по воздуси, прочитамши такой псаломъ изъ секретныхъ, что изъ нашихъ-то „Псалтырей“ выкинуты. Ну, всего этого въ міръ и нельзя пущать; не ровенъ человѣкъ, иной добро-то и употребитъ во-зло.

— А, вотъ въ чемъ штука-то! — замѣтилъ я.

— Да, въ этомъ-то и штука! — подтвердилъ старикъ.— Иль-бо вотъ, еще къ примѣру, насчетъ „Четь-Минеи“, — продолжалъ онъ: — тоже, сударь мой, урѣзана.

Сказавъ это, старикъ замолчалъ и приложилъ палецъ ко-лбу. Замѣтно было, что онъ старался что-то припомнить. Черезъ минуту, тихо, самъ про себя, онъ забормоталъ: „и явился преподобному Макарію...“

— Нѣтъ, нѣтъ, не то! — сказалъ вслухъ старикъ и опять замолкъ. Потомъ, немного погодя, снова что-то забормоталъ, а наконецъ ясно и отчетливо сталъ, смотря прямо на меня, говорить, будто по книгѣ читать:

„Явился святой мученикъ Дмитрій Царевичъ, единому отъ монаховъ въ монастырѣ града Углича, добродѣтельно жительствовавшему, именемъ Тихону, и сказа ему, глаголя. „нѣкто у васъ назовется именемъ моимъ, и прослыветъ царевичемъ и погубитъ губителя моего Бориса Годунова и истребитъ родъ его, и самъ на престолѣ Расейскаго царства сядетъ, но, недолго царствовавъ, погибнетъ...“

— Это, сударь мой, что я тебѣ сію минуту прочиталъ,— заговорилъ старикъ, — показано въ печатованной „Четь-Минеи“ о житіи Дмитрія Царевича, убіеннаго по наущенію Бориски Годунова; а въ писанномъ житіѣ Дмитрія Царевича я читалъ не то, совсѣмъ другое.

— Въ писанномъ! — почти вскрикнулъ я. — Есть у тебя, Иванъ Никитичъ? Пожалуйста, покажи!

— Нѣтъ! — былъ короткій отвѣтъ. — А видѣлъ я, — продолжалъ старикъ, — лѣтъ двадцать тому назадъ, у одного уставщика въ Сергіевскомъ скиту. Вотъ въ писанномъ-то житіѣ показано, что самому, вишь ли, Гриникѣ Разстрижкѣ было откровеніе. Стоитъ это онъ разъ въ соборѣ поблизъ гробницы Дмитрія Царевича и слышитъ гласъ, исходящій изъ гробницы, отъ честныхъ, значится, мощей святаго мученика и чудесоявлятеля, гласъ таковой! — сказалъ старикъ, и потомъ снова началъ говорить, будто по книгѣ читать:

„Пресѣкъ Бориска сѣмя царское, и завелось оттого въ Москвѣ нечестіе великое. Гряди въ Москву, Григорій! Изми вѣнецъ царскій съ главы истребителя царскаго древа; и царствуй съ вѣрою и благочестіемъ. И пустишь ты новые отпрыски новаго древа царскаго. И почіетъ на тебѣ Божіе благословеніе и мое благословеніе, доидеже пребудешь въ вѣрѣ и благочестіи. Но горе тѣ будетъ, окаянному, аще

совратившися съ пути истиннаго: погибнешь ты смертію лютою, и не наслѣдуешь царствія небеснаго".

— Да ты просто чудеса разсказываешь, — замѣтилъ я, улыбаясь.

— А какъ же бы ты думалъ,—возразилъ старикъ съ едва замѣтнымъ неудовольствіемъ. — Знамо чудеса! Да ты, касатикъ, не смѣйся. Въ писанномъ житіѣ Дмитрія Царевича показано такъ: былъ-де онъ, то-есь Гришка Разстрижка, въ юности своей угоденъ Богу; и потому самому низошло на него откровеніе Божіе. Но окаянный, врагъ рода человѣческаго, перепачилъ, сдѣлалъ по своему, изрылъ Гришкѣ яму и вверзилъ его въ тартарары, въ преисподнюю и вовлекъ все наше царство въ бѣду горшую, нежели была бѣда при Борискѣ. Замѣсть того, чтобы изъ града Углича идти прямо въ Москву и повѣдать откровеніе патріарху и всему синклиту, злолукавый Гришка, знамо, по наущенію дьявольскому, кинулся въ землю еретикую, сирѣчь, въ поляцкую, сложилъ козни съ крыжаками, съ обливанцами, связался съ люторкой Маринкой, — этого мало, сударь мой, — снюхался и съ папой римскимъ, ненавистникомъ вѣры Православной, Апостольской, да и задумалъ, сатанинское отродье, всю Расею произвесть въ римскую, въ папежскую, значитъ, вѣру. Какову штуку-то удралъ-было! Но милостивый Господь-Богъ не попустилъ вконецъ погибнуть православному народу.

— Чудеса, чудеса! — говорилъ я, смотря на разсказчика и не скрывая невольной улыбки.

— Чудеса, чудеса! — передразнивалъ меня старикъ, видимо недовольный моимъ невѣріемъ и легкомысліемъ. — Знамо, чудеса! — сказалъ, наконецъ, старикъ съ жаромъ.— Хошь вѣрь, хошь не вѣрь — твое дѣло: вольному воля, спасеному рай, что и бать! Только не смѣйся, голубчикъ, не хорошо. Въ старину, сударь мой, — продолжалъ онъ, немного помолчавъ, — бывали чудеса, а нынче вотъ и не будутъ! — Быть-то будутъ и въ нонѣшнее время, что и бать,

да только не отъ Бога, не отъ Духа Святаго, а отъ антихриста! — прибавилъ старикъ со вздохомъ.

Тутъ старикъ занесся въ область такой фантазіи, сказанія о которой хотя, по моему мнѣнію, и не лишены своего рода интереса, но за всѣмъ тѣмъ не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Если бы я вздумалъ передавать здѣсь все то, что толковалъ мнѣ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ по поводу рукописнаго житія Дмитрія Царевича и по поводу чудесъ отъ антихриста, я слишкомъ бы далеко зашелъ и потерялъ бы, пожалуй, изъ вида главный предметъ этого разсказа. И такъ обращаюсь къ Маринѣ, бѣглой царицѣ.

„Какъ задали ей въ Бѣлокаменной перцъ-аз-ра съ гвоздичкой, — говорилъ Иванъ Никитичъ про Марину, — такъ тое-жъ секунду подобрала, бестія, подолъ-то свой въ зубы— даромъ-что царицей величалась — да и драла вонъ изъ Москвы безъ оглядки. Значитъ: залетѣла ворона въ чужія хоромы. Кишишъ, проклятая! — прибавилъ старикъ съ презрѣніемъ.

„Ложь ли, правда ли, говорятъ, — продолжалъ онъ,— что сорокой оборотилась, да и выпорхнула изъ окна царскихъ палатъ. Вишь, чернокнижница, сказываютъ, была; а есть-когда бы не то, то, дескать, сидѣть бы ей на одномъ колу съ сожителемъ своимъ, злокознымъ и злолукавымъ Гришкой Разстрижкой.

„Долго, говорятъ, слонялась она по Расеи, изъ одного мѣста въ другое, мутила и поднимала народъ на Москву, подыскивала, вишь, согласничковъ, чтобы опять, какъ ни на есть, завладать первопрестольнымъ градомъ, каменной Москвой, да опять, какъ ни на есть, на царство сѣсть. Значитъ, разлакомилась, сударка, ѣсть крупичатые калачики. Однако, немного взяла. Немного выискалось охотниковъ служить колобродницѣ, самая малость, человѣкъ ста два, не больше. Ну, видимое дѣло, съ такой партіей Москвы не завоюешь, на царство не сядешь, толковать ли? Значитъ, не до царства пришло бѣглянкѣ, а лишь бы только голову свою уберечь. Вотъ она, говорятъ, и удрала на Яикъ, выстроила

тамъ городъ, что и теперича значится близъ Кулагиной крѣпости, выстроила городъ и въ немъ съ своими согласничками засѣла. Что она тутъ дѣлала, на что надѣялась, долго ли прохлаждалась,—шутъ ее знаетъ. Напослѣдокъ, сказываютъ, пришли изъ Расеи царскія войска и подступили подъ ея городокъ, чтобы пошабашить колобродницу. Долго, говорятъ, бѣсовская дочь, отбивалась и въ руки живая не давалась; но не отвертѣлась-таки. Взяли ее въ полонъ, засадили въ колодку и увезли, голубушку, въ Москву. Тамъ, значитъ, и жизнь свою скончала.

— Все? — спросилъ я.

— Нѣтъ, не все! — сказалъ старикъ. — Вотъ, только на счетъ казны Маринкиной разскажу: тогда ужъ и все.

„Въ послѣднее время, жимши въ своемъ городкѣ, —говорилъ старикъ,—Маринка стала замѣчать, что согласнички ея стали измѣнять и одинъ по одному отъ нея отставать; почитай всѣ отстали; осталась при ней самая малость и то не ради ея самой, а ради казны ея золотой. — У нея, изволишь ли знать, было многое-множество — воза, сударь мой, казны золотой и серебряной, что въ каменной Москвѣ награбила. Вотъ, этой-то казной, извѣстное дѣло, и хотѣли согласнички ея покорыстоваться. — Хоша прямо они и не высказывали свои замыслы, однако Маринка понимала весь ихъ умыселъ, не плошала, ухо востро держала, бестія. — Раздѣлила она, братецъ мой, казну свою на двѣ равныя части и нагрузила цѣлыхъ двѣ лодки.—Вишь, собачья дочь, сколько нахапала добра христіанскаго! — Одну лодку покуда оставила при себѣ въ городкѣ, — видно, надѣялась еще какъ-нибудь отбояриться, — а другую лодку, на всякій случай, отправила съ двумя приближенными, съ самыми, значитъ, вѣрными согласничками, вверхъ по Яику и велѣла гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ спрятать, — видно, думала, въ случаѣ неустойки, удрать изъ городка, какъ и изъ Москвы удрала.

„Вѣрные ея согласнички, что на лодкѣ-то уѣхали, видно, только на глазахъ у нея были вѣрными, а за глазьями себѣ

на-умѣ; ужъ бать ли! Отплыли они съ версту отъ Маринки-на Городка, взяли да утопили лодку съ казной въ Яикѣ, къ Бухарской сторонѣ, подъ самымъ Краснымъ Яромъ, что зовется, чай, и ты знаешь, и Дуваннымъ Яромъ, и Маринкинымъ Яромъ: — знамо дѣло, хотѣли опослѣ достать и одни покорыстоваться, да не покорыстовались, голубчики.— Сказываютъ, что лишь только они задумали это сдѣлать, какъ Маринка, — знамо, посредствомъ чернокнижья, — узнала ихъ замыслы и самихъ ихъ погубила: вмѣстѣ съ лодкой и сами они пошли по-топорному на дно; а были, говорятъ, первые пловцы и водолазы славные. Значитъ, супротивъ чернокнижья ничего не подѣлаешь.

„Лодка эта со всей казной и поднесь лежитъ въ Яикѣ подъ самымъ Дуваннымъ Яромъ, — продолжалъ старикъ.— И въ стары годы, слышалъ я отъ стариковъ, многіе изъ нашихъ казаковъ ластились около этой казны. И на моей памяти—самъ бывалъ свидѣтелемъ... Да что скрывать, у человѣка утаишь, у Бога не утаишь. Самъ, грѣшный человѣкъ, самъ, въ былое время, зарился на эту казну, — самъ, сударь мой, за компанію съ другими, запускалъ багорчикъ въ Яикъ! Сказать прямо, многіе изъ нашихъ казаковъ пытались достать лодку съ казной: и неводами, и ярыгами, и баграми пробовали, и водолазы по цѣлымъ днямъ ныряли, но все по-пусту: нѣтъ лодки, да и на поди! Словно и не было. А была, всѣ толкуютъ, что была. Только, сударь мой, какія-то огромнѣющія, должно быть слоновыя, кости выплавывали — вотъ и все. Значитъ, иль-бо землей завалило,—время-то много прошло, — иль-бо Маринка заколдовала. — Значитъ, лежать этой казнѣ на днѣ Яикушки до скончанія вѣка. Значитъ, будетъ съ насъ и того, что въ пѣснѣ пропоемъ, да въ побранкѣ упомянемъ.

— Въ какой пѣснѣ? въ какой побранкѣ? — спросилъ я какъ-то невольно, хотя хорошо зналъ ту и другую.

- Пѣсню-то разскажу,—сказалъ старикъ, — это ужъ мое дѣло: взялся за гужъ—будь дюжъ; а насчетъ побранки уволь. Есть когда не слыхалъ,—прибавилъ онъ,—то ступай

на Яикъ, гдѣ ребятишки купаются, и конченъ балъ: какъ разъ услышишь.

По мнѣ на тотъ разъ не зачѣмъ было ходить на Яикъ и наблюдать за казачатами. — Въ жизни моей я не разъ слыхалъ, какъ иной казаченокъ, а иногда и бородатый казакъ, разобиженный или раздосадованный другимъ, сулитъ, бывало, обидчику, между прочимъ, чтобы тотъ съ Маринкина Яра свалился, чтобы подъ Маринкинымъ Яромъ волной захлебнулся и чтобы Маринкиной казной подавился.—Зная это, я и не настаивалъ у старика, чтобы онъ сказалъ побранку, но пѣсню прослушалъ. Вотъ она:

Ты Яикъ Яикъ, быстра рѣченька,
Издалеча течешь ты мутнехонька.
Позади себя оставляешь ты—
Въ одну сторону круты яры,
Въ другу сторону желты пески:
Круты Яры—обрывчаты,
Желты пески—разсыпчаты.
Ахъ, бывало, мы, казаки-братцы,
По твоимъ волнамъ лихо плавали
На легкихъ стругахъ за добычею,
За персидскою, за хивинскою.
Ты, Яикушка—золотое дно.
На твоемъ на днѣ, у крута яра
У крута яра, у Дуваннова,
У Дуваннова, у Маринкина,
Лежитъ лодочка позатоплена,
Съ золотой казной со Маринкиной,
Въ каменной Москвѣ ей награбленной!
Ты теки, теки, нашъ Яикушка,
Ты корми, корми насъ удалыхъ,
Добрыхъ молодцевъ, слуговъ вѣрныхъ
Царя-батюшки, благовѣрнаго.

Кончивъ пѣсню, которая, замѣчу кстати, ни больше, ни меньше, какъ варіантъ на общеупотребительную между уральцами и ими до біенія сердца любимую пѣсню о Яикушкѣ Горыновичѣ, Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ продолжалъ.

„За часъ иль-бо за два до того, какъ, значитъ, попасть

сй въ колодку, Маринка велѣла у полуночныхъ воротъ своего городка, близъ самой воды, вырыть глубокую яму. Вырыли. Ладно. — Велѣла въ эту яму опустить другую лодку съ казной. Опустили. Ладно.

— Пойду я теперича,— говоритъ она своимъ согласничкамъ, что при ней еще оставались, — пойду, говоритъ, въ лагерь къ царскимъ воеводамъ просить замиренія, а вы, говоритъ, оставайтесь здѣсь.

„Тѣ рады, сударь мой, что казна въ ихъ рукахъ остается.

— Слушаемъ! — говорятъ они.

— Слушать-то, слушайте,—говоритъ Маринка, да не зѣвайте. — Кто охотникъ стоять на часахъ и караулить казну до моего прихода? — спрашиваетъ она согласничковъ.

„Долго что-то охотника не выпскивалось: всѣ чего-то вдругъ испугались. — Напослѣдъ вызвался одинъ удалый молодецъ, что ни самый первый и любимый ея наперсникъ.— Маринка посмотрѣла на него и вся затряслась: отъ злости, значитъ.

— Не думала я, не чаяла, — говоритъ она ему, — что ты останешься здѣсь; я думала, ты со мной пойдешь. — Знать, казна моя тебѣ дороже меня. Да ладно, ладно! — говоритъ она. — Хочешь караулить? — еще разъ спрашиваетъ она его.

— Хочу!—говоритъ онъ, а самъ поблѣднѣлъ и трясется. Значитъ, почуяло сердечко невзгоду.

—Ну, стой здѣсь! —сказала она и велѣла ему стать посреди лодки.

— Онъ нехотя, нехотя сталъ, а она какъ выхватитъ изъ з е п и (изъ кармана) пистоль, да какъ бацнетъ въ него,— онъ и съ копытъ долой!

— Караулъ же теперь! — сказала убитому и велѣла засыпать землей и лодку съ казной, и убитаго своего наперсника.— И всѣ, кто тутъ былъ изъ ея согласничковъ, всѣ, сударь мой, нехотя, нехотя, а послушались.

„Такимъ манеромъ, сударь мой, — продолжалъ Иванъ Никитичъ, — и другая лодка съ казной сгибла — пропала

въ мать сырой землѣ.—Ужъ бать ли, и около этой лодки ластились наши казаки, особенно калмыки, охотники до кладовъ. Изрыли, ископали земли довольно-таки, не оставили живого мѣстечка около Маринкина Городка, а шишъ взяли.— Значитъ, Марпика заколдовала, — что и бать.

„А въ лодкѣ этой, сударь мой, сказываютъ, лежитъ: въ одной половинѣ, что къ кормѣ, чистое золото, а въ другой половинѣ, что къ носу, чистое серебро, а посередь лодки четыре ружья: два изъ нихъ, — заключилъ старикъ, — неоцѣненныя!“

То старина, то и дѣянье:
Морю Каспію на утѣшенье,
Быстрому Яику слава до моря,
Добрымъ людямъ на послушанье,
Уральскимъ казакамъ на потѣшенье.

Москва 1860 г., февраль.

III.

ОТЧЕГО САЙГАКИ ПОКИНУЛИ УРАЛЪ?

(Преданіе уральскихъ казаковъ).

Въ старину много водилось на земляхъ уральскихъ казаковъ сайгаковъ (антилопы); но нынче ихъ нѣтъ. Причина этому, разумѣется, очень простая, натуральная.

До начала нынѣшняго столѣтія все народонаселеніе уральскихъ казаковъ сосредоточено было въ главномъ городѣ Уральскѣ, да протянуто линіей по р. Уралу, внизъ отъ Уральска до Каспійскаго моря и вверхъ отъ Уральска до Оренбургскихъ дачъ. Затѣмъ вся площадь уральскихъ земель, за исключеніемъ двухъ-трехъ поселеній на р. Чаганѣ, да двухъ-трехъ отшельническихъ скитовъ, гнѣздившихся гдѣ-нибудь въ глухихъ захолустьяхъ, была необитаема. Но съ начала нынѣшняго столѣтія или, какъ говорятъ сами казаки, съ „Волконскаго года" *), казаки мало-по-малу начинаютъ изъ Уральска и изъ нѣкоторыхъ многолюдныхъ станицъ выселяться и разселяться по склонамъ и розсошамъ Общаго Сырта, а также по рѣчкамъ: Иртеку, Ташлѣ, Быковкѣ, Ембулатовкѣ, Деркулу, Чижамъ, Кушуму, Узенямъ и другимъ. Такимъ образомъ, къ тридцатымъ годамъ земли уральскихъ казаковъ, представлявшія дотолѣ, говоря безъ преувеличенія, глухую пустыню—пріютъ сайгаковъ и всякаго рода дикихъ животныхъ—покрылись форпостами, хуторами, уметами, пчельниками, мельницами и т. п. хозяйственными заведеніями. А кому неизвѣстно, что гдѣ-бъ че-

*) Такъ въ памяти уральскихъ казаковъ отмѣчено время 1804—1806 г.,—время, ознаменованное въ ихъ быту реформами, произведенными главнымъ образомъ участіемъ начальника Оренбургскаго края, князя Г. С. Волконскаго.

ловѣкъ ни поселился, онъ вездѣ кладетъ печать опустошенія; по крайней мѣрѣ царство животныхъ бѣжитъ отъ него и быстро исчезаетъ. Такъ случилось и съ сайгакомъ. Встрѣчая повсюду на сей сторонѣ Урала непримиримаго врага своего—человѣка, сайгаки натурально покинули привольныя, но опасныя мѣста и удалились за Уралъ, въ глубь киргизскихъ степей. Слѣдовательно, повторю, причина исчезновенія сайгаковъ на этой сторонѣ Урала—простая, естественная. Такъ, разумѣется, думаютъ, сознаютъ и уральскіе казаки, т. е. большинство казаковъ. Но за „большинствомъ" само-собой должно подразумѣвать и „меньшинство". Это какъ думаетъ о причинѣ исчезновенія сайгаковъ?—Да нѣсколько иначе.

Вообще не рѣдкость встрѣтить между казаками, моими земляками, такихъ чудаковъ, которые будутъ доказывать, что уменьшеніе на землѣ всѣхъ вообще даровъ природы, въ томъ числѣ, конечно, и животныхъ—есть прямое слѣдствіе гнѣва Божія, ниспосылаемаго на родъ людской за его лукавство, нечестіе, словомъ, за то, что онъ святую правду согналъ съ земли на небо и вмѣсто нея упѣшился за кривду! Подобные толки мнѣ не разъ доводилось слышать отъ нашихъ стариковъ и старушекъ. Безъ сомнѣнія, этакіе толки можно подслушать не у однихъ казаковъ, а и у другихъ простолюдиновъ нашего царства. Явленіе понятное и всякому, думаю, извѣстное. Но мнѣ случилось недавно на Уралѣ, у моихъ почтенныхъ земляковъ, подслушать рѣдкостный, можно сказать, диковинный говоръ, который исчезновеніе сайгаковъ на нашихъ земляхъ приписываетъ—чему бы, вы думаете? — вмѣшательству дьявольской силы!.. Вотъ объ этомъ-то я и хочу разсказать. Извольте быть внимательными.

Въ періодъ времени между 1820—1830 г. славились по г. Уральску и по всей землѣ уральскихъ казаковъ м я с н и к и-казаки, по фамиліи Черыковы. Вся мясная торговля, за весьма малыми исключеніями, была сосредоточена въ ихъ рукахъ, оттого натурально Черыковы и богатѣли. Но въ одинъ годъ они потерпѣли огромные убытки. Убытки Черыковы понесли оттого, что запросъ на говядину и баранину былъ

весьма ограниченъ. А запросъ на мясные продукты уменьшился оттого, что въ тотъ несчастный для Черыковыхъ годъ слишкомъ много было сайгаковъ: всѣ степи, всѣ луга были покрыты стадами этихъ животныхъ. Всякій билъ сайгаковъ, сколько душѣ хотѣлось. На другой годъ повторилось то же, на третій—то же. „За досаду и за великую грубу стало Черыковымъ", говоритъ преданіе, „что сайгачина дѣлаетъ подрывъ говядинѣ и баранинѣ... Востужили, восплакали Черыковы словно дѣти, когда ихъ отъ титьки отнимаютъ".

Призадумались Черыковы и стали изыскивать средства, какъ бы помочь своему горю, но сами ничего не выдумали, ничего не изыскали—„табаку, значитъ, не хватило". Наконецъ рѣшились обратиться къ одному знахарю съ просьбою, не можетъ ли онъ помочь ихъ горю, а „они-де слуги его покорные: въ долгу-де, небось, не останутся". Знахарь, или колдунъ—знахарей, или колдуновъ въ тѣ времена былъ еще непочатый уголъ, —взялся помочь ихъ горю; но потребовалъ отъ нихъ для своей операціи сайгачьяго молока.

— Достаньте,—говоритъ знахарь,—сайгачьяго молока. Я, говоритъ, моръ на сайгаковъ напущу.

Обрадовались Черыковы обѣщанію колдуна и бросились добывать сайгачьяго молока; но добыть-то его и не могли,—вотъ бѣда!—Надо было поймать или живую самку съ козленкомъ, или самку суягную и ждать, покуда она объягнится. Но поймать живого сайгака не такъ-то легко. Во стократъ скорѣе можно убить его, чѣмъ поймать, къ тому же еще съ такими мудреными условіями: „или-де дойную самку съ козленкомъ, или-де самку суягную". Словомъ, задача въ высшей степени трудная, чтобы не сказать, совершенно невозможная. Такая задача поставила жадныхъ мясниковъ въ крайне затруднительное положеніе.

Съ теченіемъ времени Черыковы и могли бы пожалуй какъ ни-на-есть добыть сайгачьяго молока. Но вѣдь время между тѣмъ шло бы, да шло, сайгачина всюду распространялась бы, да распространялась, вытѣсняя собой изъ народнаго

потребленія говядину и баранину все болѣе и болѣе; а отъ того и карманъ мясниковъ все болѣе и болѣе тощалъ бы, да тощалъ. Послѣднее обстоятельство, т. е. страхъ за карманъ, обуяло Черыковыхъ нетерпѣніемъ великимъ, какъ можно скорѣй отдѣлаться отъ несносныхъ сайгаковъ. Наконецъ, жадные мясники рѣшились на подлогъ, который послѣ и самимъ имъ взъѣхалъ на шею.

На домашнемъ совѣтѣ Черыковы рѣшили доставить знахарю молоко овечье и выдать его за сайгачье. „Что же за важность", разсуждали ловкіе, но на этотъ разъ безтолковые мясники, что „молоко овечье, а не сайгачье. Молоко какъ молоко: шутъ его разберетъ!"

Хорошо. Рѣшено и сдѣлано. Колдунъ принялъ молоко, не спросилъ, какое оно, пошепталъ надъ нимъ, разбавилъ его какимъ-то снадобьемъ и потомъ, возвративъ его Черыковымъ, сказалъ:

— Ступайте въ степь и отыщите тамъ сайгачью голову, то-ись и черепъ былъ бы цѣлъ, и челюсти, и зубы въ челюстяхъ были бы цѣлы. Возьмите, заройте эту голову въ землю, но не всю: одну сторону, лѣвую, не забудьте, оставьте наружи. Потомъ возьмите, влейте молоко каплю по каплѣ въ дыру, что было ухо у сайгака. Влимши молоко, наклóнитесь къ сайгачьей головѣ и прислушайтесь. Что услышите, придите, скажите мнѣ. Не забудьте,—прибавилъ колдунъ:— дѣло это непремѣнно слѣдуетъ сдѣлать ночью, въ самую, то-ись, глухую полночь.

Прямо отъ знахаря Черыковы стремглавъ бросились въ степь, отыскали сайгачью голову (костякъ) и примѣтили мѣсто, гдѣ лежала голова, а въ полночь снова пошли туда и сдѣлали то, что велѣлъ колдунъ. Потомъ вернулись къ нему.

— Ну, что слышали?—спросилъ колдунъ.

— Слышали мы шумъ-гамъ. Хорошенько не разобрали, а похоже, будто бараны бякаютъ,—отвѣчали Черыковы.

— Съ дураками пива не сваришь!—сказалъ колдунъ.— Я вамъ велѣлъ достать молока сайгачьяго, а вы, знать, принесли овечьяго. Вотъ и вышла несообразность: теперь будетъ

моръ на барановъ, а сайгаки, по вашей милости, останутся цѣлехоньки.

„И точно, говорилъ мнѣ старикъ, передававшій это преданіе:—два года сряду былъ страшный падежъ на барановъ: ни шерстинки ни у кого не осталось. Поплатились, знамо дѣло, и Черыковы своими гуртами, однако послѣ наверстали на нашемъ братѣ,—прибавилъ старикъ“.

— Что жъ намъ дѣлать съ сайгаками?—спрашиваютъ Черыковы колдуна и чуть не плачутъ.

— Есть-когда трудно достать сайгачьяго молока,—сказалъ знахарь,—то принесите мнѣ сайгачью шкуру свѣжую, парную, съ головой, съ рогами и съ ногами. Я,—говоритъ колдунъ,—отведу сайгаковъ на ту сторону, за Уралъ. Больше этого, говоритъ, ничего нельзя сдѣлать, не прогнѣвайтесь.

Черыковымъ и то на руку. Принесли они колдуну сайгачью шкуру. Колдунъ пошепталъ надъ ней что-то, обсыпалъ ее какимъ-то снадобьемъ, потомъ возвратилъ мясникамъ и сказалъ:

— Поѣзжайте на бухарскую (т. е. на за-уральскую) сторону, да дальше заѣзжайте, есть-когда хотите, есть-когда желательно вамъ, чтобы сайгаки далеко-далеко были отъ Урала,—и зарайте шкуру въ землю, да глубже-глубже зарайте, чтобы звѣри не разрыли и не съѣли: тогда вся сила пропадетъ. До тѣхъ поръ, покудова хоша одна шерстинка отъ шкуры будетъ цѣла, до тѣхъ поръ,—прибавилъ колдунъ,—сайгаки будутъ надерживаться на той сторонѣ Урала, а на сю сторону и ногой ступить не посмѣютъ.

Исполнили Черыковы на этотъ разъ наставленіе колдуна во всей точности.—И съ той самой поры, гласитъ преданіе, исчезли сайгаки на этой сторонѣ Урала, удалившись на ту сторону, въ глубь киргизскихъ степей.

Слѣдствія исчезновенія сайгаковъ на этой сторонѣ Урала были слѣдующія. Охота за сайгаками если не совсѣмъ прекратилась, то по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ на половину ограничилась. Ограниченіе охоты, естественно, повлекло

за собой уменьшеніе сайгачины, а уменьшеніе сайгачины породило большой запросъ на говядину: этого только и добивались Черыковы. И стали они попрежнему торговать, стали попрежнему и карманы набивать. Молодцы!? Но зато не учили отъ народнаго нарсканья. Не говоря о томъ времени, когда жили и торговали ловкіе и предпріимчивые мясники-казаки, даже и теперь на вопросъ: куда дѣвались сайгаки?— можно еще отъ иного старика услыхать: „Ложь ли, правда ли, баютъ, Черыковы отвели на бухарскую сторону!“

Должно быть, Черыковы и помогавшій имъ колдунъ слишкомъ уже постарались отвести сайгаковъ въ киргизскія степи. Прежде, даже на моей памяти, сайгаки часто показывались при Уралѣ, но нынче весьма-весьма рѣдко. Прежде случалось, какъ-то періодически, сайгаки большими стадами переходили на эту сторону Урала, т. е. на самарскую, какъ называютъ ее казаки; но нынче этого почти не бываетъ. Вообще появленіе сайгаковъ при Уралѣ большими табунами, какъ бывало встарь, хотя лѣтъ за двадцать назадъ, нынѣ почитается какой-то эпохой. Такъ, напримѣръ, лѣтъ восемь тому, лѣтней порой, появились почти въ одно и то же время два огромныхъ табуна сайгаковъ на Низовой линіи, одинъ между Горскою крѣпостью и Гребенщиковскимъ форпостомъ, а другой верстахъ въ двадцати выше, между Красноярскимъ и Харкинскимъ форпостами. И о появленіи этихъ табуновъ казаки разсказывали мнѣ, какъ о событіи чрезвычайной важности..

Первый изъ этихъ сайгачьихъ табуновъ разгромили казаки, жители горскіе и гребенщиковскіе. Они застали его въ моментъ переправы черезъ Уралъ, и головъ до полусотни изъ него убили. Но другой табунъ избѣжалъ такой участи, поплатившись только головою одного козла изъ числа передовыхъ или, какъ называютъ ихъ казаки, вожаковъ.

Казаки говорятъ, что у сайгаковъ, когда эти звѣри большими стадами совершаютъ далекіе переходы, есть въ „обычаѣ“ отправлять впередъ себя двоихъ-троихъ старыхъ, слѣдовательно „опытныхъ и на своемъ вѣку видавшихъ виды“

сайгаковъ, для изслѣдованія будто бы пути, по которому хотятъ идти, и новыхъ мѣстъ, куда намѣрены перейти. Вотъ такого-то рода, вѣроятно, вожаки, или „соглядатаи“ были и у тѣхъ двухъ табуновъ, о которыхъ я началъ рѣчь.

Вожаки перваго стада, — разсказывали мнѣ казаки, — благополучно переплыли черезъ Уралъ; потомъ одинъ изъ нихъ, немного погодя, переплылъ обратно черезъ Уралъ и „отрапортовалъ“, должно быть, стаду, что „на переправѣ все обстоитъ благополучно“. Увѣренное въ безопасности донесеніемъ вожака, все сайгачье стадо тронулось въ путь, подошло къ Уралу и обманулось: на переправѣ было неблагополучно! — Казаки издали смѣтили сайгачье стадо, не пугали вожаковъ, но дождались всего стада и нагрянули на него въ моментъ переправы, какъ сказано выше. Добыча была славная.

Но съ вожаками второго стада случилось несчастіе, послужившее счастіемъ всему стаду. Когда они плыли черезъ Уралъ, на нихъ напали неопытные казаки, бывшіе въ тотъ разъ на третномъ Красноярскомъ пикетѣ, и одного козла на водѣ поймали за рога; но другіе двое, избѣжавъ казачьихъ рукъ, вернулись „вспять“ и, само собой разумѣется, „донесли стаду, что на переправѣ неблагополучно!“ — И все стадо отхлынуло въ степь. Казаки видѣли только густой столбъ пыли, сопутствовавшій быстро бѣгущему сайгачьему стаду.

Съ тѣхъ поръ, говорили мнѣ красноярскіе казаки, не видано, не слыхано было, чтобы гдѣ-нибудь на Низовой линіи появлялись сайгаки большими стадами. Куда ужъ стадами! И въ одиночку-то показываются весьма-весьма рѣдко *)

Я, пишущій эти строки, прошлымъ лѣтомъ странствуя по Уралу, отъ самыхъ крайнихъ, верхнихъ предѣловъ уральскихъ земель „вплоть до моря, до славнаго до города

---

*) Въ 1-мъ томѣ, въ примѣчаніи ред. къ ст. „Сайгачники“ было замѣчено уже, что въ 80-хъ гг. сайгаки вновь появились на Уралѣ. Ред.

Гурьева", жадно искалъ случая поохотничать за сайгаками и — не нашелъ: ни одинъ разбойникъ сайгакъ вблизи Урала не показывался! Я удивлялся, отчего нѣтъ сайгаковъ. Начиналъ уже думать, что помимо тонкаго чутья, которымъ одаренъ сайгакъ, не обладаетъ ли этотъ звѣрь еще новымъ, невѣдомымъ доселѣ даромъ природы—даромъ предчувствія. Я думалъ, не бѣжали ли всѣ сайгаки нарочно въ хивинскіе и кокандскіе предѣлы, узнавши по предчувствію, что „вотъ-де, теперь совсѣмъ пришла бѣда, — что-де появился на Уралѣ охотникъ изъ Москвы, не съ фузеей иль-бо съ туркой, а съ англійскимъ штуцеромъ, отъ коническихъ пуль котораго нѣтъ спасенія!" Какъ бы то ни было, я не мало удивлялся, отчего нѣтъ сайгаковъ. Но когда услыхалъ отъ одного старика про продѣлку мясниковъ Черыковыхъ, удивленіе мое исчезло „аки дымъ". И оставилъ я всякую надежду увидѣть сайгака (не говорю: убить, — это было въ руцѣ Божіей), и уѣхалъ въ Москву, чтобы на просторѣ разсказать вамъ, читатель, про продѣлку Черыковыхъ, такъ жестоко насмѣявшихся надъ всѣмъ обитающимъ на Уралѣ православнымъ міромъ вообще и надъ охотниками въ особенности. Богъ имъ судья, этимъ Черыковымъ!

Москва, декабрь 1860.

IV.

МЫСЛИ КАЗАКА О КАЗАЧЕСТВѢ.

Многимъ, вѣроятно, извѣстно, что казакъ — природный казакъ, такъ называемый коренной казакъ — лицо типическое, оригинальное, самобытное и самостоятельное. Но почему казакъ типиченъ, оригиналенъ, самобытенъ и самостоятеленъ,—вотъ это, вѣроятно, не многимъ извѣстно. Безъ сомнѣнія, подобныя мысли не многимъ приходили въ голову, но и зайдя какому-нибудь господину въ голову, эти мысли не имѣли правильнаго исхода — не переваривались, какъ слѣдуетъ. На эту тему можно написать огромную диссертацію, но я на первый разъ ограничусь небольшой замѣткой.

Казачье сословіе образовалось не вслѣдствіе кабинетныхъ проектовъ, а сложилось само-собою еще въ то время, когда на Руси не знали проектовъ, когда русская земля, вслѣдствіе историческаго и географическаго своего положенія, способна была рожать казакамъ—этихъ ужасныхъ варваровъ, которые чуть ли не первые изъ русскихъ, соединясь съ Литвой и Польшей, осмѣлились поднять руку на татаръ, угнетавшихъ Русь. Короче, казаковъ создала сама природа, безъ спроса и совѣта людей: вотъ отчего казакъ—лицо типическое, оригинальное, самобытное и самостоятельное!

Между тѣмъ въ настоящее время, когда умные и благомыслящіе люди хлопочутъ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, поднимаютъ и трактуютъ разные современные и, конечно, полезные вопросы, встрѣчаются къ сожалѣнію такіе люди, которые хлопочутъ или, по малой мѣрѣ, мечтаютъ объ устройствѣ новыхъ общинъ казачьихъ. Это

люди, по преимуществу, или полуартисты, или полутуристы, или полуадминистраторы, или наконецъ, полулитераторы, имѣющіе притязаніе на многостороннее знаніе быта народнаго, вѣрующіе въ непогрѣшительность своихъ взглядовъ и выводовъ, словомъ — люди, почитающіе себя спеціалистами по всѣмъ частямъ общественнаго быта и устройства, люди... но титулъ ихъ слишкомъ длиненъ. Чтобы сократить его, я просто-на-просто назову этихъ господъ прожектерами. Они, эти прожектеры, думаютъ и вѣрятъ, что на извѣстнаго рода началахъ, необходимыхъ и крѣпкихъ, какъ цементъ, для службы регулярной, по-просту казарменной, лагерной, по неудобопримѣнимыхъ къ образу жизни казачьей, можно изъ кого угодно и гдѣ угодно завести сейчасъ колоніи и создать изъ нихъ новыя общины казаковъ. Прожектеры и сами заблуждаются, и тѣхъ, кто надъ ними поставленъ, вводятъ иногда въ страшныя ошибки. По моему мнѣнію, котораго я однако-жъ никому не смѣю навязывать, особенно прожектерамъ: они идутъ своей дорогой, и ихъ не скоро съ нея собьешь... По моему мнѣнію, это значитъ насиловать природу.

Пишутъ, что за границей, именно во Франціи, разводятъ искусственнымъ образомъ рыбу — форель, что ученые занимаются искусственнымъ разведеніемъ форели съ успѣхомъ. Но примѣнена ли теорія къ практикѣ, т. е., вошло ли искусственное разведеніе рыбы въ число отраслей промышленности, словомъ, введено ли оно въ область сельскаго хозяйства, и можно ли ввести его въ область сельскаго хозяйства,—не знаю. Достовѣрно знаю только то, что по извѣстіямъ и наставленіямъ, почерпнутымъ изъ французскихъ журналовъ, пробовали на Уралѣ, въ Гурьевѣ-городкѣ, разводить рыбу — севрюгъ, но результатъ былъ самый плохой, меньше нуля. Не только не родился ни одинъ мошенникъ севрюженокъ, но и икряныя севрюги — матки умирали, не выметавъ икры, несмотря на то, что ихъ держали въ отлично устроенныхъ чанахъ и въ рѣчной, проточной, и въ морской водѣ, со всѣмъ комфортомъ, со всѣми удоб-

ствами, какъ было изложено на бумагахъ, а на бумагахъ было изложено такъ ясно, такъ гладко, такъ отчетливо, какъ нельзя лучше... Скажутъ: не умѣли за дѣло взяться. Не буду спорить, можетъ быть, и дѣйствительно не умѣли за дѣло взяться. Но, можетъ быть, дѣло это слишкомъ мудро, можетъ быть, за это дѣло мудрено взяться и профессору естественныхъ наукъ, потому что форель и севрюга — двѣ рыбы совершенно разныя: форель можетъ жить и въ чашкѣ, а для севрюги нужна широкая и глубокая рѣка, да раздольное море, потому она и зовется: красная рыба. Но, какъ бы то ни было, изъ неудачныхъ попытокъ къ разведенію севрюгъ, я вижу одно, что надо быть слишкомъ мудру, чтобы безусловно покорять себѣ природу и заставлять ее плясать подъ свою дудку. А много ли такихъ мудрецовъ отыщется?... Первой, другой, да и обчелся.

Исторія упоминаетъ, что во времена глубокой древности египтяне умѣли, посредствомъ какого-то секрета, выводить искусственнымъ образомъ цыплятъ. Потомъ, въ новѣйшее время, въ Англіи, говорятъ, придуманы какія-то печи или что-то другое въ родѣ печей, посредствомъ которыхъ выводили и выводятъ изъ яицъ, безъ участія насѣдокъ, цѣлыми тысячами цыплятъ. Но эти паровые, стало быть, искусственные выводки — и объ этомъ говорятъ — являлись и являются на свѣтъ Божій слабыми, задохлецами, ну, словомъ, плохими пернатыми, и ихъ, этихъ выводковъ — прямо изъ яйца переносятъ въ кастрюлю или на сковороду, по той причинѣ, что долго жить — не ихъ удѣлъ. Не отрицая всѣмъ и каждому извѣстной истины, что цыплятъ выводятъ паромъ, я однако-жъ, вполнѣ убѣжденъ, что паровые цыплята выходятъ на самомъ дѣлѣ плохіе, иначе искусственное разведеніе ихъ давнымъ бы давно вошло во всеобщую извѣстность и въ повсемѣстное употребленіе, вѣдь ясная польза: изъ ста яицъ, стоющихъ по дорогой цѣнѣ одинъ рубль, можно имѣть сто цыплятъ, которые будутъ стоить, по малой мѣрѣ десять-двадцать рублей — какъ ни считайте, на ассигнаціи ли, на серебро ли, резуль-

татъ или барышъ будетъ одинъ и тотъ же. Но этого у насъ доселѣ не видать и, вѣроятно, никогда намъ этого и не увидѣть, по очень простой и естественной причинѣ: что можетъ сдѣлать какой-нибудь ученый, положимъ химикъ, въ лабораторіи, то неудобопримѣнимо въ сельскомъ быту. Вотъ что важно!

Говорю все это къ тому, что думать и составлять проекты,—какъ бы создать новыя казачьи общины или къ существующимъ уже причислять мирныхъ земледѣльцевъ, напримѣръ, государственныхъ имуществъ крестьянъ, или людей, ведущихъ жизнь пастушескую, напримѣръ, киргизовъ — это, смѣю думать, не что иное, какъ искусственное разведеніе севрюгъ и цыплятъ.

Еще изъ кочевника-пастуха, живущаго, вмѣстѣ съ волками, въ пустынныхъ степяхъ, можетъ выйти что-то среднее между казакомъ и солдатомъ, но ни настоящаго казака, ни настоящаго солдата не выйдетъ, а выйдетъ скорѣе хорошо вооруженный хищникъ, который не будетъ давать спуска ни чужимъ, ни своимъ... а вѣдь это неутѣшительно. Но изъ земледѣльца, наслѣдовавшаго отъ предковъ своихъ соху и борону, изъ земледѣльца, въ жилахъ котораго и кровь-то вращается не совсѣмъ быстро, но-земледѣльчески, изъ земледѣльца, большею частію перебивающагося съ куска на кусокъ, изъ земледѣльца, носящаго наконную рубаху и лапти и незнакомаго съ употребленіемъ ситца и сапогъ, — смѣло говорю, не можетъ выйти настоящій, такъ сказать, неподдѣльный казакъ, который былъ бы въ одно и тоже время: и воинъ храбрый, и гражданинъ мирный, и семьянинъ хорошій, и человѣкъ зажиточный. Безъ послѣдняго качества или условія онъ казакомъ быть не можетъ, а ежели и велятъ ему быть казакомъ, то, глядя на него со стороны, наплачешься, а имѣя дѣло по службѣ — напляшешься...

Солдатъ изъ земледѣльца — что и говорить — выходитъ превосходный, безподобный, но между солдатомъ и казакомъ разница слишкомъ огромная; между солдатомъ и казакомъ

нѣтъ параллели. По своему положенію въ государствѣ и по своему отношенію къ службѣ, солдатъ и казакъ два существа совершенно разныя. Вотъ, въ краткихъ словахъ, доказательства.

Мужика, взятаго въ солдаты, казна принимаетъ на свои руки чистаго, въ чемъ мать родила. Казна обуваетъ и одѣваетъ, поитъ и кормитъ солдата, даетъ ему и квартиру, и оружіе, и лошадь, ежели онъ кавалеристъ; словомъ, солдатъ весь вѣкъ живетъ на всемъ готовомъ. Отъ солдата отъ самого зависитъ жениться или нѣтъ. Онъ можетъ жить безъ жены, какъ и живетъ наибольшая часть солдатъ безъ женъ. Если-жъ солдатъ женится, казна даетъ пріютъ и женѣ его. Если у солдата родится сынъ, казна одѣваетъ, кормитъ и сына его. Для солдата весь міръ заключается въ ротѣ, гдѣ онъ служитъ, въ казармахъ и лагеряхъ, гдѣ онъ живетъ. Солдату нѣтъ надобности ни до какихъ стихійныхъ явленій и воздушныхъ перемѣнъ, нѣтъ надобности ни до какихъ общественныхъ бѣдствій: ни засуха, ни голодъ, ни скотскій падежъ солдата не касается: онъ всегда сытъ, обутъ, одѣтъ. Дѣло солдата: знать военные артикулы и больше ничего

Но дѣло казака — совсѣмъ иное дѣло. Казакъ только на внѣшней службѣ, т. е., на службѣ внѣ родины, получаетъ отъ казны паекъ провіанта и нѣсколько денегъ на приварокъ, на табакъ и т. п. Во всякое же другое время казакъ самъ себѣ долженъ добывать насущный хлѣбъ. Но одѣвается казакъ, какъ на внѣшней службѣ, такъ вездѣ и всюду, всю жизнь, на свой счетъ: лошадь, сѣдло, оружіе, аммуниція — словомъ все, отъ подковнаго гвоздя до послѣдней нитки, у казака свое, —казнѣ до всего этого дѣла нѣтъ; начальство требуетъ только, чтобы у казака все было чисто, хорошо, опрятно и по формѣ.

Казакъ не можетъ быть безъ жены, слѣдовательно и безъ семейства: въ противномъ случаѣ потомства, слѣдовательно и казачества, не будетъ. Женившись, казакъ долженъ обзаводиться домомъ и хозяйствомъ, чтобы было гдѣ и на что жить съ женой. У казака родились дѣти — казаку

самому нужно имѣть попеченіе о дѣтяхъ, нужно обуть, одѣть, прокормить ихъ, нужно уму-разуму научить: другимъ никому до этого дѣла нѣтъ.

Казака посылаютъ на внѣшнюю службу на четыре года, напримѣръ, въ Москву; казакъ оставляетъ на родинѣ старика-отца и старуху-мать, молоду-жену и малыхъ дѣтушекъ. Какъ безъ него они будутъ жить? Что будутъ ѣсть? За все про все отвѣчаетъ казакъ, все это лежитъ на его „могучихъ плечахъ", все это чуетъ „грудь, да подоплека его": другимъ никому до этого дѣла нѣтъ.

Сдѣлалась засуха, сдѣлался неурожай, открылся голодъ: у казака сердце коробомъ ведетъ, у казака душа не на мѣстѣ, а ему говорятъ: „не тужи, тридцатипятилѣтній терминъ вѣрой-правдой служи, а о семействѣ самъ промышляй: это твое, говорятъ, дѣло".

Сдѣлался падежъ на скотъ, пали у казака въ домѣ послѣднія коровенки, питавшія его дѣтей, пала у казака на службѣ строевая его лошадь: казака въ дугу гнетъ, у казака кожа трещитъ, умъ за разумъ заходитъ, а ему опять говорятъ: „не тужи, положенный терминъ вѣрой-правдой служи, а лошадь для себя, чтобъ царская служба не стояла, гдѣ хочешь добывай, это твое дѣло, и о семействѣ, какъ знаешь, промышляй, и это, говорятъ, твое дѣло".

Кажется, ясно, что между солдатомъ и казакомъ разница слишкомъ огромная. Поэтому изъ крестьянина, большею частью перебивающагося съ куска на кусокъ, нельзя, повторяю, создать неподдѣльнаго казака. Отребье казачье выйдетъ, особенно если благородный казачій классъ, разумѣя офицерство, не выкинетъ изъ головы пошлое и дикое убѣжденіе: держать простого казака, аки смерда, въ черномъ тѣлѣ, чтобы съ жиру не баловался...

Не спорю, не мудрено, пожалуй, на мужика надѣть, вмѣсто шляпы — казачью шапку, вмѣсто армяка и полушубка — мундиръ, не мудрено дать ему въ руки вмѣсто косы и серпа — пику, ружье и шашку; не мудрено пріу-

чить его шагать нога-въ-ногу и повертываться какъ на пружинахъ — на это способныхъ людей много отыщется, — но мудрено поставить его въ такое положеніе, чтобы онъ, безъ истощенія жизненныхъ силъ и безъ утраты нравственныхъ началъ, имѣлъ возможность содержать и домъ, и семью, находясь притомъ отъ нихъ три-четыре года въ отсутствіи, на службѣ, и одѣвать себя въ мундиры изъ гвардейскаго сукна; мудрено, даже совершенно невозможно, заложить въ него ту закваску, — что и главное-то, — которая лежитъ въ основѣ дѣйствительнаго, неподдѣльнаго казачества, мудрено и невозможно вдохнуть въ него тотъ благотворный духъ общины, духъ братства и товарищества, — духъ, который присущъ каждому природному казаку, -духъ, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть общества *).

Я не говорю, что новобранецъ-казакъ не пріобрѣтетъ нѣкоторыхъ ухватокъ и сноровокъ, годныхъ для того, чтобы, при удобномъ случаѣ и при вѣрной оказіи, — а случаи и оказіи часто представляются при полицейской службѣ, — сорвать съ кого „семитку" или платокъ. Эти качества, къ сожалѣнію, скорѣе всего къ нему привьются, особенно при полицейской службѣ въ какомъ-нибудь городѣ. Но вѣдь эти качества не составляютъ достоинства казака или кого бы то ни было. За эти качества нынѣ сажаютъ въ острогъ. Кажется, такъ? Можно казака-новобранца вышколить на кой-какіе лады и манеры; но попробуйте-ка настроить его на тотъ тонъ, которымъ звучитъ настоящее казачество — вы убѣдитесь, что шиломъ море не нагрѣешь, изъ глины хлѣба не испечешь и т. п. Вообще про казака, не рожденнаго отъ природнаго казака и, главное, не выросшаго въ сферѣ казачьей жизни, можно безошибочно сказать: „Фе

---

*) Здѣсь авторъ несомнѣнно говоритъ о „духѣ братства и товарищества" примѣнительно къ такимъ большимъ единицамъ, какъ цѣлое Уральское казачье войско, составляющее въ земельномъ и вообще экономическомъ отношеніи одну общину, что, дѣйствительно, представляетъ единственное явленіе во всей Россіи.

Ред.

дотъ, да не тотъ", или: „тѣхъ же щей, да пожиже влей"

Быть можетъ, укажутъ мнѣ на знаменитыхъ пластуновъ-черноморцевъ, оказавшихъ въ послѣднюю войну и теперь оказывающихъ, при постоянной, почти каждодневной борьбѣ съ горцами, чудеса ловкости и предпріимчивости, и скажутъ: „Вотъ-де, казаки, община которыхъ устроилась недавно, въ концѣ царствованія Екатерины II-й". А я, въ отвѣтъ на это, скажу вотъ что: да изъ какихъ же элементовъ сложилось черноморское казачье войско? — Развѣ неизвѣстно намъ, что черноморцы не крестьяне, а отпрыски того могучаго, никогда совсѣмъ не увядавшаго древа, что мы называемъ казачествомъ!

Еще можетъ-статься, укажутъ мнѣ на оренбургское казачье войско, къ которому, тоже не очень давно, причислено болѣе чѣмъ до пятидесяти тысячъ земледѣльцевъ и солдатъ, считая тутъ, разумѣется, и старыхъ, и малыхъ. — Такъ: но, чтожъ изъ этого? — Скажутъ ли мнѣ, что это было нужно?—Да я противъ того ни слова. Скажутъ ли мнѣ, что новые казаки — народъ славный, хорошо служитъ? — Да я объ этомъ и не спорю. А я скажу все-таки только то, что сказалъ въ началѣ статьи: „Многимъ, вѣроятно, извѣстно, что казакъ — природный казакъ, такъ называемый коренной казакъ, — лицо типическое, оригинальное, самобытное и самостоятельное". — Спрашиваю же я теперь самихъ оренбургцевъ, коренныхъ оренбургцевъ, пусть они скажутъ: въ какой мѣрѣ новобранцы-казаки сравнялись въ этомъ смыслѣ съ ними, съ коренными оренбургскими казаками, происшедшими, по прямой линіи, отъ древнихъ волгскихъ, стало быть, донскихъ казаковъ?...

Позвольте сдѣлать сравненіе. Хотя и говорятъ иные, что сравненія не есть доказательства. Но въ этомъ дѣлѣ, о которомъ я говорю, сравненія не могутъ быть совсѣмъ исключены изъ числа доказательствъ, по крайней мѣрѣ, сравненія тутъ необходимы: ими уясняется предметъ, а это-то и важно. — На Уралѣ, наши казачки великія мастерицы приготовлять изъ молока такъ называемый варе-

нецъ — въ родѣ желе, но только не сладкаго, а кислаго, или кисловатаго. Но этотъ варенецъ тогда только бываетъ хорошъ и вкусенъ, когда казачка заквасить его хорошимъ кислымъ же молокомъ. Въ противномъ случаѣ, не отъ молочной закваски, а отъ другой, напримѣръ, отъ хлѣбной, варенецъ бываетъ дуренъ и безвкусенъ; тогда его и варенцомъ нельзя назвать; тогда и имя ему простокваша, а ужъ куда, Богъ съ ней, не вкусна эта простокваша! Вотъ и значитъ, что насколько матеріалъ, настолько же, если не больше, и закваска важна для того, чтобы вышло что-нибудь путное и хорошее.

Чего добраго, прожектеры схватятся за только-что высказанную мною мысль о закваскѣ. Они, пожалуй, скажутъ, что надежда въ будущемъ, что ежели земледѣльцы, обращенные въ казаковъ, будутъ плохіе воины, плохіе наѣздники, то потомство ихъ улучшится, особенно-де при хорошей закваскѣ, т. е. ежели въ общество крестьянъ, обращенныхъ въ казаковъ, бросить горсть-другую настоящихъ казаковъ. — О, Боже мой!... Не очень легко улучшать породу лошадей: мы и съ этимъ-то дѣломъ плохо ладимъ, а мы еще захотѣли бы улучшать породу людей: для этого, говорятъ, мы еще не доросли. Тутъ, т. е. въ улучшеніи породы людей, никакая искусственная закваска не поможетъ: времена не тѣ, обстоятельства не тѣ, нравы не тѣ, наша, наконецъ, Русь не та, что была при князьяхъ и царяхъ... Безспорно, можно и должно стараться улучшать бытъ людей, но не обращеніемъ ихъ въ казаковъ, не увеличиваніемъ числа казаковъ. Это будетъ въ тягость обращаемымъ въ казаковъ, а не въ облегченіе. Это будетъ отчасти хорошо для... Знаете ли для кого? Для нашего брата, казацкаго офицера: тогда, извольте знать, всякаго рода должностей для насъ будетъ больше, а должности для нашего брата, говоря откровенно, то же, что для рыбы вода, для птицы воздухъ — такое ужъ положенье наше, такая ужъ судьба наша. Вотъ ежели смотрѣть на увеличеніе числа казаковъ съ этой, я назову офицерской, точки зрѣнія, прожекте-

ры, пожалуй, не ошибаются, т. е., говоря по-просту, они попадаютъ пальцемъ въ небо.

Не колеблясь можно сказать, что прожектеры смотрятъ на всѣ преобразованія или на большую часть преобразованій въ казачьихъ общинахъ съ этой, офицерской, точки зрѣнія; но въ проектахъ своихъ толкуютъ объ общечеловѣческихъ интересахъ: отъ всѣхъ прожектерскихъ предначертаній, отъ всѣхъ докладныхъ записокъ и тому подобныхъ бюрократическихъ хитросплетеній такъ и вѣетъ гуманными идеями, потому что вездѣ на первомъ планѣ стоитъ высокая цѣль: улучшеніе быта народнаго! Прочитавъ одинъ изъ такихъ проектовъ, особенно, послушавъ самого составителя проекта, когда онъ, въ припадкѣ увлеченія, пустится трактовать о любви къ младшей братіи, невольно подумаешь: „благодать Господня“! — Но, какъ всмотришься въ дѣло, такъ совсѣмъ иное видишь: развитыя въ проектѣ мысли объ улучшеніи народнаго быта, при примѣненіи къ дѣлу, улетучиваются, какъ эфиръ. Отчего? — Да оттого, что господинъ, чертящій проектъ, смотритъ на предметъ съ ложной точки зрѣнія, ей же имя: офицерская. Отсюда и слѣдуетъ, что всѣ предполагаемыя улучшенія живутъ только на бумагахъ, по отчетамъ, а на дѣлѣ ничего нѣтъ, хоть и не ищи: вотще труды пропадутъ.

Всякій проектъ о преобразованіяхъ долженъ идти рука-объ-руку, — мало того, идти рука-объ-руку, — нѣтъ, всякій проектъ долженъ совершенно прилаживаться, пристраиваться, припаиваться, сростаться съ самимъ дѣломъ, а проекты тѣхъ, кого я называю полуартистами, полутуристами, полуадминистраторами, полулитераторами, проекты этихъ господъ идутъ напроломъ, не разбирая ни обычаевъ, ни преданій, ни мѣстныхъ условій, однимъ словомъ, попирая все, что составляетъ завѣтную, нравственную основу жизни человѣка. – Проекты этихъ господъ ни на волосъ не уклоняются отъ того направленія, какое получаютъ отъ толчка, даваемаго съ офицерской точки зрѣнія, а напротивъ, сами они, эти проекты, всякое человѣческое дѣло пригинаютъ

къ своимъ бюрократическимъ формамъ; оттого-то всякое человѣческое дѣло искажается, утрачиваетъ все человѣческое и потому уже становится къ жизни въ ложное положеніе, а гдѣ ложь, тамъ и спутница ея мерзость.

Создавъ и усвоивъ себѣ единую рамку, прожектеры всякую картину, какихъ бы она размѣровъ ни была, вставляютъ въ эту рамку. Ежели картина оказывается велика, не по рамкѣ,—не бѣда: ее, т. е. картину, безъ зазрѣнія совѣсти обрѣзаютъ, по-просту — кромаютъ, а созданіе свое, рамку, какъ святыню какую, не трогаютъ. Ежели картина мала,—опять не бѣда: рамку ту же оставляютъ, а картину наставляютъ лоскутами парусины, и эти пришивные лоскутья замалевываютъ. — Хорошо это? Хорошо, не хорошо, а издали не увидишь, не разсмотришь. Или сдѣлавъ по циркулю единый же футлярчикъ, прожектеры всякую вещь вгоняютъ въ этотъ образцовый футлярчикъ. Прожектерамъ нѣтъ дѣла до того, свободно ли входитъ вещь въ округленный со всѣхъ сторонъ футлярчикъ, или нѣтъ,—ловко ли, удобно ли она въ немъ помѣщается, — и можетъ ли безъ порчи въ немъ помѣщаться,—это дѣло постороннее: было бы только снаружи чисто и красиво, а въ срединѣ хоть гній и ржавѣй,—кто это видитъ? Въ довершеніе всѣхъ нескладицъ, прожектеры, по незнанью ли, по нехотѣнью ли — Богъ ихъ вѣдаетъ — не разбираютъ матеріалы, изъ которыхъ строятъ зданія. Для нихъ все равно: что дубъ, что осинникъ—зачѣмъ разбирать? Вали въ одну кучу: что-нибудь да выйдетъ. — Между тѣмъ простой ремесленникъ, напримѣръ, телѣжникъ, если онъ только добросовѣстный человѣкъ, и тотъ поступаетъ иначе: онъ знаетъ, какое дерево годно на колесо, какое на оглоблю. Отчего такая разница въ дѣйствіяхъ людей? Оттого, что успѣхъ и польза бываетъ отъ разныхъ причинъ. Напримѣръ, польза ремесленника вполнѣ зависитъ отъ качества сдѣланной имъ вещи; если онъ сдѣлаетъ хорошую вещь, — то, извѣстная истина, и деньги за нее получитъ хорошія. Но польза людей, которыхъ я называю прожектерами, зависитъ единственно отъ скорости,

быстроты, такъ сказать, дѣятельности. Чѣмъ скорѣе такой господинъ смастеритъ какое дѣльце, чѣмъ больше испишетъ бумаги, въ высокопарныхъ и вычурныхъ, конечно, выраженіяхъ, — тѣмъ скорѣе воображаетъ получить слѣдующій чинъ или высшей степени орденъ. А для чиновъ и орденовъ иной господинъ готовъ не только исковеркать другихъ, но и исказить собственный свой ликъ. — Вотъ такъ-то, въ области проектовъ, почти все и дѣлается.

Главная же причина разницы въ дѣйствіяхъ людей, слѣдовательно, и въ результатѣ дѣйствій, заключается въ томъ, что ремесленникъ, въ простотѣ сердечной, смотритъ на свой предметъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой, а прожектеръ, въ чаду увлеченія, съ точки зрѣнія офицерской.

Въ настоящее время и тѣ казаки, генеалогія которыхъ тонетъ если не въ сѣдой, но въ довольно таки отдаленной древности — мельчаютъ и теряютъ свое значеніе. Придетъ время, — и жалѣть, разумѣется, объ этомъ никто, не выключая и самихъ казаковъ, не станетъ, — придетъ время, что казачество будетъ анахронизмомъ на Руси: потому что все на свѣтѣ имѣетъ свое начало и свой конецъ; потому что все на свѣтѣ живетъ до тѣхъ поръ, пока есть чѣмъ питаться. Были же когда-то на Западѣ рыцари, но теперь ихъ нѣтъ. Лампа горитъ, пока есть въ ней масло. Такъ и казачество: оно жило, цвѣло — да, цвѣло, въ смыслѣ казачества — пока была для него пища — борьба съ нехристями.

Обратите вниманіе на крестьянина Архангельской губерніи... — Что дѣлать? Дѣло пошло на сравненія. — Обратите вниманіе, говорю, на крестьянина Архангельской губерніи... на такъ называемаго помора. Кто онъ? Простой мужичекъ, не упражняющійся ни въ какихъ гимнастическихъ штукахъ. Но подъ рукой у него океанъ, или самъ онъ подъ бокомъ у океана: оттого-то онъ безстрашный, отважный и ловкій мореплаватель, рыскающій по океану на утлой ладьѣ за кускомъ насущнаго хлѣба. Но высушите океанъ— что выйдетъ изъ отважнаго моряка? Ремесленникъ, торго-

вещъ и т. п. Это же можно сказать и про казачество. Оно... но позвольте сдѣлать еще одно, послѣднее отступленіе.

На заглавномъ листѣ одного изъ нашихъ повременныхъ изданій есть эпиграфъ, взятый изъ старинной грамоты: „Помяните одно: только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, — къ чему прилѣпиться?“— Понятенъ глубоконравственный смыслъ этихъ словъ, понятно и то, зачѣмъ „Русская Бесѣда“ выбрала эти слова своимъ эпиграфомъ: объ этомъ нечего говорить. Но зачѣмъ, съ какой-стати слова эти попали въ мои замѣтки о казачествѣ? Вотъ вопросъ, который, можетъ-статься, зададутъ себѣ читатели. Въ отвѣтъ на это я скажу вотъ что: слова эти, или изреченіе это по своему складу мнѣ нравится, и я, не погрѣшая противъ здраваго смысла, что и важно, хочу чрезъ эти самыя слова, или чрезъ это самое изреченіе провесть свою особую мысль въ примѣненіи къ вопросу о казачествѣ. Извольте быть внимательны.

Когда казачество, руководясь коренными, основными, изъ самой жизни вытекшими, а не сочиненными кѣмъ-либо изъ прожектеровъ, правилами, боролось съ татарами и другими враждебными народами — это значитъ было у него коренье, — тогда оно было казачество во всемъ обширномъ смыслѣ слова. А какъ пришло время, что бороться уже не съ кѣмъ — и слава Богу! — да и не для чего,—слава же Богу!—это значитъ коренье у казачества стало присыхать,—да какъ еще, одно къ другому, казачество получило теперь новую, почти общую для всего военнаго сословія форму: такъ, повторю, казачество, какъ казачество, годъ-отъ-году мельчаетъ, чахнетъ и, не имѣя особенно къ чему прилѣпиться, падаетъ и теряетъ значеніе, свой смыслъ, теряетъ свою силу и, позволю себѣ выразиться, красоту. Ежели еще и держится казачество... Замѣтьте, держится только, а не процвѣтаетъ — т. е., въ смыслѣ казачества—какъ было въ старое время, ежели, говорю, и держится еще старое казачество, ежели оно и

не совсѣмъ еще выдохлось, т. е. не совсѣмъ утратило тотъ букетъ, которымъ и теперь отъ него немного повѣваетъ, это оттого, что:

Во-первыхъ, закваска въ него положена не рукой человѣка-прожектера, а временемъ и обстоятельствами, или, какъ я уже сказалъ, самой природой.

Во-вторыхъ, коренье его, лелѣянное въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ самой природой, успѣло глубоко проникнуть въ почву жизни и настолько всосать въ себя жизненныхъ соковъ, что остатками этихъ соковъ доселѣ еще, благодаря Бога, поддерживается пока старое казачество. По коренью вновь насаждаемаго казачества, при современной обстановкѣ и при искусственной политикѣ, смѣю думать, во-вѣки-вѣковъ не разростись и не проникнуть на такую глубину, куда во время оно достигало коренье первобытнаго, неподдѣльнаго казачества! Чтобы имѣть плодъ отъ такихъ разсадковъ, нужно вернуться назадъ; а это не въ порядкѣ вещей

Довольно! Хорошаго понемногу *).

Москва. 1857 года.

---

*) Въ оставшихся послѣ І. П. Желѣзнова рукописяхъ есть продолженіе этой статьи, все же не конченной имъ. Изъ этого продолженія видно, что проектъ, возмутившій І. Игн., состоялъ въ томъ, что имѣлось въ виду для увеличенія состава войска присоединить къ нему государственныхъ крестьянъ и кундровскихъ татаръ, обративши ихъ въ казаковъ. Тогда можно было бы, по мнѣнію прожектёровъ, безъ опасенія лишить границы съ киргизами защиты, посылать казаковъ въ армію, съ цѣлью развить въ нихъ „военный духъ". Авторъ ядовито насмѣхается надъ этими безсмысленными, по его мнѣнію, предположеніями. Кромѣ разсужденій, онъ хотѣлъ для убѣдительности своихъ мыслей представить еще картины изъ казачьей жизни и сравнить эту жизнь съ жизнью крестьянъ... На этомъ рукопись оканчивается. Редакція изданія сочла достаточнымъ ограничиться этимъ извлеченіемъ существенной части неоконченной рукописи. Ред.

V.

КРИТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ

НА ИСТОРІЮ

ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА

А. С. ПУШКИНА.

(Сочиненія Пушкина, изд. П. Анненковымъ, томъ VI, Санктпетербургъ, 1855 г.).

Съ появленіемъ въ свѣтъ новаго изданія сочиненій Пушкина, всѣ наши журналы, наперерывъ одинъ передъ другимъ, заговорили объ этомъ обновленномъ, усовершенствованномъ и, во всякомъ случаѣ, драгоцѣнномъ пріобрѣтеніи нашей отечественной литературы. Поощряемый примѣромъ ученыхъ писателей и движимый желаніемъ оказать хоть небольшую услугу нашей исторіи, приношу и я, безвѣстный казакъ, мою посильную лепту въ общую сокровищницу. Рѣчь мою я поведу не о біографіи Александра Сергѣевича, и не о его стихотвореніяхъ, поэмахъ, драмахъ и повѣстяхъ, а объ „Исторіи Пугачевскаго бунта", какъ о предметѣ весьма для меня близкомъ и, безъ похвальбы сказать, довольно знакомомъ.

Послѣ великаго поэта о Пугачевскомъ бунтѣ сказать особаго нечего, кромѣ лишь одного, что мнѣ кажется страннымъ, удивительнымъ, непонятнымъ, почему именно авторъ „Исторіи Пугачевскаго бунта", выставилъ предъ свѣтомъ простыхъ, безграмотыхъ яицкихъ, нынѣ уральскихъ, казаковъ какими-то политиками, хитрыми интриганами, государственными заговорщиками, людьми, посягавшими на ниспроверженіе законной и святой царской власти, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они были жалкіе невѣжды, глупые простаки, заблудшія овцы, увлеченныя въ мятежъ обманомъ и хитростью Пугачева.

Признаюсь, мнѣ тяжело, даже страшно становится, когда вспоминаю, что я рѣшаюсь высказать мнѣніе, противное сочиненію геніальнаго писателя, предъ памятью котораго я благоговѣю; но любовь къ правдѣ побѣждаетъ во мнѣ ро-

бость, и я, безъ дальнихъ оговорокъ, вооружась поговоркой: „смѣлымъ Богъ владѣетъ“ и опираясь на факты, приступаю къ дѣлу.

Дѣло вотъ въ чемъ.

По словамъ Пушкина, виновникъ бунта, самозванецъ Пугачевъ, былъ не иное что, какъ созданіе яицкихъ казаковъ, то есть Пушкинъ просто-на-просто сказалъ, что яицкіе казаки сами выдумали самозванца, чтобы имѣть предлогъ побуянить и посвоевольничать. Какъ ни велика моя вѣра въ геніальность автора, не могу, да и нельзя согласиться съ такимъ приговоромъ. Много причинъ, и причинъ основательныхъ, убѣждаютъ меня, что не казаки создали самозванца, не казаки подбили, подговорили Пугачева на самозванство, а Пугачевъ обманулъ, обольстилъ простыхъ и безхитростныхъ казаковъ, выдавъ себя за государя. Русскаго человѣка утвердите только въ мысли, что онъ отстаиваетъ права законнаго государя—и русскій человѣкъ, всасывающій въ себя съ материнскимъ молокомъ чувство любви и преданности къ царю, пойдетъ за царя въ огонь и въ воду. Вотъ на эту-то приманку хитрый Пугачевъ и поймалъ казаковъ.

Думаю, всякій, или почти всякій грамотный русскій человѣкъ, читалъ „Исторію Пугачевскаго бунта“ Пушкина, но далеко не всякій, разумѣется, заглядывалъ во второй томъ этой „Исторіи“, въ „Приложенія“, гдѣ собраны офиціальныя бумаги и другіе документы, относящіеся къ этому происшествію. Въ документахъ есть много такого, что прямо противорѣчитъ тексту „Исторіи“ Пушкина. Достаточно прочитать эти документы, чтобы убѣдиться въ истинѣ словъ моихъ.

Но если бы даже не было этихъ документовъ, то уже, судя по казакамъ, по ихъ понятіямъ, можно навѣрное сказать, что самозванецъ не былъ созданьемъ казаковъ. Какъ ни были казаки стараго времени склонны къ своевольству и мятежу, но выдумать самозванца, чтобы колебать престолъ царскій, не могли, рѣшительно не могли; потому не

могли, что это дѣло страшное, дѣло мудреное, уму простыхъ, безграмотныхъ людей, каковы были казаки, недоступное и вообще понятію и духу русскаго народа несвойственное. Мы знаемъ, что русскій царь въ глазахъ русскаго человѣка — Богъ земной, слѣдовательно, подкапываться подъ престолъ царя — Бога земного, значило бы бунтовать противъ царя — Бога небеснаго, а на такое пагубное и богопротивное дѣло, благодареніе Господу, русскій народъ неспособенъ.

Здѣсь, быть можетъ, мнѣ возразятъ: „если русскій народъ неспособенъ бунтовать противъ законной и святой власти, то какимъ же образомъ Пугачевъ, родомъ донской казакъ, слѣдовательно, русскій человѣкъ, осмѣлился на такой ужасный поступокъ?“

На это вотъ мой отвѣтъ: Пугачевъ, говоря попросту, статья совсѣмъ иная: Пугачевъ, замѣтьте, одинъ человѣкъ; а одинъ уродъ въ семьѣ можетъ быть, но цѣлая семья — никогда. Пугачевъ, прежде чѣмъ явился на Яикѣ, былъ уже преступникъ: онъ бѣжалъ съ Дона; Пугачевъ былъ отторженъ отъ семейства; Пугачевъ былъ изгнанъ изъ общества; Пугачевъ былъ приговоренъ къ кнуту и къ каторгѣ; Пугачевъ просто — голова отнѣтая. Такой человѣкъ могъ рѣшиться на всякое злодѣйство, и онъ рѣшился на это, чтобы хотя одинъ лишній день проносить на плечахъ погибшую свою голову. Но, кромѣ всего этого, Пугачевъ, извѣстно намъ, долгое время скитался по Польшѣ, а это, замѣтьте, обстоятельство немаловажное: Польша уже не разъ выпускала на Россію самозванцевъ. Объ этомъ намекала и сама Императрица Екатерина Великая въ своихъ указахъ и манифестахъ, какъ увидимъ ниже. Не натуральнѣе ли, не правдоподобнѣе ли предполагать, что Пугачевъ заразился духомъ самозванства въ Польшѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ, близкомъ къ ней мѣстѣ, но ужъ никакъ не на Яикѣ, на хуторахъ простыхъ и безграмотныхъ бородачей.

Время, предшествовавшее Пугачевскому бунту, было самое тяжелое для яицкихъ казаковъ. Безграмотные и до

крайности необразованные старшины казачьи спорили между собой и ссорились за разныя выгоды, вовлекали въ свои споры и ссоры казаковъ: казаки были обижаемы своими начальниками, жаловались и не получали удовлетворенія; казаки возмущались и, нечего грѣха таить, подымали иногда оружіе противъ притѣснителей и судей несправедливыхъ: казаковъ усмиряли и наказывали; они трепетали за свою будущность, потому что между ними злые люди распускали нелѣпые, но страшные для казаковъ слухи, что имъ будутъ брить бороды и что всѣхъ ихъ обратятъ въ драгуны или гусары; словомъ, между шестидесятыми и семидесятыми годами прошлаго столѣтія яицкое казачье войско представляло чистѣйшій хаосъ неустройствъ и волненій...

Вотъ въ это-то смутное время бродяжничалъ по казачьимъ дворамъ донской казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, вышедшій на Яикъ изъ-за польской границы. Онъ поносилъ начальство и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ Турцію, но былъ пойманъ, въ концѣ 1772 года, отвезенъ въ Казань и посаженъ въ тюрьму. Изъ Казани, въ іюнѣ 1773 года, онъ успѣлъ бѣжать и снова явился на Яикѣ.

Здѣсь приведу подлинныя слова Пушкина:

„Пугачевъ явился на хуторахъ отставного казака Данилы Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ".

„Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію — мысль, издавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ".

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ Игнатьѣ Некрасовѣ, который въ царствованіе Анны Іоанновны *) ушелъ въ Турцію со множествомъ донцевъ.

---

*) Некрасовъ увелъ донскихъ казаковъ, которые стали послѣ того называться, отъ имени предводителя, Некрасовцами, не въ Турцію, а на Кубань и не въ царствованіе Анны Іоанновны, а въ царствованіе Петра I-го, въ 1708 году. Ошибку свою Пушкинъ исправилъ впослѣдствіи въ антикритикѣ на критику Броневскаго, напечатанной въ „Современникѣ" 1836 г., т. III и приложенной въ концѣ VI т. „Соч. Пушк." изд. Анненкова. По Прутскому миру,

„Но яицкіе заговорщики — продолжаетъ Пушкинъ — слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегамъ. Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною (!). Для сего нуженъ былъ только пришлецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева". (Будто его никто дотоль не зналъ, когда онъ шлялся по казачьимъ дворамъ. Противорѣчіе!) „Имъ не трудно было уговорить его". (Впослѣдствіи же Пугачевъ будто бы обманулъ казаковъ, что они долго уговаривали его принять имя Императора Петра III. Стало быть, казакамъ не трудно было уговорить Пугачева, когда они долго его уговаривали. Опять противорѣчіе!) Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ *)".

Слѣдовательно, изволите видѣть, немного, но сказано ими много, чересчуръ много. Для того, чтобъ обвинять казаковъ въ такомъ дерзкомъ, глубоко обдуманномъ и, не мѣшаетъ повторить, уму простыхъ людей недоступномъ заговорѣ, нужно имѣть факты основательные, несомнѣнные, а ихъ-то я и не нахожу въ „Приложеніяхъ", которыми, конечно, руководствовался или долженъ былъ бы руководствоваться Пушкинъ, писавъ „Исторію бунта". Напротивъ, въ „Приложеніяхъ" говорится больше въ пользу, чѣмъ въ обвиненіе яицкихъ казаковъ, разумѣется, въ томъ отношеніи, что самозванецъ Пугачевъ не былъ созданьемъ казаковъ.

Пушкинъ посѣщалъ Уральскъ, видѣлъ тамошнихъ старожиловъ, живыхъ свидѣтелей Пугачевщины, говорилъ съ ними; но того, что выражено имъ въ вышеприведенныхъ словахъ, онъ не могъ слышать отъ казаковъ: казаки не могли говорить ему этого и понапрасну клеветать на своихъ, потому

Некрасовцы остались подъ протекціей крымскаго хана. По словамъ Пушкина, Некрасовцы оставили Кубань и удалились въ Турцію, на берега Дуная въ 1775 г., а по словамъ Рихельмана (въ „Исторіи Донскихъ казаковъ" стр. 95 и 96)—въ 1777 году.

*) „Исторія Пугачевскаго бунта", изд. 1834 г., томъ I, стр. 16; а полное собраніе „Сочиненій Пушкина" (изд. Анненкова) томъ VI, стр. 125 и 126.

что казаки совсѣмъ противнаго мнѣнія. Даже въ настоящее время потомки тѣхъ казаковъ, которые стояли и дрались противъ Пугачева и которые крѣпко порицали Пугачева и его приверженцевъ за ихъ буйство и звѣрство, обвиняютъ одного Пугачева, какъ обманщика и обольстителя, а о тѣхъ, которые держали его сторону, отзываются какъ о заблудшихъ, поддавшихся искушенію и обману хитраго самозванца. Слѣдовательно, преданіе на сторонѣ казаковъ.

Обратимся теперь къ письменнымъ документамъ.

Академикъ Рычковъ, современникъ и свидѣтель Пугачевскаго бунта, велъ дневникъ объ осадѣ Пугачевымъ Оренбурга и вообще объ этой эпохѣ. Дневникъ этотъ, или такъ-называемая „Лѣтопись", напечатанъ въ „Приложеніяхъ". Описывая злодѣйства и неистовства Пугачева и его приверженцевъ, Рычковъ, однако-жъ, нигдѣ не сказалъ прямо, что казаки подговорили Пугачева на самозванство. Если бы казаки дѣйствительно были виновны въ этомъ странномъ умыслѣ, Рычковъ не упустилъ бы изъ виду этого обстоятельства и навѣрное сказалъ бы въ своей „Лѣтописи". Это важное обстоятельство непремѣнно было бы ему извѣстно: онъ могъ узнать о немъ отъ яицкаго войскового старшины Мартемьяна Михайловича Бородина, находившагося вмѣстѣ съ нимъ въ Оренбургѣ. М. Бородинъ былъ самый непримиримый врагъ Пугачева и его послѣдователей и пламенный приверженецъ Императрицы Екатерины Великой. Бородину извѣстны были, какъ свои пять пальцевъ, дѣйствія бунтовщиковъ; онъ видѣлъ въ нихъ только ослѣпленіе—не больше; иначе онъ не пощадилъ бы ихъ и не скрылъ бы злого умысла ихъ ни передъ кѣмъ, тѣмъ болѣе, что онъ однажды былъ въ плѣну у бунтовщиковъ, и они совсѣмъ хотѣли-было убить его, но Богъ его спасъ. Объ этомъ я разскажу послѣ.

Итакъ, Рычковъ не обвинялъ казаковъ, напротивъ, въ одномъ мѣстѣ своей „Лѣтописи" онъ прямо говоритъ въ пользу казаковъ. Разсказывая о совѣщаніяхъ казаковъ на хуторѣ казака Шелудякова, Рычковъ, между прочимъ, пишетъ: „въ началѣ съ казацкой стороны, какъ сказывали, предста-

влено было первое ихъ намѣреніе о побѣгѣ къ Каспійскому морю, чтобъ тамъ имъ утвѣздиться и сдѣлать себя независящими; но Пугачевъ весьма хитро и коварно внушалъ имъ о себѣ, что онъ есть Императоръ Петръ III-й, спасся отъ погибели своей уходомъ, и былъ между тѣмъ въ разныхъ государствахъ, склоняя, чтобъ они, признавъ его за законнаго своего государя, къ доступленію на престолъ ему помогали; а онъ будетъ ихъ предводителемъ и въ свое время наградитъ ихъ многими милостями и проч., въ чемъ ихъ на томъ же Шелудякова хуторѣ въ августѣ и утвердилъ...“ *).

Изволите видѣть, кто кого уговаривалъ на самозванство: казаки Пугачева или Пугачевъ казаковъ?

Кромѣ того, въ указахъ и манифестахъ самой Императрицы высказывается многое подобно тому, что заключается въ вышеприведенныхъ словахъ изъ „Лѣтописи“ Рычкова. Но факты, оправдывающіе или, по крайней мѣрѣ, говорящіе въ пользу казаковъ, я приведу послѣ, а теперь укажу на тѣ мѣста въ „Приложеніяхъ“, которыя обвиняютъ казаковъ.

Въ концѣ „Лѣтописи“, въ примѣчаніи, Рычковъ говоритъ:

„Есть еще и другое съ Яика извѣстіе, отъ офицеровъ въ Оренбургъ сообщенное“. Надо сказать, что предъ тѣмъ Рычковъ привелъ письмо одного очевидца, писанное съ Яика же въ Оренбургъ, насчетъ поимки Пугачева. О письмѣ томъ, имѣющемъ связь съ настоящимъ разсказомъ, я скажу послѣ. „Когда-жъ онъ (Пугачевъ) отъ рѣченнаго капитана (Маврина) выведенъ былъ на площадь для показанія содержащимся тамъ подъ карауломъ его сообщникамъ и народу, то всѣ его сообщники (кто такіе?), посмотрѣвъ на него и признавъ его своимъ бывшимъ предводителемъ, потупили глаза свои въ землю, а онъ, Пугачевъ, публично уличалъ ихъ, что они упрашивали его нѣсколько дней принять на себя въ

*) „Истор. Пугач. бунта“, изд. 1834 г., томъ II, стр. 79, а издан. г. Анненкова, томъ VI, стр. 344.

предназначенное званіе и быть бы ихъ предводителемъ, отъ чего онъ сперва отрекался а наконецъ, хотя къ тому и склонился, однако-жъ всѣ свои поступки и злодѣйства производилъ онъ по ихъ волѣ, и многія-де злодѣйства и сами они, не сказывая ему, дѣлали", и проч. *).

Слова эти, внесенныя и въ текстъ „Исторіи Пугачевскаго бунта" **), хотя и обвиняютъ казаковъ въ вымышленіи самозванства, но имъ безусловно вѣрить нельзя: они, какъ хотите, не составляютъ неопровержимаго доказательства виновности казаковъ, потому что извлечены изъ письма неизвѣстнаго очевидца; кромѣ того, неизвѣстно еще, очевидецъ ли писалъ его. Могло статься, что письмо это писано только по слухамъ; а развѣ слухи всегда бываютъ вѣрны? Развѣ не бываетъ по пословицѣ, изъ одного города да не одна вѣсти? Положимъ, что письмо это писалъ очевидецъ, но да позволено мнѣ будетъ сдѣлать замѣчаніе: всегда ли и очевидцы пишутъ правду? Офицеръ, написавшій это, не былъ-ли изъ числа находившихся въ Яицкой крѣпости, когда ее осаждалъ Пугачевъ? Если это правда, то позволительно думать, не написалъ ли онъ все это подъ вліяніемъ негодованія къ казакамъ, которые осаждали и морили ихъ голодомъ? Это весьма правдоподобно.

Впрочемъ, не станемъ объ этомъ спорить, отбросимъ сомнѣнія въ сторону. Положимъ, что письмо писано очевидцемъ; положимъ, что все, написанное очевидцемъ, правда, то есть будемъ вѣрить, что Пугачевъ дѣйствительно говорилъ народу и уличалъ казаковъ —хотя и некого было уличать, какъ увидимъ ниже,—что они, избравъ его своимъ предводителемъ, упросили его назваться покойнымъ Государемъ; но, говоря это, Пугачевъ не лгалъ ли, не морочилъ ли начальство? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ лгалъ, и лгалъ не безъ разсчета, конечно. Оговаривая казаковъ, онъ, вѣроятно, надѣялся

---

*) „Истор. Пугач. бунта", изд. 1834 г., томъ II, стр. 346, а изд. г. Анненкова, томъ VI, стр. 521.

**) „Истор. Пугач. бунта", изд. 1834 г., т. I, стр. 160, а изд. г. Анненкова, т. VI, стр. 202.

свалить главную вину на нихъ и тѣмъ облегчить мѣру наказанія, которая ожидала и постигла его за такое злодѣйство. Въ Симбирскѣ онъ сказалъ Рычкову: „виноватъ предъ Богомъ и Государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины" *). Изъ словъ этихъ видно, что Пугачевъ надѣялся на помилованіе. Но если-бъ Рычковъ не сохранилъ и не передалъ намъ слова Пугачева, мы имѣемъ документомъ письмо, или отрывокъ изъ письма Екатерины Великой къ Вольтеру, отъ 22-го октября 1774 г. Между прочимъ, Государыня писала вотъ что:

„Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se hante, c'est qu'il ose concevoir quelque espérance. Il imagine qu'à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il fairait oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avait offensé que moi, son raisonnement pourrait être juste et je lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire, qui a ses lois..." **).

Слова Пугачева, сказанныя Рычкову и сейчасъ приведенное письмо Екатерины Великой прямо и положительно говорятъ, что Пугачевъ надѣялся на помилованіе; а ужъ какими бы путями ни достигнуть помилованія, лишь бы только достигнуть, Пугачеву, конечно, было все равно: всякій согласится, ему ничего не стоило бы выѣхать на нѣсколько.

Если-бъ даже оговоръ казаковъ не служилъ Пугачеву средствомъ къ достиженію помилованія, Пугачевъ, будучи въ цѣпяхъ, такъ сказать, сгоряча могъ клеветать на казаковъ

---

*) „Ист. Пугач. бунта", изд. 1834 г., т. I, стр. 163, а изд. г. Анненкова, т. VI, стр. 203.

**) „Но какъ велика самонадѣянность этого человѣка — писала Екатерина къ Вольтеру вы можете судить изъ того, что онъ осмѣливается питать нѣкоторыя надежды. Онъ вообразилъ себѣ, что за его личную отвагу я непремѣнно должна его помиловать, и что его будущія заслуги искупятъ его прежнія злодѣянія. Оскорби онъ меня одно, онъ имѣлъ бы полное право на эту надежду, и я, конечно, простила бы его. Но дѣло его—дѣло всего государства, а государство управляется своими законами", („Ист. Пугач. бунта", изд. 1834 г., т. I, стр. 107, а изд. г. Анненкова, т. VI, стр. 208).

по одной злобѣ и ненависти къ нимъ, а ужъ, конечно, онъ злился на казаковъ за то, что они предали его; иначе, думаю, и быть не могло. Замѣчательно, однако-жъ, что Пугачевъ нигдѣ впослѣдствіи не говорилъ, что казаки упросили его назваться именемъ императора, ничего подобнаго не говорилъ, а отдѣлывался однѣми фразами, напримѣръ: „Богу было угодно наказать Россію чрезъ мое окаянство“ и т. п.

Здѣсь кстати я долженъ обратить вниманіе читателей еще на одно обстоятельство. Кого, напримѣръ, Пугачевъ долженъ былъ уличать въ Яицкомъ городкѣ? Народъ? Но народъ и самъ не вѣдалъ, что творилъ. Былъ бы еще смыслъ въ словахъ самозванца, если-бъ онъ уличалъ главнѣйшихъ сообщниковъ своихъ, какъ-то: Шелудякова, Зарубина, Шигаева, Почиталина, Ульянова, Перфильева; но этихъ несчастныхъ казаковъ въ то время, какъ Пугачева привезли съ Узеней, въ Яицкѣ не было: Шелудяковъ, котораго считаютъ самымъ первымъ бунтовщикомъ и заговорщикомъ, еще при осадѣ Оренбурга попалъ въ плѣнъ къ осажденнымъ и, бывъ подвергнутъ пыткѣ, умеръ въ темницѣ; Зарубинъ, второй послѣ Шелудякова любимецъ и сподвижникъ Пугачева, взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Ульяновымъ около Уфы, и оба тамъ содержались; другіе поименованные выше казаки, люди болѣе или менѣе близкіе къ Пугачеву, были переловлены около Оренбурга; Перфильевъ же, казненный впослѣдствіи на одномъ эшафотѣ съ Пугачевымъ, скрывался еще на Узеняхъ и былъ пойманъ тамъ послѣ. Итакъ, повторю, кого Пугачевъ долженъ былъ уличать въ Яицкомъ городкѣ? Кто были тѣ сообщники, которые при видѣ его потупили глаза въ землю? Не ясно ли, что или вышеприведенное извѣстіе неизвѣстнаго очевидца не вполнѣ правдиво, или ужъ Пугачевъ, по какимъ-нибудь причинамъ, говорилъ народу то, чего на самомъ дѣлѣ не было и не могло быть.

Впрочемъ, чтобъ не показаться одностороннимъ и не дать кому-либо повода думать, что я изъ пристрастія къ казакамъ стараюсь, во что бы ни стало, оправдывать ихъ, приведу

слова Бибикова, не совѣмъ благосклонно отозвавшагося о казакахъ.

Въ письмахъ къ Фонвизину изъ Казани отъ 29-го января 1774 г., Бибиковъ, между прочимъ, выразился: „...вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры яицкіе казаки играютъ“ *).

Спора нѣтъ, яицкіе казаки или, правильнѣе, небольшая часть казаковъ, бывшихъ на сторонѣ самозванца, дѣлали въ разныхъ мѣстахъ многія безчинства и злодѣйства во имя Ляже-Петра въ то время, какъ мятежъ, подобно потопу, разлился по всему Оренбургскому краю, что дѣлали, минуя казаковъ, и башкирцы, и крестьяне, и разная сволочь, собравшаяся подъ знамя Пугачева; но чтобъ Пугачевъ, по смыслу приведенныхъ выше словъ Бибикова, былъ чучелой, которою играли казаки—и думать нельзя объ этомъ. Пугачевъ былъ такого поля ягода, что играть имъ, какъ чучелой, казакамъ не подъ силу было. Ежели и игралъ имъ кто, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не простые и безграмотные яицкіе казаки. Въ Симбирскѣ Пугачевъ, ужъ скованный, сказалъ графу Панину: „Я не воронъ, я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ“ **). Такую дерзкую рѣчь могъ сказать только человѣкъ и дерзкій, и рѣшительный, и самонадѣянный, человѣкъ, что называется, прошедшій сквозь огонь и воду, а отнюдь не такой простакъ, которымъ бы играли казаки, какъ чучелой.

Въ числѣ другихъ, сопровождалъ Пугачева изъ Яицкаго городка въ Москву войсковой старшина Мартемьянъ Бородинъ. На какой-то станціи Бородинъ сказалъ конвойнымъ солдатамъ и казакамъ, замѣшкавшимся что-то около клѣтки Пугачева: „что вы съ нимъ (съ Пугачевымъ) церемонитесь? Вяжите его хорошенько!“ Пугачевъ мрачно посмотрѣлъ на

---

*) „Истор. Пугач. бунта“, изд. 1834 г., т. II, стр. 65, а изд. г. Анненкова, т. VI, стр. 333.

**) „Истор. Пугач. бунта“, изд. 1834 г., т. I, стр. 162, а изд. г. Анненкова, т. VI, стр. 203.

Бородина и потомъ съ таинственностью сказалъ: „Ну, Матвѣйчъ, переѣхалъ ты мнѣ чрезъ ногу: смотри, Богъ дастъ, переѣду я тебѣ когда-нибудь чрезъ шею". Хотя слова эти взяты мною не изъ письменныхъ документовъ — ихъ нѣтъ, а изъ преданія, но слова эти не выдуманы, не сочинены и въ истинѣ ихъ я нисколько не сомнѣваюсь, потому что я не одинъ разъ, и всегда слово въ слово, слыхалъ ихъ и отъ современниковъ Пугачевщины, и отъ потомковъ Бородина. Слова Пугачева, сказанныя въ угрозу Бородину, ясно говорятъ намъ, какой человѣкъ былъ этотъ Пугачевъ. Во всякомъ случаѣ, онъ далеко не былъ чучелой, или игралищемъ яицкихъ казаковъ.

Вообще, читая „Исторію Пугачевскаго бунта", не знаешь, что и подумать о Пугачевѣ. Въ „Исторіи" у Пушкина онъ представленъ и хитрецомъ, и простакомъ, словомъ, ни тѣмъ, ни семъ, ни, по выраженію казаковъ, ни рыбой, ни мясомъ; между тѣмъ, у того же автора въ другомъ сочиненіи, въ „Капитанской Дочкѣ", Пугачевъ является совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Припомните калмыцкую сказку, разсказанную Пугачевымъ Гриневу (Орелъ и Воронъ *), и вы поймете, что за личность былъ этотъ Пугачевъ. Конечно, сказка или притча объ Орлѣ и Воронѣ не есть фактъ; конечно, ненадежно и смѣшно, съ одной стороны, опираться на сказку, но вѣдь этой сказкой, которую нельзя было ввести въ „Исторію бунта", великій поэтъ, всегда глубоко проникав-

---

*) „Разскажу тебѣ сказку — говорилъ Пугачевъ Гриневу — которую въ дѣтствѣ мнѣ разсказывала старая калмычка. Однажды Орелъ спрашивалъ у Ворона: „скажи, воронъ-птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-всего только тридцать три года?" „Оттого, батюшка — отвѣчалъ ему Воронъ, — что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиною". Орелъ подумалъ: „давай попробуемъ и мы питаться тѣмъ же". Хорошо. Полетѣли Орелъ да Воронъ. Вдругъ завидѣли падшую лошадь, спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, замахалъ крыльями и сказалъ Ворону: „лѣтай, братъ воронъ: тѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой крови, а тамъ что Богъ дастъ". Какова калмыцкая сказка? („Капитанская Дочка", соч. Пушкина, изд. г. Анненкова, т. V, стр. 402).

ній въ натуру человѣческую, хотѣлъ обрисовать характеръ Пугачева, виновника бунта. Если сказка эта ничего не значитъ, то и слѣдъ этого немного значатъ и слова Бибикова. Не погрѣшая противъ истины, осмѣливаюсь считать слова эти не за иное что, какъ за комплиментъ, сказанный Бибиковымъ въ укоръ яицкимъ казакамъ въ то время, когда Бибиковъ, пріѣхавъ на театръ войны, засталъ всюду мерзость запустѣнія со стороны предшественниковъ своихъ.—Здѣсь припомнить слѣдуетъ самовольное и постыдное оставленіе генераломъ Каромъ арміи и происшедшее отъ того разстройство въ императорскихъ войскахъ.—Слѣдовательно, въ словахъ Бибикова заключается меньше фактическихъ доказательствъ виновности казаковъ, чѣмъ въ письмѣ неизвѣстнаго очевидца, о которомъ говорено было прежде и которое, въ свою очередь, довольно шатко и бездоказательно.

Но если вѣрить этому письму, то почему же не дать вѣры другому, написанному—и гораздо толковѣе—другимъ очевидцемъ, однимъ капитаномъ изъ Яицкаго городка и помѣщенному въ концѣ „Лѣтописи" Рычкова? Въ этомъ письмѣ подробно говорится о выдачѣ Пугачева его сообщниками и, между прочимъ, вотъ какія есть слова: „...Въ такомъ намѣреніи (предъ тѣмъ казаки согласились выдать Пугачева въ руки начальства) пріѣхавъ (казаки) на Узени и отманя Пугачева отъ прочихъ (несогласившихся на выдачу Пугачева) далѣе, арестовали, а потомъ увезли уже до самыхъ форпостовъ подъ карауломъ, однако-жъ, не связаннаго, ибо-де онъ приговаривалъ, что за такое безчестіе ему безъ наказанія оставленя они не будутъ и якобы мстителникъ за него, конечно, вступится" *).

Извѣстно, что Пугачевъ, разбитый окончательно вѣрными войсками у Царицына, бѣжалъ на луговую сторону Волги съ малымъ числомъ яицкихъ казаковъ и скитался съ ними по степи, избѣгая встрѣчъ съ преслѣдовавшими его войсками.

*) „Истор. Пугач. бунта", изд. 1834 г., т. II, стр. 315, а изд. г. Анненкова, т. VI, стр. 520.

По всей вѣроятности, полагать надо, что въ эти критическія минуты при немъ оставались уже самые близкіе люди, самые жаркіе приверженцы, слѣдовательно, казаки эти должны были, кажется, хорошо знать, кто такой ихъ предводитель. Если-бъ самозванецъ былъ созданіемъ казаковъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, казаки не стали бы съ нимъ церемониться, а просто-на-просто, не входя ни въ какія объясненія и не слушая угрозъ, скрутили бы его—и дѣло съ концомъ. Съ своей стороны и Пугачевъ, если бы онъ былъ подговоренъ казаками, не сталъ бы разыгрывать передъ ними роль царя, не сталъ бы стращать ихъ местью наслѣдника: это было бы слишкомъ глупо, противно здравому смыслу. Ясно, что Пугачевъ до послѣдней минуты, до послѣдняго издыханія, обманывалъ, морочилъ простыхъ казаковъ.

Это видно изъ текста „Исторіи", гдѣ изображена сцена ареста Пугачева. Пушкинъ въ этомъ мѣстѣ разсказываетъ такъ, что казаки, рѣшившись выдать Пугачева въ руки правительства, пришли къ нему въ ставку и начали говорить о своемъ стѣснительномъ положеніи. Пугачевъ уговаривалъ ихъ идти къ Каспійскому морю, но казаки не соглашались и замѣтили, что уже настала пора ѣхать ему за ними. „Что же?—сказалъ Пугачевъ:—вы хотите измѣнить своему государю?"—„Что дѣлать!" отвѣчали казаки, и вдругъ на него кинулись, но Пугачевъ отъ нихъ отбился, и они отступили на нѣсколько шаговъ. „Я давно видѣлъ вашу измѣну", сказалъ Пугачевъ; потомъ подозвалъ къ себѣ любимца своего, казака Творогова, протянулъ къ нему руки и сказалъ: „вяжи!" Творогов хотѣлъ это сдѣлать, но Пугачевъ не дался, сказавъ притомъ гнѣвно: „развѣ я разбойникъ?" Послѣ того, посадивъ Пугачева верхомъ на лошадь, казаки повезли его на Яикъ, но Пугачевъ во всю дорогу угрожалъ имъ местью великаго князя *).

Приведя эту сцену, я не вижу надобности входить въ

---

*) „Истор. Пугач бунта", изд. 1834 г. т. I, стр. 159, а изд. г. Анненкова, т. VI, стр. 201 и 202

какія-либо по этому случаю разсужденія, это было бы излишне: сцена, разыгранная Пугачевымъ предъ казаками, говоритъ сама за себя, слѣдовательно, мнѣ остается только повторить, что хитрый и пронырливый Пугачевъ до послѣдней возможности старался надувать и морочить простыхъ казаковъ, разыгрывая передъ ними однажды принятую имъ на себя роль.

Доселѣ я говорилъ о частныхъ документахъ; теперь перейду къ оффиціальнымъ.

Въ указѣ Императрицы генералу Кару, отъ 15-го октября 1773 г., есть слѣдующія слова: „... Усмотрѣли Мы, что бѣжавшій изъ-подъ караула, содержавшійся въ Казани бездѣльникъ, донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, онъ же и раскольникъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени Императора Петра III, и обольстя въ жилищахъ Яицкаго войска тамошній народъ всякими лживыми обѣщаніями, не только сдѣлалъ, какъ пишутъ, великое возмущеніе, но причиняетъ смертныя убійства", и проч. *).

Въ манифестѣ отъ 15-го октября 1773 г., между прочимъ, государыня пишетъ: „Мы усмотрѣли, что бѣглый казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ бѣжалъ въ Польшу, въ раскольническіе скиты, и возвратясь изъ оной подъ именемъ выходца, былъ въ Казани, а оттуда ушелъ вторично, собравъ шайку подобныхъ себѣ воровъ и бродягъ изъ Яицкихъ селеній, дерзнулъ принять имя покойнаго Императора Петра III, произвелъ грабежи", и проч. (нѣсколько строкъ пропускаю)... „Мы,—говоритъ государыня,—о таковыхъ (предавшихся Пугачеву) матерински сожалѣя, чрезъ сіе ихъ милосердо увѣщеваемъ, а непослушнымъ наистрожайше повелѣваемъ немедленно отъ сего безумія отстать, ибо Мы таковую продерзость по сіе время не самимъ, въ простотѣ и въ невѣдѣніи жи-

*) „Истор. Пугач. бунта", изд. 1834 г., т. II, стр. 1 а изд. г. Апшенкова, т. VI, стр. 287.

вущимъ нижняго состоянія людямъ приписываемъ, по единому ихъ невѣжеству, и коварному упомянутаго злодѣя и вора уловленію" *).

Въ другомъ манифестѣ, отъ 23 декабря 1773 г., между прочимъ, также говорится: „...Принуждены Мы нынѣ слышать, что бѣглый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ, скитавшійся предъ симъ въ Польшѣ, по примѣру прежняго государственнаго злодѣя и предателя Гришки Распригин, отважившись, дабы безъ всякаго подобія и вѣроятности, взять на себя имя покойнаго Императора Петра III, тѣмъ не менѣе преуспѣлъ въ своемъ измѣнническомъ и злодѣйскомъ умыслѣ" **).

Далѣе, въ этомъ же манифестѣ, упоминая о несчастіяхъ, претерпѣнныхъ Россіей во время прежнихъ междуусобій, сердобольная и человѣколюбивая монархиня и истинная мать подданныхъ, великая Екатерина, между прочимъ, говоритъ: „О, умаливъ насъ, Боже, разбросеніе подобныхъ плачевныхъ изрицъ и не допусти въ области Своей въ православному Своему народу, чтобъ вожженная нынѣ дерзкимъ врагомъ отечества и нарушителемъ его благоденствія, подобнымъ, какъ они прежніе были, самозванцемъ Емельяномъ Пугачевымъ, бѣглымъ съ Дону и въ Польшѣ, какъ онъ, бывшимъ казакомъ—искра гражданскаго междуусобія въ Оренбургской губерніи могла, при остервенившемся невѣжествѣ ослѣпленныхъ его сообщниковъ, распространиться въ другія стороны", и проч. ***).

Всѣ эти немногія слова ясно говорятъ намъ, что не казаки создали самозванца, а самозванецъ обольстилъ казаковъ;

---

*) „Истор. Пугач. бунта", изд. 1834 г., т. II, стр. 3, а изд. г. Мещерякова, т. VI, стр. 289.

**) „Истор. Пугач. бунта", изд. 1834 г., т. II, стр. 11, а изд. г. Мещерякова, т. VI, стр. 294.

***) „Истор. Пугач. бунта", изд. 1834 г., т. II, стр. 13, а изд. г. Мещерякова, т. VI, стр. 296.

эти слова убѣждаютъ насъ еще въ томъ, что сама великая государыня, такъ сказать, чувствовала, что казаки заблуждались отъ невѣжества, и что злодѣй Пугачевъ зародышъ злого умысла въ головѣ вынесъ изъ Польши, уже и прежде виновной въ подставкѣ самозванцевъ, или, по крайней мѣрѣ, въ помогѣ имъ.

Въ указахъ и манифестахъ есть много другихъ выраженій, подобныхъ приведеннымъ выше, но я считаю лишнимъ приводить ихъ здѣсь, а ограничусь одной, ничѣмъ, по моему мнѣнію, неопровержимой, выпиской изъ сентенціи, извлеченной изъ дѣла о Пугачевѣ. Въ сентенціи этой, между прочимъ, изображено вотъ что: „... сей злодѣй, бунтовщикъ и губитель (Пугачевъ), въ присутствіи Тайной Московской Экспедиціи допрашиванъ и самъ показалъ: что онъ подлинно донской казакъ Зимовейской станицы, Емелька Ивановъ сынъ Пугачевъ (тутъ пропускаю нѣсколько строкъ о его родственникахъ, семействѣ). „О началѣ жъ злѣйшаго предпріятія и произведенномъ имъ бунтѣ, по многимъ увѣщаніямъ, съ клятвою объявилъ, что измѣнническое и бѣдственное его дерзновеніе возмутить яицкихъ казаковъ, возмечталъ онъ начать отнюдь не въ томъ страшномъ замыслѣ, чтобъ завладѣть отечествомъ и похитить монаршую власть. Сіе страшное и невозможное предпріятіе (чрезъ нѣсколько строкъ)... не входило сначала въ совершенную возмущеніемъ мысль его: но возмечталъ онъ объявить себя въ имени покойнаго Государя Петра III, воспользуясь обстоятельствомъ: узнавъ несогласіе между яицкихъ казаковъ, а попущеніемъ разныхъ случаевъ увеличивая злыя намѣренія свои, простиралъ мерзкое стремленіе, о коемъ будетъ означено, единственно стремясь къ побѣгу, по-елику долженъ былъ онъ искать убѣжища, укрывшись отъ команды. Будучи въ Яицкомъ городѣ прошлаго 1772 года, начиналъ онъ дерзкое и пагубное намѣреніе свое къ возмущенію такимъ образомъ, что старался войско, находившееся тогда въ междоусобной, по дѣламъ до нихъ касающимся, враждѣ, уговорить къ побѣгу на Кубань.

Хищное сердце злодѣя Пугачева, разсмотря вражду помянутыхъ казаковъ, возбудило сего богомерзкаго предателя возжечь и разлить въ смущенныхъ умахъ пламень бунта"... (Чрезъ нѣсколько строкъ). „Положивъ первую искру пожара, начиналъ онъ ненавистное намѣреніе свое тѣмъ прельщеніемъ, что обѣщалъ имъ дать большія деньги, если они къ побѣгу согласятся; а въ самомъ дѣлѣ всемѣрно вѣрилъ, что когда отважнѣйшіе на побѣгъ только согласны будутъ, то неминуемо его предводителемъ своимъ или атаманомъ выберутъ, а выбравъ, и въ повиновеніи его останутся: слѣдовательно, онъ съ готовою и отборною шайкою разбойничать, и отъ казни за свои преступленія, по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени укрываться можетъ. Но какъ усмотрѣнная имъ въ однихъ мерзостная склонность ко всякому злодѣянію, а въ другихъ простота, далеко превзошли самое ожиданіе и расположеніе, то и отважился онъ объявить себя подъ высокимъ уже названіемъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Петра III, дабы, пользуясь простотою, умножать свою сволочь, нужную ему къ разбойническимъ намѣреніямъ"... (Черезъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ говорится о поимкѣ Пугачева, о заключеніи его въ тюрьму въ Казани и о бѣгствѣ изъ тюрьмы) „... и явился (Пугачевъ) паки на Яикѣ въ половинѣ августа прошлаго 1773 года, будучи укрываемъ на хуторахъ сказанныхъ кроющихся отъ наказанія яицкихъ казаковъ, и чѣмъ больше опасался сыска и казни, тѣмъ скорѣе уже спѣшилъ объявить себя Государемъ", и проч. *).

Довольно. Слова, извлеченныя изъ сентенціи, прямо и положительно говорятъ, что злое намѣреніе родилось и созрѣло въ душѣ одного Пугачева. Онъ самъ сознался—а собственное сознаніе важнѣе свидѣтельства цѣлаго свѣта что сначала,

*) „Истор. Пугач. бунта", изд. 1834 г., т. II, стр. 31, 32, 33, а изд. г. Анненкова, т. VI, стр. 308, 309 и 310.

пользуясь смутами казаковъ, хотѣлъ только собрать шайку вольныхъ молодцовъ, чтобы бѣжать на Кубань, но послѣ, увидѣвъ въ однихъ склонность къ возстанію, а въ другихъ простоту, глупость, отважился принять на себя имя покойнаго императора, чтобъ тѣмъ больше привлечь на свою сторону сподвижниковъ, при помощи которыхъ надѣялся укрыться отъ рукъ правосудія и избѣжать ожидавшей его казни: въ этомъ было намѣреніе Пугачева, въ этомъ заключалась цѣль его варварскаго предпріятія. Послѣ этого смѣло можно сказать, что не казаки выдумали самозванца, а самозванецъ обманулъ и обольстилъ казаковъ.

Или, вотъ еще, не угодно ли обратить вниманіе на письмо Екатерины Великой, писанное къ Московскому генералъ-губернатору, князю Волконскому, 15 сентября 1774 года:

„Князь Мих. Ник. При семъ посылаю къ вамъ гольштейнское знамя Дельвигова драгунскаго полка, которое было отбито Михельсономъ у Пугачева подъ Царицынымъ, и тотчасъ же сюда отправлено. Я послала осмотрѣть книги и вещи, хранящіяся въ Ораніенбаумскомъ арсеналѣ: не оттуда ли оно было выкрадено? Но тамъ все, что было, находится въ цѣлости. Тамошній генералъ Ферстеръ призналъ, что сіе знамя, какъ Я упомянула выше, было зятя его Дельвигова полка. Ферстеръ и Мерлинъ, которые были у разбора Гольштейнскихъ дѣлъ, утверждаютъ, что можетъ быть оно было отдано въ Комиссаріатъ, по приложенной здѣсь запискѣ знаменъ и штандартъ. Препоручаю вамъ потребовать отъ Глѣбова извѣстіе, гдѣ находятся сіи знамена? Въ случаѣ, ихъ нѣтъ въ Комиссаріатѣ, то пусть дастъ знать: гдѣ, какъ и когда они вышли изъ-подъ его вѣдомства? Хорошо было бы, еслибъ вы открыли источникъ, какимъ образомъ сіе знамя дошло до Пугачева, ибо вывело-бъ много плутней наружу. Однако, во всемъ семъ поступите какъ можно осторожнѣе, чтобъ не причинить въ городѣ невременную тревогу“ *).

Изъ этого письма видно, что у Пугачева было голь-

*) „Сочин. Екатерины II“, изд. Смирдина, 1850 г., т. III. стр. 289 и 290.

штинское знамя, что сама императрица желала разыскать, какимъ образомъ оно дошло до рукъ самозванца; ибо, по словамъ императрицы, это вывело-бъ много плутней наружу. Теперь рождаются вопросы: какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, попало къ самозванцу голштинское знамя? и о какихъ государыня намекала плутняхъ? Отвѣчать положительно на эти вопросы, конечно, нельзя: мы не имѣемъ данныхъ; но за всѣмъ тѣмъ, ясно тутъ вотъ что: во-первыхъ, ни Шелудяковъ, ни Зарубинъ, ни всѣ ихъ товарищи, такіе жъ, какъ сами они, простые и невѣжественные казаки, не могли ни выкрасть знамя, ни знать о его существованіи и даже о самой Голштиніи; во-вторыхъ, гнѣздо плутней, о которыхъ намекала императрица, ни въ какомъ случаѣ не могло завести на Яикѣ, на хуторѣ казака Шелудякова, если мы только возьмемъ въ разсужденіе выкраску знамени изъ правительственныхъ мѣстъ. Согласенъ, что выкрасть откуда бы то ни было знамя — не мудрено, но задумать украсть голштинское знамя — вотъ что очень мудрено. Короче сказать, смыслъ письма императрицы къ князю Волконскому, по мнѣнію моему, долженъ убѣдить всѣхъ и каждаго, что яицкіе казаки въ вымышленіи самозванства нисколько не виноваты. Вина ихъ—невѣжество, заблужденіе и вонисть ность, чѣмъ злой человѣкъ или злые люди и воспользовались.

Хитрость и лукавство Пугачева, употребленныя имъ на возмущеніе или, такъ сказать, на порабощеніе умовъ яицкихъ казаковъ, какъ нельзя лучше высказываются слѣдующей продѣлкой самозванца.

На Уралѣ до сихъ поръ много ходитъ преданій насчетъ Пугачева —преданій, разумѣется, иногда дѣльныхъ, а иногда пустяшныхъ, иногда правдоподобныхъ, а иногда совершенно нелѣпыхъ; но то, которое я хочу здѣсь привести, кажется, не подлежитъ сомнѣнію: оно такъ натурально, такъ правдоподобно, что само-собой кидается въ глаза и разоблачаетъ истину.

Я знавалъ на Уралѣ стараго и слѣпого, но умнаго и

разсудительнаго казака, жителя Красноярскаго форпоста, М. М. Бакирова (нынѣ уже не существующаго), которому, по словамъ его, во время Пугачевскаго бунта, было 18 лѣтъ отъ роду. Изъ разговоровъ съ Бакировымъ я узналъ, что Пугачевъ, какъ бездомный скиталецъ, шатаясь по казачьимъ селеніямъ изъ дома въ домъ и изучая характеръ и образъ мыслей казаковъ, остановился наконецъ въ домѣ Данилы Шелудякова, показавшагося ему вѣроятно энергичнѣе другихъ. Дни Пугачевъ проводилъ въ простой работѣ, какую назначалъ ему хозяинъ, а на ночь уходилъ въ отведенный ему для житья амбаръ, и тамъ запирался. По полуночамъ онъ зажигалъ огонь и молился Богу, или только притворялся, что молится—все равно; дѣло въ томъ, что каждую ночь въ амбарѣ его свѣтился огонь. Однажды Шелудяковъ, выйдя изъ избы на дворъ, замѣтилъ это и возымѣлъ подозрѣніе.

„Ужъ не вороженъ ли, иль не шпіонъ ли какой этотъ работникъ?“ подумалъ казакъ и сталъ послѣ того наблюдать за поступками Пугачева, чего, конечно, тотъ и добивался.

Убѣдясь, что Шелудяковъ подслушивалъ за стѣной амбара, хитрый бѣглецъ далъ волю своему изобрѣтательному и пронырливому уму. Стоя предъ иконой и отвѣшивая частые земные поклоны, онъ читалъ молитвы, но царочно возвышалъ голосъ, чтобъ быть слышиму. Молясь, Пугачевъ часто упоминалъ слова: „Императоръ“, „Наслѣдникъ“, „престолъ“, „враги“, и т. п., словомъ, высказывалъ цѣлыя фразы, которыя, какъ острее ножа, впивались въ сердце Шелудякова, мутили и будоражили умъ его.

Нѣкоторое время Шелудяковъ молчалъ, наконецъ, не вытерпѣлъ: затронутое любопытство взяло верхъ надъ страхомъ. Разъ, когда Пугачевъ упражнялся въ хитрой комедіи, Шелудяковъ внезапно постучался къ нему въ дверь. Пугачевъ, загасивъ теплившуюся предъ иконой свѣчку, впустилъ его, притворяясь притомъ оторопѣлымъ и испугавшимся.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ Шелудяковъ Пугачева.

— Ничего, сплю, кормилецъ,—отвѣчалъ Пугачевъ.

— Какъ спишь? Да у тебя сейчасъ, я видѣлъ, огонь свѣтился.

— Ахъ, батюшка!... виноватъ!.. я не хотѣлъ говорить тебѣ... грѣшный человѣкъ... я Богу молился...—проговорилъ, запинаясь, Пугачевъ.

— Знаю, знаю!—возразилъ Шелудяковъ.—А растолкуйка мнѣ, что значитъ вотъ это.

Тутъ Шелудяковъ пересказалъ Пугачеву все то, что слышалъ, стоя за стѣной амбара. Пугачевъ молчалъ, переминался. Шелудяковъ настаивалъ и еще больше приставалъ къ нему. Наконецъ, Пугачевъ зарыдалъ, безъ сомнѣнія, притворно, повалился въ ноги казаку и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Отецъ родной, кормилецъ ты мой! Помолчи, голубчикъ, не говори никому, если ужъ ты слышалъ... не выдай меня... Я уйду отъ тебя и скроюсь гдѣ-нибудь... я несчастный... я гонимъ судьбой...

Разумѣется, этого было довольно для того, чтобы задѣть и подстрекнуть любопытство необразованнаго казака, отуманить въ немъ разсудокъ и расшевелить чувства преданности къ мнимому изгнаннику. Приведя здѣсь это извѣстіе, я спрошу благосклонныхъ читателей: эта замысловатая обстановка и тонкая продѣлка хитраго Пугачева не напоминаютъ ли намъ перваго самозванца, Лжедимитрія, выкинувшаго почти такую же штуку въ домѣ Вишневецкаго?

Казакъ Шелудяковъ, мы знаемъ, наблюдалъ за поступками Пугачева, а Пугачевъ, безъ всякаго сомнѣнія, еще больше наблюдалъ за поступками Шелудякова и разставлялъ на него хитросплетенныя сѣти, въ которыя, по пословицѣ, какъ куръ во-щи, и попался простакъ-казакъ, увлекши съ собою и земляковъ своихъ, такихъ же, какъ самъ, простаковъ-казаковъ.

Но это еще не все. Когда разнеслась молва, что въ домѣ Шелудякова оказалась такая высокая особа, явился въ хуторѣ, Богъ знаетъ откуда, невѣдомый человѣкъ, назвавшійся

отставнымъ солдатомъ. Услыхавъ отъ казаковъ объ этомъ чудѣ, солдатъ сказалъ:

— Что за диво такое? Покажите-ка мнѣ его... я, быть можетъ, узнаю, что это за птица такая... я служилъ въ гвардіи, видалъ Царя.

Казакамъ показалось это находкой. Они тотчасъ же привели солдата въ домъ, гдѣ находился Пугачевъ, чтобы узнать истину. Гордо, дерзко, съ шумомъ и бранью, солдатъ переступилъ порогъ дома, въ намѣреніи, казалось, обличить самозванца во-лжи, но, взглянувъ на Пугачева, сидѣвшаго за столомъ, солдатъ повалился на полъ и съ подобострастіемъ произнесъ:

— Прости меня, батюшка царь!... Я давеча въ тебѣ усомнился, а теперь винюсь и каюсь въ грѣхѣ своемъ...

Нужно ли говорить, что эта сцена поразила казаковъ и окончательно увѣрила ихъ, что Пугачевъ не самозванецъ? Жаль, что недальновидность казаковъ помѣшала имъ обратить вниманіе на то, что и Пугачевъ, и солдатъ, по всей вѣроятности, были давнишніе друзья, заранѣе подготовившіе эту хитрую сцену, чтобы рѣшительно овладѣть умами казаковъ, которые дальше своего носа ничего не видѣли.

Этимъ можно бы заключить замѣчанія мои на „Исторію Пугачевскаго бунта", но я долженъ сказать нѣсколько словъ о Мартемьянѣ Михайловичѣ Бородинѣ, который остался вѣренъ Государынѣ. Этотъ старшина—онъ имѣлъ чинъ полковника—будучи умнѣе всѣхъ своихъ современниковъ, одинъ понималъ и обличалъ обманъ Пугачева, и возсталъ противъ него. Собирая вокругъ себя казаковъ и внушая имъ долгъ вѣрности къ Государынѣ, онъ съ опасностью жизни старался обуздывать и вразумлять тѣхъ, которые находились на сторонѣ самозванца.

Дотолѣ все Яицкое войско, т. е. весь народъ казачій, чтило, любило и уважало Бородина за его умъ, честность и правдивость. Опираясь на свой авторитетъ, Бородинъ часто являлся среди бунтовщиковъ и, безъ страха и боязни, открыто обличалъ передъ ними обманъ Пугачева, уговаривая

ихъ отстать отъ самозванца. Нѣкоторые изъ казаковъ слушались Бородина и переходили на его сторону; но другіе, ослѣпясь лживымъ убѣжденіемъ, что стоятъ за истиннаго государя, оставались на сторонѣ Пугачева. Въ глазахъ мятежниковъ всякій, не признававшій самозванца за государя, казался врагомъ, и всякаго такого человѣка, разумѣется, мятежники не щадили. На одного только М. Бородина они смотрѣли, если не съ уваженіемъ, какъ прежде, то, по крайней мѣрѣ, не съ особенною ненавистью. Но подъ конецъ, видя вліяніе Бородина на народъ, мятежники взъѣлись, что называется, на него и рѣшились погубить его.

Однажды Бородинъ пришелъ въ толпу самыхъ отчаянныхъ казаковъ, прилѣпившихся къ Пугачеву, и сталъ уговаривать ихъ отстать отъ самозванца. При этомъ случаѣ онъ не жалѣлъ ни угрозъ и ни порицаній. Между мятежниками поднялся ропотъ негодованія. Одинъ изъ нихъ, въ которомъ еще не угасло чувство уваженія къ старшинѣ, подошелъ къ нему и тихо сказалъ: „Уйдите, батюшка, Мартемьянъ Михайловичъ—худо будетъ!“ Но Бородинъ не послушался и пуще прежняго сталъ корить мятежниковъ. Выведенные изъ терпѣнія, они, наконецъ, бросились на старшину и, обезоруживъ его, связали. Одинъ изъ самыхъ дерзкихъ послѣдователей Пугачева подступилъ къ вѣрному старшинѣ и, грозя топоромъ, сказалъ:

— Хочешь покориться батюшкѣ нашему, Петру Ѳедоровичу? говори, не то убью!..

— Ахъ ты, разбойникъ!—вскричалъ Бородинъ, силясь разорвать связывавшія его веревки:—какъ ты осмѣлился только сказать мнѣ это?.. Сто разъ умру, но не покорюсь обманщику и не повѣрю въ него: онъ плутъ, бродяга!—проговорилъ съ презрѣніемъ Бородинъ.—И васъ всѣхъ, друзья и братцы, заклинаю отстать отъ него и не губить душъ своихъ грѣшныхъ...

— Ну, коли такъ, вотъ же тебѣ!..—сказалъ мятежникъ и взмахнулъ топоромъ надъ головой Бородина, но стоявшій рядомъ съ нимъ казакъ, тотъ самый, который предостерегалъ

старшину прежде и совѣтовалъ ему удалиться, удержалъ товарища за руку и сказалъ:

— Что ты, безумный, дѣлаешь? Посмотри, кого ты хочешь погубить? Вѣдь это нашъ родной; побойся Бога и постыдись добрыхъ людей. Развѣ ты забылъ его добро къ намъ?

— Пусти! — вскричалъ первый мятежникъ, котораго между тѣмъ второй оттѣснилъ отъ Бородина.—Пусти!—продолжалъ кричать первый, порываясь исполнить угрозу:—онъ врагъ нашего царя: онъ не корится батюшкѣ Петру Ѳедоровичу. Карачунъ ему—и дѣлу конецъ!

— Нѣтъ, товарищъ,—возразилъ защитникъ:—ты не дѣло говоришь. Спору нѣтъ, Мартемьянъ Михайловичъ врагъ царя: такъ пускай же и судитъ его самъ царь, а не мы, подначальные люди, понимаешь ли?

Слова эти подѣйствовали на мятежника, покушавшагося на жизнь Бородина, усмирили ярость его. Прочіе казаки тоже согласились съ ними. Мятежники, задержавъ Бородина, рѣшили представить его на судъ къ самому самозванцу. Дѣло было въ ночи. Пугачевъ въ то время находился гдѣ-то въ отлучкѣ. Казаки заперли Бородина въ пустую избу и приставили къ ней караулъ. Но тотъ самый казакъ, который спасъ старшину отъ топора убійцы, ночью успѣлъ обмануть караульныхъ, освободилъ Бородина и вмѣстѣ съ нимъ перешелъ на сторону вѣрныхъ казаковъ, съ которыми впослѣдствіи Бородинъ дѣйствовалъ противъ Пугачева *).

Повидимому, случай этотъ обыкновенный, но въ сущности довольно замѣчательный: онъ, по моему мнѣнію, имѣлъ не малую долю вліянія на ходъ Пугачевскаго бунта.

Извѣстно, что на сторонѣ Пугачева была только часть казаковъ; другая часть находилась на сторонѣ старшины М. Бородина, а третья, и самая большая часть казаковъ, не

---

*) Разсказъ этотъ я слышалъ отъ одной почтенной уралки, М. С. П—ной, внуки М. М. Бородина. Жаль, забылъ я имя и фамилію казака, который спасъ старшину, а справиться теперь не могу.

принимала ничьей стороны, оставаясь, такъ-сказать, нейтральной. Она не переходила ни на ту, ни на другую сторону по сомнѣнію, то есть не знала, которая сторона права, которая виновата. Возстать противъ Пугачева казалось страшнымъ. „Что, если онъ,—говорили казаки про самозванца,—настоящій царь: какъ поднимешь на него руки?“ Принять сторону Пугачева казалось не менѣе страшнымъ.— „Что, если онъ,—говорили казаки про самозванца,—въ самомъ дѣлѣ обманщикъ: какъ станешь помогать ему? Мартемьянъ Михайлычъ не корится ему: а это что-нибудь да значитъ!“

Такимъ образомъ большая часть казаковъ, находясь подъ вліяніемъ сомнѣнія, не принимала участія въ бунтѣ, то есть не помогала Пугачеву въ злодѣйствѣ. Виновникъ этого, безспорно, старшина М. М. Бородинъ: не будь этого вѣрнаго и умнаго старшины, или убей его казаки, когда онъ находился въ ихъ рукахъ, некому было бы составить партіи противъ самозванца, некому было бы посѣять сомнѣнья въ умахъ казаковъ насчетъ обмана самозванца. Не живи М. М. Бородинъ—Пугачевъ привлекъ бы на свою сторону все Яицкое войско, а имѣя въ распоряженіи и повиновеніи всѣхъ яицкихъ казаковъ, болѣе или менѣе людей храбрыхъ, исправно вооруженныхъ и къ войнѣ привыкшихъ, онъ могъ бы надѣлать государству больше зла, чѣмъ ужъ сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ, имѣя подъ рукою толпы почти безоружныхъ людей.

Безспорно, Пугачевъ не могъ поколебать Россію въ такой вѣкъ, какъ вѣкъ Екатерины, но не менѣе того, онъ нанесъ бы большой ущербъ государству: онъ, въ заключеніе злодѣйствъ, непремѣнно увелъ бы всѣхъ яицкихъ казаковъ въ какое-нибудь азіатское царство, какъ увелъ нѣкогда Игнатій Некрасовъ часть донцовъ на Кубань, въ подданство Крымскаго хана. А это, кажется, не малая была бы потеря для Россіи.

Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ, по доставленіи Пугачева въ Москву, отправился съ двумя или тремя казаками

въ Петербургъ представиться Императрицѣ и тамъ скоропостижно умеръ.

Итакъ, яицкихъ, нынче уральскихъ, казаковъ нельзя обвинять, по крайней мѣрѣ, какъ заговорщиковъ и зачинщиковъ, въ Пугачевскомъ бунтѣ: причиной этого страшнаго происшествія были, съ одной стороны, именно со стороны Пугачева—хитрость, а со стороны казаковъ—невѣжество, ослѣпленіе и ложное убѣжденіе.

Не оправдывать вину уральскихъ казаковъ, которая не можетъ найти оправданія, хотѣлъ я, а только доказать, что Пушкинъ ошибался, назвавъ Пугачева созданіемъ казаковъ.

Москва, 1856 г.

VI.

КРИТИЧЕСКІЯ И ДРУГІЯ МЕЛКІЯ СТАТЬИ.

Нѣсколько замѣчаній уральскаго казака по поводу статей П. И. Небольсина объ Уральскихъ казакахъ.

I.

Въ шестой книжкѣ „Вѣстника Русскаго Географическаго Общества“ за 1854 годъ и въ четвертой—„Библіотеки для Чтенія“ нынѣшняго года появились статьи П. И. Небольсина, подъ названіемъ—въ первой „Нѣсколько замѣчаній объ уральскихъ казакахъ“, а во второй -„Уральцы“, значитъ, обѣ статьи объ одномъ и томъ же предметѣ, или объ одномъ и томъ же народѣ. Между тѣмъ, за полгода прежде, я зналъ уже изъ газетъ о трудѣ г. Небольсина. Нужно ли говорить, что, какъ природный уралецъ, я съ нетерпѣніемъ и живымъ интересомъ ожидалъ появленія въ свѣтъ статей г. Небольсина о моемъ родномъ краѣ, доселѣ почти нетронутомъ. Правда, болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ назадъ, писалъ объ уральскихъ казакахъ Рычковъ, но сказаніе этого почтеннаго автора, въ отношеніи къ теперешнему быту уральцевъ, не что иное, какъ

„Дѣла давно минувшихъ дней“...

Кромѣ Рычкова, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, писалъ объ уральскихъ казакахъ г. Левшинъ, но и его описаніе устарѣло. Съ тѣхъ поръ бытъ уральцевъ во многомъ измѣнился, даже, безъ преувеличенія можно сказать, совершенно преобразовался.

Отъ г. Небольсина, какъ отъ извѣстнаго и наблюдательнаго туриста, посѣщавшаго нашъ край въ пятидесятыхъ годахъ и пользовавшагося бесѣдой почтенныхъ и опытныхъ уральцевъ, на которыхъ онъ самъ указываетъ и которые не могли передать ему ничего, кромѣ дѣльнаго и правдиваго,— отъ г. Небольсина, стяжавшаго себѣ славу отличнаго разсказчика по части статистическихъ свѣдѣній и историческихъ изслѣдованій, я ожидалъ—да и кто не въ правѣ ожидать?—статьи серьезной въ полномъ смыслѣ, дѣльной и правдивой. Первая статья, въ Вѣстникѣ, къ удовольствію моему, и оказалось таковой. Но о другой, въ Библіотекѣ для Чтенія, къ сожалѣнію, сказать этого нельзя.

Не говоря о нѣкоторыхъ не такъ важныхъ невѣрностяхъ, которыя, впрочемъ, свойственны и извинительны каждому писателю-путешественнику, только нѣсколько дней, въ качествѣ гостя, пробывшему въ мѣстахъ, имъ описываемыхъ,— не говоря о такихъ невѣрностяхъ—а ихъ въ обѣихъ статьяхъ довольно-таки,—въ послѣдней статьѣ, т. е. въ „Уральцахъ“, описаны такія небывалыя и ложныя вещи, о которыхъ не только писать и печатать, но даже и говорить въ дружеской бесѣдѣ не слѣдовало бы. Почтеннѣйшій авторъ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ и расточая похвалу уральцамъ—спасибо за это—между прочимъ, или ради краснаго словца, или изъ подражанія другимъ—Богъ его знаетъ—не призадумался высказать злую и не совсѣмъ приличную насмѣшку надъ простодушными, цѣломудренными и гостепріимными уралками... Вы, почтеннѣйшій авторъ, вѣрно догадываетесь, о чемъ я рѣчь веду, а ежели не догадываетесь, я напомню: я, изволите знать, веду рѣчь о такъ-называемой, по-вашему, „девятой пуговкѣ“. Вамъ почему-то угодно было сказать, что такъ-называемая „девятая пуговка“ на сарафанахъ у уралокъ бываетъ „крупнѣе и богаче“ другихъ. Но это чистѣйшая неправда. Понятно, что вы тутъ сострили, но хорошо ли сдѣлали—это вопросъ. Вы печатно повторили каламбуръ уральскихъ казачатъ-ребятъ, каламбуръ, который, не мѣшаетъ замѣтить, и между казачатами потерялъ уже и остроту, и замысловатость.

Къ этой несносной „девятой пуговкѣ“ я возвращусь послѣ, а теперь по порядку укажу на тѣ невѣрности, которыя вкрались въ статьи г. Небольсина, вслѣдствіе или недомолвокъ, или перемолвокъ, или, наконецъ, вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на предметъ. Кстати, сдѣлаю кой-какія добавленія и отъ себя.

Начну съ первой статьи: „Нѣсколько замѣчаній объ уральскихъ казакахъ“, помѣщенной въ VI книжкѣ „Вѣстника Географическаго Общества“.

Исчисляя народонаселеніе (стр. 200), авторъ говоритъ, что уральцевъ всего-на-всего столько-то, что въ томъ числѣ православныхъ столько-то, единовѣрцевъ столько-то—единовѣрцы, нужно замѣтить, почти то же, что и православные,—раскольниковъ столько-то, и т. д.,—но что за раскольники, не пояснилъ, а это слѣдовало бы, по моему мнѣнію, пояснить; житель, напримѣръ, Петербурга, прочитавъ статью г. Небольсина, можетъ составить себѣ понятіе объ уральскихъ раскольникахъ совсѣмъ противное, чѣмъ на самомъ дѣлѣ есть эти раскольники. Онъ легко можетъ отнести ихъ къ раскольническимъ сектамъ, которыя не признаютъ, или, какъ говорится, не пріемлютъ священства. Уральскіе раскольники—если можно назвать ихъ раскольниками—есть не что иное, какъ только старообрядцы, буквально слѣдующіе не совсѣмъ правильному тексту старопечатныхъ книгъ: это то, что въ Москвѣ рогожцы.

„Обитатели Уральской Войсковой Земли — говоритъ авторъ (стр. 201)—естественнымъ образомъ дѣлятся:

1) На православныхъ и на нехристіанъ.

2) На войсковыхъ и на иногородныхъ (не принадлежащихъ къ войсковому сословію).

3) На вольныхъ людей и на крѣпостныхъ.

4) На чистыхъ уральцевъ и на неуральцевъ".

Предпослѣднее изъ этихъ дѣленій, т. е., дѣленіе на вольныхъ людей и на крѣпостныхъ, я, казакъ, обитатель Войсковой Земли, не совсѣмъ понимаю. Что же можетъ понять посторонній? Подъ именемъ крѣпостныхъ, ясно, должно считать дворовыхъ людей казачьихъ офицеровъ Но кто такіе вольные люди? Вотъ вопросъ. Кого разумѣетъ авторъ подъ этимъ названіемъ? Если казаковъ, какъ свободныхъ гражданъ-воиновъ неподатного состоянія — напрасно: имъ ужъ есть одно общее и прямое названіе: казаки, или войсковые обыватели. Если авторъ разумѣетъ подъ именемъ вольныхъ людей бывшихъ прежде дворовыхъ людей, но въ недавнее время, по существующимъ законамъ, отошедшихъ отъ владѣльцевъ,—такіе люди дѣйствительно есть и живутъ между войсковыми обывателями по билетамъ,—то ихъ всего лучше было бы причислить къ сословію иногородныхъ,—другого названія имъ и быть не можетъ.—Даже, если говорить правильно, иногородныхъ не должно и причислять къ обитателямъ Уральской Войсковой Земли. Какой обитатель Войсковой Земли, напримѣръ, ярославскій или владимірскій мѣщанинъ, который торгуетъ въ Уральскѣ пряжей или панскимъ товаромъ и который нынче въ Уральскѣ, а завтра очутится въ Ярославлѣ или Владимірѣ? Почему онъ обитатель Войсковой Земли? Развѣ потому, что, живя по паспорту въ Уральскѣ, нанимаетъ у казака квартиру и лавку. Ну, это дѣло иное, въ этомъ случаѣ я пассъ. Въ такомъ случаѣ и самъ г. авторъ, живя нѣсколько дней въ Уральскѣ, также по своимъ дѣламъ, могъ быть причисленъ къ обитателямъ Войсковой Земли. Вотъ ужъ третій годъ проживаетъ и, быть можетъ, еще долго проживетъ, въ нашихъ краяхъ одинъ ученый, должно быть естествоиспытатель,—собираетъ травку, птичьи яички, шкурки, и т. п.,—въ чемъ вѣрно находитъ пользу,—но можно ли этого ученаго мужа причислить къ обитателямъ Уральской

Войсковой Земли? Кажется, нельзя *). Стало быть, и дѣленіе войсковыхъ обывателей, сдѣланное г. Небольшимъ во всѣхъ подробностяхъ, отчасти, если не совсѣмъ, лишнее.

Далѣе (на той же 201 страницѣ) авторъ говоритъ: „Уральскіе калмыки не сплотились въ одну массу съ коренными уральцами, вслѣдствіе идолопоклонническихъ своихъ вѣрованій; только съ татарами, давними своими товарищами, уральцы живутъ дружнѣе и общительнѣе“.

Какъ калмыки, такъ и татары, и тѣ и другіе, разбросанные по Войсковой Землѣ, живутъ отдѣльно другъ отъ друга и отъ казаковъ-русскихъ: идолопоклонники по себѣ, а магометане по себѣ. Слѣдовательно, о сплоченіи или о несплоченіи калмыковъ съ русскими не могло быть и рѣчи. Авторъ, какъ мы видѣли, сказалъ, что только съ татарами уральцы живутъ дружнѣе и общительнѣе. Не правда! Выраженіе это должно понимать совершенно въ противоположномъ смыслѣ: тогда выйдетъ правда. Съ калмыками уральцы живутъ гораздо дружнѣе и общительнѣе, нежели съ татарами. Калмыкъ скроменъ, уступчивъ и въ высшей степени честенъ, а татаринъ, не о немъ будь сказано, плутоватъ и мало надеженъ. На калмыка можно вполнѣ положиться, а чтобы вести дружбу съ татариномъ, нужно держать за пазухой камень. Не помнятъ на Уралѣ, чтобы когда-нибудь калмыкъ укралъ у русскаго казака лошадку, а за татариномъ этотъ грѣшокъ чуть ли не водится... Послѣ этого понятно, съ кѣмъ уралецъ долженъ жить дружнѣе и общительнѣе.

Казачье сословіе, т. е., простыхъ казаковъ, авторъ дѣлитъ на разряды (стр. 202) и поясняетъ значеніе каждаго

---

*) Авторъ, очевидно, говоритъ про покойнаго Карелина, прожившаго въ нашемъ войскѣ лѣтъ 15 (до 70-хъ годовъ). Ред.

разряда. Что сказано вѣрно, о томъ и говорить нечего: оно такъ и останется; а что опредѣлено невѣрно, о томъ долгомъ считаю замѣтить. Такъ, напримѣръ, авторъ, между прочимъ, говоритъ, что казаки бываютъ:

„Служивые — такъ называется весь цвѣтъ населенія отъ двадцатилѣтняго возраста“.

„Служилые — или тѣ, которые несутъ службу на внѣшнихъ выкомандировкахъ“.

„Льготные — тѣ, до которыхъ не дошла еще очередная служба“.

Но такое опредѣленіе не совсѣмъ вѣрно и не совсѣмъ точно. Служивыми казаками называются именно тѣ самые казаки, которыхъ авторъ называетъ служилыми.

Служилые же казаки или, общеупотребительнѣе и правильнѣе, служащіе казаки, которые, по словамъ автора, служатъ на внѣшнихъ выкомандировкахъ, суть тѣ, которые числятся только по спискамъ на дѣйствительной службѣ, но внѣ ли войска или въ границахъ его служатъ, или вовсе лично не служатъ, а выставляютъ за себя охотниковъ — все равно, лишь бы прослужили они, такъ или иначе, двадцатипятилѣтній терминъ казачьей службы *): стало быть, и тутъ опредѣленіе автора невѣрно.

Казаки же, составляющіе, по выраженію автора, цвѣтъ населенія, отъ двадцати до пятидесятилѣтняго возраста, которыхъ авторъ, какъ мы видѣли, называетъ служивыми, никакъ иначе не называются, какъ только просто казаки. Въ этомъ случаѣ не къ чему брать въ разсчетъ и лѣта казаковъ: это было бы совершенно безполезно и лишнее. Какъ 20, 40, 50, 70, 80-тилѣтній казакъ, такъ равно и казачій мальчикъ, лишь только умѣющій говорить, на вопросъ: кто ты? просто отвѣтитъ: „казакъ!“ Вообще всей массѣ казачьяго населенія мужескаго пола, безъ означенія лѣтъ, нѣтъ иного названія, какъ только казаки.

---

*) Нынѣ съ 19 лѣтъ до 41 казаки числятся „служащими“, 22 возраста.
Ред.

О льготныхъ казакахъ г. Небольсинъ сказалъ слишкомъ коротко. „Льготные тѣ, до которыхъ не дошла еще очередная служба“, говоритъ онъ, ничего больше не прибавивъ. Между тѣмъ, извѣстно, что казаки Уральскаго казачьяго войска служатъ не по очереди между себя, а по найму. Откуда же взялась тутъ очередь, или очередная служба? Я разъясню.

Въ гвардіи отъ Уральскаго войска служитъ дивизіонъ казаковъ, т. е., два эскадрона, изъ которыхъ одинъ три года пребываетъ въ Петербургѣ, а другой, въ это время, на Уралѣ; значитъ, эскадроны эти перемѣняютъ другъ друга чрезъ каждые три года. Вотъ казаки того эскадрона, который живетъ на Уралѣ, пока другой служитъ въ Петербургѣ, и называются, пожалуй, льготными; настоящее же имя ихъ: гвардейцы, данное имъ въ отличіе отъ простыхъ казаковъ, т. е. отъ казаковъ армейскихъ. Замѣтить слѣдуетъ, что очередь, введенная между гвардейскими казаками или, правильнѣе, между гвардейскими эскадронами, есть дѣло, такъ сказать, домашняго хозяйства. Гвардейскій казакъ, какъ и армейскій казакъ, не даромъ идетъ въ Петербургъ, а беретъ подможныя деньги: это то же, что онъ нанимается. Ежели гвардейскому казаку льготнаго эскадрона вздумалось бы, напримѣръ, идти въ походъ, хоть подъ кокандцевъ, то войсковое начальство не станетъ удерживать его, а скажетъ: „съ Богомъ!“ да позаботится только на мѣсто его пріискать браваго и расторопнаго охотника, — все-таки охотника, а за охотниками служить никогда дѣло не станетъ. Изъ этого не слѣдуетъ заключить, что названіе льготный казакъ, въ отношеніи къ уральскому казачьему войску, почти-что лишнее и неумѣстное. Да, короче сказать, льготныхъ казаковъ на Уралѣ нѣтъ, а есть или бываетъ льготный эскадронъ *).

---

*) Въ настоящее время такого эскадрона также не существуетъ. Ред.

„По всей вѣроятности, говоритъ авторъ на стр. 204, на рѣкѣ Уралѣ казаки появились вскорѣ послѣ разгрома, понесеннаго донской и волжской вольницей при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Ища спасенія, они раскинулись всюду: кто бросился вверхъ по Волгѣ и потомъ, свернувъ на Каму, бѣжалъ въ соболиное царство, а кто пустился внизъ по Волгѣ, раскинулся тамъ по рыбнымъ рѣкамъ и, наткнувшись на знаменитый богатыми кочевьями ногайцевъ Яикъ, сталъ мыкаться по степямъ, разными правдами-неправдами отбиваться отъ невѣрныхъ и неподволь покорять поганую орду подъ высокую царскую государеву руку“.

Приведя здѣсь этотъ отрывокъ изъ текста, я и думать не смѣю рѣшительно противорѣчить ему, или тѣмъ болѣе опровергать его: это было бы съ моей стороны больше, чѣмъ смѣло. Я только хочу высказать мое мнѣніе по этому случаю, которое не есть, однако-жъ, чистое порожденіе фантазіи: оно отчасти опирается на событія.

Г. Небольсинъ, мы видимъ, начало появленія казаковъ на Яикъ относитъ къ тому времени, когда одинъ изъ предводителей вольницы, Ермакъ, покинувъ берега Волги, ушелъ завоевывать Сибирь. Это, какъ извѣстно, было въ 1580-хъ годахъ — слѣдовательно, въ концѣ XVI вѣка. Объ этомъ, впрочемъ, ясно и подробно разсказалъ намъ г. Левшинъ въ своемъ „Истор. и Стат. Обозр. Уральскихъ казаковъ“, —но и г. Левшинъ, замѣтить кстати, критически и логически разбирая и опровергая сказанія академика Рычкова, который, внявъ преданію уральскихъ казаковъ, начало поселенія ихъ на Яикѣ отнесъ-было къ временамъ слишкомъ отдаленнымъ, именно къ XIV вѣку, — могъ, однако, вывести по этому случаю, въ опроверженіе мнѣнія Рычкова, только одно, что Гугиниха, первая, по словамъ Рычкова, женщина и казачка на Уралѣ, или, иначе сказать, прародительница уральскихъ казаковъ, жила или въ концѣ XV, или въ началѣ XVI столѣтія, — слѣдовательно, разсказъ Рычкова въ этомъ случаѣ нельзя считать за чистую басню. — Но дѣло не въ томъ. Я началъ рѣчь объ

этомъ не съ той цѣлью, чтобы доказывать, — это, безъ сомнѣнія, не по моимъ силамъ, — кто говоритъ правду, а кто ошибается. Я, какъ уже сказалъ, намѣренъ только высказать мое мнѣніе, — а это, кажется, дозволяется всякому; условіе при этомъ одно: не было бы только мнѣніе химерическое. А что мнѣніе мое не есть чистая химера,—это, надѣюсь, докажетъ послѣдующій небольшой разсказъ.

Итакъ, я полагаю и убѣждаюсь, что раньше разгрома волжской вольницы, т. е. прежде чѣмъ завоеватель Сибири, покинувъ берега Волги, ушелъ въ Сибирь, рѣка Яикъ была извѣстна молодцамъ, подвизавшимся вмѣстѣ съ Ермакомъ въ приволжскихъ краяхъ, — и была извѣстна не по одному слуху, что тамъ-то есть такая-то рѣка, а была извѣстна, какъ уже мѣсто, гдѣ жили русскіе удальцы, не хотѣвшіе носить на себѣ иго татарское. Въ мысли этой убѣждаетъ меня, кромѣ преданій и кромѣ предположеній и сужденій свѣдущихъ людей, одна казачья пѣсня; сказка — складка, пѣсня — быль: это не мѣшаетъ взять въ соображеніе.

Пѣсня, о которой я сказалъ, выставлена эпиграфомъ предъ V-й главой „Покоренія Сибири“ г. Небольсина. Любопытные могутъ прочесть ее тамъ; здѣсь же приведу только нѣкоторые ея стихи. Она начинается такъ:

„Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
Казаки живутъ, братцы, люди вольные:
Все Донскіе, Гребенскіе, со Яицкими“.

Третій стихъ у г. Небольсина почему-то пропущенъ.

Далѣе въ пѣснѣ этой идетъ рѣчь Ермака къ дружинѣ. Онъ, между прочимъ, вопрошаетъ своихъ сподвижниковъ:

— Куда-жъ, братцы, мы зимовать пойдемъ?
Намъ на Волгѣ жить—все ворами слыть!
На Яикъ идти—переходъ великъ!

Послѣдній стихъ, а также въ особенности вышеприведенный, пропущенный у г. Небольсина: „Все Донскіе,

Гребенскіе, со Яицкими", если не положительно указываютъ, то, по крайней мѣрѣ, наводятъ на мысль, что въ шайкѣ Ермака были яицкіе казаки, т. е. казаки съ Яика.

Кромѣ пѣсни, что-нибудь да значатъ и слова казачьяго атамана Рукавишникова, который въ 1720 году писалъ въ Военную Коллегію, что предки его пришли на Яикъ, можетъ быть, назадъ около двухъ сотъ лѣтъ *). Слова эти нельзя оставить безъ вниманія; они, если не точно, то приблизительно даютъ знать, что яицкіе казаки поселились на Яикѣ въ началѣ XVI-го вѣка, или, по крайней мѣрѣ, въ концѣ первой половины его,—но, во всякомъ случаѣ, раньше разгрома волжской вольницы, т. е. раньше того времени, когда Ермакъ пошелъ на Сибирь.

Дозволивъ себѣ сдѣлать подобное заключеніе, я, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ погрѣшаю. Надѣюсь, что безусловно не осудятъ меня въ излишней натяжкѣ возвести начало появленія казаковъ на Уралѣ гораздо выше и раньше, нежели какъ говоритъ о томъ г. Небольсинъ, повторяя при этомъ, конечно, сказанное ужъ прежде его г. Левшинымъ. Въ извиненіяхъ моихъ, по этому поводу, предположеній и заключеній, я скажу только одно: кому не пріятно возводить родословную своего дома, — а уральское казачье войско есть мой домъ, моя семья, — до временъ отдаленныхъ!

Говоря о томъ, какъ въ старину уральцы переходили съ мѣста на мѣсто, авторъ, между прочимъ, выразился такъ: „а въ окрестностяхъ нынѣшняго Уральска, на р. Чаганѣ, они (казаки) обыкновенно зимовали, такъ какъ, по роду своихъ занятій, они неминуемо должны были вести, какъ и теперь отчасти ведутъ, почти-что полукочевую жизнь, въ главныхъ основаніяхъ своихъ вовсе не похожую на жизнь совершенно осѣдлаго населенія" (стр. 205).

---

*) „Истор. и Стат. Обозрѣніе Уральск каз.", А. Левшина.

Что казаки въ старину переходили съ мѣста на мѣсто— это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но чтобы уральцы и теперь, какъ говоритъ авторъ, вели отчасти жизнь полукочевую — это неправда; объ этомъ и говорить бы вовсе не слѣдовало: этимъ только можно сбить съ толку постороннихъ людей, совершенно незнакомыхъ съ бытомъ казаковъ. Сколько разъ случалось мнѣ съ сожалѣніемъ слышать о казакахъ самыя дикія замѣчанія и сужденія людей, имѣющихъ еще притязаніе на образованіе... Такъ напримѣръ, недавно, одна московская барыня, бесѣдуя съ казачками, вдругъ, ни съ того ни съ сего, спрашиваетъ одну изъ казачекъ; „а что, позвольте спросить, какой у васъ языкъ?"

Казачка съ удивленіемъ посмотрѣла на барыню. Барыня вѣрно подумала, что казачка слишкомъ безтолкова и потому повторила вопросъ другимъ, болѣе ужъ толковымъ манеромъ, она сказала:

— Мнѣ хочется знать, какимъ языкомъ вы между себя разговариваете? Вѣдь у васъ долженъ быть свой, особый отъ нашего, языкъ?

Забавно...

Когда казачка, въ свою очередь, толкомъ разсказала барынѣ, что у всѣхъ вообще казачекъ языкъ общій русскій, т. е., точно такой, какимъ говорятъ и барыни, — барыня нисколько не сконфузясь наивностью своего вопроса, обратила разговоръ на другіе предметы. Еще не сошла съ лица казачки улыбка, порожденная выходкой образованной барыни, какъ барыня заговорила — о чемъ бы вы думали? — она заговорила о рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, въ которой водятся крокодилы, объ Аральскомъ морѣ, на которомъ есть чудные и таинственные острова, имѣющіе, между прочимъ, то сверхъестественное свойство, что если человѣкъ ступитъ на ихъ ногой, то назадъ не вернется и, наконецъ, дошла до степныхъ миражей — покорно прошу! какой запасъ свѣдѣній. — При этомъ случаѣ барыня насказала казачкамъ такихъ чудесъ о фантастическихъ фигурахъ, объ обманчивыхъ замкахъ, о

цѣлыхъ городахъ, представляемыхъ миражемъ, что казачки долго послѣ того дивились и смѣялись.

Вотъ, хотя бы изъ опасенія, чтобы не ввести въ искушеніе людей, подобныхъ, напримѣръ, вышеупомянутой барынѣ, г. Небольсинъ не долженъ былъ говорить, что уральцы и теперь отчасти ведутъ жизнь полукочевую; потому не долженъ былъ говорить, что жизнь уральцевъ, въ полномъ смыслѣ слова, жизнь осѣдлая: уральцы, такъ сказать, прирослп къ своей землѣ. Говорить или намекать о полукочевой жизни ихъ было бы до крайности невѣрно.

Впрочемъ, ежели судить изъ того, что изъ ста семей Кулагинской кр., напримѣръ, одна семья почтеннаго Кулея Сулумыча, поклонника Далай-Ламы, выберется во время лѣта изъ деревянныхъ хоромъ въ войлочную кибитку, поставленную или среди двора, или внѣ его, на задахъ крѣпости,—то, пожалуй, г. авторъ правъ... Другого примѣра, который бы давалъ поводъ предполагать о теперешней полукочевой жизни уральскихъ казаковъ, я не припцу — его нѣтъ.

Упоминая о жалобѣ казаковъ, поданной нѣкогда въ Военную Коллегію на самарскихъ жителей, которые тайно, воровски, пріѣзжали на Яикъ и ловили въ немъ рыбу въ подрывъ яицкимъ казакамъ — ибо Яикъ издревле былъ собственностью казаковъ — г. Небольсинъ приводитъ маленькій отрывокъ изъ этой жалобы: „по токмо у насъ — писали уральцы — съ оными самарянами состоялось побоище и смертное убивство“ и пр. (стр. 206). Къ этому я считаю нелишнимъ прибавить, что побоище у яицкихъ казаковъ съ самарскими казаками, а главное съ чувашами, бывшими заодно съ самарянами, происходило на берегу рѣки Чагана, выше г. Уральска въ тридцати верстахъ, тамъ, гдѣ нынѣ Чувашскій уметъ. Извѣстіе это хотя я беру и не изъ неопровержимыхъ источниковъ, т. е. не изъ письменныхъ документовъ, которыми Богъ насъ обидѣлъ, а изъ преданія,

но за всѣмъ тѣмъ правдоподобность происшествія, о которомъ хочу разсказать, не подлежитъ сомнѣнію; оно было не такъ давно, поколѣнія за два передъ симъ, не дальше. По словамъ старожиловъ, которые въ молодости своей, разумѣется, слышали также отъ старожиловъ, происшествіе это случилось такимъ образомъ.

Самарскіе казаки, подговоренные чувашами, или чуваши, подговоренные самарскими казаками — все равно, прельстясь богатствомъ Яика, забрались однажды на эту рѣку выше Уральска въ нѣсколькихъ верстахъ, и разгромили „ятовь", вѣроятно, близь нынѣшнихъ Гниловскаго или Рубежнаго форпостовъ. Въ старину, надо замѣтить, красной рыбы много заходило во время весенняго водоразлитія и выше „учута". — Разбагрили незваные гости, говорю, одну ятовь, нагрузили рыбой воза и отправились въ Самару. Съ обозомъ поѣхали чуваши, а самаряне, какъ люди похрабрѣе, остались на Яикѣ доловливать. Яицкіе казаки какъ-то узнали о томъ, стремглавъ бросились въ ятовь и застали воришекъ врасплохъ. Тотчасъ пошли въ дѣло пешни: другого оружія ни у тѣхъ, ни у другихъ не было; перекололи или, правильнѣе, перепороли яицкіе витязи самарскихъ, потомъ пустились по слѣдамъ обоза и нагнали чувашъ на рѣкѣ Чаганѣ. Тутъ повторилось то же, что было и на Яикѣ. Яицкіе казаки взяли верхъ и почти всѣхъ чувашъ, а ихъ было очень много, положили на мѣстѣ.

Овдовѣвшія самаряшки и чувашшки, — сказываютъ казаки, — сложили не то пѣсню, не то причитанье, а что-то въ родѣ этого; а можетъ быть, яицкіе молодцы, въ насмѣшку надъ жалкими „баграчеями", и сами сочинили эту шутку. Вотъ она:

„Яицкіе казаки, буерачные стрижи,
Побили, поклевали нашихъ ясныхъ соколовъ".

Какъ бы то ни было, но происшествіе это глубоко сохранилось въ памяти уральцевъ. На томъ самомъ мѣстѣ,

гдѣ было побоище у казаковъ съ чувашами, уральцы вскорѣ послѣ того построили „уметъ“ въ видѣ сторожеваго пункта отъ будущихъ покушеній чужихъ людей на ихъ собственность и назвали его, въ память побѣды, Чувашскимъ.

„Право рыболовства въ Уралѣ и въ Каспійскомъ морѣ— говоритъ авторъ, стр. 208 — распространяется не на всѣхъ уральцевъ: русскіе обыватели станицъ Илецкой и Сакмарской, точно такъ же, какъ и башкирцы, совершенно лишены этого участія войсковыми обычаями, имѣющими силу закона; право это присвоено только кореннымъ уральцамъ. Это происходитъ оттого, что Сакмарская и Илецкая станицы надѣлены отдѣльными нарѣзками земель лучшаго противъ всѣхъ качества. Они живутъ отдѣльно, занимаются хлѣбопашествомъ и другими сподручными промыслами и не несутъ — вотъ это-то и важно — всѣхъ тяжестей по выкомандированію казаковъ на внѣшнюю службу. Башкирцы не участвуютъ потому, что они еще слишкомъ недавніе присельщики, — калмыки и татары устранены оттого, что, при незажиточности своей, они не въ состояніи обзавестись всѣми нужными для рыболовства орудіями и снарядами“.

Все сказанное насчетъ илецкихъ и сакмарскихъ казаковъ и башкирцевъ въ этомъ случаѣ справедливо. Но что касается до калмыкъ и татаръ, то они нисколько не устранены отъ права рыбачить наравнѣ съ природными или, такъ сказать, кореннымъ уральцами, ни въ рѣкѣ, ни въ морѣ. — И калмыки, и татары, правда, мало или почти вовсе не рыбачатъ въ Каспійскомъ морѣ, исключая однако-жъ, Андаула Узбековича и чадъ его, гурьевскихъ жителей, потомковъ татарскихъ узбековъ. — Но это ихъ дѣло: они сами не хотятъ; имъ, живущимъ далеко отъ моря, несподручно заниматься морскимъ рыболовствомъ. Подобно имъ и большая часть кореннымъ казаковъ, какъ-то: съ верхней, средней дистанціи и съ Узеней не знаетъ, что такое море, или что такое „курхай“ и „аханы“. Но, рѣка Уралъ для всѣхъ открыта и доступна,

и для калмыкъ и для татаръ. Въ Уралѣ, особенно во время „багренья“, и калмыки, и татары, всѣ до единаго, сколько ихъ есть въ уральскомъ войскѣ, рыбачатъ, да какъ еще! Не даютъ переду кореннымъ казакамъ, особенно калмыки, чувствующіе, между прочимъ, сильную антипатію къ широколобымъ и узкоглазнымъ сомамъ, попадающимся часто на багры, вмѣсто бѣлугъ и осетровъ. Вотъ, какъ устранены они отъ права рыболовства!

Описывая негодность и безплодность земель уральскаго войска, г. Небольсинъ говоритъ (стр. 216), что „удабривать эти земли для усиленія растительности не представляется никакой возможности: навема нѣтъ. Скота и много у уральцевъ, много и навема, но это для уральца матеріалъ очень цѣнный. Это единственное его топливо и рисковать имъ для удобренія полей уральцу не подъ силу; а если что и останется безъ пользы на пастбищахъ, то перевозить навемъ за сотни верстъ тоже очень тяжело и не всегда возможно“.

Совершенная правда. Съ моей стороны, считаю нужнымъ и необходимымъ добавить, что и пробовали уральцы удабривать землю навемомъ, но удабриванье не помогло. Братья Кастерины, отличные домохозяева, жители Харкинскаго форпоста (на нижней дистанціи, почти что на половинѣ разстоянія между г. Уральскомъ и Гурьевомъ-городкомъ), нѣсколько лѣтъ сряду бились съ посѣвомъ хлѣба, не жалѣя ни трудовъ, ни расходовъ, но никакого толку не добились. Употребляли въ дѣло разными манерами и навемъ но результатъ выходилъ одинъ и тотъ же. Взойдетъ, бывало, съ весны превосходная съ виду пшеница, на четверть въ вышину выбѣжитъ, густая, зеленая, сердце, бывало, радуется — какъ говоритъ старуха Кастериха, смотря на благодать такую, — и вдругъ, какъ варомъ обдастъ: все увянетъ, высохнетъ и погоритъ. Причиной этому, кромѣ

солонцеватой почвы, казаки считаютъ, и не безъ основанія, жгучесть палящихъ лучей солнца и — тоже важная статья — отсутствіе росъ: на нижне-уральской линіи не знаютъ, что такое роса. Въ отношеніи хлѣбопашества, такая наша земелька несчастная, что хоть брось.

Общественное сѣнокошеніе у уральцевъ—говоритъ авторъ, стр. 217, — раздѣляется на два вида, на такъ называемый „валовой сѣнокосъ и на обвольку".

Къ этому слѣдовало бы прибавить, что обволька бываетъ раньше валоваго сѣнокоса. Впрочемъ, это не очень важно, а главное вотъ что:

Описывая образъ производства сѣнокошенія, г. Небольсинъ, между прочимъ, говоритъ:

„... Лица, принадлежащія къ войсковому сословію, обязываются или сами лично косить, или употреблять для того работниковъ, съ тѣмъ, однако-жъ, чтобы это были только иногородные, а отнюдь не коренные уральцы и не киргизы".

Страхъ, какъ невѣрно. Запрещено имѣть работниковъ только однихъ киргизовъ, а отнюдь не коренныхъ уральцевъ. И запрещеніе это распространяется только на г. Уральскъ и его округи, гдѣ доступенъ наемъ иногородныхъ, т. е., русскихъ крестьянъ, приходящихъ въ Уральскъ ко времени сѣнокоса, большими партіями—что, однако-жъ, замѣтимъ кстати, не мѣшаетъ брать имъ съ казаковъ въ три-дорога; напримѣръ, самая низшая цѣна работнику въ день 2 р., а временемъ бываетъ и 3 р. 50 к. — Въ другихъ же мѣстахъ уральской войсковой земли, куда мало заходятъ или почти вовсе не заходятъ иногородные, дозволяется нанимать и киргизовъ, и кого угодно. Что же касается до коренныхъ уральцевъ, то коренному уральцу рѣшительно не запрещается работать своими руками на другого уральца, если есть у

него охота и желаніе; только, не мѣшаетъ замѣтить, ни одинъ уралецъ не пойдетъ къ другому въ работники косить сѣно, потому что каждому уральцу, богачъ ли онъ или бѣднякъ, необходимо самому добыть стожокъ-другой сѣна, хоть для единственной своей строевой лошади или для женнной коровы.

А почему, вздумалось бы кому-нибудь спросить, запрещается въ г. Уральскѣ и его округахъ нанимать въ работники на сѣнокосъ киргизовъ? Это... гм!... какъ бы сказать... Это, изволите знать, матерія длинная и въ высшей степени скучная, ни для кого нелюбопытная и неинтересная: стало быть, я хорошо сдѣлаю, ежели умолчу о ней.

Г. Небольсинъ разсказываетъ (стр. 221), что уральцы питаютъ какое-то отвращеніе къ мелочнымъ торговымъ занятіямъ, въ томъ числѣ и къ ремесламъ; что въ цѣломъ г. Уральскѣ нѣтъ почти ни одного ни мастероваго, ни ремесленника изъ коренныхъ уральцевъ, что плотники, столяры, кожевенники, шубники, портные, сапожники — все это иногородныя лица. Что относится до этихъ ремеслъ— совершенная правда: казаки не занимаются ими, но не изъ пренебреженія, однако-жъ, или тѣмъ паче изъ отвращенія, а потому, что ремесла эти, сами по себѣ, не такъ прибыточныя, требуютъ усидчивости, неподвижности, что доступно только иногороднымъ и что несовмѣстно съ казачьей жизнью; короче сказать, игла да шило не прокормятъ казака и не обезпечатъ его для отбытія всѣхъ повинностей по войску *). Во всякомъ случаѣ, такъ ли сякъ ли, а казаки этими ремеслами не занимаются. Но или г. Небольсинъ забылъ сказать, можетъ быть, счелъ ненужнымъ говорить, или уральцы, которые передавали ему эти свѣдѣнія, упустили изъ виду сообщить ему, что между коренными казаками есть

---

*) Служащимъ казакамъ, не находящимся въ командировкѣ внѣ или внутри войска, приходится платить иные годы по 60—70 р. Ред.

отличные сѣдельные мастера или, такъ называемые, арчашники, т. е., люди, приготовляющіе для цѣлаго войска сѣдельныя деревяшки, или арчаки, мастера, которымъ нѣтъ соперниковъ изъ иногородныхъ. Мастерствомъ этимъ занимаются съ любовью, даже съ увлеченіемъ художника, не одно, а многія семейства на Уралѣ изъ природныхъ уральцевъ. Сѣдельное мастерство переходитъ, такъ сказать, по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ и доставляетъ мастерамъ большія выгоды. Лучшія и непортящія у лошади спины, притомъ красивѣйшія и изящнѣйшія, если можно такъ выразиться, сѣдла — это издѣліе самихъ казаковъ. Весьма подъ рѣдкимъ уральскимъ казакомъ на службѣ можно встрѣтить сѣдло не казачьей работы и такой казакъ, значитъ, ужъ плохой казакъ. Спроси казака: кто тебѣ дѣлалъ сѣдло? — Русаковъ! отвѣтитъ. — Тебѣ кто?— Арчашниковъ. — Тебѣ кто? — Ботовъ. — Тебѣ кто? — Калининъ и т. д. А всѣ эти Русаковы, Арчашниковы, Ботовы, Калинины — коренные уральцы. Развѣ это не ремесло?

А кто казакамъ дѣлаетъ бударки, или, какъ ихъ еще не то въ шутку, не то въ насмѣшку называютъ, душегубки? Сами казаки. Въ этомъ дѣлѣ казаки перещеголяютъ всякаго, не только плотника или столяра-маляра, но даже и корабельнаго мастера. Изъ многихъ тысячъ бударъ ни одной нѣтъ на Уралѣ такой, до которой бы, при окончательной отдѣлкѣ, касался топоръ или скобель посторонняго человѣка, а не казака. Въ дѣлѣ бударъ, этихъ нужно сказать, клино- или кинжалообразныхъ, чуть-чуть не летучихъ, лодочекъ, отличаются семьи коренныхъ уральцевъ, какъ-то Журавлевыхъ, Почиталиныхъ, Сладковыхъ и многихъ другихъ. А это развѣ тоже не ремесло?

Кромѣ того, въ прежнее не такъ давнее время, когда у казаковъ были во всеобщемъ употребленіи длинныя, тяжеловѣсныя, но мѣткія, какъ штуцера, турки да винтовки, много на Уралѣ было своихъ природныхъ мастеровъ-ружейниковъ. Цѣлыя семьи занимались и гордились этимъ,

можно сказать не мастерствомъ, а художествомъ. Но когда вышли изъ употребленія турки и винтовки, уступивъ мѣсто вновь введеннымъ сначала карабинамъ, а потомъ ружьямъ, новаго и легкаго калибра, ставящаго ихъ наравнѣ съ карабинами, ружейное мастерство упало: мастера совсѣмъ его бросили и обратились къ другимъ занятіямъ. Только оставшіяся послѣ нихъ фамиліи: Ружейниковъ, Винтовкинъ, напоминаютъ намъ, что и у насъ, у казаковъ, у полукочевыхъ народовъ, когда-то были свои превосходные ружейные мастера. Теперь во всемъ войскѣ только одинъ казакъ, почтенный и трудолюбивый Карташевъ, не оставляетъ ремесла, наслѣдованнаго отъ отца и съ честью подвизается на остаткахъ старинныхъ винтовокъ и турокъ. Винтовки и турки выходятъ изъ-подъ искусной руки Карташева такого достоинства, что хоть зажмурясь стрѣляй, разумѣется, охотникъ — пуля свое мѣсто найдетъ.

Были въ старину у казаковъ, кстати сказать, свои серебряныхъ дѣлъ мастера, занимавшіеся, впрочемъ, преимущественно хитрой насѣчкой оружія и сѣдельныхъ приборовъ. Но когда рыцарское щегольство вышло изъ моды, чеканная и серебряная работа уничтожилась; отъ казаковъ, которые занимались этимъ дѣломъ, остались только фамиліи Серебряковыхъ.

„Мѣсто домашней прислуги — между прочимъ, говоритъ г. Небольсинъ — занимаютъ (у уральцевъ) чады и домочадцы, но ни одинъ уралецъ, особенно женскій полъ, не пойдетъ изъ найма на личную послугу, въ служительскую должность“.

Между тѣмъ, прибавляю я, у каждаго мало-мальски зажиточнаго казака, не говоря о чиновникахъ, т. е., объ офицерахъ, найдется въ служителяхъ или русскій мужикъ, или татаринъ, или, наконецъ, киргизъ, иногда съ цѣлыми семьями. Вообще казаки любятъ, чтобы имъ услуживали, а сами услуживать не любятъ. Даже на службѣ не всякій казакъ идетъ охотно въ „драбанты“, т. е. въ денщики къ офицеру, что ужъ положено закономъ; и не потому пойдетъ,

чтобы служить было трудно, а потому, что званіе драбанта или денщика считаетъ унизительнымъ. „Съ какой это стати, говоритъ иногда казакъ казаку, стану я чистить сапоги да раскуривать трубки, развѣ я лакей? Я, по крайности, казакъ". Вотъ это—своего рода характеристическая черта всѣхъ природныхъ казаковъ.

Статья г. Небольсина оканчивается описаніемъ такъ называемой наемки, т. е. г. авторъ разсказываетъ о томъ, какимъ образомъ уральскіе казаки выставляютъ, посредствомъ найма (отсюда и названіе — наемка), изъ среды себя охотниковъ на государственную службу, въ полки и команды. Разсказъ г. Небольсина въ этомъ случаѣ вѣренъ, но, странное однако-жъ дѣло, онъ кажется мнѣ то слишкомъ длиннымъ, то очень короткимъ; длиннымъ кажется потому, что, кромѣ сущности предмета, наполненъ нѣкоторыми подробностями, въ иныхъ мѣстахъ не такъ удачно схваченными, безъ которыхъ можно бы было и обойтись; короткимъ потому, что нѣкоторыя изъ условій наемки ускользнули отъ вниманія автора — за что, конечно, онъ и самъ не можетъ поручиться — и не вошли въ разсказъ, отчего разсказъ теряетъ полноту или, такъ сказать, округлость свою.

Впрочемъ, о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, всѣхъ тончайшихъ подраздѣленіяхъ, всѣхъ, можно сказать, неуловимыхъ видоизмѣненіяхъ наемки, разсказать весьма трудно, по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ, чтобы разсказъ вышелъ и совершенно понятенъ для всѣхъ и притомъ не скученъ; для этого нужно написать цѣлые тома, — а кто ихъ станетъ читать?

Не вдаваясь въ длинныя и утомительныя для читателей сужденія я намѣренъ сказать и какъ можно короче, въ пополненіе свѣдѣній о наемкѣ, сообщенныхъ г. Небольсинымъ, слѣдующее.

Изъ разсказа г. Небольсина мы видимъ, что пятеро, напримѣръ, выставляетъ, т. е. нанимаетъ на службу изъ среды себя одного охотника; даже больше чѣмъ пятеро: десятеро, двадцатеро, тридцатеро выставляютъ одного. Дѣйствительно, такъ бываетъ, но не всегда. Только при незначительной выкомандировкѣ большое число выставляетъ одного. Напримѣръ, если изъ цѣлаго войска только сотня или полусотня казаковъ выкомандировывается на годъ, на два въ Казань или въ степь, на нѣсколько мѣсяцевъ, для прикрытія топографскихъ партій и т. п.,—тогда, правда, больше чѣмъ десять человѣкъ нанимаютъ одного. Но когда изъ войска спрашивается два, три комплектныхъ полка въ армію, — тогда ужъ не пятеро, а двое выставляютъ одного, или трое двоихъ, или пятеро четверыхъ, или одинъ одного, или же, наконецъ, — что не разъ бывало — одинъ двоихъ. Вотъ это обстоятельство немаловажное.

Отчего, — пожелаютъ, быть можетъ, знать любопытные, — происходитъ такой разительный контрастъ при наймѣ казаковъ на службу? — Причина тутъ, изволите видѣть натуральная и самая простая. Напримѣръ, за раскомандировкой казаковъ, во всемъ войскѣ остается ихъ налицо всего-на-всего три тысячи и вдругъ спрашивается куда-либо сотня казаковъ; тогда, понятно, одинъ идущій въ сотню казакъ приходится на тридцать человѣкъ и эти тридцать человѣкъ нанимаютъ или выставляютъ одного. Но если спросятъ не сотню, а тысячу казаковъ, тогда, натурально, на двоихъ падаетъ одинъ и двое одного нанимаютъ, а ежели двѣ тысячи спросятъ, тогда, слѣдовательно, одинъ выставляетъ двоихъ. Вотъ въ этомъ и весь разсчетъ.

Тяжело казакамъ, подумаютъ посторонніе, отправлять такимъ образомъ службу. Совсѣмъ не тяжело, скажу я: безъ наемки было-бъ тяжелѣе. Наемка есть учрежденіе полезнѣйшее, учрежденіе благодѣтельнѣйшее: при наемкѣ казакъ бываетъ исправнѣе, — а чего еще лучше надо? Наемка общей государственной службѣ казаковъ нисколько

не помѣха, какъ думаютъ нѣкоторые, и, разумѣется, ошибаются. Если бы, напримѣръ, случилась отечеству нашему надобность въ лишней горсточкѣ христолюбиваго воинства, если бы Державный Государь нашъ сказалъ казакамъ: „идите, сколько васъ есть!“ тогда... что бы тогда?... Да тогда только бы развѣ одни мертвые не встали изъ гробовъ: живые же всѣ, и старъ, и младъ!... Куда тутъ наемка — не до нея! прочь ее!... Тогда бы всѣ безъ наемки побросались на конь и помчались туда, куда указала-бъ Государева рука!...

Въ заключеніе всего, г. Небольсинъ говоритъ, что нигдѣ въ Россіи, сколько ему извѣстно, духъ общности и товарищества не выражается такъ рельефно и въ такихъ почтенныхъ размѣрахъ, какъ въ землѣ уральскихъ казаковъ. Къ словамъ г. Небольсина, дышащимъ въ этомъ случаѣ чистѣйшей истиной — видите ли, г. авторъ, я умѣю отдать справедливость истинѣ — считаю нужнымъ прибавить, что этотъ духъ общности и братства, даже самое благосостояніе уральскихъ казаковъ, зиждется, такъ сказать, на наемкѣ и наемкой поддерживается.

За всѣми, однако-жъ, невѣрностями, на которыя я указалъ и которыя, по возможности, старался исправить, статья г. Небольсина, напечатанная въ „Вѣстникѣ“,—все-таки статья прекрасная въ полномъ смыслѣ слова. Я читалъ и перечитывалъ ее съ удовольствіемъ. Съ удовольствіемъ прочтутъ ее и всѣ мои земляки, уральцы. Авторъ ея можетъ быть увѣренъ, что всѣ уральцы останутся благодарными и признательными къ его труду, во всѣхъ отношеніяхъ добросовѣстному. Напротивъ, другая статья „Уральцы“, помѣщенная въ „Библіотекѣ для Чтенія“, произведетъ,—за это ручаюсь, въ читателѣ-уральцѣ, особенно въ читательницѣ-уралкѣ, чувство въ высшей степени непріятное, чтобы не сказать до крайности невыносимое. Достоинство этой статьи такъ же неоспоримо,

но оно—думаю, авторъ этого и не подозрѣвалъ—если не совсѣмъ, то отчасти помрачается остротой, сорвавшейся, быть можетъ, невзначай съ пера сочинителя, въ словахъ: девятая пуговка.—„Девятая пуговка“, въ отношеніи къ красотамъ статьи г. Небольсина, то же, что, по пословицѣ: ложка дегтю къ кадкѣ меду.

Теперь о статьѣ „Уральцы“, въ которую такъ не кстати, такъ невпопадъ замѣшалась „девятая пуговка“, я ничего не скажу, а дождусь конца ея,—тогда ужъ за-одно укажу и на другія ея ошибки.

II.

Скажемъ теперь объ „Уральцахъ“, т. е. о другой статьѣ г. Небольсина, начатой въ 4-мъ, а конченной въ 5-мъ № „Библіотеки для Чтенія“.

Въ видѣ вступленія, г. Небольсинъ статью эту начинаетъ съ того, что минувшимъ лѣтомъ въ Петергофѣ у Монплезира прогуливалась дама, довольно въ необыкновенномъ для Петербурга нарядѣ. Не столько странностью костюма, сколько пышной и очень длинной, почти во весь станъ, косой незнакомка обращала на себя особенное вниманіе гуляющихъ *). Петербургскіе кавалеры и дамы приняли незнакомку за иностранку. Пошли, разумѣется, толки и догадки. Одни говорили, что это должна быть испанка, другіе—турчанка, третьи—иллирійка, славонка, черногорка, и т. п. Богъ знаетъ, какихъ не надавали именъ незнакомкѣ и Богъ знаетъ, къ какимъ не причислили ее націямъ. Наконецъ, одинъ господинъ, по желанію дамъ, подошелъ къ незнакомкѣ, чтобы узнать, разумѣется, кто она такова, и завелъ съ нею разговоръ наугадъ по-русски. Что-жъ оказалось? Да то, чего никто не ожидалъ, о чемъ никто не думалъ: незнакомка, общимъ мнѣніемъ принятая за иностранку, была чисто-русская, донская казачка, т. е. донечка (а г. Небольсинъ называетъ „дончиха“) съ Дону, съ Нижнихъ-Чировъ.

Затѣмъ г. Небольсинъ пускается въ сужденіе, изъ коего мы должны уразумѣть слѣдующее: что коренному петербургскому жителю нельзя было въ незнакомкѣ сразу узнать дон-

---

*) Точно такъ же, вѣрно, какъ мы, казаки, удивляемъ теперь своимъ папахомъ москвичей. Кстати о папахахъ. Папахи недавно даны казакамъ (армейскимъ) вмѣсто прежнихъ высокихъ киверовъ, довольно неудобныхъ и непокойныхъ. Папахъ же вещь препокойная, преотличная; лучше папаха ни одна шапка не пристанетъ къ казаку. Получивъ папахи, казаки возрадовались, какъ дару небесному, особенно казаки того войска, у котораго голубое сукно замѣнено малиновымъ. Авт.

ской казачки не только по одному типическому ея наряду, но даже и послѣ того, какъ казачка назвала мѣсто своего жительства, Нижніе-Чиры,—господинъ, говорившій съ казачкой, изволите видѣть, и тогда не призналъ ее за казачку, когда она назвала Нижніе-Чиры: нужно было сказать, какъ и сдѣлала казачка, что родина ея Донъ, все это натурально,— что отечество наше, продолжаетъ разсуждать авторъ, слишкомъ громадно, что изучить его изъ конца въ конецъ, т. е. узнать, гдѣ, въ какомъ уголкѣ Россіи обитаютъ какіе народы, чѣмъ они занимаются и во что одѣваются—нѣтъ возможности: самая-де громадность нашего отечества исключаетъ всякую возможность окинуть его сразу однимъ взглядомъ, разумѣется, умственнымъ; что при огромности разстояній, при разности въ климатѣ и почвѣ, при разноплеменности населенія, нельзя въ наше время имѣть мало-мальски стройное описаніе, изъ котораго можно бы удовлетворительно узнать Россію, и прочее, и прочее, въ этомъ же родѣ.

Правда, сущая правда. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора въ этомъ отношеніи, никакъ нельзя усомниться въ истинѣ сказаннаго: это, повторю, правда, правда и правда. Извинительно, не только петербуржцу, живущему на краю Россіи и смотрящему больше на западъ, но даже и жителю внутреннихъ губерній не знать со всею подробностью о народахъ, обитающихъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ нашего обширнаго отечества, т. е. извинительно оставаться въ невѣдѣніи о своей братьѣ, о своихъ соотечественникахъ, насчетъ того, какъ эти соотечественники, отдѣленные отъ него десятками тысячъ верстъ, живутъ въ домашнемъ быту, чѣмъ они занимаются и промышляютъ, во что одѣваются и что ѣдятъ и т. п. Это дѣйствительно дѣло трудное: изучить всего этого нельзя. Но никому изъ русскихъ, по крайней мѣрѣ изъ класса людей читающихъ, непростительно не знать общій составъ Россіи, непростительно не знать, по крайней мѣрѣ, гдѣ живутъ чисто-русскіе и гдѣ иноплеменники, гдѣ жители имѣютъ осѣдлость и гдѣ они кочуютъ, гдѣ говорятъ русскимъ языкомъ и гдѣ иноплеменнымъ; потому непростительно, что

кромѣ исторій, кромѣ литературныхъ разсказовъ, любая географія дастъ объ этомъ если ужъ не точное, не совершенное, то, по крайней мѣрѣ, близкое понятіе. Но есть люди, для которыхъ матушка-Россія остается страной невѣдомой, какъ Поднебесная имперія.

Далеко за примѣромъ ходить не для чего; скажемъ о казакахъ—а все казачье населеніе, замѣтьте, не малочисленное, не иноплеменное, не чуждое Россіи,—оно чисто-русское, русское душой и тѣломъ; но имѣетъ ли большинство русской публики—я разумѣю читающій классъ людей— прямое и истинное понятіе о казакахъ, о теперешнихъ казакахъ? Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. Только по слуху, по общей молвѣ знаютъ напримѣръ москвичи, пожалуй, и петербуржцы и другіе, что есть въ Россіи казаки, образовавшіеся изъ вольницъ старыхъ временъ, но знаютъ, такъ-сказать, „шиворотъ-на-выворотъ". Доселѣ многіе смотрятъ на казаковъ, какъ на вольницу, какъ, съ позволенія сказать, на дикарей и разбойниковъ; но не хотятъ знать, не хотятъ вообразить, что времена вольности прошли, что казаки никогда не были дикарями, а тѣмъ паче разбойниками,—не хотятъ подумать о томъ, что самая вольница казацкая старыхъ временъ была не въ полномъ смыслѣ разбойничья: она, такъ-сказать, представляла собой проявленіе гордаго духа русскихъ, не хотѣвшихъ склониться подъ ярмомъ татарскаго ига. Конечно, не безъ грѣха были казачьи предки, но потомки ихъ ужъ не тѣ: отторженные стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ отъ родного своего отечества, казаки снова, и уже давно, присоединились къ Россіи и опять вошли въ составъ ея. Въ этомъ отношеніи нельзя даже сказать, чтобы казаки сродились съ Русью; имъ не было надобности родниться съ нею: они и безъ того, вѣрой и языкомъ, душой и тѣломъ, нравомъ и обычаями—русскіе. Какъ же послѣ этого не знать казаковъ?

Оставимъ въ сторонѣ мѣстную одежду, обычаи и нравы казаковъ, ихъ частныя занятія и промысла, ихъ образъ жизни; оставимъ въ сторонѣ всѣ подробности и мелочи до-

машняго казачьяго быта: это дѣло дѣйствительно малодоступное, трудное,—на все это нужны книги да исторіи, повѣсти да разсказы, а гдѣ все это взять? Да и достанетъ ли терпѣнія у посторонняго человѣка читать то, что ужъ написано о казакахъ? Это въ порядкѣ вещей. Но скажемъ вотъ о чемъ: простительно ли русскому дворянину, русскому помѣщику, русскому человѣку, читающему, слѣдовательно и мыслящему, человѣку, вращающемуся если не въ высшемъ, то въ среднемъ обществѣ просвѣщенной русской публики,—простительно ли, говорю, такому человѣку не знать, что донскіе казаки живутъ на Дону, а уральскіе на Уралѣ,—что рр. Донъ и Уралъ двѣ вещи разныя,—что Донъ въ своемъ мѣстѣ, а Уралъ въ своемъ, что какъ на Дону, такъ и на Уралѣ казаки живутъ осѣдло, а не перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто? Кажется, непростительно и неизвинительно. Между тѣмъ, я встрѣчалъ сотни людей, которые почти и этого не знаютъ.—Ну, на что это похоже?

Вотъ вамъ примѣръ, не вымышленный, а истинный: готовъ побожиться въ томъ.

Съ недѣлю тому назадъ, я, пишущій эти строки, былъ въ магазинѣ офицерскихъ вещей Живаго. Туда же пришелъ одинъ господинъ въ ополченскомъ кафтанѣ, господинъ, замѣтьте, пожилыхъ лѣтъ, солидной и дородной наружности, украшенный сѣдинами и орденами.

— Не изъ Крыма ли вы? —спросилъ меня ополчанинъ

Моя огромная, какъ палашъ, шашка на серебряномъ черезъ плечо галунѣ, а пуще, догадываюсь, косматый папахъ, который я примѣривалъ передъ зеркаломъ, дали поводъ ополчанину принять меня за прибывшаго изъ дѣйствующей арміи.

— Нѣтъ, я, къ сожалѣнію моему, не имѣю счастія и удовольствія служить въ дѣйствующихъ войскахъ,—отвѣчалъ я.

— Гдѣ-жъ вы служите?

— Здѣсь, въ Москвѣ, въ полку.

— Вы казакъ?

— Точно такъ.

— Донской?

— Нѣтъ, уральскій.

— А!—произнесъ ополчанинъ, пристально посмотрѣвъ на мой костюмъ.

Мои малиновые лампасы на шароварахъ, малиновый кушакъ и малиновый выпускъ на папахѣ бросились въ глаза ополчанину, видавшему, вѣроятно, когда-нибудь донцовъ, у которыхъ выпушка и все прикладное сукно на мундирахъ алое и ополчанинъ принялъ меня сначала за донца. Потомъ черезъ минуту онъ снова обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Гдѣ ваши квартиры?

Я, разумѣется, счелъ, что ополчанинъ желаетъ знать, гдѣ квартира казачьяго полка, служащаго въ Москвѣ.

— Квартиръ постоянныхъ,—сказалъ я,—въ Москвѣ казаки не имѣютъ; казаки, гдѣ одинъ, гдѣ два, разсѣяны по всей Московской губерніи и разобраны по рукамъ городничихъ, исправниковъ, становыхъ...

— Не то, не то,—прервалъ меня ополчанинъ.

Я подумалъ, что онъ желаетъ знать, гдѣ штабъ полка.

— А полковой штабъ здѣсь, въ Москвѣ.

— Нѣтъ, не то, не то!—опять возразилъ ополчанинъ.

Я наконецъ былъ въ затрудненіи, не зналъ, чего хочется ополчанину. Но онъ вскорѣ вывелъ меня изъ затрудненія, поставивъ еще въ большее.

— Я спрашиваю о томъ,—прибавилъ онъ:—гдѣ ваши квартиры на Уралѣ-то?

Странный и дикій вопросъ: гдѣ квартиры у казаковъ на Уралѣ? Но дѣлать нечего; съ досадой, признаюсь, я долженъ былъ разсказать ополчанину, что на Уралѣ у казаковъ не квартиры, а свои дома, свои земли, свои угодья, свои города, крѣпости, селенія или станицы—словомъ, у казаковъ на Уралѣ жизнь осѣдлая.

— А!.. гм!..—былъ отвѣтъ ополчанина.

Гм!.. подумалъ я, отходя въ сторону въ то время, какъ ополчанинъ сталъ торговать широкій золотой галунъ на по-

гоны къ шинели и темлякъ на орденской лентѣ.—Ополчанинъ же ты, думаю самъ про себя, а не знаешь, за кого ополчаешься, т. е. не знаешь своего отечества настолько, насколько можно знать всякому мало-мальски грамотному человѣку, а тѣмъ болѣе гдѣ-либо и когда-либо учившемуся. Ежели ужъ тошно или некогда, въ подрывъ висту, заглядывать въ русскую исторію, то, по крайней мѣрѣ, прочиталъ бы первую главу изъ „Пугачевскаго бунта“ Пушкина: изъ нея бы понялъ, что уральскіе казаки живутъ, какъ и всѣ православные міряне, а не квартируютъ на Уралѣ. Или бы взглянулъ въ „Географію“ Арсеньева и въ ней бы нашелъ фразу въ родѣ слѣдующей: „Уральскъ на р. Уралѣ, главный городъ уральскихъ казаковъ“.

Поди да и толкуй съ такимъ народомъ: для него безполезны всякія описанія о Руси,—ему подавай разсказы о Римѣ, о Парижѣ, и о разныхъ разностяхъ заграничныхъ.

Но разговоръ нашъ этимъ не прекратился. Ополчанинъ, приладивъ орденскій темлякъ къ эфесу сабли, снова заговорилъ со мной; я, къ сожалѣнію, не успѣлъ еще выйти изъ магазина.

— А гдѣ квартируютъ атаманцы?—спросилъ онъ меня.

Атаманцы, надо сказать, донскіе казаки, или, правильнѣе, полкъ донцовъ, служащій въ Петербургѣ и носящій на себѣ названіе атаманскаго,—названіе, которымъ храбрые донцы удостоены въ память или въ ознаменованіе того, что Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ—Августѣйшая особа, Наслѣдникъ Государь-Цесаревичъ.

Вопросъ, сдѣланный мнѣ ополчанномъ, повидимому, очень простъ,—но, въ сущности, тоже очень страненъ. Ополчанинъ, какъ послѣ оказалось, не зналъ, что атаманцы суть донцы; онъ считалъ атаманцевъ казаками особаго какого-то войска.

Зная ужъ отчасти, съ кѣмъ имѣю дѣло, и предполагая, что, можетъ быть, ополчанинъ хочетъ знать, гдѣ, по случаю войны, теперь находится атаманскій полкъ, я вмѣсто отвѣта предложилъ ополчанину вопросъ:

— Вамъ что угодно знать: гдѣ теперь квартируютъ атаманцы, или гдѣ они живутъ, т. е. гдѣ ихъ родина?

— Да, да, гдѣ ихъ родина?

Изъ уваженія къ сѣдинамъ и чину ополчанина, я не смѣлъ выказать явно своего удивленія, но меня невольно какъ-то подернуло, и, какъ помню, я сдѣлалъ даже кажется гримасу.

— Атаманцы живутъ на Дону,—сказалъ я:—это тѣ же самые донцы, только полкъ называется атаманскимъ, подобно тому, какъ другіе казачьи полки называются по нумерамъ.

Тутъ я разсказалъ ополчанину, что такое значитъ атаманскій полкъ.

— А!—отозвался ополчанинъ и потомъ спросилъ:—а лейбъ-казаки донцы же, что ли?

— Донцы же; только полкъ ихъ, принадлежа къ составу нашей гвардіи, называется лейбъ-казачьимъ полкомъ.

— А!...

Хорошо, хоть сознается, что ничего не знаетъ. Извольте толковать съ такими людьми,—весьма пріятно. Ежели ужъ ополчанинъ не читалъ ничего литературнаго—я разумѣю литературу русскую—то навѣрное, думаю, заглядывалъ въ „памятную книжку". И въ „памятной книжкѣ" всѣ казачьи войска поименованы. Какъ же послѣ того атаманцевъ считать за особое, за отдѣльное казачье войско и спрашивать, гдѣ ихъ родина? Но ополчанинъ, должно быть, „пустяками не занимается", или, по пословицѣ, „мелко не крошитъ".

И еще кой-что было говорено о казакахъ въ этомъ же родѣ. Ополчанинъ показался мнѣ выходцемъ съ луны и своимъ рѣшительнымъ незнаніемъ о казакахъ рѣшительно вывелъ меня изъ терпѣнія. Я наконецъ поспѣшилъ уйти изъ магазина.

Вотъ есть какіе господа. И невѣдѣніе ихъ не можетъ быть оправдываемо громадностью нашего отечества: какъ ни громадно оно, но все-таки мы можемъ знать и вѣдать, хоть сколько-нибудь, о томъ, гдѣ живутъ русскіе, гдѣ живутъ татары, гдѣ кучуютъ киргизы, и т. п.—А что выйдетъ, спра-

шивается, если гг. писатели-туристы станутъ описывать вещи на свой ладъ, какъ вздумается, а не такъ, какъ вещи эти есть на самомъ дѣлѣ? Объ этомъ, конечно, исторія умалчиваетъ. Но тысячу извиненій за отступленіе. Впрочемъ, это мое, въ своемъ родѣ, вступленіе. Обращаюсь къ статьѣ г. Небольсина.

Послѣ вышеприведеннаго сужденія, или тоже своего рода вступленія, г. Небольсинъ начинаетъ рѣчь свою прямо объ уральцахъ.

„Хорошо, безподобно, думаю; дѣло доброе, полезное, дѣло славное. Не всѣ же у насъ такіе господа, каковъ ополчанинъ, о которомъ только-что я говорилъ; найдутся, конечно, люди, которые съ любопытствомъ и интересомъ прочтутъ разсказъ г. Небольсина. Думаю и то, что если бы случилось уральской казачкѣ въ своемъ національномъ и современномъ костюмѣ прогуляться тамъ, гдѣ прогуливалась и донская казачка, породившая насчетъ себя столько толковъ, то петербургскіе кавалеры и дамы, прочитавъ статью г. Небольсина, не станутъ теряться въ догадкахъ, не станутъ ломать головы, не примутъ уралку за турчанку или гречанку, а ясно и положительно будутъ знать, что это уралка“.

Я такъ думалъ, но, къ сожалѣнію, крѣпко ошибся.

Замѣтить слѣдуетъ, что типическую, можно сказать, характеристическую особенность уральцевъ составляетъ своеобразный костюмъ уралокъ, костюмъ, подобнаго которому нигдѣ, кажется, ни въ какомъ царствѣ нѣтъ. Описывая разныя разности, а главное, занятіе и преимущественно рыболовство уральцевъ, г. Небольсинъ, какъ подобаетъ разсказчику, знакомящему публику съ людьми невѣдомыми, между прочимъ, описалъ или, пожалуй, нарисовалъ и нарядъ уралокъ,—нарисовалъ очень подробно, даже картинно,—но, въ чемъ и бѣда-то, весьма невѣрно: описаніе одежды уралокъ страшнымъ образомъ грѣшитъ противъ современности, противъ даже истины; просто, изъ описанія этого выходитъ, съ позволенія сказать, путаница, приправленная вдобавокъ чѣмъ-то злымъ въ образѣ „девятой пуговки“.

Начнемъ съ главнаго, съ сарафана.

„Объ уральскомъ сарафанѣ—говоритъ авторъ, (стр. 122, № 4, Библ. для Чтен.)—можно себѣ составить понятіе по тѣмъ сарафанамъ, въ которые у насъ иногда наряжаютъ кормилицъ, съ тою только разницею, что сарафанъ дѣлается съ очень высокимъ, до самаго горла, лифомъ и съ тальей, которая опоясывается золотымъ или жемчужнымъ пояскомъ съ длинными кистями". Тутъ что-то не такъ, тутъ что-то непонятно. Лифъ, по словамъ автора, до самаго горла, потомъ является талья,—а гдѣ юбка? Рѣшительно растеряешься въ соображеніяхъ. У сарафана нѣтъ ни лифа, ни тальи: сарафанъ одна сплошная масса матеріи, окутывающая весь станъ уралки, отъ самой шеи вплоть до-полу. Представьте себѣ кругъ матерії, въ буквальномъ смыслѣ слова кругъ, въ центрѣ круга отверстіе для головы, а по сторонамъ этого отверстія два выема для рукъ; потомъ вообразите, что матерію эту накинетъ на себя казачка, просунувъ, разумѣется, и голову, и руки въ выемы,—тогда матерія, удержась срединой на плечахъ казачки, спадетъ всей массой до самаго полу, и, сложась въ безчисленное множество складокъ, окутаетъ весь станъ уралки: вотъ вамъ и сарафанъ. А гдѣ тутъ лифъ, гдѣ талья? Разбирай-же.

Ежели казачкѣ вздумается подпоясаться, то само собой образуется и талья, и лифъ, а безъ того, т. е. ежели казачка не подпояшется, какъ казачки сплошь и рядомъ ходятъ въ домашнемъ быту, ни тальи, ни лифа не знать бываетъ. Покрой сарафана, какъ уже сказано, очень простъ, проще покроя какого-нибудь балахона, ну, просто-на-просто халата; отъ халата онъ отличается только непомѣрной своей широтой, красивой драпировкой, да еще тѣмъ, что у сарафана нѣтъ спереди разрѣза, т. е. нѣтъ полъ; а развѣ у халата есть и лифъ, и талья? Кажется, нѣтъ. Но, впрочемъ, все это, по моему, пустяки. Чтобы въ самомъ дѣлѣ дать точное понятіе о сарафанѣ уральскихъ казачекъ, нужно непремѣнно нарисовать портретъ уралки, а безъ того, что ни говори, постороннему трудно составить объ немъ точное понятіе; примѣ-

ромъ этому служитъ описаніе г. Небольсина.—Да вѣдь особенной, кажется, и нужды-то въ этомъ не предвидится.

„Сарафанъ—продолжаетъ авторъ—у шеи, по подолу, и не кругомъ, а только спереди и вдоль стана обшивается въ два ряда золотымъ или серебрянымъ, глядя по цвѣту матеріи, кружевомъ или позументомъ (такъ), съ нѣсколькими по немъ (нужно было сказать, между позументами, т. е. по остающемуся между позументами процвѣту сарафанной матеріи) металлическими блестящими пуговицами (такъ, дѣйствительно, такъ), изъ которыхъ такъ-называемая „девятая пуговка“ (и у г. Небольсина поставлены вносные знаки) обыкновенно бываетъ крупнѣе и богаче другихъ“.

Но вотъ это ужъ, съ позволенія сказать, вздоръ, чистѣйшій вздоръ — это голая неправда, вопіющая неправда. Съ тѣхъ поръ, какъ уральцы стали себя помнить, — съ тѣхъ поръ, какъ уралки стали носить сарафаны — а это теряется въ глубокой для насъ старинѣ, — съ тѣхъ поръ до нашихъ временъ ни одна уралка не нашивала, ни одна уралка теперь не носитъ и, безъ сомнѣнія, ни одна уралка никогда не будетъ носить сарафана съ крупной „девятой пуговкой“, — потому что, во-первыхъ, „девятая пуговка“ какъ бы ни была крупна и богата, не придастъ ни сарафану, ни уралкѣ ни вида, ни красоты, кромѣ развѣ одного безобразія, а во-вторыхъ, выраженіе или фраза: „девятая пуговка“ есть ни больше, ни меньше, какъ синонимъ остроты, двусмысленности, но такой двусмысленности, что отъ одного намека ея любая уралка не можетъ не покраснѣть.

Въ первой моей статьѣ по этому поводу (Москв. № 7) я сказалъ уже, что г. авторъ, говоря о „девятой пуговкѣ“, повторилъ тѣмъ самымъ каламбуръ ребятъ-казачатъ. Здѣсь же я долженъ сказать вотъ что: этотъ каламбуръ, или, правильнѣе, эта весьма неделикатная двусмысленность сносна только въ устахъ казаченка, когда онъ вздумаетъ пустить ее въ ходъ въ кругу своихъ товарищей; но и казаченокъ, замѣтьте, при этомъ случаѣ соблюдаетъ крайнюю осторожность, чтобы остроту его не слыхали дѣвушки; иначе остро-

та его принимаетъ видъ слишкомъ грубый... пошлый; тогда за остроту эту, если она коснется слуха женщинъ, крѣпко достанется или ушамъ, или волосамъ, или бокамъ казаченка отъ руки отца, матери или другого какого старшаго лица. — На Уралѣ, смѣю увѣрить всѣхъ и каждаго, исключая, разумѣется, автора, котораго не считаю нужнымъ увѣрять, потому что онъ, вѣроятно, и самъ хорошо сознаетъ свою неумѣстную выходку, — на Уралѣ, говорю, ни одинъ мало-мальски порядочный казакъ не дозволитъ себѣ намекнуть о „девятой пуговкѣ“ въ присутствіи женщинъ, зная, что фраза эта сильно оскорбитъ слухъ цѣломудренныхъ казачекъ. — А г. Небольсинъ, мы видимъ, слова эти примѣнилъ къ дѣлу и печатно выдалъ ихъ за истину. Съ чѣмъ это сообразно — понять не могу. Что къ „оному“ побудило г. автора — тоже понять не могу.

Сначала я подумалъ, признаться, что г. Небольсинъ одержимъ страстью острить: какихъ вѣдь нѣтъ болѣзней на вольномъ свѣтѣ? Но потомъ, долго думая и припоминая все, нѣкогда мною читанное, вспомнилъ разсказъ объ „уральскомъ казакѣ“ одного почтеннаго литератора, именно В. И. Даля, и тутъ-то ужъ догадался, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ, — тутъ-то постигъ всю премудрость и замысловатость сказаннаго г. Небольсинымъ насчетъ „девятой пуговки“.

Въ сороковыхъ, кажется, годахъ или немного раньше, хорошенько не припомню, г. Даль, разсказывая что-то объ уральцахъ, выразился, что уралки шьютъ сарафаны на себя съ отборной девятой пуговицей, и для большей вразумительности приложилъ къ тексту виньетку. На виньеткѣ, сколько припомнить могу, изображена была уралка, дѣвушка въ сарафанѣ, плетущая косу и стоящая лицомъ къ читателю. Первое, что кидалось въ глаза при взглядѣ на виньетку, это — огромная противъ другихъ пуговица на сарафанѣ, отъ воротника ниже девятая по счету. А всѣхъ пуговицъ, слѣдуетъ замѣтить, нашивается на сарафанѣ, отъ воротника до самаго подолу, восемнадцать или двадцать штукъ, въ равномъ одна отъ другой разстояніи.

Дѣло прошлое, говорить теперь о пуговицѣ г. Даля было бы не кстати: это случилось такъ давно. Тогда на Уралѣ не очень много было читающихъ, а уралки почти что не заглядывали въ книги. — Но, за всѣмъ тѣмъ не могу, однако-жъ, умолчать, что и разсказъ В. И. Даля, несмотря на глубокое уваженіе, которое питали и питаютъ уральцы къ особѣ этого писателя, былъ принятъ на Уралѣ не совсѣмъ-то благосклонно; я это хорошо помню, — и все-таки изъ-за этой девятой пуговицы.

Я помню ропотъ уральцевъ, возбужденный „девятой пуговицей". Вотъ, что говорили тогда уральцы: „Эхъ, Владиміръ Ивановичъ, Владиміръ Ивановичъ! Что васъ побудило осмѣять, опозорить насъ безвинно?... Развѣ вы не знаете, что „девятая пуговица" мнѣ, непристойность?..."

И вотъ, г. Небольсинъ, посвящая статью свою В. И. Далю, взялъ, между прочимъ, изъ разсказа его, для полноты, вѣроятно, „отборную пуговицу", да и перетащилъ въ свой, переименовавъ, однако-жъ, чтобы не скоро, должно быть, узнали, въ „пуговку". Подвигъ — что и говорить — достославный, вполнѣ достоинъ автора „Разсказовъ проѣзжаго" и другихъ умныхъ и дѣльныхъ сочиненій, которыя я всегда читалъ съ удовольствіемъ. Заимствовать только можно дѣльное, а отнюдь не пустяки. Не помню, когда-то давно, я читалъ разсказъ одного господина-путешественника объ уральцахъ. Авторъ, должно быть, забавникъ былъ и весельчакъ: говоря о нравахъ уральцевъ, въ особенности уралокъ, онъ, между прочимъ, выразился такъ: „женщины здѣшнія, (т. е. уралки), кажутся съ перваго взгляда неприступными..." Больше ничего не сказалъ, но зато выставилъ цѣлый рядъ точекъ, ясно говорящихъ, что хотѣлъ сказать старинный писатель. Странно, что онъ отозвался такъ только о казачкахъ: будто ужъ женщины — не вездѣ женщины. — Недоставало г. Небольсину перетащить вотъ эту замысловатую фразу въ свой разсказъ, который бы оттого получилъ еще больше правильности, полноты и ясности. Заимствуя изъ разсказа г. Даля пуговицу или „пугов-

ку", — все равно, — г. Небольсинъ, какъ догадываюсь, подумалъ, вѣроятно, что прошло, дескать, одному, — то, безъ сомнѣнія, пройдетъ и ему, — но забылъ, должно быть, поговорку: „что одному сойдетъ съ рукъ, того другому не скачать и съ ногъ". Какъ бы это упустить изъ виду — не понимаю. Видно, не мимо идетъ пословица: „на всякаго мудреца довольно простоты".

Если бы г. Небольсинъ писалъ объ уральцахъ только по слуху да по книгамъ, — то „девятую пуговку" можно бы было ему простить и извинить. Хотя и говорится, что „не всякому слуху вѣрь" и „не все то свято, что въ книгу вмято", — но за всѣмъ тѣмъ, куда ни шло, все-таки можно бы извинить г. автора за ошибку. Но, такъ какъ онъ недавно два раза посѣщалъ Уралъ, видѣлъ тамъ уралокъ въ ихъ сарафанахъ, а „девятой отборной пуговки" не видалъ, да и видѣть не могъ, потому что такой „страшной оказіи", такой „диковинной вещи" тамъ нѣтъ, — то выходку его, воля ваша, ничѣмъ нельзя оправдать. Если бы г. Небольсинъ даже не имѣлъ никакого уваженія къ уральцамъ — чего я никакъ, однако-жъ, не допускаю, — то изъ уваженія къ самому себѣ, изъ уваженія къ своей авторской извѣстности, изъ уваженія къ истинѣ, не долженъ бы былъ, кажется, въ разсказы свои втирать вещи ложныя, а тѣмъ болѣе неприличныя. Такъ думаю я, а какъ объ этомъ думаетъ г. авторъ—не знаю, не вѣдаю, это дѣло его, а не мое; по пословицѣ: всякъ Еремей про себя разумѣй. Скажу только вотъ о чемъ, что статью г. Небольсина сначала станутъ читать и уралки — нынѣ, благодареніе Господу-Богу и уралки читаютъ, хотя цыгарнаго дыма и избѣгаютъ, — но, да будетъ извѣстно и вѣдомо автору, не прочтутъ до конца: лишь только дойдутъ до того мѣста, гдѣ описывается костюмъ ихъ, тотчасъ же бросятъ, съ презрѣніемъ бросятъ, и самую „Библіотеку", въ которой она напечатана и которая, конечно, нисколько въ томъ не виновата.

Быть можетъ, найдутся люди, которые, пожалуй, осудятъ меня за излишнюю горячность, съ которой я опровер-

гаю это, повидимому, ничтожное или неумышленное, но въ сущности слишкомъ злое выраженіе автора насчетъ казачекъ. Чтожъ? Пусть будетъ такъ. Пусть судятъ меня, но я суда этого не боюсь: я правъ, на моей сторонѣ слово: „уралецъ". Моя мать носила, мои сестры носятъ сарафаны: а можетъ ли сынъ и братъ смолчать, когда въ глаза, печатно, вздумалось бы кому-нибудь, хоть напримѣръ г. Небольсину, даровитому и ученому писателю, смѣяться такъ грубо, такъ пошло надъ его матерью, надъ его сестрами?

„Рукава у параднаго сарафана — для чего было и говорить параднаго: всѣ сарафаны одного покроя, — говоритъ авторъ, — бываютъ и кисейные, и матерчатые?" Вотъ, ужъ неправда: у сарафана не бываетъ рукавовъ. Это рукава рубахи, выходящіе сквозь проймы сарафана, а сарафанъ, какъ мужской жилетъ — вещь безрукавная. Но, можетъ быть, авторъ не хотѣлъ упоминать имя рубахи: неделикатно, дескать, слово „рубаха", какъ, дескать, можно! А „девятая пуговка" деликатно что ли? У всякаго, вѣрно, свой взглядъ, свое понятіе. Дѣло, дѣло, — что и толковать.

„Замужнія дамы — говоритъ авторъ, на той же 122 стр., только выше, — носятъ „волосники", подъ которые запрятываютъ свою косу — двѣ косы, нужно замѣтить — или „сороки". „Сорока — это головной уборъ въ родѣ тюрбана или кокошника, но онъ къ затылку нѣсколько возвышается". Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе „сороки", унизанной жемчугомъ и украшенной драгоцѣнными камнями. Читая это описаніе, невольно подумаешь, что г. Небольсинъ видѣлъ уралку въ „сорокѣ" и рисовалъ съ нея портретъ, такъ вѣрно описаніе „сороки"; но въ томъ-то и бѣда, что онъ уралки въ „сорокѣ" не видывалъ: лѣтъ двадцать какъ „сороки" вышли изъ моды, т. е., изъ употребленія. Теперь исходи хоть изъ конца въ конецъ всю землю уральскихъ казаковъ — нигдѣ не встрѣтишь ни одной казачки, которая бы щеголяла въ „сорокѣ", — точно такъ, какъ не встрѣтишь ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ иномъ какомъ городѣ русской боярыни, по нынѣшнему дамы, аристократ-

ки, которая бы одѣвалась такъ, какъ одѣвались ея прабабушки, жившія при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Зачѣмъ было говорить, что уралки носятъ „сороки“? Это страшный, можно сказать, анахронизмъ. Въ старину носили наши казачки „сороки“ — правда, но теперь не носятъ, рѣшительно, не носятъ.

Г. Левшинъ, писавшій объ уральскихъ казакахъ въ 1821 году *), говорилъ о „сорокахъ“, но г. Левшинъ говорилъ сущую правду: въ его время уралки дѣйствительно носили „сороки“, но теперь, повторю, не носятъ. Молодое поколѣніе уралокъ понятія даже не имѣетъ о „сорокахъ“. Въ старину уралки мало ли что носили: напримѣръ, у нихъ были во всеобщемъ употребленіи безрукавныя фуфайки, полушубки съ „фантами“, но нынѣ эти вещи оставлены: „сороки“ уступили мѣсто однимъ маленькимъ и уютнымъ волосникамъ, фуфайки — мантилькамъ, куцавейкамъ, полушубки съ фантами — простымъ шубкамъ и салопамъ Нельзя старое, вышедшее изъ употребленія, выдавать за современное: это ни на что не будетъ похоже.

Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что и г. Левшинъ, толкуя о нравахъ и обычаяхъ уральцевъ, а также о сарафанахъ уралокъ, ни слова не сказалъ о „девятой пуговкѣ“ и потому, конечно, не сказалъ, что „девятая пуговка“ — пуфъ.

Г. Небольсинъ (въ 5 № „Библіотеки“, стр. 84 и 85) разсказываетъ, что онъ провелъ въ Уральскѣ масляницу,— а это замѣтьте, было въ 1850 году, — гдѣ видѣлъ катающихся по улицѣ уралокъ въ дорогихъ нарядахъ, и между розовыми волосниками — г. Небольсинъ, замѣтить кстати, и объ волосникѣ-то сказалъ не то: по его словамъ волосникъ есть платочекъ, слегка обхватывающій голову у самаго темени; между тѣмъ волосникъ — вещь особая, а платочекъ особая; волосникъ, сшитый изъ какой-нибудь матеріи, въ родѣ шапочки, надѣвается, такъ сказать, на завитыя кольцомъ вкругъ темени косы, а платокъ прикрываетъ уже во-

*) Ист. и стат. обозр. уральскихъ казаковъ. Авт.

лосишкъ, — между алыми губками, между разными разностями, въ томъ числѣ очками и лорнетками (!), мелькали ему и цѣнныя сороки. — Ужъ не видалъ ли, думаю, черезчуръ наблюдательный авторъ, вмѣсто гуляющихъ уралокъ, какого-нибудь забавника, харюшку *), который умудрился нарядиться въ „сороку", чтобы распотѣшить народъ, а въ томъ числѣ и дорогого заѣзжаго изъ Питера гостя? Они же, гости-то, у насъ удивительная рѣдкость. Иначе быть не могло. Но и тутъ, однако-жъ, встрѣчается недоумѣніе и своего рода препятствіе: гдѣ, напримѣръ, возьметъ „харюшка" цѣнную съ жемчугомъ и камнями „сороку" для того, чтобы мотаться въ ней во время масляницы и подъ хмѣльную руку попасть подъ лапоть или оглобельную завертку храбраго защитника „городка?" Вѣдь „сороки" давнымъ-давно, какъ я сказалъ, извелись на Уралѣ: объ нихъ осталось только одно преданіе. Жемчугъ и камни съ „сорокъ" сначала шли на „подвизи" дѣвушкамъ, а потомъ, когда и „подвизи" вышли изъ моды, пошли на разныя разности, въ томъ числѣ на ожерелья, которыми вмѣсто „сорокъ" и „подвизей" дѣйствительно щеголяетъ молодое поколѣніе уралокъ.—Право, что ни говори, а г. Небольшинъ страннымъ образомъ перепуталъ разсказъ свой объ одеждѣ уралокъ.

Можетъ статься, онъ и видѣлъ на Уралѣ „сороку", но только, смѣю увѣрить, не на головѣ, а въ рукахъ уралки. Мнѣ извѣстно, что въ двухъ-трехъ дворянскихъ нашихъ домахъ отыщутся „сороки", и „сороки" дорогія, какъ-то: у В. А. Мизиновой, А. С. Акутиной, Л. А. Назаровой,— но и эти почтенныя уралки, несмотря на то, что неизмѣнно слѣдуютъ обычаямъ старины, нынѣ сорокъ не носятъ, а хранятъ и берегутъ ихъ, какъ драгоцѣнность, какъ рѣдкость, какъ воспоминаніе своей молодости. Не мудрено, что г. ав-

*) Мѣстное названіе масокъ или замаскированныхъ лицъ, о которыхъ самъ авторъ разсказываетъ при описаніи „игры въ городки", въ 4 № „Библіотеки", стр. 112 и 113. Объ этомъ я кое-что скажу послѣ.

торъ видѣлъ „сороку“ въ которомъ-нибудь изъ сказанныхъ домовъ.

А всего вѣрнѣе, позволяю себѣ думать, г. Небольсинъ „сорокъ“ вовсе не видалъ, а только слышалъ объ нихъ или просто-на-просто заимствовалъ свѣдѣніе объ нихъ изъ разсказа г. Левшина; оттого-то, конечно, и вышла такая страшная разладица, которую и согласовать никакъ нельзя, такая удивительная смѣсь, которую и разобрать трудно.

Обращаюсь ненадолго къ началу моей статьи и спрошу читателей, узнаютъ ли теперь петербургскіе кавалеры и дамы уралку, которая появилась бы тамъ, гдѣ нѣкогда являлась дѣвочка, о которой разсказывалъ намъ г. Небольсинъ? Узнаете ли и вы, спрашиваю васъ, читатели, уралку въ ея національномъ и современномъ костюмѣ, такъ вѣрно и такъ картинно описанномъ авторомъ? Держу пари, одинъ противъ ста, что никто не узнаетъ, по крайней мѣрѣ сразу, уралки, — не узнаетъ по очень простой причинѣ: дамы будутъ искать жемчужную „сороку“, и разумѣется, не найдутъ, а кавалеры — это имъ извинительно — станутъ напрягать зрѣніе на пуговицы сарафана, и также въ свою очередь не узрятъ крупной „девятой пуговки“. Тогда, конечно, возникнутъ опять толки да догадки, а уралка, глядишь, тѣмъ временемъ скроется, отъ нея это можетъ статься: уралки, особенно гурьевскія горожанки, такія дикарки, какъ говоритъ г. Небольсинъ (№ 5 „Б. для Ч.“ стр. 84), что не могутъ смотрѣть безъ ненависти на нѣмецкій чепчикъ, а о фракѣ да о цыгарѣ и говорить нечего: отъ одного, думаю, взгляда на фракъ, отъ одного цыгарнаго дыма попадаютъ въ обморокъ.

„Барышни носятъ на головѣ жемчужныя ленты — говоритъ г. Небольсинъ, стр. 121, № 4, — т. е. золотыя повязки съ жемчужнымъ кружевомъ, спускающимся до самыхъ бровей“. Это по нашему подниз и, о которыхъ я уже упомянулъ. Но нынѣ барышни-уралки „подниз ей“ совсѣмъ не носятъ: по меньшей мѣрѣ пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ „подниз и“ вышли изъ моды у на-

шихъ дворянокъ. Остались „поднизи“ у простыхъ казачьихъ дѣвушекъ, но остались кое-кое-гдѣ по линіи, по хуторамъ да уметамъ, въ глухихъ углахъ и закоулкахъ нашей земли. Въ городѣ же Уральскѣ, а также и въ Гурьевѣ-городкѣ, гдѣ, по словамъ автора, прекрасный полъ отличается страшною дичью (!), нынѣ и простую дѣвушку не увидишь въ „поднизи“, не только дворянку. Стало быть, сказаніе автора о „поднизяхъ“ не совсѣмъ вѣрно, т. е. несовременно. Кромѣ ленточки въ косѣ, уралки, особенно барышни, которыя носятъ сарафаны, никакихъ украшеній на головѣ не носятъ — и прекрасно дѣлаютъ.

„Дамы высшаго круга, — говоритъ г. Небольсинъ тамъ же, — которыя считаютъ себя поборницами европейской одежды, на балы, въ собранья и въ торжественные дни непремѣнно надѣваютъ сарафаны бархатные, матерчатые, либо парчевые“. — Что дамы наши, носящія въ обыкновенное время нѣмецкое платье, надѣваютъ въ торжественные дни сарафаны — это правда; но только не бархатные и не парчевые. Парчевые сарафаны нашивали уралки въ старину, но теперь не носятъ; можно развѣ увидать на какой-нибудь семилѣтней дѣвушкѣ парчевый сарафанчикъ, сшитый заботливой бабушкой изъ лоскутковъ своей допотопной фуфайки, но и только. Бархатныхъ же сарафановъ на Уралѣ рѣшительно нѣтъ и никогда не бывало, о нихъ даже и преданіе умалчиваетъ. Стало быть, и въ этомъ случаѣ у г. Небольсина ошибка.

На нѣсколькихъ страницахъ, съ 112 до 116, въ 4 № „Б. для Ч.“, г. Небольсинъ разсказываетъ о потѣхѣ уральскихъ ребятишекъ, называя ее игрой „въ городки“ и придавая ей весьма несправедливо характеръ офиціальный, о чемъ будетъ сказано ниже. Нельзя сказать, чтобы описаніе автора объ этой потѣхѣ было лишено истины, — нельзя, однако-жъ, сказать и того, чтобы оно было во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно. Для того, чтобы не продлить моихъ замѣчаній, я хотѣлъ-было избѣгнуть выписокъ изъ текста статьи г. Неболь-

сина,—но вижу, что дѣло безъ этого не обойдется. Постараюсь, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это какъ можно короче.

„Въ городки играютъ, — говоритъ авторъ, — въ продолженіе цѣлой зимы, но главное побоище бываетъ на масляницѣ въ самомъ г. Уральскѣ, въ который гурьбой съѣзжаются всѣ мальчишки изъ окрестныхъ станицъ".

Тутъ невѣрно. Во-первыхъ, никогда, кромѣ масляницы, потѣхи этой не бываетъ, и объ этомъ старики не запомнятъ, — подобно тому, какъ кромѣ Пасхи никакіе праздники на Руси не сопровождаются крашеніемъ яицъ: таковъ ужъ на Уралѣ обычай. Во-вторыхъ, для этой потѣхи не съѣзжаются въ Уральскъ изъ окрестныхъ станицъ мальчишки: игра, какъ говорится, не стоитъ... не свѣчъ, а лошадинаго пота, потому что самая ближайшая станица, т. е., форпостъ, къ Уральску не ближе пятнадцати верстъ, да сверхъ того мальчишкамъ изъ своихъ станицъ не для чего ѣхать въ Уральскъ: они и въ своихъ станицахъ устроятъ и устраиваютъ такія потѣхи. Въ-третьихъ, г. Небольсинъ несовсѣмъ правильно называетъ эту потѣху игрой въ городки. Забава эта выражается другими, болѣе сильными и близкими къ сущности дѣла, словами, именно: города берутъ, или, города держатъ. Спросите любого уральскаго казака: „есть у васъ, на Уралѣ, игра въ городки? и казакъ, не призадумавшись, скажетъ „нѣтъ". Но когда растолкуете ему, что эта, дескать, потѣха происходитъ во время масляницы, тогда уже онъ только скажетъ: „а, понимаю: это, по-нашему, называется города берутъ".

„Устраивается эта игра такимъ образомъ, — продолжаетъ авторъ: — въ двухъ-трехъ мѣстахъ главной народной площади г. Уральска строятся городки: городокъ — родъ ледяной, — нужно было сказать снѣговой, потому-что городки или, правильнѣе, города дѣлаются не изъ льда, а изъ снѣжныхъ глыбъ, — крѣпостцы, зданіе въ нѣсколько ярусовъ".

Тутъ г. Небольсинъ разсказываетъ, какимъ образомъ

дѣлаются города. Разсказъ его въ этомъ случаѣ вѣренъ, что даетъ поводъ думать, что онъ видѣлъ такую крѣпостцу. Хорошо.

„Иногда просто выстраиваютъ бревенчатую крѣпостцу изъ тонкаго лѣса и на морозѣ поливаютъ водой, пока все зданіе совершенно не обледенѣетъ“.

Но вотъ какихъ крѣпостцей или городовъ я въ нашихъ краяхъ не видывалъ и, признаться, ни отъ кого не слыхивалъ. Развѣ не было ли такихъ чудесъ во времена Нечая или Шамая; ну, это дѣло другое. Правда, во время безснѣжныхъ масляницъ дѣлаютъ города изъ тоненькихъ шестиковъ или просто-на-просто изъ хворостинъ, связывая верхніе концы шестиковъ или хворостинъ вмѣстѣ, а нижніе утверждая въ землю, на подобіе того, какъ ставятся, если кто видѣлъ, въ козлы казачьи пики, но такую вещь кажется нельзя назвать бревенчатой, а тѣмъ больше зданіемъ. Впрочемъ, это мелочь, главное впереди.

„Когда городокъ выстроится, — говоритъ г. Небольсинъ, — то назначается день штурма (!), оповѣщается непріятельское войско (!!), т. е., мальчишки, между рядами которыхъ никогда не бываетъ молодыхъ людей старше четырнадцати лѣтъ, а обыкновенно лѣтъ десяти или двѣнадцати, — прошу замѣтить это, — и наконецъ, командируется гарнизонъ (!!). Гарнизонъ всегда состоитъ изъ взрослыхъ и уже пожилыхъ казаковъ, — и это не мѣшаетъ замѣтить.

„Гарнизонъ соблюдаетъ строгую войсковую форму и бываетъ одѣтъ въ мундиры (!?)“.

Затѣмъ авторъ описываетъ орудія, употребляемыя гарнизономъ для отраженія нападающихъ мальчишекъ. Орудіе, по словамъ автора, состоитъ изъ длинной жерди (нужно было сказать изъ шестика или просто-на-просто изъ палки, величиной съ молотильный цѣпь; съ жердью же не сладишь: жердь вещь нелегкая), мочальной (непремѣнно ужъ мочальной: почему не другой какой?) веревки и ста-

раго лаптя. Это, прибавлю я, орудіе по-казачьи называется помело. Пока такъ.

„Но такъ какъ, — продолжаетъ авторъ, — гарнизону (взрослымъ, припомните, казакамъ) отъ непріятеля (десятилѣтнихъ казачатъ) частенько достается на порядкахъ, то, чтобъ умѣрить горячность и запальчивость непріятельскихъ натисковъ, гарнизонъ тайкомъ употребляетъ вмѣсто пуль обломки негоднаго кирпича—страшный бы былъ, подумаешь, ущербъ, если бы употребили для того годный кирпичъ. — Кирпичикъ обвертывается въ тряпку и вкладывается въ носокъ лаптя, который послѣ этого замораживается. Орудіе, какъ видится, нехитрое, но недурно приспособленное къ отраженію враговъ“.

Безъ дальнихъ словъ понятно, что орудіемъ этимъ гарнизонъ, т. е. взрослые и пожилые казаки должны угощать мальчишекъ, но полно, такъ ли это — увидимъ дальше.

„Къ назначенному для игры въ городки часу вся площадь, — продолжаетъ авторъ, — покрывается толпами народа разныхъ половъ и возрастовъ и разныхъ степеней общественнаго положенія.

„Когда пріѣдетъ войсковой наказный атаманъ (!) или, вмѣсто него, кто-нибудь изъ членовъ войсковаго правленія (!!), то, по данному знаку, непріятель начинаетъ собираться на площадь и строится колоннами...“

Затѣмъ у г. Небольсина идетъ подробный и картинный разсказъ — любо читать — о томъ, какъ, по данному сигналу, — жаль, не сказалъ только авторъ, кто подаетъ сигналъ: атаманъ ли или членъ войсковаго правленія; интересно бы было знать, — конные мальчишки, разряженные въ-пухъ и въ-прахъ въ разные костюмы, т. е., замаскированные кто туркомъ, кто генераломъ, кто кѣмъ, съ шумомъ и крикомъ нападаютъ на городъ и на гарнизонъ, какъ пѣшій гарнизонъ обороняется, вышеупомянутыми помельями, начиненными, разумѣется, кирпичемъ и защищаетъ городъ, и т. п. Здѣсь для полноты замѣтокъ слѣдуетъ привести

одинъ маленькій отрывокъ изъ текста. Г. Небольсинъ, какъ аккуратный разсказчикъ, между прочимъ, говоритъ:

„Чуть только конь (подъ мальчишкой) думаетъ сдѣлать опасный прыжокъ, чуть только мальчишка потеряется или подвергнется опасности получить не легкій ушибъ,— это ничего, это казаку здорово, — а болѣе серьезный толчекъ или ударъ, какъ старый казакъ, изъ числа досужихъ зрителей, уже является ему на помощь и избавляетъ его отъ всѣхъ страховъ и неловкихъ положеній".

Это правда. Разсказъ г. Небольсина въ томъ отношеніи, какъ города берутъ и какъ города защищаютъ, вѣренъ, взятый, по всему видно, съ натуры. Но главная обстановка этой потѣхи сильно грѣшитъ противъ истины — вотъ это, къ сожалѣнію, и нехорошо. Почтеннѣйшій авторъ напрасно, какъ я уже и сказалъ, придалъ ей характеръ офиціальный, — напрасно замѣшиваетъ онъ въ эту казачью, даже мальчишескую, забаву наказнаго атамана и членовъ войскового правленія: атаману и членамъ правленія было бы крайне неприлично, даже нелѣпо заниматься такими пустяками; вѣдь у атамана и членовъ правленія есть или должны быть дѣла и занятія серьезныя.

Города строятся, берутся, защищаются очень просто, безъ вмѣшательства войсковаго начальства: тутъ всѣмъ управляетъ и распоряжается одинъ, такъ сказать, духъ казачества или, проще, такой уже обычай у уральцевъ, что они не могутъ обойтись безъ того, чтобы въ извѣстныя времена не потѣшить себя молодецкою удалью и военною экзерциціею. Въ этомъ случаѣ хоть бы атамана и не существовало вовсе.

Извѣстно и вѣдомо, что широкая и раздольная масляница вездѣ и всюду на Руси проводится православнымъ народомъ шумно, разгульно, въ катаньяхъ, попойкахъ и т. п. У уральцевъ же во время масляницы, и больше, однако-жъ, никогда, между прочимъ, есть въ обычаѣ гулять вершниками. Вершниками бываютъ, какъ говоритъ и г. Небольсинъ дѣйствительно большею частью мальчишки,

но къ нимъ, надо замѣтить, часто пристаютъ и взрослые казаки, замаскированные, или, по мѣстному выраженію, х а р ю ш к и, о которыхъ я уже отчасти выше сказалъ, когда рѣчь шла о несуществующихъ „сорокахъ". Вершники толпами разъѣзжаютъ по улицамъ съ пѣснями, скачутъ, рыщутъ, кружатся, сталкиваютъ другъ дружку съ лошадей, словомъ, потѣшаются какъ кому хочется. Досужіе въ это время казаки, охотники до забавъ, а также и мальчишки, у которыхъ нѣтъ охоты гулять верхомъ или нѣтъ для того лишней или, какъ говорится, таковской лошадки, чтобы не жаль было мучить, собираются на улицахъ, площадяхъ, перекресткахъ, въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ кто живетъ, и строятъ безъ всякаго наказа и приказа не городки, какъ пишетъ г. Небольсинъ, а города, — такое ужъ мѣстное названіе, переиначивать не для чего. — Наѣхавъ на первый, попавшійся на пути, т. е., гдѣ-либо на улицѣ, городъ, вершники, безъ всякихъ повѣстокъ, безъ всякихъ церемоній, безъ всякихъ приказаній, нападаютъ на него, строители города или, по словамъ г. Небольсина, гарнизонъ, а по мѣстному казачьему выраженію, д е р ж а в ц ы, разумѣется, отражаютъ ихъ. Разрушивъ городъ или отступивъ отъ него безъ успѣха,— случается конечно и это, — вершники ѣдутъ дальше, встрѣчаютъ такой же городъ въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, и снова идетъ та же исторія.

Но чтобы города нарочно строились, по приказу и наказу начальства, какъ представляетъ намъ это г. Небольсинъ, чтобы нарочно командировался къ городамъ гарнизонъ, чтобы гарнизонъ соблюдалъ строгую войсковую форму, т. е. былъ бы одѣтъ въ мундиры, чтобы нарочно посылались повѣстки мальчишкамъ, чтобы являлись къ городу, особенно чтобы выѣзжалъ туда наказный атаманъ или, вмѣсто него, членъ войсковаго правленія, — это, воля ваша, г. авторъ, чистѣйшіе пустяки. Удивляюсь, какъ вы, рѣшась такую пустошь выдавать за истину, не подумали, что атаманъ и члены правленія не очень-то будутъ благодарны вамъ за то, что вы выказали ихъ занимающимися дѣлами не слни-

комъ-то мудреными, какова игра, по-вашему, въ городки.

Въ бытность автора въ г. Уральскѣ, онъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ гдѣ-нибудь на площади, а всего вѣрнѣе съ крыльца или балкона атаманскаго дома нѣчто подобное этому, — но, странное дѣло, какъ не догадался черезчуръ наблюдательный и смѣтливый авторъ, что все это было представлено ему, какъ гостю заѣзжему, въ видѣ образчика казачьихъ потѣхъ. Тутъ, конечно, т. е., съ балкона атаманскаго дома, г. авторъ видѣлъ и гарнизонъ, одѣтый въ мундиры, — но это дѣло случая: казаки, защищавшіе городъ, были, полагать должно, изъ числа свободныхъ караульныхъ изъ атаманскаго дома или изъ дома войскового правленія, чему я самъ разъ былъ свидѣтелемъ. Въ то самое время, какъ г. Небольсинъ любовался, — ежели только онъ любовался, — казачьей потѣхой съ крыльца атаманскаго дома, навѣрно происходила такая же потѣха, ежели еще не жарче, и въ Куреньяхъ, и въ Новоселкахъ, и на Форштатѣ *), и въ иныхъ мѣстахъ г. Уральска, гдѣ, съ достовѣрностью могу сказать, гарнизонъ былъ не въ мундирахъ, а или въ шубахъ, или въ халатахъ, или въ пестрыхъ архалукахъ, — словомъ, во всемъ елико-возможномъ: для этого законъ не писанъ.

Впрочемъ, нельзя винить въ этомъ автора,— онъ ошибся, можно сказать, невольно, — онъ принялъ, такъ сказать, комедію за дѣйствительность; виноваты, по моему, тутъ больше тѣ, кто слишкомъ широко распахнулъ передъ гостемъ объятія гостепріимства и черезчуръ много разсыпалъ передъ нимъ угожденій. Излишекъ, извѣстно, во всемъ вреденъ, а нашъ братъ казакъ, такая ужъ видно натура, не любитъ ничего дѣлать въ половину: у него все льется черезъ край...

Но есть погрѣшности въ разсказѣ г. Небольсина такія, въ которыхъ прямо виновата манера г. автора, по пословицѣ, все разжевывать да класть въ ротъ: излишнія подробности, но подробности недосказанныя, иногда затмева-

---

*) Части города. Авт.

ютъ и перепутываютъ дѣло хуже, чѣмъ еслибъ вовсе не говорить о подробностяхъ. Такъ напримѣръ, г. Небольсинъ разсказываетъ, что гарнизонъ, — рѣчь, изволите видѣть, идетъ все еще о „городахъ", — состоящій всегда изъ взрослыхъ и пожилыхъ казаковъ, употребляетъ въ защиту свою куски кирпича, прилаживаемые къ помельямъ и хлыщетъ ими какъ свинцовыми пулями... Кого? да страшныхъ враговъ, десятилѣтнихъ мальчишекъ! Сошлюсь на васъ, читатели: есть ли смыслъ въ томъ, чтобы взрослый и пожилой казакъ отвѣшивалъ удары кирпичемъ по бокамъ или по головѣ десятилѣтняго мальчика, своего же, можетъ статься, родственника или ближняго сосѣда. По моему мнѣнію, это ни съ чѣмъ несообразно. Увѣренъ, что всякій согласится съ моимъ мнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что мы видѣли изъ приведенныхъ выше выписокъ, что въ случаѣ неловкаго положенія или опаснаго толчка, угрожающаго казаченку, къ нему тотчасъ является на выручку старый казакъ изъ числа досужихъ зрителей. Какъ теперь согласовать — съ одной стороны заботливость стараго казака о мальчикѣ, съ другой — изступленную ярость или, по крайней мѣрѣ, безпощадность пожилаго казака, вооруженнаго кирпичемъ, къ этому же мальчику? Что пожилые казаки, зрители потѣхъ, выручаютъ изъ неловкихъ положеній казачатъ — это правда, но чтобы пожилые казаки, участники потѣхъ, употребляли куски кирпича противъ дѣтей — это неправда.

Г. Небольсинъ сначала заговорилъ было о дѣлѣ, но не договорилъ; оттого-то и вышла путаница. Я ужъ выше сказалъ и здѣсь повторю, что въ толпы верниковъ-мальчишекъ втираются часто гуляки, взрослые казаки, замаскированные до такой степени, что скорѣе похожи бываютъ на движущуюся чучелу, чѣмъ на живого человѣка. Такъ, напримѣръ, извѣстный всему городу Уральску весельчакъ и забавникъ, казакъ Матвѣй или, какъ иногда величаютъ его земляки, Матвѣка, пожалуй, не во-гнѣвъ будь ему сказано, и Матька Бакалдинъ, выворотитъ шерстью вверхъ сакачій тулупъ, подложитъ подъ него и спереди, и сзади,

и съ боковъ безчисленное множество одѣялъ, подушекъ и разной разности, голову обвертитъ кучей всякаго тряпья и прикроетъ въ добавокъ конюмнымъ колпакомъ, въ видѣ казачьяго кивера, лицо занавѣситъ конюмной маской — харей (отсюда и названіе харюшка), сядетъ на самую смѣлую, пріученную уже къ подобнымъ продѣлкамъ, лошадь, возьметъ въ руки порядочный рычагъ — да и полѣзетъ, какъ медвѣдь, на „городъ". Къ „Матинькѣ", глядишь, присоединяется еще два-три такіе же „Матиньки", т. е., рыцари, или скорѣе чудовища, замаскированныя не хуже перваго. Такимъ, разумѣется, броненосцамъ, подъ защитой конюмъ да подушекъ, обыкновенныя „помелья" нисколько не чувствительны. Какъ и чѣмъ пронять такихъ враговъ? И вотъ защитники „городовъ" прибѣгаютъ въ-тихомолку, правда, къ пособію или кирпичика, или косточки, или просто-на-просто къ замороженной оглобельной изъ лыкъ завертки, которая не легче и не мягче свинца. Но чтобы кирпичъ и подобные ему снаряды употреблялись противъ мальчишекъ — это, повторю, неправда, слѣдовательно, и сказаніе г. Небольсина на счетъ этой оказіи не... не... не знаю какъ сказать... ну да просто неладно, — что и толковать.

Описывая народныя „вечорки" на Уралѣ, г. Небольсинъ, между прочимъ, говоритъ (№ 4, стр. 117): „Надобно знать, что уральцы не говорятъ, какъ мы говоримъ, что, напримѣръ, „кавалеры обязаны занимать своихъ дамъ"; у нихъ выражаются проще: „робятамъ и холостякамъ надо заняться съ дѣвушками".

Прочитавъ первыя двѣ строки изъ вышеприведенной выписки, я подумалъ, что не хочетъ ли ужъ г. авторъ кстати, хотя бы это вышло и некстати, сказать что-нибудь о нашемъ казачьемъ дворянскомъ обществѣ. Но читая дальше, увидѣлъ, что авторъ рѣчь свою ведетъ, какъ и началъ, объ одномъ простомъ классѣ казаковъ. Спору нѣтъ, г. Небольсинъ обрисовалъ, хотя и вкратцѣ, вечорку вѣрно. Но не понимаю, зачѣмъ г. авторъ, говоря о простомъ клас-

сѣ казаковъ, вставилъ фразу: „уральцы не говорятъ, какъ мы говоримъ". Странно... Какъ будто все русское простолюдье, кромѣ казаковъ, объясняется языкомъ г. Небольсина и подобныхъ ему господъ — какъ будто, кромѣ казаковъ, всѣ православные простолюдины-мужички величаютъ себя кавалерами, а бабъ или дѣвокъ своихъ дамами. Неужели высшій классъ русскаго общества не знаетъ, что простолюдины говорятъ гораздо иначе, нежели образованные люди. Если г. авторъ, заставляя казачку-дѣвушку говорить: „усь поля и иглю иглять" и т. п., вообразилъ, что такъ говорятъ на Уралѣ и дѣвушки-дворянки, т. е., другими словами, описывая вечорку простолюдья, хотѣлъ по ней дать понятіе и о дворянскихъ вечеринкахъ, въ такомъ случаѣ ему, г. автору, и книги въ руки... Это было бы верхъ невѣрности. Но дѣло не въ томъ. Все, разсказываемое г. Небольсинымъ въ его „Уральцахъ", ни для меня и ни для моихъ земляковъ не новость. Я прошелъ бы молчаніемъ то мѣсто, на которомъ остановился и изъ котораго сейчасъ привелъ выписку, если бы не попалось мнѣ на глаза тутъ слово: „робята". Г. Небольсинъ заставляетъ уральцевъ говорить такъ, какъ уральцы не говорятъ: онъ, мы видимъ, пишетъ: „робятамъ". Если это не опечатка, то долгомъ считаю замѣтить, что буква *о* въ языкѣ или произношеніи уральскихъ казаковъ почти неслышна. Скорѣе уралецъ, вмѣсто правильнаго „ребята", произнесетъ „рабята" или „рибята"; но никогда не скажетъ „робята". Словомъ „робята" казаки иногда подсмѣиваются надъ русскими мужичками. Говоря вообще, въ произношеніи уральцевъ звукъ *а* преобладаетъ надъ звукомъ *о*, а *и* или *ія* надъ *е*.— Это не мѣшаетъ замѣтить.

Кстати о словахъ. Представляя картину занимательнаго „багреннаго" рыболовства (Библ. для Чтенія № 5, стр. 53) и выводя на сцену казаковъ, взывающихъ одинъ къ другому при ловлѣ рыбы, г. Небольсинъ влагаетъ въ уста уральцевъ слѣдующую фразу:

— „Живо, Митро, живо!" и проч.

Ежели и тутъ не опечатка,—а что это не опечатка, я нисколько не сомнѣваюсь,—то, съ позволенія автора, я долженъ сказать, что слово Митро до крайности неумѣстно. Уральцы хотя и сокращаютъ иногда свои имена, но никогда, ни въ какомъ случаѣ, не передѣлываютъ ихъ на малороссійскій ладъ. Ежели допустить въ языкъ уральцевъ чисто малороссійское имя Митро, то слѣдуетъ допустить и другія малороссійскія имена, какъ-то: Грицко, Петро, и т. д. А этого у насъ, побожиться не грѣхъ, нѣтъ. Короче сказать, въ произношеніи словъ у уральцевъ съ малороссами ничего нѣтъ общаго.

Въ разсказѣ г. Небольсина встрѣчается еще слово: Громада. Воленъ авторъ употреблять какія ему угодно слова, тожественныя между собой, но не долженъ, по моему мнѣнію, выдавать ихъ за провинціальныя, за мѣстныя, когда словъ этихъ у того народа, о которомъ разсказывается, не существуетъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ значеніи, какое придаетъ имъ авторъ.—Слово громада г. Небольсинъ ставитъ во вносныхъ знакахъ, какъ и многія другія уральскія, слѣдовательно, туземныя, мѣстныя слова, напримѣръ: ярыги, абрашки, и т. п. Разсказывая о томъ, какъ казакъ-водолазъ, борясь въ водѣ у „учуга" съ осетромъ или бѣлугой, подцѣпленной имъ на „абрашку" (багоръ), утомляется, г. Небольсинъ говоритъ (№ 4, стр. 111),—что и хотѣлъ бы водолазъ, „выпустивъ изъ рукъ абрашку, распроститься съ рыбкой—да этого нельзя сдѣлать: „громада", „войско", народъ осмѣетъ..." и проч.

Въ другомъ мѣстѣ (№ 4, стр. 131) г. Небольсинъ говоритъ: „когда войско „пройдетъ"—и слово пройдетъ, какъ мѣстное, у автора во вносныхъ же знакахъ,—внизъ по рѣкѣ, то казакамъ, не принимавшимъ, по недостаточности средствъ, участіе вмѣстѣ съ „громадою", и проч.—Слово громада опять во вносныхъ знакахъ.

Очевидно, что г. авторъ слово громада выдаетъ, подобно другимъ словамъ, за слово мѣстное, уральское, за равносильное, по его мнѣнію, слову народъ, или обще-

употребительному на Уралѣ слову войско. Но въ томъ-то и сила, что слова этого, т. е. слова громада, у уральцевъ въ томъ смыслѣ, какое придаетъ ему авторъ, нѣтъ.—Есть у малороссовъ, что и говорить, слово „громада", въ смыслѣ народнаго сборища, означающее то же самое, что у великоруссовъ слово міръ, или мірская сходка, но у уральцевъ такихъ словъ, т. е. ни громады, ни мірской сходки, рѣшительно нѣтъ: у нихъ сборище народное называется или просто народъ, или войско, или же, наконецъ, команда. Пояснить, что такое значитъ слово народъ, было бы до крайности лишнее, но пояснить, что такое означаютъ слова: войско и команда—не будетъ, кажется, лишнимъ.—Напримѣръ, въ главномъ городѣ Уральскѣ соберутся жители-казаки для трактата и совѣщанія насчетъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ: сѣнокошенія, рыболовства, пастбищъ и т. п., или всей массой казаки отправятся на рыболовство по Уралу—это и есть войско. Но ежели въ крѣпостяхъ, форпостахъ, хуторахъ, соберутся казаки для своихъ же какихъ-либо общественныхъ надобностей,—то это сборище по малочисленности своей и называется: команда. Но, повторю, никакое сборище людей на Уралѣ не называется громадой.

Конечно, слово громада, какъ слово русское, употребляется и на Уралѣ, но только совсѣмъ въ иномъ смыслѣ; оно употребляется, какъ и по всей святой Руси, въ значеніи великости какого-либо предмета, а отнюдь не въ смыслѣ народнаго сборища.—Слѣдовательно, г. авторъ напрасно приписываетъ уральцамъ слова малороссійскія.

По словамъ г. Небольсина, черная, т. е. мелкая рыба, добываемая уральцами изъ озеръ и рѣчекъ, сбывается съ рукъ въ г. Уральскѣ пудами, „а (подлинныя слова автора, № 4, стр. 130) которая продается на мѣстѣ лова, та продается поштучно, „чохомъ", то есть счетомъ... Мѣтко и вѣрно! Посмотримъ, что будетъ дальше.

О распродажѣ красной рыбы, севрюги, добываемой казаками въ Каспійскомъ морѣ, на „курхайскомъ“ рыболовствѣ, г. Небольсинъ (№ 4, стр. 155) говоритъ, что „ промышленники весь добытый ими рыбный товаръ продаютъ своимъ капитальнымъ собратамъ, икру и клей в ѣ с о м ъ, вязигу —п у ч к а м и, а рыбу с ч е т о м ъ, посотенно“.—Удивительно, почему не прибавилъ ч о х о м ъ?—вѣдь и вязига, и севрюга продается не вѣсомъ, а счетомъ, какъ и черная рыба. Вѣрно, рука не поднялась.

Точно также г. Небольсинъ, разсказывая о продажѣ рыбы на зимнемъ неводномъ рыболовствѣ, говоритъ (№ 5, стр. 64), что красная рыба продается н а в ѣ с ъ, „а (подлинныя слова автора) черная, составляющая тутъ главный товаръ, п о с ч е т у или „ч о х о м ъ“.

Въ другомъ мѣстѣ (№ 5, стр. 70), г. Небольсинъ говоритъ такъ: „изъ выловленной рыбы распродается на мѣстѣ добычи (на севрюжномъ рыболовствѣ) только одна севрюга, с ч е т о м ъ, с о т н я м и“.—Но опять не сказалъ ч о х о м ъ. Знать, дѣйствительно, рука не поднимается написать, чтобы красная, слѣдовательно, цѣнная рыба сбывалась ч о х о м ъ, какъ малоцѣнная черная. Г. авторъ вездѣ, гдѣ рѣчь ведетъ о ч е р н о й рыбѣ, заставляетъ казаковъ сбывать ее с ч е т о м ъ, т. е., по его, ч о х о м ъ, а к р а с н у ю хотя и с ч е т о м ъ же, но безъ прибавленія слова: ч о х о м ъ. Что это за разница, что это за разногласица такая?—Не вѣдаю. Знаю только вотъ что: нѣтъ мѣста въ разсказѣ г. Небольсина, гдѣ бы несчастное слово ч о х о м ъ было на своемъ мѣстѣ.

Не думаю, чтобы слово это, т. е. ч о х о м ъ, при продажѣ и куплѣ употреблялось только въ землѣ уральскихъ казаковъ: его можно, кажется, услыхать и въ другихъ, по крайней мѣрѣ, смежныхъ съ уральцами деревняхъ, въ базарные или ярмарочные дни. Но дѣло не въ томъ. На Уралѣ, хочу сказать, дѣйствительно и продаютъ, и покупаютъ рыбу, и многое кое-что ч о х о м ъ, но только уже при этомъ случаѣ не мѣряютъ и не с ч и т а ю т ъ товаръ,—а прямо берутъ и отдаютъ на г л а з ъ, т. е. ч т о в и д я т ъ, т о и п о к у п а ю т ъ и п р о д а ю т ъ.

Ежели рыбопромышленникъ продаетъ рыбу счетомъ, поштучно ли, подесяточно ли, посотенно ли—все равно,—то это значитъ, что онъ продаетъ счетомъ, такъ-таки счетомъ, а отнюдь не чохомъ, такъ-таки не чохомъ. Продавать чохомъ, повторю, дѣло совсѣмъ другое. Напримѣръ, лежитъ передъ рыбопромышленникомъ на льду куча какой-нибудь мелкой рыбы. Подходитъ купецъ и спрашиваетъ:

— Что просишь, молодецъ, за сотню?

— Не продаю я такъ,—говоритъ казакъ:—некогда возиться за счетомъ да перечетомъ.

— Какъ же продаешь?

— Просто, почтеннѣйшій, чохомъ продаю: вотъ что видишь, то и купишь.

Вотъ что называется продавать или покупать чохомъ.

Не совсѣмъ вѣрно г. Небольсинъ представилъ и тотъ случай, когда двое-трое покупателей, сойдясь у одного продавца и купивъ у него рыбу, расходятся жеребьями.

„Представимъ себѣ,—говоритъ авторъ, № 4, стр. 131,—что трое покупщиковъ, Антипъ, Борисъ и Вавило, всѣ разомъ и въ одно время подошли къ казаку торговать у него товаръ. Чтобы другъ-другу по-пусту не вредить, они вытаскиваютъ изъ кошелей по мелкой мѣдной монетѣ, замѣчаютъ каждый свой грошъ чертою, закусивъ монету зубомъ, опускаютъ всѣ три гроша въ шапку, и подставляя ее продавцу-казаку, приглашаютъ его „ловить". Чей грошъ продавецъ вынетъ—тотъ и дѣлается настоящимъ купцомъ: вынулся Вавилинъ грошъ—Вавило и покупаетъ рыбу, а Антипъ и Борисъ берутъ „отсталое", если, разумѣется, Вавило купилъ товаръ съ выгодой. Если, напримѣръ, за то, что по настоящей цѣнѣ стоитъ сто рублей, Вавило сошелся съ продавцемъ на девяноста рубляхъ, то онъ и Борису, и Антипу выплачиваетъ по три рубля по тридцати по три копѣйки; если же Вавило не выгадалъ себѣ ничего, то и Борису съ Антипомъ ничего не достанется отсталаго".

Изъ этого разсказа мы видимъ, что изъ трехъ покупщи-

ковъ одинъ счастливецъ Вавило, по выпавшему на его долю жеребью, дѣлается настоящимъ купцомъ. Такъ. Положимъ, что сторговалъ у казака-продавца бѣлугу за тридцать рублей, а бѣлуга стоитъ дороже, именно тридцать одинъ рубль. Но захочетъ ли Вавило, на сторонѣ котораго неоспоримое право „жеребья", подѣлиться этимъ лишнимъ рублемъ съ другими купцами, потерявшими, въ силу „жеребья" же, всякое право на покупку? Кажется, нѣтъ. Да и кто докажетъ, кто и чѣмъ уличитъ Вавилу, что онъ рублемъ въ выигрышѣ? На это нужны еще присяжные оцѣновщики. Тогда выйдетъ страшная путаница, которую и разобрать будетъ трудно. Кромѣ того, зачѣмъ покупатели станутъ прежде времени метать жеребій; вѣдь легко можетъ статься, что рыбу у продавца они не сторгуютъ. Дѣло это дѣлается гораздо иначе. Вотъ примѣръ.

Представимъ себѣ—стану подражать г. автору,—что трое покупщиковъ, напримѣръ, тѣ же самые, которыхъ вывелъ на сцену и г. Небольсинъ, Антипъ, Борисъ и Вавило, всѣ разомъ или одинъ вслѣдъ за другимъ—все равно, подошли къ казку торговать бѣлугу. Положимъ, торгуетъ Вавило, а Антипъ и Борисъ молчатъ, слушаютъ, соображаютъ и, какъ говоритъ г. авторъ, дѣлу дѣйствительно не мѣшаютъ. Вавило сторговываетъ рыбу за тридцать цѣлковыхъ, но рыба стоитъ тридцать одинъ цѣлковый: это видятъ и понимаютъ всѣ—и Антипъ, и Борисъ, и самъ Вавило. Вотъ тогда-то ужъ, когда рыба сторгуется и когда барышъ сдѣлается яснымъ, покупатели и мечутъ, или „растрясаютъ" жребій, заранѣе, разумѣется, уговорясь лишній рубль раздѣлить между себя поровну такъ, чтобы тотъ, кому выпетея жеребій, выплатилъ двоимъ покупателямъ „отсталое", т. е. по третьей части рубля. Хотя рыбу сторгуетъ и Вавило,—но онъ не въ состояніи отстрашить отъ нея Антипа съ Борисомъ: таковъ уже обычай. Да если бы и не такъ, то, въ случаѣ каприза со стороны Вавилы, Антипу стоитъ только лишній-то рублъ перебросить продавцу и рыба останется за Антипомъ; продавецъ, во всякомъ случаѣ, скорѣе отдастъ рыбу тому, кто

хоть одинъ грошъ противу другихъ наддастъ. Но при подобнаго рода покупкахъ никто не станетъ спорить, ни Вавило, ни Антипъ, ни Борисъ, никто изъ нихъ не захочетъ перебивать другъ друга и возвышать цѣну на товаръ, въ подрывъ своимъ торговымъ операціямъ. Выдѣляя другъ другу „отсталое", всѣ они въ подобныхъ случаяхъ будутъ не въ проигрышѣ, а напротивъ, въ выигрышѣ. Вмѣсто того, чтобы передать цѣлый рубль продавцу, натурально, каждый изъ покупателей предпочтетъ лишиться только двухъ третей его. Напримѣръ, Вавило сторговалъ рыбу, какъ уже сказано, за 30 цѣлковыхъ. Чтобы удержать ее за собой, т. е. чтобы отбить отъ нея Антипа съ Борисомъ, онъ долженъ наддать продавцу цѣлый рубль. А зачѣмъ онъ это будетъ дѣлать, когда при метаніи жеребья, ежели первый жеребій выпадетъ ему, онъ можетъ выдѣлить изъ этого рубля „отсталаго" только двѣ трети, а достальная треть останется у него въ карманѣ. Если жеребій, т. е. право на владѣніе рыбой, не выпадетъ на долю сторговавшаго рыбу Вавилы,—то и тогда Вавило не останется въ убыткѣ, а напротивъ, возьметъ съ другого покупателя ни за что, ни про что третью часть рубля.

Такъ вотъ уже когда, изволите видѣть, покупатели мечутъ жеребій, т. е., повторю, они расходятся жеребьями не прежде, а послѣ того, какъ рыба сторгуется и какъ барышъ сдѣлается яснымъ.

Говоря о разныхъ видахъ рыболовства, г. Небольсинъ (въ 4 № „Библ. для Чтенія", стр. 132), между прочимъ, говоритъ: „Ахаиное, и весенній курхай (названіе рыболовствъ) производятся въ Каспійскомъ морѣ, въ которомъ уральцы начали правильно рыбачить только съ 1816 года".

Удивляюсь, что за охота у г. автора разсказывать исторіи рыболовствъ и впадать чрезъ то въ ошибки. Что касается до курхайскаго рыболовства, перенесеннаго изъ курхайскаго Моря, какъ говоритъ и г. Небольсинъ, то, согласенъ, что это рыболовство началось въ Каспійскомъ морѣ съ 1816 года или около этого времени. Но ахаиное рыболовство, позвольте замѣтить, началось гораздо раньше, именно

съ 1807 года. И до этого года рыбачили по-льду казаки-гурьевцы въ морѣ около черней, т. е. около береговъ, но такъ-сказать безъ всякихъ правилъ. Съ 1807 же года рыболовство это вошло въ правильную систему и, съ достовѣрностью знаю, рыболовство это открывалъ въ 1807 году молодой въ то время офицеръ, а нынче маститый старецъ, всѣми любимый генералъ Ѳ. Г. Бизяновъ.

Говоря о началѣ рыболовства въ морѣ, почему бы не сказать заодно ужъ, хоть еще для одной лишней подобнаго рода ошибки, о времени, съ котораго начали уральцы рыбачить въ Черхальскомъ Морцѣ и въ другихъ озерахъ и рѣчкахъ. Право, что ни говори, а манера разсказывать всю подноготную о предметахъ незнакомыхъ и невиданныхъ, а только по слуху—никуда не годится. Если бы я вздумалъ исчислять всѣ промахи г. Небольсина въ его статьѣ, то, право, замѣтки мои вышли бы слишкомъ длинными. Укажу только на болѣе или менѣе важныя.

„Калёновскій форпостъ на рѣкѣ Уралѣ,—говоритъ г. Небольсинъ (№ 4, стр. 126),—также какъ и городъ Черный-Яръ на Волгѣ, составляютъ двѣ замѣчательныя точки: тутъ, по наблюденіямъ стариковъ, бываетъ постоянная грань между ранней весной и поздней зимой. Какъ весной, такъ и осенью, по одну ихъ сторону пыль и тепло, по другую снѣгъ и холода“.

Не сомнѣваюсь, что городъ Черный-Яръ на Волгѣ составляетъ переходную грань отъ тепла къ холоду и отъ холода къ теплу, но позвольте замѣтить вамъ, г. авторъ, что нашъ Калёновскій форпостъ на Уралѣ не имѣетъ такой замѣчательной особенности, да и по географическому своему положенію ему нельзя равняться съ городомъ Чернымъ-Яромъ: онъ, Калёновскій-то форпостъ, лежитъ почти на цѣлые полтора градуса сѣвернѣе Чернаго-Яра. Взгляните на любую карту и увидите, что я говорю правду. Есть у насъ на

Уралѣ дѣйствительно переходная черта отъ тепла къ холоду, но только гораздо южнѣе Калеповскаго форпоста: это Калмыковская крѣпость, отстоящая отъ Калёновскаго форпоста ниже чрезъ пять станцій, въ семидесяти верстахъ. Даже и не Калмыковская крѣпость, а скорѣе Красноярскій форпостъ, еще 15-ю верстами ниже Калмыковской крѣпости, но мы привыкли считать послѣднюю, составляющую притомъ грань между средней и нижней дистанціями.

Указывая на переходныя точки отъ тепла къ холоду, не для чего было ссылаться или опираться на наблюденія старшковъ: разница въ температурѣ воздуха на сказанной мною мѣстности ощутительна и очевидна и молодымъ людямъ. Автору стоило только прокатиться отъ Уральска къ Гурьеву во время глубокой осени или ранней весны, чтобы испытать и убѣдиться, гдѣ переходная грань: до Калмыковской крѣпости или до Красноярскаго форпоста онъ проѣхалъ бы на саняхъ, а тамъ для дальнѣйшаго путешествія принужденъ бы былъ пересѣсть въ тарантасъ или, за неимѣніемъ его, и въ простую телѣгу.

„...Гурьевъ-городокъ,—говоритъ г. Небольсинъ (№ 5, стр. 82),—носитъ свое названіе отъ гостя Гурія, который въ 1630 году завелъ и устроилъ за моремъ, на рѣкѣ Яикѣ, своими деньгами городъ каменный и для рыбной ловли сдѣлалъ учугъ“. Горожанами „Гурьева были сначала астраханскіе переселенцы, которые и занимались здѣсь разными промыслами до тѣхъ поръ, пока городокъ этотъ не перешелъ въ полное обладаніе уральскихъ казаковъ, что было въ половинѣ прошлаго столѣтія“.

„Ни въ XVII, ни въ XVIII столѣтіяхъ,—продолжаетъ авторъ,—уральцы не имѣли въ Гурьевѣ осѣдлости. Въ отношеніи къ уральскому войску Гурьевъ былъ только аванпостомъ, на который выкомандировывалась, на извѣстные сроки, одна другою смѣняемая казачья стража, содержавшая караулы и охранявшая войсковые рыбные промыслы.

Сказавъ, какъ стража эта, прослуживъ въ Гурьевѣ указный срокъ, возвращалась на линію и расходилась по домамъ, авторъ продолжаетъ: „По этой причинѣ, казаки ни осѣдлости здѣсь не имѣли, ни хозяйствомъ не обзаводились, а ловили только рыбу, да торговали баранами. По самой сущности этихъ занятій, гурьевцы не могли стѣснять себя, чисто изъ экономическихъ причинъ, присутствіемъ женщинъ, которымъ здѣсь и нечего было дѣлать, да и трудно было жить, бросивъ прежніе дома и промѣнявъ родныя мѣста на безотрадное взморье, вѣчно пропитанное сыростью, вѣчно палимое солнцемъ, полное разныхъ гадовъ, изъ числа которыхъ одни комары да мошки могли отравить всѣ житейскія наслажденія. Притомъ же безпрестанное сосѣдство съ киргизами, въ то время еще очень сомнительными друзьями казаковъ, представляло для семейной жизни своего рода неудобство. Дѣло въ томъ, что Гурьевъ-городокъ былъ обитаемъ однимъ только мужскимъ и очень нечисленнымъ населеніемъ,—въ немъ, какъ въ городкѣ, т. е. какъ въ крѣпости, гдѣ народъ былъ только на временной службѣ, казаки не смѣли имѣть при себѣ женщинъ“.

Затѣмъ г. Небольсинъ разсказываетъ, какъ одинокому казаку было привольно жить въ Гурьевѣ, гдѣ было подъ руками и море, полное рыбы, и киргизы, богатые баранами, и т. п. Потомъ говоритъ, какъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія многіе изъ членовъ войскового сословія стали засматриваться на этотъ обиженный природою, а все-таки обѣтованный уголокъ, и какъ они мало-по-малу, съ дозволенія начальства, обзаводились въ Гурьевѣ домами... „Знаменитый своимъ умомъ и энергіею атаманъ Покатиловъ,—подлинныя слова г. автора, стр. 83,—поощрялъ заселеніе Гурьева, а преемникъ его, Бородинъ,—не преемникъ, а предшественникъ: генералъ Д. М. Бородинъ атаманствовалъ у насъ съ 1798 или 99 года по 1831-й годъ, а Покатиловъ поступилъ къ намъ послѣ смерти Бородина,—совершенно предоставилъ на волю казаковъ упрочиться въ Гурьевѣ полнымъ хозяйствомъ и осѣд-

лостью. Съ тѣхъ поръ,—съ какихъ поръ? со временъ Бородина или Покатилова? какъ понимать—не сообразишь,—и стали въ Гурьевѣ казаки жить съ женами, цѣлыми семьями".

Вѣрю, что Гурьевъ построенъ въ 1630 году: вѣрю, что до половины прошлаго столѣтія горожанами Гурьева были астраханцы, вѣрю и тому, что въ XVII столѣтіи уральцы не имѣли тамъ осѣдлости по очень простой причинѣ: Гурьевъ принадлежалъ къ Астрахани и казаки наряжались туда, т. е. въ Гурьевъ, для стражи; но никакъ не повѣрю сказанію г. Небольсина, чтобы въ XVIII столѣтіи, т. е. въ послѣдней половинѣ его, уральцы не жили въ Гурьевѣ-городкѣ домами, хотя ученый авторъ и выставляетъ причины тому слишкомъ убѣдительныя и сильныя, которыя, съ позволенія сказать, не стоятъ почти и опроверженія.

По словамъ автора, казаки не имѣли въ Гурьевѣ женщинъ потому, что хозяйствомъ не обзаводились, а ловили только рыбу, да торговали баранами. Истинно. У гурьевцевъ и теперь, кромѣ рыболовства и торговли баранами, рѣшительно нѣтъ никакихъ промысловъ: стало быть, гурьевскимъ казакамъ и теперь не приводится въ Гурьевѣ жить съ семьями.—Комары и мошки, выводимые г. авторомъ за отравителей всѣхъ житейскихъ наслажденій, и теперь не спускаютъ гурьевскимъ обывателямъ и обывательницамъ, не спустятъ и заѣзжему гостю.—Правда, съ 1840-хъ годовъ, по причинѣ быстраго упадка водъ и чрезмѣрной засухи, отчего окрестности Гурьева, покрывавшіяся въ старину непроходимыми камышевыми зарослями, оголились, число этихъ насѣкомыхъ уменьшилось, но прежде того, даже въ 1830-хъ годахъ, когда я былъ мальчикомъ, помню, комаровъ въ Гурьевѣ была такая бездна или такая тьма-тьмущая, что по вечерамъ и ночамъ дышать, какъ говорится, нельзя было; однако же, благодаря Бога, эти лютые враги человѣческаго рода никого не заѣдали. Еще г. Небольсинъ указываетъ на опасное сосѣдство киргизовъ, имѣвшее, между прочимъ, вліяніе на то, что въ Гурьевѣ не могли жить женщины,—но киргизы, какъ за сто, какъ за

пятьдесять, такъ и за двадцать-пять лѣтъ назадъ одинаково были опасны своимъ хищничествомъ. Гурьеву же, слѣдуетъ замѣтить, они были менѣе опасны, чѣмъ другимъ казачьимъ станицамъ по линіи, потому что Гурьевъ, не говоря о стѣнахъ и пушкахъ, былъ въ старину защищенъ и самою природою: онъ отовсюду былъ окруженъ водами.

Дѣйствительно, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія Гурьевъ-городокъ имѣлъ малочисленное населеніе; дѣйствительно, только съ 1830-хъ годовъ, положимъ со временъ атамана Покатилова, онъ сталъ быстро распространяться и обстраиваться; но это не доказываетъ еще, чтобы казаки прежде того жили въ немъ безъ семей.

Сказавъ, что въ XVIII столѣтіи уральцы не имѣли въ Гурьевѣ осѣдлости, г. Небольсинъ крѣпко ошибся. Увѣрять автора, что уральцы стали жить тамъ домами съ того времени, какъ Гурьевъ перешелъ въ полное обладаніе уральцевъ, считаю совсѣмъ лишнимъ. Скажу только вотъ что: покойница мать моя родилась въ Гурьевѣ въ концѣ прошлаго вѣка,—а комары, однакожъ, замѣтить въ скобкахъ, не заѣли ее, -а бабушка моя, мать моей матери, родомъ изъ г. Царицына, по выходѣ замужъ за дѣда моего, переѣхала изъ Царицына въ Гурьевъ въ 1780-хъ годахъ,—и въ то время Гурьевъ былъ обитаемъ уже семейными казаками. Прежде чѣмъ наши казачки стали жить въ Гурьевѣ, тамъ жили и астраханки, не боясь ни комаровъ, ни киргизовъ. Астраханки не боялись ни киргизовъ, ни комаровъ—какъ же казачкамъ бояться было ихъ? Удивительно. Въ Гурьевѣ и теперь здравствуетъ, ежели только не умерла въ прошломъ году,—одна столѣтняя астраханка, жена пономаря Попова, по имени Ксенья, по отчеству Никитишна, а по особому прозвищу, данному ей казачками, вслѣдствіе ея глухоты, Глухонюшка. Никитишнѣ, какъ она поселилась въ Гурьевѣ, было отъ роду всего только 18 лѣтъ. Никитишна —живое свидѣтельство или доказательство того, что Гурьевъ съ незапамятныхъ годовъ обитаемъ и мужчинами, и женщинами,—сначала, разумѣется, астраханскаго, а по-

томъ, какъ Гурьевъ перешелъ въ вѣдѣніе уральцевъ —казачьяго сословія. Кромѣ всего этого, въ Гурьевѣ-городкѣ, безъ сомнѣнія, найдутся и теперь шестидесяти, семидесяти и даже восьмидесятилѣтніе старики и старухи, изъ уральцевъ и уралокъ, которые, несмотря ни на комаровъ, ни на мошекъ, ни даже на самыхъ киргизовъ, родились и выросли въ Гурьевѣ, на безотрадномъ взморьѣ.

Удивляюсь опрометчивости г. автора, удивляюсь, какъ такому положительному и осмотрительному литератору, каковымъ я привыкъ считать П. И. Небольсина, не пришло въ голову, что вѣдь легко можетъ статься, что статью его прочтетъ какой-нибудь молодой гурьевскій казакъ и захочетъ повѣрить справедливость сказанія насчетъ Гурьева-городка Въ этомъ случаѣ, любопытный казаченокъ обратится, разумѣется, къ старику, пересказетъ ему содержаніе разсказа г. Небольсина и спроситъ:

— Какъ ты думаешь, дѣдушка, вотъ насчетъ эвтой оказіи—правду ли говоритъ сочинитель, какой-то г. Небольсинъ, будто лѣтъ за шестьдесятъ или за семьдесятъ въ Гурьевѣ не жили наши домами?-

— Что? Не жили домами?—скажетъ съ удивленіемъ старикъ и потомъ, покачавъ головою, прибавитъ:

— Убирайся ты прочь отъ меня съ такими пустяками: вотъ ужъ седьмой десятокъ живу на бѣломъ свѣтѣ, а родился-то я здѣсь, въ Гурьевѣ.

— Да какъ же сочинитель-то говоритъ объ этомъ?— снова спроситъ казаченокъ.

— А я почемъ знаю?—отвѣтитъ нехотя старикъ.—Поди да спроси самого его, сочинителя-то: чай сочинилъ да и вся недолга. Онъ еще и не такія вещи сочинилъ: онъ, дай Богъ ему здоровья, не посовѣстился вклеить въ свое сочиненіе и „девятую пуговку“. Поди да и вѣрь имъ, сочинителямъ-то.

III.

Г. Небольсину не понравились мои замѣчанія, напечатанныя въ 7 № „Москв.",—неизвѣстно, понравится ли продолженіе ихъ, въ 12 № этого журнала,—на статьи его объ „Уральцахъ", и не понравились они по очень простой причинѣ: правда глаза колетъ. И вотъ, желая доказать читающей публикѣ непогрѣшимость своихъ разсказовъ, г. Небольсинъ рѣшился оправдаться, напечатавъ въ 168 № „Санктпет. Вѣдомостей" возраженія на мои замѣчанія. Какъ искусный и ловкій писатель, г. Небольсинъ подобралъ многое-множество фразъ, скрѣпивъ и украсивъ ихъ не то острыми и замысловатыми, не то нелѣпыми и лишенными всякаго смысла сравненіями,—и думаетъ, конечно, что уже достигъ своей цѣли, т. е. уничтожилъ меня, забилъ меня въ пухъ и въ прахъ, а самъ вышелъ правымъ—чуть-чуть не святымъ. Пусть г. Небольсинъ остается при своемъ, лестномъ для него, убѣжденіи: отъ этого невѣрности его разсказовъ не исправятся; пусть хвалится своимъ превосходствомъ: отъ этого опять ложныя сказанія истинными не сдѣлаются; пусть стращаетъ меня, что я взялся за неравное оружіе: отъ этого я не паду и не преклонюсь предъ г. Небольсинымъ, потому что противъ его смертоноснаго оружія у меня есть непроницаемый щитъ—правда. Каждый изъ читателей, кто дорожитъ правдой и кто прочтетъ съ должнымъ вниманіемъ мои замѣчанія и возраженія г. Небольсина, увидитъ, на чьей сторонѣ правда—на моей или на сторонѣ г. Небольсина. Ежели я не мастеръ такъ выражаться, какъ мастерски выражается г. Небольсинъ, то это еще не значитъ, чтобы истинныя мои сказанія уступали фальшивымъ сказаніямъ г. Небольсина: правда, какъ бы она ни была высказана, навсегда пребудетъ правдой, а фразы, какъ бы красно онѣ ни были высказаны, навсегда останутся фразами.

Послѣ второй статьи моихъ замѣчаній, помѣщенной въ 12 № „Москв.",—жаль, что г. Небольсинъ навсегда отказался

отъ возраженій: любопытно бы было знать, что онъ сказалъ бы на эту вторую статью,—мнѣ ничего особеннаго не оставалось сказать о разсказахъ г. Небольсина, и я считалъ по этому предмету все конченнымъ; но г. Небольсинъ возраженіями своими вызвалъ меня на то, чтобы я сказалъ еще нѣсколько словъ, дабы показать всю шаткость и неосновательность его возраженій.

Многія изъ моихъ замѣтокъ, высказанныя не въ укоръ, не въ обвиненіе г. Небольсину, рѣшительно не требовали возраженій; но г. Небольсину не утерпѣлось: онъ вздумалъ оправдываться и некстати возражать. Такъ, напримѣръ, г. Небольсинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ разсказовъ („Вѣстникъ Геогр. Общ." VI кн., за 1854 г., стр. 206) упоминаетъ о междоусобицѣ, происшедшей у уральцевъ съ самарцами. А я, въ замѣткахъ моихъ („Москв." № 7, стр. 159), дѣлаю дополненіе къ его сказанію, указывая на мѣсто, гдѣ была драка у уральскихъ казаковъ съ самарскими. Но г. Небольсинъ, возражая на мое указаніе, говоритъ: „Готовъ принять это извѣстіе, пожалуй, даже за историческій фактъ; но какая же польза въ этомъ фактѣ? Есть ли тутъ хоть тѣнь научнаго интереса?" Милостивые государи! Ежели въ сообщенномъ мною извѣстія г. Небольсинъ не видитъ ни пользы, ни тѣни интереса, то равнымъ образомъ, слѣдуя убѣжденіямъ г. Небольсина, не должно искать ни пользы, ни интереса и въ показаніи самого г. Небольсина. Но я чуждъ этого мнѣнія. Я даже удивляюсь, какъ г. Небольсинъ дозволилъ себѣ выразиться такъ, какъ онъ выразился насчетъ моего замѣчанія. Скажи это другой кто-нибудь, а не г. Небольсинъ—сошло бы, пожалуй, съ рукъ, а то вѣдь это сказалъ писатель серьезный, писатель, которому вѣроятно хорошо извѣстно, что во всякомъ хоть сколько-нибудь любопытномъ свѣдѣніи, до чего бы оно ни относилось—до статистики ли, до этнографіи ли, до исторіи ли, до народнаго ли, наконецъ, преданія—все равно, есть и должны быть и польза, и интересъ! Дѣлая на этотъ пунктъ моихъ замѣчаній возраженія, г. Небольсинъ противорѣчитъ самъ себѣ,

противорѣчитъ своимъ разсказамъ: вѣдь указаніе мое на мѣсто драки уральцевъ съ самарцами было сдѣлано въ видѣ одного дополненія къ его разсказу. Можетъ быть, г. Небольсинъ цѣнитъ только то, что вѣситъ пуды, а то, что вѣситъ фунты, считаетъ за ничто,—можетъ быть, онъ думаетъ, что въ его извѣстіи о междоусобицѣ, бывшей у уральцевъ съ самарцами, заключается пользы на цѣлый пудъ, а въ моемъ только на одинъ фунтъ: но вѣдь пуды составляются изъ фунтовъ—это не слѣдуетъ выпускать изъ виду.

Въ другомъ мѣстѣ своихъ разсказовъ (въ „Вѣстникѣ же", стр. 205) г. Небольсинъ высказался, что уральцы и теперь отчасти ведутъ почти что полукочевую жизнь, въ главныхъ основаніяхъ своихъ вовсе непохожую на жизнь совершенно осѣдлаго населенія. А я, въ замѣткахъ моихъ („Москв." № 7, стр. 157), сказалъ, что это неправда, что объ этомъ и намекать не слѣдовало бы, потому что жизнь уральцевъ въ полномъ смыслѣ слова жизнь осѣдлая, потому что люди, незнакомые съ бытомъ казаковъ, подумаютъ объ нихъ Богъ знаетъ что такое. Но г. Небольсинъ, отстаивая свое сказаніе, дѣлаетъ на мое замѣчаніе опроверженіе, да какое?—совершенно неосновательное. Извольте выслушать: г. Небольсинъ доказываетъ, что уралецъ безпрестанно занятъ то службой внѣ дома, то рыболовствомъ въ морѣ, то рѣчной добычей и оттого не по суткамъ, а по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ дома и т. п. „Не правъ ли же я былъ — заключаетъ г. Небольсинъ, — выразившись такъ, какъ я выразился?" т. е., сказавши, что уральцы отчасти ведутъ почти-что полукочевую жизнь.

Милостивые государи! Есть ли въ словахъ г. Небольсина тѣнь правды? Возможно ли такъ выражаться, какъ выразился г. Небольсинъ, т. е., былъ ли въ правѣ г. Небольсинъ называть полукочевой жизнью жизнь народа потому только, что нѣкоторые члены того народа выѣзжаютъ изъ домовъ своихъ на нѣсколько недѣль для какихъ-либо промысловъ? Ежели г. Небольсинъ считаетъ себя правымъ, выразившись, что уральцы и теперь ведутъ почти что полу-

кочевую жизнь, то, послѣ того каждый писатель, который, разумѣется, пустившись по слѣдамъ его, вздумаетъ подражать ему и сказаніе его считать за вѣрное, будетъ считать себя въ правѣ утверждать, — а мы должны вѣрить, — что и вся Россія обитаема народомъ полукочевымъ, потому что все, что сказано по этому поводу г. Небольсинымъ насчетъ уральцевъ, можно примѣнить и ко всѣмъ русскимъ вообще. Напримѣръ, возьмемъ для сравненія жителей Владимірской или Симбирской губерніи. Вѣдь многіе изъ нихъ, занимаясь торговлей или извозничествомъ и разъѣзжая изъ села въ село, изъ города въ городъ, не видятъ домовъ и семей своихъ по нѣскольку мѣсяцевъ, иногда по нѣскольку годовъ, не только-что по нѣскольку недѣль. Но развѣ про жителей Владимірской или Симбирской губерніи можно сказать, что они ведутъ жизнь почти что полукочевую? По моему простому разумѣнію, нельзя; но, по разумѣнію г. Небольсина, ученаго и просвѣщеннаго писателя, да вдобавокъ жильца бельэтажа, вѣроятно, будетъ льзя, особенно если онъ приведетъ въ доказательство еще то обстоятельство, что древніе славяне, наши предки, до образованія государствъ переходили, дескать, съ мѣста на мѣсто, какъ переходили во время перваго появленія на Уралѣ уральскіе казаки, когда у нихъ не было тамъ ни городовъ, ни селеній, — что и послужило поводомъ къ ошибочному выраженію г. Небольсина. Безъ сомнѣнія г. Небольсинъ не по убѣжденію отстаиваетъ свои фальшивыя выраженія, а онъ толкуетъ такъ-себѣ, чтобы только поставить на своемъ. Выиграетъ ли онъ изъ этого что или нѣтъ, не мое дѣло судить; но за всѣмъ тѣмъ я не могу, однако-жъ, не удивляться черезчуръ большой находчивости г. Небольсина. Онъ былъ такъ остороженъ, такъ смѣтливъ въ своихъ разсказахъ, что не назвалъ уральцевъ прямо н о м а д а м и. На самомъ дѣлѣ, дѣло мастера боится. Назови г. Небольсинъ уральцевъ номадами — онъ не имѣлъ бы послѣ того возможности оправдываться и дѣлать возраженія. Честь и слава находчивости и догадливости г. Небольсина!

Отстаивая ложное показаніе свое насчетъ „девятой пуговки“, г. Небольсинъ опирается на авторитетъ гг. Даля и Левшина. Но въ какой степени справедливо сказаніе перваго изъ этихъ писателей, г. Даля, о „девятой пуговицѣ“— читатели увидятъ изъ второй статьи моихъ замѣчаній („Москв.“ № 12). Что же касается до ссылки г. Небольсина на разсказы г. Левшина, то г. Небольсинъ напрасно включилъ имя этого писателя въ свои возраженія: г. Левшинъ ничего о „девятой пуговкѣ“ не говорилъ, о чемъ я уже и объяснилъ (въ 12 № „Москв.“). Стало быть, статья эта рѣшена и распространяться о ней больше не слѣдуетъ. Я, пожалуй, не сказалъ бы о ней здѣсь ни слова, если бы не далъ къ тому повода самъ г. Небольсинъ. Онъ въ доказательство правоты своей насчетъ этого показанія приводитъ этнографическій альбомъ рисунковъ, составленный имъ самимъ во время путешествія и говоритъ по этому случаю вотъ что:

„Въ этнографическомъ альбомѣ, составленномъ мною во время путешествія, въ альбомѣ, который г. Желѣзновъ, въ бытность свою въ Санктпетербургѣ моимъ гостемъ, самъ лично обозрѣвалъ во всѣхъ подробностяхъ, есть новѣйшій рисунокъ сарафановъ: на немъ также ясно, на двухъ изображеніяхъ уралокъ, обозначены отборныя девятыя пуговицы“.

Ежели есть у г. Небольсина альбомъ, а въ немъ рисунки, изображающіе уралокъ съ отборными на сарафанахъ девятыми пуговицами, — то эти рисунки должно считать за фальшивые. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: я, — было бы извѣстно и вѣдомо всѣмъ и каждому, не выключая и г. Небольсина, который начинаетъ немного заговариваться, я—пишущій эти строки—не только знаменитаго альбома, но и самого г. Небольсина, составителя и обладателя такой достопримѣчательности, ни разу въ жизни не имѣлъ удовольствія и счастія видѣть, и къ сожалѣнію моему не знаю, не вѣдаю, что за личность, что за особа такая этотъ г. Небольсинъ. — Съ чего взялъ г. Небольсинъ говорить, что я былъ у него въ гостяхъ и обозрѣлъ альбомъ

его,—понять не могу. Вѣроятно, г. Небольсину, сильно занятому сказаніемъ своимъ насчетъ ложной девятой пуговки, во снѣ пригрезился тотъ, кто осмѣлился обличить его неправду. — Вотъ о какихъ небывалыхъ вещахъ г. Небольсинъ провозглашаетъ печатно. Какъ же послѣ этого мы должны безусловно вѣрить сказаніямъ г. Небольсина?

Подъ-конецъ своихъ возраженій г. Небольсинъ завелъ рѣчь о башкирцахъ, нѣкогда имъ восхваленныхъ и до небесъ превознесенныхъ, а мною такой чести неудостоенныхъ. По этому поводу г. Небольсинъ говоритъ, что онъ видѣлъ цвѣтъ многолюднаго башкирскаго общества и описывалъ башкирцевъ такъ, какъ видѣлъ ихъ на перекочевкахъ, при сборѣ на смотрахъ, и т. п., а я — отдѣльныя семьи, малочисленное отродье, живущее вдали отъ Башкиріи и потому отставшее отъ своихъ соплеменниковъ. Дѣйствительно, я исключительно описывалъ небольшое башкирское общество („Москвит.“ 1854 г., №№ 14 и 17); но ни я не сказалъ, ни г. Небольсинъ не доказалъ, да и доказать не можетъ, чтобы это небольшое общество утратило всѣ свойства, привычки, характеръ, наклонности того большого общества, отъ котораго оно отдѣлилось не такъ давно, лѣтъ двадцать тому назадъ. Если я въ моихъ „Башкирцахъ“ и сдѣлалъ ссылку на разсказы г. Небольсина, то сдѣлалъ не по слухамъ однимъ, какъ это дѣлаетъ иногда г. Небольсинъ, составляя цѣлыя статьи не изъ личнаго наблюденія, а изъ словъ другихъ, и еще въ добавокъ въ видѣ развлеченія въ часы отдохновенія отъ трудовъ. Я, мм. гг., смѣло могу сказать, что я не меньше г. Небольсина видѣлъ хвалимыхъ имъ башкирцевъ, обитателей многолюднаго общества, — я видѣлъ ихъ тысячами въ степныхъ походахъ, видѣлъ что за люди такіе эти башкирцы. — Какъ наѣздники, башкирцы дѣйствительно молодцы, не хуже киргизовъ, которые въ свою очередь поспорятъ въ этомъ случаѣ и съ башкирцами и со всѣми степными народами, проводящими всю жизнь на лошади. — Какъ воины, башкирцы, точно, не плохи, если ставить ихъ въ параллель съ киргизами, противъ этого и

спорить нельзя, они даже немного лучше будутъ киргизовъ, изъ среды которыхъ, кстати замѣтить, доселѣ, однако-жъ, не составлено еще ни одного воинскаго отряда. Но чтобы ставить башкирцевъ наравнѣ съ донцами и черноморцами, какъ выставилъ ихъ щедрый на похвалы г. Небольсинъ въ „Разсказахъ Проѣзжаго" (въ IX главѣ о хивинцахъ, стр. 219), — но чтобы ставить ихъ выше казаковъ Оренбургскаго Войска, какъ обрисовалъ ихъ г. Небольсинъ въ „Замѣткахъ о Башкуртахъ" („Отеч. Зап." 1850 г., № 2) — нельзя: всему должна быть мѣра, а главное во всемъ должна быть правда. Вотъ въ этомъ-то духѣ, вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и сдѣлалъ замѣчаніе на описаніе г. Небольсина, но сдѣлалъ замѣчаніе мое („Москв." 1854 года, № 14, стр. 88) не съ той цѣлію, чтобы укорить г. Небольсина или чтобы совсѣмъ унизить его „Башкирцевъ", а съ той, чтобы по всей справедливости отдать первенство предъ башкирцами кореннымъ природнымъ казакамъ Оренбургскаго Войска, которые этого вполнѣ заслуживаютъ и которыхъ г. Небольсинъ не только оттѣснилъ своими лихими башкирцами на задній планъ, но даже совсѣмъ затмилъ, тогда какъ Оренбургскіе казаки, природные, повторю, казаки, по одному ужъ тому, что они казаки славянскаго племени, получившіе начало отъ прежнихъ волжскихъ, стало-быть, донскихъ казаковъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ и не должны быть хуже башкирцевъ, а гораздо лучше и почище ихъ. Слѣдовательно, не предстояло бы, кажись, г. Небольсину надобности поднимать старую исторію и толковать о томъ, что ясно безъ всякихъ толковъ. Но г. Небольсинъ задалъ, вѣроятно, себѣ задачу — отстаивать во-что бы то ни стало свои промахи и оттого изъ одной крайности впадаетъ въ другую.

Считая, съ моей стороны, споръ по этому предмету конченнымъ, я нахожу необходимымъ прибавить еще нѣсколько словъ, вызванныхъ г. Небольсинымъ. Онъ доискивается причинъ, которыя побудили меня писать замѣчанія на его статьи, и догадывается, что въ дѣло это вмѣшались, съ моей стороны, какія-нибудь посторонніе побужденія. На это

вотъ мой отвѣтъ: побужденія мои писать замѣчанія на статьи г. Небольсина не какія-нибудь, какъ онъ предполагаетъ, посторонія, а прямыя, ясныя, положительныя и законныя — чтобы обличить неправду. — Теперь спрашивается, какія же побужденія заставили г. Небольсина дѣлать возраженія на то, что рѣшительно обошлось бы безъ возраженій? Не явно ли съ его стороны желаніе дѣлать только одно противорѣчіе, чтобы придать сказаніямъ своимъ ту степень истины, которой они, къ несчастію, лишены, вслѣдствіе, конечно, того, что разсказы свои объ уральцахъ г. Небольсинъ составлялъ, какъ самъ говоритъ, только въ часы отдохновенія отъ другихъ утомительныхъ занятій.

Москва, 1855 г. августъ.

Киргизоманія.

Старшиный нашъ знакомый, — не по личнымъ сношеніямъ, а по литературѣ, — г. Павелъ Небольсинъ, недавно выступилъ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ № 17, въ статьѣ „Путешествующіе Киргизы“) съ теплымъ и задушевнымъ словомъ о киргизахъ. Въ коротенькой статейкѣ онъ наговорилъ кучу любезностей нашимъ степнякамъ, посѣщавшимъ въ прошломъ августѣ Петербургъ. Дѣло похвальное. Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, и не заявить публикѣ о личностяхъ симпатичныхъ, достойныхъ уваженія и сочувствія по своимъ нравственнымъ качествамъ, о личностяхъ, „готовыхъ на откликъ всему благородному, честному, прямодушному“, и т. д.? Все это прекрасно, все это дѣлаетъ честь г. Небольсину, а, пожалуй, и всей Россіи, потому что изъ теплаго и задушевнаго слова степнякамъ, — послѣдніе, если и не знаютъ въ совершенствѣ, то будутъ, по крайней мѣрѣ, предощущать „благоденствіе и силу Россіи“, а главное, „торжество науки надъ матерьяльною природой“ и т. д. Все это, повторимъ, прекрасно. Но... „зачѣмъ же стулья-то ломать?“ Мы хотимъ сказать: г. Небольсинъ, восхваляя киргизовъ, прокатился на-счетъ уральскихъ казаковъ! Вотъ, это, по нашему, далеко не прекрасно. Уральскій казакъ и русскій человѣкъ, напримѣръ, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ и т. п. живутъ одинаковою жизнью, духовною и нравственною: обычаи, нравы, взглядъ на вещи одинаковы, какъ у казака, такъ и у русскаго! Слѣдовательно, упрекъ, — о которомъ будетъ

сказано ниже, — сдѣланный авторомъ „Путешествующихъ Киргизовъ“ уральскимъ казакамъ, одинаково относится и ко всѣмъ русскимъ. Увы! патріотизмъ г. Небольсина и его горячее увлеченіе воспѣть похвальное слово киргизамъ и выказать передъ ними „благоденствіе и силу Россіи“ повергли послѣднюю въ стыдъ и срамоту! Что подумаетъ о Россіи Европа, прочитавъ „Путешествующихъ Киргизовъ“ г. Небольсина? Что скажетъ Азія вообще и блистательная Порта въ особенности? А сирійскія дѣла, чего добраго, примутъ исходъ неблагопріятный для христіанъ и выгодный для мухамеданъ!... Что... Однако, остановимся. Мы слишкомъ бы далеко зашли, если бы стали перечислять всѣ непріятности и огорченія, ожидавшія Россію отъ выходки краснорѣчиваго и восторженнаго панегириста киргизовъ. Приступимъ прямо къ дѣлу.

Перечисляя добродѣтели и благотворительные подвиги одного изъ киргизовъ, г. Исенбаева, г. Небольсинъ говоритъ: „Полагаю нелишнимъ прибавить еще одну черту о г. Исенбаевѣ. Сосѣди киргизовъ уральскіе казаки *) не христіански, не гуманно смотрятъ вообще на мухамеданъ, а на киргизовъ въ особенности **). Притѣснить, опозорить, облаять,

---

*) Сосѣди киргизовъ, замѣтимъ, съ нашей стороны, не одни уральскіе казаки, а и пограничные жители западной Сибири, пограничные жители Оренбургской губерніи, живущіе по рѣкѣ Уралу и Илеку, выше уральскихъ казаковъ; наконецъ, все русское населеніе за лѣвымъ берегомъ Волги, примѣрно отъ Саратова до Астрахани и въ томъ числѣ нѣмцы-колонисты! Численность уральскихъ казаковъ къ численности остальныхъ русскихъ, живущихъ по сосѣдству съ киргизами, относится, какъ, напримѣръ, одна капля къ полному стакану воды.

**) Желательно бы знать, какъ смотритъ на киргизовъ и другихъ поклонниковъ Мухамеда, напримѣръ, на башкиръ, остальное, кромѣ уральскихъ казаковъ, русское населеніе, живущее по сосѣдству съ мухамеданами и часто претерпѣвающее огромные убытки, а въ иную пору и совершенныя разоренія отъ ихъ хищничества, конокрадства и тому подобныхъ доблестей. Положимъ, это частность. Но поговорка: „не во-время гость хуже татарина“, и теперь, еще въ ходу у всего русскаго народа; нехристь, погань и тому подобное суть слова, до днесь русскими употребляемыя въ

обмануть киргиза ни почемъ. Уралецъ изстари смотрѣлъ на киргиза, какъ на предметъ, которымъ можно всячески поживиться; человѣческихъ правъ его уралецъ никогда не признавалъ; время, конечно, взяло свое, но уральцы, какъ закоренѣлые до послѣднихъ годовъ раскольники, были не очень воспріимчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія. Въ общественной жизни они мало подвигались впередъ и благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія своихъ сосѣдей-киргизовъ ничѣмъ оказать не могли; до сихъ поръ они болѣе враждебно, чѣмъ братски, смотрятъ на этихъ своихъ согражданъ. Для того, чтобы этому, изстари враждующему съ киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ въ нынѣшнемъ году принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей *).

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ заключается двоякаго рода смыслъ: первый, что уральскіе казаки, какъ народъ отсталый не согрѣтый лучами западнаго — и юго-восточнаго или сѣвернаго, мы не знаемъ — просвѣщенія, не могли оказать благотворнаго вліянія на киргизовъ. Объ этомъ мы скажемъ слова два послѣ. Второй же и самый существенный смыслъ этихъ словъ слѣдующій: казаки-христіане обижаютъ киргизовъ-мухамеданъ, а мухамедане за зло платятъ добромъ, приносятъ въ даръ деньги на пользу христіанскихъ дѣтей!

Сказанное г. Небольсинымъ можетъ быть сносно въ устахъ киргиза, которому бы вздумалось поднять голосъ въ защиту своего племени, но въ устахъ русскаго, человѣка образованнаго, сказанное г. Небольсинымъ отзывается край-

---

смыслѣ словъ бранныхъ и унизительныхъ. Такова сила исторіи! Слѣдовательно, дѣлать укоръ однимъ уральскимъ казакамъ за неблагосклонный взглядъ ихъ на киргизовъ—довольно несправедливо.

*) „Русскій Вѣстникъ", № 17, „Совр. Лѣт.", стр. 45.

ней натяжкой, парадоксомъ, пустымъ фразерствомъ, жалкимъ желаніемъ сдѣлать упрекъ казакамъ, упрекъ, нисколько незаслуженный ими, короче, слова г. Небольсина въ высшей степени пахнутъ киргизоманіей.

На это мы представимъ, такъ сказать, осязательныя доказательства въ своемъ мѣстѣ, а теперь займемся благотворительностію г. Исенбаева, которою г. Небольсинъ колетъ глаза уральцамъ.

Всякое даяніе благо. Безспорно, всякая благотворительность достойна похвалы, а благотворительность киргиза на пользу христіанъ достойна еще большей похвалы. Она во всякомъ случаѣ стоитъ того, чтобы заявить о ней міру печатно; но заявляя о ней міру, къ чему примѣшивать тутъ разсужденія и замѣчанія, которыя не только не возвышаютъ цѣны добраго дѣла, но, напротивъ, извращаютъ дѣло, само по себѣ чистое и доброе? Къ чему, говоря о благотворительности киргиза, сопоставлять ей враждебность населенія, въ пользу котораго принесенъ даръ? Мы такого убѣжденія, что лишнія разглагольствія о благотворительныхъ подвигахъ не поставятъ ихъ выше того, чего они сами по себѣ стоятъ. Напротивъ, нужно опасаться, какъ бы не выискались такіе скептики, которые могутъ не сойтись во взглядахъ съ г. Небольсинымъ, какъ съ восторженнымъ панегиристомъ, которые могутъ заподозрить чистоту побужденій благотворителя, которые могутъ, чего добраго, подумать, что благотвореніе и сдѣлано-то именно съ тою цѣлью, чтобы при случаѣ было чѣмъ попрекнуть русскихъ, или имѣть основательную причину получить, напримѣръ, золотую медаль! Жаль, что г. Небольсину, какъ слишкомъ усердному панегристу, не пришла на умъ такая простая мысль, когда онъ писалъ свою похвальную оду.

Мы, съ своей стороны, нисколько не сомнѣваемся въ чистотѣ побужденій киргиза, принесшаго даръ войсковой казачьей казнѣ и не думаемъ умалять цѣны его филантропическаго подвига, но за всѣмъ тѣмъ не можемъ не заявить нашего мнѣнія, что какъ бы ни были чисты побу-

жденія киргиза, принесшаго казнѣ даръ, уральскіе казаки не должны изъ-за его дара нести упрекъ, какой сдѣлалъ имъ г. Небольсинъ. Еслибъ уральскіе казаки, въ отношеніи къ этому дару остались въ совершенномъ невѣдѣніи, то и въ такомъ случаѣ совѣсть ихъ никакого угрызенія не испытаетъ, и не потому, что они, какъ говоритъ г. Небольсинъ, закоренѣлые раскольники, не очень воспріимчивые къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія, а потому, что даръ этотъ сдѣланъ безъ ихъ вѣдома, — подъ словомъ: ихъ, мы разумѣемъ народъ, — помимо ихъ воли и желанія, короче: даръ этотъ принесенъ не непосредственно имъ, а казнѣ, находящейся въ завѣдываніи администраціи! Итакъ, пустое фразерство г. Небольсина: „Для того, чтобъ этому изстари враждующему съ киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей“ — да мимо идетъ уральскихъ казаковъ! Пускай утѣшается имъ авторъ „Путешествующихъ Киргизовъ“ и его protegé.

Кстати о казнѣ. Уральскіе казаки, что касается до ихъ казны, не нищіе: у казаковъ уральскихъ есть довольно порядочный капиталъ (болѣе милліона руб. сер.), скопленный въ недавнихъ годахъ отъ казачьихъ трудовъ. Капиталъ этотъ каждый годъ наростаетъ и процентами, и новыми доходами. На этотъ капиталъ, безъ всякихъ стороннихъ, а тѣмъ болѣе киргизскихъ пожертвованій, можно завести и содержать не только нѣсколько школъ, но и гимназію, — при народонаселеніи въ 60 — 70 тысячъ.—Но расходованіе этого капитала зависитъ не отъ казаковъ, а отъ администраціи. Справедливъ ли упрекъ, направленный противъ уральцевъ краснорѣчивымъ авторомъ „Путешествующихъ Киргизовъ“?

Вотъ что еще.

Уральскіе казаки, хотя и „закоренѣлые раскольники“, немало, въ свою очередь, жертвуютъ денегъ не только на заведеніе и поддержаніе школъ для своихъ дѣтей, но и на

памятники нѣкоторымъ русскимъ лицамъ. Правда, мы не слыхали, чтобы уральскій казакъ или другой кто изъ русскихъ самъ по себѣ принесъ въ даръ деньги на заведеніе татарскаго „медрессе"; этой добродѣтели, положительно можно сказать, нѣтъ и быть не можетъ за русскими. И тому есть причина натуральная: Русскіе живутъ подъ державой государя христіанскаго. Русскіе не знаютъ ни пашей, ни кадіевъ, ни муфтіевъ и т. п., а знаютъ губернаторовъ, атамановъ, архіереевъ и т. п. А будь наоборотъ, напримѣръ, управляй уральскими казаками не Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ, свиты русскаго Императора генералъ, а какой-нибудь паша Блистательной Порты, въ родѣ, напримѣръ, Ахметъ-аги, недавно разстрѣлянпаго въ Дамаскѣ за гуманное обращеніе съ христіанами, тогда, можетъ статься, и уральскій казакъ принесъ бы что-нибудь по силѣ-мощи въ даръ мусульманскому медрессе, тогда, можетъ статься, и г. Исенбаеву, хотя онъ „на видъ и чрезвычайно добрый", едва ли бы пришла въ голову такая благая мысль — нести казнѣ въ даръ деньги для христіанскихъ школъ! Ну, какъ бы г. Небольсину не понять такой простой вещи? Все киргизоманія виновата.

Вотъ что еще.

Между христіанскимъ населеніемъ въ уральскомъ казачьемъ войскѣ есть довольно и мухамеданъ, татаръ и башкирцевъ (первыхъ болѣе 3,000, а послѣднихъ болѣе 5,000 душъ). Татары живутъ частью въ однихъ селеніяхъ съ русскими, а частью въ особыхъ селеніяхъ между русскими. Башкирцы же составляютъ особый сплошной кантонъ или отдѣленіе, примыкающее южными границами къ киргизской Букеевской ордѣ, роднѣ и мѣсту дѣйствій г. Исенбаева. Какъ въ селеніяхъ, гдѣ живутъ казаки-татары, напримѣръ, на Узеняхъ и Чижахъ (эти мѣста близко къ киргизской Букеевской ордѣ, особенно Узени, рядомъ съ ордой), такъ и въ башкирскомъ отдѣленіи въ послѣдніе два-три года, много заведено школъ собственно

для татарчатъ и башкирятъ. Здѣсь мы ставимъ точку, а за нею вопросъ: „Не для этихъ ли питомцевъ, своихъ единовѣрцевъ, г. Исенбаевъ принесъ казнѣ въ даръ тысячу рублей“? *).

Въ видѣ дополненія коснемся еще лучей западнаго просвѣщенія.

„Уральцы, какъ закоренѣлые до послѣднихъ годовъ раскольники, были не очень воспріимчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія“, сказалъ г. Небольсинъ въ видѣ упрека уральскимъ казакамъ (см. выше выписку изъ панегирика г. Небольсина г. Исенбаеву).

Неодержимые, благодаря Бога, никакою маніей, мы противъ этого не споримъ. Но, кстати, скажемъ вотъ о чемъ: какимъ путемъ лучъ западнаго просвѣщенія можетъ проникнуть къ уральскимъ казакамъ? Уральскіе казаки живутъ на востокѣ, на рубежѣ Россіи съ Азіей, стало быть, не близко отъ запада. Для того, чтобы освѣтить и согрѣть уральскихъ казаковъ, лучъ западнаго просвѣщенія долженъ пройти черезъ всю Россію и совершить свое путешествіе, напримѣръ, отъ Москвы черезъ Владиміръ, Судогду, Муромъ, Арзамасъ, Ардатовъ, Алатырь, Корсунь, Сызрань и другіе города, и черезъ множество деревень и селъ государственныхъ, помѣщичьихъ и разнаго другого наименованія крестьянъ! Видите ли, какой длинный и многотрудный путь лучу западнаго просвѣщенія!... Не скоро проберется черезъ такую трущобу. Лучи западнаго просвѣщенія не атласъ, не бархатъ и тому подобные предметы роскоши;

---

*) На этотъ вопросъ мы никакого отвѣта не даемъ; чего положительно не знаемъ, о томъ утвердительно и говорить не можемъ; но покорнѣйше просимъ кого-нибудь изъ уральцевъ, живущихъ на Уралѣ и хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, разъяснить его, насколько возможно. Что, если въ самомъ дѣлѣ г. Исенбаевъ, принося казнѣ даръ, имѣлъ въ виду не христіанскихъ, а мухамеданскихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, не однихъ христіанскихъ, но и мусульманскихъ дѣтей вмѣстѣ? Тогда упрекъ, сдѣланный отъ г. Небольсина уральскимъ казакамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ русскимъ, будетъ болѣе чѣмъ неосновательный!

лучи западнаго просвѣщенія нельзя провезти на Уралъ ни на телѣгѣ, ни въ вагонѣ, ни даже на аэростатѣ: они сами собой могутъ проникнуть на Уралъ, въ этотъ уголокъ Россіи, но не прежде, какъ сама Россія ими будетъ согрѣваться. Мы, конечно, не ставимъ въ укоръ Россіи, что она до послѣднихъ годовъ, — выраженіе заимствовано у г. Небольсина, — не очень была воспріимчива къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія; но въ извиненіе уральцевъ не можемъ не сказать, что если въ комнатѣ холодно, то на чердакѣ тепла нечего искать. Какъ человѣку, толкующему о лучахъ западнаго просвѣщенія, г. Небольсину грѣшно этого не знать! Азбука не мудреная, и потому вовсе не слѣдовало бы пускаться въ ненужное краснорѣчіе о явленіи, всѣмъ и каждому извѣстномъ и понятномъ, и ставить уральцамъ въ упрекъ, что они не могли оказать благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія киргизовъ, тѣмъ болѣе не слѣдовало, что сосѣди киргизовъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не одни уральскіе казаки, а и пограничные жители Западной Сибири и проч., и проч. А если ужъ неотвязчивая киргизоманія вынуждаетъ сдѣлать упрекъ за киргизовъ, то приходится сдѣлать его не уральскимъ казакамъ, этой горсти русскихъ, занесенной въ такую даль Россіи, а всей Россіи, потому что ни на комъ другомъ, а на самой Россіи лежитъ призваніе согрѣвать лучами просвѣщенія киргизовъ и иныхъ многихъ инородцевъ, потому что уральскіе казаки сами ждутъ этой теплоты отъ Россіи.

Москва,
8 октября 1860 г.

Дополнительная замѣтка къ статьѣ:

„КИРГИЗОМАНІЯ“.

Читатели Русскаго Вѣстника, вѣроятно, помнятъ статью г. Небольсина: „Путешествующіе Киргизы“, напечатанную въ 17 № за прошлый годъ, и, быть можетъ, мое возраженіе

на нее подъ заглавіемъ: „Киргизоманія“, помѣщенное въ 21 №.

Возраженіе съ моей стороны г. Небольсинъ вызвалъ извращеннымъ заявленіемъ о киргизскомъ дарѣ на пользу христіанскихъ школъ, т. е., заявляя о денежномъ пожертвованіи киргизомъ г. Исенбаевымъ, г. Небольсинъ придалъ этому пожертвованію не тотъ смыслъ, который оно въ себѣ заключаетъ, а совсѣмъ другой, какого въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Прежде всего,—и неизвѣстно для чего,—г. Небольсинъ расписалъ уральскихъ казаковъ самыми мрачными красками, выставивъ казаковъ врагами, притѣснителями и гонителями киргизовъ, и потомъ уже выразился такъ: „для того, чтобъ этому изстари враждующему съ киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ въ нынѣшнемъ году принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей“. Вотъ этотъ-то: „для того и проч.“ я между прочимъ и обратилъ назадъ г. Небольсину, какъ пустое фразерство, лишенное истины и смысла.

Въ возраженіяхъ моихъ (см. Русск. Вѣст. № 21, ст. „Киргизоманія“) я достаточно доказалъ вообще парадоксальность сказаннаго г. Небольсинымъ. Но въ то время, когда я писалъ возраженія, я не имѣлъ въ рукахъ нѣкоторыхъ данныхъ, относящихся до спорнаго вопроса, а потому нѣкоторыя его частности остались неразъясненными. На-дняхъ я получилъ съ Урала два документа. Прочитавъ ихъ, я подумалъ: „а ларчикъ просто открывался!“

Первый документъ—это письмо киргиза г. Исенбаева къ атаману, при которомъ онъ подноситъ тысячу рублей, а второй документъ—это представленіе атамана „объ исходатайствованіи киргизу Исенбаеву серебряной медали съ надписью: „за усердіе“...

Документъ о медали оставляю въ сторонѣ, потому что дѣло это—дѣло начальства, а начальство въ правѣ поощрять и награждать всякаго по своему усмотрѣнію, даже вопреки

желанію поощряемыхъ и награждаемыхъ. Но первый документъ, т. е., письмо киргиза г. Исенбаева, я представлю здѣсь слово-въ-слово. Вотъ оно:

„Ваше Превосходительство!... Сохраняя въ благодарной памяти особенныя снисхожденія и милости, какъ оказыванныя сдавна покойному отцу моему, Тархану Исенбаю Ходжабекову, такъ и продолжаемыя понынѣ мнѣ съ прочими братьями моими, со стороны уральскаго войскового начальства, при постоянномъ пребываніи нашемъ на Внутренней Уральской линіи, по производству нами тамъ торговыхъ оборотовъ въ средѣ войскового сословія и по пользованію безпрепятственнымъ всегда допускомъ скота нашего, не въ примѣръ другимъ ордынцамъ на войсковыя земли, хотя за установленный акцизъ; а потому и признавая себя немогущимъ оставаться чуждымъ къ принятію, по возможности, участія въ полезныхъ учрежденіяхъ, вводящихся, особенно въ послѣднее время, къ улучшенію быта этого обязательнаго для насъ сословія, я счелъ долгомъ принести изъ собственнаго достоянія своего, въ пользу учебныхъ заведеній, хотя незначительное пособіе въ тысячу руб. сер., каковыя деньги и осмѣливаюсь представить при семъ къ Вашему Превосходительству съ порокнѣйшею просьбою о неоставленіи осчастливить меня принятіемъ оныхъ въ распоряженіе Ваше и употребленіемъ, куда слѣдуетъ, по собственному усмотрѣнію Вашему. Податель сего Внутренней киргизской орды Тарханскій сынъ Гатаулла Исенбаевъ.—14 марта 1860 г., гор. Уральскъ“.

Послѣ этого я считаю себя въ правѣ предложить г. Небольсину нѣсколько вопросовъ.

Вы, г. Небольсинъ, выставили уральскихъ казаковъ, какъ населеніе, враждующее съ киргизами. А киргизъ, постоянно пребывающій на Внутренной уральской линіи и производящій торгъ въ ордѣ казачьяго сословія, сохраняетъ въ благодарной памяти особенныя снисхожденія и милости со стороны войскового началь-

ства и считаетъ уральцевъ обязательнымъ для себя и для своей семьи сословіемъ! Какъ теперь это примирить съ вашимъ заявленіемъ, что киргизы терпятъ отъ казаковъ обиды и притѣсненія?

Можетъ быть, вы скажете, что это-де частность, т. е. что только-де г. Исенбаевъ сохраняетъ въ благодарной памяти особенныя снисхожденія и милости, и что только-де къ нему и къ братьямъ его казачье сословіе обязательно, а къ другимъ ордынцамъ оно необязательно. Съ этимъ, если вамъ угодно, я пожалуй и соглашусь. Да вѣдь только г. Исенбаевъ и пожертвовалъ деньги въ пользу учебныхъ уральскихъ заведеній! Да вѣдь только изъ-за его пожертвованія вы и взгромоздились на ходули и прокричали о враждѣ казаковъ къ киргизамъ и о великодушіи послѣднихъ! Нѣтъ, г. Небольсинъ, такой отзывъ будетъ не въ вашу пользу.

Далѣе. Въ вышеприведенномъ письмѣ г. Исенбаева есть одно многозначительное мѣсто: „и по пользованію безпрепятственнымъ всегда допускомъ скота нашего, не въ примѣръ другимъ ордынцамъ, на войсковыя земли, хотя за установленный акцизъ“... Вотъ въ чемъ должно искать ключа къ разгадкѣ киргизскаго дара, а не въ мнимомъ великодушіи!.. Всему туземному населенію, русскому и киргизскому, хорошо извѣстно, какъ для богачей киргизовъ выгоденъ въ матеріальномъ отношеніи допускъ скота ихъ на казачьи земли. Но дѣло въ томъ, что невозможно удовлетворить потребности всѣхъ богачей киргизовъ, въ противномъ случаѣ привелось бы обречь на голодную смерть казачій скотъ. Исенбаевъ же, имѣющій, по словамъ вашимъ, г. Небольсинъ, однѣхъ лошадей до трехъ тысячъ, а барановъ до нѣсколько десятковъ тысячъ, всегда пользовался безпрепятственнымъ допускомъ скота своего на казачьи земли, не въ примѣръ другимъ киргизамъ!.. Позвольте еще спросить васъ, восторженный панегиристъ киргизовъ: есть ли хотя капля смысла въ заявленіи вашемъ о враждѣ казаковъ къ киргизамъ и о ве-

ликодушіи послѣднихъ? Не естественнѣе ли смотрѣть на даръ киргиза, какъ на чистую отплату за одолженіе, притомъ еще далеко не полную? Человѣкъ, неодержимый киргизоманіей, такъ и будетъ смотрѣть на это пожертвованіе.

Еще вопросъ, только не вамъ, г. Небольсинъ: если киргизъ, никогда прежде не дававшій денегъ на казачьи школы, пользовался всегда безпрепятственно казачьими угодьями, то теперь, подаривши тысячу рублей, будетъ ли пользоваться? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть никакого затрудненія, по пословицѣ: „ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ“.

Въ заключеніе нелишнимъ считаю прибавить, что лѣтъ пять тому назадъ г. Небольсинъ отзывался объ уральскихъ казакахъ съ большимъ сочувствіемъ, чтобы не сказать, съ пристрастіемъ (см. „Библ. для Чтенія“, 1855 г., № 4—5). Нынче же уральцы изъ-подъ пера г. Небольсина вышли совсѣмъ другими людьми, чуть-чуть не звѣрями, по крайней мѣрѣ, далеко низшими созданіями сравнительно съ киргизами. Что за причина такой разноголосицы? Одно изъ трехъ: или уральцы въ теченіе пяти лѣтъ слишкомъ далеко попятились назадъ, или киргизы слишкомъ далеко шагнули впередъ, или г. Небольсинъ, не имѣя самостоятельныхъ убѣжденій, вертится, подобно флюгеру, изъ стороны въ сторону.

Москва,
1 февраля 1861 г.

Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи.

(Изд. Мин. Госуд. Имущ. С.-Петербургъ, 1860 г. т. III).

Я только что прочелъ, и прочелъ съ большимъ любопытствомъ, вышедшую на-дняхъ книгу, заглавіе которой выписано выше, — книгу, заключающую въ себѣ собственно описаніе уральскаго рыболовства, составленное г. Данилевскимъ, членомъ экспедиціи для изслѣдованія каспійскаго рыболовства.

Трудъ г. Данилевскаго заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: ученую и практическую или, иначе сказать, хозяйственную. Ученая сторона относится до метанія икры красною рыбой, какъ-то: бѣлугой, шипомъ, осетромъ и севрюгой—однимъ словомъ, до естественнаго расположенія рыбы, то есть до причинъ, благопріятствующихъ или препятствующихъ этому расположенію. Научную сторону я обхожу по очень простой причинѣ: тайны естественныхъ наукъ мнѣ не знакомы. Что же касается практической или хозяйственной стороны описанія,—объ этомъ могу и я подать голосъ.

Уральцы, на правахъ общинниковъ, владѣютъ низовьями рѣки Урала, на протяженіи семисотъ верстъ по почтовой дорогѣ; потомъ частью Каспійскаго моря, гдѣ впадаетъ Уралъ, верстъ на сто въ ширину по берегу; наконецъ, всѣми побочными рѣками Урала и справа, и слѣва, на томъ протяженіи Урала, которое находится въ дачахъ казаковъ, и многими озерами. Уральцы, какъ въ старину жили, такъ

и нынче живутъ отъ рыболовства; по крайней мѣрѣ, большинство народа питается отъ рыболовства. Въ разное время года и разнаго рода снастями и орудіями, начиная отъ простого багра и доходя до огромнаго, версты на двѣ длиной, невода, уральцы ловятъ въ принадлежащихъ имъ водахъ разныхъ породъ рыбу, начиная съ красной, напримѣръ, съ бѣлуги, осетра и проч. и доходя до черной, напримѣръ, до простого чебака (родъ самой низкой рыбы). Перечислять всѣ виды рыболовства я не стану, потому что это ни къ чему не поведетъ, а только утомило бы читателя. Дѣлать же болѣе подробныя описанія каждаго вида рыболовства, чтобы читатель могъ составить себѣ ясное о немъ понятіе—невозможно: для этого довелось бы перепечатывать большую часть труда г. Данилевскаго. Интересующихся бытомъ и промышленностью народа, отсылаю къ описанію г. Данилевскаго. Скажу только одно, что рыболовство уральскихъ казаковъ разнообразно и въ высшей степени разнохарактерно, даже во многихъ своихъ отрасляхъ оригинально, напримѣръ, багрень—зимой и плавня—осенью. Между тѣмъ г. Данилевскій сумѣлъ описать рыболовство это во всѣхъ его подробностяхъ и видоизмѣненіяхъ, и въ то же время избѣжать сухости и утомительной номенклатуры. Описаніе его читается, какъ прекрасная повѣсть или живой разсказъ изъ быта народнаго. А главное, г. Данилевскій понялъ характеръ и духъ рыболовныхъ учрежденій. Такъ, напримѣръ, касаясь злоупотребленій со стороны начальниковъ рыболовствъ, г. Данилевскій замѣчаетъ, что тѣ рыболовства, начало которыхъ идетъ изъ глубокой старины, напримѣръ, багрень и плавня въ Уралѣ, или вовсе не представляютъ никакихъ поводовъ къ злоупотребленію, или представляютъ ихъ въ самой незначительной степени. Между тѣмъ тѣ рыболовства, которыя возникли въ позднѣйшее время, напримѣръ, морскіе курхаи, представляютъ широкое поле злоупотребленіямъ во вредъ казакамъ!.. Что правда...

Отчего это такъ? Оттого, что правила старинныхъ рыбо-

ловствъ вводились чисто-обычнымъ путемъ, при участіи всѣхъ хозяевъ-казаковъ, а правила новыхъ рыболовствъ установлялись путемъ бюрократическимъ.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что войсковое начальство, установляя правила для рыболовства, не вводило же нарочно такихъ, которыя бы давали пищу злоупотребленіямъ. Но злоупотребленія вкрадываются сами собою. Причины тому слѣдующія:

Въ старину у казаковъ не было офицеровъ, а теперь есть офицеры и довольно въ большомъ числѣ. Въ старину начальствующія лица казаковъ довольствовались тѣмъ, что давали имъ казаки по малому дѣлу за честь, а теперь начальствующія лица этакими пустяками уже не удовлетворяются. Въ старину казаки изъ среды себя сами выбирали распорядителей рыболовства—нынче войсковое начальство безъ участія казаковъ назначаетъ отъ себя распорядителей. Въ старину казаки подвергали дѣйствія распорядителей своему контролю—нынче этого быть не можетъ, нынче это было бы нарушеніемъ военной дисциплины, потому что распорядитель — офицеръ, а рыболовъ — нижній чинъ. По этой причинѣ рыболовное хозяйство казаковъ очень и очень хромаетъ...

Что дѣлать бѣдному казаку въ такомъ, напримѣръ, случаѣ, когда распорядитель рыболовства, изъ своекорыстныхъ видовъ, дастъ богатому казаку хорошій участокъ въ морѣ, гдѣ можно наловить тысячи севрюгъ, а бѣдняка загонитъ туда, гдѣ водятся одни только раки да лягушки? Ему нечего дѣлать, какъ только молчать!

Не вѣрите? Ну, такъ слушайте г. Данилевскаго. „Мнѣ извѣстно также,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего описанія, стр. 94,—что казаки приносили свои жалобы на такія злоупотребленія, но это оканчивалось обыкновенно наказаніемъ жаловавшихся, какъ ослушниковъ воли начальства“.

Отчего это такъ? Вотъ отчего: начальникъ-офицеръ дѣлаетъ несправедливость противъ рыболова-казака. Послѣдній

жалуется, — экой грубіянъ!.. — Наряжается, однако, слѣдствіе. Но кто бываетъ слѣдователемъ? Другой же офицеръ, который самъ или былъ начальникомъ рыболовства, или чаетъ этой благодати въ будущемъ! Въ чью сторону онъ потянетъ? „Рука руку моетъ“ или „воронъ ворону глаза не выклюетъ...“ Если не за сущность дѣла, то за тонъ рѣчей могутъ казака обвинить. Притомъ еще не надо забывать и то, что почти на всякій протестъ казака противъ офицера и войсковое начальство смотритъ, какъ на нарушеніе дисциплины.

Въ настоящее время открытъ на Уралѣ комитетъ для составленія положенія Уральскому казачьему войску. Есть надежда, что комитетъ обратитъ особенное вниманіе на хозяйство казаковъ. По моему мнѣнію и крайнему убѣжденію, рыболовное хозяйство казаковъ должно отдать въ полное распоряженіе самихъ казаковъ, ограничивъ ихъ общимъ государственнымъ закономъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда рыболовство будетъ прямо соприкасаться съ вопросомъ естественнаго расположенія рыбы. Военная дисциплина ни на волосъ не пострадаетъ оттого, если казаки будутъ самостоятельно распоряжаться своимъ хозяйствомъ. Дисциплина необходима только въ полкахъ и командахъ, но въ рыболовствѣ, какъ въ хозяйствѣ, она не должна имѣть мѣста.

Москва,
Мартъ 1861 г.

Грамотность и народныя библіотеки на Уралѣ.

До тридцатыхъ годовъ грамотность на Уралѣ, то есть у уральскихъ казаковъ, ограничивалась одною церковною печатью, часовниками да псалтирями; дальше этого не шла. Правда, еще до двадцатыхъ годовъ пытался атаманъ Д. М. Бородинъ, природный казакъ, завести училище, похожее на пансіонъ, училище съ исторіей, географіей, русскимъ языкомъ, и т. п., и завелъ-было, но оно, къ сожалѣнію, мало встрѣтило сочувствія, не въ простомъ классѣ народа,—о немъ и рѣчи не можетъ быть,—а въ классѣ офицерскомъ или дворянскомъ, для котораго преимущественно и предназначалось. Училище это, подобно растенію, пересаженному въ чужую почву, просуществовало года два-три, а потомъ увяло, то есть совсѣмъ закрылось, по случаю смерти единственнаго учителя, вывезеннаго кажется изъ Петербурга. Плодами этого юнаго и недолговѣчнаго училища воспользовались пять-шесть юношей, бывшіе впослѣдствіи людьми болѣе или менѣе развитыми и, относительно казацкаго народа, людьми безъ предразсудковъ. И то слава Богу.

Наконецъ, въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, атаманъ В. О. Покатиловъ, не казакъ, съ разрѣшенія правительства открылъ въ г. Уральскѣ Войсковое училище по программѣ, которая стояла ниже гимназической и выше программы уѣзднаго училища. Гдѣ честью, гдѣ лестью, какъ говорится, Покатиловъ успѣлъ внушить казакамъ довѣріе къ училищу и оно пошло довольно успѣшно. Въ училище при-

нимались дѣти и офицеровъ, и простыхъ казаковъ. Тѣмъ и другимъ, по окончаніи курса ученья, давались одинаковыя преимущества, а именно, при поступленіи на службу, чинъ урядника (унтеръ-офицера).

Въ теченіе первыхъ 10—15 лѣтъ своего существованія, училище, говоря относительно, процвѣтало, а потомъ, увы! — упало. Спѣшимъ оговориться. Подъ словомъ „процвѣтало" мы разумѣемъ не то, что училище давало людей ученыхъ, правильно развитыхъ, и т. п., а то, что оно увеличивало массу людей грамотныхъ. И то слава Богу! Да, въ этомъ смыслѣ уральское войсковое училище, въ первое время своего существованія, процвѣтало, а потомъ стало упадать, упадать, упадать, и къ 50-мъ годамъ сильно упало. Причина упадка, между прочимъ, та, что дѣти офицеровъ получили право обучаться въ кадетскихъ корпусахъ, провинціальныхъ и столичныхъ, и, само собою разумѣется, почти всѣ туда поступали. Уральское войсковое училище осталось для дѣтей однихъ простыхъ казаковъ. Прежде, когда училище вмѣщало въ себѣ дѣтей дворянъ и не-дворянъ, оно имѣло довольно широкую программу, а именно, въ немъ преподавали: законъ Божій, св. исторію, грамматику, всеобщую исторію и географію, русскую исторію и географію, ариѳметику и геометрію, рисованіе и, наконецъ, въ послѣднихъ классахъ проходили дополнительный курсъ русской словесности. Послѣ же, когда дѣти офицеровъ разошлись по кадетскимъ корпусамъ, училище нѣсколько сузило свою программу. Если не ошибаемся, со стороны высшихъ начальственныхъ лицъ было даже предположеніе оставить для простыхъ казачатъ только чтеніе и письмо, краткій катехизисъ и краткую св. исторію, начальныя правила ариѳметики и гимнастику. Кромѣ того, въ теченіе 20—25 лѣтъ своего существованія, училище не освѣжалось относительно учителей, а вѣдь извѣстно: „старое старится, молодое растетъ". И оттого курсъ училищный въ послѣднее время былъ не больше, не меньше,—одною проформой. Если-жъ къ этому прибавимъ равнодушіе со стороны войскового начальства, то

мы легко поймемъ, что училищу не отчего было процвѣтать, и что оно неминуемо должно было придти въ упадокъ. Вслѣдствіе этого и уровень грамотности въ простомъ казацкомъ народѣ, естественно, долженъ былъ понизиться, и понизился, какъ числомъ учащихся, такъ и степенью знаній. Прежде, напримѣръ, въ училищѣ всегда было отъ 100 до 120 учащихся, а къ концу 40-хъ и началу 50-хъ годовъ цифра эта уменьшилась и сошла на 50—60. Это очень мало.

Народъ, между тѣмъ, жилъ своею жизнью, тихо, скромно, то есть подъ руководствомъ такъ-называемыхъ мастеровъ и мастерицъ учился по часовникамъ, псалтирямъ и т. п., но и по этому пути шелъ не очень быстро. Обучали дѣтей грамотѣ только казаки богатые и сколько-нибудь зажиточные, а ихъ самое малое меньшинство. Дѣти же бѣдныхъ казаковъ, подобно своимъ предкамъ, оставались людьми темными. Причина понятная: хотя всякій зналъ и болѣе или менѣе сознавалъ пословицу „ученье—свѣтъ, неученье—тьма", но не всякій былъ въ состояніи купить, напримѣръ, часовникъ, псалтирь и тому подобную, довольно недешевую книгу и заплатить мастеру или мастерицѣ, напримѣръ, цѣлковый въ мѣсяцъ. Къ тому же не было инициативы, по-просту сказать, не было хорошаго толчка. Въ результатѣ-то и выходило: грамотныхъ въ народѣ было очень мало. А это очень грустно.

Но—

...Не все на небѣ будетъ ночь:
Авось и солнышко проглянетъ...

Въ 1857 году пріѣхалъ на Уралъ новый атаманъ, А. Д. Столыпинъ. Первое, за что онъ взялся, это—образованіе народное. Хотя въ послѣдніе три-четыре года не мало было писано объ этомъ и въ нашихъ, и въ заграничныхъ газетахъ, но за всѣмъ тѣмъ и наша скромная замѣтка, надѣемся, не будетъ лишнею.

Мы забыли сказать, что до атаманства г. Столыпина не существовало на Уралѣ ни одного женскаго учебнаго заведенія и это былъ важный пробѣлъ въ жизни уральскаго ка-

*

зацкаго общества; вѣдь, мальчики все-таки учились „чему-нибудь и какъ-нибудь", а дѣвочки, если оставить часовники въ сторонѣ,—ровно ничему. Г. Столыпинъ поспѣшилъ восполнить этотъ пробѣлъ: съ высочайшаго Государя Императора соизволенія, открыто въ Уральскѣ Дѣвичье училище. Кромѣ того, въ видѣ отдѣленій училища, существуютъ двѣ дѣвичьи школы въ Илецкомъ и Гурьевѣ городкахъ. Мы не знаемъ въ точности программы этого училища, но во всякомъ случаѣ въ ней есть и законъ Божій, и русскій языкъ, и исторія, и географія, и т. п., а также музыка, рисованіе и иностранные языки, по крайней мѣрѣ, одинъ французскій. Объ этомъ училищѣ слова два-три впереди, а теперь скажемъ о Войсковомъ училищѣ мужскомъ.

Г. Столыпинъ совершенно преобразовалъ его: далъ ему новую жизнь, поднялъ его въ мнѣніи народа, расширилъ и освѣжилъ, если можно такъ выразиться, т. е. опредѣлилъ новыхъ учителей изъ молодыхъ казацкихъ офицеровъ, кончившихъ курсъ наукъ кто въ кадетскомъ корпусѣ, кто въ коммерческомъ училищѣ, кто гдѣ. Къ прежней старинной программѣ прибавленъ классъ французскаго языка и преподаваніе лѣсоводства,—послѣдняя отрасль знаній очень важна въ нашемъ степномъ безлѣсномъ мѣстѣ. Число учащихся возросло до 190, т. е. больше чѣмъ втрое противъ того, что было въ періодъ упадка училища. Изъ нихъ 25 человѣкъ, дѣти бѣдныхъ родителей, содержатся при училищѣ на войсковой счетъ. Остальные, какъ было прежде, такъ и теперь, приходящіе.

Кромѣ Войскового училища, находящагося въ Уральскѣ, образовано четыре отдѣленія его: одно въ Сакмарскомъ городкѣ, другое—въ Илецкомъ, третье—въ Гурьевѣ и четвертое—на Чижинской дистанціи.

Далѣе: сверхъ 30-ти вакансій, предоставленныхъ уральскому казачьему войску въ Оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ, 6-ти вакансій въ столичныхъ корпусахъ и 3-хъ въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ, по ходатайству г. Столыпина, въ 1858 году, пятеро воспитанниковъ Войско-

вого училища поступили въ Казанскую гимназію, а одинъ— въ Петербургскую; изъ нихъ четверо поступятъ впослѣдствіи въ университетъ—первые счастливцы изъ казаковъ, моихъ земляковъ,—а двое въ строительное училище архитекторовъ.

Далѣе: вновь открыто въ г. Уральскѣ Духовное училище для дѣтей нашего духовенства.

Наконецъ, для повсемѣстнаго распространенія въ народѣ грамотности, открыто въ казачьихъ станицахъ и хуторахъ болѣе восьмидесяти школъ, гдѣ безплатно, разумѣется, обучаются грамотѣ какъ казачата, такъ и желающіе взрослые казаки.

Такимъ образомъ, по статистическимъ даннымъ за 1860 годъ, мы узнаемъ, что въ уральскомъ казачьемъ войскѣ существуетъ:

Войсковое училище (мужское) . .	1
Отдѣленій его	4
Школъ	82
Дѣвичье училище	1
Школъ дѣвичьихъ	2
Духовное училище	1

Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ число учащихся слѣдующее:

Мужского пола	1.706
Женскаго	97
Итого . .	1.803

Кромѣ того, у такъ-называемыхъ мастеровъ и мастерицъ, на счетъ самихъ родителей, обучается по церковнымъ книгамъ:

Мальчиковъ	1.844
Дѣвочекъ	1.190
Итого . .	3.034

Всѣхъ учащихся въ уральскомъ казачьемъ войскѣ 4.837.

И эти цифры, прибавимъ, существуютъ не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ. И эти цифры, безъ сомнѣнія, въ теченіе настоящаго года возрасли, относительно, напримѣръ, числа школъ до 90, а относительно учащихся, по крайней мѣрѣ, до 5 тысячъ *). Можно бы ожидать еще успѣшнѣйшаго распространенія грамотности, но, какъ мы слышали отъ нашихъ земляковъ, орудующихъ этимъ дѣломъ, встрѣчается затрудненіе относительно учителей. Учителями бываютъ въ школахъ казацкіе офицеры и урядники; большею частью послѣдніе. Ихъ въ войскѣ много и всѣ они, разумѣется, грамотные; стало быть, недостатка въ учителяхъ не должно бы быть; но не забудемте, что не всякій урядникъ, даже не всякій офицеръ чувствуетъ призваніе быть учителемъ. По этой причинѣ и чувствуется въ учителяхъ недостатокъ.

Впрочемъ, надо отдать справедливость г. Столыпину: онъ пріохочиваетъ, напримѣръ, урядниковъ къ учительской роли довольно хорошимъ содержаніемъ. Да, кстати, о денежныхъ средствахъ. На какія суммы содержатся школы и другія учебныя заведенія? Частью на войсковой общественный капиталъ, частью на добровольныя пожертвованія, а частью, и самою большею, на такіе доходы, которые можно назвать домашними и которые, въ былое время, Богъ знаетъ куда и на что шли...

Итакъ, бѣдному казаку, желающему обучать сына или дочь грамотѣ, теперь нѣтъ необходимости тратить трудовой рубль на покупку книгъ и на плату мастеру или мастерицѣ. Теперь достаточно одного желанія со стороны отца и времени со стороны мальчика, а время у казачатъ до двѣнадцати или даже до четырнадцати-лѣтняго возраста, по условіямъ нашего быта, почти совершенно свободно. Стало быть, съ этой стороны много шансовъ на успѣхъ въ дѣлѣ распространенія грамотности.

---

*) Въ сравненіе съ народонаселеніемъ Уральскаго казачьяго войска, до 70 тысячъ, цифра эта довольно видная. Авт.

Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о дѣвичьемъ училищѣ. Открытіемъ его, какъ уже сказано выше, восполнился важный пробѣлъ въ жизни казаковъ. Будемъ кратки. Вообразимъ себѣ казацкаго офицера, прошедшаго или чрезъ кадетскій корпусъ, или черезъ коммерческое училище. Талантливый юноша, хотя не всесторонне, а все-таки сколько-нибудь разовьется. По возвращеніи на родину, молодой человѣкъ, рано ли, поздно ли, долженъ жениться. На комъ? На своей землячкѣ: таковы условія нашей жизни. Но кто такова его суженая, его будущая подруга? Дѣвушка милая, дѣвушка благонравная и т. д. Сколько угодно можно подобрать эпитетовъ, подобныхъ этимъ, но одного не подберешь: р а з в и т а я. Конечно, она не виновата, что ее такъ воспитали, но вѣдь сколько-нибудь развитому юношѣ отъ того не легче. Недавно мы спросили одного такого юношу:

— Что-жъ ты, В—я, не женился?

— Думалъ, да раздумалъ, — отвѣчалъ тотъ: — опошлишься!

Конечно, пріятель нашъ, В—я, боялся опошлиться не отъ одной той причины, что жена его была бы только „милая", „кроткая" и т. п. Тутъ есть и другія причины, напримѣръ, наша среда, наша (офицерская) зависимость, неполноправность... Но за всѣмъ тѣмъ, не малую долю страха вселяетъ и то, что жена—только „милая", „кроткая"...

О томъ же, что мать, не получившая никакого образованія, не можетъ имѣть того вліянія на дѣтей, какого можно ожидать отъ матери образованной,—о томъ не говоримъ: это такая всѣмъ и каждому извѣстная истина, что распространяться объ ней было бы совершенно излишне. Скажемъ коротко: открытіе въ Уральскѣ дѣвичьяго училища есть шагъ впередъ,—какой бы ни былъ шагъ, большой ли, малый ли,—все-таки шагъ впередъ. Желаемъ только одного, чтобы этотъ первый шагъ въ дѣлѣ женскаго образованія не оказался для нашего края salto mortale, отъ чего упаси Богъ.

Еще нѣсколько словъ о грамотности, распространяемой посредствомъ мастеровъ и мастерицъ. Выше мы привели цифру обучающихся у нихъ (3.034). Между тѣмъ прежде число учащихся у мастеровъ и мастерицъ, какъ намъ извѣстно, было гораздо меньше. Отчего нынче больше? Отъ соревнованія. Пояснимъ примѣромъ. Иной старикъ-казакъ питаетъ недовѣріе къ школамъ, гдѣ въ употребленіи печать гражданская, но въ то же время видитъ, что сосѣдъ его отдалъ своего внука въ школу. Осторожный и въ то же время самолюбивый старикъ сейчасъ смекнетъ, что внукъ его, оставшись темнымъ человѣкомъ, что-нибудь да и потеряетъ въ жизни передъ грамотнымъ внукомъ сосѣда. И вотъ, чтобы не отстать отъ другихъ, старикъ отдаетъ своего внука сначала къ мастерицѣ, а потомъ къ мастеру; у первой мальчикъ по церковнымъ книгамъ выучится читать, а у послѣдняго—писать. Отсюда однимъ учащимся, а впослѣдствіи и однимъ грамотнымъ въ народѣ больше. А вѣдь и это прибыль.

Итакъ, дѣло распространенія грамотности между уральскими казаками идетъ довольно быстро. Но здѣсь, естественно, рождается слѣдующій вопросъ: обучившись грамотѣ, иной, проживающій гдѣ-нибудь въ глуши казаченокъ, можетъ статься, пожелаетъ прочитать книжку: какъ, гдѣ и чѣмъ онъ удовлетворитъ родившееся въ немъ желаніе? И это предусмотрѣно. На-дняхъ одинъ изъ казацкихъ офицеровъ, служащихъ въ Москвѣ, получилъ отъ атамана слѣдующее порученіе:

„Признавъ нужнымъ имѣть въ войскѣ уральскомъ дистанціонныя библіотеки, пишетъ г. Столыпинъ, и желая положить основаніе онымъ на первый разъ въ пяти мѣстахъ, я прошу ваше благородіе на прилагаемые при семъ пятьсотъ руб. сер. купить книгъ для сихъ мѣстъ... и пересылать ихъ... въ мою канцелярію, непремѣнно означая на каждомъ тюкѣ: для народныхъ библіотекъ...

„Выборъ книгъ предоставляю вашему соображенію и вкусу, въ которыхъ увѣряюсь знакомствомъ вашимъ съ на-

шими литераторами, готовыми всегда дать добрый совѣтъ: но прошу имѣть въ этомъ соображеніи, что:

1) По одинаковости умственнаго и нравственнаго состоянія жителей всѣхъ войсковыхъ дистанцій, образа жизни ихъ, хозяйственныхъ занятій и, наконецъ, офиціальнаго положенія, составъ каждой изъ дистанціонныхъ библіотекъ будетъ одинаковъ и потому каждая книга, пріобрѣтаемая для одной, должна входить въ составъ остальныхъ четырехъ библіотекъ, а въ случаѣ недостатка экземпляровъ оной, должна замѣняться ей подобною.

2) Въ основаніе каждой библіотеки должны быть куплены вами непремѣнно слѣдующія книги:

Исторія Карамзина.
Сочиненія Пушкина.
„ Гоголя.
„ Тургенева.
„ Лажечникова.
„ Загоскина.
Сочиненія Мосальскаго.
„ Костомарова.
Избранныя житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству Четьихъ-Миней (за всѣ 12 мѣсяцевъ).

Библія, Евангеліе и Дѣянія Святыхъ Апостоловъ въ русскомъ переводѣ".

Больше нечего намъ сказать: дѣло говоритъ само за себя. Съ нашей стороны остается только пожелать ему успѣха, успѣха и успѣха!... *).

Москва, 15 октября 1861 г.

---

*) Мы слышали, что нѣсколько москвичей, сочувствуя этому дѣлу, жертвуютъ для нашихъ библіотекъ доброе количество добрыхъ книгъ. Авт.

По поводу упраздненія казачьяго полка въ Москвѣ.

Кому изъ москвичей не извѣстно, что почти на каждомъ шагу древней столицы, гдѣ есть отъ полиціи постъ, или гдѣ живетъ должностное высшаго разряда лицо, можно встрѣтить казака или нѣсколько казаковъ? Впрочемъ, казака вездѣ и всюду можно встрѣтить, не только въ самой Москвѣ, но и въ окрестностяхъ ея, во всѣхъ улицахъ, и т. д.. и въ уѣздахъ по всѣмъ квартирамъ исправниковъ и становыхъ, по многимъ селамъ и деревнямъ, однимъ словомъ, по всему лицу Московской губерніи.

Когда появились казаки въ Москвѣ?

До 1806 года ни Москва казаковъ не знала, ни казаки Москвы не знали: казаки не ходили въ Москву для полицейской службы. Но въ этомъ, то есть въ 1806 году, впервые появился въ Москвѣ полкъ донцовъ, на мѣсто упраздненныхъ московскихъ драгунъ. До 1818 года постоянно ходили въ Москву донцы, а съ 1818 года стали ходить уральцы. Съ 1837 года стали ходить и уральцы и оренбуржцы вмѣстѣ, то есть полуполкъ уральскихъ и полуполкъ оренбургскихъ казаковъ, отчего полкъ и названъ сводным казачьимъ полкомъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, такъ какъ и уральское, и оренбургское казачьи войска принадлежатъ къ одному корпусу оренбургскому.

До 1840 года всѣ вообще казачьи полки были пятисотенные, то есть въ пять сотенъ, въ 110 рядовыхъ каждая

сотня, а весь полкъ въ 550 рядовыхъ; но въ этомъ году штатъ всѣхъ казачьихъ полковъ, въ томъ числѣ и сводного въ Москвѣ, увеличенъ до 810 рядовыхъ (то есть, вмѣсто 5, учреждено 6 сотенъ, въ каждой сотнѣ по 135 рядовыхъ).

Въ 1855 году сводный казачій полкъ, по представленію московскаго военнаго генералъ-губернатора, усиленъ еще одною полною сотнею (въ 135 рядовыхъ) отъ оренбургскаго казачьяго войска.

Сверхъ рядовыхъ казаковъ, въ сводномъ полку состоитъ 47 урядниковъ (унтеръ-офицеровъ) и 23 офицера. Такимъ образомъ, численность сводного казачьяго полка въ Москвѣ, съ прикомандированною къ нему сотнею, простирается до 1015 строевыхъ чиновъ.

Довольствіе полкъ получаетъ не изъ городскихъ суммъ, а изъ государственныхъ, а именно: жалованье отъ комиссаріатскаго, а фуражъ и т. п.—отъ провіантскаго вѣдомства. Отъ города, именно изъ Московской городской думы, отпускается въ полкъ незначительное количество квартирныхъ денегъ для нѣсколькихъ офицеровъ, а именно: квартирныя деньги даются по чинамъ командиру полка съ адъютантомъ, потомъ одному штабъ-офицеру (начальнику оренбургскаго полуполка), двоимъ сотеннымъ (эскадроннымъ) командирамъ (одному изъ уральскаго, а другому изъ оренбургскаго полуполка), наконецъ, еще одному изъ офицеровъ, по усмотрѣнію полкового командира. Всѣхъ квартирныхъ денегъ отъ думы отпускается въ полкъ 1257 р. 84 к. въ годъ. Затѣмъ остальнымъ сотеннымъ командирамъ и субалтерн-офицерамъ квартирныхъ денегъ не даютъ и офицеры эти, если не имѣютъ средствъ нанимать квартиры въ городѣ, живутъ въ подмосковныхъ деревняхъ въ обывательскихъ избахъ, по отводу земскаго суда.

Какое содержаніе идетъ на полкъ отъ казны?

Каждому рядовому казаку отпускается въ годъ:

а) жалованья.....	3 р. 45 к.
б) приварочныхъ денегъ.....	10 „
в) ремонта вмѣсто фуража на вьючную, то есть номинальную лошадь	21 руб.
г) муки.....	3 четверти.
д) крупъ.....	2 четверика 2 гарнца.
е) овса для довольствія строевой лошади, по 1 четверти въ мѣсяцъ, а въ годъ.....	12 четвертей.
ж) сѣна для этой лошади, по 15 пуд. въ мѣсяцъ, а въ годъ...	180 пудовъ.

Затѣмъ все остальное, начиная отъ мундира до сапогъ, отъ лошади до подковнаго гвоздя, казакъ обязанъ имѣть свое.

Урядники получаютъ все то же, что и рядовые казаки и въ томъ же количествѣ, за исключеніемъ одного жалованья, которое отпускается урядникамъ въ нѣсколько увеличенномъ окладѣ противъ казачьяго.

Офицеры получаютъ жалованье по чинамъ и провіантъ на денщиковъ по чинамъ же.

Мы не станемъ здѣсь ни приводить цифры урядническаго и офицерскаго жалованья, ни перелагать на деньги предметы довольствія, однимъ словомъ, не станемъ дѣлать подробной раскладки, а только упомянемъ, что содержаніе казачьяго полка въ Москвѣ, въ три послѣдніе года (1857, 58 и 59), среднимъ числомъ обходилось казнѣ въ 156.403 р. 93½ к. сер. въ годъ.

Что дѣлали казаки въ Москвѣ?

Отвѣчать на этотъ вопросъ весьма затруднительно. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какая возможность перечислить ежедневныя занятія и дѣйствія казака, какъ и всякаго полицейскаго солдата и указать на его права и обязанности? Стало быть, остается сказать просто: казаки „исполняютъ

полицейскую обязанность“ по распоряженію и указанію: въ Москвѣ — чиновниковъ городской, а въ уѣздахъ — чиновниковъ земской полиціи.

Что-жъ дѣлаетъ полковое казачье начальство?

Оно душевно желаетъ, чтобы казаки служили добросовѣстно и держали себя честно, но только желаетъ: разбросанность полка по всему лицу Московской губерніи и его неопредѣленное отношеніе къ полиціи отнимаютъ у полкового и у сотенныхъ командировъ почти всякую возможность слѣдить за дѣйствіями и поведеніемъ казаковъ. Возьмемъ для примѣра одну какую-нибудь сотню, хоть сотню № 1-й и командира ея. Командиръ сотни живетъ въ Москвѣ, а одинъ изъ подчиненныхъ ему казаковъ находится за сто верстъ отъ Москвы, напримѣръ, въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ распоряженіи исправника или станового пристава. Спрашивается: какое можетъ имѣть вліяніе сотенный командиръ на нравственность и на образъ дѣйствій этого казака?

Но оставимъ дальніе уѣзды въ сторонѣ, — разъѣзжать по нимъ и отыскивать казаковъ сотенному командиру нѣтъ физической возможности, — возьмемъ въ примѣръ самый ближайшій, Московскій, окружающій Москву на разстояніи отъ нея не болѣе 25 верстъ. Въ немъ, въ числѣ ста казаковъ, есть и отъ 1-й сотни человѣкъ съ 20, разсѣянныхъ въ одиночку по разнымъ деревнямъ и селамъ. Разъ или два въ годъ, сѣвъ верхомъ на лошадь, сотенный командиръ съ горемъ пополамъ можетъ объѣхать подмосковныя деревни и обревизовать казаковъ. Но какой изъ этого выйдетъ результатъ?

Вотъ примѣръ. За Калужскою заставой есть село Семеновское. Въ немъ, по распоряженію станового пристава, квартируетъ казакъ. Сотенный командиръ пріѣзжаетъ въ это село, отыскиваетъ квартиру казака, подъѣзжаетъ къ окну и спрашиваетъ:

— Дома казакъ?

— Дома! — отвѣчаетъ казакъ изъ избы и, накидывая на плечи плащъ, выбѣгаетъ на улицу.

— Здорово, Болдыревъ! — привѣтствуетъ сотенный командиръ.

— Здравія желаю, ваше благородіе! — отвѣчаетъ казакъ.

— Что подѣлываешь? — спрашиваетъ сотенный командиръ.

— Теперь ничего, ваше благородіе: отдыхаю, — отвѣчаетъ казакъ. — Я только вчера смѣнился изъ дежурства отъ становаго пристава.

— Служи хорошенько! — скажетъ сотенный командиръ въ назиданіе казаку.

— Слушаю, ваше благородіе! — отвѣчаетъ казакъ.

На этомъ весь разговоръ и кончается. Кромѣ „служи хорошенько", сотенный командиръ ничего и придумать не можетъ сказать казаку, потому что сотенный командиръ не состоитъ въ штатѣ земской полиціи и потому не знаетъ ни правъ, ни обязанностей казака, ни его отношеній къ полиціи и обывателямъ.

Изъ села Семеновскаго сотенный командиръ отправляется дальше, напримѣръ, въ деревню Раменки. Тамъ тоже есть казакъ. Но того сотенный командиръ и въ квартирѣ не застаетъ.

— Гдѣ казакъ Бочкаревъ? — спрашиваетъ сотенный командиръ хозяина дома, гдѣ квартируетъ казакъ.

— А Богъ его знаетъ гдѣ! — говоритъ мужичекъ. — Не то въ станъ ушелъ, не то въ Матвѣевское (село) приказы понесъ.

Вотъ и результатъ повѣрки казаковъ по уѣздамъ.

Но оставимъ въ сторонѣ и Московскій уѣздъ, обратимся къ самому городу. Напримѣръ, отъ 1-й сотни находится у Большого каменнаго моста казакъ, у Малаго каменнаго моста — казакъ, у Городской китайской стѣны — казакъ, на Лобномъ мѣстѣ — казакъ, въ Сокольникахъ — казакъ, въ Паркѣ — казакъ, въ Марьиной рощѣ — казакъ, и проч. и проч. — Хорошо. Сотенный командиръ отправляется ревизовать этихъ казаковъ, подходитъ, напримѣръ, къ будкѣ, что при Москворѣцкомъ мосту и спрашиваетъ будочника:

— Гдѣ казакъ Буренинъ?

- Здѣсь, ваше благородіе, — откликается самъ казакъ, выбѣгая изъ будки или изъ-за будки.

Тотъ же привѣтъ, тотъ же отвѣтъ, что мы видѣли въ селѣ Семеновскомъ.

— Что подѣлываешь? — спрашиваетъ сотенный командиръ.

— За порядкомъ смотрю! — отвѣчаетъ казакъ.

А какой смыслъ въ словахъ: за порядкомъ смотрю, сотенный командиръ не знаетъ и не можетъ знать, потому что онъ относительно полиціи — лицо совершенно постороннее.

— Служи хорошенько! — скажетъ казаку сотенный командиръ, чтобы очистить совѣсть свою.

— Слушаю, ваше благородіе! — или: — радъ стараться, ваше благородіе! —отвѣтитъ казакъ, и дѣлу конецъ.

Отъ Москворѣцкаго моста сотенный командиръ отправляется, напримѣръ, къ Большому каменному. Тамъ повторяется то же, что при Москворѣцкомъ мосту, или повторяется то же, что мы видѣли въ деревнѣ Раменкахъ, то есть, сотенный командиръ не застанетъ тутъ казака.

— Гдѣ казакъ Юлаевъ? — спрашиваетъ сотенный командиръ будочника.

— Ушелъ по кварталу, ваше благородіе! — отвѣчаетъ будочникъ.

А дѣйствительно ли казакъ ушелъ по кварталу, не сидитъ ли онъ гдѣ въ харчевнѣ и чаи распиваетъ, сотенный командиръ не можетъ знать и долженъ удовлетвориться отвѣтомъ будочника. Такимъ образомъ, сотенный командиръ можетъ искрестить столицу изъ конца въ конецъ, повѣряя казаковъ, а въ результатѣ все-таки выйдетъ нуль.

Въ сущности, что же такое и полковой, и сотенный командиры, то есть какое отношеніе ихъ и къ казакамъ, и къ полиціи? — А вотъ какое:

Въ отношеніи къ казакамъ и полковой, и сотенные командиры — не больше, не меньше, какъ коммиссіонеры,

то есть самая первая и главная обязанность ихъ — принимать изъ казны и выдавать казакамъ жалованье и прочіе предметы довольствія; потомъ наблюдать, чтобы казакъ былъ сытъ и по возможности одѣтъ прилично и имѣлъ въ порядочномъ тѣлѣ лошадь. Далѣе обязанность полковаго и сотенныхъ командировъ — представлять казаковъ, въ приличномъ видѣ, два раза въ годъ, на инспекторскій смотръ главному военному начальству.

Наконецъ, есть еще одна пріятная обязанность подвергать казаковъ тѣлеснымъ и другимъ исправительнымъ наказаніямъ за проступки, заявляемые полиціей. Вотъ этимъ-то и оканчивается вся связь полкового и сотенныхъ командировъ съ казаками.

Съ того самаго момента, какъ казакъ поступитъ въ распоряженіе полиціи, полковой и сотенные командиры лишаются и возможности, и права подвергать дѣйствія казака своему контролю, потому что, какъ уже заявлено выше, ни полковой, ни сотенные командиры не могутъ знать, что долженъ и чего не долженъ дѣлать казакъ по обязанности полицейской.

Отсылая казака въ распоряженіе полиціи, сотенный командиръ, въ успокоеніе своей совѣсти, можетъ только дать казаку наставленіе въ слѣдующемъ родѣ: „Будь честенъ и трезвъ, къ службѣ усерденъ, волѣ полицейскаго чиновника послушенъ, съ публикой и вообще съ народомъ скроменъ и вѣжливъ“, и т. п. Затѣмъ, быть трезвымъ и пьянымъ, быть усерднымъ или лѣнивымъ, быть послушнымъ или ослушникомъ, быть вѣжливымъ или нагнымъ — все это зависитъ уже отъ самого казака, то есть отъ его нравственной натуры. Казакъ съ установившимся характеромъ и съ болѣе или менѣе хорошими нравственными задатками можетъ удержаться въ границахъ приличія, соблюсти балансъ, избѣжать соблазна и не впасть въ проступокъ. Но казакъ съ характеромъ легкимъ и съ шаткими убѣжденіями безпрестанно впадаетъ въ проступки. Прежде всего онъ небрежно относится къ службѣ. Такъ напримѣръ, пошлютъ его куда-

нибудь съ бумагой по весьма нужному дѣлу, а онъ на пути зайдетъ въ харчевню и забражничается: дѣло полиціи остановится, а иногда и вовсе разстроится. Послѣ, пожалуй, сѣки казака розгами, но дѣла не поправишь. Или пошлютъ казака проводить изъ части въ часть арестанта, а онъ зайдетъ съ нимъ въ кабакъ, запьянствуется и упуститъ арестанта, или же, что хуже, возьметъ съ арестанта взятку и нарочно отпуститъ его. Послѣ, пожалуй, предавай казака военному суду, гоняй сквозь строй и отсылай въ арестантскія роты, но дѣла все-таки не поправишь.

Мы не станемъ перечислять всѣ виды казачьихъ проступковъ, приносящихъ прямой вредъ полицейской службѣ и ставящихъ иногда, что называется, втупикъ полицейское начальство, — для этого потребовалось бы много и времени, и бумаги, — а скажемъ только о томъ, что казакъ, дурно относящійся къ службѣ, не менѣе того вредитъ и самому себѣ. Такъ напримѣръ, привыкнувъ къ чаю, вину и вообще къ разгульной трактирной жизни, казакъ дѣлается бѣлоручкой и утрачиваетъ всякую охоту и способность къ честному труду; этого мало — получаетъ отвращеніе къ нему, и потому, возвратясь черезъ четыре года на родину (срокъ казачьей службы въ Москвѣ четыре года), онъ не можетъ уже быть пчелой, какъ былъ дотолѣ, а дѣлается трутнемъ. Шатаясь въ Москвѣ по кабакамъ и харчевнямъ, казакъ сталкивается и знакомится съ ворами и мошенниками, входитъ, особенно черезъ посредство извѣстнаго разряда женщинъ, въ ихъ шайку и, чтобы удовлетворить пріобрѣтенной такою жизнью страсти къ вину, шиву и т. п., заодно съ мошенниками воруетъ и мошенничаетъ. Привычка воровать не покидаетъ его и по возвращеніи на родину. Мы знали многихъ несчастныхъ казаковъ, преимущественно изъ молодежи, которые приходили въ Москву съ наклонностями голубя, а возвращались оттуда съ замашками коршуна. Черезъ наши руки, во время восьмилѣтняго нашего служенія въ полку, прошла не одна сотня слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ, по коимъ не одинъ десятокъ казаковъ извѣ-

далъ, что такое шпицъ-рутены, что такое арестантскія роты и что такое каторга. Между тѣмъ, при другой служебной и житейской обстановкѣ многимъ изъ этихъ несчастныхъ и въ умъ бы не пришло, напримѣръ, украсть лошадь, обобрать захмелѣвшаго человѣка и т. п.

И такой порядокъ вещей продолжался болѣе полустолѣтія. Наконецъ, въ послѣднее время, благодаря просвѣщенному вниманію и истинной заботливости московскаго начальства, былъ поднятъ и обсужденъ вопросъ о казакахъ, служащихъ въ Москвѣ. Въ маѣ нынѣшняго года московскій военный генералъ-губернаторъ поднесъ Его Величеству проектъ объ упраздненіи изъ Москвы своднаго казачьяго полка, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Итакъ, фактъ совершился: скоро въ Москвѣ казаковъ не будетъ!

Сколько намъ извѣстно, рѣшено замѣнить казачій полкъ въ Москвѣ слѣдующими средствами:

1) Для ночныхъ разъѣздовъ по городу и для того, чтобы имѣть въ Москвѣ всегда готовую кавалерію на случай экстренныхъ надобностей, въ составъ московскаго гарнизона будутъ назначаться поочередно эскадрона по два регулярной кавалеріи.

2) Для успѣшнѣйшей передачи начальническихъ распоряженій въ экстренныхъ случаяхъ, будетъ устроенъ въ Москвѣ, подобно петербургскому, телеграфъ (подземный), а именно: между Большимъ дворцомъ, домами генералъ-губернатора и оберъ-полиціймейстера, пожарнымъ депо, жандармскимъ дивизіономъ, управою благочинія и домами городскихъ частей.

3) Для пересылки казенныхъ конвертовъ будутъ содержать при каждой части и при нѣкоторыхъ управленіяхъ вольнонаемныхъ курьеровъ человѣкъ около ста.

На устройство телеграфа, на наемъ курьеровъ, на покупку для нихъ лошадей и проч., будетъ отпущена въ распоряженіе оберъ-полиціймейстера, изъ того источника, изъ котораго отпускались деньги на содержаніе казачьяго пол-

ка, т. е. изъ казны, единовременно сумма денегъ меньше чѣмъ въ половину той суммы, которая расходовалась каждогодно на содержаніе полка; а впослѣдствіи, на расходы по содержанію телеграфа (т. е. на жалованье чиновникамъ, сигналистамъ, служителямъ и т. п.), а также на содержаніе курьеровъ и ихъ лошадей, будетъ отпускаться изъ казны же, ежегодно, меньше одной третьи той суммы, которая доселѣ расходовалась на полкъ.

Приблизительно черезъ годъ, когда будетъ устроенъ телеграфъ, казаковъ отпустятъ изъ Москвы на родину. — А можетъ статься, одну половину полка отпустятъ и ранѣе, именно, въ концѣ нынѣшняго года, когда полиція обзаведется курьерами и проведетъ часть телеграфныхъ линій.

Уѣзды Московской губерніи останутся въ томъ положеніи, въ какомъ находятся уѣзды и прочихъ губерній Россійской имперіи, т. е. безъ казаковъ. Въ Коломенскомъ, напримѣръ, уѣздѣ находится 8 казаковъ, а рядомъ съ нимъ, въ Зарайскомъ (Рязанской губерніи), нѣтъ ни одного казака. Обходится же зарайскій исправникъ безъ казаковъ.

Итакъ, упраздненіе казачьяго полка въ Москвѣ смѣло можно отнести къ числу реформъ въ высшей степени благодѣтельныхъ, — благодѣтельныхъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Отъ этой реформы останутся въ выигрышѣ, и въ большомъ выигрышѣ, прежде всего московская полиція, потомъ сами казаки, а наконецъ, и правительство.

Выгода полиціи та, что телеграфъ не зайдетъ въ кабакъ, за это смѣло можно поручиться, а курьеръ, какъ человѣкъ, свободно взявшійся за дѣло, не менѣе телеграфа будетъ аккуратенъ; въ противномъ случаѣ, ему тотчасъ же дадутъ „абшидъ“.

Выгода казаковъ почти неисчислима. Укажемъ только на главныя статьи: прежде всего, казаки избавятся нравственной порчи, какой доселѣ подвергались; а потомъ тысячи рукъ обратятся къ производительному труду. Уральскіе же казаки, сверхъ того, избавятся отъ каждогоднаго налога

отъ 25 до 30 тысячъ рублей серебромъ (такъ какъ служба у уральскихъ казаковъ отправляется наймомъ и потому снаряженіе въ Москву полуполка обходится народу отъ 25 до 30 тысячъ рублей въ годъ).

Выгода правительства та, что вмѣсто полутораста тысячъ рублей, расходуемыхъ нынѣ на содержаніе казачьяго полка въ Москвѣ, оно будетъ впослѣдствіи расходовать на телеграфъ и на курьеровъ менѣе, чѣмъ треть этой суммы и что въ случаѣ дѣйствительной надобности, напримѣръ, въ случаѣ войны, походовъ, и т. п., оно можетъ взять отъ уральскаго и оренбургскаго казачьихъ войскъ лишній полкъ казаковъ съ здоровыми и свѣжими людьми и лошадьми.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ заявить, что честь этого прекраснаго дѣла вполнѣ принадлежитъ московскому военному генералъ-губернатору П. А. Тучкову и оберъ-полиціймейстеру А. Л. Поталову, имена которыхъ надолго сохранятся въ благодарной памяти казацкаго народа.

Москва.
20 іюля 1861 года.

Продается во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна за 3 тома 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

въ книжномъ магазинѣ т-ва „Общественная Польза“, Спб., Невскій, 40, кв. 43.

2007041230